

1854

ТЕАТРЪ МУЗЫКА ЖИВОПИСЬ
ЛИТЕРАТУРА

ПАНТЕОНЪ

№ 10.

ОКТАБРЬ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. СД.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ:

I.

ДВѢ РУКОПИСИ. Повѣсть *А. И. Бибиковой*.

СЕСИЛИЯ И АГАТА. Романъ *Альфонса Карра*. Часть вторая

II. *Исторія и теорія искусства*

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. *Гизо*. Статья 2-я.

III.

1. **Оба Оксана**. Путешествіе Жака Араго. *Автора «Воспоминаній Слѣпаго»*. Часть вторая.
2. **Мадридскія письма** *И. К.*
3. **Лондонскія письма**, *В. С.*
4. **Парижскія письма**. *Амбалиарія Бонавентуры*.
5. **Заокеанійскія сцены**. Сцена вторая. *Пепита*.
6. **О послѣднихъ арктическихъ экспедиціяхъ и объ участи сира Джона Франклина**. *П. М. Новосильскаго*.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Теодоръ Кернеръ. — Фарнгагенъ-фонъ Энзе. — Чешскія и русскія простонародныя пѣсни. **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА И ИСКУССТВА** Эдмондъ Кинъ. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Новая золотая розсыпь на мысѣ Доброй Надежды. — Измѣненія въ гуттаперчѣ — Температура внутренности земли. — Изслѣдованіе воздушнаго электричества. — Аппаратъ для искусственнаго дыханія. — Новая римскія древности. **АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ. ПУТЕШЕСТВІЯ:** Замѣчательныя свойства собакъ: — Труды финскаго литературнаго общества. — Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. — Объявленіе о женихѣ. — Англійскій Фаустъ. — Странное ремесло. — Ученые звѣри въ древности. — Возстановленіе печатной и писанной бумаги.

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Послѣднія книги «Современника». — Бѣдная дѣвушка и ея похождение. — Строгая критика и слабая героиня. — Система побѣговъ. — Страсть дѣйствовать. — «Отрочество» повѣсть *Л. Н. Т.* — «Фанфаронъ» г. *Писемскаго*. — Снобсы и хлыщи «Современника». — «Затмѣніе» г. *Тургенева*. — Повѣсть *Теккерея*. — Стихотворенія г. *Фета* и *Баратынскаго*. — Серьезныя

статьи.—Библиографія.—Разборъ «Правиль русской словесности.»—Смѣсь.—Замѣтки Нового поэта.—Кто былъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» г. Панаевъ или Новый поэтъ?—Литературный Ералашъ.—Отвѣтъ на письмо г. Лонгинова въ редакцію «Современника», но относящееся къ редакціи «Пантеона».—«Библиотека для Чтенія». — Современный разсказъ г-жи Лейлы. — Стихотворенія г. Никитина и Алферьева. — Статьи переводныя и ученые. — Разборъ «Курса древоводства». — Критика и библиографія. — Литературная летопись и каша. — «Замѣтки». — Два нововведенія. — Лексиконъ въ журналѣ. — Журналистика «Библиотеки для Чтенія», ея тонъ и приговоры. — Сентябрьская и октябрьская книги «Отечественныхъ Записокъ». — Воспоминанія стараго театрала. — Ученныя статьи. — Бѣдность отдѣла словесности — «Ветеранъ и Новобранецъ» г. Писемскаго. — «Леночка» г. Тулубьева. — Отвѣтъ рецензенту Журналистики «Отечественныхъ Записокъ» на его выговоры «Пантеону». — Риторика и логика.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Дебюты новыхъ артистовъ итальянской оперы: г-жи Тедеско и г. Беттини. — Краткая ихъ біографія. — Прощальные бенефисы артистовъ русской драматической труппы: г-жъ Вальберховой, Степановой, Смирновой. — Сценическая утрата: г. Григорьевъ 2-й — Музыкальная утрата, г. Лихтеналь. — Печальные слухи о Тамбурини. — Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ. — Пятидесятилѣтній юбилей графа Ѳ. П. Толстаго. — Біографія его. — Замѣчательныя произведенія на нынѣшней выставкѣ. — Нѣчто о рѣзбѣ на деревѣ и краткая исторія этого искусства. — Портреты гг. Заряно и Горавскаго. — Дамы-художницы. — Произведенія, присланныя изъ Москвы. — Живописное изображеніе пѣсни «*Вотъ въ воинственномъ азартѣ*». — Русскій художественный листокъ. — Замѣчательный аукціонъ и распродажа рѣдкостей г. Негри. — Дублеты знаменитѣйшихъ брилліантовъ. — Открытіе графита въ Сибири. — Сѣра въ Россіи. — Современное стихотвореніе. — Начало зимнихъ удовольствій. — Музыкальная утра въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ — Маскарады въ Клубѣ нѣмецкаго общества. — Новый русскій кафе-ресторанъ. — Гатчинская желѣзная дорога. — Видимое приближеніе зимы и что такое снѣгъ. — Новѣйшіе дамскіе костюмы.

ПРИЛОЖЕНІЯ: ОТСУТСТВУЮТ

Музыка: 1. МЕЧТЫ, МЕЧТЫ. Слова ПУШКИНА музыка. Г. КУЗМИНСКАГО.

Посвящено З. А. СТРУКОВОЙ.

2. ПОЛЬКА МАЗУРКА. Соч. А. ДЮРАНА.

Портретъ Г. ПЕРРО, балетмейстера Императорскихъ театровъ.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ XVII.

❖ ОКТЯБРЬ. — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 13-го Ноября 1854. года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

ДВѢ РУКОПИСИ.

ПОВѢСТЬ

А. И. Бибиковой.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Года три тому назадъ, въ теплый майскій день я проходилъ Лѣтнимъ садомъ, наслаждаясь отблескомъ солнечныхъ лучей, давно и тщетно ожидаемыхъ петербургскими горожанами. На деревьяхъ щебетали птицы; по окраинамъ аллеи кое-гдѣ начинала пробиваться травка самой яркой зелени. Я остановился за рѣшеткою сада, со стороны Цѣпнаго моста. Въ воздухѣ разливалась весенняя нѣга; все приглашало душу къ принятію сладкихъ впечатлѣній, и одно изъ нихъ, для насъ, мужчинъ, самое пріятное—видъ красивой женщины, уже начало останавливать мое вниманіе. Хотя я не могъ разглядѣть лица ея, наклоненнаго къ землѣ и прикрытаго маленькою вуалью, но при настроеніи моего духа, всякая женщина показалась бы мнѣ красавицей. Незнакомка подходила ко мнѣ наклонившись, какъ будто чего-то искала на тротуарѣ, на которомъ я стоялъ въ нѣмомъ созерцаніи. Я рѣшился заговорить съ нею.

— Вы вѣрно что нибудь обронили, сударыня? сказалъ я. Отвѣта не было. Дама шла по направленію къ мосту, продолжая что-то искать.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ въ вашихъ поискахъ, продолжалъ я, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Благодарю покорно, я поищу и одна, безъ вашей помощи, сказала она такимъ тономъ, что при другомъ настроеніи моихъ чувствъ я оставилъ бы ее въ покоѣ, чтобъ не терять времени по пустому... а тутъ птицы такъ и заливаются...

— Однако, сказалъ я, не отставая отъ дамы ни на шагъ, вдвоемъ съ вами мы скорѣе бы нашли; и я сдѣлалъ нарочно удареніе на «съ вами.»

Дама мгновенно остановилась и посмотрѣла мнѣ смѣло въ глаза съ вопросительнымъ взглядомъ, ясно выразившимъ: «отвяжетесь ли вы отъ меня?» Я не хотѣлъ поминать этого взгляда и, помолчавъ немного, снова продолжалъ разговоръ, между тѣмъ, какъ дама уже ступила на мостъ.

— Что вы потеряли, сударыня? скажите мнѣ, пожалуйста, почему не угодно вамъ принять отъ меня услуги?

— Потому что *мнѣ угодно* обойтись безъ нея; и дама сдѣлала удареніе на слова «мнѣ угодно.» Она перешла мостъ и пошла прямо, все продолжая глядѣть себѣ подъ ноги очень пристально. Я было отсталъ отъ нее, но снова нагнавъ, заговорилъ:

— Напрасно вы отвергаете мою помощь... Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ незнакомка остановилась и снова бросила на меня взглядъ полный негодованія, который передать словами невозможно! Она помолчала немного, какъ будто собираясь съ мыслями, чтобъ поразить меня сильнѣе, и надо признаться, это ей удалось вполнѣ.

— Неужели вы думаете, сказала она съ самой злой проницей и протяжно, какъ говорить Рашель: неужели вы думаете, что при вашей физиономіи васъ уже и отвергнуть нельзя?.. Купите себѣ зеркало! прибавила она быстро и направилась въ Моховую.

У меня опустились руки; я не на шутку разсердился и стоялъ на углу тротуара, какъ будто пораженный громомъ. Мало по малу я сталъ размышлять о своемъ приключеніи: «Ужъ какъ будто я такъ дурень, что меня, хотя иносказательно, но все таки могутъ называть уродомъ?.. Кто же далъ право этой барынѣ такъ рѣзко высказаться?» спрашивалъ я самъ себя, забывъ свою привязчивость и поводъ даннаго мнѣ урока. Самолюбіе мое напомнило мнѣ, что бѣдная дама, вѣроятно, была сильно огорчена своею потерей. Къ этому обстоятельству я отнесъ ее неблаговоленіе ко

мнѣ и побрѣлъ назадъ тихимъ шагомъ, все болѣе и болѣе думая о своемъ приключеніи и вспоминая малѣйшія его подробности. Дама имѣла правильныя черты лица, бойкій и смѣлый взглядъ, и вообще произвела на меня одно изъ тѣхъ впечатлѣній, въ которыхъ сердце рѣдко даетъ себѣ отчетъ въ первое мгновеніе. Какъ жаль, что я встрѣтился съ нею въ такую непріятную минуту ея жизни. Кто не знаетъ, что потерять что-бы-то ни было, вообще очень непріятно, а можетъ быть, она потеряла цѣнную вещь, а что еще того хуже, чужую вещь? Это уже мучительно! И мало по малу, мое воображеніе начало меня мирить съ незнакомкою и съ ея фразою: «купите себѣ зеркало!» то есть, другими словами: извольте лично убѣдиться, что съ вашей физиономіей, и проч...

Вдругъ, посреди подобныхъ размышленій, два мальчика выбѣжали изъ мелочной лавки, и, борясь между собою, чуть не сбили меня съ ногъ. Одинъ изъ нихъ держалъ подъ мышкой большую исписанную тетрадь in folio, а другою рукою отнималъ такую же у своего товарища.

— Эй, Гаврюшка, отдай! кричалъ одинъ изъ борющихся.

— Анъ не дамъ, не дамъ, чучело ты этакое! вишь озарникъ какой, мало тебѣ одной тетрадки, такъ нѣтъ, подай обѣ.

— Да вѣдь я ихъ нашелъ, а не ты, образина ты этакая.

И бойцы продолжали бороться. Слово «нашелъ» навело меня на мысль о потерѣ моей незнакомки.

— Что вы нашли тутъ, пострелята? закричалъ я грозно дерущимся.

— Да вотъ что, сказалъ, не выпуская изъ рукъ тетради, тотъ, котораго называли Гаврюшкой. Я увидѣлъ какой-то свертокъ и говорю Кирюшкѣ: смотри-ко, эвоно что на улицу-то съ панели покатилося, а Кирюшка и бросился со всѣхъ ногъ да и поднялъ мою находку. Онъ было не отдавать мнѣ, да ужъ идучи вмѣстѣ, мы порѣшили дѣлать находку пополамъ, а какъ развернули обвертку-то, такъ и увидѣли въ ней какія-то двѣ написанныя тетради.

— Тагъ ты и сказалъ, подхватилъ Кирюшка «эка дрянь, я думалъ, что это что нибудь хорошее,» вотъ я ихъ и взялъ себѣ, да нелегкая дернула меня проболтаться, что я продамъ ихъ въ табачную, хошь не за деньги, такъ за маковники да леденцы; Гаврюшка и сталъ отнимать ихъ у меня, а прежде было отказался.

— Да и отниму таки, сказалъ Гаврюшка и потянулъ снова тетрадь къ себѣ.

Борьба на минуту прерванная, снова началась еще съ большимъ ожесточеніемъ. «Что, если эти тетради принадлежатъ моей незнакомкѣ,» подумалъ я и рѣшился овладѣть ими, во что бы то ни стало. Но вдругъ драка мальчишекъ дошла до высшаго пароксизма. Кирюшка хватилъ Гаврюшку такъ мѣтко въ глазъ, что тотъ отшатнувшись, рванулъ тетрадь, нѣсколько листовъ остались у него въ рукахъ и онъ съ ними бросился бѣжать изъ всѣхъ силъ. Кирюшка хотѣлъ было броситься за нимъ въ догонку, однако я твердою рукою удержалъ его, между тѣмъ, какъ Гаврюшка въ одно мгновеніе скрылся изъ виду.

— Я куплю у тебя твою находку, сказалъ я ему.

— Изволь, баринъ, мнѣ все равно, кому ни продать, да вишь ты, баринъ, эвто рыло, Гаврюшка, отхватилъ маленько.

— Ну, что дѣлать, давай ихъ мнѣ въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, да нельзя ли отнять и выхваченные листки у Гаврюшки?

— Ну, нѣтъ, баринъ, на это дѣло теперъ ужъ не гораздъ; это такой озарникъ, что съ нимъ не совладаешь, онъ скорѣе въ воду бросить, чѣмъ отдасть; да его же теперъ и съ собаками не отыщешь.

— А ты не знаешь, гдѣ онъ живетъ? спросилъ я, перебирая тетрадь и расправляя помятые и скомканные листы.

— Нѣтъ, барицъ, не знаю; онъ приходитъ по праздникамъ къ лоткамъ съ орѣхами да яблоками, балуется на мосту, какъ экипажи проѣздомъ мостъ колышатъ, качается на перилахъ да поплевываетъ въ воду. Видать-то я его здѣсь видывалъ не разъ, а знать гдѣ живетъ, воръ онъ этакой, не знаю.

— Ну, вотъ что, Кирюшка, коли ты его завидишь, то вымани у него оторванные листы, даже заплати ему, если нужно, я отдамъ тебѣ вдвое, втрое, чего они тебѣ стоить будутъ.

— Хорошо, баринъ, попробую, да наврядъ ли удастся: онъ ихъ, пожалуй, сгубить тотчасъ же, вѣдь мазура такой!

— Ну, можетъ быть и не сгубить. Да гдѣ же я тебя увижу, когда мнѣ вздумается навѣдаться?

— А вотъ въ эвтой лавкѣ, баринъ, тутъ меня спрошайте, я въ ней нанимаюсь въ подмогу прикацику Василью. Такъ и спросите Кирюшку.

Я заплатилъ Кирюшкѣ рубль серебромъ за обѣ найденныя имъ

тетради; онъ чуть не повалился мнѣ въ ноги отъ радости, и я направилъ шаги свои въ Лѣтній садъ, и на первой попавшейся мнѣ скамейкѣ, сталъ разсматривать мое пріобрѣтеніе. Обѣ тетради были писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Не знаю почему, этотъ размашистый, смѣлый, болѣе мужской, чѣмъ женскій почеркъ я примѣнялъ къ смѣлому, бойкому взгляду моей незнакомки и находилъ въ нихъ какое-то тождество. Мнѣ не разъ случалось по почерку незнакомаго мнѣ челоуѣка составлять себѣ идею о его свойствахъ, и не помню, чтобъ примѣненія мои не оправдывались при дальнѣйшей повѣркѣ. Уже по одному почерку я почти увѣренъ былъ, что эти тетради исписала ручка моей незнакомки!.. Тетради были очень толсты и составляли двѣ совершенно отдѣльныя рукописи. Каждая изъ нихъ была сшита краснымъ шелкомъ, и на оберткѣ каждой написанъ былъ номеръ крупными буквами. Я бережно завернулъ свою находку въ носовой платокъ и принесъ ее домой. Чтеніе этихъ двухъ рукописей доставило мнѣ большое удовольствіе. Но точно ли онѣ принадлежали моей незнакомкѣ, мнѣ этого никто не могъ сказать положительно. Были ли сюжетъ этихъ рукописей вымыселъ, или настоящая исторія, я предоставляю читателю рѣшить самому. Я представляю рукописи, не измѣнивъ ихъ ни въ единомъ словѣ. Вырванныхъ листовъ разбойникомъ Гавріюшкой недоставало только въ рукописи подъ номеромъ 2; рукопись номеръ 1-й была совершенно цѣла. Много ли было вырванныхъ листовъ, неизвѣстно; листы разорванной тетради были не нумерованы.

Долгое время я постоянно, въ извѣстный часъ, гулялъ по мѣсту, гдѣ встрѣтился съ незнакомкой, чтобъ спросить, не ей ли принадлежатъ найденныя рукописи, но не встрѣтилъ ее ни разу болѣе. Я посѣщалъ всѣ публичныя гулянья, бывалъ въ особенности часто въ театрахъ, такъ какъ я изъ рукописи подъ № 2-мъ узналъ, что писавшая ее, любила страстно зрѣлища. Вскорѣ послѣ своей находки я не упустилъ изъ виду сдѣлать объявленіе въ вѣдомостяхъ, что нашелъ двѣ рукописи, завернутыя въ бумагу, у Лѣтняго сада, и назначалъ явиться за ними въ извѣстную кандидерскую, гдѣ было мною сдѣлано по сему предмету надлежащее распоряженіе, но все было напрасно. Тяготясь моимъ пріобрѣтеніемъ, я рѣшилъ наконецъ подѣлиться его содержаніемъ съ читателями. Удерживаюсь отъ всякаго критическаго разбора моихъ рукописей. Я могу быть въ этомъ дѣлѣ пристрастенъ. Образъ незнакомки еще такъ живо рисуется предъ моими глазами, и те-

перь, какъ тогда, я чувствую къ ней какое-то непреодолимое влеченіе, или симпатію—родъ недуга, какъ говоритъ Репетиловъ. Еслибъ необходимо было дать какое нибудь названіе представляемому мною рукописямъ, я назвалъ бы ихъ: «**БРАКИ ПО РАСЧЕТУ**», романъ *нравоописательный*.

Я забылъ сказать, что хотя у меня и были зеркала, но по совѣту незнакомки, я купилъ еще одно, которое бѣситъ меня чрезвычайно, оно дѣлаетъ меня гораздо менѣе дурнымъ, чѣмъ я ей показался. Вотъ вся польза, которую я приобрѣлъ отъ совѣта незнакомки.

РУКОПИСЬ № 1.

I.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ Арсеній, что вы ужъ тамъ ни говорите, а я поставлю на своемъ! Я васъ очень, очень уважаю, а ужъ въ этомъ случаѣ, вы меня извините. Замучили моего Петю науками, свели его въ гробъ, такъ ужъ Костю моего я сберегу, и не отдамъ никому.

— Но, сударыня, Анна Львовна, подумайте: мы живемъ въ такое время, когда неучемъ быть стыдно, особенно въ вашемъ званіи.

— Да, потому что я бригадирша, что у меня чистыхъ, не заложенныхъ пятьдесятъ девять душъ, я и хочу, чтобъ единственнаго моего сына, Константина, не мучили всяческими премудростями. Слава Богу! онъ не такъ бѣденъ, чтобъ ему безъ наукъ и головы преклонить было некуда; да и званіе не шуточное: сынъ бригадирши Перской!.. Оно не совсѣмъ-то просто, сынъ бригадирши! Вотъ что-съ!

Анна Львовна имѣла привычку произносить чинъ свой медленно, протяжно, съ удареніемъ на буквы р, съ величіемъ и самодовольствомъ во взоръ, въ голосъ и въ движеніи головы.

Отецъ Арсеній снова началъ защищать пользу наукъ противъ зла невѣжества, взглядывая по-временамъ съ какимъ-то состраданіемъ на тринадцатилѣтняго бѣлокураго мальчика съ голубыми, большими глазами и съ чертами рано развитаго, мужественнаго лица.

Мальчикъ сидѣлъ поодаль отъ матери, очень тучной шестидесятилѣтней женщины, потѣвшей за разлитіемъ вечерняго чая,

которымъ она угощала своего сельскаго священника. Это было въ 1774 г., во время царствованія Екатерины II. Отець Арсеній обучалъ сыновей Анны Львовны, по словамъ которой, старшій, Петя, умеръ ни отчего болѣе, какъ отъ наукъ.

— Да-съ, батюшка, отецъ Арсеній, извольте-ко припомнить, снова начала Анна Львовна: Петя сталъ учиться десяти лѣтъ. Эй, рано! говорила я вамъ, а вы мнѣ все одно въ отвѣтъ: «Какое рано, сударыня, Анна Львовна.» А вотъ и вышло по-моему. Заучился, зачахъ, и Богу душу отдалъ. И Анна Львовна заплакала непритворными, горячими слезами.

— Не плачьте, Анна Львовна, Господь Богъ любитъ смиреніе и безропотную покорность Его святой волѣ, Его непостижимымъ опредѣленіямъ. Вашъ сынокъ, Петя, четыре года уже учился у меня, и все здоровъ былъ... но къ несчастію простуда...

— То-то простуда, не зналъ бы онъ простуды, ка-бы бѣгаль на волѣ по полямъ да лугамъ...

— Да развѣ крестьянскіе ребяташки, не смотря на свои права бѣгать по полямъ, не умираютъ? возразилъ кротко отецъ Арсеній.

— Оно конечно такъ, а все же жаль бѣднаго Петю, и при этихъ словахъ Анна Львовна глубоко вздохнула, и утерши глаза платкомъ, положила его въ карманъ вмѣстѣ съ табакеркой.

— Оно безспорно жаль, продолжалъ священникъ, но неблаго-разумно губить будущность Кости изъ-за того, что вамъ жаль Петю. По-моему мнѣнію, Анна Львовна, ужъ коли выбирать, такъ лучше будь сынъ въ могилѣ, чѣмъ въ живыхъ да дуракомъ и невѣждой.

— Опять вы за свое, отецъ Арсеній, сказала съ твердостью Анна Львовна, да ужъ теперь не быть по вашему, а будетъ по-моему. Костя знаетъ грамотъ, священную исторію и молитвы, а по счетной части, по математикѣ, что ли, по вашему, онъ уже всѣ счеты прошелъ, ну, такъ и будетъ съ него! Заживемъ мы съ нимъ у себя въ Ванинѣ на славу; будетъ онъ любить старуху мать свою и ухаживать за нею... Не такъ ли, Костя?

Костя не отвѣчалъ, но что-то похожее на слезу блеснуло на его свѣтлыхъ глазахъ, озаренныхъ раннею смѣтливостью.

— Костя молчитъ, Анна Львовна, видите ли вы! сказалъ отецъ Арсеній съ торжествующимъ видомъ.

— Да, перебила Анна Львовна, я вижу въ Костѣ большую перемѣну, отецъ Арсеній: онъ сталъ такой невеселый, пасмурный,

задумчивый. Не знаете ли, батюшка, что съ нимъ приключилось? Костя, дружечикъ ты мой, отчего ты сталъ такой неразговорчивый?

— Такъ, матушка, сказалъ печально Костя, бросившись цѣловать протянутую къ нему руку матери.

— Ты у меня такой добрый, сказала Анна Львовна, глядя сына по головѣ; коли такъ, то и скучать нечего, мать огорчать не должно. Выпей-ка еще стаканчикъ чайку, отецъ Арсеній, да ужъ, пожалуйста, и говорить перестанемъ все объ одномъ и томъ же.

— Нѣтъ, сударыня, Анна Львовна, возразилъ священникъ, зачѣмъ же переставать говорить, напротивъ, я считаю долгомъ сказать вамъ, что у Кости вашего способности къ наукамъ отличныя, особенно къ наукамъ математическимъ; что съ этими способностями онъ можетъ пойти далеко, тѣмъ болѣе, что братецъ вашъ, Аполинарій Львовичъ, какъ я неразъ слыхалъ отъ васъ самихъ, начальникъ одного изъ корпусовъ въ Петербургѣ, и что вашему сыну былъ бы у него пріютъ и воспитаніе...

— Что-ты, что-ты, батюшка, отецъ Арсеній! Я, я Анна Львовна Перская, буду чѣмъ нибудь одолжаться у брата Аполинарія? Этому не бывать! Вы развѣ забыли, что проѣзжая по нашей губерніи, онъ не вспомнилъ навѣстить вдову сестру, старшую сестру свою! Что же онъ такое самъ, смѣю спросить?

— Онъ важный сановникъ, всѣми уважаемый, исполняющій рачительно и благонадежно должность, возложенную на него нашею матушкою царицею.

— Важный сановникъ! сказала Анна Львовна гордо, я сама бригадир-ша... Чѣмъ онъ вздумалъ гордиться, и предъ кѣмъ же? предъ старшею сестрою? Чтожъ? и я поѣду когда нибудь въ Петербургъ, и докажу моему братцу, что онъ во всемъ обязанъ имѣть аттенцію къ старшей сестрѣ своей!..

— Да онъ вѣрно и имѣетъ ее къ вашей особѣ въ достаточной степени, ужъ потому одному, что васъ здѣсь, въ губерніи, всѣ знаютъ и уважаютъ.

— Имѣетъ ко мнѣ аттенцію, а не заглянулъ въ Ванино.

— Вѣрно Аполинарій Львовичъ занятъ былъ дѣлами службы.

— Нѣтъ, батюшка, не говори, у него вылетѣло изъ головы, что тутъ не вдалекѣ живетъ вдова бѣдная... Зазнался больно!

— Ну, если даже и предположить, что забылъ, это еще не доказываетъ...

— Какъ не доказываетъ, прервала съ запальчивостью Анна

Львовна. Да что же оно доказывает? не то ли, что меня забыли, ась? Если онъ меня забылъ, такъ и я его помнить не хочу и обойдусь безъ его покровительства.

Голосъ Анны Львовны звучалъ, глаза блестяи негодованіемъ.

Отецъ Арсеній рассудилъ замолчать и переѣннивъ искусно разговоръ, долго еще бесѣдовалъ съ Анной Львовной, которая, хотя и возставала противъ усиленныхъ наукъ для своего Кости, но была очень здравомыслящая и умная барыня. Горесть о потерѣ первенца сына заставляла ее говорить противъ ученія, но въ душѣ она сознавала всю пользу, отъ него проистекающую. Станованія объ умершемъ сынѣ были еще слишкомъ живы въ душѣ ея; надо было предоставить времени образумить старушку на счетъ будущности Кости. Но время, этотъ гравильщикъ сердца человѣческаго, медленно совершаетъ свою работу надъ твердыми сердцами, а Кость уже четырнадцатый годъ; онъ смысленъ не по лѣтамъ; способностямъ его нѣтъ простора развернуться. Книгъ и руководствъ въ селѣ Ванинѣ почти нѣтъ никакихъ. Въ описываемое нами время они были рѣдкостью даже въ богатыхъ домахъ зажиточныхъ помѣщиковъ.

Приведенный нами разговоръ былъ подслушанъ къ концу осени. Холодные утренники напоминали о приближеніи суровой поры. Наступилъ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ ближнемъ селѣ у одного изъ сосѣдей бригадирши былъ храмовый праздникъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, и особенно послѣ потери сына, Анна Львовна не выѣзжала изъ своего села. Бригадирша страдала одышкою, признакомъ начала водяной болѣзни, которая развивалась мало по малу.

Бригадирша позволила Костѣ отправиться одному на праздникъ къ сосѣду, и положено было, что дядька Кости, Карпъ, отвезетъ его въ Покровское. Костя просилъ позволенія пробыть тамъ трое или четверо сутокъ. Дядька же Карпъ долженъ былъ возвратиться одинъ домой, а по истеченіи этого срока, снова ѣхать за барченкомъ въ дорожной колымагѣ.

II.

День былъ пасмурный и холодный. Мелкій дождь не переставалъ моросить и пробивалъ до костей, не смотря ни на какую одежду. Окольными дорогами, избѣгая большой столбовой, блонкурый мальчикъ пробирался по грязной, смоченной землѣ, при-

липавшей къ ногамъ его и еще больше затруднявшей его ходьбу. Мальчикъ былъ въ довольно легкой курточкѣ и въ картузѣ; онъ дрожалъ отъ холода и усталости. Силы его изнемогали. Онъ едва могъ дотащиться до большой рѣки, которая преграждая ему путь, катила предъ нимъ холодныя и мутныя свои волны. За рѣкою виднѣлось нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ. Къ нимъ-то, уже давно завидя ихъ издали, направилъ свой путь проголодавшійся и продрогшій мальчикъ. Подойдя къ берегу рѣки, онъ окинулъ ее взглядомъ: по ней не видно было никакого признака перехода или моста. Не думая долго, мальчикъ раздѣлся, связалъ въ узелъ свою одежду, прикрѣпилъ ее себѣ на голову, и взошелъ въ холодную воду, отъ которой посинѣло все тѣло его. Три дня пути, въ которые онъ поддерживалъ себя скудною пищею, взятою имъ въ карманы предъ отправленіемъ въ дорогу, истощили его силы. Но и этой пищи уже не было въ карманахъ его болѣе восьми часовъ. Не смотря на это, хотя и съ усиліемъ, онъ переплылъ рѣку благополучно, поспѣшно одѣлся и собравъ послѣднія силы, бѣгомъ пустился по направленію къ мельницамъ, сколько для того, чтобъ согрѣться, какъ и подстрекаемый надеждою найти хоть у сострадательныхъ крестьянъ то, чѣмъ бы могъ подкрѣпить свой истощенный желудокъ. Неподалеку отъ первой мельницы начиналась длинная цѣпь строеній кирпичныхъ и деревянныхъ. Мальчикъ понялъ, что онъ достигъ одной изъ сторонъ какого-то города. За угломъ мельницы стоялъ на складномъ столѣ лотокъ съ сайками и калачами. Видъ съѣстныхъ припасовъ возбудилъ въ бѣдномъ мальчикѣ еще въ сильнѣйшей степени тягостное ощущеніе голода. У лотка не было никого; мальчикъ сотворилъ крестное знаменіе, схватилъ сайку и бросился съ нею бѣжать. Едва онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, едва успѣлъ запустить съ жадностью бѣлые зубы свои въ мягкую сайку, какъ чья-то рука потянула его сзади за вихорь.

— Ахъ ты воришка этакой! кричалъ краснощекаій парень въ синемъ длиннополомъ сюртукѣ; вотъ я-те отучу отъ воровства!

— Я очень голоденъ, завопилъ мальчикъ, я дворянскій сынъ, не бей меня.

При этомъ словѣ, рука дюжого лавочнаго прикащика опустилась мгновенно.

— Вотъ что! сказалъ онъ протяжно; ну, кушай на здоровье; да откуда же ты? глядь-ко, на тебѣ нитки сухой нѣтъ.

Въ это время къ разговаривающимъ подходилъ другой человекъ, почти также одѣтый, какъ и первый парень.

— Что тутъ такое? спросилъ вновь прибывшій.

— Да вотъ, какой-то дворянчикъ, говорить, что давно не ѣлъ, а не на что купить хлѣбца, такъ я и далъ ему сайку. Ты неразсрдчаешь за то на меня, Онисимъ Григорьичъ?

— За что сердчать, Фаддей, доброе дѣло ты сдѣлалъ. А ты, господинъ мальчикъ, зайди-кась ко мнѣ въ лавочку да расскажи намъ какъ это приключилось, что ты давно не ѣвши.

И взявъ мальчика ласково за руку, онъ повелъ его черезъ лавку въ теплую комнату.

— Вотъ садись тутотко на лежанкѣ, а покуда будетъ на тебѣ сохнуть платье, разскажи намъ, что съ тобою приключилось.

— Я вамъ все скажу безъ утайки, но дайте мнѣ слово, что не станете меня останавливать итти туда, куда мнѣ надобно.

— А мнѣ какое дѣло до твоего пути, сказалъ добродушно Онисимъ Григорьичъ. Мѣшать тебѣ не буду, ступай себѣ хоть на край свѣта.

— Видите, въ чемъ дѣло: матушка моя недавно похоронила старшаго моего брата, Петю, и говорить, что онъ умеръ отъ ученья, а потому рѣшилась держать меня въ селѣ Ванинѣ и ничему болѣе не обучать.

— Село Ванино, слыхалъ! сказалъ Онисимъ Григорьичъ; оно принадлежитъ вдовѣ бригадиршѣ, фамиліи не припомню.

— Аннѣ Львовнѣ Перской...

— Такъ, таки-такъ! прервалъ купецъ, теперь я вспомнилъ. Ну-съ, батюшка, такъ что-жь?

— Ну, я и ушелъ тихонько изъ дому и пробираюсь въ Питеръ, учиться и служить царицѣ нашей.

— Доброе дѣло ты задумалъ, голубчикъ ты мой; но какъ же ты въ нашъ городокъ-то попалъ? Отъ села Ванина онъ тебѣ не лежалъ по дорогѣ къ Питеру, ты далъ большаго крюку.

— Мнѣ некого было распросить, я никому не сказалъ о своемъ намѣреніи и только помышлялъ объ одномъ, какъ бы подальше отойти отъ Ванина, чтобъ меня не нагнали.

— Вотъ оно что! сказалъ Онисимъ Григорьичъ, поглаживая свою густую бороду. А какъ же ты думаешь прожить-то въ Питерѣ до той поры, пока опредѣлишься въ какое ни на есть училище?

— Родной братъ моей матушки, а мой дядя, начальникомъ надъ мальчиками въ Петербургъ.

— Ну, вотъ это ладно! сказалъ немного подумавъ Онисимъ Григорьичъ. А знаешь-ли что, господинъ мальчикъ, тебя не худо бы подвести къ Питеру, а то ты съ голоду и холоду пропадешь, странствуя наугадъ въ такой легкой одеждъ. Хошь, я тебя отправлю вонъ съ этимъ долговязымъ парнемъ, что прислужился тебѣ сайкою. Я его кстати посылаю по моимъ дѣлишкамъ въ Петербургъ, такъ онъ тебя туда и довезетъ, да и дорогою прокормить.

Костя, котораго уже давно узналъ читатель, бросился цѣловать добраго кушца и не могъ выговорить ни слова отъ радости.

— Ну, ну, добро, сказалъ Онисимъ Григорьичъ, уклоняясь отъ благодарности Кости.

Костя обнялъ и долговязаго прикащика Фаддея, вспомнилъ, какъ онъ великодушно скрылъ отъ хозяина его почти невольное посягательство на сайку, внушенное ему злымъ совѣтникомъ—голодомъ.

На другой день, парная кибитка, запряженная двумя здоровыми купеческими лошадьми, повезла Фаддея и Костю въ Петербургъ.

III.

У вѣзда въ столицу, Костя вылезъ изъ кибитки и поблагодарилъ Фаддея за оказанную ему услугу. Фаддей предлагалъ Костѣ подвести его къ самому дому дяди, но Костя отвергъ его предложеніе, увѣривъ, что дядя живетъ недалеко отъ вѣзда въ городъ. Фаддей не сталъ настаивать, сообразивъ, что можетъ мальчику не хочется явиться въ простой кибиткѣ у крыльца вельможи. Онъ распростился съ Костей дружески. Костя съ своей стороны думалъ, что ему не трудно будетъ найти дядю, хотя онъ и не признался Фаддею, что совсѣмъ не зналъ, гдѣ дядя живетъ.

Когда Фаддей скрылся изъ виду, Костя принялся спрашивать проходящихъ, гдѣ живетъ дядюшка его Аполинарій Львовичъ. Долго шелъ Костя по городу, и на всѣ разспросы свои получалъ въ отвѣтъ отрывистое «не знаю». Всѣ бѣжали по своимъ нуждамъ, никому не было дѣла до маленькаго героя. Наконецъ, одинъ изъ проходящихъ, менѣе ли другихъ занятый, или

словоохотнѣ прочихъ, на вопросъ Кости вступилъ съ нимъ въ разговоръ:

— А какъ твоего дядю зовутъ по фамиліи?

— По фамиліи? спросилъ Костя и задумался: онъ никогда не слыхалъ фамиліи дяди, и нелюбопытствовалъ знать о томъ. Прохожій понялъ затрудненіе мальчика и продолжалъ:

— Да твой дядюшка братъ отца твоего или матери?

— Братъ матушки.

— Ну, это плохо!

— Отчего же плохо? спросилъ оторопѣвшій Костя.

— А оттого плохо, что труднѣе будетъ розыскать кто твой дядя. Какъ твоя фамилія?

— Перскій.

— Ну, видишь ли, братъ твоей матушки уже не Перскій. Твоя матушка по мужу Перская; а не помнишь ли, какъ она прозывалась по отцу своему?

— Не помню, сказалъ печально Костя. Ему казалось, что онъ не разъ слыхивалъ, какъ звали его дѣда по фамиліи, но это прозваніе совершенно вышло у него изъ памяти.

— Какъ же намъ быть, сказалъ ласково господинъ, выслушавшій Костю терпѣливо и снисходительно. Пойдемъ со мною рядомъ и поговоримъ еще. А какъ имя твоего дяди?

— Аполинарій Львовичъ.

— Не знаешь ли ты объ немъ чего нибудь, по чему бы можно было узнать его?

— Онъ начальникъ надъ мальчиками въ Петербургъ, такъ я не разъ слыхалъ отъ матушки и нашего священника.

— А! значитъ онъ начальникъ надъ корпусомъ или надъ другимъ учебнымъ заведеніемъ.

Прохожій господинъ и Костя вышли въ это время на берегъ Невы.

— Вотъ, мой другъ, перейди мостъ, и вонъ, за рѣкой, въ этомъ большомъ строеніи, выкрашенномъ зеленоватою краскою, ты получишь свѣдѣнія о твоёмъ дядѣ.

Костя поблагодарилъ господина, быстро перебѣжалъ длинный деревянный мостъ и подошелъ къ крыльцу указанного дома. На крыльцѣ стоялъ сторожъ.

— Что это за домъ? спросилъ его Костя.

— Шляхетный корпусъ.

— Кто начальникъ?

— Аполинарій Львовичъ.

— Ну, такъ и есть. Не знаешь ли, гдѣ онъ живетъ?

— Какъ не знать, сказалъ сторожъ, онъ живетъ недалече отсюда, вонъ все по этому проспекту, вонъ крыльцо подь балкономъ, видишь?

— Вижу, спасибо, спасибо, любезный! И Костя почти бѣгомъ пустился къ указанному крыльцу. Двери на улицу были открыты. Передъ Костей разстилалась богатая парадная лѣстница. Онъ взошелъ на нее и взялся за ручку замка первой попавшейся ему на глаза двери. Дверь подалась. Костя вошелъ въ небольшую комнату, вѣроятно прихожую; въ ней не было никого изъ людей, за то было въ ней трое дверей, не считая той, въ которую вошелъ Костя. Онъ отворилъ одну изъ нихъ и оробѣлъ: предъ нимъ тянулась длинная анфилада пустыхъ покоевъ. Онъ быстро притворилъ дверь и подошелъ къ другой. За нею послышался сухой кашель. Костя рѣшился отворить и вторую дверь, и еще пуще оробѣлъ. Какой-то съдѣнкій старичекъ въ халатъ сидѣлъ противъ большаго зеркала, спиною къ двери и брился. Зеркало отражало намыленное лицо старика; цвѣтъ бѣлага подбородка сливался съ такими же бѣлыми волосами. Костя ни разу въ жизни не видалъ такого зрѣлища. Онъ въ страхъ притворилъ дверь, но собравшись съ духомъ, снова погода отворилъ ее немного.

— Кто тамъ? закричалъ громкимъ и твердымъ голосомъ брившійся.

Костя снова такъ поспѣшно прихлопнулъ дверь, что чуть не прицѣмилъ своего носа. Сердце его сильно билось. Однако онъ въ третій разъ отворилъ дверь. Старикъ еще громче и сердитѣе закричалъ, глядя черезъ зеркало:

— Эй, носъ! чей тамъ носъ?

Костя рѣшился перешагнуть черезъ порогъ, и войдя тихонько притворилъ за собою дверь.

— Ну, что тамъ тебѣ? спросилъ брившійся, не поварачивая головы.

— Я-съ... мнѣ-съ...

— Подойди сюда ближе, да говори толкомъ, что ты тамъ мямлишь, точно кашу ѣшь.

— Я ищущу-съ дядюшку, Аполинарія Львовича, сказалъ Костя твердо и внятно, собравъ растерянные свои силы.

Старикъ быстро повернулся всѣмъ тѣломъ на стулѣ и окинулъ взглядомъ Костю.

— Что-о? Какого тебѣ дядю? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Дядюшку Аполинарія Львовича, брата моей матушки Анны Львовны.

— Какъ? ты сынъ бригадирши Перской?

— Точно такъ-съ.

— Потапка, Потапка! иди сюда скорѣе, закричалъ старикъ, вставая и кладя полотенце съ коленъ на столъ. Въмѣстѣ съ этими возгласами, старикъ поставилъ Костю рядомъ съ собою передъ зеркаломъ, и смотря то на него, то на себя, повторялъ: Такъ, такъ! Потапка! да чтоже ты тамъ найдешь? Похожъ, дѣйствительно похожъ! и на меня смахиваетъ! Потапка, да кой чортъ! гдѣ онъ запропастился?

Потапка такой же съдѣнькій, какъ и баринъ его, но далеко не такой бодрый и живой, показался наконецъ изъ-за дверей и шелъ тихими шагами, не прибавляя скорости, не смотря на нетерпѣніе, съ какимъ кликалъ его баринъ.

— Ну, что вы тамъ, батюшка, такъ раскричались? сказалъ старикъ Потапъ, прикладывая руку къ глазамъ, чтобъ лучше рассмотретьъ, что дѣлалось противъ свѣта. Старику, какъ видно, не въ новость была нетерпѣливость его барина.

— Посмотри-ка, старина, да посмотри хорошенько на этого мальчугана: какъ думаешь, кто онъ таковъ?

— Да не знаю, батюшка ты мой, не видывалъ отродясь.

— Да смотри же, Потапка; ну, чтожъ, не видывалъ? Старикъ Потапъ сталъ вертѣть Костю то бокомъ, то лицомъ къ окну.

— Лицомъ-то онъ маленько смахиваетъ...

— На кого, на кого же, Потапушка?

— Да фу ты пропасть! ужъ не твой ли это сынишко, батюшка ты мой, Аполинарій Львовичъ?

Старикъ захохоталъ отъ всей души и такъ громко, что стекла оконъ задребезжали. Аполинарій Львовичъ былъ вдовъ съ двадцатипятилѣтняго возраста. Покойная жена его, скончавшаяся въ первый же годъ замужства, не оставила ему наследника.

— Нѣтъ, Потапушка, мальчуганъ не мой сынъ, а сынъ сестры, Анны Львовны, крестникъ мой, Петя.

— Нѣтъ, дядюшка, Петя уже годъ какъ умеръ, а я Костя.

— Петя умеръ! Ахъ, бѣдный Петя! а я не зналъ, что онъ покинулъ свѣтъ; сестра не разсудила и оповѣстить меня объ еѣ

смерти. Ну, Костя, гдѣ же твоя мать? гдѣ остановилась и зачѣмъ прямо ко мнѣ не пріѣхала?

— Я одинъ въ Петербургъ.

— Ну, оно и видно, что одинъ, сказалъ Аполинарій Львовичъ, осматривая внимательно племянника: видно, что нѣкому было приглядѣть за твоею одеждою, да и попричесать тебя маленько. Что ты это, Костя, и носомъ поминутно фыркаешь, видно платка нѣтъ?

— Въ дорогъ потерялъ.

— А другаго чѣмоданъ не нашлось?

— Я ушелъ тихонько изъ дому, въ чемъ былъ.

— Какъ такъ? какъ ушелъ?

Костя собрался было рассказать свои похождения, но дядя, взглянувъ на часы, перебилъ его.

— Послѣ расскажешь. Ахъ, Господи! мнѣ ужъ пора быть у матушки-царицы, а я еще не одѣтъ. Потапка! на тебѣ Костю, сведи его въ баню, одѣнь прилично, чтобъ онъ былъ не хуже одѣтъ Гриши и Вани Сколниныхъ; пока ему сошьютъ платье, никто не долженъ видѣть Костю и знать, что онъ у меня въ домѣ. Когда же гардеробъ его будетъ приведенъ въ порядокъ, когда ты отучишь племянника фыркать носомъ и безпрестанно чечкаться въ затылкѣ, чтобъ Сколнины не осмѣяли его на первыхъ парахъ, я представлю имъ Костю, какъ моего племянника, такого же, какъ и они, и запрещу имъ дѣлать Костѣ самомалѣйшую обиду.

— Я и самъ въ обиду не дамъ, сказалъ бойко Костя.

— Ай да молодецъ! сказалъ Потапка.

— Черезъ два, три дня, ты мнѣ расскажешь, продолжалъ Аполинарій Львовичъ, какимъ образомъ ты улизнулъ изъ дома, а теперь прощай!

Аполинарій Львовичъ погладивъ Костю по головѣ, сдѣлалъ знакъ Потапу, и тотъ увелъ съ собою нашего героя:

IV.

Старикъ Потапъ совѣстливо исполнилъ порученіе своего господина, и вымытый, вычесанный, напомаженный, напудренный и щегольски одѣтый Костя переродился совершенно. Природная красота Кости очень гармонировала съ роскошью одежды. Откинутый воротничекъ рубашки спорилъ съ шеей мальчика, бѣлой, какъ у

женщины; а смѣлый, открытый взглядъ голубыхъ его глазъ обращалъ общее вниманіе и внушалъ выгодное для Кости мнѣніе на счетъ его умственныхъ способностей. Костя успѣлъ разспросить своего новаго дядьку обо всемъ, что касалось дяди его, а въ особенности о Гришѣ и Ванѣ Сколпиныхъ. Эти два лица занимали Костю болѣе всего, отъ нихъ-то боялся дядюшка нападокъ и насмѣшекъ надъ Костей. Вотъ что узналъ объ нихъ Костя: Покойная жена Аполинарія Львовича, умершая въ самомъ цвѣтѣ молодости, была урожденная Сколпина. У брата ея, очень богатаго человѣка, занимавшаго одну изъ важныхъ должностей въ одномъ изъ воеводствъ, были два сына Григорій и Иванъ. Отецъ Сколпинъ помѣстилъ ихъ у Снѣгина, съ цѣлю, чтобы тотъ могъ наблюдать за ихъ ученіемъ и покровительствовать ихъ повыше-нію. Гриша и Ваня, приходя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Аполинарію Львовичу, скидали свои корпусныя платья и одѣвались въ домашнія—таковъ былъ обычай того времени между богатыми и даже недостаточными людьми. Оба Сколпины славились своими шалостями и были отъявленные забіяки. Костя, вмѣсто того, чтобы бояться встрѣчи съ ними, желалъ ея отъ всей души. Онъ самъ былъ духа задорнаго. Костя уже начиналъ скучать сообществомъ своего дядьки, какъ вдругъ Потапъ вздумалъ напомнить своему барину, что племянникъ его, Костя, вымытъ, причесанъ и одѣтъ.

Въ одинъ вечеръ ноябрскаго дня, когда на дворѣ бушевала мятель, а въ кабинетъ Аполинарія Львовича сіялъ въ каминѣ жаркій пламень березовыхъ дровъ, старикъ Снѣгинъ призвалъ къ себѣ Костю. Онъ не видалъ племянника съ перваго днѣ знакомства, и не на шутку удивился переменѣ, происшедшей въ Костѣ. Потапъ, замѣтивъ удивленіе своего барина, радостно потиралъ руки, и, вытащивъ платокъ изъ кармана Кости, совалъ его въ руки мальчику, приговаривая: «не забудь же, Константинъ Петровичъ, не играй ты музыку носомъ; вотъ-те платокъ.» Костя, ставъ постояннымъ обладателемъ носоваго платка, пересталъ вдыхать носомъ воздухъ.

Послѣ тщательнаго осмотра племянника, дядя ласково погладилъ его по бьюкуррой головкѣ и сказалъ: «И на мать похожъ, и на меня сбиваетъ.»

Старику отраднѣе было видѣть нѣкоторыя черты свои въ живописной головкѣ красавчика Кости.

— Ну, садись-ка тутъ, возлѣ меня, племянничекъ, и расскажи,

какими ты способами попалъ одинъ въ Петербургъ? Да что твоя пѣсня будетъ долга, или нѣтъ?

— Да не коротка, сказалъ развязно Костя.

— А не скучна, пострѣленокъ?

— И не скучна, прибавилъ Костя, улыбнувшись. Старикъ вытянулъ ноги и расположился самымъ спокойнымъ образомъ, собираясь слушать рассказъ племянника; Потапъ сталъ за кресломъ барина, и Костя началъ:

— Прежде всего, надо вамъ сказать, дядюшка, что моя маменька очень на васъ сердита.

— Вотъ! а за что бы, позволь спросить?

— Она очень гнѣвалась на васъ за то, что вы не навѣстили ее въ началѣ лѣта, когда проѣзжали по нашей области. Узнавши о вашемъ проѣздѣ какъ-то заранѣе, матушка приготовилась встрѣтить васъ; посудите, каково ей было обмануться въ своихъ ожиданіяхъ? Она говорила, что вы ее сдѣлали посмѣшищемъ всѣхъ сосѣдей; что вы заважничали передъ старшею сестрою, и что такъ поступать не годится.

Старикъ генераль улынулся нравоученію племянника и сказалъ спокойно:

— Я точно проѣзжалъ, въ началѣ лѣта, по вашимъ мѣстамъ; Матушка Царица назначила мнѣ не только день, но часъ дня, въ который станеть ожидать меня. Еслибъ я вздумалъ свернуть 50 верстъ въ сторону, къ Ванину, то не могъ бы исполнить приказанія Государыни, а воля ея для каждаго русскаго священна. Я не написалъ объ этомъ сестрѣ, потому что грамота ей не очень далась, да мы съ нею и до того времени никогда не переписывались.

— Ну, теперь, дяденька, когда вы знаете, что матушка была сердита на васъ, мой рассказъ вамъ будетъ понятнѣе.

Старшій мой братъ, покойный Петя и я обучались у нашего сельскаго священника. Петя простудился, захворалъ и умеръ, послѣ краткой болѣзни. Матушка порѣшила, что онъ умеръ отъ усиленнаго ученія и, чтобъ сохранить единственнаго оставшагося у нея сына здоровымъ и невредимымъ, положено было прекратить со мною всѣ науки. Не смотря на всѣ возраженія отца Арсенія, матушка стояла на своемъ, и рѣшилась не выпускать меня ни на шагъ.

Вотъ разъ по сосѣдству у насъ въ помѣщицьемъ имѣніи у приказчика была свадьба. Я съ нашимъ казачкомъ тоже

побѣжалъ смотрѣть. Изъ нашей церкви за поѣздомъ и мы уцѣпились, и чтобъ лучше разсмотрѣть, какъ пойдетъ пиръ и угощеніе, я забрался въ съѣстной чуланчикъ, откуда было сдѣлано окошечко въ залу, чрезъ которое все можно было видѣть и слышать. Зала была освѣщена, а чуланчикъ темный: значить меня и примѣтить никто не могъ. Когда гости уже достаточное число разъ приложились губами къ чаркамъ, бесѣда оживилась. Всѣ стали болтать безъ умолку и обо всемъ, что имъ впадало на умъ. Вдругъ рѣчь коснулась помѣщицы Анны Львовны Перской. Любопытство мое было возбуждено еще сильнѣе; я приотворилъ окошечко, чтобъ лучше разслышать, что стануть говорить про матушку, и чуть не выказалъ этимъ движеніемъ свое присутствіе, никѣмъ даже не подозрѣваемое.

— Что это, сказала одна изъ гостей, сухощавая, высокая женщина, что это бригадирша думаетъ дѣлать изъ своего сынка?

— Да что, отвѣчалъ ей тоже женскій голосъ, но я не могъ видѣть, кому онъ принадлежалъ; извѣстно что: баловня, дармоѣда. Барченокъ-то, говорятъ, такой приткій и смышленный, да и родню важную имѣеть при дворѣ; такъ нѣтъ, сиди-де у матушки за пазухой, да поджидай ея смерти, чтобъ самому приняться за дѣло по хозяйству.

— Экъ вы, Анфиса Сидоровна, вотъ вы и съ осужденіями, а вашему-то сынку годковъ семнадцать будетъ, а онъ у васъ все въ рубашонкѣ бѣгаетъ; малъ еще моля, говорите вы, пусть порѣзвится. А Кости Перскому всего-то четырнадцатый годокъ.

— Ну, мое дѣло совсѣмъ другое. У меня нѣтъ въ Питерѣ покровительства для моего Никандрушки, да и отъ 11-ти душъ не на что проживать въ Петербургѣ. А вотъ бригадиршѣ и санъ велить, и имѣніе позволяеть, душъ-то слишкомъ 80 имѣеть!

— Восемьдесятъ не восемьдесятъ, а около шестидесяти будетъ.

— Ну, положимъ хоть и шестьдесятъ, да покровительство-то пятисотъ стоитъ. Нѣтъ, ужъ я стою на томъ, не доброе дѣлаетъ Анна Львовна, что не отсылаетъ сына въ Питеръ въ науку. Сынокъ-то такой пригожій, славный бы офицеръ вышелъ!

— Что правда, то правда, сказалъ отецъ Арсеній. Мой ученикъ Костя былъ бы не простой человѣкъ, еслибъ занялся толкомъ его головою.

— Да что же вы, батюшка, отецъ Арсеній, не надоумите старухи-то?

— Э, да ужъ не разъ говорилъ и настаивалъ, да все одно

напѣваетъ: «Не хочу, да не могу, уморить что ли и Костю хотите, какъ уморили Петю.

— Вотъ и сгубить сына ни за копѣйку, сказала сухощавая, высокая женщина.

Такъ, или почти такъ разсуждали гости, и разговоры эти запали мнѣ глубоко въ душу. Добрый священникъ неразъ заводилъ рѣчь съ матушкой о необходимости продолжать мнѣ ученье, и даже совѣтовалъ отослать меня къ вамъ, но матушка при этомъ подняла такой шумъ и споръ, что отецъ Арсеній пересталъ настаивать и прекратилъ объ этомъ рѣчь. Между прочимъ, матушка говорила, что она не хочетъ ничѣмъ быть обязана брату, который забылъ о ея существованіи, и что хотя онъ важный человекъ, но что она хочетъ...

Костя не договорилъ и остановился.

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ генераль, продолжай.

— Меня стало томить желаніе учиться, а главное—желаніе быть офицеромъ. Я рѣшился тихонько уйти изъ дому и во что бы ни стало добратся до Петербурга и отыскать васъ, дяденька. Мысль остаться навсегда олухомъ, какъ выразилась гостья на свадьбѣ, ужасала меня и поселила во мнѣ отвращеніе къ Ванину. Приближался праздникъ Покрова; у сосѣда нашего этотъ праздникъ сверхъ того былъ и храмовой. Матушка отпустила меня къ нему одного съ дядькой, и позволила остаться погостить тамъ три дня. Я поѣхалъ въ Покровское. Мы проѣзжали сзади парка, калитка была отворена. Я велѣлъ остановиться, говоря, что садомъ прямо пробѣгу въ покои, а дядькъ съ экипажемъ приказалъ объѣхать кругомъ на господскій дворъ. Я вошелъ въ садъ и прильнулъ къ забору глазами. Едва я увидѣлъ, что коляска наша завернула за уголъ и скрылась изъ виду, я выбѣжалъ изъ сада, взялъ въ сторону отъ села, и вмѣсто того, чтобъ явиться въ гости къ сосѣду, побѣжалъ, куда глаза глядѣли, имѣя только одну цѣль—скрыться поспѣшнѣе отъ поисковъ. Я расчиталъ, что въ теченіе сутокъ, пока могутъ меня спохватиться, я буду уже далеко отъ Ванина, и всѣ поиски за мною будутъ безуспѣшны. Я набралъ во всѣ карманы своего праздничнаго платья ломтей хлѣба, пересыпаннаго солью, а чтобъ не возбудить подозрѣнія дядьки, оставилъ въ экипажѣ свою теплую одежду. За пазуху я положилъ листокъ бумаги и карандашъ, имѣя въ виду написать къ матушкѣ изъ перваго города, который встрѣчу по дорогѣ. Три дня я шелъ по пахатнымъ полямъ, избѣгая дорогъ, боясь набре-

сти на когонибудь из ванинскихъ крестьянъ. Весь запасъ моихъ хлѣбныхъ ломтей уже истощился; три ночи я ночевалъ подъ открытымъ небомъ. Усталость прогоняла страхъ всякой опасности. Къ счастью моему, дни стояли теплые, хотя и пасмурные. На четвертое утро пошелъ дождь, хотя и мелкій, но частый, и продолжался во весь день. Я промокъ до костей. Уже нѣсколько часовъ сряду я не имѣлъ ни крошки хлѣба во рту. Ноги мои вязли въ размокшей землѣ, которая, прилипая къ сапогамъ, затрудняла все болѣе и болѣе томительный путь. Вдругъ вижу я въ отдаленіи мельницы. Я рѣшился подойти къ нимъ и спросить о дорогѣ въ Петербургъ, а главное, достать чегонибудь поѣсть. Вдругъ большая рѣка преграждаетъ мнѣ дорогу. Не думая долго, я раздѣлся и переплылъ ее.

Потапъ при этомъ не выдержалъ и ввернулъ свое слово: «Ай да молодець!» Костя продолжалъ:

— За рѣкою отъ первой мельницы тянулась улица домовъ и разныхъ строеній, а за угломъ ея стоялъ лотокъ съ сайками...

Костя остановился. Ему стало совѣстно рассказывать о своемъ поступкѣ, но не привыкши лгать, онъ не хотѣлъ его скрыть.

Дядя помогъ ему, перебивъ добродушно: «Ну, ты, пожалуй, и стянулъ одну», сказалъ онъ, улыбаясь.

— Виноватъ, дядюшка, стянулъ, не удержался; у меня въ животѣ кошки скребли; да и досталось же мнѣ отъ продавца; онъ безпощадно встрясъ меня за вихорь, но скрылъ мой поступокъ отъ хозяина небольшой лавки, который въ эту минуту вышелъ изъ нея. Хозяинъ лавки, купецъ Онисимъ Григорьевичъ, жалился надо мною, услышавъ о моемъ приключеніи, и отправилъ меня въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ. Съ трудомъ я отыскалъ васъ, дядюшка, и вотъ теперь настала для меня пора сказать вамъ: я хочу быть офицеромъ!

— Ну, Костя, это еще не вдругъ, не такъ скоро дѣлается, какъ говорится; ты хорошо сдѣлалъ, что понадѣялся на своего дядю, и я не оставлю тебя. Ну, а написалъ ли ты матушкѣ, чтобъ ее успокоить?

— Написалъ, дядюшка, и отдалъ письмо Анисиму Григорьевичу; онъ обѣщалъ доставить его въ село Ванино.

— Ну, матушка твоя посердится да и перестанетъ; помни мое слово, Костя, сестра и тебя проститъ да и со мной примирится. Анна Львовна женщина характерная, даже подчасъ упрямая, но все же умная, такъ ей и не трудно будетъ сообразить всю

пользу твоей рѣшимости. Все устроится къ лучшему. Ну, Потапушка, скоро и молодцы наши Сколпины явятся, вѣдь завтра воскресенье...

— Да уже за нимъ пошелъ Максимъ. Не успѣлъ проговорить эти слова старикъ Потапъ, какъ два мальчика, почти однихъ лѣтъ съ Костей, шумно вбѣжали въ комнату.

Наружность ихъ была совершенно противоположная наружности Кости. Лица ихъ были смуглыя, глаза черныя, волосы курчавые. Взгляды ихъ были не менѣе смѣлы, какъ и взглядъ Кости, но смѣлость во взорахъ ихъ граничила уже съ дерзостью.

— Вотъ двоюродный братъ вашъ, Константинъ Перскій, сказалъ старикъ вбѣжавшимъ племянникамъ, послѣ обычныхъ съ ихъ стороны рукоцѣлованій. Прошу жить съ нимъ мирно и дружно.

Мальчики оглядѣли другъ друга съ головы до ногъ. Костя и не шевельнулся на своемъ стулѣ, не только что не всталъ.

— Что же ты сидишь и къ намъ не подойдешь? сказалъ надмѣнно Гриша, обращаясь къ Костѣ.

— Вы здѣсь хозяева по старшинству прибытія въ домъ дядошки, вамъ ухаживать за гостемъ, а не гостю за вами, отвѣчалъ Костя, не вставая со стула и размахивая небрежно висячими своими ногами во всѣ стороны.

Потапка опять пробормоталъ что-то похожее на свое: «экой молодецъ!»

Братья Сколпины подошли къ Костѣ и увлекли его за руки въ другія комнаты. Дядя, глядя имъ вслѣдъ, многозначительно покачалъ головою и, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Что, Потапка, скажешь?

— О Костѣ-то?

— Вѣдь онъ не поддастся, даромъ что ихъ двое?

— Куда имъ! молодецъ!

Старикъ Потапъ не любилъ Сколпиныхъ за ихъ дурной нравъ, они частенько выводили его изъ терпѣнія. Этимъ объясняется видимое его предпочтеніе къ новоприбывшему барченку.

И точно, Костя взялъ такую власть надъ двумя своими братьями, что, несмотря на ихъ бойкость, они невольно покорились его вліянію, какъ потому что онъ не разъ имъ доказалъ свою атлетическую силу въ ручныхъ схваткахъ, укрѣпленную въ немъ деревенскимъ образомъ жизни, такъ и по инстинктивному сознанию Гриши и Вани въ умственномъ превосходствѣ Кости.

V.

Пока идутъ дни за днями, пока насталь срокъ опредѣленія Кости въ корпусъ, пока Костя обучается тамъ всякимъ наукамъ, вернемся въ село Ванино, къ характерной бригадиршѣ Аннѣ Львовнѣ. Прошло три дня, какъ сынъ ея Костя уѣхаль въ Покровское. Настало утро того дня, въ которое условлено было послать дядьку Карпушку за Костей. Коляска уже запряжена двумя тучными пѣгими конями. Дядька Карпушка, онъ же и кучеръ, взлѣзь на козлы, крикнулъ, подобраль вожжи, махнулъ кнутомъ и крупною рысью выѣхаль изъ Ванина. Путь не дальній. Вотъ скоро показалась и колокольня Покровской церкви. Коляска подвѣзжаетъ къ Покровскому все ближе и ближе; вотъ она остановилась у крыльца помѣщичьяго дома.

— Что ты, Карпъ Лаврентьичъ, одинъ къ намъ пожаловаль безъ маленькаго твоего барина? Что его давно у насъ не видать? спросилъ Карпа проходившій по двору господскій кучеръ.

— Да я за нимъ-то и прѣхаль. Вѣдь онъ у васъ съ самаго Покрова, отвѣчалъ Карпушка.

— Какъ за нимъ? да мы его и не видали.

— Что ты брешешь, Иванъ, какъ не видали? Я его самъ подвезъ къ вашему саду, а тамъ и повернулъ оглобли. Къ кумъ въ Дурино завернуть надо было—имянинница была.

— Оно пожалуй и такъ, Карпъ Лаврентьевичъ, но барченка твоего на праздникъ у насъ не было.

— Какъ не было? Ой-ли? что ты околесную несешь, Иванъ, проговорилъ Карпушка, недоувѣрявшій вѣстямъ кучера Ивана. Въ это время на крыльцѣ показался и лакей Кирилла.

— Правду ли Иванъ бантъ, обратился къ нему Карпушка, что нашего Константина Петровича здѣсь не было на праздникъ?

— И видомъ его не видали, проговорилъ рыжій Кирилла на вопросъ сѣдаго Карпа.

— Да какъ же это такъ? воскликнулъ Карпъ въ совершенномъ смятеніи, снимая картузь съ головы и отирая потъ, который началъ капать у него со лба. Не пошелъ ли онъ къ вашимъ сосѣдямъ Живкинымъ, у нихъ пять, коли не болѣе мальчугановъ въ семействѣ, такъ Константину Петровичу разсудилось, можетъ, что съ ними веселѣе провести время, чѣмъ здѣсь? прибавилъ кучеръ Иванъ, въ видѣ успокоительнаго предположенія.

— Ну, да и здѣсь-то барскихъ дѣтей было всѣхъ и не перечесть, сказалъ рыжій Кирилла; особенный столъ для нихъ накрывали, кажись, ихъ было болѣе десяти человѣкъ.

— А почему Живкиныхъ-то у васъ небыло, спросилъ Карпушка, хватаясь за предположеніе кучера Ивана, какъ за единственный способъ, могущій вывести его изъ лабиринта сомнѣній.

— Мать ихъ, слышно, очень больна, отозвался Иванъ.

— Да вѣдь этого нашъ Константинъ Петровичъ не зналъ, не зналъ онъ что и Живкины сюда не прїѣдутъ, какъ же онъ, не зашедши даже сюда, могъ вздумать отправиться къ нимъ въ Мякишово, сказалъ Карпушка печально, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Однако прощайте, ребята, заѣду я въ Мякишово да и къ другимъ сосѣдямъ по близости. Охъ, охъ, охъ! что-то сердечушко щемить, какъ будто предчувствуетъ грозу неминуемую; достанется мнѣ отъ барыни! Что я буду дѣлать? гдѣ я теперь стану отыскивать моего Костю!..

Такъ жаловался старикъ Карпушка, передъ стоявшими около него кучеромъ Иваномъ и лакеемъ Кириллою. Онъ отеръ неприятную слезу, канувшую на щеку, рукавомъ своимъ, медленно поворотилъ лошадей отъ крыльца, медленно выѣхалъ изъ воротъ господской усадьбы, но вдругъ вздумавъ, что какаа нибудь опасность угрожаетъ маленькому его барину, сильно стегнулъ кнутомъ по лошадямъ, кони помчались вскачь и въ нѣсколько минутъ перелетѣли пространство между Покровскимъ и Мякишовымъ. На всѣ разспросы Карпушки въ Мякишовѣ и во многихъ другихъ усадьбахъ, получилъ онъ въ отвѣтъ, что барина его Константина Петровича не видали. Съ злою тоскою въ душѣ, уже подъ вечеръ, въѣхалъ въ село Ванино Карпъ одинъ на измученныхъ пѣгихъ коняхъ своихъ. Лошади, не ѣвшія съ утра, радостно заржали, завидя свою конюшню, предугадывая, что тамъ ихъ ожидаетъ душистое сѣно и зернистый овесъ. Не то было съ Карпушкой: не радостно возвращался онъ во-свои, какъ преступникъ, съ поникшею головою взшелъ онъ на крыльцо дома Анны Львовны, не отвѣчая на вопросы всей высыпавшей дворни.

Въ передней дома тѣже вопросы, но ужъ съ примѣсью угрозъ встрѣтили и проводили Карпушку до самыхъ покоевъ бригадирши.

— Ужъ барыня ждетъ тебя не дождется, пропищала быстроглазая и курносая Малашка, въ пестрядинномъ платьѣ.

— Ужъ достанется тебѣ на орѣхи, просипѣлъ хриплымъ го-

лосомъ Антонъ «Головастый», лакей Перскихъ, прозванный такъ по вѣчно склоченнымъ волосамъ, которыхъ никогда не касалась гребенка, и которые увеличивали настоящей объемъ Антоновой головы по крайнѣй мѣрѣ вдвое.

Сопутствуемый подобными рѣчами, Карпушка вошелъ въ покой, гдѣ сидѣла толстая бригадирша у окна, въ кожаныхъ черныхъ креслахъ, и вязала шерстяной чулокъ синяго цвѣта.

— А, наконецъ-то, вы пожаловали, сказала Анна Львовна, снимая очки, которыми былъ осѣдланъ ея носъ, и воткнувъ одну изъ вязальныхъ спицъ въ сѣдые свои волосы. Гдѣ это ты съ шалуномъ пропадалъ цѣлый день?

Карпушка молчалъ.

— А гдѣ же пострѣлъ Костя?

Карпушка брякнулся коленками о полъ и жалобно завопилъ:

— Матушка ты моя, родимая, Анна Львовна, не прогнѣвись! виновать, безъ вины виновать!

Анна Львовна положила чулокъ на оконницу и повернулась вмѣстѣ съ кресломъ къ Карпушкѣ.

— Старый баловникъ! Говори же скорѣе, гдѣ вы пропадали съ Костей цѣлый день-деньской?

— Матушка, Анна Львовна, я вездѣ, по всемъ сосѣдямъ ѣздилъ, да нигдѣ не могъ отыскать Константина Петровича.

— Какъ нигдѣ не могъ найти? а въ Покровскомъ? И Анна Львовна, предчувствуя бѣду, поблѣднѣла какъ полотно.

— И въ Покровскомъ нѣтъ. Наступило молчаніе.

Карпушка всталъ съ колѣнъ и, видя, что барыня продолжаетъ молчать, началъ рассказывать, прихныкивая отъ времени до времени, какъ Костя отослалъ его у сада, и какъ нынче онъ тамъ узналъ, что молодаго барина никто не видалъ, а равно въ Мякишовѣ, въ Прибережскомъ и во многихъ другихъ усадьбахъ, которыя онъ объѣхалъ, отыскивая Константина Петровича. Когда Карпушка кончилъ свой рассказъ, Анна Львовна громко зарыдала.

— Господи ты Боже мой! сказала она, куда же это Костя дѣвался? не съѣли ли его волки на дорогѣ изъ Покровскаго въ Мякишово, и Анна Львовна всплеснула руками при такой страшной, хотя и совершенно неправдоподобной мысли.

— Помилуйте, матушка, сказалъ сквозь слезы Карпушка, ну, какъ таки волкамъ среди бѣла дня и въ людномъ мѣстѣ съѣсть Константина Петровича, что и клочка платя отъ него не оста-

лось, вѣдь я по той дорогѣ днемъ ѣхалъ, да никакого признака не нашель.

При этихъ словахъ быстроглазая Малашка, уже давно и не разъ просовывавшая голову во время разсказа Карпушки, отворила тихонько дверь, и плача подошла къ баринѣ.

— Не плачьте, не сокрушайтесь, матушка, барыня, сказала она: Константинъ Петровичъ пропалъ не нечаянно, я знаю это невѣрное.

— Какъ такъ? что ты знаешь: спросила Анна Львовна, и радостный лучъ надежды освѣтилъ заплаканное лицо старушки. Что же ты знаешь, говори скорѣе, Малашка, продолжала Анна Львовна дрожащимъ голосомъ, глядя съ безпокойствомъ на вѣстовицу.

— А вотъ что, матушка барыня; когда Константинъ Петровичъ совсѣмъ уже одѣлся, чтобы ѣхать въ Покровское, то я застала ихъ у буфета. Они нарѣзали нѣсколько толстыхъ ломтей хлѣба и разсовали ихъ по карманамъ. А я и говорю Константину Петровичу: На что это вы молъ столько хлѣба про запасъ съ собою берете, вѣдь до Покровскаго-то всего четверть часа ѣзды, не успѣете проголодаться, а тамъ кулебякамъ и пирогамъ счету не будетъ для праздника. А Константинъ Петровичъ и говорить:

— Ну, ты, смотри не разболтай въ домѣ объ этомъ, до моего возвращенія, а когда вернусь домой, я тебѣ скажу, на что мнѣ нуженъ былъ хлѣбъ. Вотъ я молчала объ этомъ, не видя тутъ большой важности, а теперь матушка, барыня, глядя на слезы ваши, и вспомнила, что видно молодой-то нашъ баринъ не даромъ съ собою хлѣба набралъ, видно въ какую даль уйти задумалъ.

Кончивъ свой разсказъ, Маланья остановилась. Анна Львовна, помолчавъ немного, тихо проговорила:

— Хорошо, Малаша, ступай въ дѣвичью, спасибо за вѣсть. Видно точно Костя ушелъ съ намѣреніемъ. А ты, Карпушка, бѣги къ отцу Арсентію и позови его ко мнѣ.

Анна Львовна, облокотившись на окно, долго смотрѣла безсознательно на пльвшія по небу облака. Слезы струились по ея полному лицу, она не утирала ихъ. Только разъ, до прихода священника, она вздохнула и сказала вслухъ: Ахъ, Костя! Костя! Какъ у тебя хватило духу покинуть старуху мать!

Дверь скрыпнула и священникъ села Ванина, знакомый намъ отецъ Арсеній, тихо вошелъ въ комнату, помолился иконѣ, висѣвшей въ углу и также тихо спросилъ:

— Что вамъ угодно, Анна Львовна, вы желали видѣть меня?

Анна Львовна, погруженная въ свои грустныя размышленія, не слыхала и не обернулась къ вошедшему.

— Здравствуйте, матушка Анна Львовна, сказалъ священникъ, гораздо громче.

— Ахъ, это вы батюшка, здоровы ли вы?

— Слава Богу, пока Господь милуетъ.

— Мнѣ надо переговорить съ вами, отецъ Арсеній, сядьте ко да побесѣдуемъ немного. Слышали вы новость?

— Да, сейчасъ, идучи сюда, я слышалъ отъ Карпа, что вашъ сыночекъ пропалъ безъ вѣсти.

— Какъ же вы полагаете, куда онъ дѣлся?

— Я полагаю, что Костя преднамѣренно оставилъ родительскій домъ, и что о жизни его тревожиться вамъ будетъ напрасно.

— Ахъ, отецъ Арсеній, достало же у Кости духу бросить мать!

— Мнѣ сдается, что Костя не съ дурнымъ намѣреніемъ покинулъ васъ; я знаю его нравъ и умъ, развитый не по лѣтамъ, я знаю, что онъ всегда горячо любилъ васъ.

— Хорошо любилъ, когда бросилъ старуху! сказала Анна Львовна въ горечью.

— Анна Львовна, Кости тяжело было оставаться безъ занятія, ему страхъ хотѣлось учиться, не потому ли онъ оставилъ васъ? Мнѣ кажется, что онъ не приминетъ утѣшить васъ вѣсточкой о себѣ.

— Дай-то Богъ, сказала Анна Львовна, сдавливая вздохъ и удерживая слезы. Но гдѣ же онъ? Что онъ намѣренъ дѣлать?

Не успѣла Анна Львовна произнести эти восклицанія, какъ Карпъ вбѣжалъ, запыхавшись, въ комнату и объявилъ, что какой-то купецъ Онисимъ Рыбкинъ, пріѣхалъ въ село и проситъ позволенія увидѣть помѣщицу, бригадиршу Перскую, къ которой привезъ письмо отъ ея сына. Анна Львовна всплеснула руками и не могла произнести ни одного слова отъ радости.

Отецъ Арсеній велѣлъ Карпу ввести купца, и знакомецъ нашъ Онисимъ Григорычъ взошелъ въ комнату, помолился усердно иконамъ, подошелъ подъ благословеніе священника, поцѣловавъ его руку и поклонился Аннѣ Львовнѣ.

— Осмѣлось спросить, я имѣю честь, началъ купецъ, видѣть, примѣромъ будучи, помѣщицу села Ванина?

— Точно такъ.

— Такъ-съ. А что, ваше высокородіе, не изволите ли, примѣромъ будучи, беспокоиться о сынишкѣ вашемъ?

— Какъ же, почтенный, какъ было не беспокоиться? вотъ уже четыре дня, какъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

— Такъ-съ. А я, примѣромъ будучи, привезъ объ немъ вѣсточку. И купецъ подалъ помѣщицѣ письмо Кости.

Анна Львовна не мастерица была читать по писанному, и потому держала письмо въ рукѣ, не торопясь вскрыть его.

— А гдѣ же ты его видѣлъ, мой отецъ?

Онисимъ Григорычъ разсказалъ Аннѣ Львовнѣ, что уже извѣстно нашимъ читателямъ, на счетъ своей встрѣчи и знакомства съ Костей. Когда онъ кончилъ разсказъ, Анна Львовна приподнялась съ трудомъ съ своихъ креселъ и сказала:

— Позволь мнѣ поблагодарить тебя, родимый, позволь поцѣловать, что ты накормилъ и обогрѣлъ моего сына.

Купецъ приблизился къ Аннѣ Львовнѣ, придержалъ одною рукою густую свою бороду, другою обнялъ тучный торсъ бригадирши и чмокнулся съ нею три раза со щеки на щеку, довольный такимъ знакомъ доброжелательства отъ такой сановитой особы.

— Ну, кормилецъ ты мой, пусть Богъ тебѣ воздастъ сторицею за доброе дѣло, сказала Анна Львовна, свершивъ процессъ лобызанія.

— Да когда же ты видѣлъ моего Костку?

— Я сегодня утромъ только что отправилъ его съ своимъ прикащикомъ Ѡадеемъ, а къ вечеру поспѣшилъ сюда, успокоить васъ.

— Да что, твой Ѡаддей надежный ли человекъ? хорошо ли онъ доведетъ Костю въ Петербургъ?

— Будьте спокойны и благонадежны матушка, Анна Львовна. Ужъ не въ первый разъ Ѡаддею совершать знакомый путь.

Анна Львовна упростила Рыбкина остаться ночевать въ Ванинѣ, такъ какъ время уже было позднее, и на другой только день, накормивши купца за своимъ столомъ, разными кулебяками, пышками съ домашнимъ вареньемъ и сладкимъ пирогомъ съ черносливомъ, отпустила добраго купца, прося хоть изрѣдка навѣщать ее и привозить разнаго товару. По отъѣздѣ Рыбкина, Анна Львовна попросила отца Арсенія прочесть ей письмо Кости, которое пролежало до тѣхъ поръ подъ синимъ чулкомъ, въ рабочемъ баулѣ помѣщицы.

Отецъ Арсеній плавно и внятно прочелъ слѣдующее:

«Дражайшая и любезнѣйшая моя родительница!

Простите, что я скрылся изъ дому отчаго, не сказавъ о томъ никому. Я боялся, что меня задержать и не пустять. А я хочу быть офицеромъ, какъ Алеша Жилбиковъ, который съ своею родительницею прѣзжалъ къ намъ въ мундиръ. Къ тому же на свадьбѣ сосѣдняго прикащика я подслушалъ разговоръ гостей, въ которомъ меня называли неучемъ, а васъ обвиняли за то, что меня думаете дома держать. Я и думалъ своимъ поступкомъ исправить все. Въ Петербургъ отыщу дядюшку, онъ меня какъ-разъ сдѣлаетъ офицеромъ, онъ такой важный человекъ и начальникъ надъ мальчиками. Когда я буду такой же важный, какъ дядюшка, я прѣйду къ вамъ расцѣловать ваши ручки. Потерпите немножко, дражайшая родительница, цѣлую ручки ваши сто миліоновъ разъ и кланяюсь отцу Арсенію и всѣмъ домашнимъ.

Покорный сынъ вашъ, Костя.

Не браните Карпушку, онъ ни въ чемъ не виноватъ.»

Когда отецъ Арсеній кончилъ чтеніе, то замѣтилъ, что Анна Львовна гнѣвно свела брови и стучала пальцами по стеклу. Этимъ всегда означалась внутренняя буря и недовольство своенравной бригадирши.

— Это, матушка, Анна Львовна, добрыя вѣсти отъ Кости! и меня вспомнилъ, спасибо ему!

Анна Львовна все не переставала барабанить по стеклу.

— Вы чѣмъ-то недовольны, матушка, Анна Львовна, а кажись все хорошо.

— Оно хорошо, а все бы лучше было Костъ къ брату Аполінарію Львовичу на ласку и покровительство не напрашиваться.

— Какъ же это можно, Анна Львовна, вѣдь Петербургъ для Кости все равно, что лѣсъ; къ кому же ему и обратиться, какъ не къ родному дядѣ?

— Коли я не хочу знать брата, такъ и Костъ не слѣдуетъ узнавать его.

— Господь Богъ повелѣваетъ забывать и прощать обиды, матушка Анна Львовна, а вы еще не знаете, не противъ ли воли обидѣлъ васъ братецъ вашъ.

— Да уже гдѣ тутъ противъ воли! Загордился больно своею знатностью... да я вѣдь и сама бри-га-дир-ша, сказала Анна Львовна, съ извѣстною намъ интонаціею и съ ея особеннымъ спо-

собомъ выговаривать букву р., приче́мъ она, по обыкнове́нью, закинула назадъ голову.

— Прежде чѣмъ вы стали бригадиршей, вы уже были родною сестрою вашего брата, вотъ что вамъ не угодно вспомнить, Анна Львовна.

— Ну, да уже полноте, отецъ Арсеній, полноте, пожалуйста, сказала твердо помѣщица. Такъ или почти такъ заканчивались всѣ разговоры Перской съ отцемъ Арсеніемъ. Когда, бывало, Анна Львовна скажетъ свое: «полно, полно-те!» священникъ прекратитъ разговоръ и, повременя не много, распростится съ бригадиршей и уйдетъ. Тѣмъ и теперь заключился тревожный день. Анна Львовна, не смотря на свое огорченіе, какъ будто успокоилась. Ей по временамъ казалось, что доводы священника справедливые ея противорѣчій, и теперь Анна Львовна почти радовалась, что все устроилось къ лучшему, хотя и противъ ея воли.

VI.

Прошло три года. Анна Львовна часто получала письма отъ Кости. Онъ былъ уже кадетомъ въ выпускномъ классѣ. Костя въ свое время подробно описалъ матери свое путешествіе въ Петербургъ, пріемъ дяди, радушный и родственный, ласки и попеченія его, свое опредѣленіе въ морскую корпусъ, и часто описывалъ корпусную жизнь. Анна Львовна, поневолю должна была простить брату неуваженіе къ *старшей сестрѣ* и къ сану *бригадирши*. Мы уже говорили, что Анна Львовна не могла даже читать по писанному, не только сама писать, то сношенія ея съ братомъ Аполинаріемъ Львовичемъ не возобновлялись. Разъ или два въ годъ, отецъ Арсеній увѣдомлялъ Костю о здоровьи матушки, и то не иначе, какъ при «оказіи», то есть, съ посылкою въ Петербургъ подводы изъ села Ванина, съ разными деревенскими продуктами для сына, для его товарищей и наставниковъ.

Тяжело становилось подь часъ бригадиршѣ въ разлукѣ съ любимымъ сыномъ. Мысль побывать въ Петербургъ, взглянуть на матушку-Царицу, расцѣловать и обнять Костю, все чаще и чаще стала забвгать въ ея голову. Конечно, трудно было рѣшиться на подобный подвигъ: ужь болѣе тридцати лѣтъ не выѣзжала она изъ села далѣе 50-ти верстъ, а въ послѣдніе годы не выѣзжала вовсе. Но на что не можетъ рѣшиться любовь матери?..

Посоветовавшись съ отцемъ Арсеніемъ, снарядивъ двѣ бички,

одну для себя и трехъ комнатныхъ дѣвокъ, безъ которыхъ Анна Львовна не могла бы прожить дня, а другую для постелей своихъ и подушекъ, для гостинцевъ и деревенскихъ подарковъ, назначенныхъ Костю; отслуживъ молебенъ, Анна Львовна, разъ въ ясный сентябрьскій день выѣхала изъ Ванина, сопровождаемая шестью челоуѣками дворни. Брички были запряжены тройками, лошади обвѣшаны бубенчиками, а на обвѣхъ коренныхъ звѣнѣли два колокольчика, которымъ можно было обидѣться, что ихъ называютъ уменьшительнымъ именемъ. Весь этотъ звонъ и дребезжаніе, при движеніи бричекъ, составлялъ достойный акомпаниментъ величественному поѣзду и еще болѣе величавой хозяйкѣ поѣзда. Она сидѣла на трехъ ярусахъ подушекъ, произведеній ея собственнаго птичьяго двора, и тучный подбородокъ ея покоился на трехъ же рядахъ иныхъ подушекъ, приобрѣтенныхъ сидачею спокойною сельскою жизнью.

Наконецъ, послѣ десятидневнаго странствованія и хлопотливыхъ ночлеговъ, путь Анны Львовны былъ конченъ. Рыдваны ея въѣхали въ заставу Петрова града.

Бригадирша не вздумала даже поѣхать къ брату или остановиться въ его домѣ. Брички, по ея приказанію, остановились у гостиницы для приѣзжающихъ. Анна Львовна заняла въ ней помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ комнатъ: приѣмной, спальни и дѣвичьей, ровно столько, сколько нужно было по расчетамъ бригадирши. Дѣвичья завалена была чуть не до самаго потолка всемъ скарбомъ, выбраннымъ изъ обвѣхъ бричекъ; но дѣвушки не роптали, потому что знали, что онъ будетъ убывать ежедневно, и что съ каждымъ днемъ комната ихъ будетъ становиться просторнѣе. Надо сказать, что въ первые дни пребыванія ихъ въ Петербургѣ, спать дѣвушкамъ почти было негдѣ. Смѣтливая Машка ухитрилась уложить свертки холста такъ, что они замѣнили ей постель, куда она и взбиралась на ночь. Случалось, что этотъ, такъ сказать, холщевой костеръ, рассыпался къ утру, отъ тревожныхъ движеній, и спавшая на импровизированной кровати, часто удивлена была, очутившись на полу. Карпушка ночевалъ въ корридорѣ, у дверей дѣвичьей, а два кучера внизу, около лошадей.

Анна Львовна, поубравшись не много послѣ дороги, на утро другаго дня послала Карпа въ Морской корпусъ. Случилось, что это былъ праздничный день. Костя чуть не умеръ съ радости, узнавъ Карпа и услышавъ, что мать его въ Петербургѣ. Едва довѣряя ушамъ своимъ, онъ поспѣшно одѣлся и бросился въ го-

стину, гдѣ остановилась Анна Львовна. Карпъ едва могъ слѣдовать за своимъ молодымъ бариномъ.

— Да постой же ты, живчикъ этакой, кричалъ онъ Костѣ; да какъ же ты выросъ, Константинъ Петровичъ, выше меня, ей-ей выше.

И Карпъ останавливалъ Костю, какъ будто съ намѣреніемъ помѣряться съ нимъ ростомъ, но болѣе для того, чтобъ передохнуть отъ поспѣшной ходьбы.

— Выше меня, выше меня! повторялъ Карпъ, успѣвшій ухватиться за своего молодаго барина.

— Пойдемъ, пойдемъ же, Карпушка, смѣряемся въ гостиницѣ, говорилъ Костя, тоже едва переводя духъ, но не отъ усталости, а отъ сердечнаго волненія. Что, Карпуша, матушка? продолжалъ Костя, здорова ли? весела ли? И не слушая отвѣта, Костя мчался впередъ, соображая очень основательно, что чѣмъ терять время въ распросахъ, лучше самому поскорѣе въ томъ удостовѣриться лично.

Костя вбѣжалъ къ матери и бросился обнимать Анну Львовну. Счастливая бригадирша не могла произнести ни одного слова отъ радости, и оба, обнявшись, долго молчали и плакали.

— Костя, другъ мой, сказала наконецъ мать и отдала сына руками отъ себя, чтобъ лучше разглядѣть его. Какъ ты выросъ! какъ возмужалъ, какъ похорошѣлъ!

— Милая маменька! могъ только проговорить Костя, цѣлуя ея руки. Анна Львовна съ гордостью и самодовольствомъ любовалась своимъ милымъ сыномъ. Передъ нею стоялъ рослый, шестнадцатилѣтній юноша, съ прекраснымъ, благороднымъ, открытымъ лицомъ. Слезы радости, блиставшія въ его голубыхъ глазахъ, придавали имъ еще болѣе нѣжное выраженіе, а остальные черты лица носили на себѣ отънюдь твердости и мужества. На губахъ пробивался легкій, свѣтлорусый пухъ возникающей бороды, а каштановые густые волосы украшали лобъ и голову густыми волнистыми кудрями, которымъ пудра придавала особенную прелесть.

— Скоро-ли ты окончишь свое ученье, и каково оно идетъ, спросила Анна Львовна, налюбовавшись вдоволь сыномъ.

— На будущій годъ надѣюсь быть офицеромъ; я уже пожалованъ гардемариномъ, отвѣчалъ Костя, съ легкимъ отъѣнкомъ самодовольства.

Карпъ, стоявшій въ продолженіе всей сцены свиданія у две-

рей комнаты, и неразъ утиравшій руковою слезы, почель за нужное вмѣшаться въ разговоръ.

— Пока Константинъ Петровичъ изволили собираться, чтобъ идти сюда, я разспрашивалъ о нихъ и узналъ, что они первый по наукамъ по всему корпусу. Похвалы имъ такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Награди тебя Господь, милый Костя, за радость, какую ты приносишь этимъ твоей матери, сказала Анна Львовна. Грустно вспомнить, что я чуть не помѣшала тебѣ быть порядочнымъ человекомъ! Охъ, ты далеко пойдешь, Костя, мать тебѣ это предсказываетъ.

— Дай-то Богъ, матушка, сказалъ Костя, вашими устами медъ пить, и довольный сынъ поцѣловалъ снова руку матери.

Анна Львовна прожила двѣ недѣли въ Петербургъ; зазывала товарищей Кости къ себѣ, угощала ихъ на славу, отпускала ихъ всегда съ полными карманами разныхъ деревенскихъ лакомствъ. Никто не обидѣлъ старушку отказомъ; Анна Львовна не забыла даже корпусныхъ служителей: кого наградила моткомъ нитокъ, кого связкою сушеныхъ грибовъ. За то ни удного изъ товарищей Кости не доставало духу сердиться на Анну Львовну, когда она зачастую говаривала имъ: «гдѣ вамъ съ моимъ Костей сравняться! гдѣ вамъ! вы ему и въ подметки негодитесь; Костя далеко пойдетъ!» Костя не разъ упрашивалъ мать не говорить этого товарищамъ, не зарождать въ сердцахъ ихъ зависти къ его успѣхамъ и не обижать ихъ пренебреженіемъ; Анна Львовна давала слово воздержаться, и при первомъ представлявшемся случаѣ опять говорила его товарищамъ, несмотря на знаки сына: Ну, гдѣ вамъ! вы и до щиколотки Костиной не подходите, далеко Костя пойдетъ, я вамъ говорю, далеко!

Вскорѣ послѣ этого Анна Львовна стала собираться въ Ванино. Она обѣщала Костѣ пріѣхать къ нему снова въ Петербургъ, если еще будетъ жива, на будущій годъ, когда онъ будетъ произведенъ въ офицеры, какъ для того, чтобъ снова полюбоваться имъ въ офицерскомъ мундирѣ, такъ и для того, чтобъ взглянуть на Матушку-Царицу, которую она немогла видѣть теперь по случаю выѣзда Государыни въ Крымъ.

Прошелъ годъ. Константинъ Петровичъ Перскій произведенъ въ офицеры, и сталъ еще молодцоватѣе и красивѣе прежняго. Рослый, бѣлый, румяный, съ русыми волосами, голубыми глазами, съ выраженіемъ въ нихъ смѣтливости и нѣкоторой задумчивости,

Костя былъ типомъ русской красоты. Анна Львовна сдержала свое слово. Она явилась снова въ Петербургъ, но на этотъ разъ уже остановилась у брата, съ которымъ примирилась еще въ первый свой прїездъ, тронутая тѣмъ, что Аполинарій Львовичъ не переставалъ осыпать племянника ласкою и заботливостью. Во второй прїездъ бригадирши въ столицу, ей посчастливилось наконецъ увидеть Императрицу.

— Теперь я умру спокойно, сказала она веселымъ голосомъ: наконецъ я видѣла нашу Матушку-Царицу. Прощай, Питеръ, я больше тебя не увижу.

Костя всячески старался отвести Анну Львовну отъ мысли о смерти, но бригадирша стояла на-своемъ.

Предчувствія старушки сбылись. Возвратясь въ Ванино, она почувствовала, что отдышка ее сдѣлалась сильнѣе. Исполнивъ послѣдній христіанскій долгъ, бригадирша закрыла глаза на вѣки, сопутствуемая, при переходѣ ея въ жизнь будущую молитвами отца Арсенія, не отходившаго отъ больной во все время ея предсмертныхъ мукъ.

VII.

Долго грустилъ Константинъ Петровичъ о потерѣ любимой матери. Мало по малу время изгладило горестъ, какъ изглаживаетъ оно всѣ земныя скорби.

Долго странствовалъ Перскій по сушѣ и морямъ, и дожилъ наконецъ до тридцатилѣтняго возраста. Чаше и чаше стала ему приходиться мысль, что пословицы—разумъ народа, и что одна изъ нихъ говорила: худо тому, кто въ 20 лѣтъ не уменъ, въ 30 не женатъ, въ 40 не богатъ. Первый срокъ прошелъ для него очень счастливо: онъ хорошо учился, слылъ умнымъ малымъ, и сравнивая себя съ другими, находилъ, что слава о немъ не совсѣмъ была мыльнымъ пузыремъ. Наступилъ для него второй срокъ. Ему уже тридцать лѣтъ, а онъ еще не женатъ; онъ былъ и не богатъ, но по смыслу пословицы, ему оставалось еще полныхъ десять лѣтъ на пріобрѣтеніе состоянія, и потому, отложивъ попеченіе о дальнѣйшемъ, Перскій сталъ частенько задумываться о настоящемъ. При повѣркѣ своего нрава, Перскій нашелъ, что уже съ полдюжины привязанностей разныхъ видовъ и степеней не разъ шевелили его молодое сердце. Какъ положиться на это

сердце и на постоянство, необходимое женатому человѣку, котораго въ этомъ сердцѣ еще пока не оказывалось?

Въ такую-то пору тревожныхъ думъ и сомнѣній, вздумалось Перскому заглянуть въ свое село Ванино.

Пріѣхавъ туда, Перскій осмотрѣлъ хозяйство, взошелъ въ нужды крестьянъ, замѣнилъ стараго, избаловавшагося старосту другимъ, честнымъ и зажиточнымъ мужикомъ, и устроивъ свои хозяйственныя дѣла, поѣхалъ, передъ выѣздомъ въ Петербургъ, къ деревенскимъ своимъ сосѣдямъ отрекомендоваться, познакомиться и развлечься отъ хозяйственныхъ хлопотъ. Между сосѣдами было одно семейство, извѣстное въ окружности богатствомъ, гостеприимствомъ и многочисленностью своихъ членовъ.

Отставной секундъ-маіоръ Николай Семеновичъ Огневъ владѣлъ двумя тысячами душъ, не заложенныхъ ни въ какомъ кредитномъ учрежденіи. Супруга его Марѳа Петровна славилась въ свое время красою, но множество дѣтей обоего пола уменьшили и здоровье, и красоту ея. Въ пріѣздъ Константина Петровича Перскаго, дѣти помѣщиковъ Огневыхъ были, какъ говорится, малъ-мала-меньше. Старшей ихъ дочери Оешенькѣ, то есть Оедосьѣ Николаевнѣ, было тринадцать лѣтъ. За нею слѣдовали все погодки, четыре брата и пять сестеръ. Оешенька, не смотря на свое дѣтство, была уже красоты замѣчательной и обращала вниманіе всѣхъ окружныхъ холостяковъ того времени, когда матери и бабки наши вѣнчались едва вышедъ изъ пеленокъ. Черно-каріе ея глаза, темныя дугою брови, прелестныя очертанія носа и губокъ, полненькія, слегка розовенькія щечки и молочной бѣлизны лицо съ перваго раза плѣнили Константина Петровича. Въ тѣ времена разговоры между молодыми людьми много не допускалось, и Перскій, не думая долго, влюбленный и очарованный красою Оешеньки, попросилъ у родителей ея руки. Перскій уже былъ капитаномъ 2-го ранга, молодецъ видомъ и лицомъ, хорошей, древней русской фамиліи, и родители Оешеньки ударили съ нимъ по рукамъ. Свадьбѣ положено быть не равѣ, какъ черезъ годъ, чтобъ дать время Оешенькѣ дорости, сформироваться и докончить образование. Счастливый женихъ, пробывъ остальное время до окончанія своего отпуска въ домѣ родителей своей невѣсты, имѣлъ возможность покороче узнать нравъ Оешеньки, и не нашелъ причины раскаяваться въ своемъ довольно поспѣшномъ сватовствѣ. Оешенька была отъ природы умна и чувствительна. На сталъ срокъ отъѣзда Перскаго.

Совершенно былъ обрядъ обрученія. Грустно было Перскому покинуть прелестное созданіе, на которое онъ уже имѣлъ права, какъ обрученный женихъ. Положено было, что Оешенька будетъ писать жениху обо всѣхъ своихъ занятіяхъ и наукахъ, непременно разъ въ мѣсяцъ. Женихъ обѣщалъ по временамъ присылать невѣстѣ книги, ландкарты и все, что найдетъ необходимымъ, чтобъ споспѣшествовать успѣхамъ ея образованія. Женихъ ухвалъ Николай Семеновичъ и Марья Петровна Огневъ обратили все свое вниманіе и приложили все способы къ лучшему и скорѣйшему окончанію воспитанія Оешеньки, тѣмъ болѣе, что ей предстояла столичная жизнь, между тогдашнихъ цвѣтомъ образованности. Перскій по родству съ Аполлинаріемъ Львовичемъ, вельможею Екатерининскихъ временъ, имѣлъ доступъ въ лучшіе дома Петербургскаго общества, первенствовавшіе по сану, богатству или образованію.

Оешенька, не смотря на прилѣжное ученье, которое шло очень успѣшно, оставалась настоящимъ ребенкомъ. Постоянное пребываніе въ деревнѣ и въ семействѣ отдаляло отъ нея познаніе свѣта и людей. Оешенька не переставала играть въ куклы, не смотря на то, что была невѣстою, и хотя прятала ихъ отъ учителей, но говорила объ нихъ въ письмахъ къ Костѣ, такъ позволено ей было называть нарѣченнаго, котораго она полюбила всею горячностью дѣтской души.

Родители Оешеньки хотя и читали письма ея къ жениху, но не измѣняли въ нихъ слова, находя необходимымъ, чтобъ дочь ихъ казалась ему тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—совершенно ребенкомъ, требующимъ отъ будущаго своего мужа, кромѣ супружеской любви, и любви отеческой. Представляемъ первое письмо Оешеньки, какъ образецъ переписки съ петербургскимъ женихомъ. Въ немъ исправлены только нѣкоторыя орфографическія ошибки.

«Милый мой Костенька!

Съ самаго твоего отъѣзда я безостановочно занималась разными науками и особенно географіею, которую ты мнѣ рекомендовалъ, потому что замѣтилъ, что я ее знала плоховато. Мнѣ теперь учиться очень весело, потому что я думаю тѣмъ угодить тебѣ; къ тому же и маменька и папенька часто повторяютъ, что мнѣ будетъ стыдно, если я буду неученой между петербургскими дамами.

Признаюсь, я не столько думаю о томъ, что скажутъ посторон-

нѣ, какъ боюсь, что ты останешься недоволенъ моими успѣхами: ты такъ просилъ меня учиться прилежнѣе и какъ-то говорилъ, что мнѣ пора ужъ не играть болѣе въ куклы; я всѣ игрушки свои раздарила сестрамъ и братьямъ, только не могла расстаться съ большою куклой, помнишь, которая въ голубомъ платьѣ и съ настоящими волосами на головѣ. Я ей сшила безъ тебя розовое платье, и почти всякій день завиваю ее въ папильотки, помажу и расчесываю. Мнѣ очень жаль расстаться съ этой куклой, я съ нею все говорю о тебѣ. Прощай, милый Костенька, скоро придетъ весна, настанетъ и лѣто, и ты приѣдешь къ намъ. За чѣмъ ты увезешь меня въ Петербургъ? не лучше ли было бы тебѣ остаться съ нами, всѣмъ вмѣстѣ жить было бы веселѣе.—Мы получили твои ландкарты, и я очень тебя за нихъ благодарю. Маменька и папенька тебѣ кланяются и мосье Сантеръ, мой учитель французскаго языка, тоже. Твоя любящая невеста Федосья Огнева.»

Перскій съ своей стороны писалъ нѣжныя письма къ Ошенькѣ, пересыпая однако нѣжныя рѣчи наставленіями.

Мелькнулъ годъ, какъ мигъ. Перскій прискакалъ въ Машино, не заглянувъ даже въ Ванино. Годъ разлуки не охладилъ его, а напротивъ, увеличилъ страсть. Ошенька выросла чуть не на цѣлую голову противъ прошлогдняго, и хотя ей еще не было полныхъ четырнадцати лѣтъ, но обрядъ вѣнчанія былъ свершенъ, и послѣ краткаго пребыванія у Огневыхъ, Перскій съ красавицею женою уѣхалъ снова въ Петербургъ. Красота жены его сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія. Нельзя было не замѣтить ее самому разсѣянному и равнодушному зрителю.

Между тѣмъ какъ Перскій наслаждался своей брачною жизнью, событія слѣдовали одно за другимъ. Уже десять лѣтъ прошло царствованію Александра, приближался знаменитый двѣнадцатый годъ нашего столѣтія. Перскій перешелъ въ полевую службу, командовалъ отдѣльною частью, и въ памятную годовщину защиты отечества отъ нашествія враговъ, не разъ отличался на поляхъ битвъ. Разнесся слухъ о походѣ за границу.

Десять лѣтъ супружества не только не охладили любви ея къ Константину Петровичу, но напротивъ, развили ее до крайнихъ предѣловъ. Перскій любилъ жену свою сильно, но не страстно. Онъ подчасъ не упускалъ случая полюбезничать съ хорошенькою женщиною, хотя эти любезности не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ гостинной болтовни. Красавица жена терза-

лась и ревновала, и по любви, и по самолюбію. Поразительная красота ея была не въ силахъ совершенно остепенить мужа. И бѣдная Оешенька мучилась, терзалась, не была спокойна ни минуты. Оешенькъ былъ 25-й годъ, пора разгара страстей въ женщинѣ. Мысль отпустить мужа во Францію, въ Парижъ, этотъ новый Вавилонъ, ужасала Оешеньку. Ею овладѣла мысль, какъ бы послѣдовать за мужемъ. Отчаяніе внушило ей отважное намѣреніе. Любовь, какъ извѣстно, хитра на выдумки.

Начались приготовленія къ походу. Оешенька выказала себя въ нихъ совершенною героиней. Она безжалостно обрѣзала свою темную густую косу, готовясь носить денщицкую фуражку. Долгъ и справедливость велить мнѣ замѣтить, что такой страшной рѣшимости не мало помогла мода, только что появившаяся въ Парижѣ носить короткіе, завитые волосы. Прическа эта называлась à la Virtus—по имени парикмахера, ея изобрѣтателя.

Трудно было отвести глаза отъ милаго денщика, въ курчавыхъ завиткахъ, въ венгеркѣ темнаго цвѣта со шнурками на груди, съ бѣлымъ воротничкомъ мужской рубашки, падавшимъ на воротникъ венгерки. Но дорого заплатила Оешенька за свою рѣшимость: она стоила ей жизни! Вынужденная раздѣлять съ войсками всѣ неудобства и лишенія походной жизни, привычныя для мужчинъ, спать иногда подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и снѣгомъ, на соломѣ, Оешенька сдѣлалась жертвою своей рѣшимости и ревливой любви къ мужу.

Совершивъ благополучно походъ къ Парижу вмѣстѣ съ русскою арміею, Оешенька на возвратномъ пути почувствовава, что ей придется снова быть матерью. Она оставила въ Россіи трехъ малютокъ дочерей на попеченіе ихъ бабушки, въ Машинѣ. Не смотря на всевозможныя предосторожности, роды послѣдовали преждевременно. Это событіе случилось уже въ царствѣ Польскомъ. Перскій испросилъ у начальства позволеніе остаться при больной женѣ, между тѣмъ, какъ побѣдоносная армія возвращалась въ свое отечество. Константину Петровичу не привелось видѣть торжествъ и триумфовъ, съ какими были встрѣчаемы храбрые защитники отчизны.

Бѣдная Оешенька, еще худо оправившаяся послѣ болѣзни, едва могла дотащиться до Петербурга. Болѣзнь оставила страшные слѣды: злая чахотка свела ее въ раннюю могилу на 24-мъ году отъ рожденія, въ полномъ расцвѣтѣ силы и красоты.

Константинъ Петровичъ едва не лишился разсудка отъ отча-

янія. Горька была для него потеря матери, но потерять любимую жену, мать многочисленного семейства, въ самомъ его юномъ возрастѣ, было для него во сто разъ мучительнѣе.

Положеніе Перскаго было точно не завидное, но снѣ не умеръ съ горя, а началъ помышлять о средствахъ помочь своей бѣдѣ. Я уже говорила, что у Огневыхъ было двѣ тысячи душъ. Въмѣстѣ взятыя, онѣ составляли порядочное состояніе, но раздѣленные, едва могли обезпечить дѣтей Перскаго, которымъ приходилась по матери четырнадцатая часть дѣдовскаго наслѣдства. Надо было серьезно подумать о будущности сиротъ. Двѣ старшія дочери Перскаго были помѣщены въ казенныя заведенія, тотчасъ по смерти ихъ матери. Третья же дочь, которой въ минуту смерти матери было не болѣе полутора года, поступила на попеченіе старушки Марѣи Петровны и полудюжины тетунекъ, одна другой моложе. Въ именахъ дѣтей Перскаго была особенность, рѣдко встрѣчаемая въ другихъ семействахъ. Когда родилась третья дочь Перскаго, то вторая была больна при смерти. Ожидали ея смерти, какъ событія неотразимаго никакою наукою. Чтобъ сдѣлать потерю эту менѣе замѣтною для огорченной Оешеньки, Константинъ Петровичъ, назвалъ новорожденную дочь именемъ больной. Но какъ не рѣдко случается въ расчетахъ людскихъ, и еще чаще въ расчетахъ медиковъ, больная малютка выздоровѣла, и двѣ дочери Перскаго носили одно имя, и та и другая назывались Любовью, старшую звали Вѣрой, а сына Петромъ. Въ послѣдствіи, когда дѣвочки подросли, вторую дочь, рожденную въ памятный 1812 годъ, въ годъ кометы, для отличія отъ сестры называли: «Кометою». Жизнь ея оправдала названіе, и будетъ сюжетомъ особеннаго повѣствованія. А теперь займемся судьбою сестеръ ея по старшинству: а tout seigneur, tout honneur.

VIII.

Въ такомъ положеніи были дѣла Перскаго, когда въ одно прекрасное утро ему вспала на умъ несчастная мысль жениться вторично. Онъ случайно познакомился съ одною вдовой, у которой тоже были двѣ дочери отъ перваго брака. Вдова имѣла кромѣ того дѣло, которое при счастливомъ исходѣ могло принести ей значительное богатство.

Не знаю, чѣмъ сильнѣе плѣнился Перскій, прелестями ли вдовы, или перспективою этого богатства, но вѣрно то,

что онъ ухватился за мысль соединить свою судьбу съ судьбою вдовы съ поспѣшностью и пылкостью влюбленнаго, съ слѣпотою, отличающею искони влюбчивость отъ прочихъ движеній человѣческаго сердца. Онъ сталъ разсуждать, какъ ему тогда казалось, логически, что будущее богатство вдовы, внесенное въ семью его, обезпечитъ существованіе всѣхъ дѣтей, и двухъ дочерей вдовы, и его собственныхъ, и даже могущихъ произойти отъ новаго брака. Перскому казалось, между прочимъ, что вдова влюблена въ него по уши; къ прочимъ расчетамъ онъ присовокупилъ и тотъ расчетъ, что изъ любви къ нему, Лизавета Ивановна (имя вдовы) станетъ доброю матерью его дѣтямъ, и если не замѣнитъ имъ настоящей матери, то по крайней мѣрѣ, будетъ для нихъ надежною путеводительницею на житейскомъ поприщѣ.

Свадьба совершилась. Перскій съ каждымъ днемъ влюблялся въ жену все болѣе и болѣе, хотя она не отличалась ни красотою, ни умомъ, ни образованіемъ, ни душевными качествами. Кто разрѣшитъ это психическое явленіе? Почему человѣкъ иногда безъ причины становится равнодушнѣе къ совершенствамъ, которыя прежде плѣняли его? На многія *почему* не отвѣтили бы мнѣ и первѣйшіе мудрецы міра, еслибъ я вздумала предложить имъ ихъ на разрѣшеніе?

Перскій все болѣе и болѣе привязывался къ женѣ, къ призраку, который онъ украшалъ въ своемъ воображеніи небывалыми достоинствами. Сравненіе второй жены съ милою, поэтической Оешенькой, еще не заглянуло въ его голову, самая память о ней, казалось, заглохла въ его сердцѣ.

Со вступленіемъ Лизаветы Ивановны въ домъ Перскаго, онъ совершенно перемѣнился. Изъ мужчины съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, онъ сдѣлался рабомъ всѣхъ прихотей жены, уже не молодой и не красивой. Въ надеждѣ на будущія блага, Лизавета Ивановна начала жить роскошно и мотать. Празднествамъ и баламъ не было конца. Ни предъ чѣмъ не останавливалась Лизавета Ивановна, хотя въ наличности ни у нея, ни у мужа, денегъ не было. Возможность выиграть дѣло для Лизаветы Ивановны, была всѣмъ извѣстна, и всѣ вѣрили ей въ долгъ кто деньгами, кто товаромъ, записывая все на счетъ въ три-дорога. Долги Перскихъ росли, между тѣмъ, какъ у нихъ прибывала семья. Кромѣ трехъ сиротъ, оставленныхъ Оешенькой, да двухъ дочерей Лизаветы Ивановны отъ перваго брака, семья Перскихъ увеличилась еще четырьмя сыновьями. Не трудно было предви-

дѣтъ въ будущемъ, что собранные въ одну семью разнородные члены ея, не предвѣщали союза и согласія семейнаго. Въмѣстѣ съ приращеніемъ семьи, домъ наполнялся мамушками, няньками и гувернантками.

Мери, старшая дочь Лизаветы Ивановны, была любимицею матери. Меньшая Китти, отдана была, четырехъ лѣтъ, сестрѣ Лизаветы Ивановны, неимѣвшей никогда своихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ Лизавета Ивановна отказалась отъ всѣхъ правъ на Китти, за что Катерина Ивановна Кримова обязывалась не только воспитать племянницу, но и оставить ей по смерти все свое благопріобрѣтенное имѣніе, выдѣливъ ей половину при замужствѣ. Тетка Китти въ точности исполнила взятую на себя обязанность относительно своей питомицы Китти оказалась достойною попеченій тетки, и была въ послѣдствіи счастливо выдана замужъ. Природа одарила Китти миловидностью, въ чемъ рѣшительно отказала сестрѣ ея Мери. Природа какъ будто подшутила надъ ослѣпленіемъ матери и одѣла Мери въ самую безобразную оболочку. Когда Лизавета Ивановна сдѣлалась женою Перскаго, Мери была ровестница старшей его дочери, Вѣрочкѣ. Ей было одиннадцать лѣтъ. Маленькіе свѣрые глаза безъ рѣсницъ, красныя вѣки, какъ будто всегда опухшія, огромный носъ, величины и толщины не гармонирующей съ остальными чертами лица; зубы, почернѣвшіе и искрошившіеся отъ безирестаннаго употребленія лакомствъ, безобразно выставлялись изъ-за толстыхъ губъ, постоянно расстрескавшихся и синихъ; лоснящійся лобъ непомернаго объема, занимавшій большую половину лица, а самое лицо желтозеленаго болѣзненнаго цвѣта—вотъ портретъ Мери.

Болѣе полудюжины гувернантокъ окружали Мери, и всѣ онѣ смотрѣли ей подобострастно въ глаза, не смѣя и подумать прекословить въ чемъ нибудь малѣйшей ея прихоти.

Когда случалось Мери входить въ гостиную, то за нею тянулся цѣлый рядъ самыхъ разнохарактерныхъ лицъ.

На первомъ планѣ, по стопамъ Мери, шла мѣрнымъ шагомъ англичанка, съ накрахмаленнымъ чепцомъ и еще болѣе накрахмаленною фрезею на длинной худой шеѣ. За англичанкой шли французенка, нѣмка, шведка; шествіе заключалось русскою дѣвицею съ ниткой и иглой, которыхъ она не покидала ни на минуту. Обязанность ея состояла лишь въ томъ, чтобъ на-скоро зачинить порванное платье, кружевце, или пришить крючекъ или петельку, чтобъ не обезпokoить безцѣннаго ребенка переодѣ-

ваньемъ не въ положенный часъ. Къ этой же ватагѣ разныхъ лицъ, разныхъ странъ и націй, присоединялись двѣ, три дѣвочки, однихъ лѣтъ съ Мери, дѣти дворовыхъ людей Лизаветы Ивановны, обязанныхъ играть съ Мери въ жмурки, прятки, чумички, и т. п. Когда же Мери приходила фантазія играть въ «весь туалеть» или въ коршуна, или въ «гуси-лебеди домой», или въ «воронъ, воронъ, что ты дѣлаешь», то всѣ гувернантки, не исключая и чопорной мистрисъ Бетси Плокъ, обязаны были участвовать въ играхъ, до которыхъ Мери была страшная охотница.

Домъ Лизаветы Ивановны—мы часто будемъ говорить такимъ образомъ, забывая о главѣ семейства, потому что Константинъ Петровичъ Перскій до того спрятался на самый задній планъ домашняго управленія, что о немъ забывали не только домашніе, но и сама жена его;—и такъ, домъ Лизаветы Ивановны населенъ былъ въ такой же степени и соразмѣрности и мужскимъ поколѣніемъ, какъ и женскимъ. У малолѣтныхъ сыновей ея, кромѣ нянекъ, было по дядкѣ у каждаго и общій гувернеръ на всѣхъ, хотя еще ни одинъ изъ сыновей не принимался за азбуку. Мать не имѣла и четвертой доли той нѣжности къ сыновьямъ, какую питала къ любимицѣ своей Мери, но окружала ихъ многочисленною прислугой. Лизавета Ивановна, между прочими качествами, обладала тщеславіемъ въ высшемъ его проявленіи.

У каждой двери каждой комнаты стояло постоянно по два казачка, одѣтыхъ въ богатые казакины; обязанность ихъ состояла въ передачѣ словесныхъ приказаній барыни къ самымъ отдаленнымъ покоямъ дома, гдѣ находилась остальная прислуга: горничныя и лакеи. Ихъ можно было бы замѣнить звонкомъ, но это распоряженіе, во-первыхъ, уменьшило бы число прислуги, во-вторыхъ, вмѣсто Малашки, явилась бы Таня или Марица, а вмѣсто Сидора Андриушка, что повлекло бы за собою безпорядокъ и новыя распоряженія. Этого тоже хотѣла избѣжать Лизавета Ивановна.

Попугаи, канарейки, бѣлки, американскія кошки, собаки и обезьяны самыхъ дорогихъ породъ наполняли комнаты Перской, и дѣлали изъ нихъ, что-то въ родъ звѣринца. За каждою кѣткой, за каждымъ звѣрькомъ былъ особенный присмотрщикъ. Все это кричало, пищало, свистало, щелкало, лаяло, мяукало, пѣло и утѣшало Лизавету Ивановну, которая, какъ восточная одалыка, валялась на диванахъ, забывъ объ употребленіи ногъ своихъ, однако данныхъ ей заботливою природою.

Такъ шли годы. Лизавета Ивановна дѣлала все, что впадало

ей на умъ, не встрѣчая ни съ какой стороны препятствій или противорѣчій.

Перскій, занятый службой, рѣдко бывалъ дома, кромѣ объединенныхъ часовъ. Даже вечера свои онъ проводилъ внѣ дома, по разнымъ служебнымъ отношеніямъ.

Мери дѣлала, что хотѣла съ служанками, гувернантками и даже подъ часъ и съ маменькою, которая отъ этого помирала со смѣху. Оно точно было занимательно. Мери было четырнадцать лѣтъ, но она носила еще коротенькое платьице съ кружевными панталончиками, волосы ея всегда завиты въ локоны, и она считалась совершеннымъ ребенкомъ, чему не мало способствовалъ щедушный ея видъ.

Пока двѣ старшія дочери Константина Петровича Перскаго, Вѣрочка и Любенька № 1-й воспитывались въ заведеніи, Любаша № 2-й, третья дочь Перскаго, или «Комета», какъ ее называли въ семьѣ, привезена была отъ бабушки въ домъ родительскій, съ тѣмъ, чтобъ и ее помѣстить въ ученье. Мери бросилась на новую добычу съ жадностью. Много Комета вытерпѣла мукъ отъ капризовъ и своевольства своей сестрицы, не мало вынесла и щипковъ ея, и синихъ пятенъ на рукахъ, но, къ счастью для Кометы, мученія ея продолжались менѣе года. Комету изгнали изъ гостиной Лизаветы Ивановны. Она была свѣженькая, розовая дѣвочка, типъ толстенькихъ Рубенцовыхъ дѣтскихъ головокъ, и составляла слишкомъ рѣзкую противоположность, невыгодную обстановку для чахлой, зелено-желтой Мери, и потому данъ былъ приказъ не выпускать Комету изъ дѣтской, особенно при гостяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣтей сажать за общій столъ не принято и не годится. Кометѣ однако было уже девять лѣтъ; она хорошо справлялась съ вилкою и ножомъ, и не требовала около себя няньки... Ну, да воля Лизаветы Ивановны была непреложна, а Константинъ Петровичъ такъ дорожилъ семейнымъ спокойствіемъ, а особенно боялся малѣйшимъ противорѣчіемъ повергнуть Лизавету Ивановну въ спазмы, истерическіе и нервическіе припадки, что въ домѣ все покорствовало волѣ жены, не справляясь даже о согласіи мужа. Перскій какъ будто и самъ забылъ о своей Кометѣ, пока не настала пора отдать ее въ пансіонъ. Едва отецъ пристроилъ третью дочь свою, какъ новая туча заволочла семейный горизонтъ дома Перскихъ. Приближалось время выхода изъ заведенія Вѣрочки.

Если дѣтская свѣжесть Любаши не нравилась Лизаветѣ Ивановнѣ, какъ же станетъ сносить она свѣжесть шестнадцатилѣт-

ней дѣвицы? Перскій видѣлъ возникающую борьбу, не предвидѣлъ въ ней ничего утѣшительнаго, но будучи безсильнымъ отвести грозу, поникнулъ предъ нею головою, и предоставилъ обстоятельству ихъ естественному теченію.

IX.

182... года домъ Перскихъ сіялъ отъ зажженныхъ снару- жи плашекъ, а внутри восковыхъ свѣчей въ канделябрахъ, люстрахъ, стѣнныхъ бра. Звукъ музыки разносился далеко по окрестнымъ улицамъ. Лизвета Ивановна, жадная ко всѣмъ предлогамъ дать пиръ, какъ говорится на славу, ухватилась со всѣмъ рвеніемъ, къ какому была способна, за предлогъ выхода падчерицы Вѣрочки изъ заведенія, чтобъ созвать столько гостей, сколько могли вмѣстить обширные покои ея дома.

Не участіе къ Вѣрочкѣ и не радость принять ее послѣ шестилѣтней разлуки заставили Лизвету Ивановну пуститься на новыя издержки, неизбежно слѣдующія за такимъ событіемъ, а тщеславіе и страсть сорить деньгами, при всякомъ удобномъ случаѣ. Почему же, при такой удобной «оказіи», не отнести этого къ желанію выказать попеченіе о падчерицѣ, которую она изъ тѣхъ же причинъ, посѣщала въ заведеніи непремѣнно разъ въ годъ, что казалось Лизветѣ Ивановнѣ непреложнымъ и вѣрнымъ признакомъ ея заботливости.

Сдѣлавъ бѣлое кисейное платьѣ Вѣрочкѣ, для перваго выхода ея въ свѣтъ, Лизвета Ивановна присоединила къ нему все нужное для укомплектованія наряда: перчатки, башмаки, поясъ изъ лентъ, узорчатые чулки, все было взято изъ Англійскаго магазина, другихъ лавокъ она не знала, да и знать не хотѣла. Все, что было на виду—было дорогое и цѣнное. Бѣлье же Вѣрочки не соответствовало наружному богатству костюма и всѣхъ его принадлежностей. Оно было сдѣлано изъ домашняго полотна, произведенія села Ванина. Ну, да кто же видитъ бѣлье?

Утромъ, для выхода Вѣрочки, платьѣ, бѣлье и всѣ аксесуары были посланы ей съ горничной, которая и обязана была одѣть ее, а вечеромъ Лизвета Ивановна, съ помощью шестнадцати лошадиныхъ ногъ свершила побѣздъ въ заведеніе, въ которомъ воспитывалась Вѣрочка, чтобъ увезти падчерицу тѣмъ же порядкомъ домой. Много и горько плакала Вѣрочка, разставаясь съ подругами.

На порогъ житейскомъ встрѣчала ее не родная мать, а жен-

щина, которую она видала пять, шесть раз во все время своего пребывания въ заведеніи. Отецъ ея остался дома для пріема гостей, созванныхъ на балъ, по случаю возвращенія дочери въ родительскій домъ. Печально съѣла Вѣрочка въ карету съ мачихой.

— Что ты плачешь, дурочка! сказала ей Лизавета Ивановна: у тебя глаза раскраснѣются, перестань.

Въ голосѣ Лизаветы Ивановны было что-то жестокое для слуха Вѣрочки. Она жаждала ласкъ, которыми были осыпаны ея подружки и которыя она подсмотрѣла у матерей ихъ, когда онѣ утѣшали дочерей при разставаніи ихъ съ дѣвками и наставницами.

Но взглядъ Лизаветы Ивановны былъ холоденъ, почти что золь. Она разсматривала Вѣрочку непріязненно. Она сравнивала мысленно миловидность лица Вѣрочки съ лицомъ своей Мери и, не смотря на все свое пристрастіе къ послѣдней, не могла не сознаться, что Вѣрочка станетъ непроницаемою стѣною между выгоднымъ свѣтомъ, могущимъ какъ нибудь упасть на наружность Мери. Злость и зависть зашевелились въ сердцѣ матери. Вѣрочка продолжала плакать. Лизавета Ивановна не удерживала ее болѣе, ей стало отраднo думать, что раскраснѣвшіеся, заплаканные глаза поубавятъ успѣха падчерицы, и мачиха молчала во всю дорогу до самаго дома. Карета остановилась. Дверцы хлопнули, подножка развила свои ступеньки до самаго крыльца; хозяйку дома подхватили два дюжіе лакея подъ руки и повели по лѣстницѣ. Вѣрочка смиренно шла, какъ раба за колесницей побѣдителя. Музыка грянула. Вѣрочка, не приготовленная къ такой встрѣчѣ, ахнула и покачнулась отъ испуга и нечаянности. Она бы упала, еслибъ нѣсколько офицеровъ, выѣжавшихъ навстрѣчу дочери своего начальника, не поддержали ее и не внесли, болѣе чѣмъ ввели, въ бальную залу.

Вѣрочка, едва оправившись отъ мгновеннаго обморока, снова закрыла глаза отъ ослѣпительнаго освѣщенія залы, и открыла ихъ уже на груди отца, прижавшаго къ сердцу трепещущую дочь. Потокъ слезъ облегчилъ виновницу торжества. Вѣрочка мало по малу оправилась, чувствуя свою руку въ рукахъ отца. Мери также подошла къ сестрѣ. Она была въ роскошномъ розовомъ газовомъ платьѣ, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ, которые еще разительнѣе выказывали желтизну ея лица. Не смотря на то, Вѣрочка въ своемъ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ локонами по плечамъ, съ развѣвающимися розовыми концами кушака, стянушаго прелестный ея станъ, была плѣнительна самой своею простотой. Всѣ тан-

цующіе кавалеры, съ эполетами и во фракахъ, наперерывъ ангажировали молодую дѣвушку. Оказалось, что Вѣрочка танцевала искусно и граціозно, хотя очень скромно. Константинъ Петровичъ втайнѣ радовался пріятному впечатлѣнію, произведенному на общество Вѣрочкою; но что сказать о Лизаветѣ Ивановнѣ? То, что происходило въ душѣ ея, описать трудно. Судьба Вѣрочки въ домѣ мачихи рѣшилась въ первый же вечеръ. Не даромъ бѣдняжка, какъ бы предчувствуя все, что должно случиться съ нею въ жизни, переступила съ такимъ трудомъ, и съ такими явными признаками смятенія порогъ дома родительскаго: онъ олицетворялъ для нея порогъ житейскій. Тщетно закрывала Вѣрочка глаза при видѣ ослѣпительнаго свѣта, рано или поздно ей должно было прозрѣть. Съ перваго же мгновения, Вѣрочка осуждена была переносить всѣ истязанія и пытки завистливой мачихи и капризной сестрицы. Нѣсколько разъ Вѣрочка, выведенная изъ терпѣнія, не смотря на свою кротость и безотвѣтность, пыталась передать отцу обо всемъ, но Константинъ Петровичъ не допустилъ дочь ни до какихъ откровенностей, и при первыхъ словахъ ея остановилъ ее: Разъ навсегда говорю тебѣ, другъ мой, Вѣрочка, что я люблю и уважаю Лизавету Ивановну, ты должна слѣдовать примѣру отца, отъ этого будетъ хорошо тебѣ и всѣмъ, а главное, и это ты помни больше всего, а главное отъ этого будетъ хорошо твоему отцу.

Строгость тона, съ которымъ Константинъ Петровичъ высказалъ свое нравобученіе, замкнулъ Вѣрочкѣ уста, и все пошло прежнимъ порядкомъ.

Разсказать всѣ, хотя и мелочныя, но ежедневныя огорченія, почти невозможно. Всякому стороннему онъ покажутся бездѣлицами, не стоящими того, чтобъ на нихъ останавливать вниманіе, потому что причины чужаго горя всегда намъ кажутся ничтожными и маловажными. Я прошу вспомнить, что Вѣрочка, не смотря на свои шестнадцать лѣтъ, все еще была сущимъ ребенкомъ и не могла не огорчаться разными уловками и ухищреніями Лизаветы Ивановны, чтобъ возвысить свою любимицу Мери на счетъ своей падчерицы.

Приведемъ два, три примѣра. Вѣрочка занимала отдѣльную комнату на антресоляхъ, къ которой вела очень узкая и крутая лѣстница; ей позволено было заниматься, чѣмъ ей было угодно, только воспрещалось работать въ пальцахъ. Долго не понимала Вѣрочка этого каприза мачихи, но должна была ему покориться.

Пяльцы Вѣрочки, съ натянутою канвою, корзинкою шерстей и узоромъ стояли въ гостиной у окна, на самомъ видномъ мѣстѣ. Когда Вѣрочкѣ приходила охота вышивать въ нихъ, она должна была спускаться изъ своей комнатки въ гостиную, и тамъ заниматься вышиваньемъ. Насталъ день, когда прихоть мачихи вдругъ объяснилась.

Разъ Вѣрочка, желая поработать въ пяльцахъ, входитъ въ гостиную и видитъ, что кругомъ ея пялецъ стоятъ въ созерцаніи красота ея рукодѣля Лизавета Ивановна и молодой гвардейскій офицеръ, не рѣдко посѣщавшій домъ ихъ. Мери съ иглою въ рукахъ суетилась около пялецъ.

— Это прѣлестно! восхитительно! говорилъ офицеръ, рассматривая не совсѣмъ dokonченный букетъ, что за живость въ цвѣтахъ! вотъ такъ и хочется взять и понюхать.

Лизавета Ивановна и офицеръ, стоявшіе спинами ко входу, и Мери не замѣтили, какъ вошла Вѣрочка, которая съ сладостнымъ біеніемъ сердца слушала похвалы своей работѣ отъ офицера, бывшаго съ нѣкоторыхъ поръ предметомъ ея уединенныхъ мечтаній.

— Много времени вы употребили на это шитье, m-lle Мери? продолжалъ офицеръ.

— Не болѣе трехъ, четырехъ дней, сказала Лизавета Ивановна, и солгала вдвойнѣ. Вѣрочка уже три недѣли вышивала букетъ, который еще не былъ конченъ.

— А!.. bien le bon jour, Вѣра Константиновна, сказалъ вдругъ офицеръ, обернувшись къ Вѣрочкѣ, только что имъ замѣченной.

Вѣрочка не совсѣмъ ловко присѣла отъ смущенія.

Лизавета Ивановна злобно на нее взглянула, и во взорѣ этомъ Вѣрочка ясно прочитала тысячу предстоявшихъ ей терзаній, если она осмѣлится изобличить мачиху во лжи.

Мери покраснѣла сквозь свою зелено-желтую кожу и опустила глаза. Щеки ея очень напоминали поблѣднѣвшіе осенніе листья, съ красно-желтыми отливами.

— А вы тоже вышиваете, Вѣра Константиновна? спросилъ офицеръ. Вѣрочка не знала, что отвѣчать и смотрѣла на мачиху. Лизавета Ивановна кивнула незамѣтно головою, и Вѣрочка сказала едва слышное «да-съ.»

— Какъ же, какъ же! и она вышиваетъ, но только болѣе бисеромъ, прибавила Лизавета Ивановна. Она опять солгала, но только не вдвойнѣ, а вполонину. Хотя Вѣрочка вышивала и би-

серомъ, но еще не успѣла выказать своего искусства съ тѣхъ поръ, какъ была въ домѣ мачихи.

Въ другой разъ случилось другое. Лизавета Ивановна, по своему обыкновенію, нѣжилась, лежа на диванѣ.

Обезьяна на цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ тяжелому круглому столу, возилась съ американскимъ орѣхомъ, вылизывая и выкусывая остатки бѣлаго ядра, прильнувшаго къ скорлупѣ.

Попугаи кричали на всѣ лады и голоса. Канарейки выдѣлывали трели, и собака съ тоненькимъ рыльцемъ каталась по пушистому ковру, желая объ него почесать себя спину, недоступную ни для зубовъ, ни для когтей ея.

Вѣрочка сидѣла у окна и вышивала Лизавета Ивановна полудремала. Дверь тихо отворилась изъ внутреннихъ покоевъ и Константинъ Петровичъ подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ свѣсившуюся, полную ея руку, украшенную болѣе дюжины перстней и колець.

— За мною прислали, я долженъ сейчасъ же ѣхать, и потому пришелъ съ тобою проститься, сказалъ Перскій; ты не жди меня, Лизочка, къ обѣду, развѣ только къ вечеру явлюсь домой.

— Прощай, только не уѣзжай не оставивши мнѣ денегъ. Надо купить Вѣрочкѣ хоть на два платья, у нея гардеробъ поизносился.

Отецъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, вынулъ бѣленькую ассигнацію, означавшую въ то время сто рублей или около тридцати нынѣшнихъ, и положилъ ее на пяльцы.

Глаза Лизаветы Ивановны засверкали какъ у тигра, при видѣ добычи. Перскій снова подошелъ къ женѣ, и поцѣловалъ ее въ голову, погладилъ собаку, щипнулъ обезьяну и вышелъ изъ комнаты.

Едва шаги его замолкли, Лизавета Ивановна сказала тихо: Дуняшу!

Казачки перекликнулись словомъ «Дуняша», попугаи, привыкшіе чаще всего слышать его, тоже закричали: Ду-ня-ша! и имя это, повторенное десятью разными голосами, долетѣло и до слуха Дуняши, любимой горничной, повѣренной, ходатай по дѣламъ, наперсницы Лизаветы Ивановны.

Дуняша вбѣжала въ комнату барыни.

— Дуняша, найми извозчика и ступай въ Англійскій магазинъ. Скажи мусье Жану, знаешь тому, что умѣетъ говорить по-русски, чтобъ онъ привезъ разныхъ кисей, англійскихъ холсти-

нокъ, французскихъ ситцевъ изъ дешевыхъ, знаешь, такихъ, что я брала для всѣхъ васъ недавно. Однимъ словомъ, пусть привезетъ что нибудь расхожее, для дачи.

Не прошло и часу, гостиная Лизаветы Ивановны преобразовалась въ магазинъ. Со всѣхъ кресель спускались до полу разноцвѣтныя кисеи, ситцы, холстинки; и обезьяна теребила какой-то выпавшій на полъ шелковый платочекъ, который господинъ Жанъ не забылъ внести въ счетъ покупокъ.

Мери была вызвана изъ-за уроковъ и, хватаясь за все, не рѣшалась въ своемъ выборѣ. Наконецъ взято было для Мери два кисейныя платья, голубаго и розоваго цвѣта, бѣлый газовый эшарпъ съ прелестными затканными букетами на концахъ, двѣ, три шемизетки, нѣсколько аршинъ кружевъ, и съ полдюжины разноцвѣтныхъ платочковъ.

Дуняшѣ, тутъ же вертѣвшейся, отрѣзано было французскаго ситца, а Вѣрочкѣ на два платья розовой и голубой холстинки изъ *дешевыхъ*, въ панданъ къ розовой и голубой кисей Мери.

Бѣлая ассигнація все еще лежала на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ положилъ ее Перскій. Вѣрочка до нея не дотронулась и продолжала вышивать, и только изъ подлобья и мелькомъ окидывала взоромъ и товары, и присутствующихъ въ комнатѣ.

Мусье Жанъ ловко повертывался во всѣ стороны, выхваляя свой товаръ и помогая выбору покупательницъ. Когда выборъ этотъ былъ наконецъ конченъ, Лизавета Ивановна сказала:

— Вѣрочка, подай мнѣ деньги.

Вѣрочка подошла къ мачихѣ, и въ обмѣнъ ассигнаціи получила два свертка холстинокъ.

— Вотъ и тебѣ обновка, сказала Лизавета Ивановна, и протянула руку къ самымъ губамъ Вѣрочки. Горя отъ стыда за поступокъ мачихи, бѣдняжка возвратилась къ своимъ пальцамъ въ совершенномъ смущеніи, какъ будто сама свершила преступленіе. Но еще не то ожидало ее впереди.

Мери, забравъ всѣ свои вещи и не поблагодаривъ даже мать, выпорхнула изъ комнаты, а Дуняша бросилась цѣловать ручки барыни.

Мусье Жанъ свернулъ свои товары, остановился предъ Лизаветой Ивановной, думая получить вождѣльную бѣлую ассигнацію, но Лизавета Ивановна рассчитала, что этого будутъ недостаточно на уплату всего набраннаго ею, взяла лежавшій передъ нею романъ, заложила ассигнацію между листами книги и сказала:

— Мусье Жанъ, потрудитесь записать эти покупки въ общій счетъ; къ первому числу будущаго мѣсяца мужъ мой заплатитъ вамъ сполна.

Мусье Жанъ, какъ благовоспитанный приказчикъ моднаго магазина, не возражалъ, низко и ловко раскланялся и вышелъ.

Лизавета Ивановна, по уходѣ его, стала перелистывать романъ, отыскала ассигнацію и заперла ее подъ ключъ въ шкатулку, всегда стоявшую въ углу дивана, на которомъ обыкновенно покоилась хозяйка.

Насталъ вечеръ. Перскій вернулся домой.

— Вѣрочки здѣсь нѣтъ, спросилъ Перскій, еще не входя въ комнату, гдѣ покоилась жена, у одного изъ казачковъ. И на отрицательный отвѣтъ велѣлъ позвать ее. Не успѣлъ Перскій поцѣловать руку у вѣчно дремавшей супруги своей, какъ и Вѣрочка тихо вошла въ комнату.

— Ахъ, это ты Константинъ Петровичъ, сказала Лизавета Ивановна, потягиваясь лѣниво, и увидя входившую Вѣрочку, примолвила: поблагодари же отца за обмены.

Вѣрочка, молча, поцѣловала руку Перскаго.

— Ну, ужъ разщедрился, Константинъ Петровичъ, нечего сказать; многое ли можно купить на сто рублей въ Англійскомъ магазинѣ. Я хотѣла купить Вѣрочкѣ шарфикъ и платочковъ, да денегъ не хватило.

У Вѣрочки занялся духъ, она едва удержалась отъ слезъ, когда отецъ ея, не говоря ни слова, вынулъ бумажникъ, а изъ него бѣленькую ассигнацію, только другаго формата, какъ первая, продолговатую, а не четырехугольную, означавшую въ то время двадцать пять рублей, и положилъ ее на столъ передъ Лизаветой Ивановной, которая улыбнулась, подмигнувъ слегка Вѣрочкѣ.

Вѣрочкѣ такъ и хотѣлось сказать отцу: бѣдный папаша, какъ тебя обманываютъ!.. но вспомнивъ строгое приказаніе отца, она остановилась во-время и затаила свои ощущенія, хотя горестъ и отчаяніе ясно выражались на миловидномъ ея личикѣ.

X.

Теперь поговоримъ, въ чемъ состояло дѣло Лизаветы Ивановны, выигрышъ котораго обѣщаль Перскому благосостояніе для всей его семьи, и какія слѣдствія произошли отъ отлучекъ Перскаго изъ Петербурга по этому дѣлу.

Жила—была на бѣломъ свѣтѣ, а именно въ Симбирской губерніи, старушка, назовемъ ее, пожалуй, Настасьей Ѳоминишной Белтухиной. Она обладала огромнымъ состояніемъ. Настасья Ѳоминишна никогда не была замужемъ, не имѣла ни сестеръ, ни братьевъ, и некого ей было любить въ жизни послѣ потери родныхъ. Она подружилась въ молодости съ матерью Лизаветы Ивановны Перской и Катерины Ивановны Кремовой, и любила ее отъ полноты сердца. Когда мать Перской и Кремовой осталась вдовою, и сама, послѣ тяжкой болѣзни, собиралась покинуть міръ и двухъ дочерей, сиротъ, Настасья Ѳоминишна дала ей, передъ кончиной, клятвенное обѣщаніе замѣнить сиротамъ мать и оставить имъ все свое имущество. Бѣдная больная умерла спокойно, благословляя своего друга и поручая ей дѣтей. Белтухина воспитала сиротъ и выдала ихъ замужъ. Но одна изъ нихъ оказалась недостойною ея попеченій. Лизавета Ивановна всегда была непочтительна къ своей благодѣтельницѣ, своими поступками довела ее до того, что она объявила единственною наслѣдницею всего своего имѣнія сестру Лизаветы Ивановны, Кремову, усыновившую Китти, дочь Перской. Было даже сдѣлано завѣщаніе въ этомъ смыслѣ, а Лизаветѣ Ивановнѣ была назначена старушкою извѣстная ежегодная выдача на прожитіе. Мужъ Кремовой, ловкій и хитрый проныра, успѣлъ захватить въ свои руки управленіе всѣмъ имѣніемъ Белтухиной, которая питала къ нему особенное довѣріе. Онъ и выдавалъ Перской положенную сумму, но не всегда аккуратно, пользуясь и старостью, и безпамятливостью Белтухиной, и смысломъ ея завѣщанія, сдѣланнаго еще при жизни старушки, въ которомъ выдача денегъ Перской выражена была довольно темно и неопредѣлительно.

Лизавета Ивановна жаловалась нѣсколько разъ Белтухиной на эту неаккуратность. Но старушка, жившая въ Симбирской губерніи, или не получала писемъ Перской, которыя проходили чрезъ руки Кремова, или вѣрнѣе не хотѣла на нихъ отвѣчать, храня неудовольствіе на Лизавету Ивановну за ея непочтительность. Между тѣмъ Кремовъ, имѣя въ виду недопустить Лизавету Ивановну къ примиренію, и даже къ сближенію съ ея благодѣтельницею, работалъ усердно, чтобъ поддержать въ сердцѣ Белтухиной неудовольствіе на Перскую, что было ему не трудно сдѣлать.

Лизавета Ивановна, выходя замужъ за Перскаго, отыскивала въ мужѣ ходатая по дѣламъ своимъ, не рѣшаясь сама ни

за что въ свѣтъ разстаться съ столичною жизнью. При одной мысли ѣхать въ Симбирскую губернію, Лизавету Ивановну обдавало холодомъ. Долго она уговаривала Перскаго ѣхать къ Белтухиной, и своею ловкостью заслужить ея милость.

Перскій наконецъ поѣхалъ и взялъ съ собою Вѣрочку. Старушкѣ онъ понравился, а Вѣрочку она полюбила страстно.

Кремовъ морщился отъ успѣховъ свояка и его дочери, но не отчаивался и не терялъ надежды выпроводить ихъ безъ большаго урона для своихъ выгодъ.

Однако, когда Белтухина, плѣненная Вѣрочкою и совершенно довольная почтительностью Перскаго, стала поговаривать о равномъ раздѣлѣ ея имущества между своими питомицами, Кремовъ струсилъ не на шутку. Старушка доказывала необходимость простить Лизаветѣ Ивановнѣ ея дурные поступки уже потому, что у Кремовыхъ не было дѣтей, кромѣ усыновленной ими Китти, тогда какъ у Перской было четверо малолѣтнихъ сыновей, да еще четверо дѣтей Перскаго, изъ которыхъ Вѣрочка была для старушки идеаломъ красоты и кротости, и которую она принялась любить со всею привязчивостью старости. Вѣрочка въ свою очередь, не знавшая, или вѣрнѣе сказать, не помнившая ласки матери, съ восторгомъ и благодарностью принимала ласки новой бабушки, посланной ей милосердіемъ неба. Кремовъ рѣшился на послѣднее средство.

Сильно сомнѣваясь, чтобъ Лизавета Ивановна когда нибудь явилась къ своей благодѣтельницѣ, Кремовъ сталъ внушать старушкѣ предложить Перскому, чтобъ онъ прислалъ къ ней жену съ покорностью и сознаниемъ своихъ дурныхъ поступковъ противъ друга своей матери и своей благодѣтельницы. Старушка тотчасъ согласилась съ мнѣніемъ Кремова, какъ для того, чтобъ сломить упрямство Лизаветы Ивановны, такъ и для того, чтобъ снова увидѣть Вѣрочку.

Пріѣздъ Вѣрочки съ мачихою былъ поставленъ первымъ условіемъ примиренія съ Белтухиной. Перскій далъ обѣщаніе, что вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, Лизавета Ивановна пріѣдетъ въ Симбирскую губернію, а чтобъ еще болѣе угодить старушкѣ, онъ оставилъ ей Вѣрочку до пріѣзда ея мачихи. Белтухина была внѣ себя отъ радости и общала Перскому, если Лизавета Ивановна покорится и пріѣдетъ къ ней, приготовить но вый актъ, которымъ раздѣлитъ все свое мнѣніе по-равну между обѣими сестрами.

Перскому стоило не малаго труда уговорить жену на это путешествіе. Но какъ ни желала она отвертѣться отъ предстоящей поѣздки, однакожь сообразила, что вся будущность ея и дѣтей зависѣла отъ ея рѣшимости, и она рѣшилась.

Взявъ съ собою Мери, съ которою разлучиться не заставили бы ее никакія выгоды въ мірѣ, Лизавета Ивановна въ покойномъ и великолѣпномъ четырехмѣстномъ дормезѣ, украшенномъ внутри зеркальными стеклами и бронзою, потонувъ въ собольихъ шубахъ, тронулась въ дорогу, въ сопровожденіи только одного учителя, француза Сантера, на котораго возложена была обязанность расплачиваться на станціяхъ и заботиться объ обѣдахъ и ужинахъ, завтракахъ и прочихъ дорожныхъ удобствахъ. Лакей, поваръ и Дуняша составляли остальной дорожный поѣздъ путешественницы. Дуняша была взята въ средину дормеза, на четвертое вакантное мѣсто, а двое слугъ мужескаго пола помѣстились снаружи.

Старушка Белтухина встрѣтила путешественницу холодно и церемонно. Лизавета Ивановна сколько могла, принуждала себя быть ласковою и угодливою, но капризная Мери не могла совладѣть съ своимъ строптивымъ, избалованнымъ нравомъ.

Старушка безъ церемоніи журила ее безпрестанно, сравнивая съ милою своею Вѣрочкой, и всегда отдавала во всемъ преимущество послѣдней.

Желчь Лизаветы Ивановны взбалтывалась противъ Вѣрочки все болѣе и болѣе, но затаивъ временно свою злобу, Перская была съ нею ласкова и обходительна, особенно при Белтухиной.

Видя нѣжность старухи къ Вѣрочкѣ, Лизавета Ивановна рассудила посредствомъ ея вѣрнѣе достигнуть не только совершеннаго примиренія съ Белтухиной, но еще привести въ исполненіе одинъ замыселъ, который она давно обдумывала. Вѣрочка, не покидавшая Настасью Ѳоминишну ни на минуту, и даже спавшая съ нею въ одной комнатѣ, поддерживала въ старушкѣ расположеніе къ отцу своему, говоря съ нею о немъ безпрестанно, и старушка наконецъ написала актъ, обѣщанный Перскому.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда вся семья собралась у чайнаго стола, старушка, обнявъ Вѣрочку и поцѣловавъ ее, вынула изъ кармана сложенную бумагу и сказала:

— Вотъ, моя душка, передай эту бумагу твоему отцу и скажи, что я исполнила свое обѣщаніе, но только потому, что я его очень полюбила. И старушка сдѣлала удареніе на мѣстоимѣніе «его», взглянувъ не совсѣмъ пріязненно на Перскую.

— Твой отецъ, продолжала старушка, очень любить свою жену, и я надѣюсь, что она отплатитъ ему за это любовью къ его дѣтямъ. Если же я узнаю, что тебѣ, мой дружокъ, не хорошо жить у твоей мачихи, я еще разъ измѣню актъ, и сдѣлаю тебя моею наслѣдницею вмѣсто ея, и надѣюсь, что ты будешь для твоихъ маленькихъ братьевъ и для Мери лучшею матерью, чѣмъ ихъ настоящая мать. Потомъ старушка обратилась къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

— А тебя, Лиза, прошу помнить мои слова: мое обѣщаніе не говорится на вѣтеръ, а напротивъ, оно очень обдуманно.

Белтухина снова отвернулась отъ Перской и сказала Вѣрочкѣ:

— Сирячь эту бумагу въ свою дорожную шкатулку; актъ за свидѣтельствованъ, гдѣ было нужно, и имѣетъ всю законную силу, до новаго моего распоряженія; Лиза будетъ получать по день моей смерти сорокъ тысячъ рублей ежегодно, а передъ смертью все, что я имѣю, раздѣлю на двѣ равныя части.

Не смотря на явное пренебреженіе Белтухиной, которая говорила о вещахъ, касавшихся прямо Перской, не глядя на нее, а обращаясь къ дѣвушкѣ, которая не совсѣмъ даже понимала смыслъ ихъ, Лизавета Ивановна задыхалась отъ радости, и бросилась было цѣловать руку старушки, но та, отнявъ свои руки, прекратила порывъ притворной нѣжности Перской.

Успокоенная на счетъ успѣха своего дѣла, имѣя актъ въ рукахъ, Лизавета Ивановна вмѣсто чувствъ благодарности къ умиловленной своей благодѣтельницѣ, затѣяла свершить поступокъ, вполне обрисовывающій ея характеръ.

У Белтухиной хранились деньги въ одномъ изъ сундуковъ, ключъ отъ котораго она имѣла постоянно при себѣ, а на ночь клала подъ подушку. Сундукъ этотъ вынесенъ былъ изъ спальни старушки, чтобъ очистить мѣсто для кровати Вѣрочки, и поставленъ въ смежной комнатѣ подъ диванъ, на которомъ стлали на ночь постель для Лизаветы Ивановны. Перская провѣдала отъ горничной, что хранилось въ завѣтномъ сундукѣ, и мысль вскрыть его, мучила ее уже нѣсколько дней кряду. Лизавета Ивановна рѣшилась попросить Вѣрочку достать ей этотъ ключъ во время сна старушки. Вѣрочка не знала, что хранилось въ сундукѣ, но считая поступокъ, на который ее уговаривали, дурнымъ, долго отказывалась; Лизавета Ивановна настаивала, увѣряя, что въ сундукѣ хранится бумага, отъ прочтенія которой зависитъ счастье всего семейства Константина Петровича, и которая, про-

нырствомъ Кремова можетъ уничтожить силу акта, даннаго Настасьей Ѳомиинишной.

Вѣрочка ничего не понимала въ дѣлахъ; ей было напрасно допытываться объясненія въ чемъ заключалась эта бумага и для чего нужно было ее прочесть. Только одно поняла она изъ словъ мачихи, что отцу ея будетъ не хорошо, если Кремову удастся воспользоваться этою бумагой. Вѣрочка понимала еще, что Кремову не нравилось новое распоряженіе Белтухиной на счетъ доходовъ ея при жизни и раздѣла послѣ ея кончины. Вѣрочка не разъ наблюдала за Кремовымъ, во время своего пребыванія въ домѣ Белтухиной и считала его корыстнымъ и злобнымъ человѣкомъ, и потому питала къ нему антипатію. Она не разъ подслушивала разговоры его съ Настасьей Ѳомиинишной, и негодовала на него за то, что онъ старался еще болѣе озлобить сердце старушки противъ Лизаветы Ивановны. Пользы мачихи тѣсно были связаны съ пользами ея отца и всего семейства. Вѣрочка, не смотря на свое отвращеніе, наконецъ, по усиленнымъ настояніямъ и угрозамъ мачихи, согласилась исполнить ея желаніе.

Оставалось два дня до обратнаго отправленія Лизаветы Ивановны въ Петербургъ; она болѣе и болѣе торопила Вѣрочку.

Вѣрочка откладывала свое намѣреніе, не находя душевныхъ силъ для его выполненія. Ей было стыдно глядѣть въ глаза старушкѣ, столько къ ней довѣрчивой, принимать ея ласки, всегда такія нѣжныя и трогательныя, но страхъ не угодить мачихѣ, которая могла въ послѣдствіи измучить ее новыми терзаніями, помогъ не мало рѣшимости Вѣрочки.

Послѣдняя ночь, проведенная подъ кровомъ старушки, была назначена на исполненіе желанія мачихи, отъ котораго тоскливо ныло сердце Вѣрочки и прыгало отъ радости сердце Перской.

Долго старушка, лежа въ постелѣ, передъ сномъ, разговаривала съ своей любимицей. Она давала ей наставленія и совѣты какъ поступать въ жизни, и не разъ принималась плакать при мысли о разлукѣ съ нею. Вѣрочка тоже задыхалась отъ слезъ при мысли о разлукѣ съ доброю старушкой, но при мысли о томъ, что собиралась сдѣлать по требованію мачихи, вопреки своей совѣсти.

Наконецъ старушка умолкла, дыханіе ея становилось слышнѣе и ровнѣе, ощущенія Вѣрочки томительнѣе и мучительнѣе.

Между ею и мачихою положено было, что Вѣрочка, взявъ ключъ изъ-подъ подушки Белтухиной, передастъ его въ смежную комнату, отворивъ чуть-чуть запертую дверь. Лизавета Ивановна,

спавшая съ Мери въ этой комнатѣ, получивъ ключъ, сыщеть нужную бумагу, прочтетъ ее, запретъ снова сундукъ и опять передастъ ключъ Вѣрочкѣ.

Часы уже давно пробили полночь. Вѣрочка, едва дыша, осторожно спустила ноги съ кровати. Свѣтъ отъ огня въ смежной комнатѣ, проходилъ подь дверью и направлялъ шаги Вѣрочки. Притаивъ дыханіе и не надѣвъ туфель, чтобъ тѣмъ не разбудить старушку, Вѣрочка стала приближаться къ ея изголовью. Сердце бѣдной дѣвушки сильно билось. Вдругъ показалось ей, что старушка поворотилась на постель, въ ту самую минуту, какъ Вѣрочка уже протягивала руку къ подушкѣ. Вѣрочку обхватило какъ будто морозомъ. Но нѣтъ, это ей такъ почудилось. Дыханіе старушки не прерывалось. Вѣрочка тихо, осторожно засунула руку подь подушку и вынула ключъ. Она едва держалась на ногахъ. Въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ, не смотря на окружающую темноту, перебѣгали искры краснаго цвѣта. Вѣрочка благополучно дошла до двери, она была уже пріотворена заботливой Лизаветой Ивановной, ровно на столько, чтобъ можно было просунуть руку съ ключемъ, и рука Вѣрочки, едва приблизясь къ отверстію, мгновенно встрѣтила руку мачихи, судорожно выхватившую у нея ключъ.

Все это совершилось безмолвно и безъ малѣйшаго шума.

Отъ волненія Вѣрочка едва могла дойти до своей кровати, и не успѣвъ еще лечь на нее, зарыдала.

— Ты все еще плачешь, Вѣрушка, сказала старушка, услышавъ сквозь сонъ рыданія молодой дѣвушки. Полно, дружокъ ты мой, слезами горю не пособить, хоть я и стара, но надѣюсь еще увидѣть тебя у себя. Полно же, не плачь! Господь съ тобою, дитя мое!

И старушка, вздохнувъ тяжело, снова заснула, утомленная собственными сѣтованіями о разлукѣ съ своей любимицей.

Часы тянулись для Вѣрочки, какъ мучительная пытка.

Пробилъ часъ по-полуночи, два—три. Никакая тѣнь не показывалась въ полосѣ свѣта чуть-чуть открытой двери въ комнату мачихи. Вѣрочка приподняла голову съ подушки, чтобъ лучше прислушаться, что дѣлалось за дверью, и вдругъ она ясно слышала металлическій звукъ какъ бы пересыпаемыхъ денегъ. Вѣрочка чуть не вскрикнула отъ ужаса. Передъ нею встала истина во всей наготѣ своей. Не боясь послѣдствій, Вѣрочка безъ всякихъ предосторожностей, быстро встала съ постели, твердою поступью пошла къ двери, съ намѣреніемъ остановить грабитель-

лицу, но въ ту самую минуту, какъ дѣвушка бралась за дверь, чтобъ отворить ее, изъ-за нея протянулась рука, держащая ключъ, который, коснувшись обнаженной груди Вѣрочки, произвелъ на нее, не смотря на холодъ металла, чувство раскаленного желѣза. Вѣрочка безсознательно взяла ключъ, дверь тихо, но быстро и плотно притворилась, быстрые шаги удалились въ углубленіе комнаты и стихли, вѣроятно, въ дальнѣйшихъ покояхъ, потому что и свѣтъ постепенно исчезъ внизу въ щели у двери.

Что было дѣлать Вѣрочкѣ? Пойти ли огласить поступокъ ма-чихи челядинцамъ, или разбудить старушку? Но Вѣрочка уже свершила недостойный поступокъ, вопреки довѣрія и любви къ ней старушки. Будетъ ли въ силахъ позднее ея раскаяніе за-гладить первоначальную рѣшимость. Вѣрочка усомнилась въ этомъ и съ отчаяніемъ въ душѣ едва добрела до своей постели.

Описать всѣ мученія Вѣрочки въ остальную часть ночи, невозможно!

Только съ приближеніемъ разсвѣта Вѣрочка рѣшилась положить ключъ на прежнее мѣсто. Между тѣмъ, какъ эта вынужденная, если не невольная участница въ преступленіи искупала его въ слезахъ и терзаніяхъ, совѣсть не то происходило въ комнатѣ Перской. Не разъ и она прислушивалась къ тому, что дѣлалось за дверью, но не укору совѣсти терзали ее, а страхъ неудачи въ задуманномъ поступкѣ. Съ какою-то дикою радостью она схватила давно ожидаемый ключъ, явившійся въ отверзтіе двери, отъ которой Лизавета Ивановна не отходила съ той самой минуты, какъ простившись съ старушкой, вышла изъ ея комнаты. Убѣдившись, что Мери спитъ, Лизавета Ивановна взяла свѣчу, поставила ее на полъ около себя, выдвинула сундукъ изъ-подъ дивана, и твердою рукою вложила ключъ въ замокъ. Ключъ повернулся, замокъ щелкнулъ, крышка сундука скрипнула и поднялась. Передъ глазами Перской представился симметрической рядъ холстяныхъ мѣшечковъ, завязанныхъ шнурками. Всѣ они были наполнены полуимперіалами. Перская, чтобъ скрыть хоть временно свое похищеніе, отсыпала по значительной части отъ каждаго изъ мѣшечковъ, и снова разложила ихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они находились, такъ, что при первой наглядной повѣркѣ, число мѣшечковъ оказалось бы вѣрно, хотя при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи и можно было замѣтить, что мѣшечки значительно утратили свою первобытную полноту.

Окончивъ это преступное занятіе, Лизавета Ивановна поспѣшно закрыла крышу сундука и заперла его ключемъ.

Передавъ ключъ Вѣрѣ, Перская быстро притворила дверь, не забываясь о томъ, что произойдетъ за нею.

Затѣмъ она всыпала всѣ вынутыя деньги въ приготовленный мѣшокъ, положила его къ себѣ подъ подушку, взяла свѣчу и вышла въ слѣдующую комнату, чтобъ убѣдиться, не былъ ли кто нибудь свидѣтелемъ ея ночнаго занятія. Но всѣ спали въ домѣ. Лизавета Ивановна потушила свѣчу, легла, и, хотя радость мѣшала ей нѣсколько времени заснуть, однако вскорѣ она захрапѣла по своему обыкновенію.

Мы уже говорили, что на другой день послѣ этой ночи, столь полной для мачихи и падчерицы различныхъ ощущеній, положено было пуститься въ обратный путь, послѣ утренняго чая.

Передъ тѣмъ, какъ войти въ комнату своей благодѣтельницы, Лизавета Ивановна кликнула къ себѣ Вѣрочку.

— Теперь все кончено, сказала она ей, если ты кому нибудь проговоришься о томъ, что происходило нынѣшниею ночью, я всю вину сложу на тебя, мнѣ повѣрять, потому что ты одна могла достать ключъ изъ-подъ подушки.

Бѣдная дѣвушка готова была благодарить Бога, что не послѣдовала своему первому движенію и не огласила поступка мачихи. Чѣмъ было ей доказать ея ложь и свою невинность?

Вѣрочка не могла не зарыдать, когда Белтухина стала цѣловать ее на прощанье и благословлять со всею нѣжностью матери.

Наконецъ минута выѣзда настала. Старушка только и занималась Вѣрочкой, и очень холодно принимала ласки Лизаветы Ивановны и Мери. Только передъ самымъ уже выходомъ Перской, на крыльцѣ, Белтухина сказала ей:

— Лиза, помни мои слова: если ты чѣмъ нибудь будешь обижать Вѣрочку, я все отниму у тебя и все передамъ ей.

Все было готово. Дормезъ стоялъ у крыльца. Лизавета Ивановна помѣстилась на первомъ мѣстѣ и помѣстила между собою и Мери, тихо но горько плачущую Вѣрочку. Экипажъ тронулся; колокольчикъ зазвенѣлъ; лошади помчались. Лизавета Ивановна дико захохотала, непонятнымъ для всѣхъ присутствующихъ, кромѣ только одной Вѣрочки, смѣхомъ. Грудь Вѣрочки тоже облегчилась. Ей становились уже невыносимы ласки и нѣжность старушки. Вѣрочку терзало сознание, что она отплатила за нихъ коварнымъ

поступкомъ; она радостно вздохнула, когда увидѣла наконецъ шпигль крѣпости, парящій надъ градомъ Петра.

XI.

Мученія Вѣрочки пошли своимъ чередомъ. Лизавета Ивановна, тяготясь видомъ Вѣрочки, знавшей о ея преступленіи, стала сама приискивать жениха падчерицѣ. Одинъ уланскій полковникъ обратилъ вниманіе на Вѣрочку; онъ былъ не старъ и красивъ наружностью, и по всему могъ быть приличною партіей для Вѣрочки, но мачиха прочила его въ женихи Мери, и еще съ большимъ рвеніемъ принялась отыскивать, кому бы сбыть поскорѣе съ рукъ ненавистную ей падчерицу. Извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Жилъ въ это время въ Петербургѣ старикъ Яковъ Петровичъ Трёмовъ. Ему былъ шестой десятокъ. Клюквеннаго цвѣта лицо его было все въ бородавкахъ, цвѣта рыжиковъ. Подъ цвѣтъ бородавокъ носилъ онъ рыжій парикъ, столько же густой, какъ гладка была прикрытая имъ голова. Одна изъ бородавокъ, самая крупная изъ группы, помѣстилась на самомъ носу, и надо сказать, возсѣдала на достойномъ себѣ пьедесталѣ. Носъ былъ величины съ добрую свеклу. За то и бородавка не захотѣла быть недостойною своего подножія: она росла и красовалась не по днямъ, а по часамъ, разсыпавши окрестъ себя многочисленное потомство, росшее подъ прикрытіемъ кустовъ рыжихъ волосъ довольно благоразумной длины, не скрывавшей отъ взоровъ блеска этого богатаго разсадника. Самъ Трёмовъ устроенъ былъ на двухъ коротенькихъ ножкахъ, но за то съ рѣзко выдавшеюся брюшною полостью.

Трёмовъ былъ извѣстенъ разгульной своей жизнью. Богатый дядя, котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ, грозилъ лишить его всего, если онъ не перемѣнитъ образа жизни, и Трёмовъ вздумалъ доказать ему эту перемѣну, женившись на скромной, честной дѣвушкѣ изъ хорошаго дворянскаго дома.

Лизавета Ивановна знала всѣ эти обстоятельства и сама предложила Трёмову свою падчерицу, увѣривъ его, что Вѣрочка, хотя и достаточно образована, чтобъ играть роль жены человѣка съ вѣсомъ, но столько же отъ природы глупа и простодушна, что никогда не станетъ вмѣшиваться въ дѣла мужа.

Трёмову очень понравилось предложеніе Лизаветы Ивановны, и онъ во всемъ положился на нее, тѣмъ болѣе, что только искус-

ство Лизаветы Ивановны могло побѣдить нѣкоторое удаленіе, которое замѣчалъ онъ къ себѣ въ Вѣрочкѣ, и приписывалъ болѣе робости, чѣмъ антипатіи, возбуждаемой однимъ уже наружнымъ его видомъ. Тремовъ имѣлъ претензію на молодость и красоту.

Тогда-то начала Лизавета Ивановна плести свою сѣть, какъ паукъ около мухи. Она употребляла въ отношеніи къ Вѣрочкѣ всѣ роды убѣжденій: просьбы, ласку, угрозы и всѣ виды терзаній и угнетеній.

Вѣрочка переносила все съ стоическою рѣшимостью и постоянно отказывалась отъ предлагаемаго брака. Она не питала сердечной склонности къ уланскому полковнику, обратившему на нее вниманіе, но замѣчая, что произвела на него выгодное впечатлѣніе, ждала и надѣялась, что онъ скоро выскажетъ свои чувства и посватавшись на ней, избавитъ ее отъ ненавистнаго индѣйскаго пѣтуха, какъ она называла Тремова.

Надежда эта придавала ей силы противиться мачихѣ, но и мачиха съ своей стороны легко догадалась, въ чемъ состояли силы Вѣрочки, и что поддерживало ее въ неравной борьбѣ съ нею. Она очень обрадовалась, узнавъ, что полковникъ, по дѣламъ службы, откомандированъ въ одну изъ дальнихъ губерній. Разлука съ Вѣрочкой раскрыла ему яснѣе состояніе его сердца. Только по выѣздѣ своемъ изъ Петербурга полковникъ рѣшился написать къ Лизаветѣ Ивановнѣ письмо, и въ немъ просить руки Вѣрочки, объясняя свою любовь къ ней.

Лизавета Ивановна искусно сдѣлала изъ имени Вѣры имя Мери, и дала прочесть письмо падчерицѣ; оно было тѣмъ легче, что и отчество Мери было такое же, какъ Вѣрочки, и что сторонніе люди всегда называли ее не Марьей Константиновной, какъ бы требовала правильность, но Мери Константиновна, какъ того желала Лизавета Ивановна, вдававшаяся нѣсколько въ англоманію. Англоманію эту можно было объяснить только тѣмъ, что мистрисъ Бетси, гувернантка Мери, возбуждала въ душѣ Лизаветы Ивановны болѣе почтенія, чѣмъ французенка и всѣ прочія гувернантки, а мистрисъ за каждымъ словомъ говорила «мисъ Мери», и такъ сказать освоила это прозваніе съ ухомъ и привычкою матери.

И такъ, подмѣнивъ имя Вѣры именемъ Мери, Лизавета Ивановна торжествовала, когда замѣтила удивленіе падчерицы при чтеніи письма. Вѣрочка не могла не удивиться, что такъ грубо обманулась въ чувствахъ полковника, и съ этого дня стала съ

меньшимъ недоброжелательствомъ слушать о предложеніи Тремова. Оскорбленное самолюбіе заставляло, хоть разъ въ жизни, каждаго изъ насъ дѣлать и не такіе промахи.

Бѣдной дѣвухкѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Весь домъ наполненъ былъ угодниками и льстецами мачихи; отецъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ Симбирскѣ у Белтухиной, по дѣламъ ея имѣнія.

Не проходило дня, чтобъ мачиха не возобновляла разговора о замужствѣ, раскрывая передъ неопытными глазами Вѣрочки все счастье быть женою богача и важнаго человѣка, и всѣ удобства жить независимо, полною хозяйкою во всемъ домѣ.

Независимость отъ мачихи болѣе всего смущала душу Вѣрочки. Разъ утромъ, Вѣрочка не мало удивлена была, увидя, едва отрывъ глаза, сидящую на краю ея постели Лизавету Ивановну, никогда не заглядывавшую въ ея скромную комнатку.

— Не безпокойся, не безпокойся, сказала мачиха благосклонно: я пришла спросить тебя рѣшительно, хочешь ты или нѣтъ выйти за Якова Петровича? Дѣло это надо сегодня же покончить.

Вѣрочка молчала. Сердце ея сжалось; она вдругъ поняла, что необыкновенное явленіе Лизаветы Ивановны у нея на атресоляхъ скрывало какой нибудь рѣшительный замыселъ.

— Ты молчишь, Вѣра, продолжала Лизавета Ивановна строгимъ голосомъ и сведя свои густыя брови, такъ слушай же меня въ послѣдній разъ: или ты дашь наконецъ Тремову согласіе, и тогда будешь сама себѣ госпожей, носить богатыя платья, жить въ роскошномъ домѣ, ѣздить въ щегольскихъ экипажахъ,—или ты откажешь Якову Петровичу, и я съ завтрашняго же дня надѣваю на тебя тиковое платье, котораго ты не скинешь болѣе. Ты будешь по прежнему, чистить кѣтки попугаевъ и канареекъ, проваживать по двору бижутокъ и жужутокъ, я даже заставлю тебя мыть твое бѣлье это полезно для здоровья въ гигиеническомъ отношеніи, оно выбьетъ у тебя изъ головы всякую дурь и непослушаніе. Васъ три дѣвки у отца, состоянія никакого; я же не хочу кормить васъ своими доходами.

Лизавета Ивановна замолчала, какъ будто въ ожиданіи впечатлѣнія, какое должны были произвести слова ея. Вѣрочка молчала. Картина, представляемая предъ ея глазами, кромѣ тиковаго платья и мытья бѣлья, не имѣла для нее даже занимательности новизны; она уже привыкла ухаживать за птицами, собаками и обезьянами; на маленькое прибавленіе мачихи она тоже не обра-

тила вниманія, и только заключительная рѣчь Лизаветы Ивановны представилась впервые ея воображенію во всей ея наготѣ. Какъ! она и сестры ея ѣли и будутъ ѣсть не хлѣбъ отца, а хлѣбъ ма-чичи? Эта мысль вдругъ представившись уму Вѣрочки, такъ сжа-ла ея сердце, что она послѣ краткаго молчанія вдругъ горько за-рыдала.

Лизавета Ивановна поняла, что задѣла наконецъ чувствитель-ную фибру въ сердцѣ падчерицы и продолжала на ту же тему:

— Я общаю тебѣ, глупенькая, если ты выдешь за Тримова, отказаться отъ всѣхъ правъ на твоихъ сестеръ, предоставивъ ихъ тебѣ. Ты будешь навѣщать ихъ во все время ихъ ученья, а по выходѣ изъ училища, возьмешь ихъ къ себѣ въ домъ, онѣ будутъ жить и выѣзжать съ тобою.

Во время рѣчи Лизаветы Ивановны, Вѣрочка поднялась съ по-душки на локоть и вслушивалась внимательно въ смыслъ ея словъ: избавить сестеръ отъ тѣхъ угнетеній, какимъ она подвер-галась сама, замѣнить имъ мать... о, за этой отрадной перспек-тивной скрылся ненавистный видъ Якова Петровича съ его боро-давками на носу, съ его рыжимъ парикомъ и тучнымъ чревомъ, подпертымъ тоненькими лапками.

Вѣрочка спросила Лизавету Ивановну твердымъ голосомъ:

— А Яковъ Петровичъ дастъ ли мнѣ обѣщаніе взять сестеръ къ себѣ въ домъ?

— Конечно, я тебѣ дѣлаю это предложеніе отъ его имени; онъ поручилъ мнѣ передать тебѣ эти слова.

— Ну, такъ я объ этомъ подумаю, примолвила Вѣрочка.

— Что тутъ еще думать, радостно сказала Лизавета Иванов-на, замѣтивъ поколебавшуюся рѣшимость Вѣрочки; я сказала, что не уйду отсюда, пока не получу рѣшительнаго твоего отвѣта. Выходи за Тримова, и я повторяю клятвенное свое обѣщаніе, что отказываюсь отъ Любеньки и Любаша!

— Хорошо, отвѣчала Вѣрочка твердо, я выйду за Якова Петро-вича, если папенька дастъ на то свое согласіе.

— Я писала объ этомъ мужу, онъ согласенъ, если нѣтъ пре-пятствія съ твоей стороны. Одѣвайся же скорѣе, Вѣрочка, дай, я тебѣ помогу.

— Къ чему вамъ беспокоиться, я одѣнусь одна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, я должна тебя сама свести внизъ, въ пріемную, я такъ общалъ Якову Петровичу, онъ скоро пріѣдетъ за отвѣтомъ.

Лизавета Ивановна позвонила. Дуняша съ другою дѣвущкою взбѣжали по лѣстницѣ на антресоли. Дуняша держала передъ собою обѣими руками, только что вышедшее изъ-подъ утюга, бѣлое кисейное платье, въ которомъ взяли Вѣрочку изъ заведенія. Лизавета Ивановна, съ помощію обѣихъ горничныхъ живо вычесала и одѣла Вѣрочку, и всѣ спустились внизъ, идя въ одиночку по узкой лѣстницѣ. Вѣрочка открывала шествіе, приподнявъ руками платье. Лизавета Ивановна, забывъ свое обыкновеніе всходить и спускаться съ лѣстницъ не иначе, какъ съ помощію четырехъ дюжихъ рукъ, очень твердо шагала по ступенькамъ узкой лѣстницы, похожей на корабельный трапъ. Удовольствіе осыняло черты ея и придавало легкость тучному ея тѣлу.

Каково же было удивленіе Вѣрочки, когда при входѣ въ гостиную она увидѣла Тремова, съ накрахмаленнымъ жабо и маншетами, какіе носились въ то время, спускавшимися на красные пальцы Якова Петровича, украшенные болѣе чѣмъ дюжиною перстней разныхъ величинъ.

Не говоря ни слова, Лизавета Ивановна подвела трепещущую Вѣрочку къ Якову Петровичу, вложила ея руку въ руку Тремова. Обрядъ обрученія начался и кончился; кольца, какъ видно, давно заказанныя, потому что носили на себѣ выгравированныя имена обрученныхъ, годъ, мѣсяць и даже число обрученія, были размѣнены между женихомъ и невѣстою.

Лизавета Ивановна, какъ видно, рассчитала навѣрное на впечатлѣніе, какое произведутъ угрозы ея и увѣщанія на падчерицу.

Вѣрочка едва понимала, что происходитъ вокругъ нея, такъ быстро смѣнялись въ это утро одно событіе другимъ. Едва кончилось обрученіе, Яковъ Петровичъ, не давъ опомниться невѣстѣ, повезъ ее, въ сопровожденіи гувернантки Мери, по магазинамъ. Начались закупки, заказы, выборы шляпокъ, шалей, матерій, и проч. Тремовъ былъ достойный наперсникъ Перской. Они, какъ говорится, были ягоды одного поля. Все, что бросалось въ глаза, что было на виду, чѣмъ можно было похвастать и что можно было выставить на показъ, было закуплено.

Пріемныя комнаты новаго помѣщенія, которое готовилось для новобрачныхъ, убраны были роскошно, въ заднихъ же или домашнихъ комнатахъ, окна безъ шторъ, стулья безъ спинокъ, кресла безъ ручекъ, собраны были, какъ будто на покой по давно минувшимъ заслугамъ. Вѣрочкѣ не давали опомниться; она раза три побывала и у Любиньки, и у Любаши въ пансіонѣ, въ

продолженіе двухъ недѣль, тогда какъ прежде она ихъ видѣла только разъ въ цѣлый годъ.

Трёмовъ цѣлыми корзинами свезъ фруктовъ и конфетовъ своимъ юнымъ сестрицамъ; и Любушка и Любаша, за корзинами съ лакомствами не разсмотрѣли и даже не замѣтили безобразіе любезнаго брата. Любушка разсматривала съ любопытствомъ его брелоки на часахъ, Любаша—перстни на пальцахъ. Бородавки брата какъ-то не очень имъ бросились въ глаза, не смотря на ихъ очевидность. Яковъ Петровичъ говорилъ правильно и звучно по-французски, книжнымъ, напыщеннымъ слогомъ по-русски, сопровождая свои рѣчи нѣсколькими трагическими жестами классической школы и такою же интонаціей; мудрено ли, что онъ показался и Любенькѣ и Любашѣ умнымъ, начитаннымъ человѣкомъ. Однимъ словомъ, сестры Вѣрочки были въ восторгѣ отъ представленнаго имъ брата, и Вѣрочка радовалась результату знакомства своего жениха съ своими любимицами. Радость сестеръ была первою радостью бѣдной невѣсты послѣ ея рѣшимости соединить свою судьбу съ судьбою человѣка, къ которому она чувствовала явную антипатію.

Между тѣмъ, какъ Вѣрочкѣ не давали ни минуты опомниться, то примѣряя на нее шляпы и платья, то возя ее по магазинамъ и къ сестрамъ, а по вечерамъ по театрамъ, Константинъ Петровичъ, благополучно окончивъ дѣла, возвращался отъ Белтухиной, везя съ собою всѣ нужные документы, дѣлавшіе Лизавету Ивановну полною обладательницею половины огромнаго состоянія Белтухиной, раздѣленнаго по обѣщанію старушки совѣстливо и безпристрастно, на двѣ равныя доли между Перскимъ и Кремовой. Свершившаяся покража денегъ, какъ видно, не была замѣчена; она бы могла повлечь за собою новыя распоряженія старушки на счетъ своего наслѣдія.

Немало удивленъ былъ Перскій, заставъ у себя въ домѣ Якова Петровича Трёмова, отрекомендованнаго ему женихомъ его дочери Вѣры. Хотя мачиха и говорила падчерицѣ, что писала о сватовствѣ Трёмова мужу, но и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, Лизавета Ивановна солгала, ожидая гораздо большаго успѣха отъ нечаяннаго, личнаго представленія жениха, чѣмъ отъ письменныхъ переговоровъ съ мужемъ. Расчетъ ея вполнѣ удался.

— Рекомендую тебѣ, мой другъ, нашего общаго знакомаго, Якова Петровича, сказала Лизавета Ивановна мужу, какъ только

тотъ успѣлъ поздороваться со всею семьею: рекомендую, какъ жениха и обрученнаго Вѣрочки.

Едва успѣла Лизавета Ивановна произнести эти слова, Вѣрочка въ смятеніи и страхѣ выскользнула незамѣтно изъ комнаты. Но уходя ея не скрылся отъ рысѣхъ глазъ мачихи. Пользуясь имъ, Лизавета Ивановна успѣла прибавить:

— Я не писала тебѣ объ этомъ, потому что съ часу на часъ ожидала твоего возвращенія; письмо мое могло прибыть въ Симбирскъ, когда ты могъ уже быть на возвратномъ пути въ Петербургъ.

— Благодарю за честь, сдѣланную моей дочери, сказалъ Перскій, обратясь къ Тремову, но безъ согласія ея я не могу принять васъ въ члены моего семейства.

— Она согласна и очень счастлива оказаннымъ ей предпочтеніемъ, подхватила Лизавета Ивановна.

— Я желаю самъ въ этомъ удостовѣриться, возразилъ Перскій и сталъ звать дочь. Вѣрочка снова вошла въ комнату.

— Подойди ко мнѣ, мой другъ, сказалъ отецъ, ласково взявъ руку дѣвушки и поцѣловавъ ее въ лобъ. Мнѣ говорятъ, что ты изъявила свое согласіе на предложеніе Якова Петровича; я желалъ бы слышать это отъ тебя самой. Ты согласна, мой другъ?

— Если и вы на то согласны, сказала Вѣрочка, читая въ глазахъ отца удовольствіе отъ услышанной имъ вѣсти; я готова исполнять во всемъ вашу волю.

Что грѣха таить, у Константина Петровича, послѣ словъ Вѣрочки, отлегло отъ сердца; онъ сомнѣвался въ согласіи дочери, разсматривая хотя и знакомое лицо Тремова, но всегда новое по своему оригинальному безобразію. Положеніе Тремова въ свѣтъ и его извѣстное богатство льстили расчету отцовскому, и казалось, дѣйствительно обезпечивали если не счастье Вѣрочки, то ея существованіе.

Едва совершилось бракосочетаніе и Вѣрочка перешла изъ дома отцовскаго въ домъ мужа, начались для нея совершенно новыя мученія. Тремовъ сталъ ревновать жену; но чтобъ ревновать надо было отыскать предметъ для ревности. Вѣрочка жила въ совершенномъ уединеніи, не посѣщая и не принимая никого. Тремовъ еще пуще бѣсился, что не къ кому ему приложить своей ревности, хотя самъ заперъ свою жену отъ всякихъ посѣтителей и не вывозилъ ее никуда. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца послѣ дня брака, Вѣрочка не была даже въ отцов-

скомъ домѣ. Какъ же тутъ казалось ревновать, и къ кому? Но злое сердце во всемъ отыщетъ причину для мукъ своей жертвы.

Случалось, что Вѣрочка, для свадьбы которой было нашито множество нарядовъ, одѣнется съ нѣкоторою щеголеватостью и въ хорошенькомъ утреннемъ чепчикѣ, украшенномъ розовыми лентами, явится у стола къ утреннему чаю. Тремовъ, поцѣловавъ жену по обыкновенію съ нѣкоторою церемонностью, осматривалъ ее съ ногъ до головы и, поворачивая передъ собою, говорилъ:— «Гмъ! что это значитъ, Вѣра Константиновна, что вы такъ изукрасились сегодня? кажется вы особенно занялись своимъ туалетомъ.»

— Надо же носить, что у меня въ гардеробѣ, я полагаю, мои наряды съ тою цѣлью и сдѣланы, отвѣчала кротко молодая жена.

— Ну, да сознайтесь однако, что не для *меня* же вы надѣли ваши розовые банты? Развѣ жены помышляютъ о мужьяхъ, когда имъ придетъ мысль нарядиться? Я такъ этого не думаю, и прошу васъ возвратиться въ вашу комнату, снять всѣ лишнія украшенія, и помнить, что *мнѣ* вы нравитесь гораздо больше въ простомъ нарядѣ. Ступайте же, ма сѣге, я жду васъ пить чай въ самомъ простомъ пеньюарѣ.

И Вѣрочка безпрекословно уходила, снимала съ себя платье, кокетливый чепчикъ и всѣ маленькія женскія украшенія, и снова являлась къ чаю въ простой блузѣ, изъ которой не выходила до новаго каприза Якова Петровича.

Черезъ пять, шесть дней, у чайнаго стола возобновлялся разговоръ въ томъ же родѣ, но съ вариантомъ на изворотъ.

СЕСИЛІЯ И АГАТА.

РОМАНЪ

АЛЬФОНСА КАРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Однажды утромъ, Генри, взволнованный и мрачный прибѣжалъ къ дядѣ.

— Что съ тобою, душа моя? какой озабоченный видъ! или ты переводишь на латинскій языкъ, на которомъ никто не говорить, съ санскритскаго, на которомъ никогда не говорили.

— Не шутите, дядюшка, мнѣ такъ горько! Я пришелъ къ вамъ, чтобъ вы утѣшили меня, посоветовали, поддержали... потому что я изнемогаю.

По голосу Генри, по слезамъ, выступившимъ изъ глазъ его, Родольфъ увидѣлъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ изнемогаетъ отъ душевнаго горя. Онъ обнялъ Генри и сказалъ:

— Пойдемъ гулять, никто не помѣшаетъ намъ, и мы поговоримъ на свободѣ.

Они пошли въ дубовую рощу и сѣли на свалившееся дерево.

— Ну, говори теперь, дитя мое, сказалъ Родольфъ, нѣжно обнявъ племянника: сердце мое слушаетъ тебя такъ же внимательно, какъ и уши.

— Прежде всего я прошу васъ довольствоваться тѣмъ, что я самъ вамъ расскажу, и не спрашивать меня, это страшная тайна, которая должна умереть въ груди моей. Я рѣшился драться, это моя непремѣнная воля!

Родольфъ расхохотался.

— Ктоже дерзновенный троянецъ, осмѣлившійся воспалить гнѣвомъ храбраго Ахиллеса?

— Это... это... отвѣчалъ запинаясь сконфуженный Генри и озираясь кругомъ мрачнымъ взоромъ, это Кладоміръ де-Понтарисъ. Я долженъ убить его, или пусть онъ убьетъ меня!

Родольфъ пересталъ смѣяться; холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Успокойся, другъ мой, сказалъ онъ мальчику, въ твои лѣта мы все преувеличиваемъ. Когда мнѣ было семнадцать лѣтъ, тогда я думалъ, что если кто въ толпѣ наступитъ мнѣ на ногу, то дѣлаетъ страшнѣйшее оскорбленіе. Чѣмъ же оскорбилъ тебя Понтарисъ?

— Я не могу сказать ни вамъ, ни даже ему, но хочу съ нимъ драться, и пришелъ просить васъ... научить меня, какъ послать ему вызовъ и какъ вообще поступать... потому что, признаюсь вамъ, я никогда не дрался.

— Надѣюсь, сказалъ Родольфъ съ грустною улыбкой. Будетъ съ тебя и того, что ты хочешь драться. Но если ты не скажешь Понтарису причины, онъ не выйдетъ съ тобою на дуэль. Къ тому же, пользуясь молодостью твоею, онъ и въ этомъ найдетъ извиненіе. Вѣдь тебѣ необходимы тоже секунданты... а ктоже захочетъ быть твоимъ секундантомъ, если ты не скажешь чѣмъ оскорбилъ тебя Понтарисъ? Да я и самъ почту за несчастіе, если ты, юноша восемнадцати лѣтъ, принужденъ будешь драться. Но во всякомъ случаѣ, если несчастіе это уже неизбежно, то кромѣ меня у тебя не будетъ другаго секунданта. Только объ одномъ прошу, расскажи въ чемъ дѣло, чтобъ я могъ обсудить, стоитъ ли обида того, чтобъ ты подвергалъ жизнь свою опасности. Я спрашиваю тебя не изъ любопытства, но въ моихъ глазахъ ты еще ребенокъ, и я почти увѣренъ, что ты ошибся.

— Клянусь вамъ, что я не преувеличиваю, и что я всю ночь

проплакаль... Сами судите, я не хочу скрывать отъ васъ ничего...

Генри остановился, хѣтѣль подѣлиться горемъ своимъ съ дядей и не могъ.

— Одно только могу вамъ сказать, продолжалъ онъ, рыдая: я хочу драться за мать мою, которую я такъ любилъ и теперь люблю.

— Развѣ Понтарисъ сдѣлалъ ей какую нибудь невѣжливость, не оказалъ должнаго уваженія?

— Нѣтъ, не то... не то... Боже мой! какъ вамъ объяснить это? Моя мать... Еслибъ вы знали, какъ я былъ вчера удивленъ, взбѣщенъ!

Онъ закрылъ лицо руками, вскочилъ, бросился на грудь Родольфа, и замирающимъ голосомъ, прерываемымъ рыданіемъ, продолжалъ:

— И злодѣй этотъ, котораго отецъ мой считаетъ своимъ другомъ, принимаетъ какъ брата... смѣется, можетъ быть, надъ моимъ добрымъ отцемъ... Нѣтъ!.. я не могу жить, я долженъ умереть...

Генри, изнемогая, упалъ на плечо дяди; Родольфъ схватилъ его въ свои объятія, и крѣпко прижимая къ сердцу, старался успокоить.

— Успокойся, другъ мой, сказалъ Родольфъ: это было бы и въ самомъ дѣлѣ ужасно... еслибъ было справедливо... но къ счастью, ты ошибся... я знаю навѣрно.

— Нѣтъ, не знаете! вскричалъ юноша, выходя изъ себя. Вчера я видѣлъ его на колѣнахъ передъ моею матерью, которая играла его волосами...

— Онъ благодарилъ ее—я знаю за что. Тебѣ извѣстно, что Понтарисъ овдовѣлъ?

— Я не зналъ этого.

— Какъ же!.. Во время каникулъ жена его захворала, а вскорѣ послѣ отъѣзда твоего умерла. Теперь онъ снова влюбился въ одну пріятельницу твоей матери. Они были уже помолвлены, какъ вышло маленькое недоразумѣніе, и свадьба разошлась бы, еслибъ мать твоя не вступилась въ это дѣло.

— Господи! благодарю тебя, вскричалъ Генри, и свѣтлая улыбка озарила лицо его. Боже мой, какое счастье!

— Я зналъ это еще вчера, продолжалъ Родольфъ, она сама рассказывала мнѣ и смѣялась. «Бѣдный Понтарисъ, говорила она,

растрогалъ меня и между тѣмъ размѣшилъ. До того былъ радъ, что бросился къ ногамъ моимъ. Еслибъ кто издали посмотрѣлъ на насъ, то право подумалъ бы, что онъ объясняется мнѣ въ любви...

— Но между тѣмъ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. вы правы, дядюшка... я и самъ думалъ, что это невозможно, что мать моя не рѣшится на такое преступленіе. Отецъ мой такъ добръ, такъ любить ее и балуетъ, что она не въ состояннн заплатить ему такую черною неблагодарностью. Но тогда... чтоже я-то такое, когда осмѣлился подозрѣвать ее?

И Генри горько заплакалъ.

— Перестань плакать, другъ мой; наружность могла обмануть неопытнаго юношу... постарайся скрыть отъ матери свои впечатлѣннн... и ради Бога, чтобъ никто этого не зналъ... Если она узнаетъ, то можетъ обидѣться.

— Избави Боже... вы видѣли, какъ мнѣ трудно было говорить, даже вамъ... другимъ же и подавно... Знаете... не лучше ли мнѣ сегодня совсѣмъ съ нею не видаться? Я боюсь за самаго себя... не выдержу, упаду къ ногамъ ея и со слезами стану просить прощенія. Послѣ завтрака мнѣ надо ѣхать въ городъ. Я позавтракаю у васъ и прямо отъ васъ уѣду. Прежде мѣсяца я не возвращусь сюда... тогда впечатлѣннн это ослабнетъ, а можетъ быть и совсѣмъ изгладится. Такъ потрудитесь послать за моимъ багажемъ.

— Дѣльно!.. Такъ пойдемъ же домой.

Они встали и пошли.

— Что съ вами, дядюшка, какое у васъ мрачное, озабоченное лицо?

— Ничего, другъ мой. Я хотѣлъ дать тебѣ нѣкоторыя комиссіи... а теперъ забылъ, вотъ я и припоминаю... но напрасно. За завтракомъ вѣрно вспомню.

Черезъ полчаса они сидѣли за столомъ. У бѣднаго Генри, какъ гора спала съ плечъ, за то онъ былъ необыкновенно веселъ и сообщилъ веселость свою Маргаритѣ.

Но Родольфъ не дотронулся до завтрака и насилу отвѣчалъ, когда его спрашивали. Генри два или три раза толкалъ его и спрашивалъ, что съ нимъ, но Родольфъ отвѣчалъ нехотя.

Наконецъ, выходя изъ задумчивости, онъ сказалъ:

— Вспомнилъ! какъ несосно, когда знаешь, что надо сказать

то и другое... на языкъ вертится, а сказать не можешь. Запиши, сдѣлай милость, мои порученія, и перешли какъ можно скорѣе.

И Родольфъ началъ диктовать племяннику предлинный списокъ бесполезныхъ предметовъ.

Окончивъ списокъ, Генри всталъ, обнялъ дядю, поцѣловалъ Агату, Маргариту и уѣхалъ. Родольфъ заперся въ своей комнатѣ и далъ полную волю своему отчаянію.

— Бѣдный братъ! вскричалъ онъ, такъ я не ошибся въ своихъ подозрѣніяхъ; Сесилія, которую онъ любитъ такъ нѣжно и страстно, измѣняетъ ему. Надо было обмануть этого великодушнаго, благороднаго юношу, спасти ее несчастную отъ презрѣнія. Бѣдный Албертъ! онъ умретъ, если узнаетъ... Но между тѣмъ надо остановить эту отвратительную интригу!.. Понтарисъ заплатитъ мнѣ за все... Если я удержалъ неопытную руку юноши, такъ самъ накажу тебя, злодѣй! Дай Богъ, чтобъ это не дошло только до Алберта!

Весь день Родольфъ не выходилъ изъ своей комнаты. Не зная, какъ дѣйствовать и на что рѣшиться, онъ то вставалъ, то садился, то скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ, и все-таки ничего не придумалъ.

Наконецъ онъ вышелъ и побѣжалъ къ Сесилии.

IX.

— Любезная сестра, сказалъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли замужъ, не знаю, какъ высоко поднялись сѣмена дружбы, которыя по-видимому упали въ сердца наши, какъ въ добрую землю... Можетъ быть, мы не взяли въ привычку мѣняться каждый день мелкою монетою дружбы... но въ важныхъ случаяхъ жизни у меня всегда найдется большая монета къ вашимъ услугамъ. Я могу не окружать васъ ежедневными попеченіями; но жена брата моего и мать Генри имѣетъ право на мою преданность и даже на жизнь мою.

— Не смотря на все стараніе ваше, любезный братецъ, заставить понять меня, что преданность ваша относится вовсе не ко мнѣ, но къ мужу моему и сыну... я все-таки благодарю васъ за эту преданность. Я могла бы, можетъ быть, сказать, что въ сношеніяхъ жизни гораздо пріятнѣе находить ежедневныя, будничныя ласки и вниманіе, о которыхъ вы говорите съ такимъ пре-

зрѣніемъ, чѣмъ вѣчно надѣяться на полновѣсную парадную преданность, которая можетъ быть никогда не понадобится.

— Я совершенно съ вами согласенъ, любезная Сесилія; но теперь не время разсуждать, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ... только не я и не жена моя, могу васъ въ этомъ увѣрить. Если вамъ угодно, то соберемтесь какъ нибудь на этихъ дняхъ, и постараемся объяснить, какимъ образомъ установились наши теперешнія отношенія, которыя не осуществили мечты нашей съ Албертомъ. Но я долженъ вамъ сказать, что вы крайне ошибаетесь, если думаете, что вамъ никогда не понадобится моя преданность, и я пришелъ къ вамъ именно за тѣмъ, чтобъ доказать вамъ ее. Для счастья Алберта и вашего собственнаго, вы должны выслушать отъ меня нѣсколько совѣтовъ.

— Совѣтовъ? вскричала Сесилія съ презрительною улыбкой.

— Я очень хорошо знаю, какъ легко давать совѣты, и какъ трудно ихъ выслушивать, и потому никогда не надѣдалъ вамъ ими; большею частью потому, что вы въ нихъ не нуждались, а потомъ было столько причинъ, которыя заставили насъ отдалиться другъ отъ друга и раздѣлили на два семейства людей, которымъ бы слѣдовало составлять одно... Но теперь дѣло другое. Я долженъ сообщить вамъ нѣчто, чего вы еще не замѣтили... а какъ вы умны, то вѣроятно сумѣете предупредить или исправить зло, какъ только его узнаете... Кладоміръ де-Понтарисъ влюбленъ въ васъ, сказалъ Родольфъ вдругъ, неожиданно, пристально впиваясь глазами въ Сесилію. Объ этомъ уже говорятъ, такъ постарайтесь прекратить эти толки, которые наносятъ безчестье и вамъ, и брату.

Сесилія вспыхнула, замялась, но скоро оправившись, отвѣчала съ колкою улыбкой:

— Разсказывая мнѣ эти сплетни, вы на меня смотрѣли очень пристально, любезный братецъ. Вамъ хотѣлось знать, покраснѣю ли я... не такъ ли? Что тутъ мудренаго! Я должна быть и въ самомъ дѣлѣ очень красна, но это еще ничего не доказываетъ. Можно краснѣть отъ разныхъ причинъ: отъ стыда, гнѣва, смущенія, досады и мало-ли отъ чего... Знайте только, что я презираю всѣ эти гнусные толки... Понтарисъ задушевный другъ моего мужа: онъ самъ познакомилъ меня съ нимъ. Мнѣ неизвѣстно, влюбленъ онъ въ меня, или нѣтъ... и пока онъ самъ не сообщитъ мнѣ этого свѣдѣнія... мнѣ нечего и думать. И потому еще разъ благодарю за совѣты и попеченія о моей нравственности, и повторяю, что въ настоящемъ моемъ положеніи они мнѣ не нужны...

Къ тому же правила мои и воспитаніе достаточно предохраняють меня отъ опасности, которой можетъ подвергаться каждая молодая женщина.

— Сесилія! Сесилія! вскричалъ Родольфъ съ горемъ, я ожидалъ отъ васъ болѣе довѣрія... Если такъ, то я не стану щадить васъ и скажу безъ обиняковъ, что вчера видѣли, какъ Понтарисъ стоялъ передъ вами на колѣнахъ, и вы играли его волосами.

Тутъ Сесилія страшно поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, но языкъ ея онѣмѣлъ.

— Повторяю вамъ, что васъ видѣли... Мнѣ бы не хотѣлось вамъ объ этомъ говорить... хотѣлось, чтобъ вы сами догадались... но вы принудили меня...

— Что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ сплетень и толковъ! вскричала Сесилія, которая наконецъ совершенно оправилась. Правда, что Понтарисъ стоялъ передо мною на колѣнахъ... для чего стану я скрывать?.. и что въ порывѣ благодарности... можетъ быть, слишкомъ сильной... но отъ которой, по благородному и откровенному своему характеру, онъ не могъ удержаться... онъ поцѣловалъ у меня руку... Что жъ тутъ такого?.. Къ тому же я оказала ему такую услугу, что онъ долженъ былъ благодарить меня... разумѣется, онъ могъ благодарить не съ такимъ жаромъ, но характеръ характеру рознь... и чѣмъ благороднѣе сердце, тѣмъ оно сильнѣе чувствуетъ. Я не хочу и думать о такой клеветѣ, которой злонамѣренные люди вѣрятъ съ такою поспѣшностью...

— Все, что вы говорите — суцая ложь... я этому не вѣрю; но чтобъ оправдать васъ, сказалъ тоже самое вашему сыну... Такъ знайте жъ, что Генри блѣдный, отчаянный прибѣжалъ ко мнѣ и насилу выговорилъ эту страшную тайну. Да, Генри все видѣлъ... и въ отчаяніи, что мать его, которую онъ такъ любитъ... преступна, хотѣлъ драться съ Понтарисомъ.

— Что жъ тутъ мудренаго?.. Генри не выходитъ отъ васъ, гдѣ меня не любятъ и вбиваютъ ему въ голову ложныя и дурныя понятія о его матери.

— Еслибъ вы не перебили меня, то не сдѣлали бы мнѣ этого бесполезнаго оскорбленія. Я заставилъ Генри думать именно то, что вы сейчасъ мнѣ рассказывали. Онъ уѣхалъ утѣшенный, но черезъ мѣсяцъ онъ вернется... и будетъ спрашивать, если не языкомъ, такъ взоромъ, слухомъ!.. Онъ не долженъ видѣть Понтариса на такой короткой ногѣ въ вашемъ домѣ!.. Что вы на это скажете?

— Да ничего, отвѣчала съ презрѣніемъ Сесилія, и не хочу думать о глупыхъ бредняхъ мальчишки! Мужъ мой друженъ съ Понтарисомъ и поставилъ его на такую ногу въ своемъ домѣ; какъ казалась ему приличною. Слѣдовательно я обязана только ему, а никому другому отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ... которыя такъ просты, что о нихъ бы нечего было говорить, еслибъ ненависть и зависть не обращали все въ дурную сторону и не распространяли того, что сами выдумываютъ. Если мы ужъ пошли на откровенность... то я попрошу васъ, любезный братецъ, приберечь для собственнаго семейства заботы свои о нравственности. Что же до меня касается, то съ меня будетъ и одного наставника, и вы меня крайне одолжите, если впередъ будете ждать, пока мнѣ заблагоразсудится попросить у васъ совѣтовъ.

— Вы плохо меня знаете, Сесилія. Ваша дерзость не заставить меня робѣть, и вы напрасно принимаете въ дурную сторону то, что я дѣлаю столько же для васъ, какъ и для брата. Вамъ извѣстно, какъ я люблю Алберта...

— Да... и вамъ досадно, что онъ друженъ съ Понтарисомъ.

— Да, мнѣ досадно, больно, страшно... что за такую драгоценную дружбу ему платятъ черною измѣною!.. и я рѣшился во что бы то ни стало вырвать его изъ этого подлаго заговора.

— Ну, такъ вбейте ему въ голову свои смѣшныя подозрѣнія... но я объявляю вамъ, что если онъ мнѣ скажетъ хоть одно слово, то это будетъ для меня такое оскорбленіе, что я навсегда съ нимъ разстанусь... вы поставите тогда между нами непреодолимую преграду.

— Нѣтъ!.. мое намѣреніе не такого... потому что я почитаю васъ не совсѣмъ еще упавшей женщиной.

— Родольфъ!

— О!.. вы должны выслушать меня. Если бъ я былъ убѣжденъ въ вашемъ безчестьи, то сказалъ бы мужу вашему при васъ: «Братъ, это низкая женщина! она измѣнила тебѣ, осквернила любовь твою, опозорила имя... Выгони ее изъ дома нашего отца...» Но я этого не думаю, а вижу, что вы стоите на скользкомъ скатѣ, который ведетъ въ бездну... я хочу показать вамъ эту бездну... спасти васъ, схватить за полу одежды и отбросить какъ можно дальше отъ гибели.

— Перестаньте, сдѣлайте милость. Если я буду долѣе терпѣть подобныя грубости, тогда я буду еще презреннѣе, чѣмъ вы осмѣливаетесь думать.

— Къ чему такіе громкіе возгласы и высокопарныя фразы! Придите въ себя и посмотрите какую вы избрали дорогу. Развѣ подозрѣнія сына не пугаютъ васъ?.. это страшный урокъ, который остановилъ бы каждую мать, хоть немного любящую своего ребенка. Не довольствуйтесь тѣмъ, что вы еще не виновны... этого слишкомъ мало... не надо, чтобъ сынъ вашъ или братъ...

— Братъ!.. вскричала Сесилія, перебивая Родольфа, вы мой братъ!.. скажите лучше врагъ!

— Въ эту минуту я единственный вашъ другъ, который можетъ и хочетъ васъ спасти.

— Довольно, довольно!.. или я потребую защиты мужа, который обязанъ оградить меня отъ безумныхъ вашихъ обвиненій.

— А скажите ли вы ему, въ чемъ васъ обвиняютъ?

— Можетъ быть.

— Послушайте, Сесилія, не станемъ играть въ эту пустую и жестокую игру, не губите добраго Алберта; онъ любитъ васъ такъ нѣжно, такъ страстно! Вы очень хорошо знаете, что я ему ничего не скажу и не захочу уморить его... вѣдь онъ умретъ, если узнаетъ!.. Понимаете вы меня?.. Къ тому же кто знаетъ, до чего дойдетъ его изступленіе! Албертъ кротокъ и даже слабъ въ обыкновенной жизни, но когда онъ вспылитъ, когда благородная душа его возмущается какою нибудь низостью, гнѣвъ его бываетъ страшень. Подумайте, Сесилія, остановитесь, не толкайте въ бездну окружающихъ васъ и самихъ себя.

— Еще разъ прошу васъ избавить меня отъ вашихъ высокопарныхъ тирадъ.

— Такъ вы не хотите удалить Понтариса?.. Ну, такъ я его выгоню... вы меня къ тому принуждаете! Я не позволю обманывать такъ безсовѣстно моего добраго, великодушнаго Алберта!.. А знаете ли, кто таковъ этотъ Клодоміръ де-Понтарисъ? Никто иной, какъ мошенникъ!

— Понтарисъ выше этой клеветы... Но было бы благороднѣе сказать это ему прямо въ глаза, чѣмъ надобѣдать женщинѣ, до которой это вовсе не касается.

— Вашъ совѣтъ очень хорошъ и я ему послѣдую.

— Тогда станете рассказывать въ словахъ своихъ, но будетъ поздно; Понтариса нельзя оскорблять безнаказанно... а потомъ вамъ надо будетъ объяснить Алберту свою ненависть противъ Клодоміра, котораго онъ любитъ и уважаетъ. Тогда вамъ придется, чтобъ повѣрили клеветѣ вашей, еще оклеветать кого нибудь, то есть

меня, и зародить въ душѣ его сомнѣнія противъ меня. Но я предупреждаю васъ, что я не дойду до низости оправдываться, а просто уѣду къ моей матери и никогда уже не вернусь. Если вы такъ понимаете счастье брата, котораго, какъ говорите, любите такъ нѣжно....

— Довольно! вскричалъ Родольфъ. Если черезъ три дня Понтарисъ не перемѣнитъ обращенія своего съ вами, то я его выгоню, даю вамъ честное слово! Прощайте, сударыня.

X.

Вскорѣ по уходѣ Родольфа явился Клодоміръ. Сесилія была блѣдна; глаза ея блуждали во всѣ стороны и выходили изъ орбитъ.

— Что это сдѣлалось съ твоимъ прелестнымъ братцемъ? спросилъ Клодоміръ: сейчасъ я встрѣтился съ нимъ, онъ бросилъ на меня самый свирѣпый взоръ. Но и ты сама такъ блѣдна, разстроена! Боже мой! что съ тобою мой другъ! Ужъ не больна ли ты!

— Мнѣ бы хотѣлось умереть, Клодоміръ! Родольфъ сдѣлалъ мнѣ пристрашнѣйшую сцену и требовалъ чтобъ я не принимала тебя.

— Какой милашка! сказалъ смѣясь Клодоміръ.

— Не смѣйся, мой другъ. Помнишь, какъ мы сидѣли съ тобою въ бесѣдкѣ и ты стоялъ предо мною на колѣнахъ... Мы ничего не знали, а за нами подсматривали и видѣли...

— Кто видѣлъ?

— Мой сынъ, Генри, и все рассказалъ дядѣ.

— Они сдѣлали изъ этого ребенка шпиона и врага твоего.

— Родольфъ увѣряетъ, будто онъ успокоилъ сына и объяснилъ дѣло это такимъ образомъ, что Генри покуда вѣритъ ему. Но самого Родольфа я никакъ не могла убѣдить въ моей невинности, хотя я отпиралась съ самоувѣренностью и приходила въ такое негодованіе, что всякій бы повѣрилъ... Онъ же не поддался и вышелъ отсюда съ страшными угрозами.

— Онъ хочетъ рассказать брату?

— Нѣтъ!.. онъ любитъ брата болѣе самого себя, и не захочетъ убить его. Но... нѣтъ, этого я не могу сказать тебѣ.

— Ужъ не вздумалъ ли онъ предписывать мнѣ законы?

— Да, Клодоміръ; онъ говоритъ, что если ты не перестанешь

бывать у насъ такъ часто и на такой короткой ногѣ... то онъ заставитъ тебя уѣхать подальше и навсегда.

— Право! такъ мнѣ надо остерегаться острія этого милого рыцаря?

— Шутки теперъ не къ мѣсту, Клодоміръ, повторяю тебѣ, что я погибла! Когда дѣло идетъ объ Албертѣ, то Родольфъ способенъ на такую преданность, какъ мы и понять не можемъ. Къ тому же Родольфъ до того упрямъ, что если чего захочетъ, то поставитъ на своемъ... Онъ оскорбитъ тебя и вызоветъ на дуэль.

— Тѣмъ лучше, я убью его. Это вѣрное средство заставить его молчать.

— Въ такомъ случаѣ лучше согласиться на его требованія... потому что Албертъ возненавидитъ убійцу брата своего и не позволитъ ему переступить черезъ порогъ своего дома.

— Развѣ ты думаешь, что я не сумѣю взвалить всю вину на Родольфа и увѣрить Алберта, что онъ, а не я затѣялъ дуэль.

— Положимъ, что Албертъ не станетъ мстить за брата, но все таки навсегда откажетъ тебѣ отъ дому.

— Кто знаетъ?

— Не знаю что будетъ, но ожидаю чего-то страшнаго. О Боже, Боже мой!.. какъ бы мнѣ хотѣлось теперъ лежать въ могилѣ.

— Перестань, душа моя... женщинѣ съ твоимъ умомъ унывать! Не стыдно ли? Ты говоришь, что хотѣла бы умереть?.. такъ знай же: у кого хватаетъ духу умереть, тому нечего бояться. Когда намъ сдѣлается невыносимо, мы уйдемъ, вотъ и все тутъ! Въдѣ не все еще погибло. Дай мнѣ подумать немножко. Тутъ надо хорошенько схитрить.

— Я увѣрена, что Родольфъ ничего не скажетъ брату, даже не дастъ замѣтить, что подозрѣваетъ насъ, но станетъ искать другаго средства погубить тебя во мнѣніи Алберта. Онъ увѣряетъ будто можетъ доказать... Сесилія остановилась.

— Что можетъ онъ доказать?..

— Право я не смѣю выговорить... Онъ намѣкалъ на какія-то дѣла, въ которыхъ ты былъ замѣшанъ и которыя кончились очень дурно...

— Что жъ тутъ такого? Я вовсе этого не скрываю. Правда, что мои дѣла кончились очень дурно, потому что я былъ тогда невиненъ какъ младенецъ... Меня надули, я разорился, вотъ и все тутъ!

— Напротивъ, Родольфъ увѣряетъ, что не тебя надули, а что

ты надумъ другихъ, что ты никогда не разорялся, потому что никогда ничего не имѣлъ, а напротивъ, приобретаешь то, чего и не слѣдовало приобретать...

— Да это презабавно!.. Тебѣ извѣстно мое богатство, добрая Сесилія... я бы не сталъ тогда прибѣгать къ добротѣ твоего сердца и пользоваться твоею щедростью. Но все равно!.. хорошо, что я это знаю... мнѣ легко будетъ теперь отворотить ударъ... Какая страшная вещь клевета! Не унывай, моя ненаглядная... Родольфу угодно воевать съ нами?.. Пусть его воюетъ!.. мы отразимъ, уничтожимъ его! Не бойся, Сесилія, я твой покровитель. Прощай, душа моя, я скоро буду...

— Этакимъ я дуракомъ, думалъ Клодоміръ вышедъ въ садъ. Ну, зачѣмъ я за нею ухаживаю?.. Лучше было бы выбрать тетюшку... какъ сначала было мое намѣреніе... Какъ знать?.. можетъ быть, я еще и вернусь къ ней... А пока я буду въ восторгѣ, если мнѣ удастся переломить руку или ногу этому проклятому Родольфу.

Черезъ четверть часа онъ былъ уже въ городѣ.

XI.

Родольфъ былъ въ страшномъ волненіи: онъ ясно видѣлъ, что не пользовался уже, какъ прежде, полною довѣренностью брата Алберта. Онъ страстно любилъ жену свою, а присутствіе Клодоміра сдѣлалось ему необходимо, потому что въ сношеніяхъ съ нимъ онъ нашелъ то, чего не доставало въ дружбѣ Родольфа. Албертъ, не смотря на старшинство свое, чувствовалъ превосходство надъ собою брата, съ которымъ ему было иногда неловко... Съ Клодоміромъ же, напротивъ, ему было и ловко, и весело, потому что Клодоміръ льстилъ, угождалъ и обходился съ нимъ съ подобострастіемъ, къ которому Албертъ привыкъ.

Родольфъ же не видѣлъ своего превосходства надъ братомъ, но въ слабости характера его находилъ еще больше причинъ любить его съ большею заботливостью и преданностью.

Родольфъ не надѣялся, что Албертъ поступитъ рѣшительно съ новымъ своимъ другомъ, если онъ не представитъ ему ясныхъ доказательствъ измѣны. Сказать ему и доказать, что Сесилія въ короткихъ сношеніяхъ съ Понтарисомъ, значило бы убить его. Молчать же и позволять безчестить брата своего, у се-

бя надъ носомъ, значило дѣйствовать за одно съ этою неблагодарною женщиною и какимъ-то бродягою. Нѣтъ, такой мысли онъ не могъ допустить, и весь дрожалъ отъ негодованія. Обязанность его была или предупредить брата, или отомстить за него.

Онъ рѣшился объяснитьсь съ Понтарисомъ, пробудить въ сердцѣ его какое нибудь доброе чувство, или, если это не подѣйствуетъ, драться съ нимъ.

Онъ отправился къ Клодоміру, но не засталъ его дома.

ХІІ.

— Милая Сесилія, вскричалъ Клодоміръ, вбѣгая въ комнату: планъ сраженія готовъ, и побѣда останется за нами; только безъ твоей помощи я не могу дѣйствовать, она мнѣ необходима. Вотъ какое письмо я написалъ твоему мужу... слушай:

«Милостивый государь! неизвѣстный вамъ, но преданный другъ предупреждаетъ, что вы согрѣшаете змѣю на своемъ сердцѣ.

Клодоміръ Дюранъ, который называетъ себя Клодоміромъ де-Понтарисъ, былъ сперва кассиромъ въ конторѣ банкира Дарсе, въ Парижѣ, въ улицѣ Понсо, но его оттуда выгнали за безчисленные плутовства и кражи...

— Боже мой!.. что это значить?.. вскричала Сесилія, блѣдная, какъ полотно.

— Не перебивай меня, душа моя.

— Это странно!..

— Еще не то будетъ! Слушай:

«Мѣсяцъ тому назадъ онъ проигралъ какому-то Полиньи двѣ тысячи франковъ, и до сихъ поръ еще не заплатилъ. Прилагаю адресъ Полиньи, можете справиться.

Но что всего ужаснѣе... такъ это то, что онъ васъ предательски обманываетъ, васъ, который принимаетъ его, какъ друга и брата, позоритъ честь вашу и отнимаетъ все, что есть только дорогого вашему сердцу.

Жена ваша влюблена въ него и рѣшилась ѡбъять съ нимъ въ будущій вторникъ, 23-го ноября, въ полночь.

«Другъ человечества.»

— Я рѣшительно ничего не понимаю... сказала Сесилія, что это значить?.. объясни мнѣ.

— Охотно. Я сейчас былъ въ городъ и заставилъ одного пріятеля написать это письмо къ Алберту. Теперь я посылаю это письмо къ другому пріятелю, который живетъ въ Шербургъ... этотъ пріятель положить его въ конвертъ и адресуетъ на имя Алберта въ Парижъ.

— Что жъ изъ этого будетъ?

— Да то будетъ, что Албертъ прочтетъ письмо...

— Да ты съ ума сошелъ, тутъ говорятъ, что я влюблена въ тебя, хочу бѣжать...

— Да, и что я ношу фальшивую фамилію, обокралъ кассу и не плачу карточныхъ долговъ.

— Какая страшная клевета!.. Но что за цѣль твоя?

— Цѣль спасти тебя и себя и разрушить интриги Родольфа. Сдѣлай милость не спрашивай, я знаю, что дѣлаю, а ты вѣрь мнѣ на слово. Теперь вотъ какъ намъ надо поступить: во-первыхъ, надо, чтобъ баронесса воображала, что я влюбленъ въ нее, и повѣряла бы тебѣ всѣ свои сердечныя тайны... это необходимо, во что бы то ни стало, а ты должна быть ея повѣренною: это единственное средство для переписки нашей. Устрой такъ, чтобъ она показывала тебѣ всѣ мои письма...

— Она это сдѣлаетъ и безъ моего устройства, потому что захочетъ похвастать передо мною, что и въ нее еще влюбляются...

— Такъ постарайся же, мой другъ, соображаться съ моими письмами; не упускай ничего изъ виду, и не забывай, что все пригодится, какъ бы ничтожно тебѣ ни показалось малѣйшее обстоятельство.

— Но какъ все это кончится съ тетушкой? Ты знаешь, что она все принимаетъ за наличную монету, и потребуетъ еще неравно чтобъ ты на ней женился?

— Ну, чтожъ?.. если обстоятельства принудятъ, я женюсь на ней.

— Я рѣшительно не понимаю твоихъ намѣреній... Письмо это пугаетъ меня... Албертъ взбѣсится!..

Тѣмъ лучше!.. Иначе бы и писать не стоило. Прощай, Сесилія, не забывай меня!

XII.

Дня четыре спустя, баронесса получила письмо отъ Клодо-

міра. Онъ объяснялъ ей, почему такъ внезапно уѣхалъ; увѣрялъ, что только одни весьма важныя дѣла могли заставитьъ его лишиться себя счастья видѣть ее; онъ не зналъ еще долго ли останется въ Парижѣ, но надѣялся, что ей вѣроятно извѣстно, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ минуты своего возвращенія. Онъ просилъ, чтобъ его не считали слишкомъ самонадѣяннѣмъ, если онъ осмѣливается думать, что она удостоила замѣтить радость его каждый разъ какъ встрѣчался съ нею; если же не выказывалъ этой радости, такъ единственно потому только, что чувствовалъ къ ней глубокое уваженіе.

Въ концѣ письма Понтарисъ посылалъ поклонъ Сесиліи.

Тетушка, которую Сесилія увѣряла будто Клодоміръ безъ памяти влюбленъ въ нее, показала письмо Сесиліи, потомъ положила его въ ящикъ стола.

Когда Изабелла ушла, Сесилія схватила его, приложила къ огню и увидѣла, какъ между строчками начали показываться коричневыя буквы, написанныя лимономъ.

Вотъ что писалъ Понтарисъ:

«Я теперь съ Албертомъ; онъ страшно вращаетъ на меня глаза свои; не хороши они, будь это сказано мимоходомъ. Я увѣренъ, что онъ получилъ письмо мое и отправится домой завтра вечеромъ. До тѣхъ поръ я стану употреблять всѣ средства, чтобъ усилить его подозрѣнія. Что жъ до тебя, мой другъ, то сообщайся съ моими инструкціями, ничего не бойся; играй хорошенько роль свою, и злоба Родольфа, пока я не найду удобнаго случая разmozжить ему голову, падеть на него самого.

Еслибъ только эта старая дура, баронесса, показала тебѣ письмо!»

Албертъ и въ самомъ дѣлѣ получилъ письмо и прочиталъ его, по крайней мѣрѣ, разъ десять. Въ первый разъ оно показалось ему смѣшнымъ, и онъ чуть было не бросилъ его въ каминъ. Во второй разъ, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится о его женѣ, подозрѣніе вкралось въ его сердце и больно сжало его. Онъ нѣсколько разъ прочиталъ это мѣсто.

— Это невозможно, говорилъ онъ, это черная клевета! Сесилія любитъ меня, она честная женщина, а Клодоміръ мой другъ. Но между тѣмъ, въ письмѣ этомъ говорятъ съ такою самоувѣренностью... иначе не посмѣли бы указывать на такія легкія средства имѣть доказательства клеветы. Боже мой, что дѣлать? Сомнѣваться въ Сесиліи—значитъ оскорблять ее; я долженъ съжечь это письмо... но я могу сомнѣваться впоследствии, а какъ для

меня, так и для нея надо увѣриться, что это постыдная ложь, низкая клевета. Но итти за доказательствами, значить бояться ихъ.

Въ это время Клодоміръ пріѣхалъ въ Парижъ, и немедленно явился къ Алберту. Увидѣвъ его, Албертъ смутился: ему было недовко съ Понтарисомъ, что не ускользнуло отъ пронизательнаго глаза послѣдняго.

Между тѣмъ Албертъ думалъ про себя:

— Клодоміръ пріѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько дней, какъ онъ увѣряеть, и остановился въ одной гостинницѣ со мною... Я зналъ, что это клевета, иначе онъ не поселился бы подлѣ меня... а сталъ бы избѣгать моей встрѣчи.

Но на другой день, послѣ завтрака, когда они выходили вмѣстѣ со двора, Клодоміръ сказалъ людямъ:

— Можетъ быть, я не вернусь сегодня. Если вечеромъ не буду, то не ждите меня.

Сердце забилося у Алберта; онъ началъ бродить по Парижу безъ цѣли, безъ мысли, а вечеромъ пустился въ дорогу и взялъ съ собою заряженные пистолеты.

— Если меня обманываютъ, вскричалъ онъ, я убью ихъ!.. Нѣтъ, это невозможно!.. Лошади совсѣмъ не бѣгутъ!.. я никогда не добду до дому!

Было одиннадцать часовъ, когда онъ подѣхалъ къ замку. Онъ приказалъ кучеру не подѣзжать къ крыльцу а остановиться у садовой калитки, ключъ отъ которой былъ у него въ карманѣ.

Сабака залаяла, но узнавъ Алберта, бросилась на него и стала лизать руки. Сердце Алберта забилося такъ сильно, что онъ принужденъ былъ сѣсть на лавку. Отсюда видна была гостиная Сесилии.

— Уже четверть двѣнадцатаго, а у нея еще свѣтъ въ комнатахъ... Отчего она такъ долго не спитъ?... Обыкновенно она ложится рано... Кого же ждетъ она?.. Нѣтъ, это слишкомъ!.. Я хочу все знать и узнаю сейчасъ же.

Онъ всталъ и потихоньку вошелъ по лѣстницѣ. Дойдя до гостиной Сесилии, онъ остановился; сердце его билось сильно и болѣзненно. Онъ схватился за грудь, чтобъ ощупать тутъ ли еще пистолеты, потомъ взялся за ручку, и вошелъ. Сесилия лежала на диванѣ передъ столомъ, на которомъ горѣла свѣча; начатое письмо лежало на столѣ. Видно было, что она передъ тѣмъ писала и заснула.

Албертъ вошелъ въ комнату; паркетъ закрипѣлъ; Сесилія вздрогнула, проснулась.

— Кто тамъ? закричала она; но узнавъ Алберта схватила и поспѣшно спрятала письмо.

— А, это ты, Албертъ!.. какъ я рада!.. Какъ ты испугалъ меня, мой другъ!.. Я не ждала тебя сегодня.

— Что это за письмо, что ты сейчасъ спрятала?

— Это не письмо, а такъ, просто...

— Все равно, покажи.

— Я писала больше для того, чтобъ разсвѣяться... не имѣя намѣренія послать его...

— Я хочу видѣть его!

— Но что съ тобою, Албертъ? на тебѣ лица нѣтъ! Мы не-видались съ тобою цѣлую недѣлю, и послѣ такой долгой разлуки ты обходишься со мною такъ странно!

— Приказываю вамъ, сударыня, отдать мнѣ это письмо.

— Возьмите, вотъ оно; Сесилія подала скомканную бумагу; Албертъ расправивъ ее, прочиталъ:

«Гдѣ онъ? Думаетъ-ли обо мнѣ? знаетъ-ли, какъ въ его отсутствіе длинныя ночи тянутся для меня медленно и тягостно? Каждый день я спрашиваю: «Будетъ-ли сегодня?» и каждый вечеръ отвѣчаю: «еще погибшій день въ жизни!» Зачѣмъ ѣздитъ онъ такъ часто въ Парижъ?.. можетъ быть, дѣла его только одинъ предлогъ? Можетъ быть, Албертъ, мой милый Албертъ, любить другую....

Албертъ остановился.» Мой милый Албертъ!» Она ему писала, о немъ одномъ думала, когда уснула за письмомъ!

Онъ упалъ къ ногамъ жены и началъ цѣловать ихъ и обнимать со слезами восторга и упоенія.

— Моя чудная, обожаемая Сесилія!.. такъ ты обо мнѣ думала!..

— Да, я о васъ думала; но не полагайте, чтобъ я простила васъ... со мною не такъ легко раздѣлаться. Я очень зла на васъ, и вовсе не имѣла намѣренія показывать вамъ письма своего, унижительнаго доказательства моей слабости. Вы должны отдать мнѣ отчетъ въ вашемъ поведеніи.

— Да, мой другъ, и въ поведеніи, и въ безуміи... непростительномъ безуміи!

— Я тоже думаю. Что за лицо у васъ было, когда вы вошли въ комнату? что за ярость?.. Кому жъ, предполагали вы, что я

писала? Ужъ не вздумали-ли вы ревновать меня?.. Если бъ это была правда!.. вы не отдѣлались бы отъ меня раскаяніемъ!.. Какъ досадно, что я показала вамъ письмо!

— Ты принуждена будешь простить меня, когда узнаешь, какъ я страшно страдалъ. Я никогда не могъ даже подозрѣвать, что... въ такое короткое время можно было такъ настрадаться!

— Скажете-ли вы наконецъ, что съ вами случилось?

— Не знаю, какой тайный врагъ хочетъ отравить мое блаженство? На, прочитай, вотъ письмо, которое я получилъ въ Парижъ.

Сесилія прочла письмо и заключила чтеніе громкимъ хохотомъ.

— Чудесно! неподражаемо! Ты вѣхаль сюда съ надеждою, что уже не застанешь меня... Это презабавная идея и будетъ долго смѣшить меня... И ты вѣхаль вѣроятно съ драматическими намѣреніями? Сдѣлай милость, расскажи мнѣ эту балаганную эпопею.

Лицо Алберта покоробилось; ему неловко было выслушивать такіе грубыя насмѣшки, которыя онъ полагалъ заслуженными.

— Что же готовилъ ты мнѣ?.. продолжала Сесилія: какое наказаніе? подушку Отелло или кинжалъ Оросмана? или не выдумалъ-ли, покрайней мѣрѣ, что нибудь новенькое въ трагическомъ вкусѣ?

— Ради Бога, не смѣйся, я страшно изнемогалъ!

— Хорошо, я не буду смѣяться; но если стану говорить серьезно, то спрошу тебя: не грустно-ли, не унижительно-ли мнѣ знать, что какой нибудь безыменный негодяй имѣетъ право безнаказанно выставлять меня въ глазахъ твоихъ за самую неблагодарную женщину, за самую порочную... Да, Албертъ... только одинъ случай доказалъ тебѣ мою невинность, а еслибъ не это, ты...

— Ради Бога, прости меня! вскричалъ Албертъ, перебивая Сесилію и зажимая ей ротъ поцѣлуемъ. Потомъ взялъ безыменное письмо и поднесъ къ свѣчѣ.

— погоди! вскричала Сесилія, останавливая его руку; дай мнѣ еще разъ прочитать это письмо.

Она взяла письмо, прочла его съ большимъ вниманіемъ, потомъ прибавила:

— Я не знаю этого почерка и не могу догадаться, кто бы могъ написать... Но мнѣ пришло другое въ голову... Зналъ ты Понтариса прежде, чѣмъ встрѣтился съ нимъ здѣсь?

— Нѣтъ, не зналъ, но за то мы знаемъ его теперь.

— Какъ знать?.. тутъ говорятъ такъ рѣшительно, опредѣленно!..

— Точно такъ же, какъ о бѣгствѣ твоемъ нынѣшнюю ночь.

— Хорошо, что такъ... въ одномъ могли ошибиться, ну, а въ другомъ, можетъ быть, и правда... На твоемъ мѣстѣ я бы непременно справилась... вѣдь у тебя есть адреса? Съ твоимъ характеромъ и пламеннымъ воображеніемъ нельзя знать, что выростеть въ головѣ и въ сердцѣ изъ маленькаго и зловреднаго сѣмячка, заброшеннаго туда злонамѣренными людьми. Право, поѣзжай, справься...

— Перестань, что за вздоръ!

— Ну, что тебѣ стоитъ? Что до меня, то я непременно хочу знать результатъ всего этого.

— Тутъ нечего узнавать, намъ уже извѣстно, что письмо это написано низкимъ клеветникомъ.

— Совсе неизвестно, и потому надо справиться, чтобъ совершенно убѣдиться, клевета это или нѣтъ? Къ тому жъ, какъ знать?.. вѣдь мы ничего не знаемъ о Понтарисѣ: чѣмъ онъ занимается, чѣмъ живетъ, что дѣлаетъ, и дѣлаетъ ли что нибудь?

— Да вѣдь письмо это...

— Послушай, Албертъ, послѣ такой обиды, я имѣю право приказывать хоть нѣсколько часовъ. И потому хочу и приказываю тебѣ сѣздить по адресамъ, узнать все подробно и отдать мнѣ отчетъ въ этихъ справкахъ.

— Вѣроятно ты не приказываешь ѣхать сейчасъ же, ночью?

— Разумѣется, нѣтъ, потому что тебѣ надо отдохнуть.

— Нѣтъ, не отдохнуть, но побыть съ тобою, сокровище мое! Приэтомъ Албертъ нѣжно поцѣловалъ жену, и пропустивъ ее въ спальную, спряталъ пистолеты въ ящикъ стола.

На другой день Албертъ, дѣла котораго не были еще кончены въ Парижѣ, снова отправился въ городъ. Сесилія напомнила, чтобъ онъ не забылъ справиться о Понтарисѣ.

Къ четыремъ часамъ онъ былъ уже дома.

— Какой пріятный сюрпризъ! вскричала Сесилія; я не ожидала тебя такъ рано. Исполнилъ ты мои комиссіи?

— Сперва свои собственные... Вотъ перстень, внутри котораго вырѣзано вчерашнее число. Если мнѣ когда вздумается сходить съ ума, беспокоиться или воображать себя несчастнымъ, покажи мнѣ этотъ перстень, и я успокоюсь.

— Только совѣтую тебѣ, мой другъ, не слишкомъ часто вырѣзывать подобныя числа, а то онѣ разорятъ тебя. Какъ хо-

рошь этотъ бриліантъ! Что за блескъ, что за вода! А какой большой! просто великолѣпный!

— Это памятникъ раскаянія и прощенія. Надънь его и не будемъ говорить о прошломъ.

— Нельзя не говорить... Я хочу знать исполниль-ли ты мои комиссіи.

— Какъ же! Хотѣлось бы мнѣ знать кто осмѣлился написать мнѣ это отвратительное письмо!.. Ты знаешь, я не хотѣлъ вѣхать... ты принудила меня...

— Ну, что жъ?

— Я отправился къ вымышленному банкиру. Никто не слышалъ даже такой фамилии; потомъ поѣхалъ къ Полиньи. Полиньи этотъ седѣльникъ, который не знаетъ Понтариса и отъ роду не слышалъ его фамилии.

— Такъ это была мистификація?

— Нѣтъ, хуже!.. Я до того былъ взбѣшонъ, что еслибъ, по очень возможной случайности, засталъ у тебя Клодоміра, то обоихъ бы васъ убилъ. Скоро мы будемъ обѣдать?.. Да, кстати, въ отелѣ я встрѣтился съ Клодоміромъ, мнѣ такъ хотѣлось обнять его! Я пригласилъ его завтра къ намъ обѣдать и Сидонію тоже.

Послѣ обѣда Сесилія занялась музыкой.

Албертъ былъ внѣ себя отъ радости; онъ раза три подходилъ къ женѣ и цѣловалъ ее въ лобъ.

На другой день Сесилія, гуляя съ мужемъ по саду, принявъ глубокомысленную физиономію, сказала ему:

— Я много думала объ этомъ письмѣ, мой другъ.

Очень жаль, что ты тратишь время на такой вздоръ. Я такъ не хочу о немъ думать; мнѣ стыдно, когда я вспомню какую гнусную роль я игралъ по его милости.

— Положимъ, что это клевета, но клевета никогда не бываетъ безъ основанія, хоть что нибудь да есть! Можетъ быть, Понтарисъ слишкомъ часто бываетъ у насъ въ домъ .. а женщина обязана отстранять отъ себя худую молву. Когда ты дома, я буду принимать его, безъ тебя же никогда. Онъ человекъ свѣтскій, слѣдовательно легко пойметъ, что мнѣ надо сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ сношеніяхъ моихъ съ нимъ. Клодоміръ твой другъ, а не мой.

— Почему жъ не быть ему и твоимъ другомъ?

— На этотъ счетъ я согласна съ братомъ твоимъ, Родоль-

фомъ, и неслишкомъ вѣрю безкорыстной дружбѣ между мужчиною и женщиною.

— Все-таки ты не можешь его выгнать или дурно принимать.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, только перемѣню съ нимъ обращеніе.

— И сдѣлаешь мнѣ этимъ большую неприятность.

— Я знаю, что мнѣ надо дѣлать.

— Напротивъ! Если письмо это написано человѣкомъ, который видитъ твоё поведеніе, то ты показываешь ему этимъ, что дорожишь его мнѣніемъ и даешь возможность торжествовать. Я прошу тебя серьезно ни о чемъ не беспокоиться и обходиться съ Клодоміромъ по прежнему.

— Я вполнину согласна на это новое требованіе, и прошу только одной милости: сдѣлать мнѣ честь повѣрить, что и у меня есть немножко такта. Я такъ устрою, что ничего не будетъ замѣтно и понемногу отдаю его отъ себя. Да и ты самъ ничего бы не замѣтилъ, еслибъ я не предупредила тебя.

— Ну, такъ дѣлай, какъ знаешь; но я обязанъ загладить вину свою передъ Клодоміромъ, котораго люблю вдесятеро больше прежняго.

XIV.

Во время обѣда Сесилія очень холодно, даже больше, чѣмъ очень холодно обходилась съ Клодоміромъ, который послѣ обѣда тотчасъ увѣхалъ, увѣряя, что у него много дѣла, и увезъ съ собою племянницу.

— У тебя прелесть что за тактъ! сказалъ Албертъ съ досадою женѣ своей. Я увѣренъ, что у Клодоміра нѣтъ никакого дѣла, и что твоя привѣтливая физиономія выгнала его.

— Ты знаешь, Сесилія, сказала баронесса, что я не люблю поддакивать мужчинамъ и быть на ихъ сторонѣ противъ женщинъ; но я должна согласиться съ Албертомъ, и признаюсь, обхожденіе твое и пріемъ были такъ холодны, что мнѣ было за тебя совѣстно.

— Ужъ не прикажете-ли мнѣ говорить ему ты, какъ осмѣлился это сдѣлать Албертъ? Что за фамильярность! Сегодня ты говорилъ ему *ты* въ первый разъ

— Что за бѣда? онъ мой другъ! Но увѣряю тебя, что если бѣ

меня такъ приняли, какъ ты приняла Клодомира, моя нога не была бы въ этомъ домѣ.

Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ Сесилія въ угоду Алберту обѣщала наблюдать за собою, такъ чтобъ Понтарисъ не замѣтилъ никакой перемѣны въ обхожденіи съ нимъ.

XV.

Между тѣмъ Родольфъ отправился къ Понтарису.

— Милостивый государь, сказалъ онъ ему, вамъ извѣстно, какъ я люблю брата, слѣдовательно васъ не должно удивлять, если я вмѣшиваюсь въ дѣла его и стараюсь оградить его честь и счастье. Случай познакомилъ васъ; но я не думаю, чтобъ вы очень дорожили этимъ знакомствомъ.

— Извините, милостивый государь, напротивъ, я очень дорожу этимъ знакомствомъ, и былъ бы неблагодаренъ.

— Мы послѣ поговоримъ о благодарности... а теперь дайте мнѣ досказать и не перебивайте меня. Ухаживаніе ваше за моею невѣсткою удивляетъ многихъ и вредитъ ея репутаціи. Албертъ доврчивъ, но страстно любитъ жену, и потому придетъ въ страшное неистовство, если увидитъ или если ему только покажется, что его обманываютъ. Своимъ присутствіемъ вы изгнали изъ семейства нашего миръ и спокойствіе, и это можетъ сдѣлать всѣхъ насъ несчастными. Какъ человекъ, желающій вамъ добра, прошу васъ, прекратите ваши частыя посѣщенія, и короткость въ обхожденіи съ Сесиліей; ѣздите порѣже и постепенно удалитесь совсѣмъ; а если вамъ это неловко, то отстаньте вдругъ... скажите, что у васъ есть дѣла, и совсѣмъ уѣзжайте куда нибудь.

— Лицо ваше такъ серьезно, что мнѣ и въ голову не можетъ придти, что вы шутите... И потому я буду отвѣчать вамъ тоже серьезно, безъ шутокъ. Я другъ вашего брата, а не вамъ, слѣдовательно ему одному судить въ какой степени короткости я долженъ держать себя въ его домѣ, то позвольте мнѣ не признавать правъ вашихъ вмѣшиваться въ это дѣло.

— Очень хорошо: если просьба моя не принимается, то я буду дѣйствовать иначе. Вы влюблены въ жену моего брата, а она въ васъ; если я докажу ему это, онъ убьетъ васъ обоихъ; но жизнь его навсегда будетъ отравлена. Я хочу его обманывать

за одно съ вами, быть сообщникомъ вашимъ. Но васъ не стану обманывать и скажу на прямикъ, что все знаю.

— Какъ много вы сказали! отвѣчалъ насмѣшливо Клод-миръ.

— Да, много! и еще прибавлю, что знаю, кто вы таковы... чѣмъ были прежде, куда дѣвалось почти все состояніе воспитанницы вашей, и за что васъ выгнали отъ банкира Брисье.

— Вы оскорбляете меня!

— Да, оскорбляю, отвѣчалъ холодно Родольфъ.

— Милостивый государь!

— Не горячитесь! поберегите храбрость свою до завтра, потому что я еще не кончилъ.

— Такъ кончайте.

— Благодарю за позволеніе... Вы обезчестили домъ въ которій человѣку такого сорта, какъ вы, никогда не слѣдовало бы входить... Послѣ безчестья настанетъ смерть и отчаяніе. Мы съ братомъ не можемъ быть счастливы одинъ безъ другаго; у насъ съ нимъ одно счастье, и чтобъ сохранить это счастье, я выгоняю васъ изъ этого дома, да, выгоняю! слышите?

Лицо Понтариса искажилось улыбкою, но онъ молчалъ.

— Да, выгоняю, повторяю еще разъ, и не позволяю больше постепенно отстать отъ дому, но приказываю не возвращаться больше къ брату моему. Я этого требую, и немедленно приказываю вамъ отправиться отсюда.

— А чтобъ вы сдѣлали, еслибъ я не захотѣлъ подчиниться этимъ смѣшнымъ требованіямъ и приказаніямъ?

— Есть такія оскорбленія, какихъ вѣроятно вы не захотите снести?

— Я никакихъ не хочу сносить, и сейчасъ объясню вамъ, почему дозволилъ вамъ говорить со мною такимъ тономъ. Еслибъ я вспылилъ, тогда выгода осталась бы на вашей сторонѣ. Вамъ вѣроятно угодно знать, какая выгода? а вотъ какая: если вы меня убьете, то избавитесь отъ врага своего, если же я убью васъ, то братъ вашъ никогда не приметъ меня къ себѣ. Въ первомъ случаѣ, цѣль ваша достигнута; во второмъ, моя совершенно потеряна. А какъ я не хочу рисковать тамъ, гдѣ увѣренъ, что проиграю, то и не вступаю за оскорбленія.

— Такъ я заставлю васъ вступить, заставлю!..

— Драться? это не такъ трудно... мнѣ было бы весьма пріятно наставить вамъ въ лобъ дуло пистолета... надѣюсь, что это

когданибудь и случится; но это будетъ тогда, когда мнѣ будетъ ловко, а не вамъ. Если же вы осмѣлитесь забытья до какогонибудь непозволительнаго оскорбленія, тогда я поставлю васъ въ то самое положеніе, въ какомъ не хочу быть въ отношеніи къ брату вашему. Я внесу на васъ такую клевету, что самая смерть моя навсегда поссоритъ васъ съ братомъ, и тогда причина (то есть предлогъ) вашей ненависти ко мнѣ не будетъ для него больше тайной.

— Подлецъ! такъ знай же, что братъ не удостоилъ бы тебя вызова, а раздавилъ бы тебя, какъ жабу! Если въ тебѣ есть хоть капля благородства, то согласишься, (не доводя меня до необходимости дать тебѣ оплеуху), драться со мною завтра или сейчасъ.

— Послушайте, мосье Рейно, я не вѣрю безкорыстной преданности. Вы были молоды, когда уступили брату болѣе половины своего состоянія. Теперь вамъ тридцать восемь лѣтъ, слѣдовательно вы должны быть теперь разсудительнѣе, а затѣмъ и корыстолюбивѣе. Чтобъ снова завладѣть своимъ состояніемъ, вамъ надобенъ благодидный предлогъ, и потому вамъ хочется выдать дочь свою за Генри. Но вамъ кажется, что благодаря стараніямъ тетушки Изабеллы, воспитанница моя Сидонія можетъ отбить жениха у дочери вашей и сдѣлаться помѣхою плановъ вашихъ, то вы и выдумали на меня и невѣстку вашу...

— Довольно! хотите бхаться со мною? Да, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Хотите драться со мною? Да, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ намъ и говорить нечего.

— Очень радъ.

Враги разстались.

XVI.

Съ этой минуты Родольфъ подсматривалъ за каждымъ движеніемъ Клодомира, справлялся о каждомъ его шагѣ и устроилъ такъ, чтобъ встрѣтиться съ нимъ въ Тюильрійскомъ саду въ два часа, когда всѣ аллеи полны гуляющими. Онъ подошелъ къ Понтарису и при всѣхъ далъ ему пощечину.

Клодомиръ поблѣднѣлъ, губы его задрожали.

Родольфъ же громко и хладнокровно сказалъ:

— Вы хотѣли мнѣ дать пощечину, я предупредилъ васъ, вотъ и все тутъ.

— Мы будемъ стрѣляться.

— Если вамъ угодно.

— Не угодно ли вамъ отойти со мною въ сторону?

— Какъ прикажете.

Когда они отошли, Клодоміръ спросилъ:

— Что скажете вы брату своему, когда онъ захочетъ знать причину нашей дуэли и потребуетъ объясненій?

— Тутъ нечего объяснять. Я васъ толкнулъ невзначай, вы вспылили и сказали, что я стою оплеухи, а я удостоилъ васъ ею, вотъ и все. Другой причины нѣтъ и быть не можетъ.

— Ваша невѣстка...

— Сдѣлайте милость, не вмѣшивайте имя ея въ эту исторію.

— Но если...

— Ни ей, ни брату моему нѣтъ нужды до этого дѣла.

— Я на васъ не думалъ сердиться, вы не толкали меня... и выдумка ваша покажется смѣшною.

— Нѣтъ, я не выдумалъ... подите, спросите у всѣхъ, кто былъ тогда въ большой аллеѣ, и всѣ скажутъ, что вы хотѣли, а я далъ вамъ пощечину. На чемъ будемъ мы драться?

— На пистолетахъ.

— Когда?

— Завтра утромъ.

— Я заѣду за вами. Если вамъ угодно имѣть секундантовъ, то распорядитесь заблаговременно.

— Не надо. Неравно они захотятъ помирить насъ, а примиреніе невозможно.

— Надѣюсь!.. Я долженъ предупредить васъ, что если братъ мой узнаетъ объ этомъ, то я не стану стрѣляться съ вами, а просто застрѣлю васъ!

Родольфъ раскланялся и скорыми шагами вышелъ изъ аллеи.

XVII.

Была уже ночь, когда Родольфъ возвратился домой. Между тѣмъ ему доложили, что Албертъ приходилъ къ нему и просилъ не ложиться прежде, чѣмъ не переговорить съ нимъ.

Родольфъ отправился къ Алберту, который увидѣвъ брата, бросился къ нему навстрѣчу и сказалъ:

— Я ждалъ тебя. Мнѣ надо переговорить съ тобою.

— О чемъ это?

— Я знаю, что ты хочешь стрѣляться.

Родольфъ поблѣднѣлъ.

— Одинъ мой знакомый былъ сегодня въ Тюильрійскомъ саду, онъ все видѣлъ и мнѣ рассказалъ. Какъ это ты до того забылся въ отношеніи человѣка, котораго я считаю своимъ другомъ?

— Тебѣ бы слѣдовало сдѣлать этотъ вопросъ не мнѣ, а ему. Онъ оскорбилъ меня, я не простилъ оскорбленія... Но какъ можешь ты называть другомъ своимъ подобнаго человѣка?

— Я знаю, что ты ненавидишь его.

— Знаешь-ли ты, кто таковъ этотъ Клодоміръ де-Понтарись? Знаешь-ли, за что его исключили изъ торговой компаніи?..

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Албертъ съ насмѣшливою улыбкой, онъ обокралъ кассу банкира Бонвеля.

— Нѣтъ, не Бонвеля, а Брисье.

— Все равно Брисье или Бонвеля. Это старинная исторія, прибавилъ Албертъ, улыбаясь.

— Что жъ находишь ты тутъ смѣшнаго?

— Ничего, но я знаю, что это клевета.

— А я докажу тебѣ что нѣтъ.

— У меня есть доказательства, даже и такія, что онъ играетъ, проигрываетъ и не платить.

— Ради Бога не смѣйся!

— Вѣдь онъ тоже кажется въ самой тѣсной дружбѣ съ женой моей? и доказано, что увозить ее нынѣшнюю ночь. Ха! ха! ха!

— Албертъ! да ты съ ума сошелъ.

— Лучше быть сумасшедшимъ, чѣмъ злымъ и несправедливымъ. О Родольфъ! могъ ли я ожидать, что ты, такой благородный и великодушный, захочешь прибѣгать къ такимъ средствамъ?

— Я не понимаю тебя! ради Бога, объяснись.

— Теперь дѣло не о томъ. Надо заняться тѣмъ, что поважнѣе.

Прошу тебя, оставь дуэль..

— Кто далъ тебѣ это порученіе? вѣрно Клодоміръ.

— Вражда ослѣпляетъ тебя. Клодоміръ человѣкъ благородный, храбрый, и мнѣ придется упрашивать его принять твое извиненіе.

— Я не стану извиняться.

— Я надѣюсь на дружбу Клодоміра, и увѣренъ, что остановлю эту нелѣпую ссору... Послушай, Родольфъ, могу я надѣяться на твою дружбу?

— Ты знаешь, братъ, люблю ли я тебя; но прошу не отвѣривай меня. Я никогда и ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ, а на этотъ разъ откажу на отрѣзъ.

— Въдѣ ты не увѣришь меня, чтобъ такая ненависть происходила отъ одного толчка. Глупо было бы требовать, чтобъ въ такой толпѣ никто не дотронулся до тебя!

— Онъ мнѣ сказалъ грубость.

— А ты далъ ему пощечину! Послушай, Родольфъ, мой милый другъ, Понтарисъ приметъ твое извиненіе, я вырвалъ у него эту страшную жертву, и признаюсь, еслибъ онъ былъ на твоемъ мѣстѣ, а ты на его, я не потребовалъ бы отъ тебя такого самопожертвованія.

— Ради Бога, не проси .. мнѣ невыразимо тяжело отказывать тебѣ.

— Ну, такъ я недопущу тебя до драки. Клодоміръ мнѣ другъ, я буду всюду за нимъ слѣдовать... и когда ты станешь цѣлить въ него, я загорожу его собою. Какая страшная ненависть! Кто бы могъ думать, что Родольфъ дойдетъ до ярости дикаго звѣря! Да чтожъ ты ничего не отвѣчаешь? Скажи мнѣ покрайней мѣрѣ правду, всю правду, настоящую причину этой вражды.

— Я не могу этого сдѣлать: лучше не вмѣшивайся въ это дѣло.

— Ну, такъ я догадываюсь, и Сесилія права...

— Въ чемъ?... что такое?

— Ты воображаешь то, чего нѣтъ и быть не можетъ. Тебя оскорбилъ не толчокъ, а... право незнаю, какъ сказать... Но зачѣмъ же тогда не придти ко мнѣ?... я бы успокоилъ тебя, сказалъ бы, что это клевета... а въ противномъ случаѣ былъ бы твоимъ секундантомъ, убилъ бы твоего врага!..

Албертъ схватился за пистолеты.

— Я не понимаю тебя, сказалъ Родольфъ, пристально глядя на брата.

— Но въдѣ это клевета! Въдѣ и мнѣ прислали безымянное письмо... Прости, съ минуту я думалъ, что это ты написалъ; прости, потому что письмо это страшной низости. Но Клодоміръ никогда у тебя не бываетъ, Агата почти не говоритъ съ нимъ.

— Для чего припутываешь ты тутъ Агату?

— Послушай, другъ мой, не скривай отъ меня своего горя, это ни къ чему не ведетъ. Тебѣ сказали или написали, что Клодомірѣ влюбленъ въ жену твою?.. Вѣдь и мнѣ написали тоже самое о женѣ моей.

— Мнѣ не писали ничего подобнаго. Кто могъ дать тебѣ такую мысль?

— О! на этотъ счетъ женщины хитрѣе насъ. Онѣ все видятъ... и Сесилія увидѣла, что ты ревнуешь Агату, но увѣряетъ, что совершенно напрасно. «Я считаю Агату честною женщиною, сказала она мнѣ; если она и Клодомірѣ любятъ другъ друга, то хорошо умѣютъ скривать свои чувства, потому что я никогда ничего не замѣчала.»

— Такъ это Сесилія сказала тебѣ?

— Да; но еслибъ она знала, что я тебѣ пересказалъ, то страшно разсердилась бы. Она умоляла меня не давать тебѣ замѣтить, что я знаю причину ненависти твоей къ Клодоміру.

— Жена твоя настоящая змѣя!

— Родольфъ.

— Да, змѣя!

— Молчи, Родольфъ!

— Какъ смѣетъ она говорить о женѣ моей, о моей чистой, непорочной Агатѣ! Я не хочу больше видѣть жену твою, она низкая женщина!

— Родольфъ!.. горе свело тебя съ ума... Замолчи, или не переступай черезъ порогъ моего дома!

— А, наконецъ! я этого ожидалъ... такъ и должно было случиться; но я не оставлю такъ этого бродягу безнаказаннымъ! Что же до жены твоей, то скажи ей...

— Молчи, Родольфъ! Уйди лучше! Ни слова больше!

Въ эту минуту вошла Сесилія.

— А! вотъ и вы, сударыня! вскричалъ Родольфъ; послушайте какое я далъ порученіе Алберту для васъ, что велѣлъ вамъ сказать.

Албертъ хотѣлъ было зажать ротъ брату, но тотъ, оттолкнувъ его, продолжалъ:

— Я запрещаю вамъ глядѣть на Агату, говорить съ нею. Не смѣйте осквернять ее ни змѣинымъ взглядомъ вашимъ, ни ядовитымъ языкомъ.

— Албертъ, братъ твой оскорбляетъ меня; слышишь, что онъ говоритъ?

— Вонъ! вонъ отсюда! вскричалъ Албертъ, блѣдный, совершенно вышедшій изъ себя.

— Братъ выгоняетъ меня изъ дому, и вамъ извѣстно за что, сударыня. Я и самъ не приду... Никогда нога моя не будетъ въ этомъ домѣ... Я побѣжденъ... но еще разъ повторяю вамъ...

— Уйди, уйди, Родольфъ!

— Еще разъ повторяю, что вы самая низкая, самая неблагодарная женщина.

Албертъ взбѣсился. Въ себя отъ гнѣва онъ схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ Родольфа. Потомъ блѣдный, изнеможенный, упалъ безъ чувствъ на диванъ.

Вбѣжали слуги, а за ними баронесса.

Родольфъ, пришедъ въ себя, сказалъ хладнокровно:

— Видишь-ли, Албертъ, какъ страшно играть оружіемъ. Въдъ пистолетъ этотъ могъ быть заряженъ и пулею... и выстрѣлилъ бы точно такъ же. Ничего, прибавилъ онъ, обращаясь къ людямъ: онъ былъ заряженъ только порохомъ и выпалъ у насъ изъ рукъ. Ступайте!

Люди ушли, а за ними и баронесса, которая сказала:

— Какая неосторожность! Какой шумъ! Я думала, что весь домъ взорвало на воздухъ.

Родольфъ выбѣжалъ изъ комнаты, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Албертъ, проводивъ брата глазами, громко зарыдалъ; грудь его высоко подымалась; онъ метался по дивану, и чтобъ заглушить вопли свои, кусалъ подушки.

— Что это съ тобою, душа моя? спросила Сесилія.

— Что со мною? а то... что я злодѣй! хотѣлъ убить брата!

— Что за вздоръ! курокъ спустился невзначай. Послѣдствій нѣтъ и не можетъ быть, потому что пистолетъ былъ заряженъ не пулей... самъ Родольфъ сказалъ.

— Пистолетъ былъ заряженъ пулей, и я выстрѣлилъ въ Родольфа. Я цѣлилъ въ него, и если не убилъ его... такъ единственно потому, что руки мои дрожали... О! какая страшная ночь! Какъ бы я желалъ умереть!

XVIII.

Между тѣмъ Родольфъ выбѣжалъ изъ дому Алберта, схвативъ себя обѣими руками за грудь. Вошедъ въ переднюю, онъ приказалъ осѣдлатъ лошадь и скакать въ ближайшій городокъ за хирургомъ, человѣкомъ, хорошо знающимъ свое дѣло.

Въ ожиданіи врача, онъ самъ перевязалъ себѣ рану и, разбудивъ потихоньку старичка Дофина, сказалъ ему, что разряжая неосторожно одинъ изъ своихъ пистолетовъ, онъ попалъ себѣ въ грудь и потому послалъ за докторомъ, что рана вовсе не опасна, но что ему надо съ нимъ переговорить о болѣе серьезномъ дѣлѣ.

— Завтра утромъ я долженъ стрѣляться, прибавилъ онъ, и потому долженъ распорядиться сегодня; въ случаѣ, если меня убьютъ, у жены моей и дочери, кромѣ тебя, не будетъ другаго покровителя.

Старикъ всплеснулъ руками и хотѣлъ говорить, но Родольфъ продолжалъ.

— Не будемъ терять времени въ пустыхъ разговорахъ, любезный папаша; мнѣ надо еще многое сдѣлать, а потомъ хоть немного отдохнуть.

Родольфъ въ нѣсколькихъ строкахъ написалъ свою духовную. Онъ назначалъ старичка отца своимъ душеприкащикомъ и поручалъ ему и брату жену свою и дочь. Потомъ словесно дополнилъ свою послѣднюю волю.

Пока Родольфъ говорилъ, а старикъ потихоньку плакалъ, вошелъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ рану, вынулъ пулю, которая попала въ мускулъ, перевязалъ рану и сказалъ, что опасности нѣтъ.

— Дайте мнѣ эту пулю, сказалъ Родольфъ, она мнѣ нужна.

— Извольте, отвѣчалъ докторъ, подавая пулю. Потомъ, предписавъ строжайшую діету и покой, хотѣлъ было ѣхать домой, обѣщая навѣстить больного завтрашній день. Но Родольфъ остановилъ его и сказалъ, что черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ стрѣляться; предложилъ ему постель и просилъ быть у него секундантомъ, а въ случаѣ нужды и медикомъ.

Докторъ, бывшій сперва полковымъ хирургомъ и привыкшій къ сраженіямъ, вмѣсто отвѣта сказалъ: «Чортъ возьми!» легъ и заснулъ.

Родольфъ тоже заснулъ и проспалъ четыре часа сряду.

Услышавъ шаги Родольфа, докторъ проснулся, всталъ, перевязалъ ему рану и сказалъ:

— Я ѣду съ вами.

— Благодарю, отвѣчалъ Родольфъ, пожимая ему руку.

Десять минутъ спустя Родольфъ былъ уже у Понтариса. Тотъ ждалъ его. Они вышли вмѣстѣ. Секундантомъ Клодоміра былъ какой-то отставной унтеръ-офицеръ.

Противники остановились у опушки лѣса. Секундантамъ было сказано, что имъ остается только условиться на счетъ дуэли.

Докторъ съ унтеръ-офицеромъ стали спина съ спиной, потомъ разошлись каждый въ свою сторону, на пятнадцать шаговъ впередъ, и сдѣлали по черточкѣ на землѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились. Потомъ, обернувшись лицомъ другъ къ другу, отмѣрили десять шаговъ впередъ, и находясь, такимъ образомъ, въ десяти шагахъ другъ отъ друга, воткнули палки свои въ землю.

Тогда было рѣшено, что противники, отстоя другъ отъ друга на тридцать шаговъ, будутъ подходить по произволу, но не перейдутъ черезъ черту палокъ, между которыми было десять шаговъ разстоянія.

Пистолеты были одинаковой мѣры и одного калибра; каждый остался при своихъ, держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету.

Было рѣшено также, что какъ только одинъ изъ противниковъ выстрѣлитъ, другой долженъ стрѣлять немедленно.

Родольфъ принесъ съ собою пистолеты брата и приказалъ зарядить тотъ пистолетъ, которымъ Албертъ выстрѣлилъ въ него накануне, и тою самою пулею, которая попала ему въ грудь.

Противники стали на мѣста свои. Родольфъ, по условію, пошелъ впередъ, но Клодоміръ не двигаясь съ мѣста, прицѣлился въ него. Тогда Родольфъ остановился и тоже сталъ цѣлить въ Понтариса. Клодоміръ выстрѣлилъ. Родольфъ отвѣчалъ тѣмъ же. Шляпа Родольфа слетѣла. Клодоміръ остался здоровъ и невредимъ.

Тогда Родольфъ, бросивъ пистолетъ, взялъ въ правую руку тотъ, который держалъ въ лѣвой, тотъ, который былъ заряженъ пулею, вынутою изъ груди его, и быстрыми шагами дойдя до палки, сказалъ Клодоміру:

— Подойдите поближе. Нельзя ли кончить на этотъ разъ.

Понтарисъ подошелъ къ палкѣ, и противники очутились лицомъ къ лицу въ десяти шагахъ другъ отъ друга.

Оба выстрѣла выметѣли почти въ одно и тоже время.

Родольфъ вадрогнулъ. Рука его была раздроблена.

Понтарисъ отшатнулся и упалъ лицомъ на землю. Секунданты подбѣжали къ нему, подняли. Докторъ объявилъ, что онъ убитъ. Потомъ, подойдя къ Родольфу, перевязалъ ему руку.

Пока докторъ перевязывалъ, послышался лошадиный топотъ: это были жандармы. Предупрежденные наканунѣ, они ѣздили по окрестности съ намѣреніемъ остановить дуэль, но тогда только отыскивали мѣсто сраженія, когда слышали пистолетные выстрѣлы.

Бригадиръ записалъ дѣло.

Докторъ посадилъ Родольфа въ карету и повезъ домой, а одинъ изъ жандармовъ пошелъ за мужиками, которые пришли съ носилками, и положивъ на нихъ Клодоміра, тоже унесли домой.

Старикъ Дофинъ въ страшномъ волненіи не находилъ нигдѣ мѣста. Онъ всталъ въ одно время съ Родольфомъ, и съ тѣхъ поръ ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, смотря во всѣ стороны.

Бдругъ онъ увидѣлъ карету, и дыханіе замерло въ груди его. Но сердце Родольфа отозвалось на сердце старичка; онъ угадалъ его; навѣрное зналъ, что Дофинъ будетъ ждать его, и потому, не смотря на страданія свои и на запрещеніе доктора, высунулся изъ кареты и улыбнулся. Сколько въ улыбкѣ этой было привѣтствія, радости, любви! Старикъ былъ ею вполне награжденъ за всѣ свои страданія.

Узнавъ Родольфа еще издали, онъ опрометью бросился къ каретѣ, и въ порывѣ радости хотѣлъ обнять его; но докторъ остановилъ его:

— Хотя мы и здоровы, но не совсѣмъ невредимы: у зятя вашего пуля въ рукѣ, но мы выживемъ эту незваную гостью.

Старикъ побѣжалъ домой, чтобъ какъ можно осторожнѣе предупредить свою бѣдную Агату.

Карета между тѣмъ подвигалась шагомъ, въѣхала на дворъ и остановилась у задняго крыльца.

Агата выбѣжала навстрѣчу, но безъ криковъ, безъ воплей, безъ шума. Она была страшно блѣдна и тряслась всѣмъ тѣломъ. Она помогла Родольфу выйти изъ кареты, сама приготовила ему постель, уложила его, и молча поцѣловала руку. Потомъ встала на колѣна и съ слезами благодарила Бога, что онъ спасъ ее отъ большаго несчастія.

Агата оставалась при перевязкѣ, и когда докторъ увѣрилъ ее, что нѣтъ никакой опасности, она пошла къ Маргаритѣ, чтобъ предупредить и ее. Но Маргарита пришла въ такое отчаяніе, что Агата не смѣла ввести ее къ отцу. Послѣ первыхъ порывовъ горя,

она немного успокоилась и стала просить мать, чтобъ она пустила ее посмотрѣть на Родольфа, обѣщая, что не нарушитъ покоя его своими слезами. Но увидѣвъ блѣднаго, изнеможеннаго отца, блѣдное сердце ея изорвалось на части, и она громко зарыдала. Агата принуждена была вывести ее въ другую комнату, гдѣ она упала безъ чувствъ.

Но Родольфъ не видѣлъ и не слышалъ этого. Пока Агата была въ комнатѣ дочери, онъ заснулъ.

Успокоивъ Маргариту, Агата вернулась въ спальню. Докторъ написалъ рецептъ, сдѣлалъ ей предписанія и уѣхалъ.

Между тѣмъ въ замкѣ знали уже слѣдствія дуэли.

Съ разсвѣтомъ дня Албертъ разослалъ людей по всѣмъ направленіямъ, и самъ поѣхалъ отыскивать мѣсто сраженія, но никого не нашелъ.

Мучимый неизвѣстностью, онъ отправился къ Родольфу, какъ вдругъ завидѣлъ жандармовъ, въ сопровожденіи мужиковъ, несшихъ носилки, на которыхъ лежало тѣло Понтариса.

Одинъ изъ жандармовъ, отдѣлясь отъ толпы, подскочилъ къ Алберту и сказалъ:

— Убить!

— Кто? спросилъ Албертъ. И голосъ замеръ въ груди его.

— Клодоміръ де-Понтарисъ, отвѣчалъ жандармъ.

— А... братъ?

— Раненъ.

Увидѣвъ носилки, Албертъ испугался, думая что Родольфъ убитъ, и проклиналъ Понтариса. Но узнавъ, что Родольфъ только раненъ, все участіе его пало на убитаго.

— Такъ онъ убилъ его! вскричалъ Албертъ, утоливъ злобу свою!

Тѣло внесли въ домъ; Албертъ шелъ за нимъ съ открытою головою.

Люди предупредили Сидонію. Она вбѣжала, и по всему дому раздались крики, стоны и вопли.

Албертъ увезъ ее съ собою.

Сесилія имѣла однако довольно твердости, чтобъ скрыть, какъ поразило ее это происшествіе.

Когда Албертъ привезъ Сидонію, Сесилія, притворясь будто сожалѣетъ ее, расплакалась, а до тѣхъ поръ дѣлала сверхъестественныя усилія, чтобъ удержать слезы.

Тетушка Изабелла угостила себя громкимъ отчаяніемъ. Она обвиняла Родольфа, говоря:

— О! какое кровожадное созданіе! Теперь онъ радъ, счастливъ!

— Родольфъ раненъ, тетушка, сказалъ Албертъ.

— Кто поражаетъ оружіемъ, тотъ и погибнетъ отъ оружія, отвѣчала тетушка.

— Бѣдное дитя мое, сказалъ Албертъ, обнимая Сидонію, ты осталась теперь одна, безъ покровителя и опоры въ жизни. Я былъ другомъ твоего опекуна, я замѣню его и принимаю тебя какъ залогъ дружбы: отнынѣ ты будешь моею дочерью.

Баронесса и Сесилія начали обнимать и цѣловать Сидонію, обѣщая ей любить ее вѣчно и защищать во всѣхъ случаяхъ жизни; послѣ чего всѣ разошлись. Сидонія ушла съ Изабеллой на ея половину, а Сесилія къ себѣ, гдѣ безъ принужденія и безъ свидѣтелей вполнѣ могла предаться своему отчаянію.

Между тѣмъ Албертъ послалъ узнать о здоровьи брата, и самъ пошелъ навстрѣчу къ посланному, но не вошелъ въ домъ Родольфа. Ему доложили, что пуля переломила руку брата, что пулю вытащили, и что докторъ отвѣчаетъ за жизнь его. Албертъ, зная страданія брата, возвратился домой грустный, унылый, но все таки не пошелъ утѣшить или облегчить его. Куда дѣвалась эта страстная, а между тѣмъ тихая, спокойная и свѣтлая дружба, которою до сихъ поръ жили эти два любящія сердца? Наканунѣ онъ выстрѣлилъ въ брата, въ столь великодушнаго, преданнаго брата, зная, что пистолеты заряжены были пулями.

Хотя Албертъ не нашелъ пули въ стѣнахъ кабинета, однако не подозрѣвалъ геройскаго мужества Родольфа. Онъ воображалъ, что пуля, встрѣтивъ твердое тѣло, отскочила и вылетѣла въ отворенное окно.

А главное, онъ не подозрѣвалъ, что Родольфъ дрался за него, за честь его.

Мысль, что Родольфъ сдѣлался убійцею, приводила въ содроганіе Алберта и внушала что-то въ родѣ отвращенія; но если бъ онъ зналъ причину этого убійства, то осыпалъ бы Родольфа упреками: зачѣмъ не далъ онъ ему самому отмстить за оскорбленіе. Когда Родольфъ узналъ, что Албертъ не хотѣлъ навѣстить его, а только присылалъ узнать о его здоровьи, то былъ глубоко оскорбленъ, но размысливъ, старался оправдать его холодность въ собственномъ мнѣніи.

— Еслибъ я сказалъ слово, еслибъ открылъ ему все, чего онъ не знаетъ... то онъ бы стоялъ теперь на колѣнахъ вотъ

здѣсь, предъ моею кроватью, просилъ прощенія и обливалъ бы раны мои слезами раскаянія. Еслибъ я могъ доказать ему когда нибудь, что у брата его только одна мысль, одно желаніе—его счастье... и если я сдѣлался убійцей, взялъ на душу столь страшное преступленіе, то все это было изъ любви къ нему же!

XIX.

Сидонія поселилась въ замкъ. Изабелла призналась наконецъ Сесиліи, что раздѣляла привязанность, которую, не смотря на свои лѣта, внушила несчастному Клодоміру, и разыгрывала роль молодой неутѣшной вдовы, что, повидимому, ей очень нравилось. Сесилія, пользуясь горемъ баронессы и Сидоніи, могла плакать подъ предлогомъ, что жалѣетъ ихъ, но въ сущности приходила въ страшное отчаяніе. А иногда она проклинала Родольфа, и призывала на помощь весь умъ свой и всю хитрость, выдумывая, какъ бы ужаснѣе отмстить ему. Но боязнь за самую себя вновь овлаждала ея сердцемъ. Ей представлялся Родольфъ больной, блѣдный, покинутый братомъ, для котораго онъ всѣмъ пожертвовалъ. Хватить-ли у него духу остаться оклеветаннымъ, непонятымъ, а главное оставленнымъ братомъ?.. Если изъ любви къ брату онъ пожертвовалъ своимъ состояніемъ, жизнію, то захочетъ-ли онъ отказаться отъ любви этой такъ, даромъ? Нѣтъ! это выше человѣческихъ силъ! Не пожертвуетъ-ли онъ въ такомъ случаѣ Сесиліей, единственною причиною всего несчастія? Онъ расскажетъ тогда все Алберту. Что станетъ съ нею? Она будетъ тогда для всѣхъ, особенно для Алберта, предметомъ ужаса и отвращенія! Мысль эта пугала Сесилію, но боязнь ея превратилась въ оцѣпенѣніе, когда однажды утромъ Албертъ возвратился домой блѣдный и разстроенный.

Албертъ каждое утро, съ разсвѣтомъ дня, посылалъ осведомляться о здоровьѣ брата, а самъ немедленно шелъ за человѣкомъ, чтобъ скорѣе узнать что нибудь о Родольфѣ.

Въ это утро, когда Албертъ подходилъ къ дому Родольфа, отъ него вышелъ судья. Такъ какъ Родольфъ не хотѣлъ сказать настоящей причины дуэли, то судья отправился къ Алберту съ намѣреніемъ разспросить его; но встрѣтясь съ нимъ и узнавъ, что кромѣ той причины, которую говоритъ Родольфъ, другой нѣтъ, судья объявилъ, что правосудіе рѣшилось преслѣдовать эту дуэль, что наказаніе должно быть примѣрное, потому что причина дуэли такъ ничтожна въ сравненіи съ ея результатомъ.

За пустую невѣжливость отмстить смертью! это непростительно! говорилъ судья. Министръ и всѣ судьи того же мнѣнія.

Такъ Родольфа будутъ судить, осудятъ, и приговорятъ, можетъ быть, къ заточенію или смерти!

Судья раскланялся, а Албертъ возвратился домой въ ужасѣ и онѣмѣніи.

— Онъ погибнетъ, сказалъ онъ Сесилии, если не скажетъ другой причины ненависти своей противъ Клодомира. Онъ говоритъ судья тоже самое, что говорилъ и намъ; но это одинъ пустой предлогъ, которому нельзя вѣрить. Надѣюсь, что передъ судомъ онъ скажетъ правду... Вѣдь Родольфъ не злой человѣкъ... а напротивъ, добрый и сострадательный. Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что Понтарисъ какъ нибудь жестоко оскорбилъ его... Мы этого не знаемъ, но оно должно быть такъ... Родольфъ великодушень.. А помнишь-ли въ какую онъ вошелъ ярость?.. Помнишь-ли, до чего онъ вышелъ изъ себя, когда я заикнулся о женѣ его... Ужъ не Агата-ли и въ самомъ дѣлѣ была причиною этого несчастья?

— Агата?.. сказала Сесилия съ презрѣніемъ: онъ никогда ею не занимался, и находилъ ее безсмысленною, дубоватою и «*chauvais-genre*».

— Да вѣдь ты же сама подала мнѣ эту идею?

— Это мнѣ такъ пришло въ голову... Сначала я думала... все это такъ непонятно!

— Ужъ я узнаю настоящую причину. Я пойду къ нему не теперь, но предъ тѣмъ, когда ему надо будетъ явиться въ судъ. Брошусь къ ногамъ его, умолю его открыть мнѣ истину и сообщу всѣ подозрѣнія мои его адвокату. Вѣдь надо же спасти несчастнаго, какимъ бы то ни было образомъ, даже противъ его воли...

Сесилия поблѣднѣла.

Нѣтъ сомнѣній, Родольфъ все расскажетъ. Онъ не захочетъ оставаться въ глазахъ всѣхъ, особенно брата, человѣкомъ бышнимъ и несправедливымъ. Онъ можетъ оправдаться и доказать, что дѣйствовалъ такъ единственно изъ преданности къ брату.

— Что за охота ему жертвовать собою для меня, врага своего?.. Онъ любитъ брата... но Албертъ изъ любви ко мнѣ охолодѣлъ къ нему... слѣдовательно, чтобъ возвратить любовь эту, для которой онъ всѣмъ жертвовалъ, онъ погубитъ меня.

И Сесилия въ отчаяніи ломала себѣ руки.

XX.

Послѣ смерти Клодоміра, домъ и все, что было въ немъ, запечатали.

Когда сняли печати и разсмотрѣли бумаги, оказалось, что не только его собственныя дѣла находились въ самомъ плачевномъ состояніи, но что онъ промоталъ почти все состояніе Сидоніи, въ домъ которой жилъ. Домъ этотъ тоже былъ заложенъ и перезаложенъ, такъ, что Сидоніи ничего изъ него неприходилось, и надо было еще доплачивать.

Другія бумаги и счета объясняли дѣло, о которомъ Родольфъ говорилъ брату, и доказывали, что Понтарисъ за разныя плутни и безчестныя дѣла исключенъ изъ компаніи банкира Брисье.

Въ безыменномъ письмѣ, написанномъ самимъ Клодоміромъ, переписаннымъ и посланнымъ Алберту его пріятелемъ, Клодоміръ предупреждаетъ все, что могли о немъ сказать. Все, что тамъ было написано, была правда: и карточные долги его, которыхъ онъ не платилъ, и причина отдаленія его отъ дѣлъ компаніи Брисье; только онъ преувеличилъ все и далъ фальшивыя адреса для осведомленія. И то была правда, что фамилію де-Понтарисъ онъ носилъ произвольно, не имѣя на то никакого права; настоящее же его имя было Дюранъ, это ужасное имя, которое онъ имѣлъ наглость написать Алберту. Такой подлогъ могъ дойти до Алберта; а какъ доказательства къ тому было очень трудно найти, то Клодоміръ по справедливости былъ увѣренъ, что Албертъ будетъ наводить справки на счетъ остальныхъ обвиненій, и благодаря фальшивымъ адресамъ, найдя ихъ ложными, не повѣритъ, что онъ носитъ подложное имя. Разсчетъ Понтариса оказался вѣренъ, что и случилось, когда Родольфъ началъ обвинять Клодоміра передъ Албертомъ.

Понтарисъ дорожилъ Албертомъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, онъ имѣлъ намѣреніе воспитать Сидонію въ уединеніи и въ послѣдствіи на ней жениться. Но какъ отецъ Сидоніи, чувствуя такое же слѣпое довѣріе, какъ Албертъ, умирая, не взялъ противъ него ни какихъ предосторожностей, то Клодоміръ и прожилъ большую часть состоянія ребенка. Разоривъ ее, онъ увидѣлъ, что она уже не можетъ быть для него выгодною партией, и потому обратилъ глаза свои въ другую сторону. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе свататься за баронессу, которой ухаживанье Понтариса очень пришлось по сердцу, но потомъ влюбился въ Се-

силію, которая была очень хороша собою. Къ тому жъ онъ узналъ, что тетушка Изабелла вовсе не такъ богата, какъ думали, а чрезъ вліяніе Сесиліи на мужа, и чрезъ свое собственное на Алберта, которымъ онъ умѣлъ овладѣть, онъ могъ надѣяться, что Албертъ одолжитъ ему денегъ на предпріятіе, которое могло поправить дѣла его. Ему хотѣлось тоже выдать Сидонію за Генри, и такимъ образомъ избавиться отъ счетовъ и расчетовъ своего опекунства.

Разсмотрѣвъ бумаги, Албертъ увидѣлъ, что онъ жестоко ошибся въ Понтарисъ.

Не подозрѣвая измѣны, касающейся до его чести, Албертъ узналъ, что фамилія Клодоміра была не Понтарисъ, а Дюранъ, что его выгнали отъ Брисье, и что онъ разорилъ бѣдную сироту, ввѣренную ему умирающимъ отцемъ. Онъ узналъ тоже, что Клодоміръ былъ игрокъ, не очень совѣстливый на расплату; но все это не оправдывало непреодолимой ненависти Родольфа.

Онъ зналъ, что Родольфъ глядѣлъ съ горемъ и отчаяніемъ на привязанность брата къ этому пришлецу, о которомъ имѣлъ по справедливости, какъ теперь оказалось, очень дурное мнѣніе. Но развѣ въ дружбѣ бываетъ такая ревность, которая доводитъ до взрывовъ такого гнѣва, до изступленія и даже до убійства?.. Нѣтъ, такая ревность истекаетъ только отъ любви! Такъ рассуждалъ Албертъ, не зная чему приписать злобу Родольфа къ Клодоміру.

Тетушка Изабелла ужъ позабыла и думать о покойникѣ, къ тому же послѣднія мечты ея о Клодомірѣ де-Понтарисѣ не могли относиться къ какому-то Дюрану.

Сидонія была поражена неожиданною смертію опекуна своего; но привязанность ея къ нему не переходила за границы благоразумія, тѣмъ болѣе, что обладая умомъ проицательнымъ, она видѣла всѣ его корыстолюбивые планы. Когда Клодоміръ имѣлъ намѣреніе жениться на ней, то не зналъ, какъ и чѣмъ угодить молодой дѣвушкѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ раздумалъ, обхожденіе его съ нею сдѣлалось грубо и оскорбительно; и потому, принявъ предложеніе Алберта, она очень выиграла во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь она была гораздо счастливѣе, чѣмъ когда либо, и наконецъ баронесса говорила о бракѣ ея съ Генри, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ.

Слѣдовательно никто уже болѣе не говорилъ о Клодомірѣ, только одна Сесилія сохранила о немъ горькое воспоминаніе!

Открытія, послѣдовавшія послѣ смерти Клодоміра, сильно подействовали на Сесилію. Но если повязка спала съ глазъ ея, ес-

ли она разочаровалась на счетъ его, то все таки не могла забыть, въ какихъ она была съ нимъ сношеніяхъ и въ какую бездну сношенія эти вовлекли ее! Для него, какого-то бродяги, она рѣшилась на разныя козни и преступленія; и на землѣ есть человѣкъ, который все это знаетъ, который иначе не можетъ спастись, какъ рассказавъ все, что знаетъ!

Дѣлю уже началось и шло своимъ порядкомъ; еще нѣсколько дней, и Родольфъ, здоровье котораго поправлялось ежеминутно, явится въ судъ. Можно ли предполагать и надѣяться, что онъ будетъ молчать? Если Родольфъ молчалъ до сихъ поръ, такъ вѣроятно благородное молчаніе его происходило отъ боязни видѣть брата своего, подвергающаго жизнь свою опасности за недостойную, коварную женщину. Но Клодоміръ убить, теперъ ему нечего бояться за Алберта. Осаждаемая подобными мыслями, Сесилія дрожала каждую минуту; наконецъ, собственный ея домъ сдѣлался ей невыносимымъ. Каждый разъ, когда Албертъ возвращался откуда нибудь, Сесилія блѣднѣла, воображая, что Родольфъ открылъ уже ея тайну. Съ трепетомъ и ужасомъ она вглядывалась въ лицо его, въ движенія, и тысячу разъ готова была во всемъ признаться, только, чтобъ избавиться отъ подобнаго мученія; но чувство самосохраненія и надежда на великодушіе Родольфа удерживали ее.

Наконецъ она написала матери, которая немедленно отвѣчала ей, что она опасно больна и просить Алберта позволить дочери ея провести нѣсколько дней съ нею.

Албертъ ни на минуту не задумался и сvezъ самъ жену свою къ ея матери.

Сесилии показалось, что тутъ ей будетъ легче ждать поднятаго надъ головою ея удара.

XXI.

Албертъ не могъ долге бороться съ своимъ сердцемъ, и побѣждалъ къ Родольфу, который уже вставалъ, но былъ еще очень блѣденъ и слабъ.

Братья обнялись, но съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ со стороны Алберта.

— Я много страдалъ, сказалъ послѣдній, что не могъ видѣть тебя во время болѣзни, но каждый день посылалъ освѣдомляться о тебѣ: сказывали тебѣ?..

— Да, мой другъ, сказывали, и чтобъ поскорѣе узнать, ты самъ ходилъ навстрѣчу твоему человѣку, котораго ждалъ

вотъ за этими кустами. Чтобъ видѣть тебя, я приказаль поставитъ кровать ближе къ окну, и ждалъ тебя каждое утро съ такимъ нетерпѣніемъ, котораго не въ силахъ передать...

— Я пришелъ къ тебѣ съ просьбою, Родольфъ, въ которой ты уже мнѣ отказалъ. Черезъ три дня тебѣ надо будетъ явиться въ судъ; я говорилъ съ твоимъ адвокатомъ, онъ внизу, я пошлю за нимъ, и мы все вмѣстѣ посоветуемся.

— Изволь, очень радъ. Боже мой, какъ я радъ тебя видѣть и держать руку твою въ моихъ рукахъ. Родной ты мой, дорогой мой Албертъ, зачѣмъ я люблю тебя такъ сильно!

— И кто бы подумалъ, Родольфъ, что между нами могло случиться то, что случилось?

Вошелъ адвокатъ. Онъ видѣлся съ производителемъ дѣла, съ судьями и министромъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ адвокатовъ, которые, какъ говорится, *сужимъ изъ воды выведетъ*.

— Мнѣ объясняли дуэль эту такимъ различнымъ образомъ и надавали столько разнообразныхъ причинъ, что я и понять не могу, сказалъ адвокатъ. Такъ какъ обида съ вашей стороны, и какъ противникъ вашъ видимо уклонялся отъ дуэли, то васъ осудятъ, если не на смерть, то на нѣсколько лѣтъ заключенія. Но если существуетъ причина, прибавилъ адвокатъ, обращаясь къ Алберту, довольно важная, могущая если не оправдать, то по-крайней-мѣрѣ хотя нѣсколько извинить послѣдствія дуэли и ненависть брата вашего до этого событія, то ее непременно надо объявить суду. Вотъ единственное средство избѣжать строгаго наказанія. А причина эта должна существовать, потому что всѣмъ извѣстно благородство и великодушіе вашего брата. Вѣроятно, Понтарисъ нанесъ ему какое нибудь непростительное оскорбленіе.

Албертъ со слезами умолялъ брата объявить эту причину. Все было напрасно, Родольфъ настаивалъ на своемъ.

Албертъ намекнулъ объ Агатѣ, но Родольфъ строго остановилъ его и сказалъ:

— Сомнѣніе не можетъ касаться Агаты: она изъ тѣхъ женщинъ, за которыми мужчины, зная что онѣ замужемъ или любить кого нибудь, никогда не будутъ ухаживать, потому что ясно видятъ, какъ глубока и чиста любовь ихъ. Такія женщины какъ Агата, не измѣняютъ: вѣрность и преданность дышатъ во всѣхъ чертахъ лица, во всѣхъ ихъ движеніяхъ. Этотъ самый разговоръ былъ уже причиною того... о чемъ намъ никогда не слѣдуетъ вспоминать.

— О! я никогда этого не забуду, вскричалъ Албертъ, перебивая его. Какъ смѣю я возставать противъ вспылчивыхъ характеровъ, когда самъ чуть было не убилъ самаго лучшаго изъ всѣхъ братьевъ вселенной. Умоляю тебя, Родольфъ, ради дружбы нашей, ради Агаты и Маргариты, спаси себя и насъ... Я знаю твое сердце, и не хочу вѣрить, чтобъ ты убилъ челоуѣка такъ, изъ ненависти: вѣрно онъ жестоко, страшно оскорбилъ тебя!.. Во всѣхъ случаяхъ жизни, всегда и вездѣ ты былъ правъ, слѣдовательно, неспособенъ на такой поступокъ. Скажи правду...

— Никогда! вскричалъ невольно Родольфъ.

Потомъ спохватясь прибавилъ:

— Я сказалъ всю правду... другой причины нѣтъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, сказалъ адвокатъ; послѣ этого я почти увѣренъ, что васъ приговорятъ или къ смерти, или къ долговременному заточенію. Слѣдовательно мнѣ остается вамъ дать только одинъ совѣтъ—бѣжать какъ можно скорѣе лѣтъ на пять, если не больше.

И такъ было рѣшено, что Родольфъ покинетъ Францію.

Онъ провелъ вечеръ съ Агатой и Дофиномъ.

— Отсутствіе мое не будетъ продолжительно, сказалъ онъ имъ. Пишите мнѣ какъ можно чаще, если можно, каждый вечеръ рассказывайте, какъ провели день. Это порученіе я даю вамъ, батюшка.

— Когда ты ѣдешь? спросила Агата.

— Завтра.

Агата, заливаясь слезами, вышла приготовить все къ дорогѣ. Маргаритѣ ничего не сказали, ее увѣрили будто Родольфъ ѣдетъ воляжировать для здоровья и скоро вернется. И потому она съ удивленіемъ и безпокойствомъ глядѣла на мать, на лицѣ которой были видны слѣды слезъ, хотя она и старалась скрывать ихъ.

Рано утромъ Родольфъ всталъ и пошелъ помолиться на могилу родителей.

— О, друзья мои, возлюбленные сердца! говорилъ онъ, рыдая: вы знаете, сколько я страдалъ отъ ослѣпленія и несправедливости Алберта, и страдалъ бы еще больше, еслибъ онъ зналъ правду, потому что онъ любитъ эту недостойную женщину больше всего въ мірѣ, больше меня, который жертвуетъ для нея своею доброю Агатою. Вѣдь и онъ страдаетъ, что не можетъ больше любить меня по-прежнему; онъ считаетъ меня гордымъ, неумоли-

мымъ, злымъ человѣкомъ... Утѣшите его, мои родные, оправдайте меня въ глазахъ его. Я сдержалъ клятву, данную вамъ любить брата моего нѣжно, быть ему преданнымъ, и покидаю для него тихое убѣжище, мою кроткую жену, мою возлюбленную дочь, и этого самаго брата, для котораго всѣмъ жертвую. Такъ помолитесь, чтобъ изгнаніе мое продолжалось не долго.

Вечеромъ пріѣхала карета, въ которой долженъ былъ отправиться Родольфъ.

Братья пожали другъ другу руки, но не обнялись, какъ это дѣлалось прежде, когда они разставались на нѣсколько часовъ.

Съ той минуты, какъ Родольфъ уѣхалъ, Албертъ снова охладѣлъ къ брату, а главное ему было обидно, что Родольфъ не исполнилъ его желанія, не пощадилъ Клодоміра. Если наканунѣ онъ снова предался Родольфу всею душой, такъ потому только, что Родольфъ находился въ опасности. Между тѣмъ Албертъ хотя и не зналъ настоящей причины дуэли, но чувствовалъ однако, что Родольфъ изъ-за пустяковъ не сталъ бы драться, и не смотря на это, все таки охладѣлъ къ нему... вѣроятно изъ эгоизма. Вотъ какъ велико вліяніе женщины, и вотъ что сдѣлала Сесилія изъ справедливаго и любящаго человѣка!

Родольфъ ясно видѣлъ, что происходило въ сердцѣ брата его, и думая самъ про себя: «Вѣдь я молчу для его же счастья», уѣхалъ грустный, унылый, сопровождаемый слезами и благословеніями Агаты, Маргариты и старика отца.

XXII.

По отъѣздѣ Родольфа, Албертъ отправился въ Парижъ за Сесиліей. Мадамъ Гольбергъ притворилась выздоравливающей, но Сесилія притворилась больною въ свою очередь, и желала еще побыть съ матерью; Албертъ же настаивалъ, чтобъ она возвратилась домой.

— Нечего дѣлать! воскликнула Сесилія, я хочу тебѣ во всемъ признаться и не стану болѣе скрывать, что не могу и не хочу больше видѣть одного человѣка, къ которому ты слишкомъ снисходителенъ. Не знаю до какой степени дойдетъ твое потворство, но я считаю его преступникомъ, убійцею! Я не могу требовать, чтобъ ты не пускалъ въ домъ брата; но я не могу видѣть его. Можетъ быть, время изгладитъ эти впечатлѣнія; но въ настоящую минуту онъ наводитъ на меня ужасъ.

— Родольфъ уѣхалъ, и Богъ знаетъ когда я съ нимъ увижусь.

Такъ какъ онъ не хотѣлъ сказать настоящей причины своей дуэли, то я умолялъ его выѣхать изъ Франціи, иначе ему пришлось бы очень худо.

— Ты хорошо сдѣлалъ. Такъ ты ничего не могъ узнать отъ него?

— Онъ былъ непреклоненъ, и повторялъ все одно и тоже.

— Можетъ быть это и правда.

— Иногда я тоже думаю; но вѣдь онъ былъ всегда такъ добръ, такъ снисходителенъ...

— Но ненавидѣлъ этого несчастнаго Понтариса. Онъ завидовалъ ему, ревновалъ тебя...

— Пусть будетъ проклятъ тотъ день и часъ, когда Понтарисъ вошелъ въ домъ нашъ.

— Скажи лучше: «пусть будетъ проклята злость и гордость моего брата!»

Будучи увѣрена, что не увидитъ больше Родольфа, и успокоенная его благороднымъ молчаніемъ, Сесилія согласилась ѣхать домой.

Сначала Албертъ очень скучалъ о братѣ, но постепенно успокоился. Онъ глядѣлъ на все глазами Сесиліи; а какъ она увѣрила его, что Родольфъ убилъ Клодоміра изъ зависти, и что другой причины нѣтъ и быть не можетъ, то Албертъ совершенно успокоился.

— Ты сдѣлалъ для брата все, что тебѣ слѣдовало сдѣлать: ты помогъ ему бѣжать, спасъ отъ тюрьмы, все это хорошо, я одобряю тебя, и еслибъ ты со мною посоветовался, я предложила бы тоже самое; но не смотря на все это, я скажу тебѣ откровенно, что онъ человѣкъ жестокій, и вовсе тебя не такъ любить, какъ ты воображаешь. А доказательствомъ тому вся эта исторія. Еслибъ онъ любилъ тебя, то заглушилъ бы свою ненависть, пощадилъ бы человѣка, котораго ты называлъ своимъ другомъ. Бѣдный Клодоміръ только тѣмъ и виноватъ, что любилъ тебя и былъ любимъ тобою. Онъ былъ привязанъ къ тебѣ, потому что видѣлъ какое имѣлъ на тебя вліяніе, ты же не имѣлъ на него ни какого. Ты дѣйствовалъ совершенно иначе: его малѣйшія желанія были для тебя закономъ. Ты не колеблясь уступалъ ему всегда, какъ въ пустякахъ, такъ и въ важныхъ случаяхъ жизни. Между нами, любезный Албертъ, онъ водилъ тебя, какъ говорится, за носъ. Я молчала, уважая дружбу вашу, но ясно видѣла, что онъ взялъ надъ тобою (хотя ты и не замѣчалъ этого) такую неограниченную власть, что иногда мнѣ было обидно, но я думала, что если

представится случай, онъ дастъ тебѣ надъ собой ту же власть. Горькій опытъ доказалъ, какъ онъ дорожить просьбами твоими и даже слезами. Ты хорошо сдѣлалъ, что помогъ ему бѣжать, и долженъ помочь и деньгами, если понадобится; откуда же теперь ему взять на чужой сторонѣ?.. А своими дѣлами издалека онъ не можетъ заниматься, но ты обязанъ страсти съ себя иго, такъ незамѣтно взваленное на твои плеча, а ты, какъ человѣкъ добродушный, самъ еще подставлялъ эти плечи... да съ какимъ еще наслажденіемъ!

Тутъ Сесилія громко захохотала. Албертъ поцѣловалъ ее.

— Зачѣмъ жена и дочь его не бываютъ у насъ? спросила Сесилія.

— Онъ такъ тоскуютъ...

— Мы будемъ развлекать ихъ, надо ихъ пригласить, и старика Дофина тоже. Я не такъ несправедлива, чтобъ возлагать на нихъ отвѣтственность за Родольфа, чѣмъ онъ виноваты, что онъ золь? Я приму ихъ ласково и даже не заикнусь объ этой гнусной и нелѣпой исторіи.

Албертъ еще разъ поцѣловалъ Сесилию и пошелъ исполнить ея порученіе.

Разговоръ этотъ и поведеніе Сесилии были слѣдствіемъ долгихъ совѣщаній ея съ тетусшкой Изабеллой.

Албертъ почти каждый день навѣщалъ Агату. Въ ея уютномъ домикѣ все ему напоминало брата и все носило на себѣ отпечатокъ грусти, все тосковало и плакало о возлюбленномъ Родольфѣ. Тутъ Албертъ все забывалъ, а вспоминалъ только святую дружбу, такъ крѣпко связывавшую его всегда съ братомъ. Вся любовь его снова воскресала.

Агата боялась идти къ Сесилии, но Албертъ такъ упрашивалъ ее, что она согласилась и отправилась на другой день.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Агата заговорила о своемъ горѣ, объ изгнаніи мужа и обо всемъ, что касалось до Родольфа. Ей давали говорить, но никто не промолвилъ слова. Наконецъ Агата сказала:

— Я получила письмо отъ Родольфа.

— А! сказала баронесса. Сесилія молчала.

И никто не поинтересовался спросить, что пишетъ Родольфъ и здоровъ ли онъ.

На другой день Агата объявила Алберту, что не пойдетъ болѣе никуда до возвращенія Родольфа.

— Развѣ васъ обидѣли чѣмъ нибудь, милая Агата?

— Нѣтъ, не обидѣли, отвѣчала Агата; но я чувствую и вижу что въ вашемъ домѣ Понтариса любили больше, чѣмъ моего добраго Родольфа. Можетъ быть, онъ этого и заслуживалъ... я его рѣдко видала и не имѣла случая познакомиться поближе. У васъ никто не принимаетъ участія ни въ горѣ моемъ, ни въ безпокойствѣ, когда я не получаю отъ мужа писемъ, ни въ радости, когда придутъ извѣстія. Никто не утѣшитъ меня... Въ вашемъ домѣ я чувствую свое одиночество. Я живу только Родольфомъ и для него, особенно теперь, когда онъ такъ несчастливъ. У васъ я не могу о немъ говорить, и страдаю и за него и за себя, такъ мало къ намъ имѣютъ участія. Здѣсь же, напротивъ, мы говоримъ о немъ, воспоминаемъ каждое слово, каждый взглядъ его, доброту его и заботливость о нашемъ счастьи, которое онъ приготовилъ и сохраняетъ для насъ... Голосъ Агаты задрожалъ и она зарыдала.

Албертъ, цѣлуя ея руки, старался утѣшить бѣдняжку.

— Когда вы захотите повидаться съ нами, продолжала Агата, и поговорить о Родольфѣ, который любитъ васъ страстно, приходите сюда, мы встрѣтимъ васъ по-прежнему, то есть, съ самымъ искреннимъ радушіемъ, но я къ вамъ больше не пойду. Духъ Родольфа витаетъ надъ этимъ домомъ, и не смотря на отсутствіе, повелѣваетъ въ немъ. Только теперь, когда его нѣтъ съ нами, послушаніе наше и покорность его волѣ еще безграничнѣе; это наше утѣшеніе, наше счастіе. Онъ все знаетъ, что мы дѣлаемъ, и пишетъ намъ очень часто. Вотъ его послѣднее письмо, мы получили его вчера.

«Любезные друзья!

Пишу мало, потому что совершилъ великій подвигъ: я выѣхалъ изъ Лозаны и поселился невдалекѣ отъ Женевы, въ деревенькѣ, которую открылъ во время своихъ прогулокъ. Деревню эту зовутъ Монтре, она находится на берегу озера. Это восхитительное мѣсто, и мнѣ здѣсь какъ-то спокойнѣе и отраднѣе. Въ первомъ письмѣ я пришлю вамъ видъ моего уютнаго уголка, и вѣрно вамъ почти такъ же захочется быть здѣсь со мною, какъ мнѣ съ вами въ нашемъ отрадномъ гнѣздышкѣ, съ моей горлицей Агатой и моимъ птенчикомъ Маргаритой, и бывшимъ другомъ моимъ, Албертомъ. Я его люблю по-прежнему, если еще не больше; но онъ... Что онъ дѣлаетъ теперь? Онъ не пишетъ ко мнѣ, сомнѣвается въ братѣ своемъ, чувствуетъ, что не долженъ бы былъ этого дѣлать, и все таки дѣлаетъ. Онъ ду-

маеть, что я былъ виновать въ этомъ дѣлѣ. Еслибъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ, а я на его, то я бы лучше хотѣлъ быть виноватымъ вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ разлучиться хоть на одинъ день. Быть на сторонѣ праваго не велика мудрость! Эту справедливость мы отдаемъ первому встрѣчному. Но если братъ мой виновать, я виновать вмѣстѣ съ нимъ. Счастливъ ли онъ хоть повидимому?.. напиши мнѣ, Агата. Считаю лишнимъ, говорить какъ тебѣ слѣдуетъ быть въ отношеніи къ нему, ты знаешь, какъ я его люблю онъ братъ твой, Агата, а ты, Маргарита, обязана питать къ нему нѣжнѣйшее почтеніе и т. д.

Послѣ этого слѣдовали наставленія отцу Дофину касательно обработки полей и вообще всего сельскаго хозяйства.

Двѣ крупныя слезы выкатились изъ глазъ Алберта, онъ поцѣловаль письмо, и возвращая его Агатѣ, сказалъ:

— Онъ правъ; онъ лучше меня. Я до сихъ поръ не могу придти въ себя, такъ смущаетъ меня эта ярость Родольфа, которой я понять не могу, а между тѣмъ я люблю его, какъ прежде. Каждую минуту я дѣлаю бездну вопросовъ и стараюсь объяснить ихъ. Я погожу еще писать, но скажите ему то, что я говорю вамъ со слезами на глазахъ, что онъ лучше меня, и что я никого и ничего въ мѣрѣ такъ не люблю, какъ его. Но зачѣмъ не имѣеть онъ ко мнѣ довѣрія? какъ не пожалѣеть онъ меня? Вѣдь я первый разъ въ жизни сомнѣваюсь въ немъ и сомнѣнія эти мучать меня. Напишите ему тоже, что адвокатъ въ восторгѣ отъ него, и что онъ хлопочеть о немъ, какъ о самомъ себѣ. Подъ различными предлогами онъ старался откладывать рѣшеніе этого дѣла и надѣется, что его еще долго будутъ откладывать. Тутъ надо выиграть время, а главное говорить онъ, что, можетъ быть, дѣло это само собою объяснится. И потому Родольфу нельзя еще возвратиться.

XXIII.

Сесилия и тетущка Изабелла жили въ мирѣ и по-прежнему любили свѣтъ и его удовольствія. Въ этомъ отношеніи онъ всегда были согласны другъ съ другомъ. Снова начали приглашать сосѣдей, ѣздить къ нимъ, и давать праздники. Успѣхи и побѣды Сесилии вскорѣ заставили ее забыть Клодомира. Она разыгрывала комедію даже сама передъ собою: гордилась, что умѣеть скрывать свое горе и называла это твердостью характера, заботливостью о своей чести.

Маргарита, въ сопровожденіи дѣдушки своего, являлась иногда на эти праздники.

Эмиль Гольбергъ, братъ Сесилии, тотъ самый, которому когда-то Альбертъ давалъ уроки математики, не пропускалъ ни одного бала.

Генри тоже кончилъ курсъ; но Сесилія и баронесса, чтобъ избавиться отъ него, своими преслѣдованіями выканючили у Альберта, чтобъ онъ записалъ его въ адвокаты. Хотя онъ занимался дѣлами, но все же былъ свободнѣе прежняго, и потому часто пріѣзжалъ въ деревню, и большую часть времени проводилъ на фермѣ, гдѣ часто оставался обѣдать. Когда Агата и Маргарита писали Родольфу, онъ тоже приписывалъ ему нѣсколько строчекъ.

Когда онъ узналъ о смерти Понтариса, то угадалъ причину этой смерти, но не хотѣлъ останавливаться на этой мысли, и закрылъ, такъ сказать, глаза. Не менѣе того онъ объявилъ, что почти не сожалѣетъ о Клодомірѣ, и горько плакалъ объ отъѣздѣ Родольфа.

Генри часто видѣлся съ дядею своимъ Эмилемъ Гольбергъ. Они вмѣстѣ пріѣзжали и уѣзжали изъ деревни, и по немногу подружились. Дядя былъ десятью годами старше племянника, и постепенно началъ имѣть вліяніе на его юное воображеніе. Гольберга нельзя было назвать ни злымъ, ни добрымъ; онъ былъ человѣкъ обыкновенный.

Безпрестанно вертясь въ обществѣ молодыхъ людей, столь же праздныхъ, какъ онъ самъ, Эмиль всѣми силами стремился заслужить репутацію льва, денди высшаго круга. Онъ осмѣивалъ высокія и благородныя стремленія Генри, у котораго не хватало духу защищать ихъ, да онъ и не умѣлъ, хотя и чувствовалъ, что Эмиль не правъ.

Мало по малу Генри началъ скрывать все, что было въ немъ прекраснаго, потомъ началъ стыдиться этого прекраснаго, а наконецъ началъ притворяться будто думаетъ и чувствуетъ точно также, какъ Эмиль Гольбергъ.

Эмиль рассказывалъ ему, со всѣми подробностями, свои сердечныя похожденія и хвастался напропалую. Генри понималъ, что теперь не время говорить о нѣжной и поэтической страсти его къ Маргаритѣ, и съ боязнію скрывалъ ее въ глубинѣ сердца, какъ скупой золото.

Но надо правду сказать, что бѣгая за Эмилемъ по театрамъ и пріятельскимъ вечерамъ, онъ меньше сталъ думать о Маргари-

тъ, а иногда по недѣль и по двѣ не бывалъ у нихъ въ домѣ. Однажды онъ пріѣхалъ въ замокъ, но не зашелъ на ферму, потому что Гольбергъ не отставалъ отъ него, а Генри не хотѣлось взять его съ собою.

Въ другой разъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшился сказать:

— Надо повидаться съ тетужкой Агатой...

Гольбергъ отправился съ нимъ. Они пребыли тамъ съ полчаса, не болѣе, но все таки Генри не ускользнулъ отъ сарказмовъ дяди, который, выходя изъ дома, сказалъ насмѣшливо:

— Ты мнѣ никогда не говорилъ объ этой скромной фіалкѣ, распустившейся у забора. Что я, фіялка, вѣдь ее зовутъ Маргаритка. Она довольно хорошенькая, но до того невинна и проста, что не умѣетъ сказать двухъ словъ сряду. Мать мнѣ больше нравится, хотя тоже не слишкомъ разговорчива. На этотъ разъ я тебя прощаю, любезный другъ, и сохранию твою тайну, но берегись, если я еще разъ застану тебя въ подобныхъ пастушескихъ затѣяхъ... осрамлю, право, осрамлю! вскричалъ заливаясь смѣхомъ Гольбергъ и запѣлъ:

Une robe légère
D'une entière blancheur
Un chapeau du bergère,
De nos bois une fleur...
Et voila la parure
Dont je suis enchanté,
Car toujours la nature
Embellit la beauté.

— Съ чего ты это взялъ! вскричалъ Генри весь вспыхнувъ. Маргарита просто-за-просто моя кузина, и больше ничего.

Гольбергъ въ тотъ же вечеръ возвратясь въ Парижъ, за ужиномъ разсказалъ пріятелямъ своимъ и нѣкоторымъ актрисамъ, что Генри влюбленъ въ свою кузину и намѣренъ на ней жениться. Надъ бѣднымъ юношей до того смѣялись, что онъ сперва сконфузился, потомъ началъ отнѣкиваться и наконецъ увѣрять, что у него и въ помышленіи не было женитьбы. Это маленькое предательство возстановило о немъ хорошее мнѣніе, и его объявили оправданнымъ.

Эмиль объявилъ даже, что племянникъ его страшный плутъ, злодѣй большой руки, съ которымъ онъ не хочетъ больше знаться, чтобъ не заразиться его примѣромъ.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА.

Сочиненіе Гизо.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДРАМЫ.

Шекспиръ не писалъ своихъ историческихъ драмъ въ хронологическомъ порядкѣ и не воспроизводилъ на театрѣ событій и лицъ англійской исторіи, такъ, какъ они являлись на самомъ дѣлѣ. Онъ не хотѣлъ работать по этому общепринятому и систематическому плану. Онъ сочинялъ свои драмы смотря по тому, какъ то или другое обстоятельство подавало ему идею пьесы, или какъ ихъ внушала ему фантазія. Въ слѣдствіе этого онъ не заботился ни о хронологіи событій, ни о томъ, чтобы составить цѣлую историческую хронику изъ ряда нѣсколькихъ пьесъ. Онъ перенесъ на сцену почти всю англійскую исторію съ XIII до XVI вѣка, съ Іоанна-Безземельнаго до Генриха VIII; но началъ XV вѣкомъ и «Генрихомъ VI», потомъ перешелъ къ XIII вѣку и королю Іоанну и окончилъ XVI вѣкомъ «Генрихомъ VIII». Стало быть, у него были перерывы въ порядкѣ вѣковъ и въ порядкѣ

царствованій. Вотъ, по самымъ искуснымъ его комментаторамъ, театральная хронологія его шести историческихъ драмъ:

1. Первая часть «Короля Генриха VI» (съ 1422 до 1461 г.) написана въ 1589 г.

2. Вторая часть «Генриха VI» написана въ 1591 г.

3. Третья часть «Генриха VI» написана въ 1591 г.

4. «Король Іоаннъ» (съ 1499 до 1216 г.), 1596 г.

5. «Король Ричардъ II» (съ 1377 до 1399 г.) 1597.

6. «Король Ричардъ III» (съ 1483 до 1485 г.), 1597.

7. Первая часть короля «Генриха IV» (съ 1399 до 1413 г.), 1597 г.

8. Вторая часть «Генриха IV», 1598 г.

9. «Король Генрихъ V» (съ 1413 до 1422 г.) 1599 г.

10. «Король Генрихъ VIII» (съ 1509 до 1547 г.), 1601.

Но, указавши точно хронологическій порядокъ созданія Шекспиромъ историческихъ драмъ, надобно, для лучшей оцѣнки характера и связи драматической, поставить ихъ въ порядкѣ событій, что я и сдѣлалъ для своихъ замѣчаній объ этихъ драмахъ: только такъ можно вполне повяты и оцѣнить геній Шекспира, раскрывающій и одушевляющій исторію своей страны.

I.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КОРОЛЯ ІОАННА.

(1596 г.)

Выбравъ сюжетомъ трагедіи царствованіе Іоанна Безземельнаго, Шекспиръ налагалъ на себя необходимость не слѣдовать рабски исторіи. Эпоха, въ которую Англія видѣла себя ничтожною и униженною во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, говоритъ Юмъ, не могла быть представлена во всей истинѣ передъ англійскою публикой и англійскимъ дворомъ, и одно воспоминаніе о королѣ Іоаннѣ не могло уже слишкомъ живо заинтересовать такую королеву, какова была Елисавета. Такимъ образомъ пьеса Шекспира представляетъ только эпизоды послѣднихъ годовъ этого царствованія; притомъ поэтъ измѣнилъ характеръ главнаго лица, не лишивъ его однакожъ истины, и тѣмъ далъ совершенно другой смыслъ событіямъ. Въ одномъ только фактѣ Шекспиръ рѣшился исполнѣ замѣнить исторію вымысломъ, именно въ отношеніяхъ Іоанна къ Франціи. Конечно, нужно все ослѣпление англійскаго тщеславія для того, чтобъ пред-

ставить изнеможение Филиппа-Августа (побѣдителя) предъ превосходствомъ Іоанна Безземельнаго (побѣжденнаго). Одна англійская хвастливость могла не воіпать противъ такой явной лжи. Шекспиръ въ этомъ случаѣ почти привелъ въ исполненіе хвастливыя слова самаго Іоанна, когда тотъ, запершись въ Руанѣ, въ то время, какъ Филиппъ овладѣвалъ его землями во Франціи, говорилъ спокойно: «Пусть французы дѣлаютъ, что хотятъ, я въ одинъ день возьму назадъ то, на завоеваніе чего они употребляютъ годы». Въ пьесѣ Шекспира все, что относится къ войнѣ съ Франціей, кажется нарочно придумано для удовлетворенія этой хвастливости самаго робкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго высококомѣрнаго короля.

Въ остальной драмѣ самое дѣйствіе и указаніе на факты, которыхъ не было возможности скрыть, достаточно даютъ угадать этотъ характеръ, который поэтъ не смѣлъ и даже не могъ обрисовать во всей его ясности. За то надо дивиться искусству, съ какимъ Шекспиръ перенесъ весь интересъ своей пьесы на судьбу молодаго Артура, и далъ Фольконбриджу эту оригинальную и блестящую роль, въ которой онъ видимо любитъ самъ собою.

Шекспиръ представилъ молодаго герцога Брагандскаго въ томъ возрастѣ, въ которомъ, по смерти Ричарда, права его могли уже имѣть значеніе, то есть около двѣнадцати лѣтъ. Извѣстно, что Артуру въ дѣйствительности было двадцать шесть лѣтъ, что онъ былъ уже женатъ, былъ привлекателенъ по своимъ блестящимъ качествамъ въ то время, когда дядя заключилъ его въ темницу; но поэтъ чувствовалъ, что зрѣлище слабости ребенка въ борьбѣ съ жестокостью произведетъ больше впечатлѣнія; а сверхъ того ему хотѣлось выставить впередъ мать Артура. Не давши роли Констанціи, Шекспиръ лишилъ бы насъ, можетъ быть, самаго патетическаго изображенія материнской любви, какое онъ когда либо начертилъ, изображенія одного изъ тѣхъ чувствъ, въ которыхъ онъ былъ наиболѣе глубокъ.

Въ тоже время, сдѣлавъ фактъ болѣе трогательнымъ, поэтъ устранилъ ужасъ его, уменьшивъ жестокость преступленія. Историческая молва говорила, что Губертъ Бургскій вызвался погубить Артура только для того, чтобъ спасти его, и дѣйствительно обманулъ бдительность его дяди ложнымъ донесеніемъ и подложнымъ погребеніемъ. Но Іоаннъ, узнавъ истину, перевелъ Артура въ Руанъ изъ замка Фалезскаго, въ которомъ онъ былъ подъ присмотромъ Губерта, самъ прибылъ туда ночью, велѣлъ его привести въ свою лодку, ударилъ его кинжаломъ въ грудь, а потомъ велѣлъ бросить въ рѣку. Понятно, что истинный поэтъ не захотѣлъ бы представить такого злодѣяства. Незави-

*

симо отъ необходимости очистить своего героя отъ такого ненавистнаго преступленія, Шекспиръ понялъ, на сколько угрызения совѣсти Іоанна, при видѣ опасности, въ которую повергаетъ его слухъ о смерти племянника, были драматичнѣе и соотвѣтственнѣе челоувѣческой природѣ, чѣмъ такая жестокость; и конечно, прекрасная сцена Іоанна съ Губертомъ, по уходѣ лордовъ, достаточно оправдываетъ его выборъ. Сверхъ того, представляемая Шекспиромъ картина слишкомъ живо потрясаетъ воображеніе и пріобрѣтаетъ въ его собственныхъ глазахъ слишкомъ много дѣйствительности, чтобы послѣ несравненной сцены, въ которой Артуръ вымалываетъ себѣ пощаду у Губерта, онъ могъ допустить этого бѣднаго ребенка до новыхъ мукъ и терзаній. Поэтъ зналъ также, что зрѣлище смерти Артура, хотя не такъ жестокой, какою изображаетъ ее молва, было бы еще невыносимѣе, еслибъ въ душѣ зрителей сопровождалось душевнымъ состраданіемъ къ матери несчастнаго ребенка. Устраняя это чувство, Шекспиръ позаботился сообщить зрителю о смерти матери прежде, чѣмъ дѣлаетъ его свидѣтелемъ смерти сына. Какое бы несчастье не изображалъ Шекспиръ, онъ почти всегда даетъ угадывать еще большее несчастье, предъ которымъ самъ отступаетъ и которое, щадя насъ, не изображаетъ.

Характеръ Фольконбриджа заимствованъ Шекспиромъ изъ пьесы Ровлея *The troublesome Reign of King John*, появившейся въ 1591 г. то есть, за пять лѣтъ до пьесы Шекспира, сочиненной, какъ полагаютъ, въ 1596 г. Пьеса Ровлея была перепечатана въ 1611 г. съ именемъ Шекспира—хитрость довольно обыкновенная у книгопродавцевъ и издателей того времени. Это обстоятельство и нецеремонность, съ которою Шекспиръ почерпалъ въ этомъ произведеніи, заставляли многихъ критиковъ думать, что *Жизнь и смерть короля Іоанна* была только передѣлка перваго его произведенія; но нѣтъ признаковъ, чтобъ онъ участвовалъ сколько нибудь въ сочиненіи этой пьесы.

По своему обыкновенію, заимствуя у Ровлея, что ему нравилось, Шекспиръ прибавилъ къ своему оригиналу великія красоты, но удержалъ почти всѣ его ошибки. Такъ Ровлей предполагалъ, что герцогъ австрійскій убилъ Ричарда Львиное-Сердце, и въ слѣдствіе того заставилъ Фольконбриджа, сына Ричарда, въ свою очередь убить герцога австрійскаго. Фольконбридж между тѣмъ историческое лице, о которомъ упоминаетъ Матьё Парисъ подъ именемъ Фальказіуса Брентскаго; но Голлинсгеду, онъ убилъ виконта Лиможскаго въ отмщеніе за смерть отца, убитаго, какъ извѣстно, при осадѣ Калюза, замка, принадлежавшаго этому владѣльцу. Чтобъ согласить показаніе Голлинсгеду съ своимъ, Ровлей сдѣлалъ изъ *Лиможа* фамильное прозваніе герцога австрійскаго

котораго онъ называетъ *Лиможъ, герцогъ австрійскій*. Шекспиръ сдѣлалъ ту же ошибку. Характеръ Фольконбриджа одно изъ тѣхъ созданий гения Шекспира, въ которыхъ видна природа всѣхъ временъ и всѣхъ странъ: Фольконбриджъ настоящій солдатъ, признающій непоколебимый долгъ въ отношеніи къ начальнику, за котораго жертвовалъ жизнію и отъ котораго получалъ награду за свою храбрость, но въ тоже время онъ не чуждъ ни одному изъ тѣхъ чувствъ, на которыхъ основываются другія обязанности человѣка, если только они не находятся въ противорѣчіи съ обѣтомъ вѣрности, которому принадлежитъ его бытіе. Онъ будетъ человѣченъ, великодушенъ, онъ будетъ справедливъ, если этотъ обѣтъ не побудитъ его къ другимъ обязанностямъ; онъ некусень столько же, какъ отваженъ, и никогда не отказывается отъ своего рѣшенія. Его языкъ и поведеніе, слѣдствіе смѣи здраваго смысла и горячности воображенія, облакающей часто разсудокъ громомъ словъ, весьма естественнымъ у людей того ремесла, какъ Фольконбриджъ, которые не могутъ находить въ обыкновенномъ языкѣ, чѣмъ выразить впечатлѣнія, привычныя въ ихъ жизни.

Слогъ пьесы вообще не такъ твердъ и не такъ выразителенъ, какъ во многихъ другихъ трагедіяхъ Шекспира. Построеніе драмы также нѣсколько неопредѣленно и слабо, что зависитъ отъ недостатка общей основной идеи, которая непрерывно сводила бы всѣ части къ одному центру. Одну только идею этого рода можно замѣтить въ *Королѣ Іоаннѣ* — ненависть къ чужеземному господству. Для того, чтобъ эта идея выдавалась и постоянно занимала умъ зрителя, нужно бы, чтобъ она воспроизводилась вездѣ, чтобъ все содѣйствовало происхожденію несчастія изъ борьбы этихъ двухъ чувствованій; но этотъ планъ, нѣсколько обширный для драматическаго произведенія, становился сверхъ того несогласимымъ съ осторожностью Шекспира относительно характера Іоанна. Такимъ образомъ, большая часть пьесы проходитъ въ мало-интересныхъ спорахъ, а въ остальной событія не довольно хорошо ведены; лорды слишкомъ легко переходятъ отъ одного мнѣнія къ другому, отъ одной партіи къ другой, безъ достаточнаго, очевиднаго оправданія своему непостоянству. Заключение короля въ темницу также не подготовлено съ тѣмъ стараніемъ, которое Шекспиръ обыкновенно прилагаетъ къ оправданію малѣйшаго обстоятельства своихъ драмъ. Ничто не указываетъ на ненависть Рима къ Іоанну, потому что въ это время Іоаннъ примирился уже съ Римскимъ престоломъ. Неизвѣстно также, что могло побудить Шекспира принять сказку, на которой онъ основалъ конецъ своей драмы.

II.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РИЧАРДА II.

(1597 г.)

По мѣрѣ того, какъ Шекспиръ приближается къ новымъ временамъ англійской исторіи, хроники, на которыхъ онъ опирается, точнѣе согласуются съ настоящею исторіей. Въ *Жизни и смерти Ричарда II* подробности, доставленные ему Голлинсгедомъ, мало отступаютъ отъ историческихъ данныхъ, дошедшихъ до насъ съ извѣстной достовѣрностью. За исключеніемъ одного дѣйствующаго лица, королевы, чистаго вымысла поэта, безпорядка въ хронологіи и сближеніи событій отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ, факты, заключающіеся въ этой трагедіи, ни въ чемъ не разнятся отъ историческихъ разсказовъ. Геллинсгедъ, списывавшій другихъ лѣтописцевъ, сообщил Шекспиру ложное извѣстіе о смерти Ричарда II, которое поэтъ слѣпо принялъ.

Хотя эта трагедія названа *Жизнь и смерть Ричарда II*, но она обнимаетъ только два послѣдніе года его жизни и содержитъ въ себѣ только одно событіе — его отрѣченіе и вступленіе на престолъ Генриха IV, развязку, къ которой все ведетъ сначала пьесы. Это событіе было разсматриваемо подъ разными видами, и кромѣ того извѣстно существованіе другой трагедіи на этотъ же сюжетъ, предшествовавшей, какъ кажется, трагедіи Шекспира и обработанной въ совершенно иномъ духѣ. Пьеса, о которой идетъ рѣчь, кажется была извѣстна подъ названіемъ *Генрихъ IV*, а не *Ричардъ II*. Но для уничтоженія всякаго подозрѣнія, что Шекспиръ и тутъ взялъ свое добро, достаточно прочесть трагедію Шекспира. Въ исторіи этихъ бѣдственныхъ временъ, почти всѣмъ лицамъ свойственна неопредѣленность нравственной точки зрѣнія, которая не позволяетъ ихъ чувствамъ ни къ чему привязаться съ энергіей. Партіи, всегда бывшія другъ съ другомъ въ борьбѣ за власть, попеременно побѣждаемыя и заслуживающія пораженія, или торжествующія и не заслуживающія побѣды, не представляютъ дѣйствія достаточно-драматическаго, способнаго довести зрителя до умиленія или восторга, двухъ благороднѣйшихъ цѣлей искусства. Въ возбуждаемомъ ими негодованіи часто недостаетъ состраданія, а въ состраданіи почти никогда нѣтъ уваженія. Шекспиръ могъ бы безъ труда возбудить и сильное негодованіе, и глубокое умиленіе, но однимъ изъ главныхъ свойствъ его генія всегда было стремленіе къ истинѣ, онъ воспроизводилъ природу, людей и время такъ,

какъ они ему представлялись въ данную эпоху, а это время не представляло ему ни героевъ, достойныхъ высшаго положенія, ни невинныхъ жертвъ, ни благородныхъ самопожертвованій, ни уважительныхъ страстей. Онъ находилъ, что въ эту эпоху сила характеровъ служила только личнымъ интересамъ, унижающимъ ихъ, что на вѣроломство смотрѣли какъ на средство къ достиженію выгодъ жизни, что измѣна почти оправдывалась господствующимъ началомъ личнаго эгоизма. Такъ онъ и изобразилъ ее. Согласно съ истинной, въ герцогѣ Йоркскомъ, о неспособности и ничтожности котораго мы знаемъ изъ исторіи, олицетворяетъ онъ легкость, съ которою тогда люди переносили свое поклоненіе отъ власти по праву, къ власти на дѣлѣ, жертвуя только тайными слезами въ пользу того, кого оставляли.

При такой обстановкѣ, въ чемъ могъ почерпнуть Шекспиръ патетическое начало, которымъ всегда любилъ возвышать зрѣлище падшаго величія? Онъ, давшій старику Лирю, въ его бѣдствіи, столько благородныхъ, вѣрныхъ друзей, не могъ найти ни одного для Ричарда: Ричардъ попалъ въ руки поэта уже разоблаченнымъ, низринутымъ, несчастнымъ, и въ немъ одномъ, въ его личности, поэтъ принужденъ былъ искать всѣхъ средствъ для произведенія впечатлѣнія. Такимъ образомъ роль Ричарда II сдѣлалась одною изъ самыхъ глубокихъ созданій Шекспира.

Шекспиръ изобразилъ Ричарда человѣкомъ, который, родясь для престола, никогда не воображалъ, чтобъ могъ быть чѣмъ другимъ, какъ королемъ; его королевское достоинство составляло въ его глазахъ часть его природы; это одинъ изъ составныхъ элементовъ его бытія, который онъ принесъ съ собою въ жизнь при рожденіи. Отсюда происходитъ его безпечная довѣрчивость среди угрожающей ему опасности. Если эта довѣрчивость оставляетъ его на минуту при каждомъ новомъ несчастіи, то возвращается вновь и съ новою силою по мѣрѣ того, какъ онъ нуждается въ поддержкѣ. Потерявъ наконецъ всякую надежду, онъ какъ-будто пробуждается и удивленный, осматривается, и спрашиваетъ самъ себя—я ли это? Новое его положеніе становится для него предметомъ до того любопытнымъ, что онъ рѣшается рассмотреть его во всѣхъ отношеніяхъ, и чрезъ этотъ анализъ избѣгаетъ отчаянія и возвышается до истины, открытіе которой всегда успокоиваетъ человѣка до извѣстной степени. Но такого рода успокоеніе безплодно, оно поддерживаетъ духъ, но убиваетъ дѣйствіе, оттого всѣ дѣйствія Ричарда крайне слабы; а размышленія его объ настоящемъ положеніи обнаруживаютъ чувство глубокаго человѣческаго сознанія. Для пробужденія его энергіи надобно, чтобъ внезапная, настоящая опасность вызвала, такъ сказать, противъ воли его, способности, кото-

рыя онъ самъ отрицаетъ въ себѣ: эта опасность является въ послѣднюю минуту его жизни, и онъ умираетъ мужественно, какъ герой и человѣкъ.

Не должно искать въ *Ричардъ II*, какъ и въ большей части историческихъ пьесъ Шекспира, особаго слога: выраженіе въ немъ мало обработано; часто оно довольно энергическое, но за то часто неопредѣленно до того, что допускаетъ рѣшать смыслъ выраженій по произволу.

Эта пьеса вся написана стихами и по большой части римованными. Авторъ кажется сдѣлалъ въ ней перемѣны послѣ перваго изданія, вышедшаго въ 1597 г. Цѣлой сцены процесса Ричардова нѣтъ въ этомъ изданіи, а находится она въ первый разъ въ изданіи 1608 года.

III.

ГЕНРЪ IV, КОРОЛЬ АНГЛІЙСКІЙ.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ЧАСТИ.

(1597—1598.)

Комментаторы называютъ эти двѣ пьесы комедіями, и дѣйствительно, хотя сюжетъ ихъ трагическій, комическое начало введено въ нихъ съ намѣреніемъ. Въ трагедіяхъ Шекспира комическое иногда истекаетъ изъ положенія лицъ, введенныхъ для содѣйствія трагическому дѣйствію; а здѣсь не только часть дѣйствія вполне держится на комическихъ даныхъ, но и большая часть тѣхъ лицъ, которыхъ самое ихъ положеніе, интересы и катастрофы должны бы возвысить до патетизма, представлены съ точки зрѣнія комической, по слабой или причудливой сторонѣ ихъ природы. Почти ребяческая прыткость пылкаго Готепура, грубая оригинальность его здраваго смысла, это раздраженіе противъ всего того, что на минуту удерживаетъ его мысли внѣ круга интересовъ, которымъ онъ посвятилъ свою жизнь, даютъ поводъ къ чрезвычайно колкимъ сценамъ. Галлуа Глендоверъ, знаменитый хвастунъ, обманщикъ и храбрець въ одно и тоже время, который всего болѣе боится показаться смѣшнымъ, истинно комическое созданіе.

Фальстафъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ лицъ въ англійской комедіи.

Воспитанный для хорошаго общества, Фальстафъ не отказывается еще отъ всѣхъ своихъ притязаній на дендизмъ; не смотря на нравственное свое паденіе, онъ не усвоивалъ себѣ грубости тѣхъ положе-

ній, до которыхъ доводили его пороки; онъ не ставитъ себѣ въ заслугу свою разгульную жизнь, онъ не тщеславится подвигами бандита: манеры и свойства джентльмена — вотъ къ чему онъ привязался бы еще, если бъ могъ привязываться къ чемунибудь, вотъ на что онъ имѣлъ бы притязаніе, еслибъ ему было позволено имѣть хоть какоенибудь притязаніе. Но ему хочется, во что бы то ни стало, наслаждаться похвалами своей храбрости, своимъ добродѣтелямъ, хотя онъ не вѣритъ имъ самъ и не надѣется, чтобъ другіе повѣрили. Это одна изъ его слабостей, также, какъ вкусъ къ испанскому вину одно изъ искушеній, которому онъ не можетъ противиться, и простодушіе, съ которымъ онъ уступаетъ ему, затрудненія, въ которыя эта страсть его ставитъ, и родъ притворнаго безстыльства, посредствомъ котораго онъ всегда выпутывается изъ бѣды, дѣлають изъ него чрезвычайно забавное лицо. Игры словъ хотя много и въ этой пьесѣ, но гораздо меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ, болѣе серьезныхъ драмахъ; но здѣсь она несравненно болѣе у мѣста. Страсть мудрствованія, которою Шекспиръ долженъ былъ духу своего времени, не препятствуетъ въ этой пьесѣ веселости, и она здѣсь какъ-то свободнѣе и естественнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ англійскаго театра.

Первая часть *Генриха IV* появилась, какъ думаютъ, въ 1597 году.

Генрихъ V, герой второй части. Его восшествіе на престоль и перемѣна, происходящая отъ того, составляютъ событіе драмы. Пораженіе Скрупа и Нортумберленда только дополненіе къ фактамъ, содержащимся въ первой части. Тутъ уже нѣтъ Готенура, чтобъ дать этимъ фактамъ принадлежащую имъ жизнь, а страшная измѣна Вестморленда не можетъ служить основаніемъ драматическаго интереса. Умирающій Генрихъ IV является только, чтобъ приготовить царствованіе своему сыну, и все вниманіе уже переносится на преемника, равнаго интереснаго по опасеніямъ и по надеждамъ, имъ порождаемымъ.

Не вполне у исторіи заимствовалъ Шекспиръ картину этихъ различныхъ чувствованій. Восшествіе Генриха V было вообще предметомъ радости. Голлинсгедъ сообщаетъ, что въ три дня, слѣдовавшіе за смертію его отца, онъ получилъ отъ многихъ «благородныхъ и почетныхъ особъ» такіе знаки почтенія и клятвы въ вѣрности, какихъ не получалъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему королей*, «столь велика была надежда и такъ много хорошаго ожидали отъ счастливыхъ послѣдствій этого восшествія.» Непостоянство умовъ, поддерживаемое частыми переворотами, необходимо дѣлало новое царствованіе предметомъ

* Chroniques de Hollinshed, т. II стр. 543.

надеждъ; и смуты, тревожившія царствование Генриха IV, жестокости, бывшія ихъ послѣдствіемъ, естественно обращали все взоры и всеобщую привязанность народа къ молодому принцу, котораго благородныя свойства внушали всемъ довѣріе.

Шекспиръ естественно долженъ былъ принять преданіе наиболѣе благопріятное драматическому дѣйствію; онъ чувствовалъ также, на сколько роль короля и умирающаго отца, беспокоящагося о будущности сына и подданныхъ, была способнѣе составить на сценѣ трогательную и патетическую картину; и въ тоже время онъ изобрѣлъ для красоты своей развязки эпизодъ о Гасконьи, къ сценѣ смерти Генриха IV прибавилъ подробности, дѣлающія ее безконечно занимательнѣе. Голлинсгедъ передаетъ просто, что король, замѣтя, что взяли корону съ его изголовья и узнавъ, что принцъ унесъ ее, позвалъ его и спросилъ о причинѣ такого поступка, на что принцъ смѣло отвѣчалъ ему: «Государь, по моему мнѣнію и по мнѣнію всехъ, вы казались умершими; и я, какъ ближайшій извѣстный вамъ наслѣдникъ, взялъ эту корону, какъ свою собственность, а не какъ вашу. Если вы умираете королемъ, то у меня будетъ корона, и я ручаюсь сберечь ее своею шпагою отъ всехъ моихъ враговъ, какъ дѣлали вы.» «Если такъ, сказалъ король, я предаю все Богу.» Говоря это, онъ повернулся и вскорѣ умеръ. — Можетъ быть, отвѣтъ молодаго принца, подъ перомъ Шекспира вышелъ бы гораздо эффектнѣе, но онъ сохранилъ все красоты для послѣдней сцены. Однимъ словомъ, Шекспиръ, кажется, хотѣлъ необходимую холодность трагической части выкупить красотою подробностей; въ этой драмѣ слогъ вообще обработаннѣе и не такъ причудливъ, какъ въ большей части другихъ его историческихъ пьесъ.

Комическая часть, весьма значительная въ этой второй части *Генриха IV*, не равняется однакожъ въ достоинствѣ съ первою частью. Фальстафъ вышелъ въ люди; у него пенсія, титулъ; его сношенія съ принцемъ не такъ часты, и умъ его не служитъ уже ему въ крайнихъ затрудненіяхъ, которыя дѣлали его столь комическимъ. Комедія тутъ спускается степенью ниже, чтобъ представить его со всеми природными его склонностями среди негодаевъ, составляющихъ его общество, и дураковъ, которыхъ ему необходимо еще обманывать. Эти картины безъ сомнѣнія поразительны своей истиной и изобилуютъ комическими чертами, но истина въ наготѣ своей не всегда возбуждаетъ смѣхъ, и лица, на которыхъ падаетъ смѣшное, не всегда намъ кажутся стоящими труда посмѣяться надъ ними. Однакожъ характеръ Фальстафа совершенно выдержанъ.

Вторая часть *Генриха IV* появилась, какъ думаютъ, въ 1598 году.

IV.

ГЕНРИХЪ V, КОРОЛЬ АНГЛІЙСКІЙ.

(1599 г.).

Несправедливо большая часть критиковъ смотрять на *Генриха V* какъ на одно изъ слабѣйшихъ произведеній Шекспира. Пятое дѣйствіе, правда, пусто и холодно, и въ разговорахъ, наполняющихъ его, также мало поэтического достоинства, какъ и интереса драматическаго. Но ходъ четырехъ первыхъ дѣйствій простъ, быстръ, одушевленъ; историческія событія превращены въ театральныя сцены полныя жизни и поразительности; если характеры мало развиты, то они хорошо очерчены и очень выдержаны; Шекспиръ, глубокій моралистъ и блистательный поэтъ даже въ трудныхъ и причудливыхъ формахъ, и здѣсь является во всемъ своемъ блескѣ. Въ словахъ хора, наполняющаго антракты, мы встрѣчаемъ также замѣчательныя доказательства здраваго смысла Шекспира и инстинкта, дающаго ему чувствовать трудности его драматической системы. «Позвольте намъ, говорить онъ зрителямъ въ началѣ пьесы, заставить поработать ваше воображеніе. Вашей мысли предстоитъ слѣдовать въ этотъ моментъ за нашими королями, переноситься съ одного мѣста на другое, отрѣшаясь отъ времени и сводя событія многихъ лѣтъ въ пространство одного часа.» И потомъ: «Будьте терпѣливы и простите намъ злоупотребленіе переменъ мѣста, до котораго мы доведены необходимостью стѣснить пьесу въ ея рамку.»

Народная и комическая часть драмы, хотя оригинальныхъ причудъ Фальстафа въ ней нѣтъ уже, представляетъ много естественной веселости, и Галлуа Флюэлленъ образецъ этой важной, простодушной, неистощимой, насмѣшливой болтовни, которая возбуждаетъ въ одно и то же время смѣхъ и сочувствіе.

V.

ГЕНРИХЪ VI, КОРОЛЬ АНГЛІЙСКІЙ.

ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ЧАСТИ.

(1589—1591 г.).

Три части *Генриха VI* были между издателями и комментаторами предметомъ спора, не уясненнаго еще донынѣ. Многіе изъ нихъ ду-

малы, что первая изъ этихъ пьесъ не принадлежитъ Шекспиру; другіе оспаривали у него также самостоятельное изобрѣтеніе двухъ послѣднихъ частей, по ихъ мнѣнію, онъ только поправилъ эти части, а первоначальное сочиненіе ихъ принадлежитъ одному или двумъ другимъ авторамъ. Ни одна изъ трехъ пьесъ не была напечатана при жизни Шекспира, но это ничего не доказываетъ, потому что есть много другихъ произведеній, подлинности которыхъ никто не оспариваетъ, и которыя также не были напечатаны. Но это допускаетъ всевозможныя сомнѣнія и споры.

Общая слабость этихъ трехъ сочиненій, въ которыхъ находимъ только небольшое число сценъ, напоминающихъ руку мастера, также служить для обвинителей доказательствомъ, что драмы эти не принадлежатъ Шекспиру: въ нихъ нѣтъ достоинствъ Шекспировскихъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что относится до веденія драмы, до связи сценъ, до искусства поддерживать и усиливать послѣдовательно интересъ, сводя все части сочиненія къ единственному впечатлѣнію, идущему впередъ и возрастающему подобно рѣкѣ, увеличивающейся на каждомъ шагу водами, текущими въ нее съ разныхъ сторонъ. Всѣхъ этихъ дѣйствительно существенныхъ свойствъ Шекспира недостаетъ въ трехъ частяхъ *Генриха VI*, особенно въ первой. Равнымъ образомъ въ нихъ нѣтъ и недостатковъ Шекспира, нѣтъ его изысканности, нѣтъ напыщенности, которыхъ онъ не всегда избѣгалъ въ прекраснѣйшихъ своихъ твореніяхъ, какъ необходимаго послѣдствія молодости идей.

Надобно однако жъ различать здѣсь въ трехъ частяхъ *Генриха VI* то, что относится къ первой, которой, думаютъ, Шекспиръ былъ почти совершенно чуждъ, и то, что относится къ двумъ другимъ, изобрѣтеніе и самостоятельное сочиненіе которыхъ оспариваютъ у него, признавая только, что онъ значительно ихъ исправилъ. Вотъ факты.

Въ 1623 г., то есть, семь лѣтъ спустя по смерти Шекспира, появилось первое полное изданіе его твореній. Четырнадцать пьесъ только напечатаны были при его жизни, и три части *Генриха VI* не были въ этомъ числѣ: онѣ появились въ 1623 г. въ томъ видѣ, въ какомъ даютъ ихъ нынче, и все три приписаны были Шекспиру, хотя общій голосъ давно уже оспаривалъ у него первую. Съ другой стороны, около 1600 г. были изданы, безъ имени автора, книгопродавцемъ Томасомъ Миллингтономъ двѣ пьесы подъ названіемъ одна: *The first part of the contention of the two famous houses of York and Lancaster, with the death of the good duke Humfrey* и пр. *, другая: *The true tragedy of Ri-*

* Первая часть спора двухъ знаменитыхъ домовъ Йоркского и Ланкастерскаго, со смертію добраго герцога Гумфри, и проч.

chard duke of York and death of good king Henry the sixth *. Изъ этихъ двухъ пьесъ одна служила формою, если можно такъ выразиться, для второй части *Генриха VI*, другая для третьей. Ходъ и раздѣленіе сценъ и даже разговоръ находятся въ нихъ въ томъ же видѣ, съ нѣкоторыми легкими измѣненіями; цѣлыя мѣста были перенесены слово въ слово изъ оригинальныхъ пьесъ въ тѣ, которыя далъ намъ Шекспиръ, подъ именемъ *Второй и третьей части Генриха VI*. Большая часть стиховъ были просто поправлены, и нѣкоторые только, въ довольно небольшомъ числѣ, прибавлены.

Въ 1619 г., то есть, три года спустя по смерти Шекспира, эти двѣ оригинальныя пьесы были перепечатаны книгопродавцемъ Певиромъ, и на этотъ разъ съ именемъ Шекспира. Съ этихъ поръ утвердилось между критиками мнѣніе, что онѣ принадлежали Шекспиру, и что на нихъ должно смотрѣть или какъ на юношеское его сочиненіе, имъ самимъ пересмотрѣнное и исправленное, или какъ на несовершенную копию, взятую съ представленія и отданную въ такомъ видѣ въ печать, что случалось довольно часто въ то время, когда авторы рѣдко печатали свои пьесы. Впрочемъ, вѣроятнѣе всего, что это первый очеркъ, усовершенствованный потомъ авторомъ. Въ числѣ подробныхъ доказательствъ, собранныхъ Малонемъ противъ этого мнѣнія, есть одно, заслуживающее вниманія, именно что оригинальныя пьесы очевидно взяты изъ хроники Галля, тогда какъ Шекспиръ всегда слѣдовалъ Голлинсгеду, и никогда не черпалъ изъ Галля, кромѣ того, что взято изъ него самимъ Голлинсгедомъ. Невѣроятно, чтобы, почерпая у Галля содержаніе для первыхъ своихъ произведеній, потомъ онъ оставилъ полниникъ для снимка.

Отвергнувъ эти мнѣнія, надобно предположить, что Шекспиръ просто взялъ изъ чужаго сочиненія основу и содержаніе, и обогатилъ ихъ потомъ своими украшеніями. Его многочисленныя заимствованія у современныхъ драматическихъ писателей даютъ поводъ къ этому предположенію, и вотъ фактъ, въ этомъ случаѣ, почти равносильный доказательству. Сначала надобно знать, что обѣ оригинальныя пьесы, напечатанныя въ 1600 г., существовали съ 1593 г., потому что онѣ въ это время записаны, подъ этимъ самымъ названіемъ и съ именемъ этого самаго книгопродавца, въ списки Стасвенера, (родъ синдика корпораціи книгопродавцевъ, типографщиковъ, и проч., утвержденного правительствомъ и обязаннаго объявлять о сочиненіяхъ, назначенныхъ къ печати). Какая причина замедлила до 1600 г. изданіе этихъ двухъ пьесъ,

* Истинная трагедія Ричарда, герцога Йоркскаго, и смерть добраго короля Генриха VI.

объ этомъ бесполезно теперь говорить; но доказательство, что онѣ существовали раньше, приобретаетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ довольно большую важность по слѣдующему отрывку изъ брошюры Грина *, весьма плодovitаго автора, умершаго въ сентябрѣ 1592 г. Въ этой брошюрѣ, напечатанной не задолго до его смерти и обнародованной вскорѣ потомъ, по его завѣщанію, Гринъ обращается съ прощаніемъ и съ совѣтами ко многимъ изъ своихъ друзей, писателей, стараясь убѣдить ихъ, чтобъ они не работали для театра, если хотятъ избѣжать огорченій, на которыя онъ жалуется. Одна изъ побудительныхъ причинъ, имъ приводимыхъ, есть неблагоразуміе вѣрять свой трудъ актерамъ, потому что, говоритъ онъ, «есть между ними выскочка, ворона, одѣтая въ наши перья, который полагаетъ, что можетъ написать (to bombaste) напыщенный стихъ гораздо лучше каждаго изъ васъ, и что онъ, сдѣлавшись всеобщимъ исправителемъ, сталъ, по собственному мнѣнію, единственнымъ дивомъ (sdake-scene **) страны». Это мѣсто не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Шекспиромъ сдѣланы были заимствованія у Грина около 1592 г., а какъ одни только пьесы его, *Генрихъ VI*, могутъ быть отнесены къ этой эпохѣ, то вопросъ будетъ почти рѣшенъ; въ тоже время приведенный Гриномъ при этомъ случаѣ стихъ изъ оригинальной пьесы доказываетъ, что это и лежало у него на сердцѣ. И такъ довольно правдоподобно, что Шекспиръ, будучи тогда актеромъ, и употребляя дѣятельность свою еще только на пользу трущы, къ которой принадлежалъ, пытался передѣлывать для театра, для большаго успѣха, уже извѣстныя пьесы, которыя основа представляла ему возможность выказать нѣкоторыя красоты. Такъ какъ пьесы принадлежали тогда актерамъ, покупавшимъ ихъ, то подобная продѣлка была дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Для объясненія же того, почему Шекспиръ, взявши такимъ образомъ въ основаніе двѣ пьесы, изъ которыхъ сдѣлалъ вторую и третью части *Генриха VI*, не передѣлалъ также первую, достаточно принять, что этой первой частью тогда пользовался уже театръ съ довольно большимъ успѣхомъ, чтобы для пользы актеровъ въ ней требовалось какое либо измѣненіе. Это предположеніе подкрѣпляетъ одно мѣсто изъ брошюры Томаса Нета ***, въ которой, говоря объ от-важномъ Тальботѣ, онъ сказалъ: «Какъ обрадовался бы онъ, если бъ подумалъ, что послѣ двухъсотлѣтняго могильнаго покоя, онъ снова будетъ торжествовать на театрѣ, и что его кости будутъ снова набаль-

* Green's groat's worth of with, и пр.

** Schaké-scene—потрясающее явленіе.

*** Pierce pennyles, his supplication to the devil, 1592.

замированы слезами, по меньшей мѣрѣ, десяти тысячъ зрителей, которые увидать его только что раненымъ—въ особѣ трагическаго актера, его представляющаго». Нѣтъ, задушевный другъ Грина, вѣроятно не говорилъ бы такимъ тономъ о пьесѣ Шекспира. Можетъ быть, даже именно успѣхъ этой пьесы и побудилъ Шекспира сдѣлать и объ другія. Но, при этомъ предположеніи, трудно понять, какъ Шекспиръ не подновилъ въ послѣдствіи красокъ своего произведенія, которое могло нравиться его современникамъ только потому, что они тогда еще не знали настоящаго Шекспира. Такимъ образомъ, сцены между Талботомъ и его сыномъ должны принадлежать ему, или надо думать, что до него существовалъ въ Англии драматическій писатель, способный достигать этой трогательной и благородной истины, тайну которой и послѣ Шекспира очень немногіе угадывали. Нѣтъ ничего прекраснѣе этого изображенія двухъ героевъ, одного умирающаго, другаго едва вступающаго въ жизнь: перваго покрытаго славой и въ отеческой заботѣ болѣе занятаго сохраненіемъ жизни сына, чѣмъ доставленіемъ ему славы, другаго, суроваго, непоколебимаго, заботящагося только о томъ, чтобъ доказать свою сыновнюю привязанность смертію, которой онъ рѣшился искать подлѣ отца, и стараніемъ сохранить такимъ образомъ честь своего рода. Это положеніе сосредоточиваетъ на себѣ почти весь интересъ драмы, и все побуждаетъ думать, что Шекспиръ прибавилъ это украшеніе отъ себя къ пьесѣ, которую заимствовалъ изъ самаго репертуара. Сверхъ того надобно замѣтить, что сцены между Талботомъ и его сыномъ почти вполнѣ написаны римованными стихами, которыхъ очень много въ произведеніяхъ Шекспира, между тѣмъ, какъ въ остальной пьесѣ и въ тѣхъ двухъ, которыя кажется назначены быть продолженіемъ ей, нѣтъ почти ни одной римы. Въ первой части *Генриха VI* всего больше ихъ въ той сценѣ, въ которой Мортимеръ умираетъ въ тюрьмѣ; такимъ образомъ можно было бы подумать, что ее по крайней мѣрѣ пополнилъ Шекспиръ: эти пополненія и нѣкоторыя другія, можетъ быть, могли подать издателямъ 1623 г. поводъ помѣстить въ число произведеній поэта пьесу, которой все достоинство состоитъ въ его прибавленіяхъ, и сверхъ того необходимо связанную съ двумя другими произведеніями, въ которыя онъ слишкомъ много вложилъ своего, чтобъ можно было отдѣлить ихъ отъ его произведеній.

Что касается до того, что Цевиръ, на своемъ изданіи двухъ оригинальныхъ пьесъ выставилъ имя Шекспира, такъ это просто книгопродавческая спекуляція, обманъ, чрезвычайно общій въ то время. Еще больше правдоподобія придаетъ такому объясненію то, что на этомъ

изданіи не выставленъ годъ, хотя извѣстно, что оно появилось въ 1619 г., это также небольшая хитрость издателя: ему хотѣлось подать поводъ думать, что оно появилось еще при жизни автора, котораго имя носить.

Неизвѣстно въ точности время представленія первой части *Генриха VI*, которая, по Малото, сначала носила имя *исторической пьесы о король Генрихъ VI* (*) Слогъ этой пьесы, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя можно приписать Шекспиру, носить одинъ характеръ со всеми драматическими произведеніями эпохи, предшествовавшей произведеніямъ Шекспира; грамматическая конструкція очень неправильна, тонъ довольно простъ, но не благороденъ, а стихъ прозаиченъ. Довольно посредственный интересъ, хотя въ пьесѣ много движенія, очень ослабляется смѣшной и грубой безмыслицей роли Юнны д'Аркъ, могущей впрочемъ дать намъ самую точную идею о чувствѣ, съ какимъ англійскіе лѣтописцы писали исторію этой героини и о чертахъ, подъ которыми они представляли ее: въ этомъ смыслѣ пьеса дѣйствительно историческая.

Вторая часть *Генриха VI* болѣе занимательная, чѣмъ первая, ведена съ большимъ искусствомъ; монологи въ ней постоянно служатъ для изложенія фактовъ; чувствованія выражаются *въ сторону*. Сцены, раздѣленные значительными промежутками (въ пьесѣ заключается пространство десяти лѣтъ), не представляютъ между собою никакой связи; не видно тутъ ни одного изъ тѣхъ усилій, которыя употреблялъ Шекспиръ въ большей части своихъ твореній для соединенія ихъ, иногда даже въ ущербъ правдоподію. Многія части пьесы рѣшительно не клеятся одна съ другою—недостатокъ весьма рѣдкій въ произведеніяхъ, неоспоримо признанныхъ Шекспиrowsкими.

Такимъ образомъ похождение Симпкокса совершенно неидетъ къ дѣлу; похождение бранныка и его ученика только слабо связывается съ сюжетомъ, а пираты, умерщвляющіе Суффолка, ни съ которой стороны неидутъ къ завязкѣ. Что касается до характеровъ, то многого еще недостаетъ въ нихъ, чтобъ они соответствовали обыкновенному таланту Шекспира; нельзя утверждать, чтобъ небыло заслуги въ изображеніи Генриха, государя, котораго благочестивыя чувствованія и постоянная добродѣта почти всегда интересуютъ насъ, не смотря на слабыя стороны его характера; роль Маргариты довольно хорошо выдержана; но эта крайняя лживость въ отношеніи къ мужу выходитъ изъ границъ правдоподію, и не Шекспиръ, по крайней мѣрѣ, далъ такимъ двумъ преступ-

(*) The historical play of king Henri the sixth.

никамъ, какъ Маргарита и Суффолкъ, тѣ нѣжныя чувства, которыя они выражаютъ при послѣднемъ своемъ свиданіи. Что касается до Варвика и Салисбюри, то эти два характера рѣшительно безъ всякой логической связи и объяснить ихъ невозможно.

Былъ или нѣтъ Шекспиръ авторомъ пьесы: *The first contention* и проч., но вторая часть *Генриха VI* совершенный снимокъ съ этого произведенія. Однакожъ Шекспиръ цѣликомъ взялъ изъ него толь, ко довольно небольшую часть, и въ особенности сцены, веденныя скорымъ разговоромъ, какъ приключеніе Симпкокка, бой двухъ ремесленниковъ, споръ Глостера съ кардиналомъ на охотѣ; онъ сдѣлалъ мало перемѣнъ въ этихъ отрывкахъ. Но страшно потрясающая сцена, въ которой видишь лорда Сейя, попавшагося въ руки черни, почти вполнѣ принадлежитъ Шекспиру, также какъ почти вся роль молодаго Клиффорда. Не трудно признать въ нихъ руку Шекспира по болѣе смѣлой поэзіи, болѣе блестящимъ образамъ, менѣе изыатымъ, можетъ быть, отъ этого злоупотребленія мысли и мудрованія, которыхъ Шекспиръ не заимствовалъ у драматическихъ поэтовъ своей эпохи. Впрочемъ, за исключеніемъ извѣстнаго числа анахронизмовъ, общихъ всѣмъ твореніямъ Шекспира, это произведеніе довольно вѣрно исторіи.

Третья часть *Генриха VI* обнимаетъ время съ весны 1455 года до конца 1471, то есть, около шестнадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ дано было четырнадцать сраженій, по весьма преувеличенному, вѣроятно, счету, стоявшихъ жизни болѣе восьмидесяти тысячъ воиновъ. Такимъ образомъ на кровь и убитыхъ не скупились въ этой пьесѣ, хотя изъ этихъ четырнадцати сраженій мы видимъ здѣсь только четыре, при которыхъ авторъ позаботился передать главные факты четырнадцати сраженій: эти факты, по большей части, хладнокровныя убійства, сопровождаемыя ужасными обстоятельствами, иногда взятыми изъ исторіи, иногда прибавленными авторомъ или авторами. Такимъ образомъ, обстоятельство съ носовымъ платкомъ, обмокнутымъ въ крови Рутланда и поданнымъ его отцу Йорку утереть слезы, чистая выдумка; характеръ Ричарда, равнымъ образомъ, придуманъ въ этой пьесѣ и въ предшествовавшей. Ричардъ былъ гораздо моложе своего брата Рутланда, и онъ не можетъ имѣть никакого участія въ тѣхъ событіяхъ, на которыхъ основываются обѣ пьесы; впрочемъ, характеръ его очень выдается впередъ и хорошо выдержанъ. Характеръ Маргариты не противорѣчитъ себѣ, а характеръ Генриха, сквозь постепенное усиленіе его слабости, даетъ еще время отъ времени замѣтить мягкія и благочестивыя чувствованія, которыя придавали ему такой интересъ въ первой части. Эти стороны его роли вполнѣ принадлежатъ Шекспиру, также, какъ и

большая часть размышлений Генриха во время Тортонскаго сраженія, его рѣчь къ намѣстнику Тура, его сцена съ лѣсовщиками, и проч. Эти отрывки не находятся или едва указаны въ оригинальной пьесѣ. Легко узнать прибавленныя мѣста, потому что они отличаются прелестью и простодушіемъ образовъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ пьесы. Иногда также мѣста, поправленныя Шекспиромъ, узнаются по изысканности ума, ему свойственнаго. Это можно замѣтить, напримеръ, въ сожалѣніяхъ Ричарда о смерти отца; трудно приписать ихъ другимъ, а не Шекспиру, но они же, по несовершенству своему могутъ служить еще доказательствомъ, что три части *Генриха VI*, въ какомъ видѣ онѣ теперь находятся, представляютъ намъ не Шекспира, исправленнаго имъ самимъ при зрѣлости его таланта, но Шекспира, употреблявшаго первый опытъ своихъ силъ на исправленіе произведеній чужихъ. Впрочемъ, эта пьеса исправлена гораздо меньше предшествующей, которая, вѣроятно, казалась ему достойнѣе его усилий, и хотя не лишена нѣкоторой энергіи, но очень далека отъ той глубокой истины, которую Шекспиръ умѣлъ, такъ сказать, извлекать изъ самыхъ недръ природы.

VI.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РИЧАРДА III.

(1597 г.)

Ричардъ III, одинъ изъ характеровъ, производящихъ отвращеніе и ужасъ, всегда основанныхъ на какой нибудь дѣйствительной причинѣ, хотя въ послѣдствіи и преувеличивали эту дѣйствительность. Голлицегедъ ставитъ его въ число тѣхъ дурныхъ людей, которые не проживутъ часа, не сдѣлавши зла». Историческая критика доказала, что на Ричарда взвели множество преступленій, которыхъ онъ вовсе не совершалъ; но эти преувеличенія объясняютъ отчасти причудливую фантазію Горацио Вальполя, очистить память Ричарда, снявъ съ него большую часть преступленій, въ которыхъ его обвиняютъ. Это одинъ изъ тѣхъ парадоксальныхъ вопросовъ, надъ которыми разгорячается воображеніе слишкомъ пылкаго критика, и въ которыхъ самое остроумное изслѣдованіе доказываетъ только, до какой степени мудрствованіе можетъ за труднить самый простой и ясный ходъ истины. Безъ сомнѣнія, нельзя судить лицо изъ этихъ бурныхъ временъ, по смягченнымъ и пра-

вильнымъ привычкамъ новѣйшаго общества: многое должно быть отнесено на счетъ обстановки того времени, среди котораго являются историческіе характеры. Но если въ эпоху, въ которую жилъ Ричардъ III, послѣ ужасовъ войнъ «алой и бѣлой розъ», народная ненависть избрала одного человѣка изъ всѣхъ, какъ типъ жестокости и вѣроломства, то конечно, въ его преступленіяхъ должно было заключаться что нибудь чрезвычайное, выходящее изъ общаго круга даже тогдашнихъ грѣховъ повятій.

Общее установившееся мнѣніе о Ричардѣ могло содѣйствовать успѣху пьесы, посвящей его имя; можетъ быть, ни одно изъ произведеній Шекспира не сдѣлалось столько народнымъ въ Англіи. Критики вообще принимали его не такъ благосклонно, какъ публика; нѣкоторые, между прочими Джонсонъ, удивлялись его огромному успѣху.

Въ *Ричардъ III*, въ сравненіи съ другими произведеніями Шекспира, больше недостатковъ общихъ историческимъ пьесамъ до-Шекспировской эпохи; въ немъ тоже взгроможденіе фактовъ, тоже скопленіе быстрыхъ перемѣнъ, тоже неправдоподобіе въ ходѣ и сценнровкѣ, необходимыя послѣдствія всего того матеріальнаго движенія, которое Шекспиръ ограничивалъ сколько могъ въ тѣхъ сюжетахъ, которыми могъ располагать свободно, но котораго не могъ избѣгнуть въ народныхъ драмахъ, гдѣ всѣ историческія подробности давно извѣстны зрителямъ. Надо удивляться болѣе гению, умѣвшему проложить себѣ дорогу въ этомъ хаосѣ и провести черезъ этотъ лабиринтъ непрерывную нить интереса. Одна идея господствуетъ во всей пьесѣ, идея справедливаго наказанія за преступленія, вызвавшія ссорю домовъ Йоркескаго и Ланкастерскаго. Какъ живой укоръ совѣсти, Маргерита скорбными своими криками безпрестанно призываетъ мщеніе на тѣхъ, которые совершили столько злодѣяній, даже на тѣхъ, которые ими воспользовались; она является предъ ними, когда это мщеніе наконецъ обрушается надъ ихъ головами, ея имя соединяется съ ужасомъ ихъ послѣднихъ минутъ.

Это олицетвореніе совѣсти въ *Макбетъ* является въ видѣ колдуній, а въ *Ричардъ III* въ особѣ Маргериты, однако жъ оно вовсе не одинако въ этихъ двухъ пьесахъ. Макбетъ, увлеченный внушеніями честолюбія отъ добродѣли къ преступленію, представляетъ нашему воображенію ужасающій образъ могущества страсти надъ бѣдною душою человѣка слабago; Ричардъ, напротивъ, непосредственный, врожденный злодѣй, дѣлающій зло для зла.

Это различіе въ ходѣ идей изображается во всѣхъ подробностяхъ характеровъ и участи этихъ двухъ лицъ. Макбетъ, развѣнавшій, поддерживаетъ себя только кровавымъ опьянѣніемъ, въ которое впадаетъ все болѣе и болѣе,

и достигаетъ конца, утомленный этимъ, чуждымъ его природѣ, движеніемъ, разочарованный въ благахъ, стоившихъ ему такъ дорого. Ричардъ, стоящій ниже Макбета по глубинѣ чувствованій, на столько же, на сколько онъ выше его силою ума, въ самомъ преступленіи искалъ удовольствія выказать свои скрытыя способности и дать почувствовать другимъ непризнанное или пренебреженное свое превосходство. Онъ обманываетъ для того, чтобъ достигнуть цѣли и чтобъ обмануть, чтобъ покорить себѣ людей и доставить себѣ удовольствіе презирать ихъ; онъ насмѣхается надъ своими жертвами и надъ средствами, употребленными имъ для одураченія ихъ; и къ удовольствію, ощущаемому отъ побѣды надъ ними, присоединяется у него удовольствіе видѣть, что онъ доказалъ ихъ слабость. Но настаетъ наконецъ минута, когда его средства оболщенія оказываются недостаточными для преодоленія трудностей, имъ самимъ созданныхъ; когда приманка, которою онъ можетъ разжигать страсти людей не въ силахъ уже преодолѣть ужаса, внушаемаго имъ относительно самыхъ важныхъ ихъ интересовъ. Тогда тѣ, кого онъ раздѣлялъ для того, чтобъ поразить однимъ другаго, соединяются противъ него самого. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ сильнымъ противъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, теперь онъ одинъ противъ всѣхъ, и пересталъ надѣяться на самаго себя; онъ отдаетъ себѣ справедливость, но не полагаясь на себя, и послѣднимъ усиліемъ онъ разбивается о препятствіе, негодую, что не могъ побѣдить его. Изображеніе такого лица и такихъ страстей, представляетъ поразительное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что мы видимъ, какъ лицемѣріе Ричарда дѣйствуетъ только на тѣхъ, которые имѣютъ интересъ ослѣпляться его обѣщаніями, а остальная масса остается къ нему равнодушною. Ожиданіе, проистекающее изъ этого, нѣкоторыя патетическія сцены, мрачная энергія характера Маргариты, тревожное любопытство при видѣ этихъ угрожающихъ и такъ живо веденныхъ замысловъ, довершаютъ интересъ этого произведенія и поясняютъ постоянный его успѣхъ.

Языкъ *Ричарда III* довольно простъ и, если исключить одинъ или два разговора, представляетъ мало тѣхъ утопченностей, которыя иногда такъ утомительны въ прекраснѣйшихъ пьесахъ Шекспира. Въ роли Ричарда почти совершенно нѣтъ изысканности.

Эта драма обнимаетъ четырнадцать лѣтъ, съ 1471 до 1485 г. Она была представлена, кажется, въ 1597 г.: до этого времени было много пьесъ на этотъ же сюжетъ.

VII.

ГЕНРИХЪ VIII.

(1601 г.).

Хотя Джонсонъ ставитъ драму *Генрихъ VIII* во второй разрядъ историческихъ пьесъ, вмѣстѣ съ *Ричардомъ III*, *Ричардомъ II* и *Королемъ Иоанномъ*, но это произведеніе далеко ниже тѣхъ, съ которыми равняетъ его критикъ. Желаніе угодить Елисаветѣ или можетъ быть даже приказаніе, данное этой государыней сочинить пьесу, сюжетомъ которой было нѣкоторымъ образомъ ея рожденіе, не могла дать поэту полной независимости созданія. Предпріятіе вывести Генриха VIII на сцену въ присутствіи его дочери, и дочери, которой мать онъ погубилъ, представляло много трудностей, и поэтъ не старался преодолѣть ихъ. Характеръ Генриха VIII совершенно безъ значенія. Странно, что поэтъ Елисаветы придалъ довольно интересу Екатерину Аррагонской; въ роли Волсея, особенно въ минуту его паденія, виднѣтъ великій мастеръ. Генрихъ VIII можетъ имѣть для насъ интересъ литературный, интересъ языка, который поэтъ конечно постарался согласить съ придворнымъ языкомъ того времени. Ни въ какомъ другомъ произведеніи его нѣтъ такой краткости слога; сверхъ того здѣсь не встрѣчаешь почти игры словъ, и за исключеніемъ небольшого числа мѣстъ, во всей драмѣ мало поэзіи.

Генрихъ VIII былъ представленъ, какъ думаютъ, въ 1601 году, въ концѣ царствованія Елисаветы, и повторенъ, какъ кажется, послѣ ея смерти, въ 1613 году. Есть поводъ думать, что похвала Іакову I, вставленная въ концѣ предсказанія, относящагося къ Елисаветѣ, была прибавлена въ это время не самимъ Шекспиромъ, а Бень-Джонсономъ, которому многіе приписываютъ прологъ и эпилогъ. Какъ кажется, при этомъ второмъ представленіи, въ 1613 г., отъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ честь прибытія короля къ Волсею, загорѣлся театръ Глобъ.

Пьеса обнимаетъ двѣнадцать лѣтъ, съ 1521 до 1533 г. До Шекспира не было написано пьесы на этотъ сюжетъ.

Общій характеръ, проявляющійся во всѣхъ этихъ историческихъ драмахъ Шекспира, слѣдующій: патріотическое и народное чувство одушевляетъ поэта; относительно событій и лицъ, воспроизводимыхъ имъ, онъ мыслитъ и чувствуетъ, какъ его зрители, какъ самые простые и самые невѣжественные изъ его зрителей; онъ не заботится

ни объ истинѣ, ни о справедливости; онъ неимѣетъ ни малѣйшаго притязанія исправить ошибки или очистить народныя страсти; онъ предается имъ вполне, потому что раздѣляетъ ихъ и рассчитываетъ на нихъ для своего успѣха. Этотъ глубокой и великой знатокъ челоуѣческаго сердца, этотъ превосходный живописецъ самыхъ различныхъ характеровъ является въ тоже время самымъ пристрастнымъ англичаниномъ; онъ проникалъ съ удивительнымъ пониманіемъ въ душу Гамлета, Ромео, Макбета, Отелло; но лишь только онъ касается исторіи своей страны въ связи съ другими странами, безпристрастіе оставляетъ его, обо всемъ и обо всѣхъ онъ думаетъ и судитъ совершенно какъ Джонъ Буль.

III.

ОБА ОКЕАНА

ПУТЕШЕСТВИЕ ЖАКА АРАГО,

(автора Воспоминаній Сльпаго.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ПАТАГОНІЯ.

Съ одной стороны Малуинскіе острова, съ другой Патагонія; тамъ каменистая, голая, неплодная почва, здѣсь плодородная земля, сильная растительность, обширные лѣса, высокія горы съ снѣжными вершинами. На бакбордѣ къ югу, молчаливые берега, населенные одними моржами и пингвинами. На трибордѣ люди высокіе, толстые, смуглые, кочующіе, неустрашимые, легкіе на бѣгу, какъ вѣтеръ *памперо*, перелетающій въ нѣсколько минутъ отъ огненной земли до береговъ Ріо де-ла Плата.

Много лѣтъ тому назадъ оставилъ я Малуинскіе острова пустынными, представлявшими мореплавателю одни великолѣпные рейды. Теперь, можете вы смѣло приставать во *французской губѣ*, или во всякой другой гавани главнаго острова. Тамъ вы найдете теперь все въ изобиліи: и съѣстные припасы, и средства къ починкѣ поврежденных, которыя вы потерпѣли во льдахъ и буряхъ мыса Горна.

Если вы пристанете у твердой земли, то лишены будете всего этого; за то увидите одинъ изъ любопытнѣйшихъ народовъ въ свѣтъ, живущій совершенно отдѣльно, бѣгущій всякаго сообщенія съ образованностью, ненавидящій города и любящій только свои пустыни и всеневную борьбу съ ягуаромъ и съ пумою, которые единственные его не пріатели.

Теперь уже патагонцы возвратились къ естественнымъ размѣрамъ въ ростѣ. Древнія басни первыхъ мореплавателей исчезли. Однакоже патагонцы выше обыкновеннаго средняго роста, а мускульная сила ихъ превосходитъ далеко европейцевъ.

Сойдите на берегъ и скажите ему: *шауха!* это значить *другъ*. Протяните руку. Онъ подастъ вамъ свою, и вотъ вы принадлежите къ его селенію, къ его семейству.

Шауха значить у патагонца не только *другъ*, но довѣренность, гостепріимство, добродѣтель. Горе вамъ, если вы станете подговаривать его на дурное дѣло! Горе, если вы нарушите все, что свято и чисто въ природѣ и семействѣ!

Путешествующая Европа составила себѣ странную систему. Въ сношеніяхъ своихъ съ туземцами, которыхъ она называетъ *дикими*, вообразила она себѣ, что можетъ, что даже должна употреблять хитрости и вѣроломства — и радуется всякой разставленной сѣти, всякому обману, которыхъ жертвами сдѣлаются эти первобытные народы, посѣщаемые ею. Какъ послѣ этого дивиться печальнымъ явленіямъ, часто случающимся съ пріѣзжающими кораблями.

И я это говорю потому что никогда нераскаявался въ моей довѣрчивости. Будьте добры съ злыми, и вы принудите ихъ къ раскаянію въ своей жестокости. Пріѣзжая къ нимъ, не начинайте дѣйствовать артиллерією, ограждайтесь довѣренностью. Откровенность пріучаетъ къ откровенности. Вызовъ, угрозы подстрекаютъ къ убійству, и какъ у многихъ націй, мщеніе считается въ числѣ добродѣтелей, то вы поймете сколько опасности для того, кто начинаетъ нападеніе.

Я слишкомъ много объѣздилъ, чтобъ не посовѣтовать вамъ быть осторожнымъ на иныхъ стоянкахъ. Есть люди, которыхъ ничто покорить неможетъ: ни дружба, ни угрозы, ни прощеніе за обиду. И чтожь? у самыхъ этихъ суровыхъ людей вы найдете больше безопасности своею ласковостію, нежели гнѣвомъ. Если я пишу эти строки, если какой нибудь Малайскій островъ не послужилъ мнѣ могилою, то это оттого, что я улыбался при свистѣ дубинъ, которыми дикіе раздробляютъ черепъ, и оттого что ввѣрялъ мою саблю и пистолеты тому, кто уже вооруженъ *крисомъ* и лукомъ со стрѣлами.

Только у дикихъ островитянъ Тихаго моря будьте осторожны и недовѣрчивы, потому что тѣ живутъ только разбоемъ и убійствами, потому что имъ отъ васъ надобно только ваше мясо, чтобъ насытиться имъ, ваша кровь, чтобъ выпить ее, вашъ черепъ и кости, чтобъ украсить ими свою хижину.

Помните острова Фитджи, Соломоновы, Пелевскіе, Омбейскіе и

въ особенности Новую Каледонію, гдѣ негостепрѣимство и людоедство составляютъ религію жителей, и гдѣ тотъ избирается предводителемъ, кто наиболѣе раздробилъ череповъ. Противъ этихъ острововъ выставляйте свои пушки, дѣлайте десантъ съ войсками, и истребляйте этихъ идиотовъ, требующихъ крови, убійства и истребленія.

Но Патагонія не такова. На народъ, занимающемъ такое обширное пространство земли, нехочу я оставлять клеветъ, которыми его заклеймили нѣкоторые путешественники.

Однажды въ Монтевидео видѣлъ я одного изъ этихъ кентавровъ, о которыхъ аргентинцы всегда говорятъ съ уваженіемъ. Онъ былъ ростомъ болѣе шести футовъ, съ черными плоскими волосами, длинными глазами, съ выдавшимся лбомъ и скулами и бѣлыми зубами. Онъ гордо смотрѣлъ на всѣхъ. Походка его была тяжела. Отъ привычки къ верховой ѣздѣ ноги его были нѣсколько выгнуты.

Никогда я не видалъ такой кроткой фізіономіи, какъ у этого предводителя, котораго звали Пуха-Пуха. Если кто бросалъ на него взглядъ участія или просто любопытства, онъ улыбался тому братски. Голосъ его издавалъ звуки, по которымъ вы могли угадать, что изъ этой бронзовой груди изливаются чувства дружбы.

Замѣчательна была въ этомъ колоссальномъ человѣкѣ чрезвычайная нѣжность рукъ и ногъ, и однакоже въ нихъ вся его сила и могущество для управления лошадыю и для пораженія тигровъ.

Пуха-Пуха былъ прелестень; я съ любопытствомъ изучалъ его. Однажды увидѣлъ я, какъ онъ съ задумчивостью пошелъ къ одному ранчо близъ города. Я послѣдовалъ за нимъ. Въ шинкѣ никого не было. Я спросилъ воды съ сахаромъ, и привѣтствовалъ патагонца любимымъ ихъ словомъ *шауха*.

— *Adios caballero*, отвѣчалъ онъ тоже по-испански. Если ты знаешь по-испански, то намъ легко будетъ разговаривать.

— Очень пріятно. Я нарочно послѣдовалъ за тобою для этого.

— Чтожь тебѣ надобно?

— Мнѣ любопытно знать какъ ты и твои соотечественники проводятъ жизнь, данную вамъ небомъ, и отчего вамъ лучше нравится жить въ пустыняхъ, нежели въ городахъ?

— Вотъ видишь ли. Я живу своею дѣятельностью, и всегда борюсь съ непогодами и звѣрями. Городовъ же вашихъ я не люблю, потому что темницы мнѣ не нравятся.

— Мѣсто, гдѣ столько живутъ людей не можетъ назваться темницею.

— Она просторнѣе другихъ, вотъ и все. Здѣсь за пищу и за питье долженъ я платить, а у меня въ пустынѣ это даромъ!

— Но за то здѣсь есть выгоды, которыхъ пустыни не могутъ дать.

— Можетъ быть; но здѣсь мнѣ нельзя охотиться, здѣсь мнѣ нельзя дѣйствовать моимъ *лазо*, моими шарами, моимъ кинжаломъ и лошадыю. Здѣсь я плѣнникъ, а тамъ владычеству надъ пространствомъ.

— Такъ ты не боишься встрѣтиться съ ягуаромъ? спросилъ я у Пуха-Пуха.

— Боюсь, чтобъ онъ не ушелъ.

— Ну, а если встрѣтишь двухъ?

— То на одного накинута *лазо*, а другаго обовью шарами. Два сраженія—два торжества!

— А если *лазо* промахнется? Тигръ быстро скачетъ.

— Этимъ—то мы и гордимся. Еслибъ не было опасности, то не стоило бы и охотиться. Конечно, случается, что *лазо* промахнется, и отъ шаровъ звѣръ увернется, но у насъ остается острый кинжалъ и твердая рука. Наконецъ, если суждено умереть, то это законъ Верховнаго Существа.

— А у васъ есть Верховное Существо?

— Развѣ его гдѣ нибудь нѣтъ?

— Какъ же вы молитесь вашему Богу и чего вы у него просите?

— Здравья и силъ, чтобъ кормить жену и дѣтей.

— Сколько, по вашему закону, можете вы имѣть женъ?

— Одну, которая имѣетъ попеченіе о дѣтяхъ, покуда они *дѣти*. Потомъ уже *мы* беремъ ихъ въ свое распоряженіе, и они ѣздятъ съ нами на охоту.

— Сколькихъ лѣтъ перестаютъ они быть дѣтьми?

— Пятнадцати. Но не прежде вступаютъ въ права юноши, какъ низложивъ ягуара и выдержавъ *памперо*.

— Какъ вы защищаетесь отъ этого вѣтра?

— Какъ лошади. Онѣ насъ научили спастись отъ ярости этого вѣтра.

— Какимъ же образомъ?

— Едва вѣтеръ начинаетъ дуть, какъ лошадь заржетъ, ложится на землю и прячетъ голову. Мы бѣжимъ къ лошадямъ и ложимся за ними, тоже скрывъ свою голову, покуда вѣтеръ пройдетъ.

— Ты подвергался опасности на охотѣ?

— Всякій день—и никогда. Сыну моему семнадцать лѣтъ. Онъ однажды отправился на охоту и принесъ ввечеру четыре прекрасныя тигровыя шкуры. Сынъ мой бросаетъ *пуму* въ страуса и кондора. Онъ лучше меня, хоть и я не изъ послѣднихъ.

— Есть у васъ хижины?

— Да, только непостоянные. Сегодня я поставлю ее на берегъ морской, завтра въ лѣсу, послѣ завтра на вершинѣ горы.

— Но этакъ у васъ часто ссоры за мѣста и землю?

— Никогда. У насъ мѣста много. Кто прежде пришелъ куда, тотъ и поставилъ свою хижину.

— Изъ чего же у васъ случаются ссоры?

— Когда мы услышимъ ревъ ягуара и бросимся преслѣдовать его, то споримъ иногда кому его поразить, и слѣдственно кому достанется шкура.

— Такъ ваше богатство состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ?

— Да, мы продаемъ ихъ европейцамъ въ Монтевидео, или въ Буэносъ-Айресь.

— Почему?

— Лучшія стоятъ два піастра.

— И покупаете себѣ водки?

— Немногіе. Мы сожалѣемъ о нихъ; это *вашъ* гибельный подарокъ, который изъ человѣка дѣлаетъ скота.

— Ты никогда не пьешь вина?

— Нѣтъ, кромѣ воды ничего. Зато курю день и ночь.

— Какъ вы считаете годы?

— У насъ въ жизни только три года. Дитя, мужъ и старикъ. Средній годъ обязанъ защищать остальные два...

Я хотѣлъ продолжать. Вдругъ раздался сильный свистъ. Пуха-Пуха всталъ и сказалъ мнѣ:

— Замолчи.

Онъ прислушивался. Раздался другой свистъ.

— Это, онъ! это мой сынъ! вскричалъ патагонецъ.

Пуха-Пуха отвѣчалъ на сигналъ тоже свистомъ и выбѣжалъ изъ *ранчо*. Вскорѣ отецъ и сынъ обнялись.

— Ты измучилъ лошадь, сказалъ отецъ по-испански.

— Я летѣлъ сюда какъ пантеро.

— Зачѣмъ же такъ скоро? Съ какою нибудь вѣстію?

— Съ дурною, отецъ, очень дурною (онъ взглянулъ на меня).

— Ничего! говори по-испански. Это *другъ*.

— Одинъ Англійскій корабль приставалъ на дняхъ въ Алиоской губѣ. У него не было съѣстныхъ припасовъ. Мы его снабдили ими. У него не было воды, мы налили его боченки. Буря сломала у него мачты, мы дали ему лѣсу.

— Хорошо сдѣлали. Что же далѣе?

— Вообрази же себѣ, отецъ: эти негодяи за все наше добро похи-

тили шесть дѣвушекъ изъ нашего селенія и увезли съ собою. Въ числѣ ихъ сестра моя.

— Не Англичанинъ ли ты? спросилъ меня вдругъ Пуха-пуха, бросаясь быстро ко мнѣ.

— Нѣтъ, не англичанинъ, и не хочу быть англичаниномъ, отвѣчалъ я подавъ ему руку.

— Жаль!.. Кому же я отщущу?

— Еще есть надежда, сказалъ юноша. Похитители поплыли къ югу. Они пойдутъ по проливу. Можно караулить ихъ.

— Ёдемъ, вскричалъ онъ, и бросился на лошадь.

Я несуществовалъ уже для него. Оба сѣли на одну лошадь отца и усаkali.

Черезъ полгода напечатано было въ Англійскихъ газетахъ, что трех-мачтовый Ливерпульскій корабль, проѣжая чрезъ Магеллановъ проливъ, былъ внезапно атакованъ множествомъ дикихъ патагонцевъ; что весь экипажъ былъ злодѣйски умерщвленъ, а нѣсколько дикихъ женщинъ, которыя передъ тѣмъ приняты были на корабль, насильно увлечены въ неволю.

Это было мщеніе Пуха-Пуха! это было извѣстіе Англійскихъ газетъ.

Въ тотъ же день ввечеру, послѣ моего разговора съ патагонцемъ, гулялъ я на берегу. Вдругъ ко мнѣ подошелъ низенькій, плечистый и смуглый человекъ, который дружески взялъ меня подъ руку и спросилъ:

— О чемъ вы сегодня разговаривали съ дикимъ жителемъ пампасовъ?

Сперва было мнѣ нехотѣлось отвѣчать, но видя, что вопросъ сдѣланъ такъ учтиво и дружелюбно, я рассказалъ весь свой разговоръ.

— И только? продолжалъ вопрошатель, пристально глядя на меня.

— Если я рѣшился отвѣчать на твои вопросы, то не вижу надобности и утаивать чего нибудь.

— Можетъ быть, не желая огорчить меня?

— Но я тебя не знаю.

— А я знаю. Ты сенъоръ сантаго Араго, — ты писатель, и мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ о моемъ народѣ и племени было потомъ что нибудь напечатано невѣрнаго въ вашихъ книгахъ.

— Ты начинаешь возбуждать мое любопытство.

— Я сейчасъ все скажу, только помни, что съ тобою говоритъ не одинъ человекъ, а цѣлое селеніе, область, нація.

— Я ожидаю.

— Этотъ великанъ, патагонъ, который такъ занялъ тебя сегодня утромъ, называется Пуха-пуха.

— Точно такъ.

— А меня зовутъ Жапъ, просто Жапъ и больше ничего. Я такъ малъ ростомъ, что патагонецъ, глядя на меня, какъ будто смотрѣлъ на свой большой палецъ на ногахъ. И чтожъ, сеньоръ! И пѣшкомъ, и верхомъ, и съ шарами, и съ лазо я гораздо выше и сильнѣе. Онъ карликъ, а я великанъ.

— Это былъ бы родъ вызова, но жаль. Патагонецъ уже далеко отсюда.

— О! мы часто видѣлись, и еще увидимся съ нимъ. А главное, сеньоръ, Жапъ никогда не сказалъ слова неправды.

Я съ любопытствомъ и сожалѣніемъ посмотрѣлъ на малорослаго чело-
вѣка. Жапъ понялъ мою мысль и продолжалъ:

— Слушай, сеньоръ. Полгода тому назадъ, Пуха-пуха въ пер-
вый разъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ. Его высокій ростъ, открытая
фізіономія, и шкуры ягуара, привезенныя имъ на рынокъ, все возбу-
дило любопытство жителей. Всѣ бросились къ нему, а насъ, *Гаучо*,
какъ будто забыли. Это намъ показалось больно, и мы рѣшились вы-
звать Пуха-пуха на единоборство, чтобъ разочаровать жителей.

— Какъ, и между вами дуэли?

— О! не такія, какъ у васъ, бѣлыхъ. За кровь мы мстимъ кровью.
Но единоборство состоитъ у насъ въ томъ, что два соперника отпра-
вляются въ пустыню на охоту, и кто побѣдитъ другаго въ ловкости,
силѣ и неустрашимости при низложеніи ягуаровъ, тотъ уже всенарод-
но и признается первымъ изъ двухъ ратоборцевъ.

— И вы его вызвали?

— Точно такъ. Буэносъ-Айресъ и Монтевидео знаютъ результатъ
этого вызова.

— Расскажи же и мнѣ.

— Я для этого и пришелъ къ тебѣ; я думалъ, что патагонецъ го-
ворилъ тебѣ объ этомъ, и хотѣлъ узнать вѣрно ли онъ рассказалъ.

— Онъ не говорилъ объ этомъ ничего.

— И такъ, я и друзья мои бросили жребій кому вызвать пата-
гонца. Жребій палъ на меня. Онъ могъ выбрать и лучше, и хуже, но
я былъ радъ, и на другой же день мы отправились въ пампасы, чтобъ
поочередно сразиться съ ягуаромъ. Онъ началъ, и признаюсь, ока-
залъ удивительную ловкость и хладнокровіе.

— А ты?

— Мнѣ попался *бывалый* ягуаръ; это самыя хитрыя животныя. Но
я былъ радъ, потому что патагонецъ былъ свидѣтелемъ. Я ему заранѣе
сказалъ, что брошу шары такъ, чтобъ стянуть лѣвую ногу и шею
ягуару. Надобно было поддержать честь *Гаучо*.

— И ты сдержалъ слово?

— Самъ патагонецъ объявилъ это всему Монтевидео.

— Тѣмъ поединокъ и кончился?

— Нѣтъ, сеньоръ, онъ продолжался восемь дней, и при всякой встрѣчѣ патагонецъ былъ побѣжденъ. Онъ конечно неговорилъ тебѣ этого.

— Не говорилъ.

— Это дурно, потому что я безъ стыда сознаюсь, что сынъ его, который съ нимъ поутру уѣхалъ, долго боролся съ равнымъ успѣхомъ противъ лучшаго и искуснѣйшаго *Гаучо* Гонзалеса. Да! этотъ молодой Калео достоинъ быть *Гаучо*; мы все его зовемъ нашимъ другомъ.

Патагонцы и Гаучо во всегдашнемъ соперничествѣ. Еслибъ ихъ нераздѣляли пустыни, то каждый день было бы между ними кровопролитіе. Патагонцы не любятъ быть зачинщиками. Но если онъ оскорбленъ, то въ рукахъ тотчасъ же явятся и лазо, и шары, и кучилло.

Надобно вамъ разказать теперь объ охотѣ этихъ народовъ.

Есть народы, которыхъ нельзя покорить. Столь жѣ дикіе, какъ и вѣчныя ихъ пустыни, они между собою и образованнымъ міромъ ставятъ преграду изъ песковъ, скалъ и непроходимыхъ лѣсовъ, которыхъ обширность только они одни знаютъ.

Ученые путешественники не имѣютъ ни времени, ни потребнаго мужества для распространенія просвѣщенія между этими первобытными племенами, у которыхъ до сихъ поръ нѣтъ другихъ враговъ, кромѣ дикихъ звѣрей и гнѣва стихій. Но вотъ гдѣ была бы истинная слава *путешественника*, понимающаго всю важность своего званія.

Когда корабли бросаютъ якорь въ какой нибудь гавани, первый взглядъ путешественниковъ—алчность. Если почва богата, ее берутъ во владѣніе; если бесплодна, то едва составятъ морскую карту для указанія мѣста будущимъ посѣтителемъ. У жадности руки длиннѣе, нежели у человѣколюбія.

Сперва говорили, что патагонцы девяти футовъ ростомъ. Оказалась небольшая ошибка. И однакоже, это безспорно самый взрослый народъ на земномъ шарѣ. У ногъ его лежитъ пустыня; передъ нимъ, за нимъ опять пустыня, то пожираемая палящимъ солнцемъ, то окованная льдами. И вотъ по временамъ раздается по этой пустынѣ громовой топотъ тысячъ дикихъ лошадей, съ волнистыми хвостами, тонкими, сильными ногами, широкими ноздрями, летящіе изъ одной равнины въ другую и преслѣдуемые толпами ягуаровъ, негодующихъ, что другія животныя осмѣливаются оспаривать ихъ обладаніе пустынь.

Вотъ еще грозный *памперо*, рожденный въ полярныхъ льдахъ, ле-

титъ и опустошаетъ все встрѣчающееся, вырывая съ корнемъ вѣковыя деревья, которыя какъ соломенку крутить въ воздухѣ.

И посреди этой—то пустыни, посреди дикихъ коней, ягуаровъ и памперо, одинъ человѣкъ съ вѣрнымъ своимъ спутникомъ и другомъ—съ добрымъ конемъ, помогающимъ ему во всякомъ трудѣ и предпріятіи, и умирающимъ безъ стона и упрека, одинъ патагонецъ является и говорить: я владыка пустыни.

Уѣзжая въ степи, патагонецъ никогда не говоритъ своему семейству: «прости!»—а «до свиданія!» хотя онъ объѣдетъ нѣсколько тысячъ миль посреди пустынныхъ пампасовъ, по имени которыхъ названъ губительный *памперо*.

Къ сѣверу Патагонія граничитъ рѣкою Лаплатою, которая столь же широка, какъ наша рѣка длинна; на востокъ Атлантическимъ Океаномъ, по берегамъ котораго разсѣяны тутъ смолистые острова; на западъ снѣжными Кордильерами, съ своими волканами, лавами, озерами выше облаковъ и шумными водопадами; на югъ Огненною землею и проливомъ, которымъ португалецъ Магелланъ связалъ оба океана.

Какъ видите—сцена обширна. Всѣ жители земнаго шара могли бы по ней прогуливаться свободно. И однако же, въ это обширное пространство пускается одинъ человѣкъ.

Объ охотѣ Гаучо разсказывалъ я вамъ въ другой книгѣ, и вы вѣрно ужасались дерзости этого парагвайскаго туземца, являющагося въ Буэносъ-Айресъ и Монтевидео съ добычею изъ пустынь.

Патагонецъ, являющійся съ южной оконечности Америки до береговъ Ла-Платы, почитаетъ себя старшимъ сыномъ Гаучо, и если не равенъ ему въ мужествѣ, то превосходитъ ростомъ и силою мускуловъ. Гаучо малъ ростомъ, худощавъ и говорунъ; патагонецъ великанъ, дородень и молчаливъ; волоса его длинны и грудь обросла ими какъ у медвѣдя.

Патагонецъ рѣдко и мало ходитъ пѣшкомъ. Онъ полагаетъ, что лошадь создана именно для него. Кто видѣлъ патагонца, укрощающаго дикую лошадь, для того басня Кентавровъ осуществлена. Патагонецъ и лошадь—два нераздѣльные существа. Патагонецъ и спитъ не слезая съ коня.

Языкъ патагонца сходенъ съ климатомъ, въ которомъ онъ обитаетъ. Онъ быстръ, порывистъ, бурливъ, и скоро црекрашается, какъ порывъ вѣтра. Кажется, продолжительные разговоры оскорбляютъ его. Вы подумаете, что языкъ его состоитъ изъ односложныхъ словъ. Даже при ссорѣ патагонецъ проворчитъ четыре слова, схватитъ свой кинжалъ, потрясаетъ имъ, поражаетъ, убиваетъ, или самъ убить.

Обитая въ такой обширной странѣ и дѣлая по ней нѣсколько ты-

сячь миль, нельзя терять времени: излишняя быстрота всегдашняго его врага ягуара отучила патагонца отъ размышленія. Неаполитанцы медленны и лѣнны оттого, что Везувій долго грозитъ имъ, прежде нежели поражаетъ. Кафръ, такъ часто сражающійся со львомъ и тигромъ, во всемъ сходенъ съ патагонцемъ.

Вотъ патагонецъ пустился въ путь, закуривъ свою сигару и на-свистывая любимую свою пѣсню. Съ начала летитъ онъ какъ вихрь, но вскорѣ замедляетъ свой бѣгъ, потому что врагъ можетъ быть стережетъ его за скалою, или за кустомъ. Вдругъ лошадь останавливается и задрожитъ: она почувала близость врага.

Патагонецъ бросилъ сигару, пробуетъ легко ли кинжалы вынимаются изъ ноженъ, ловко ли лежитъ петля *лазо*, исправно ли ружье его. При этомъ уже его природная привычка съ самимъ собою разговаривать, какъ будто бы у него двѣ различныя воли. Потомъ обращается онъ къ своему коню, расхваливая его хорошія качества и браня за дурныя. Все это дѣлается сквозь зубы и въ полголоса, какъ бы затверживая урокъ. Кажется, патагонцу нужно свидѣтельство собственнаго его голоса, чтобъ видѣть свою исправность: «хорошо ли затягиваются мои петли? остры ли мои кинжалы? не осѣчется ли ружье? А шары мои, я было забылъ о нихъ (и онъ цѣлуетъ ихъ). А ты, Бепъ (обращается онъ къ лошади), помни, что если ты струсишь, то ягуаръ растерзаетъ тебя, потому что у тебя не будетъ уже защитниковъ. Дѣлай, какъ я: смотри ему прямо въ глаза, и если онъ на тебя бросится, то будь спокоенъ, храбрый товарищъ: пуля моя не промахнется.... А, вотъ и непріатель. Выходи, мы готовы!»

Является и ягуаръ, но видя, что противникъ не бѣжитъ, онъ останавливается и ложится на брюхо. Вы уже знаете какъ дѣйствуетъ патагонецъ, какъ шары обвиваются около бѣшенаго животнаго; но если патагонецъ видитъ, что передъ нимъ только *одинъ* непріатель, то употребляетъ другой способъ единоборства, едва вѣроятный и только для того, чтобъ не испортить шкуры звѣря, которую обязался привезти въ цѣлости въ Буэносъ-Айресъ, въ доказательство своей храбрости. Онъ соскакиваетъ съ лошади и шепчетъ ей на ухо: «не трогайся съ мѣста; я защищу тебя.» Послѣ чего садится сперва на землю передъ лошадью, измѣряетъ глазами пространство между нимъ и ягуаромъ, и ложится на спину, держа въ рукахъ ружье, приложивъ палецъ къ курку.

Ягуаръ видитъ, что лошадь одна, и слѣдственно его добыча. Медленно встаетъ онъ, царапаетъ землю, испускаетъ ревъ и дѣлаетъ быстрый скачекъ... И въ ту самую минуту, какъ ягуаръ во время скачка ле-

титъ надъ патагонцемъ, тотъ стрѣляетъ ему въ брюхо и убиваетъ на мѣстѣ.

Но если выстрѣлъ былъ не вѣренъ, то патаговецъ схватываетъ свои кинжалы и начинается новая борьба. У дикаго звѣря когти и зубы остры, а у патагонца сильна рука и отточенный кинжалъ. Кровь обоихъ летится, и одинъ падаетъ жертвою—это ягуаръ.

Въ это время лошадь, вѣрная давнему приказанію, стоитъ неподвижно.

Иногда патаговецъ пріобрѣтаетъ нѣсколько шкуръ ягуара безъ малѣйшей опасности. Часто встрѣчаетъ онъ въ пустынѣ по два тигра, терзающихъ какой нибудь трупъ лошади, или другаго звѣря. Тогда патаговецъ можетъ безъ страха подойти къ нимъ и убить ихъ для очистки совѣсти. Впрочемъ, онъ самъ презираетъ подобныя побѣды. Ему нужна опасность и цѣльная шкура.

Я видѣлъ въ Монтевидео одного изъ этихъ неукротимыхъ бойцевъ. Я предлагалъ ему три пиастра за двѣ пробитыя и прорванныя тигровыя шкуры, онъ съ пренебреженіемъ отвергъ ихъ, а предложилъ мнѣ ихъ даромъ, потому что пріобрѣлъ ихъ безъ малѣйшей опасности славы.

— Онъ мнѣ ничего не стоялъ, сказалъ онъ, — возьми за ту же цѣну.

При мнѣ происходилъ однажды и слѣдующій разговоръ между патагонцемъ и Гаучо.

— «Ну, что, Марчена, сказалъ съ насмѣшкою патаговецъ, меня увѣрили, что ты въ прошломъ мѣсяцѣ отлично охотился.

— «Тебѣ солгали, Апитахъ, отвѣчалъ гаучо, никогда я не былъ менѣе счастливъ.

— «Однакоже ты былъ только десять дней въ отсутствіи, а привезъ съ собою три шкуры ягуаровъ.

— «Правда, но эти три шкуры были пробиты пулями въ плечо, а одна даже въ лобъ.

— «Значить, ты былъ не въ духѣ?

— «Не знаю, но видно ягуары встрѣтились бывалые и искусно увертывались отъ петли, такъ что я принужденъ былъ употребить кинжалы.

— «Три раза сряду? Это очень неудачно.

— «Можетъ со всякимъ случиться.

— «Со мною не случалось.

— «Ну, такъ завтра случится.

— «Тогда я откажусь отъ ремесла.

— «А я, видишь, не отказываюсь.

— «Всякій поступаетъ по-своему. Мнѣ же говорили, что ты не любишь далеко пускаться въ степь.

— «Это ложь, я былъ въ послѣдній разъ за двѣсти миль въ пампасахъ.

— «Кто жъ это видѣлъ?

— «Шкура ягуара можетъ засвидѣльствовать.

— «Андро сказалъ мнѣ, что онъ тебѣ продалъ ее за три пиастра.»

Оба вскочили, схватились за кинжалы. Ихъ розняли, успокоили, и слѣдствіемъ разговора былъ вызовъ, т. е. оба отправились на охоту въ пустыню, чтобъ побѣдить другъ друга искусствомъ и мужествомъ въ борьбѣ съ ягуарами.

Недѣлю спустя, ихъ нашли обомъ мертвыми съ мертвыми же ягуарами подлѣ ихъ. Бой былъ рукопашный и отчаянный, и всѣ бойцы остались на мѣстѣ.

II.

МЫСЛЬ ГОРНЪ.

Въ древности Аргонавты отправлялись въ Колхиду. Нынѣшніе Аргонавты ѣдутъ за золотомъ въ Калифорнію. Со время золотого руна и до розсыпей Санъ-Сакраменто, вотъ что волнуешь всѣ умы, что дѣлаетъ людей злыми, что отравляетъ ихъ нравственность. Древность очень виновата въ направленіи, данномъ ею потомству.

Азорскіе, Канарскіе острова прошли мы безъ приключеній, кромѣ одного утонувшаго матроса, котораго до сихъ поръ оплакиваемъ. Потомъ церемонія на экваторѣ позабавила насъ. Вотъ достигли мы потомъ и до широты Ріо де Ла-Платы, гдѣ встрѣчены были самыми сильными шквалами.

Дни стали убавляться, ночи сдѣлались холодными, небо всегда въ тучахъ: мы идемъ къ южному полярному кругу, и всеобщее любопытство ожидало тутъ бурь и ледяныхъ горъ, обитаемыхъ одними пингвинами. Я уже видѣлъ эти картины и разказомъ своимъ возбудилъ воображеніе моихъ сотоварищей. Но вѣтеръ не слушается ни чьего любопытства, и мы смиренно лавируемъ между Патагонією и Малунскими островами.

Все одинъ и тотъ же видъ воды и горизонта, все пища, недостаточная и отвратительная; все тѣ же печальныя сцены между безсовѣстнымъ шкиперомъ и голодными пассажирами. О! еслибъ поскорѣе достигнуть до Валпарайзо. Но Валпарайзо кажется бѣжить отъ насъ. Надоѣло это вино, которое только потому такъ называется, что нѣтъ

въ лексиконѣ другаго названія для этого пойла, а наконецъ, что всего хуже, жирная и протухлая вода, на поверхности которой тысячами ныряютъ очень миленькіе червячки.

О, тѣнь моего друга, добраго моего матроса Пети, прости, если я тебя припоминаю при этомъ случаѣ. Вотъ уже два дня, какъ мы весело идемъ подъ всеми парусами. Чего же лучше?

Я незнаю ничего смѣшнѣе въ свѣтѣ, какъ фізіономію и рѣчи храбрыхъ трусовъ, которые послѣ опасности смѣются надъ нею, какъ бы она никогда не существовала.

Напримѣръ, я питаю величайшее отвращеніе къ змѣямъ всякаго рода, къ жабамъ и къ мохватымъ паукамъ. Я гораздо лучше люблю встрѣтиться десять разъ со львомъ, нежели одинъ разъ съ змѣею. И однако-жь я помню, что однажды пустился въ темный лѣсъ близъ Дели, въ Тиморѣ, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ удавомъ. И это вспоминаю я съ искреннимъ состраданіемъ къ хвастунамъ. Я шелъ твердо и рѣшительно въ сотовариществѣ храбраго моего Пети. Но, признаюсь, что еслибъ какая нибудь матеріальная сила остановила меня и воротила, я бы душевно былъ радъ.

Почему я все это вспомнилъ теперь?

Нѣсколько сильныхъ шкваловъ налетѣло на насъ на паралели Малуинскихъ острововъ, когда мы лавировали между ними и Патагонскою землею. Но вѣтеръ вѣтеръ сдѣлался слабѣе, и мы выставили все паруса. Еще нѣсколько часовъ, и мы уже приблизились къ этому мысу Горну, который видѣлъ столько кораблекрушеній и заставилъ блѣднѣть столько мореходцевъ.

— Берегъ! вскричалъ часовой.

— Ледяная гора! отвѣчаетъ крамольный.

Все бросились смотрѣть. Это была *Земля Штатовъ* въ снѣговомъ своемъ покровѣ, безплодная, пустынная, угловатая, точно въ томъ же видѣ, какъ я изучилъ ее въ 1821 году, за три дня до гибели нашей прекрасной *Ураніи*.

Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, мы обогнули всю восточную часть этого негостепріимнаго берега, а потомъ всю южную, и шесть часовъ спустя плыли уже по волнамъ Тихаго океана.

Вотъ тутъ-то посыпались шутки на бѣдный мысъ Горнь.

— Мысъ Горнь не существуетъ.

— Мысъ Горнь—это бредъ мореходцевъ.

— Мысъ Горнь придуманъ нянюшками, чтобъ пугать дѣтей.

— Посмотрите, три градуса тепла въ среднѣ зимы; вѣтъ ни шкваловъ, ни ледяныхъ горъ, ни альбатросовъ.

— Араго, Буржъ и Жуанъ, которые по словамъ ихъ, обгибали мысъ Горнъ, шутили надъ нами; они насъ дурачили. Посмѣемся же и мы надъ ними.

Дѣйствительно, зрѣлище было самое великолѣпное. И поэтическія лунныя радуги, столь теплыя, столь прозрачныя; и шумныя водопады путешествующихъ китовъ; и два прелестнѣйшія созвѣздія, называемыя наукою магеллановскими, и служація мореходцу спасительными маяками; все чисто, все прозрачно на этомъ огромномъ сводѣ, котораго вы занимаете центръ.

Видя все это, товарищи мои возмечтали, что они уже могутъ смѣяться надъ мысомъ Горномъ. Но левъ, спавшій на южной оконечности острова Пустынника, услышалъ насмѣшки *Эдуарда* и тряхнулъ своею огромною гривую, зарыкалъ—и все вздрогнуло. Море вздулось, небо покрылось тучами, ураганъ еще не налетѣлъ, а все уже предвѣщаетъ бурю.

— Что это значить? спросили насъ.

— Это небывалый мысъ Горнъ, отвѣчалъ я. Онъ несетъ вамъ свою визитную карточку. Прошу принять его хорошенько.

Сперва между снастями просвисталъ пронзительный вѣтеръ. Потомъ подъ килемъ раздались неожиданныя удары, а на палубѣ все готовится къ бою. Теперь берегитесь! Волна поднимается, удлиняется, переворачивается и съ трескомъ разбивается о подводную часть корабля. Но отраженная, она снова возвращается, ударяетъ и заставляетъ трещать мѣдную обшивку *Эдуарда*.

При первомъ же ударѣ всѣ лица поблѣднѣли, и нѣсколько голосовъ закричали: «мы набѣжали! корабль тонетъ!» Когда же волна, шагнувъ черезъ бугшпритъ, смываетъ всю палубу, то иные уже воображаютъ, что корабль потонулъ.

По счастью, этотъ минутный гнѣвъ мыса Горна скоро кончился, и мы, трое *бывалыхъ*, могли сказать прочимъ, недавно еще смѣявшимся надъ нами:

— Мысъ Горнъ, друзья мои, это не южная оконечность Земли Штатовъ, ни самый южный мысъ острова Пустынника, ни самая выдающаяся скала Огненной земли. Вы не побѣдили мыса Горна когда прошли его меридіанъ, нѣтъ! Мысъ Горнъ значить все пространство между 50° и 60° въ Атлантическомъ и такая же полоса съ юга къ сѣверу въ Тихомъ океанѣ.

Развѣ буря бываетъ постоянно на одномъ мѣстѣ? Развѣ у шквала не огненные, или льдистыя крылья? Не смѣйтесь же надъ мысомъ Горномъ. Несмѣйтесь надъ нами, испытавшими продолжительный гнѣвъ его.

Я было сегодня уже окончилъ свои ежедневныя записки, какъ вдругъ справясь по картѣ, увидѣлъ, что мы идемъ посреди архипелага Чилое.

Есть людоѣды на Маркизскихъ островахъ, Соломоновыхъ, Фитджи, Омбейскихъ. Я видѣлъ ихъ. Есть тоже въ нѣкоторыхъ Малайскихъ. И что-жь? Европейскія эскадры не истребляютъ ихъ, а кровь продолжаетъ проливаться, и всякій корабль, брошенный бурей, можетъ быть увѣренъ, что весь экипажъ его будетъ безжалостно умерщвленъ и съѣденъ.

Въ 1842 году одно китоловное судно разбилося у острововъ Чилое. Ни одинъ человекъ не возвратился. Всѣ послужили пищею этимъ людоѣдамъ. Это былъ французскій корабль, и французскія газеты только пожалѣли объ этомъ.

Людоѣдство принадлежитъ ли къ нравамъ Араканосовъ, или составляетъ часть ихъ религии? я не могъ узнать объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ христіанство и просвѣщеніе должны были бы истребить это варварство. Европѣ должно быть стыдно, что она допускаетъ безнаказанно бѣсть своихъ гражданъ.

Я уже закрывалъ свой журналъ, какъ вдругъ явился ко мнѣ посѣтитель и пожалъ руку, потомъ другой, третій, десятый, двадцатый...

Мой крестный отецъ назвалъ меня Жакомъ, и на всемъ кораблѣ я одинъ только не зналъ, что я именинникъ въ этотъ день. Всѣ мои товарищи, выбравшіе меня въ предводители, вспомнили объ этомъ и пришли къ моей каютѣ съ искренними поздравленіями и дружескими желаніями. Ихъ ласки и участіе вскорѣ заставили меня забыть, что *завтра* значить для каждаго, можетъ быть, гробъ.

III.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ЧИЛИ.

Берегъ! рейдъ, городъ, прекрасная и богатая столица Вальпарайзо, Чили. Что мы узнаемъ тамъ? Цѣпь спущена, якорь вытравленъ, «Эдуардъ» стоитъ неподвижно. Мы одни бѣгаемъ по палубѣ съ нетерпѣніемъ.

Сперва поищемъ родныхъ, знакомыхъ, соотечественниковъ. Калифорнское золото послѣ займетъ насъ.

Я васъ знаю, мои любезныя читатели, и въ особенности васъ, мои любезныя читательницы. Вы бы хотѣли, чтобъ я былъ не слѣпъ и могъ рассказать вамъ о прелестныхъ чилийкахъ, порхающихъ мимо меня и навѣвающихъ на меня молодые мои годы. Увы! я могу вамъ рассказать только старыя сказки. Но если правда, что наряды сохраняютъ на нѣ-

сколько столѣтій первоначальный свой характеръ и колоритъ, если цивилизація медленно, очень медленно измѣняетъ ихъ, то я могу писать безъ ошибки.

Чилийка смугла и румяна; черныя ея волнистыя волосы вьются кудрями; чело ея открыто и обнаруживаетъ глубокомысліе; глаза ея несмотрятъ, а спрашиваютъ и допытываются; они ищутъ того, кто бы повялъ ихъ, или лучше сказать своего невольника; они говорятъ—и владываютъ. Рѣчь ея всегда выражаетъ то, что говорятъ взгляды. Эта рѣчь звучна, отрывиста, немногословна. Слушайте ее только глазами или мыслию, и вы тотчасъ же поймете смыслъ фразы, еслибъ даже хотѣли скрыть его, тотчасъ увидите ненависть, нѣжность, сожалѣніе, сочувствіе, или отвращеніе.

Чилийка кажется никогда не была дитею. Вы часто удивитесь, что розовыя губки молодой дѣвушки заговариваютъ съ вами о самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ философіи, или политики. Берегитесь! Это не тѣ ужасныя дѣти, которыхъ обезсмертилъ Гаварни, которыя открываютъ всѣ домашнія тайны, сами того незная. Нѣтъ! Здѣсь, въ Чили, въ Вальпараизо, въ особенности въ Сантъ-Яго, маленькая дѣвочка, прыгающая у васъ на колѣнахъ, шалуныя, съ которою вы играете въ серсо, пансіонерка, только что вставшая изъ-за школьной скамьи, сдѣлаютъ вамъ вдругъ такой вопросъ, надъ которымъ вы поневолѣ задумаетесь.

Это странно, но прелестно; это заставляетъ васъ любить вояжи и забывать всѣ неудовольствія путешествія. Притомъ же замѣтите, что всѣ эти дѣвочки, идучи по улицамъ, вѣчно шевелятъ губами, разговаривая сами съ собою. О чемъ? это уже ихъ тайна.

Вчера ввечеру сидѣла одна изъ этихъ молчаливыхъ говоруній. Я сталъ ее разспрашивать.

— Скажите мнѣ, прелестная Перонилла, не урокъ ли вы какой твердите теперь потихоньку, въ то время, какъ всѣ танцуютъ, смѣются и курятъ?

— Съ чего вы это взяли?

— Вы сидите, молчите и шевелите губами.

— Да вѣдь вы слѣпы...

— Да! но я васъ, мои прелестныя, давно изучилъ.

— Дурно изучили, сеньоръ. Если молодая дѣвушка говоритъ, то надобно смотрѣть не на губы ея, а въ глаза: въ нихъ вся ея мысль и сердце. Но я вамъ, пожалуй, расскажу, что значитъ нашъ молчаливый разговоръ. Тѣло идетъ, а мысль бѣжитъ. Тѣло живетъ настоящимъ, а мысль объемлетъ прошедшее и будущее.

— Да! это пока вы молоды.

— Нѣтъ, и всегда тоже. Вотъ, на примѣръ, завтра я увижусь съ женихомъ своимъ Жозефомъ. Я задумалась и разговаривала съ нимъ. Я предупреждала время, вотъ и все.

— Что жъ онъ вамъ говорилъ? Нѣжности, любезности?

— Онъ меня любитъ.

— Значить, онъ бранился съ вами.

— Да, онъ сердился, и я была счастлива. Произвести ревность всегда такъ пріятно!

— А если онъ очень разсердится и броситъ васъ?

— Быть не можетъ. Послѣ завтра наша свадьба...

Въ это время отворилась дверь.

— Вотъ и онъ, сказала мнѣ Перонилла. Не уходите, онъ ищетъ меня, и увидя, что я съ вами разговариваю, вѣрно будетъ ревновать

— Къ сѣдому, слѣпому старику?

— Ревность, сеньоръ, тоже сумасшествіе. Я вчера разсердилась на него за то, что онъ разговаривалъ съ Терезитою.

— Который ей годъ?

— Старуха. Ей двадцать семь лѣтъ...

Женихъ прервалъ нашъ разговоръ, и Перонилла пошла съ нимъ по заламъ. Черезъ четверть часа онъ воротился и пригласилъ меня на свадьбу. Очень радъ.

Мода отняла у чилийки поэзію ея національнаго костюма, даже кружевныя мантиліи не пощажены.

Въ Лимѣ женщины играютъ иногда и кинжалами, но въ Вальпарайзо все кончается вѣрами. Въ вѣрѣ чилийки цѣлая книга, цѣлая исторія. По счастью, языкъ этотъ всеѣмъ извѣстенъ. Женщина вездѣ женщина во всеѣхъ частяхъ свѣта.

Народъ играетъ еще на гитарѣ и пляшетъ *сегидиллу*, но въ фешіонбелномъ кругу слышны только арфа и фортепьяно. Скоро будетъ не зачѣмъ путешествовать. Вездѣ будетъ Европа и Парижъ. Простите мнѣ великіе таланты Листъ, Шопенъ, Тальбергъ, Контскій, но вы надѣлали много зла. Я незнаю куда дѣваться отъ нашего фортепьяно. Прачка моя стучитъ по клавишамъ, жена привратника беретъ уроки, башмачница, молочница разыгрываютъ сонаты; скоро будутъ учить кошекъ и мосекъ. Нѣтъ! Я рѣшительный врагъ этого инструмента. У кого нѣтъ таланта, подобнаго тѣмъ лицамъ, которыхъ я называлъ, тотъ долженъ играть только для убаюкиванія дѣтей.

Незнаю говорилъ ли я вамъ, что чилийки ходятъ пѣшкомъ. Да, *ходятъ*, какъ вы и я, хотя глядя на эту крошечную ножку и нельзя

полагать, что она въ состояніи поддержать тѣло; я теперь уже не вижу этихъ ножекъ, но восторгъ моихъ спутниковъ доказываетъ, что чилійская природа еще не измѣнилась.

Однако же поговоримъ о другомъ. Не надобно оставаться долго въ Капуъ.

IV.

ТЕАТРЫ.

Въ Сантъ-Яго два театра, холодные, отвратительные, съ растреснувшимися отъ землетрясеній стѣнами, сквозь которыя свободно гуляетъ всякій вѣтеръ. вмѣстѣ съ публикою, если случайно бываетъ въ этихъ театрахъ публика, присутствуютъ при спектакляхъ толпы крысы (не подумайте, чтобъ я дѣлалъ каламбуръ со значеніемъ парижской *крысы* большаго опернаго театра. Нѣтъ, здѣсь настоящія).

Въ Сантъ-Яго играютъ все, кромѣ водевиля, къ которому чилійцы обнаруживаютъ глубокое презрѣніе. Если они и переводятъ ихъ, то тщательно отбрасываютъ куплеты, боясь ли ума и соли, или не въ состояніи будучи передать ихъ.

Вчера, по особенной моей просьбѣ, сыграли въ Вальпарайзо водевилъ съ куплетами, которому и аплодировали зрители, но повторять этого опыта не захотѣли, чтобъ нейти противъ общественнаго вкуса.

За то балетъ, танцы, пляски пользуются здѣсь величайшею почестью. Ноги уважаются здѣсь выше всякой головы, всякихъ стиховъ, всякаго голоса. Едва явится какая нибудь прыгунья, едва выпорхнетъ изъ за кулисъ скакунъ, ложи и партеръ застучать, захопаютъ, загремятъ. Это не аплодиссменты, не возгласы уливленія, это ревъ, лай, рыканіе.

Вчера было воскресенье. На театрѣ играли: *Семь степеней преступленія*, мелодраму нашего бульварнаго Виктора Дюканжа. Спектакль окончился самымъ трагическимъ образомъ. Артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ Казакуберта игралъ главную роль, но уже выходя на сцену чувствовалъ себя больнымъ, и послѣ перваго акта сказалъ: «*эта пьеса убьетъ меня.*»

Едва окончился спектакль, какъ онъ упалъ безъ чувствъ и уже не вставалъ. А на другой день хоронили его. Я былъ на похоронахъ. Сармиенто и поэтъ Фернандесъ Разеила говорили надгробныя рѣчи надъ его могилою. Я тоже сказалъ нѣсколько печальныхъ словъ въ честь артиста, которому еще наканунѣ аплодировалъ на сценѣ.

Сантъ-Яго считается столицею Чили. Вальпарайзо второй городъ Чили, и однакоже здѣсь только найдете вы порядочный театръ, прѣсторныя ложи, чистоту, комфортъ и даже роскошь.

Здѣсь былъ и дѣйствовалъ г. Александри. Кто этотъ Александри? спросите вы. Человѣкъ предприимчивый, какъ Колумбъ, бѣдный какъ онъ, но столь же богатый надеждами. Онъ началъ кукольнымъ театромъ, и достигъ до огромнаго состоянія.

Въ то время Боливія и Чили, какъ истинные сосѣди ссорились и ненавидѣли другъ друга. Деньги Александри послужили для военныхъ издержекъ, и какъ деньги всегда, какъ снѣжный комъ, увеличиваются отъ движенія, или таютъ; какъ онъ, то Александри и обогатился своими государственными займами.

Александри захотѣлъ сдѣлать хорошее употребленіе изъ своего богатства и рѣшился построить въ странѣ, обогатившей его, памятникъ искусствъ. Онъ выписалъ изъ Европы лучшихъ архитекторовъ, живописцевъ, машинистовъ, декораторовъ, и Вальпарейзо гордится теперь своимъ театромъ. Честь и слава человѣку, который понимаетъ, что искусства составляютъ народное богатство! О самомъ семействѣ г-на Александри я не буду распространяться, оно изъ тѣхъ, которые радуютъ всякаго, кто познакомится съ нимъ и печалатъ, кто принужденъ съ нимъ разставаться.

Вообразите себѣ, что чилийцы такъ пресыщены удовольствіями, что больше трехъ разъ не могутъ видѣть одной пьесы. Отъ этого актеры имзучены, и это подаетъ очень плохую надежду на будущее процвѣтаніе театра въ Южной Америкѣ.

И что жъ? Здѣсь есть еще люди, которые съ жаромъ и усердіемъ занимаются драматическою литературою. Напримѣръ О'Логлинь, директоръ нынѣшняго Вальпарайзскаго театра, одинъ изъ этихъ трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ драматурговъ. Онъ поставилъ на своемъ театрѣ Корнея, Расина, Мольера, Шекспира, Гюго, Дюма, Кальдерона и Лопе де Вега. Въ обществѣ отличается онъ самымъ утонченнымъ обращеніемъ и могъ бы служить портретомъ Ришелье и Лозена, а на театрѣ чрезвычайно удачно схватываетъ оттѣнки всѣхъ играемыхъ имъ ролей.

Еслибъ я вамъ рассказалъ всю біографію О'Логлина, то вы подумали бы, что я сочиняю сказки, но я умолчу о первыхъ годахъ его жизни. Теперь онъ женатъ, и г-жа О'Логлинь заслужила всеобщее уваженіе театра и публики.

О'Логлинь перевелъ множество пьесъ съ французскаго театра, хотя и зналъ, что ихъ больше трехъ разъ не дадутъ.

Увы! *качуча, сапато*, здѣсь гораздо любимѣе всякой пьесы, и чилійская публика готова кричать *бисъ* всякому танцующему тѣлу, которое провертится нѣсколько минутъ на большомъ пальцѣ ноги, какъ въ Лимѣ кричать *бисъ* послѣ пѣтушьяго боя.

Цѣны въ здѣшнемъ театрѣ не высоки. Вы платите четыре реала за мѣсто въ ложѣ и реалъ за стулъ въ партерѣ. Но вѣдь платите эту сумму за то, чтобъ слышать *одинъ* разъ играемую въ тотъ вечеръ пьесу. И чтожь? Хотители вы, или нѣтъ, васъ заставляютъ по волѣ слушать ее *два раза*, а именно—суфлера.

О! это удивительный человѣкъ! онъ никакъ не позволитъ, чтобъ какой нибудь актеръ громче его говорилъ. Онъ кричитъ, реветъ. бѣснуется сначала до конца. Роль тирана, дурачка, мальчика, субретки все равно, вы услышите ихъ на всѣхъ возможныхъ интонаціяхъ, какъ съ перваго ряда партера, такъ и въ глубинѣ парадиза. Этому *Анутадору* (мнѣ стыдно за г. О'Моглина) даютъ только тридцать пиастровъ въ мѣсяцъ жалованья. За такую бронзовую грудь, за такія эластическія легкія, за голосъ тремя тонами ниже тромбона, гдѣжь тутъ справедливость?

Еще одна столичная замѣчательность въ театрѣ. Станьте у дверей театра Сантъ-Яго, и посмотрите какъ входятъ дамы, разодѣтыя въ самыхъ блистательныхъ костюмахъ подъ вуалемъ, спускающимся до ногъ. За ними идутъ горничныя со стульями и ковриками. Надобно знать, что театръ обязанъ давать въ ложахъ стульевъ посѣтителямъ, а всякій приносить ихъ съ собою, или тутъ же беретъ на прокатъ. И горничныя, принеся стулья, оставляютъ ихъ въ театрѣ до другаго утра. Передъ началомъ спектакля, кажется, что происходитъ аукціонная продажа старой мебели.

Наряды женщинъ восхитительны здѣсь во время торжественныхъ спектаклей, то есть бенефисовъ любимаго актера, ложи представляютъ красивѣйшій цвѣтникъ, гдѣ между цвѣтами блистаютъ брильянты. Все это прекрасно, восхитительно. Но чего надѣяться въ будущемъ отъ театра, гдѣ дамы должны являться съ своими стульями, гдѣ суфлеръ кричитъ громче актера на сценѣ и куритъ сигару въ своей суфлерской дырѣ, гдѣ не существуетъ ни водевилей, ни куплетовъ.

Да, Чилійскіе друзья мои! постарайтесь подражать порядочнымъ европейскимъ театрамъ. Не аплодируйте стульями и скамьями, не заставляйте кричать суфлера во все горло, недопускайте кулачныхъ дракъ въ партерѣ между французами и *Янки*, попросите дамъ не бросать букетовъ посредственнымъ артистамъ, принудите себя смотрѣть болѣе одного разъ пьесы, заставьте театральную администрацію содержать

партеръ въ чистотѣ, чтобъ за неимѣніемъ публики небыло тамъ милліоновъ безпокойныхъ насѣкомыхъ, и чтобъ толпа молодежи хранила приличіе въ своихъ восторженныхъ возгласахъ. Наконецъ допустите на свою сцену Скриба, пьесы его и куплеты. Вотъ совѣтъ искренняго вашего друга.

V.

ЧИНГАНА.

Въ Вальпарайзо, глотая прозаическую пыль, надобно видѣть Чингану.

Чингана составляетъ радость истинной чилийки. Для нее Чингана тоже, что въ театрѣ Казуэлла. Она бы хотѣла быть и днемъ и ночью въ Чинганѣ, не заботясь ни о лучахъ вертикальнаго солнца, ни о проливномъ дождѣ, ни о порывахъ южнаго вѣтра, срывающаго верхушки горъ.

Чингана, друзья мои, это не ожерелье, не мужъ, не женихъ, не шаль, не уборъ, не брильянты. Это бальная и концертная зала вмѣстѣ, гдѣ блистаетъ Самакуэква. Вотъ и зданіе, посмотрите его.

Толпа любопытныхъ, любителей, нетерпѣливыхъ тѣснится на улицѣ, чтобъ не потерять чудесъ, происходящихъ внутри дома. Что за физиономіи въ этой толпѣ!

Толстые, грубые, безобразные люди, покрытые *пончо* въ лохмотьяхъ и въ грязной одеждѣ, неуступающей ближайшей помойной ямѣ. То голова безъ волосъ, то одни волосы безъ головы, голыя руки, дикіе взгляды, рѣчи, непереводимыя ни на какой языкъ. Что за лица! отъ нихъ и страшно, и холодно! Есть тутъ въ толпѣ и женщины, но ихъ можно отличить только по одной одеждѣ. Лица же, рѣчи, взгляды тѣже, какъ у мужчинъ. Войдемъ лучше въ домъ.

Дверь во всю высоту зданія уже протерлась отъ времени. Она похожа на дверь сарая, въ которую въѣзжаютъ телѣги съ хлѣбомъ. — Подлѣ двери продѣлано отверстіе. Просуньте туда руку съ реаломъ и опустите монету. За нее дадутъ вамъ билетъ, служащій и контрамаркою. Вы получите что-то тяжелое, черное, клейкое, все равно, берите, если хотите видѣть Чингану.

Разсказать ли вамъ происхожденіе этихъ билетовъ? Вотъ видите ли. Въ Чили много играютъ въ карты. Но ихъ покупаютъ только въ богатыхъ домахъ. Оттуда карты идутъ въ *ранчо*, изъ *ранчо* въ *бадеганы*, гдѣ колода картъ въ унцію вѣсомъ приобретаетъ вѣсу до полуфунта отъ накопившихся на ней слоевъ человѣческаго соприкосновенія.

Теперь изъ *бадегана* тузы, короли, дамы, валеты и проч. идутъ въ контору Чинганы, гдѣ, смотря по погодѣ, разрѣзываютъ на двое на четверо и даже на восемь частей. Двѣ, три крапинки, угловатая вырѣзки означаютъ день раздачи ихъ, чтобъ они немогли служить на слѣдующій разъ.

Теперь вы съ билетомъ, войдите, пора вамъ спастись отъ напора уличныхъ зѣвакъ обоого пола.

Если вы не привыкли бросать деньги на вѣтеръ, то можете сѣсть въ шартерь на суковатую скамью и наслаждаться питьемъ, безпрестанно разносимымъ въ большой чашѣ, изъ которой все пьютъ, наклоня губами край. Чингана великодушно угощаетъ. Если вы выпьете хоть нѣсколько глотковъ, то вы храбрый человекъ, который не испугается ни отъ какихъ чудовищъ въ свѣтѣ.

Но если вы хотите быть щедрымъ Крезомъ, то заплативъ еще реалъ, имѣете право взлѣсть по изломанной лѣстницѣ на галерею, откуда видите все зрѣлище бала, не теряя ни малѣйшей подробности. А если захотите доставить удовольствіе толпѣ, смотрящей съ улицы, то на галереѣ есть слуховое окно. Высуньте голову. По одному вашему слову любопытная толпа замолчитъ, и вы расскажете ей о всѣхъ подробностяхъ бала. За это благодарная толпа по выходѣ вашемъ съ бала на рукахъ понесетъ васъ домой.

Бальная зала освѣщена четырьмя люстрами. Мнѣ совѣстно употребить это слово для двухъ деревянныхъ перекладинъ, которыя повѣшены на веревкѣ со вставленными въ нихъ четырьмя сальными свѣчами. А какъ жаръ бысто растопляетъ сало, то каждая четверть часа представленное лицо является съ лѣсенкою, и подставя ее подъ люстру, снимаетъ со свѣчей своими большими указательными пальцами, смоченными во рту.

Чингана составляетъ древній родъ увеселеній, когда еще не было театра. Она была прежде на открытомъ воздухѣ. Но со времени заведенія спектаклей, и она перешла въ залы. Въ Чинганѣ нѣтъ передней завѣсы, нѣтъ кулисъ, все открыто. Съ перваго взгляда видны все роды удовольствій. Здѣсь нѣтъ различія между зрителями и актерами. Здѣсь все должны дѣйствовать. Мужчины, женщины составляютъ здѣсь одно движущееся тѣло.

Мода сохраняетъ и здѣсь свое владычество. Видны кое-гдѣ бѣллы, румяны. Вездѣ видно тщеславіе.

Бальные инструменты здѣсь гитара, арфа и *ночной столъ*. Неблагодарные чилійцы забыли свои кастаньеты, эти говорящія, поющія, поэтическіе кастаньеты, придающіе гибкость стану, выраженіе взорамъ

силу ногамъ. Впрочемъ, за то что здѣсь нѣтъ фортепьяно, можно простить ихъ.

На французскомъ языкѣ придуманы были сперва разныя слова, чтобъ выразить способъ игранія на каждомъ музыкальномъ инструментѣ, на рогахъ *трубили*, къ фортепьяно *прикасались*, на арфѣ *щипали*. Теперь все это замѣнено словомъ *играть*. Въ Вальпарайзо надобно придумать совсѣмъ другое. Тамъ *скрипятъ* на гитарѣ, скрипятъ на мандолинѣ, скрипятъ на гобоѣ, на флейтѣ, на тромбонѣ, на барабанѣ. Я конечно говорю только о музыкѣ въ Чинганѣ.

Я вамъ назвалъ инструменты, но ихъ держать не такъ какъ въ Европѣ. Во-первыхъ здѣсь музыканты помѣщены на эстрадѣ, поддерживаемой толстыми бревнами. Но какъ полъ очень плохъ, то при какомъ нибудь потрясеніи эстрада эта обвалится съ музыкантами и инструментами на танцующихъ.

Во-вторыхъ, на бальныхъ инструментахъ играютъ дамы, которыхъ маленькія ручки могутъ почесаться на лбу на разстояніи *тридцати сантиметровъ*, до того ногти ихъ длинны и округлены по-китайски. Привычка къ струнамъ придала этимъ ногтямъ твердость копыта, и горе невѣрному, въ котораго эти ногти вцѣплятся. Глаза его непременно будутъ выцарапаны.

И такъ, арфа лежитъ здѣсь горизонтально, поддерживаемая на груди музыкантши.

Вамъ неизвѣстенъ только инструментъ *ночной столъ*. Это очень не хитрый инструментъ, который едва ли когда введенъ будетъ въ Европѣ. Онъ состоитъ изъ четырехъ ножекъ, соединенныхъ тонкою доскою, которая должна издавать звукъ подъ руками, вѣчто въ родѣ барабана. Для этого придумали желѣзныя палочки, которыя при легкомъ удареніи объ доску излаютъ звукъ на подобіе колокольчатой змѣи, или тренія двухъ листовъ пергамента между собою. Но когда кулаки музыканта или музыкантши захотятъ придать энергію этому инструменту, о, тогда вы вообразите себѣ, что присутствуете при сраженіи цѣлой толпы прачекъ, дѣйствующихъ своими вальками. Что нашъ Саксъ-Горнь противъ этого *ночнаго стола*!

Притомъ же вліяніе этого великолѣпнаго инструмента такое увлекательное и магнитическое, что танцоры слѣдуютъ всѣмъ его движеніямъ.

Послѣ этой эксцентричности въ музыкѣ вы поймете сколько должно быть эксцентричности и въ танцахъ. Нельзя выразить всѣхъ этихъ пристукиваній ногами и руками, всѣхъ изгибовъ, перевертываній, всѣхъ возгласовъ зрителей, и однакоже неподумайте, чтобъ могло произойти

малѣйшее неприличіе, какъ у насъ въ Парижѣ на публичныхъ балахъ. Обычай установилъ здѣсь одно неважное правило, которое служитъ непреодолимою преградою ко всякой эксцентричности, въ родѣ Парижской. Здѣсь танцующіе не только не держать другъ друга за станъ, но даже и руки ихъ никогда не соприкасаются. Ихъ раздѣляетъ платокъ, за концы котораго каждый обязанъ держаться.

Здѣсь танцоръ приглашаетъ даму къ танцамъ, становясь передъ нею, и замѣтите, всегда носками внутрь. Это здѣсь самая модная позиція ногъ.

Въ моей книгѣ: *Воспоминаніе слѣзца* описывалъ я по чти подобную же пляску, какъ чилийская *Самакуэнка*, которую я видѣлъ на маріанскихъ островахъ; но тамъ она красива, весела, вся въ цвѣтахъ, а здѣсь только шумъ, крикъ и духота.

VI.

КАЗУЭЛЛА.

Эта глава будетъ очень коротка, но какъ я хочу говорить обо всемъ, что видѣлъ, то обязанъ упомянуть и о Казуэллѣ.

Въ Парижѣ называютъ *райкомъ* самую возвышенную часть театра, куда садятся нянюшки, честные работники, бережливыя семейства по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, чтобъ въ слезахъ мелодрамы, или на фарсахъ водевиля забыть трудную работу цѣлой недели. Здѣсь, въ Чили, надобно было бы назвать эти галереи подъ потолкомъ *адомиъ*, такъ въ нихъ жарко и душно, тѣмъ болѣе, что въ каждомъ антрактѣ сходятся сюда зрители изъ партера и даже изъ ложъ. Здѣсь ѣдятъ мороженое, пьютъ лимонадъ, оржадъ; здѣсь угощаютъ другъ друга и составляютъ знакомства.

Конечно, здѣсь мороженое состоитъ изъ снѣгу, а конфекты изъ патоки съ мукою, но за то здѣсь не рѣдко удается составить самое пріятное знакомство.

Съ тѣхъ поръ какъ Европа въ видѣ пѣнистыхъ волнъ устремилась въ Калифорнію, Вальпарайзо сдѣлался промежуточною точкою между Атлантическимъ океаномъ и этимъ моремъ золота. Число пріѣзжихъ здѣсь безпрестанно усиливается, и я принужденъ сказать правду, что мои любезные соотечественники, французы, всѣхъ болѣе шумятъ и дѣлаютъ безпорядковъ. Послѣ нихъ американцы многочисленнѣе другихъ; но они не шумятъ, не горланятъ, а только запустивъ руки въ карманъ, побрякиваютъ деньгами. Значитъ, они ѣдутъ въ Калифорнію не за зо-

лотомъ, а чтобъ истратить его. Чили очень облегчить ихъ въ этомъ трудѣ.

Кромѣ театральнаго райка, *Казуэллы*, этимъ же именовемъ называется національное здѣсь блюдо, родъ винегрета, гдѣ все вмѣстѣ перемѣшано: куропатки, картофель, капуста, рѣпа, цыплята, говядина, телятина, вермишели, сосиски,—все, что угодно..

Это блюдо продается и въ театральной казуэллѣ, изъ чего тамъ его составляютъ, это тайна, которая до меня не касается. Я не пробовалъ.

VII.

СЕРЕНОСЫ.

Вотъ спускается чилийская ночь, украшенная жемчугомъ и бирюзой, или поэтически купающаяся въ перламутровыхъ водахъ, колеблемыхъ тихимъ вечернимъ вѣтеркомъ.

Вотъ выступаетъ важный *сереносъ* (иной и выѣзжаетъ). Въ лѣвой рукѣ у него свистокъ, въ правой лазо (петля). Онъ становится какъ истуканъ на углу улицы и ждетъ роковаго часа своихъ ночныхъ дѣйствій. Но вотъ и городскіе часы бьютъ. Раздаются крики:

«Десять часовъ пробило. Погода дождливая!»

Вотъ простые слова, которыя бы и самъ г. Журдень принялъ за прозу. Однако же всѣ Россини, Мейерберы, Галеви и Оберы въ свѣтѣ не придумаютъ такихъ звуковъ, такихъ раздирательныхъ модуляцій, дикихъ переливовъ. А что за потрясающая громкость голоса! Какія могутъ легкія!

Прослушавъ изъ вашей комнаты (а вѣдь всякая комната здѣсь тоже, что часть улицы, потому что сквозь стѣны дома всегда видна улица), прослушавъ возгласъ сереноса, отъ котораго вы, конечно, зажали уши, вы можете быть думаете, что отдѣлались и можете успокоиться. Какая ужасная ошибка! Послѣ возгласа сереносъ свиститъ въ свой свистокъ и идетъ дальше. Но за нимъ слѣдуетъ второй, третій и такъ далѣе, и всякую минуту вы слышите крикъ который часъ и какая погода, а затѣмъ финальный свистокъ.

Крикъ сереноса начинается самую нижнюю ноту его діапазона, онъ ее тянетъ, усиливая голосъ и поднимаясь въ тонѣ безъ каданса и безъ акорда. Это что-то въ родѣ ржанія осла, которому давно не давали корма. При всякомъ словѣ голосъ поднимается на терцію, на кварту, доходитъ до фальцетта, и все это дѣлается такъ ловко, такъ поэтически, что вы не знаете куда бѣжать отъ этой музыки.

Каждые полчаса возгласы возобновляются, и горе тѣмъ, которые не крѣпко спятъ! Притомъ же сереносы очень строги въ исполненіи своего долга, и на улицѣ безпрестанно шумъ и крикъ отъ людей, забираемыхъ подъ стражу. Если у васъ худо приперта дверь, сереносъ является и требуетъ четыре піастра пени, которые вы должны тотчасъ же заплатить. Если вы тихонько прокрадываетесь по улицѣ, сереносъ накидываетъ на васъ петлю и передаетъ другому, другой третьему, до вашего дома. Тотъ допрашиваетъ хозяина, слугъ, весь домъ, и если вы солгали, васъ отводятъ въ тюрьму.

Не пробуйте бѣжать: петля обовѣется около васъ съ такою силою, что вы задохнетесь, и вмѣсто трехъ реаловъ пени заплатите два піастра.

Я вамъ наказывалъ много непріятностей со стороны сереносовъ, но есть и благодѣтельные стороны этого учрежденія. Во-первыхъ вы уже видите, что ночью улицы безопасны. Во-вторыхъ, у васъ въ домѣ кто нибудь захворалъ, вамъ тотчасъ же нуженъ врачъ, а ночью кому и куда бѣжать? Отворите дверь на улицу, подождите перваго сереноса, объявите свое требованіе;—раздадутся условные свистки до дома перваго врача, и его приведутъ къ вамъ черезъ четверть часа.

Сереносъ лѣтомъ и зимою въ своемъ національномъ пончо, въ соломенной шляпѣ.

— Сколько ты получаешь въ годъ отъ города за свою должность? спросилъ я у одного изъ нихъ.

— Тридцать шесть насморковъ, отвѣчалъ онъ сирымъ голосомъ.

— Чѣмъ же ты живешь?

— Своимъ голосомъ.

Дѣйствительно, всякій домовою хозяинъ, всякій житель платитъ ему съ охотою за его всеневныя услуги, и потому на вакансіи этихъ мѣстъ всегда много кандидатовъ.

VIII.

НИЩІЕ.

Въ Вальпарайзо, въ Лимѣ, ремесло нищаго въ большомъ почетѣ. Это еще остатки Испанскаго владычества. Кастильскій нищій и чилийскій драпируются въ своихъ лохмотьяхъ, какъ другой въ шелковой матеріи и въ бархатѣ, шитыхъ золотомъ. Онъ дерзокъ, гордъ, высоко поднимаетъ голову. Онъ принимаетъ отъ васъ милостыню, если вы дадите ласково и изъ рукъ въ руки, но если бросите ее въ окно, то онъ пройдетъ мимо и не посмотритъ. Чилийскій нищій никогда не сгибается.

Кромѣ того Испанскій и Чилийскій нищій никогда не оставитъ своего ремесла, какое бы богатство ни приобрѣлъ въ своихъ путешествіяхъ. Эта жизнь лучше всего ему нравится: нора вмѣсто жилища, камень изголовьемъ, палка подпорою, и свободный входъ.

А какъ онъ умѣетъ растрогать васъ своимъ увѣчемъ, своими незалечимыми ранами! Какъ онъ ухаживаетъ за этими ранами, чтобъ онѣ не закрылись, не излечились. Это бы разорило его.

Если вы были впрочемъ въ Испаніи, то вамъ нечего описывать здѣшнихъ нищихъ. Совершенно тоже самое. Глядя на нихъ, вы подумаете, что гуляете по мадридскимъ улицамъ, или по рынкамъ Гренады, тѣ же фізіономіи, тотъ же однообразный носовой напѣвъ, та же смѣлость во взглядахъ. И тѣ и другіе одной школы, однихъ правилъ.

Здѣсь нищій очень радъ поговорить съ вами, и одинъ изъ нихъ, видя мою слѣпоту, обнаружилъ особенные знаки своего ко мнѣ расположенія, и во время всякой моей прогулки удостоивалъ со мною бесѣдовать. Онъ почитаетъ себя политикомъ не хуже Талейрана, и всегда разговариваетъ о политическихъ дѣлахъ Европы.

Чилийскій нищій очень хорошо распознаетъ національныя фізіономіи. Къ Французу онъ самъ подойдетъ и протянетъ ему руку; къ Англичанину ни за что: онъ отворотится и не смотритъ на него.

Нищенство здѣсь ремесло, цехъ. Оно составляетъ огромное общество, но каждый живетъ самъ для себя и за себя. Существованіе его обезпечено; деньги у него есть всегда, и онъ не боится никакихъ финансовыхъ и политическихъ переворотовъ; ему не страшны банкротства. Онъ самъ всемірный кредиторъ, неизбѣжный, неумолимый. Если вы не заплатите ему то, что онъ предположилъ съ васъ получить, то будетъ преслѣдовать васъ до самой вашей спальни, пока вы отдадите ему мнимый долгъ.

Не хотители взглянуть на жилище нищаго, на утренній туалетъ его. Это очень поэтическая картина, потому что и въ ужасахъ есть поэзія.

Восходящее солнце бросаетъ яркіе лучи свои въ нору, открытую вѣсьмъ вѣтрамъ и непогодамъ. Эти лучи пробуждаютъ его, и онъ начинаетъ свой туалетъ. Страхнувши съ себя насѣкомыхъ, собравшихся ночью около теплаго его тѣла, онъ прежде всего заботится о поддержаніи своихъ ранъ сокомъ извѣстныхъ ему травъ, тщательно имъ собираемыхъ и хранимыхъ.

Тѣмъ все и кончается; онъ уже выходитъ на весь день на улицу, и только ночью возвращается въ свою нору.

Число нищихъ здѣсь составляетъ почти треть народонаселенія, и вѣсь они находятъ пищу. Впрочемъ, расчетливые нищіе часто мѣняютъ

улицы, кварталы и даже городъ, измѣняя при этомъ свои увѣчья и раны. Всякій изъ нихъ разъ по двѣнадцати бывалъ нѣмымъ и слѣпымъ.

Я выразилъ однажды сожалѣніе свое одному изъ моихъ проводниковъ, что въ Чили столько слѣпыхъ, потому что меня на каждомъ шагу останавливали жалобы нищихъ, умоляющихъ о милостынѣ подъ предлогомъ слѣпоты.

— Они видятъ, что *вы* слѣпы, отвѣчалъ онъ съ горькою усмѣшкою, и стараются тронуть васъ несчастіемъ, которымъ *вы* поражены.

Такимъ образомъ, смотря по уродливости прохожихъ, дѣлаются нищіе горбатыми, хромыми, глухими, слѣпыми, и всѣ кошельки раскрываются для нихъ.

— Я не знаю, продолжалъ мой проводникъ, откуда эти люди берутъ запасъ своихъ слезъ, но я однажды наблюдалъ нарочно за ребенкомъ, лежавшимъ на ступеняхъ Maternidad. Я убѣдился, что онъ проливалъ настоящія, крупныя слезы съ полудня до вечерень, то есть шесть часовъ сряду. На другой день пошелъ я для этого же наблюденія, и видѣлъ тоже самое. Не хотите ли побиться объ закладъ, что мы теперь его найдемъ въ томъ же занятіи.

Я побился и проигралъ. Нищій рыдалъ такъ, что сердце невольно разрывалось.

Я уже сказалъ вамъ, что здѣшніе нищіе горды и наглы; попробуйте дать имъ мѣдную монету, и онъ съ презрѣніемъ броситъ ее. Дайте ему кусокъ хлѣба или мяса, и онъ спроситъ у васъ: не почитаете ли вы его собакой.

Третьягодня, возвращаясь изъ Кастильо, гдѣ я растратилъ всѣ свои деньги, раздавая ихъ нищимъ, цѣплявшимся за мое платье, я былъ еще разъ остановленъ:

— Senor! medio cito por el amor de Dios. (Господинъ! Дай что нибудь изъ любви къ Богу), сказалъ мнѣ жалобно одинъ нищій.

— Я ужъ все роздалъ твоимъ братьямъ.

— У меня нѣтъ братьевъ.

— Ну, такъ твоимъ сестрамъ.

— У меня нѣтъ и сестеръ.

— Все равно. У меня нѣтъ больше денегъ.

— Поищите, сеньоръ, хорошенько въ вашихъ карманахъ.

— Говорю тебѣ, что не остался ни одной серебряной монеты.

— Ну, такъ пожалуйста унцію (золота).

Это значило восемьдесятъ пять франковъ! Эта наглость взволновала меня, а нищій продолжалъ настаивать. По счастью городской сержантъ избавилъ меня.

Однакожь не перестать ли говорить объ этой грязной сторонѣ чело-
вѣчества? Нѣтъ, расскажу еще послѣднее о похоронахъ нищаго.

Можно вообразить себѣ, что ведя такую жизнь въ нечистотѣ и
подвергаясь всеѣмъ суровостямъ непогоды, эти нищіе во множествѣ
умираютъ. У нихъ нѣтъ врачей, нѣтъ лекарствъ. Къ чему все это?
Они привыкли получать деньги, а не платить за что либо.

Нищій умеръ, и ужъ конечно о смерти его ни въ какихъ метри-
ческихъ книгахъ не записываютъ. Около умершаго собирается толпа
бывшихъ его товарищей, и дѣлитъ между собою, что послѣ него оста-
лось. На это тотчасъ же покупаютъ *mate*, крѣпкій, ѣдкій и отврати-
тельный напитокъ, который и втягиваютъ въ себя соломенками.

Это занятіе продолжается пока часы на башнѣ пробьютъ пол-
день. Тогда носильщики обертываютъ умершаго въ мѣховую шкуру, на
которой онъ спалъ, и несутъ его къ церкви.

Но путь далекъ. Больше часа нужно, чтобъ достигнуть до quebrada
d'Elias, а служба въ это время давно уже отошла въ церкви. Ни па-
теръ, ни причетникъ не предупѣдомлены, что къ нимъ принесутъ тѣло
для погребенія. Они ушли уже домой. Церковь и кладбище заперты на
замокъ.

Что жъ дѣлаютъ носильщики-сотоварищи? Они нарочно опоздали—и
привыкли къ своей работѣ почти всякій день. *Внести* умершаго нельзя,
и оставить его на улицѣ то же невозможно. А потому они раскачавши
его, перебрасываютъ чрезъ кладбищенскую стѣну и молча расходятся по
домамъ.

Къ вечернѣ отворять дверь; причетникъ увидитъ тѣло, доносить
патеру. Тотъ позоветъ могильщиковъ; выроютъ яму и похоронятъ *не-
извѣстное* тѣло.

IX.

ЛАЗО.

Дѣйствіе лазо понимаютъ здѣсь даже четвероногіе. Бѣшеный быкъ,
мулъ ничего не боится, ни кому неповинуется и летитъ попирая все
ногами. Вдругъ надъ головою его засвиститъ роковое лазо, и онъ оста-
навливается какъ вкопанный, прежде нежели оно до него коснулось.

Что это за дѣйствіе, не понимаю. Не то ли же, какое обнаружи-
ваетъ удавъ, останавливая буйвола, или антилопу. Орелъ и коршунъ не
заставляютъ ли голубя бросаться прямо подъ его когти? Точно тоже
дѣлаетъ и лазо.

Можетъ быть, вы подумаете, что я самъ себѣ противорѣчу, описывая дѣятельность чилійца съ своимъ лазо, тогда какъ недавно говорилъ о его вѣчной лѣни. Нѣтъ! слова мои вѣрны. Чиліецъ дѣятеленъ въ такой-то часъ дня и по такой-то необходимости.

Онъ конечно успѣшно дѣйствуетъ своимъ лазо, но къ этому дѣйствию понуждаетъ его всегда какая нибудь нужда, которая какъ скоро кончилась, лазо брошено, и чиліецъ въ прежнемъ снѣ, дремотѣ, бездѣйствіи. Ему нужна пища, и онъ идетъ съ своимъ лазо, чтобъ вечеромъ караулить быковъ, лошадей и муловъ.

Увы! недавно попалъ и одинъ изъ моихъ аргонатовъ. Бѣдный мой Лансело, котораго громкій голосъ соперничествуемъ съ шумомъ волнъ океана, когда ихъ вздымаетъ *торнадо*. Лансело, прозванный *весеннимъ*, по причинѣ безчисленнаго множества веснушекъ на лбу и на щекахъ его. Однажды онъ съ своими друзьями скакалъ въ запуски вечеромъ, и вдругъ лазо одного чилійца, хотѣвшее захватить коня его, попало на него, и онъ повисъ. По счастію, товарищи усмотрѣли его бѣду, успѣли обрѣзать петлю и спасли его. Но ночнаго флибуэтера не могли отыскать.

X.

ПРАВЫ ВЪ ЧИЛИ.

Я объѣхалъ не разъ земной шаръ, и нигдѣ не видалъ, чтобъ дѣвушки такъ рано старѣлись, какъ въ Чили. Въ тринадцать лѣтъ она уже невѣста, въ семнадцать начинаются уже морщины: она старѣеть.

Вы подумаете, что это преждевременныя страсти развиваютъ приросту. Нѣтъ! эта дѣвушка не знаетъ еще, что сердце бьется въ груди, а она уже успѣла разцвѣсти и завянуть.

Перу во многомъ сходно съ Чили въ этомъ отношеніи. Но всякій путешественникъ изумится, когда, побывавъ въ обѣихъ странахъ, увидитъ, что никакіе въ свѣтѣ враги такъ не ненавидятъ другъ друга, какъ перуанка и чилійка. Отчего? Этого никто не можетъ объяснить. Можетъ быть, онѣ и сами этого не знаютъ. Но можетъ быть эта непостижимая вражда пробудитъ громъ пушекъ между обоими народами. Клеопатра погубила Антонія, Аспазія помрачила славу Сократа, Елена разрушила Троию, а Помаре едва не заставила сражаться между собою англійскій и французскій флоты, готовившіеся уже къ бою.

Гризетки неизвѣстны въ Чили. Да и здѣсь женщины красуются не нарядами, не туалетами, не ловкостью, а взглядомъ, волосами и улыбкою. Здѣсь слишкомъ дороги всѣ косметическія средства, къ которымъ прибѣгаютъ парижанки.

Я бы конечно много могъ рассказать вамъ о чилійскихъ женщинахъ, но къ чему? Скажутъ, что *слѣпой* завистливъ и золь.

XI.

МОЛНІЯ.

Мнѣ часто говорятъ: «вѣдь вы видите, неправда ли? Вы видите осязаніемъ, умомъ, воспоминаніями прошедшаго, столь яркими въ каждомъ воображеніи. Вещи, которыя вы хотите непременно узнать, невидите ли вы ихъ своимъ умомъ во всѣхъ формахъ, даже цвѣтахъ?»

Нѣтъ, друзья мои! Слѣпецъ, потерявшій зрѣніе, когда уже видѣлъ всѣ богатства природы, не имѣетъ ужъ преимуществъ того, кто никогда не зналъ солнечнаго свѣта, сладости улыбки, свѣтлости взгляда, гармоніи цвѣтовъ, волшебства растений. Этотъ послѣдній могъ себѣ составить собственный свой лексиконъ, свою отдѣльную логику, которая утѣшаетъ его во мракѣ и бѣдности.

— Съ чѣмъ можете вы сравнить яркочерный цвѣтъ? спрашиваютъ его, и онъ не колеблясь отвѣчаетъ:

— Со звукомъ трубы.

— Почему?

— Потому-что оба *рѣзки*.

— Что такое улыбка?

— Тоже, что пожатіе руки.

Бѣдный слѣпецъ! Онъ никогда не видалъ улыбки презрѣнія, гнѣва, состраданія, взмѣны. Понятія его бѣдны, но онъ богаче меня.

Видѣть такъ же учатся, какъ говорить и ходить. Я расскажу вамъ случай, видѣнный мною въ Лондонѣ, случай, который убиваетъ или дѣлаетъ сумасшедшимъ.

Даніиль Давидсонъ потерялъ зрѣніе, будучи еще въ малолѣтствѣ, онъ тогда еще непонималъ ни красоты солнца, ни прелестей природы, ни разнообразія твореній. Наука напрасно употребляла потомъ всѣ свои усилія, чтобъ возвратитъ ему зрѣніе.

Ко всему привыкають, говорятъ люди.

Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я ищу утраченнаго зрѣнія, но ночь проходитъ за ночью, и каждое утро, когда шумъ пробуждающагося города говоритъ мнѣ, что насталъ день и солнце встаетъ, я въ отчаяніи и готовъ плакать.

Для слѣпаго во всемъ горе и отчаяніе, потому что все окружающее твердитъ ему о потерѣ его. Онъ слышитъ быстрый бѣгъ другихъ по-среди всякаго рода препятствій; онъ слышитъ какъ бѣлокурое дитя

играетъ въ серсо; онъ слышитъ шорохъ шелкового платья женщины, приветствующей его дружескою слезою.

Я однакоже заговорился о себѣ, а хотѣлъ вамъ рассказать о Давидсонѣ. Простите вѣчнымъ жалобамъ слѣпца.

И такъ, однажды этотъ слѣпой шелъ подъ руку съ домашнимъ своимъ докторомъ Деви. Они переходили черезъ Регентъ-стритъ у цирка, какъ вдругъ испуганный повтореннымъ крикомъ наѣзжавшаго на нихъ кучера, Давидсонъ бросилъ руку своего проводника и побѣжалъ къ тротуару. Однакоже онъ не успѣлъ перебѣжать; коляска задѣла его, опрокинула, Давидсонъ упалъ лбомъ объ окраину камня, и обливаясь кровью векочилъ, испуская изступленный крикъ.

— Что съ тобою, другъ мой? спросилъ со страхомъ Деви, подбѣжавшій въ это время.

— Я съ ума сошелъ! Я не постигаю, что со мною дѣлается, отвѣчалъ Давидсонъ, держа окровавленные руки на глазахъ

— Успокойся, Данилъ, эта рана не опасна.

— О! не она безпокоитъ меня и сводитъ съ ума. Я боюсь, что все это сонъ; я не смѣю смотрѣть.

— Отчего же?

— Милосердый Боже!.. Я вижу! я не слѣпецъ! Подлѣ меня, около меня свѣтъ и какія-то вещи. Онѣ прикасаются ко мнѣ, или я къ нимъ. Сердце мое волнуется, мнѣ страшно.

— Успокойся и благослови Создателя, сказалъ ему докторъ, завязывая ему глаза своимъ платкомъ. Не тронь этой повязки. Она тебя спасетъ и сохранитъ. Пойдемъ, другъ мой. Около насъ собралась толпа и молитъ за тебя Бога. Вотъ карета, садемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ все семейство Давидсона тоже усердно молилось. Докторъ боялся, чтобъ зрѣніе, возвратившееся отъ сильнаго удара, какъ бы отъ молніи, не было минутною вспышкой глазныхъ органовъ. Онъ призывалъ на помощь все тайны науки, и вскорѣ убѣдился, что Давидсону дѣйствительно возвратилось зрѣніе. Онъ держалъ его въ темной комнатѣ и съ повязками на глазахъ, и только мало по малу сталъ приучать къ свѣту.

Наконецъ насталъ день великаго испытанія. Деви собралъ все семейство Давидсона, трепещущее и счастливое, а также нѣсколько ученыхъ своихъ собратій, чтобъ въ случаѣ нужды помогать ему и наблюдать за ожидаемыми имъ явленіями.

Въ залѣ царствовало глубокое молчаніе и умѣренный свѣтъ.

— Возьмите мою руку, сказалъ докторъ слѣпцу, и сядьте подлѣ меня на кресла. Вы дрожите, другъ мой, вы взволнованы. Если у васъ

недостаетъ силъ, чтобъ успокоиться, то я подожду еще. Обѣщаете ли вы мнѣ быть спокойными?

— Обѣщаю, другъ мой! Но минута эта такъ торжественна, что я чувствую потребность молиться, чтобъ Богъ далъ мнѣ силы къ перенесенію своего счастья.

— Помолись и успокойся.

— О милосердый Боже! сказалъ Давидсонъ, ставъ на колѣни. Помогите мнѣ, и да исполнится Твоя святая воля!

Послѣ молитвы онъ сѣлъ опять и спросилъ:

— Кто подлѣ меня?

— Ваша мать, которая тоже молится на колѣнахъ, отвѣчалъ докторъ; ваши сестры, вашъ отецъ и нѣсколько друзей. Будьте послушны, исполняйте въ точности все, что я вамъ скажу. Неповорачивайте головы ни на которую сторону. Смотрите только туда, куда я вамъ скажу.

— Я буду вполне повиноваться.

— Скажите мнѣ, другъ мой, вы, во время слѣпоты своей знали что такое *столъ, собака и дитя*?

— Зналъ.

— Помните же, въ двухъ шагахъ отъ насъ поставилъ я на столъ собаку и ребенка. Это будутъ первые предметы, которые вы увидите. Но берегитесь волненія, или я отерочу испытаніе. Ободритесь же, Данилъ, вотъ дневной свѣтъ.

Съ него сняли повязку, и онъ поблѣднѣлъ какъ полотно. Тотчасъ же докторъ опять надѣлъ повязку.

— О, виновать, другъ мой, виновать! вскричалъ Давидсонъ, рыдая какъ дитя. Но когда я подумаю, что увижу, обниму мою мать, сестеръ, буду отвѣчать на ихъ улыбку, то разумъ мой колеблется. Боюсь свѣта столько же, какъ темноты.

— Удалитесь же всѣ, строгимъ голосомъ сказалъ Деви. У Данила нѣтъ довольно мужества. Пусть же онъ остается въ своемъ страданіи отъ малодушія.

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ! Вотъ я опять спокоенъ. Слезы облегчили меня. Теперь я повинуюсь.

— Хорошо. Я сейчасъ спрашивалъ васъ знаете ли вы что такое собака и ребенокъ. Вы отвѣчали мнѣ, что знаете. На столъ передъ вами оба эти предмета. Смотрите только на нихъ.

Повязку опять сняли.

— Боже мой! какъ это прекрасно и любопытно!—вскричалъ Давидсонъ. Но что это шевелится?

— Это ребенокъ и собака.

— Который же изъ нихъ ребенокъ? Еслибъ я могъ ошупать ихъ, то тотчасъ же узналъ бы.

— Хорошо, я и этакъ покажу ихъ вамъ.

Повязку опять надѣли на глаза, и Давидсонъ сдѣлалъ два шага, ошупалъ оба предмета и назвалъ ихъ.

— Теперь воротитесь на свое мѣсто, сказалъ докторъ.

И пока слѣпой садился, ребенка и собаку перемѣстили. Тогда снявши повязку, докторъ спросилъ:

— Ну, теперь скажите, который ребенокъ?

— Разумѣется этотъ! отвѣчалъ Давидсонъ, ребенокъ направо, собака налѣво.

Увы! надобно было сказать наоборотъ.

Повторю теперь прежнюю свою фразу: видѣть точно также учатся, какъ читать и ходить. Ребенокъ также мало знаетъ опасности, какъ и разстоянія. Давидсонъ сдѣлался ребенкомъ. Ему показывали зажженную свѣчу, и онъ обжигалъ себѣ пальцы, указывая на нее. По улицѣ онъ всегда ходилъ выставя руки впередъ, чтобъ не наткнуться на то, что было далеко отъ него. Въ первую ночь, когда онъ увидѣлъ луну, то упалъ на землю и закричалъ доктору, что на землю летитъ огненный шаръ.

И однакоже воспитаніе его шло мало по малу. Счастливое семейство Давидсона усердно помогало ему, улыбаясь на его замѣчанія и объясняя правила глазной перспективы.

Шесть мѣсяцевъ сряду пользовался Давидсонъ наилучшимъ зрѣніемъ. Онъ видѣлъ какъ деревья покрылись зеленью, какъ струились ручейки, разцвѣли цвѣты. Онъ восхищался захожденіемъ и закатомъ солнца. Онъ чувствовалъ всю сладость ласковаго взгляда и поцѣлуя на челѣ своей матери.

Однажды онъ проснулся позже обыкновеннаго.

— Джонъ! гдѣ ты? раскрой ставни.

— Давно, сударь, раскрыты.

— Какъ! ты не лжешь?.. О Боже мой! Я опять ослѣпъ!

Наука неоткрыла ни причины перваго прозрѣнія, ни вторичнаго ослѣпленія. Увы, и она еще слѣпа!

Годъ спустя хоронили въ Бедламъ сумасшедшаго, по имени Даніила Давидсона. Онъ не пережилъ своего несчастія.

Но къ чему все это посреди рассказовъ о моихъ путешествіяхъ въ Чили? Вотъ къ чему.

13 числа прошедшаго мѣсяца, около шести часовъ утра произошло въ Валпарайзо сильное землетрясеніе. Я проснулся при подземныхъ уда-

рахъ, продолжавшихся двадцать пять секундъ, и вообще это время *видѣлъ*, дѣйствительно видѣлъ не только дневной свѣтъ, но форму и цвѣта окружающихъ меня предметовъ. Пусть наука объяснитъ этотъ фактъ. А въ немъ много кроется!

Увы! Со мною небыло, какъ съ Давидсономъ, ни матери, ни сестеръ. Я все таки завидую его счастію!

ХІІ.

ТЕМБЛОРЪ.

И такъ, 13 ноября произошли здѣсь два сильные подземные удара, продолжавшіеся отъ двадцати пяти до тридцати секундъ.

Море было спокойно, небо пасмурно, но ни вѣтра, ни чрезвычайнаго жара. Собаки консульскаго дома, въ которомъ я жилъ, были самымъ жалобнымъ образомъ, а за оконною рѣшеткою, гдѣ порхали четыре канарейки, которыя всегда весело пѣли съ восходомъ солнца, онѣ вдругъ замолкли, какъ бы предчувствуя грозное явленіе. Вдругъ, подобно громовому раскату, глухой ударъ потрясъ землю горизонтально съ сѣвера къ югу. Послѣ секунднаго отдыха возобновились качанія земныя и начали угрожать совершеннымъ истребленіемъ города.

Я бросился изъ комнаты, и отворивъ дверь на улицу, остановился подъ дверью, слыша вокругъ себя крики и стоны бѣгающихъ сосѣдей и сосѣдокъ.

Во вседневной, однообразной нашей жизни видимъ мы на каждомъ шагу, что смѣхъ и слезы, фарсъ и драма дружно являются на пути. Это можно видѣть и въ Европѣ, и въ Китаѣ, на всѣхъ архипелагахъ и при всѣхъ возможныхъ климатахъ, въ дикихъ степяхъ и прелестныхъ оазисахъ, между бѣдными и богатыми, съ гениальными и необразованными людьми: это вѣчная истина всѣхъ вѣковъ и народовъ. Земля колебалась, и люди трепетали вмѣстѣ съ нею. Одинъ изъ нихъ, испуганный болѣе другихъ, вдругъ вырѣжалъ изъ своего дома босикомъ, полуодѣтый, дрожа всѣми членами и прерывистымъ голосомъ вскричалъ:

— Умилосердись, Боже мой! Сжался надъ несчастнымъ грѣшникомъ, Добрые люди! и вы все простите меня. Я обокралъ Марціала, но я отдалъ ему все. Я обманулъ Мерседесъ, но я возвращу все, что она потеряла отъ моего плутовства. Пощадите меня, клянусь вамъ...

Въ эту минуту прекратились подземные удары; воръ не договорилъ своей клятвы, и воротился къ себѣ домой. Когда весь народъ пришелъ

опять въ прежній порядокъ, то нѣкоторые напомнили ему о данномъ обѣщаніи возратить неправомерно стяжанное.

Подождемъ будущаго землетрясенія. Можетъ быть, Марціалъ и Мерседесъ получатъ тогда похищенное у нихъ.

Я вамъ рассказывалъ о сереносахъ, которыхъ ночные крики, возвѣщающіе часы и погоду, не даютъ вамъ спать по ночамъ. Эти же самые сереносы объявляютъ вамъ ночью и о начинающемся землетрясеніи. И этотъ крикъ: *temblor* громче, яснѣе, продолжительнѣе, жалобнѣе обыкновенныхъ, невольно пробуждаетъ каждого и заставляетъ заботиться о своей безопасности и прибѣгать къ молитвѣ.

Еще бы минута, много двѣ, и все было бы превращено въ развалины. Но этихъ минутъ не было.

Подошва Кордильерскихъ горъ покоится на потухшей лавѣ. Рано или поздно сѣра и селитра вновь прорвутся сквозь гранитныя оковы, и Вальпараизо исчезнетъ съ лица земли. Я боюсь за столицу Чили!

XIII.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Какъ скоро вы вышли за городъ, вы уже въ пустынѣ. Не въ тѣхъ пустыняхъ Африки, которыя составляютъ безбрежный океанъ песковъ, не въ льдистыхъ пустыняхъ Гренландіи, гдѣ ужасъ наполняетъ душу странника, но въ пустынѣ, гдѣ невидна ни гнѣва, ни мщенія природы.

Достигнувъ до вершины одной изъ красноватыхъ горъ, окружающихъ городъ (такъ безразсудно названной *Райскою долиною* *Val-paraiso*), вы уже стоите выше всѣхъ городскихъ зданій; вы наблюдательнымъ взоромъ осматриваете окружающую васъ панораму, и на минуту приводите въ порядокъ мечты блуждающаго вашего воображенія.

Какая странная земля—Чили. Подъ ногами вашими нѣтъ дерна, вокругъ васъ невидна зелени, вы сомнѣваетесь даже въ существованіи растительности; вѣтеръ свободно гуляетъ по окрестности, не шевеля листьевъ ни одного дерева, котораго утомленные ваши взоры напрасно ищутъ.

Вы только видите широкія рытвины, глубокіе овраги, служащіе руслами источниковъ, протекающихъ чрезъ гранитныя скалы; вы видите синее, прозрачное, величественное небо; вдали синѣется океанъ, и посреди этой великолѣпной панорамы стоите вы, окруженные молчаніемъ природы, только изрѣдка нарушаемымъ дикимъ крикомъ кондора, спускающагося со снѣжныхъ вершинъ Кордильеровъ. Вы въ восторгѣ,

вы чувствуете, что молчаніе, уединеніе и взглядъ на природу могутъ прозвести восторгъ.

Я ѣздилъ на эти высоты, и цѣлые два часа наслаждался этимъ невыразимымъ чувствомъ. Наступила ночь. Я позвалъ своего проводника, который безотчетно и однакоже съ нѣкоторою боязнію глядѣлъ вокругъ себя. Я всталъ и хотѣлъ отправиться... но вдругъ ноги мои подкосились, и я упалъ на землю.

Отчего? Произошелъ въ это мгновеніе небольшой подземный ударъ въ родѣ толчка. Послѣ сильнаго землетрясенія подобные толчки здѣсь часто повторяются каждый день, но о нихъ никто уже не думаетъ, не беспокоится. Всѣ знаютъ, что опасность миновала.

— Я зналъ, что это случится, сказалъ мнѣ мой проводникъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ. Тамъ, со стороны Паланко, видѣлъ я на небѣ огненную точку, которая вскорѣ развилась въ видѣ ленты и поднялась къ верху въ видѣ копья.

— Это, другъ мой, изверженіе огнедышащей горы. Это продушина для подземнаго огня, который колеблетъ землю, и меня сейчасъ свалилъ съ ногъ.

Около насъ совершалось одно отъ прекраснѣйшихъ явленій природы: тысячи падающихъ звѣздъ летали вокругъ насъ и производили даже легкое сотрясеніе въ воздухѣ, быстрый и рѣзкій свистъ, на подобіе пролетающей пули. Мнѣ кажется, что нигдѣ въ свѣтѣ не происходитъ это явленіе такъ часто и въ такомъ множествѣ.

Пусть наука объяснитъ его по-своему. Я съѣлъ и тутъ же написалъ слѣдующіе стихи:

Toi, qui traverse les espaces
 Comme un triste et dernier adieu,
 Toi, qui brille et qui t'effaces,
 Sous l'ordre et le souffle de Dieu,
 Es-tu la flamme généreuse
 Qui rechauffe les nobles coeurs?
 Es-tu le froide avant coureuse
 De notre deuil et de nos pleurs?
 Es-tu le regard des anges
 Qui planent au desseus des eclairs?
 Es-tu de cette phalange
 Dont l'Eternel peuple les airs?
 Viens-tu de la terre chérie
 Qu'un éclat de foudre ébranla?

Viens-tu du sol de la patrie,
Dont le malheur nous exila?

J'avais une mère adorée,
Que la mort me ravit un jour;
Serais-tu la route sacrée
De son amour à mon amour?
Serais-tu la douce espérance
Qui me berce dans mon sommeil?
Ou bien l'ange de délivrance
Qui me sourit à mon reveil?

Non, non, cette clarté fatale
Que semble voiler un linceul,
C'est la lumière sepulchrale
Qui s'étend au bord du cercueil.
Priez, — lorsque sortant du gouffre
Elle jette en tous lieux l'effroi.
Oh! priez pour celui qui souffre,
Priez surtout, priez pour moi.

«Ты, разсѣкающая пространство, какъ печальное и послѣднее прощаніе; ты, блистающая и исчезающая по мановенію Творца! что ты? Благородный ли ты огонь, согревающій великодушныя сердца? Холодная предвѣстница ли нашей печали и слезъ?»

Не взоръ ли ты небожителя, парящаго надъ молніями? Не изъ священной ли ты фаланги, которую Творецъ населилъ мірозданіе? Не изъ той ли ты любимой земли, которую разрушилъ ударъ грома? Не изъ той ли ты родимой страны, изъ которой несчастіе изгнало насъ?

У меня была обожаемая мать, которую смерть однажды похитила. Не составляешь ли ты таинственнаго пути отъ ея любви къ моей любви? Или ты та сладостная надежда, которая укачиваетъ меня во снѣ? Или ты тотъ гений освобожденія, который улыбается при моемъ пробужденіи?

Нѣтъ, нѣтъ! Этотъ гибельный свѣтъ прикрываетъ кажется саванъ; это гробовая звѣзда, сіяющая надъ могилію. Молитесь всѣ, когда, исторгшись изъ бездны, она повсюду распространяетъ ужасъ. О! молитесь тогда за тѣхъ, которые страдаютъ, молитесь въ особенности за меня!»

XIV.

УЖАСНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Гаварни! тебѣ обязана эта порода дѣтей своею славою. Но ты выставилъ всѣ типы ихъ въ Парижѣ, а они есть вездѣ: и въ Мексикѣ, и Перу, въ Чили, Боливія, Таити, у Малайцевъ, у Готтентотовъ.

Вотъ одинъ изъ этихъ дѣтей надѣлалъ мнѣ недавно самыхъ ужасныхъ непрятностей. Увы! мнѣ рассказывали, что и я въ своемъ дѣтствѣ былъ такимъ же ребенкомъ. Вѣрно теперь наказываютъ меня за это.

Однажды я гулялъ около консульскаго дома. Слуги, не занимаясь моимъ присутствіемъ (что значить слѣпой!), толковали между собою о какомъ-то французѣ, котораго поступки старались представить съ довольно неблаговидной стороны. Дѣло шло о какихъ-то платьяхъ, которыя одинъ добрякъ при отъѣздѣ въ Европу велѣлъ раздать служителямъ, но которыя удержаны были изъ корыстныхъ видовъ исполнителемъ воли уѣхавшаго. Все составляло цѣнность въ нѣсколько пиастровъ; но я слышалъ, какъ говорили о просьбѣ въ судъ, о процесѣ, о потери честнаго имени.

Мнѣ пришло въ голову снасти этого человѣка. Онъ былъ мой соотечественникъ, французъ. Если онъ и хотѣлъ поживиться, то я увѣренъ былъ, что мои убѣжденія и голосъ чести возвратятъ его къ долгу и спасутъ отъ судебного приговора.

Я отправился къ нему, и хотя былъ вовсе съ нимъ не знакомъ, но самолюбіе увѣряло меня, что онъ долженъ знать *меня*. Когда я пришелъ, его не было дома, но мнѣ сказали, что сейчасъ выйдетъ его жена. Все равно, думалъ я, передамъ ей это дѣло. Женщины деликатнѣе умѣютъ обдѣлывать подобныя вещи. Впрочемъ могло случиться, что *она* же была и зачинщицею присвоенія... Еслибъ я не былъ слѣпъ, то конечно съ перваго взгляда по лицу узналъ бы съ какимъ существомъ имѣю дѣло, а теперь... Да, и теперь я мысленно увѣрялъ себя, что по голосу узнаю характеръ и склонности г-жи Мальаръ.

Она явилась, заговорила... Что это? я ожидалъ рѣзкаго или хриплаго голоса, означающаго лихоимство и любостыжаніе, а услышалъ вдругъ самый сладкій, кроткій и гармоническій. Съ первыхъ звуковъ я убѣдился, что эта молодая и прекрасная женщина, добрая, кроткая и любезная. Такой голосъ не могъ скрывать дурнаго сердца и черной души.

И она, и мужъ ея дѣйствительно меня знали по имени, и сладкій голосъ жены тотчасъ же наговорилъ мнѣ множество самыхъ лестныхъ

вещей о моихъ прежнихъ путешествіяхъ, о моей слѣпотѣ и о нынѣшнемъ моемъ предпріятіи.

Я, разумѣется, говорилъ, послѣ этого съ нею обо всемъ, кромѣ того зачѣмъ пришелъ. Я чувствовалъ, что такой женѣ нельзя говорить о дурныхъ поступкахъ мужа.

Не будь я слѣпъ, я бы конечно еще болѣе увлекся красотою этой женщины, но слѣпые недовѣрчивы; они всегда дѣйствуютъ ошупью, и я рѣшился испытать свою красавицу на счетъ болтливости и злословія. Я зналъ, что не многія въ свѣтѣ женщины устоятъ противъ искушенія, чтобъ сказать острое и даже злое слово противъ сосѣдки, знакомой и даже родственницы.

Г-жа Мальаръ была учительницею въ Парижѣ, и разумѣется, расхваливала свой пансіонъ, свои строгія правила, успѣхи своихъ питомицъ. Всему этому я искренно вѣрилъ. Но отчего же сама эта наставница знаетъ теперь всѣ домашніе секреты чилийскихъ женщинъ? Отчего она такъ строга ко всѣмъ? Она говоритъ, какъ умнѣйшая книга, но доброе ли у нея сердце? Послушайте ея слова.

— Г-жа Л. самая остроумная въ свѣтѣ женщина, но къ несчастію она это слишкомъ знаетъ.

— Г-жа Пастора, прелестная, но всѣ позы ея изысканны.

— Г-жа С. соединяетъ съ самымъ прелестнымъ и выразительнымъ лицомъ слишкомъ дородное тѣло.

— Г-жа Ш. точно бѣленькая кошечка и по походкѣ, и по кокетству, по зубамъ и по когтямъ.

— Г-жа Бер... одѣвается съ большимъ вкусомъ, но мужъ ея пошлый дуракъ.

— Г-жа Би... добра, мила, умна, но она такъ любитъ поговорить, что не дастъ ни слова сказать никому.

— Г-жа Майль... поетъ какъ Даморо, или Персіани, или развѣ немножко хуже ихъ.

Во всемъ, что ни говорила мнѣ г-жа Мальаръ, вездѣ встрѣчалось роковое *но*, которое доказывая умъ ея, заставляло сомнѣваться въ добротѣ.

Не знаю, по слѣпотѣ ли своей, или по врожденному чувству, я первую добродѣтельную женщины почитаю доброту. У лучшей въ свѣтѣ женщины безъ доброты недостаетъ чего-то. И чѣмъ больше я слушала г-жу Мальаръ, тѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ.

Можетъ быть, она по молчанію моему, или по фізіономіи догадалась, что милая болтовня ея произвела надо мною не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе, и какъ умная женщина, тотчасъ же перемѣнила раз-

говоръ, начавши расхваливать мои *Воспоминанія слѣпаго*. Какому автору не понравится этотъ сюжетъ? Я тотчасъ же опять растаялъ, и сказалъ ей, что будучи плохимъ прозаикомъ, я имѣю еще претензію быть поэтомъ, и принесу ей мои стихи.

— О чемъ? спросила она.

— Объ васъ. Можетъ ли быть лучшее вдохновеніе для поэта, какъ красота и любезность?

Я забылъ вамъ сказать, что при нашемъ разговорѣ была въ комнатѣ десяти-лѣтняя дочь мужа ея отъ перваго его брака. Разумѣется ни я, ни г-жа Мальаръ не обращали вниманія на этого *ребенка*, который однако же внимательно вслушивался во все. При моемъ общаніи написать стихи дѣвочка вскричала:

— Ахъ, мама! какъ бы я хотѣла прочесть эти стихи. Я страхъ какъ люблю стихи.

— Хорошо, моя милая, равнодушно отвѣчала мачиха.

Я ушелъ, и цѣлый вечеръ просидѣлъ надъ посланіемъ. Поутру я опять явился, и *ребенокъ* встрѣтилъ меня въ залѣ; она усала няньку за маменькой, усадила меня на диванъ, вскочила ко мнѣ на колѣна и спросила:

— А что же стихи? готовы!

— Готовы.

— Гдѣ же? покажите.

— Вотъ они. И я ихъ вынулъ.

— Такъ дайте же мнѣ, сказала эта *ужасная* дѣвушка, вырывая ихъ у меня. Я ихъ отдамъ *папа*.

— Да вѣдь, душенька, стихи писаны для мама.

— Все равно, вскричала она и убѣжала.

Я вспомнилъ Гаварни и его *ужасныхъ дѣтей*. А какъ я не знакомъ былъ съ г. Мальаромъ, которому могло показаться страннымъ, что къ женѣ его пишутъ стихи, то я и счелъ за лучшее уйти домой.

Едва я воротился, какъ дѣйствительно г. Мальаръ явился къ консулу и жаловался ему на мою *дерзость*.

Консулъ прочелъ стихи и не понималъ чѣмъ же обижается г. пирожникъ (это было ремесло его).

— Я бы очень желалъ, чтобъ моя жена удостоилась такихъ стиховъ, сказалъ консулъ, и отъ такого человѣка, какъ г. Араго.

— Какъ! вскричалъ Мальаръ, вы бы позволили постороннему человѣку сказать вашей супругѣ *ты!*

— Въ стихахъ это всегда говорится, любезный другъ.

Большаго труда стоило убѣдить его, что говоря *ты*, я вовсе не хотѣлъ оскорбить ни его, ни жену его.

А все этотъ ужасный ребенокъ!

XV.

СОБСТВЕННЫЯ ИМЕНА.

Когда, пріѣхавши въ какую нибудь столицу, вы видите, что значительнѣйшія лица общества дружески протягиваютъ вамъ руку, когда поэты, ораторы, министры, президентъ окружаютъ васъ выраженіями уваженія и любви, и все за то, что имя ваше достигло до нихъ, не помраченное никакимъ пятномъ, то вы обязаны посвятить этой странѣ и отличнѣйшимъ ея согражданамъ благодарственную страницу въ вашихъ книгахъ и мѣсто въ вашихъ пріятнѣйшихъ воспоминаніяхъ.

Нѣкоторые изъ моихъ сотоварищей рѣшились изъ Вальпарайзо сдѣлать поѣздку до Сентъ-Яго, столицу Чили. Я поѣхалъ съ ними.

Мы ѣхали туда по дорогѣ, изобилующе йсамыми живописными мѣстоположеніями. Едва мы пріѣхали, какъ во всѣхъ газетахъ возвѣщено было о пріѣздѣ нашемъ. Извѣстно, какъ здѣшнія газеты жарки какъ въ нападкахъ, такъ и въ похвалахъ. Онѣ забыли на время всѣ предметы своей всегдашней полемики и занялись нами съ безпримѣрнымъ великодушіемъ.

Во-первыхъ мы познакомились съ Хозе Викторіно Ластарія, краснорѣчивымъ адвокатомъ, глубокимъ юристомъ и поэтомъ по теплотѣ сердца. Онъ издалъ много сочиненій, запечатлѣнныхъ истинною, христіанскою философіею. Онъ глубоко изучилъ всѣ матеріальныя и нравственныя богатства и недостатки Чили. Мы ему чрезвычайно были благодарны за доставленныя имъ намъ свѣдѣнія.

Марсіаль Гонзалесъ, одинъ изъ государственныхъ людей Чили, оказалъ намъ тоже безчисленные знаки дружбы и откровенности, Величайшую похвалу, которую можно сказать о немъ, то, что сердце его всегда руководствуетъ дѣйствіями головы.

Г. Віель родомъ французъ, бывшій полковникъ нашей службы, теперь посвятилъ свою шпагу и способности новому отечеству.

Палазуэлло самый пламенный ораторъ. Главное его качество состоитъ въ томъ, что онъ самый усердный, искренній христіанинъ.

— Наша страна, говорилъ онъ мнѣ, слишкомъ нова для политической жизни. Она сперва должна утвердиться прочнымъ образомъ въ религіозныхъ началахъ. Высшая школа образованности для всякой націи

религія. Пусть всё сдѣлаются хорошими христіанами, и тогда Чили будетъ процвѣтать.

Сармиенто, извѣстный Аргентинецъ, неумолимый и неутомимый боецъ шпагою и перомъ. Розасъ изгналъ его. Очень естественно! Двѣ противуборствующие стихіи не могли жить вмѣстѣ. Сармиенто олицетворенная откровенность, а Розасъ,—кто не знаетъ его!

Противники Сармиенто упрекаютъ его въ недостаточной образованности.

Г-жа Казоттъ. Оттого ли она добра, что такъ прекрасна, или доброта сдѣлала ее прекрасною? Во-первыхъ всё чилийки гордятся роскошными своими волосами, но самая самолюбивая безмолвно уступаетъ г-жѣ Казоттъ. Всѣ чилийки хвастаются бѣлизною и малымъ размѣромъ рукъ, но г-жа Казоттъ побѣдила всѣхъ и въ этомъ отношеніи. Г-жа Казоттъ самая милая хозяйка, и кто къ ней придетъ, тотъ съ самозабвеніемъ проведетъ цѣлый вечеръ въ наилучшей бесѣдѣ, и однакоже вся эта свѣтская, умная болтовня не мѣшаетъ ей быть наилучшею и нѣжнѣйшею матерью посреди толпы прелестнѣйшихъ малютокъ, порхающихъ около нея.

Хуана Торо де-Викунa была нашимъ вторымъ знакомствомъ. Во множествѣ прекрасныхъ ея качествъ наиболѣе понравилась мнѣ удивительная скромность, или великодушіе при разговорахъ о другихъ женщинахъ. Въ предъидущей главѣ разсказывалъ я вамъ объ остроуміи г-жи Мальаръ, которая въ каждой женщинѣ находила неизбѣжное *но*. У Хуаны Видуны спросите что нибудь о такой женщинѣ, которая даже извѣстна своимъ легкомысліемъ, она непременно будетъ защищать ее.

Г-жа Манунга де ла-Моттъ даетъ блистательные праздники и служить лучшимъ для нихъ украшеніемъ. Она европейка съ головы до ногъ, и если Вальпарайзо не пойдетъ впередъ по пути образованности и успѣховъ, то не ея будетъ вина. Она дѣлаетъ все возможное къ этому. Вражда и зависть говорятъ, что г-жа Ла-Моттъ любитъ покорять и владычествовать. Смѣшное обвиненіе! Да развѣ она не женщина!

Мерседесъ Марина Соларъ, прозвана здѣсь чилийскою музою. У поэзіи огненные крылья. Оссіанъ пѣлъ посреди снѣговъ Шотландіи; Байронъ въ туманахъ Темзы и на берегахъ Трояды. Гюго, Ламартинъ во Франціи; Камозанъ на берегахъ Лузитаніи и подъ угрозами Адама-стара. Въ природѣ вездѣ поэзія. Птица поетъ гимны восходящему солнцу; люди поютъ на все и всѣхъ. Самое молчаніе имѣетъ свою гармонию. Весь міръ не составляетъ ли оркестра, въ которомъ каждый исполняетъ свою партію, кто съ любовію и восторгомъ, кто съ отчая-

ніемъ и слезами. Рыканіе льва тоже пѣснь пустыни. Ревъ бури на океанѣ—тоже высокая поэзія ужасовъ и могущества природы.

Г-жа Соларъ — тоже поетъ свое отечество, сладости дружбы и радость материнской любви. Въ послѣднемъ она совершенно права. У нея прелестнѣйшая двѣнадцатилѣтняя дочь, которая въ свою очередь пишетъ уже самые милые стихи. Боюсь только, чтобъ ее не захвалили заранѣе. Сколько талантовъ погибло отъ этого! Геній и бѣдность составляютъ какъ бы неразлучныхъ близнецовъ. Бываютъ исключенія, но это одни исключенія.

Я вамъ еще кажется не сказалъ о знакомствѣ съ адмираломъ Бланко. Долой шляпы всѣ передъ образцемъ честности и благонамѣренности.

Какъ забыть еще Гомеса, Валанса и Бутьера, которые прославились перомъ своимъ, служба не страстямъ—а правдѣ, не партіямъ—а человѣчеству, не за деньги—а за честь!

XVI.

ДИКАРИ И ОБРАЗОВАННЫЕ.

Нравы надобно всегда описывать по сравненію, тогда меньше произойдетъ ошибокъ.

Въ Европѣ, а особенно въ Парижѣ, называютъ *дикаремъ* всякаго кто одѣвается не по модѣ, у кого нѣтъ роскошнаго стола; кто не понимаетъ Бюльиё, Обера, Галеви, Доницетти, Гюго, Шатобриана. Но кромѣ *дикарей* есть и просто *дикіе*. Это долженъ быть, по общему мнѣнію, человѣкъ чернокожій, мѣдноцвѣтный, краснокожій, живущій въ лѣсахъ, въ мазанкахъ, въ пещерахъ, и ѣсть сырую рыбу и полусырое мясо.

По мнѣнію моднаго свѣта, въ нашемъ огромномъ Парижѣ, въ нашихъ великолѣпныхъ степяхъ, въ нашихъ публичныхъ садахъ, на нашихъ роскошныхъ гуляньяхъ нѣтъ и не можетъ быть *дикихъ*, а только на архипелагахъ океаніи, или у скалистыхъ горъ, у подошвы Мовны-Кахъ, которой кипящая лава когда нибудь поглотитъ Оваиги.

Сказать ли вамъ, что вы жестоко ошибаетесь. Чтобъ узнать людей, надобно прожить съ ними и увидѣть ихъ посреди ихъ радостей, печалей, страстей. Послушайте что я вамъ расскажу.

Дѣйствіе происходитъ сперва на Архипелагѣ Мореплавателей, а потомъ въ Чили. Дѣйствующихъ лицъ немного. Во-первыхъ: Морюкъ, капитанъ корабля; во-вторыхъ двѣ молодыя *дикія* дѣвушки, одна восемнадцати, другая двадцати пяти лѣтъ, и Бланшаръ, живописецъ въ Вальпарайзо.

Г. Морюкъ, пристававшій къ одному изъ острововъ Архипелага

Мореплавателей, чтобъ налиться свѣжею водою, строго запретилъ экипажу принимать на корабль жителей, а особливо жительницъ. Къ вечеру въ тотъ же день онъ налился, и какъ вѣтеръ былъ попутный, то онъ тотчасъ же поднялъ паруса и пошелъ въ море.

Чтожь случилось? На другое утро капитанъ увидѣлъ, что на кораблѣ прогуливаются двѣ молодыя островитянки, которыхъ въ сумерки матросы успѣли поднять съ моря. Г. Морюкъ хотѣлъ тотчасъ же вернуться, но во-первыхъ эта потеря времени много значила для всего плаванія, а во-вторыхъ бѣглянки такъ жалобно умоляли его оставить ихъ. Онъ хотѣлъ только изъ любопытства видѣть свѣтъ. Старшая оставила даже девятилѣтнюю дочь свою на островѣ, чтобъ послѣдовать за мореплавателями. Дѣлать было нечего. Капитанъ продолжалъ путь и бросилъ якорь въ Вальпарайзо.

Прибытіе этихъ островитянокъ взволновало весь городъ. Толпы народа вездѣ преслѣдовали ихъ. Всякій хотѣлъ говорить съ ними. Съ трудомъ избавила ихъ полиція отъ этого преслѣдованія.

Два разнощика съ рыбою были въ числѣ зрителей, и дикарки обрадовались, увидя живую рыбу, бросились на нее, и тутъ же съѣли.

Домъ, гдѣ остановился г. Морюкъ, былъ цѣлый день осажденъ любопытною толпою. Дали пріѣзжимъ дикаркамъ серенаду, и онѣ должны были показаться у окна, чтобъ поблагодарить народъ за привѣтствіе.

На другой день любопытство города было уже гораздо слабѣе, потому что капитанъ успѣлъ одѣть ихъ въ городскія платья, но онѣ въ нихъ бѣгали по улицамъ, ложились по лужамъ, входили безъ разбора во всѣ дома и восхищались всѣмъ, что представлялось ихъ глазамъ.

Нашъ живописецъ Бланшаръ срисовалъ ихъ и сохранилъ у себя эту картину.

Вскорѣ онѣ уѣхали, и увѣ! обѣ умерли дорогою.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того пріѣхала еще съ тѣхъ же острововъ мореплавателей одна дѣвушка, дикарка. Она вездѣ отыскивала свою мать, пропавшую безъ вѣсти, это была дочь старшей изъ недавнихъ посѣтительницъ Вальпарайзо. Г. Бланшаръ, узнавши о пріѣздѣ дочери, пригласилъ ее къ себѣ и ввелъ въ залу, гдѣ нарочно поставилъ портреты, снятые имъ съ двухъ островитянокъ.

Едва молодая дѣвушка взглянула на картину, какъ поблѣднѣла, задрожала, закрыла лицо руками и зарыдала.

Это была дикая!

Всѣ присутствующіе были тронуты этою сценою и осыпали дѣвучку нѣжнѣйшими ласками, но бѣдняжка продолжала до тѣхъ поръ пла-

каты, пока г. Бланшаръ подарилъ ей портретъ ея матери. И это была дикая дѣвушка!

Теперь расскажем черту образованной матери.

Розита была горничною у г-жи Долоресъ Б. и вышла замужъ за одного изъ ея служителей. Вскорѣ отъ этого брака родилась дочь, и Розита, спавшая въ ближайшей комнатѣ подлѣ спальни своей госпожи, для прислугъ ея, должна была класть съ собою новорожденную свою дочь, чтобъ ходить за нею и кормить ее. Ребенокъ былъ неспокоенъ и часто плакалъ по ночамъ. Это надоѣло госпожѣ, и она объявила ей, что не можетъ оставить ее у себя въ службѣ, хотя и весьма довольна ею.

— Если ты, моя милая, сказала хозяйка, найдешь какое нибудь средство отдать своего ребенка въ другія руки, то я съ удовольствіемъ опять тебя возьму.

Все это случилось въ тотъ самый день, когда произошло ужасное землетрясеніе 13 ноября.

Розита спала послѣднюю ночь съ своимъ ребенкомъ подлѣ спальни своей госпожи. При первыхъ подземныхъ ударахъ всѣ съ ужасомъ выбѣжали въ садъ.

Страхъ Розиты былъ такъ силенъ, что она выбѣжала одна, а маленькую свою дочь забыла въ колыбели.

Черезъ нѣсколько минутъ, спашіеся въ саду, увидѣли что домъ обрушился.

Когда по утру прекратилось землетрясеніе и всѣ возвратились къ развалинамъ, то нашли, что несчастный младенецъ, оставленный своею матерью, былъ раздавленъ.

Сравните теперь дочь дикарку, рыдающую при портретѣ матери, и мать, Розиту, забывшую своего ребенка въ минуту опасности и утѣшающуюся въ смерти своей дочери тѣмъ, что останется на хорошемъ мѣстѣ!..

МАДРИТСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Первое впечатлѣніе, производимое Мадритомъ.—Народное самолюбіе Испанцевъ.—Сужденія иностранцевъ.—Видъ города.—Улицы.—Puerta del Sol.—Перестройки по образцу парижскихъ.—Гулянье.—Водоносы.—Спекуляторы горныхъ разработокъ, охотники до новостей и слѣзны.—Эстанкосы.—Неподвижность, дымъ и вода.—Продажа билетовъ въ циркъ.—Айкальская улица.—Гостинница.—Бой быковъ.—Безжалостность Испанцевъ.—Кучаресъ.—Театры.—Живыя картины.—Общій видъ Испаніи.

Вотъ уже шесть недѣль какъ я въ Испаніи. Отъ Итальянскаго бульвара въ Парижѣ, гдѣ я жилъ въ послѣднее время, до Puerto del Sol въ Мадритѣ очень далеко; но благодаря бордоской желѣзной дорогѣ и быстротѣ мальностовъ изъ Бордо въ Мадритъ, можно уже нынче пріѣхать въ четверо сутокъ со всеми нужными остановками для обѣдовъ (но не для сна!). Это разстояніе между двумя столицами не такъ велико въ матеріальномъ отношеніи, какъ въ нравственномъ. Напрасно Мадритъ, съ своими частными и административными жителями старается подражать Парижу; это подражаніе такъ слабо, такъ неловко и нечувствительно, что путешественникъ, вновь прибывшій въ Мадритъ, не скоро замѣтитъ какое нибудь сходство между обоими столицами.

Мнѣ кажется, что никогда не надобно ѣздить прямо изъ Парижа въ Мадритъ. Это тоже, что съ хорошаго бургонскаго вина или лафита вдругъ перейти на плохой медокъ. Большая часть Англичанъ, посѣщая Испанію, пріѣзжаютъ въ Мадритъ съ юга, проживъ нѣсколько времени въ главныхъ городахъ Андалузій, и такимъ образомъ постепенно приучаются къ столицѣ Испаніи, которую гордый туземецъ считаетъ первымъ городомъ въ свѣтѣ.

Спросите у Испанца о Мадритѣ, онъ вѣрно скажетъ вамъ въ отвѣтъ, что этотъ городъ выше всего и всѣхъ въ мірѣ, и что когда заговаривать о Мадритѣ, то *весь свѣтъ молчитъ* (calle el mundo), чтобъ выразить безусловное удивленіе.

Самолюбіе — общая слабость Испанца. Гуси его лучше лебедей, а земля его, города, люди такъ превосходны, что о другихъ не стоитъ и говорить. Онъ счастливъ этимъ тщеславіемъ.

Зачѣмъ же разочаровывать его? да онъ и не разочаруется. Онъ надѣлъ на себя такіе латы, что никакіе искренніе коментаріи не пробьютъ его самоувѣренности. Онъ однажды навсегда рѣшилъ, что одни Испанцы могутъ понять и оцѣнить Испанію. Онъ убѣжденъ, что все касающееся до него, непостижимо для понятія иноземцевъ. Его характеръ, законы, правительство, обычаи, судилища, увеселенія составляютъ предметы, на которые можно смотрѣть и удивляться, но никакой иностранецъ не можетъ судить о нихъ, ни даже воображать, что онъ ихъ понимаетъ. Даже финансы Испаніи (а кто незнаетъ какъ они запутаны), составляютъ дѣло, понимаемое единственно туземцами. А между тѣмъ финансовая понятливость иностранцевъ развилась данными имъ уроками, и едва ли они захотятъ повторять ихъ. Результатъ очень печаленъ.

Однимъ словомъ Испанцы никогда и ни въ чемъ не согласны съ сужденіями иностранцевъ о своемъ отечествѣ. Они пожимаютъ плечами, улыбаются съ видомъ сожалѣнія, и развѣ изъ учтивости скажутъ, что *для иностранца* вы разсуждаете не совсѣмъ глупо.

Съ другой стороны иностранцы въ полномъ правѣ удивляться, что нравы и обычаи Испаніи точно на той же степени, какъ при Изабеллѣ I. Многіе иностранцы писали объ этомъ замѣчательныя книги, которыя не принесли никакой пользы, потому что испанцы не читаютъ ихъ. Въ свою очередь я хочу набросать нѣсколько замѣтокъ объ Испаніи. Общаю быть самымъ безобиднымъ разскащикомъ, потому что буду описывать только собственныя впечатлѣнія, собранныя въ этой Villa у Corte, называемой Мадритомъ, лежащей посреди песковъ, полу-изжаренной солнцемъ и открытой всѣмъ вѣтрамъ.

О самомъ городѣ, древнемъ, вѣрномъ, героическомъ и благородномъ многого сказать нельзя: онъ вездѣ описанъ. Гораздо занимательнѣе будетъ описаніе жителей и нравовъ ихъ, нежели кучи камней, почернѣвшихъ и состарѣвшихъ.

Въ глазахъ челоуѣка, пріѣхавшаго изъ Лондона, или изъ Парижа, Мадритъ покажется очень печальнымъ. Кромѣ великолѣпнаго дворца,

и нѣсколькихъ другихъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ движенія по улицамъ, ничто не напоминаетъ иностранцу, что онъ въ столицѣ.

Въ Мадридѣ всего три красивыя улицы: *Акала*, идущая отъ центра города до городскихъ воротъ того же имени; *Амога*, тоже длинная и широкая улица, и *Calle Mayor*. Прочія большею частію узки, неровны и состоятъ изъ высокихъ, но жалкой наружности домовъ. Впрочемъ, при здѣшнихъ африканскихъ жарахъ узкость улицъ имѣетъ свою выгоду. Испанская пословица хорошо характеризуетъ Мадридскій климатъ, «три мѣсяца—зима, девять мѣсяцевъ—адъ.»

Что касается до знаменитой *Puerta del Sol*, куда прежде всего бѣгутъ всѣ иностранцы, какъ бывало въ Парижѣ въ Палероаль, мнѣ показалось, что этотъ кварталъ имѣетъ много сходства съ Лондонскимъ *Seven Dials*, гдѣ живутъ Ирландцы и ветошники. Нѣкоторыя изъ зданій, конечно, лучше лондонскихъ. Около этихъ городскихъ воротъ, *puerta*, замѣтимъ мимоходомъ, что *ворота* давно уже вѣтъ тутъ), стоитъ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ (*ministerio de la Gobernacion*) большое и массивное, но не красивое зданіе.

Къ этимъ мнимымъ воротамъ выходятъ девять лучшихъ мадритскихъ улицъ. На западной оконечности этой площади составляетъ улица *Calle Mayor*.

Форма этой площади продолговата и неправильна; передъ разрушаемою нынѣ церковью выходитъ кусокъ асфальтовой мостовой. Здѣсь прежде собирались гулять всѣ праздные жители Мадрита. Остальная часть площади вымощена и открыта для ѣзды. Но эта ѣзда не мѣшаетъ спекуляторамъ, кушцамъ, разнощикамъ и чистильщикамъ платья и сапоговъ прогуливаться тутъ пѣлый день. Притомъ это общій проходной пунктъ, и кто не гуляетъ, тотъ переходитъ здѣсь изъ девяти улицъ, которыя тутъ сходятся.

Положеніе и маршрутъ гуляющихъ и проходящихъ перемѣняется въ продолженіе года нѣсколько разъ, смотря по теченію солнца. Весною, когда лучи начинаютъ сильно нагрѣвать (а это случается въ мартъ или даже въ февралѣ по испанской пословицѣ: «*in el mes de febraro, busca la sombra el perro* (въ февралѣ мѣсяцъ собаки ищутъ тѣни), всѣ посетители *Puerta* обязаны каждый часъ перемѣнять мѣсто, чтобъ укрыться отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Въ полдень, когда солнце захватываетъ всю площадь, они скопляются по уголкамъ, какъ стадо барановъ, и линія тѣни составляетъ границы, за которыя никто не переходитъ. Это самое выгодное время для разнощиковъ холодной воды, монотонно выкрикивающихъ: *Aguadero, quien quiere agua?* Вода эта разносится въ глиняныхъ сосудахъ скважистаго свойства, отчего и сохра-

няютъ отъ испаренія холодную температуру. Продажа этого товара весьма выгодна. За стаканъ воды платится два сантима (полковѣйки сер.), а у испанцевъ всегда ужасная жажда, потому что желудки ихъ чрезвычайно разогрѣты чеснокомъ, перцемъ и другими подобными веществами.

Собраніе посѣтителей самое разнообразное. Болѣе всего собираются спекуляторы горныхъ разработокъ. Эта часть теперь въ большой модѣ въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что Испанія весьма богата минеральными сокровищами. Но извѣстно съ какою небрежностью производятся всѣ эти работы.

Далѣе собираются тутъ же любители всякаго рода новостей, котрыхъ они и разносятъ по городу. Другіе ходятъ на площадь, почитая обязанностью своего существованія пробыть на ногахъ нѣсколько часовъ въ день, съ важностью завернувшись въ плащъ и курия сигарету. А какъ Puerta del Sol очень удобное мѣсто для этого занятія, то они и привыкли отправляться туда каждый день.

У входа въ улицы, выходящія на площадь, увидите вы также ежедневно толпы лицъ довольно двусмысленной наружности, стоящія тутъ, завернувшись въ грязные плащи, въ низкихъ бархатныхъ шляпахъ, котрыхъ широкія поля подняты до вершины тульи. Подобную шляпу носить во всѣхъ провинціяхъ Испаніи, и ее можно назвать національною, если общій и древній обычай низшаго сословія можетъ дать право на это названіе. Это видимое подражаніе мавританской чалмѣ, сколько позволяетъ негибкость нынѣшнихъ шляпъ. Зачѣмъ стоятъ тутъ ежедневно эти люди, неизвѣстно, только при видѣ ихъ вы чувствуете, что гораздо безопаснѣе встрѣчать ихъ здѣсь и днемъ, нежели гдѣ нибудь на большой дорогѣ, или въ горахъ.

Въ толпѣ посѣтителей увидите вы множество слѣпыхъ, продающихъ печатные листки о всѣхъ новостяхъ и искусно пробирающихся сквозь тѣсноту. Приѣзжему странно покажется, что въ Мадридѣ такъ много слѣпыхъ. Собираются ли они сюда изъ другихъ мѣстъ для составленія особой общины, или всѣ эти несчастные родились здѣсь и лишились зрѣнія отъ яркаго отраженія лучей, отъ пыли, отъ недостатка тѣни и отъ разрѣшеннаго мадритекаго воздуха, порождающаго столько глазныхъ болѣзней, этого не открыла еще здѣшняя статистика.

Мадритскія лавки не обширны и некрасивы, хоть въ последнее время и старались завести магазины, похожіе на парижскіе. Кромѣ нѣкоторыхъ лавокъ у входа въ Carrera de San Jerónimo, одной изъ красивѣйшихъ улицъ, еще недавно бывшей загородною дорогою, всѣ прочія лавки бѣдны и жалки.

Если мы повернемся спиною къ разрушаемой церкви *Vieja Sucero*, закрываясь по возможности отъ пыли, поднимающейся отъ развалинъ, то замѣтимъ двѣ ничтожныя лавки безъ вывѣсокъ, въ которыя посетители входятъ густыми толпами. Это *Estancos*, или привилегированныя конторы для продажи сигаръ. Здѣсь табакъ составляетъ также какъ во Франціи, монополію правительства, и надобно отдать полную справедливость, табакъ здѣсь прескверный, гораздо хуже, нежели даже во Франціи, гдѣ вы можете еще курить сигары, тогда какъ здѣсь онѣ состоятъ изъ какой-то смѣси непостижимыхъ веществъ, мокрыхъ, какъ недавно вымытое бѣлье, и которыхъ зажечь не иначе можно, какъ развѣ раздувательнымъ мѣхомъ.

За то въ Испаніи процвѣтаетъ контрабанда, и вы всегда можете получить дешево лучшія сигары. Однакоже лѣнь тоже вторая натура испанца, и онъ покупаетъ ближайшія сигары въ *Эстанкосъ*, чтобъ не искать другихъ. Ему нужна неподвижность, дымъ и вода.

Пора однако оставить *Puerta del Sol*.—Прежде нежели разстаться съ нею, взглянемъ на лавку, куда тоже повидимому много стекается народу. Тамъ за стойкою стоятъ два человѣка и раздають какіе-то грязные билеты. На тротуарѣ у входа тѣснится толпа праздныхъ людей и нищихъ. Эти нищіе не просятъ милостыни *у входящихъ*, но только *у выходящихъ*, разсчитывая, что покупка полученнаго билета располагаетъ сердце къ жалости и добру. На стѣнѣ, у самой продажи билетовъ виситъ картина (живопись самыхъ первобытныхъ временъ искусства,) изображающая бѣшеннаго быка, поражающаго лошадь, съ которой всадникъ летитъ на землю. Теперь вы понимаете зачѣмъ толпа стремится въ эту лавку. Здѣсь продають билеты на завтрашній бой быковъ.

Въ Мадридѣ Страстная недѣля наблюдается весьма строго. По улицамъ нѣтъ ни каретъ, ни лошадей, а часовые и всѣ отряды солдатъ, идущіе съ ружьями, держать ихъ подъ рукою (*на погребеніе*). Но въ субботу вечеромъ кончается постъ, и въ Свѣтлое воскресенье народъ требуетъ уже непременно любимаго своего спектакля *боя быковъ*.

По примѣру прочихъ туристовъ могъ бы и я составить вамъ описаніе *corrida di toros* со всѣми подробностями, съ разсказомъ о смерти нѣсколькихъ лошадей, о ловкости пикадоровъ и матадоровъ и о кончинѣ несчастныхъ быковъ. Но повѣрьте, что игра не стоитъ свѣчей, а описаніе не стоитъ чернилъ и бумаги, употребляемыхъ на это. Я постараюсь только представить общій очеркъ этого зрѣлища, которое для пріѣзжаго можетъ быть любопытно, но ужъ конечно нисколько не пріятно.

Отъ Puerta del Sol до цирка дорога идетъ по прямой линіи и найти ее легко: стоитъ только слѣдовать прямо по Алькальской улицѣ. Нельзя мимоходомъ не сказать двухъ словъ объ этой улицѣ, принадлежащей къ замѣчательнымъ въ Мадридѣ. Сначала отъ Puerta del Sol она узка и поднимается вверхъ на одинъ изъ холмовъ, на которыхъ построенъ Мадридъ. Тутъ всегда большое движеніе дилижансовъ, муловъ и телѣгъ, потому что въ Calle de Alcalá находятся многія конторы публичныхъ каретъ. Въ этой же улицѣ единственный отель для прїѣзжающихъ въ Мадридъ, и то открытый недавно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго не было въ Мадридѣ, кромѣ грязныхъ постоялыхъ дворовъ для низшаго сословія, для погонщиковъ муловъ, для телѣгъ. Испанцы вообще не предприимчивы и неимѣютъ никакого понятія о комфортѣ, какъ въ другихъ странахъ Европы. Слѣдовательно новый отель (Fonda peninsular) долженъ былъ основать иностранецъ. Теперь это заведеніе здѣсь въ славѣ, хотя въ Англии, во Франціи, въ Швейцаріи и Бельгіи найдете вы во второкласныхъ городахъ гораздо лучшія отели. Въ прежнее время, прїѣзжій долженъ былъ искать помѣщенія въ частныхъ домахъ и ходить изъ дома въ домъ. Теперь онъ прямо ѣдетъ въ fonda peninsular, и находить все нужное.

Впрочемъ, видъ этого отеля весьма характеристическій. Вы входите подъ широкій сводъ, гдѣ часто проѣздъ загроможденъ дилижансами или поѣздомъ муловъ, и оставя въ сторонѣ каретный и конюшенный дворъ, входите по широкой лѣстницѣ старинной постройки. Нѣкогда этотъ домъ принадлежалъ вельможѣ, и по древнему обычаю въ срединѣ всего зданія былъ patio, большой дворъ, гдѣ теперь конюшни. Окны и балконы дома выходятъ на этотъ дворъ для удовольствія живущихъ, которые могутъ забавляться криками и бранью коюховъ, ямщиковъ и погонщиковъ муловъ; въ жаркое же и дождливое время года пользоваться испареніями отъ конюшенъ, содержимыхъ въ большой нечистотѣ.

Стѣны этихъ внутреннихъ фасадовъ выкрашены красною, синею и желтою краскою съ мозаикою изъ черепицы, солнечными часами, и въ каждомъ этажѣ балконъ во весь четвероугольникъ зданія. Вы помѣщаетесь въ комнату вышиною въ пяднадцать футовъ, полъ которой покрытъ тростниковою рогожею, замѣняющею въ Мадридѣ ковры. Комната уставлена плохую мебелью двусмысленной чистоты. Вы можете обѣдать въ своей комнатѣ, если не хотите идти за общій столъ, который уставленъ въ огромной залѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуютъ сквозные вѣтры.

Можетъ быть, нѣкогда проиеходили въ этой залѣ великолѣпныя пиршества. Теперь здѣсь собираются люди всякаго званія: купцы, прика-

щики, курьеры, туристы, актеры и музыканты, антикварии и нѣсколько туземцевъ изъ служащихъ.

Выйдя изъ отеля, вы продолжаете подниматься вверхъ по улицѣ, которая начинаетъ расширяться и представляетъ въ самомъ высокомъ мѣстѣ весьма замѣчательную картину. Здѣсь Calle de Alcalá обсажена двойнымъ рядомъ деревьевъ (акацій) и отсюда улица тихо спускаясь, проходитъ черезъ Прадо, или лугъ. Это гулянье безъ травы и зелени съ одною пылью, гдѣ каждый вечеръ собирается лучшее мадритское общество въ каретахъ, верхомъ, пѣшкомъ, чтобъ разговаривать, любезничать, критиковать народъ. Потомъ улица идетъ вдоль садовъ Retiro, которые теперь въ полномъ цвѣту, а черезъ нѣсколько недѣль будутъ покрыты пылью, сожжены жгучимъ солнцемъ. У воротъ Алькальскихъ улица кончается. Отсюда до цирка нѣсколько шаговъ.

Кто посвященъ въ таинство этого зрѣлища, тотъ, какъ говорятъ, находитъ всякій разъ новые предметы къ наблюдениямъ въ каждомъ актѣ этой варварской драмы. Онъ замѣчаетъ разнообразіе выступленія на сцену каждаго животного и способъ нападенія этихъ несчастныхъ быковъ, обреченныхъ на смерть при всемъ народѣ. Каждое движеніе людей и животныхъ служитъ для него новымъ урокомъ. Для простаго зрителя, и въ особенности для иностранца, это весьма монотонное зрѣлище, замѣчательное только по отвратительной жестокости.

Конечно, Испанцы вамъ скажутъ, что искусство упало, что со времени смерти знаменитаго Монтеса и славнаго племянника его Чикланеро, не было уже *toreros* первокласснаго дарованія; что въ это время года быки еще не приобрѣли надлежащей силы; что пѣжная и влажная трава дѣлаетъ ихъ вялыми и лѣнвыми; что имъ нужна трава высохшая подъ жгучимъ солнцемъ кастильскаго неба. По этому первый бой, бывшій нынѣшнею весною, объявленъ былъ весьма неудачнымъ.

Приближеніе этого дня всегда замѣтно по появленію на улицахъ множества пикадоровъ, одѣтыхъ въ куртки съ гладко обстриженными волосами, кромѣ косы, висящей на затылкѣ и составляющей главную принадлежность пикадора. По мѣрѣ приближенія часа зрѣлища (въ воскресенье въ четыре часа по полудни) длинная Алкальская улица наполняется каретами, дилижансами въ три, шесть и девять лошадей, наемными экипажами, а въ особенности испанскими кабриолетами, чаще употребляемыми въ этомъ случаѣ (на дверцахъ этихъ кабриолетовъ нарисованы пейзажи, цвѣточные гирлянды и разныя украшенія).

По обѣимъ сторонамъ этого ряда экипажей тянутся толпы пѣшеходовъ, весьма довольныхъ, что весенній дождь смочилъ улицы, безъ чего надобно было бы задыхаться въ это время. Эта картина собирающихся

посѣтителей на «plaza de toras» гораздо занимательнѣе для иностранца, нежели кровавое представленіе, къ которому, все спѣшать. На всехъ лицахъ видите вы какое-то лихорадочное состояніе отъ ожиданія любимаго удовольствія. Правительство само распоряжается боемъ быковъ, какъ важнымъ дѣломъ, и надобно отдать справедливость, что все распоряженія прекрасны, мѣры, принятыя внутри цирка для удобства и безопасности зрителей, — отличны. Нижнія скамьи для простаго народа все каменные (на эти скамьи садятся иногда и восторженные любители изъ высшаго круга, чтобъ вполне сочувствовать зрѣлищу). Отдѣланныя мѣста позади каменныхъ скамей все нумерованы и заранее продаются. По прибытіи въ циркъ, мальчишки за реалъ или за два берутся проводить васъ на ваше мѣсто по билету, которое безъ этой помощи вамъ бы трудно было сыскать. Вообще нѣтъ ни толкотни, ни безпорядка. Бой быковъ можетъ быть единственное учрежденіе въ Испаніи, въ которомъ господствуетъ совершенный порядокъ во всехъ подробностяхъ и гдѣ двѣнадцать тысячъ зрителей, (которые, надобно отдать имъ полную справедливость, все въ лучшемъ расположеніи духа) могутъ удобно и спокойно видѣть спектакль.

Надъ нумерованными мѣстами, ярусомъ выше, то есть въ верхней части амфитеатра, находятся ложи, каждая въ десять мѣсть, которыя берутся отдѣльными семействами и обществами. Въ ложахъ всегда много дамъ. Впрочемъ и въ нумерованныхъ мѣстахъ увидите вы хорошо одѣтыхъ женщинъ съ двойными трубками, какъ въ театрѣ, молодыхъ дѣвушекъ всякаго возраста, и даже малолѣтнихъ дѣтей съ няньками, небожающимися, чтобъ эти кровавыя зрѣлища произвели на нихъ вредное вліяніе.

До начала спектакля публика прогуливается на сценѣ, усыпанной пескомъ. Взрослые группами останавливаются и разговариваютъ, а дѣти играютъ въ *быка*, какъ у насъ въ лошадки. Одинъ представляетъ звѣря, другіе гоняются за нимъ, махая на него платками, какъ тореросы своими мантиями.

Какъ скоро раздастся звукъ барабана, тотпа отправляется по своимъ мѣстамъ, торопясь къ нимъ, потому что отрядъ конницы въѣзжаетъ въ эту минуту на арену для очищенія ея. За нею является *труппа* сражающихся съ двумя алгвазилами предводимая матадорами. Эта труппа тихимъ шагомъ обходитъ арену въ богатѣйшихъ нарядахъ, блестящихъ золотомъ и серебромъ, и кланяется передъ ложею графа Квинто, мадритскаго корехидора, главнаго директора спектаклей въ циркѣ.

Въѣзжаетъ алгвазиль и вручаетъ одному лицу ключъ отъ сарая,

гдѣ заперты быки. Едва онъ удалился, какъ дверь растворяется, и первая жертва бросается на сцену.

Остальное уже слишкомъ извѣстно, чтобъ описывать.

Въ бою пѣшіе бойцы обнаруживаютъ много ловкости и быстроты. Конные менѣе имѣютъ случай выказать свое дарованіе. Главная обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ падать съ лошадей, подвергаясь опасности быть раздавленными лошадьми. Быкъ рѣдко ихъ ранитъ. Блистательные ихъ товарищи *чулосы* съ красными, желтыми и радужными мантиями всегда подъ рукою, чтобъ отвлечь вниманіе звѣря, какъ скоро онъ однимъ ударомъ опрокинетъ лошадь и всадника. Но если иногда пикадоръ запутается при паденіи въ стремянахъ, то получаетъ значительныя раны. Острія ихъ копій очень коротки, и кажется болѣе назначены для того, чтобъ дразнить животное. Казалось бы, что главная обязанность пикадора состоитъ въ спасеніи лошади. Совсѣмъ нѣтъ. Смерть этихъ несчастныхъ коней необходима для испанскаго спектакля, и достоинство быка цѣнится по числу убитыхъ имъ лошадей.

Сидя на плохой лошади, пикадоръ смѣло выѣзжаетъ на арену и бросается на быка, нанося ему ударъ копьемъ. Иногда испуганное животное обращается въ бѣгство, и тогда горе ему отъ публики. Но малодушныхъ быковъ мало. Всякій порядочный быкъ взбрасываетъ на рогахъ и лошадь, и всадника. Тогда публика аплодируетъ ему съ восторгомъ. Тотчасъ же подбѣгаютъ чулосы, а вставшій пикадоръ обязанъ сѣсть на другую лошадь и повторить нападеніе; павшій же конь увозится на носилкахъ, или уводится, если въ силахъ встать. Это очень печальное зрѣлище. Но еще печальнѣе, если лошадь такъ ранена, что можетъ еще ходить. Тогда пикадоръ *вторично* на нее садится и возобновляетъ нападеніе, покуда лошадь убьютъ.

Когда быкъ, утомленный, истощенный, высунувъ языкъ, съ текущею кровью по шеѣ и по плечамъ отъ ударовъ копьемъ *бандериласами* (вооруженными маленькими копьями съ флюгерами изъ цвѣтной бумаги), когда бѣдное животное отказывается уже отъ боя, и видъ краснаго флага, которымъ дразнить его матадоръ, не возбуждаетъ его уже къ нападенію, когда ему опредѣляютъ смертный ударъ, сердце невольно содрогается при этомъ продолжительномъ варварствѣ. Казалось бы, что послѣ подобнаго самозащита быкъ заслуживалъ въ награду, чтобъ его отправили на богатую пажить. Но испанцы не такого мнѣнія. Сколько бы храбрости онъ ни оказалъ, онъ долженъ погибнуть. Еслибъ онъ не хотѣлъ продолжать боя, ему втыкаютъ въ плечо копыя съ фейерверкомъ, чтобъ онъ отъ этой боли пришелъ въ ярость. Наконецъ,

если ничто не дѣйствуетъ надъ упрямымъ быкомъ, на него выпускають стаю собакъ и тѣ разрываютъ его.

Тореадоры, при своей поворотливости и искусствѣ, не подвергаются большой опасности. Но матадоры, которые обязаны убить быка, часто на волосъ отъ смерти, и иногда спасаются какимъ-то чудомъ. Напримѣръ, въ этотъ воскресный бой Кучаресъ, слывшій теперь за лучшаго матадора, поскользнулся и упалъ передъ самымъ быкомъ. Еслибъ тотъ на него бросился, гибель Кучареса была бы неизбежна; но быкъ остановился, чулосы тотчасъ же обмотали его голову своими мантиями, а матадоръ вкочилъ, отряхнулся и раскланялся.

Тоже самое случилось съ этимъ матадоромъ въ Севильѣ, куда его вызвали по телеграфу. Въ послѣднюю минуту рѣшился онъ на эту поѣздку, и ему дали особый паровозъ и вагонъ. Онъ прибылъ къ самому спектаклю и принять былъ очень хорошо. Но отъ утомленія въ дорогѣ, или по другой причинѣ онъ опять упалъ передъ самымъ быкомъ. По счастью и это былъ плохой быкъ, чулосы подошли, и матадоръ спасся.

Этотъ бой быковъ въ Севильѣ былъ вообще очень неудаченъ. Испанцы были внѣ себя отъ досады. Трехъ быковъ надобно было затравить собаками. Публика кричала, что импресарио обманываетъ ихъ, что нарочно набралъ молодыхъ, негодныхъ быковъ, и громкогласно требовала, чтобъ его и корехидора посадить въ тюрьму.

Я уже сказалъ, что на эти спектакли водятъ дѣтей обоого пола и всякаго возраста. Привыкая съ малолѣтства къ этому кровавому зрѣлищу, мудрено ли, что они на всю жизнь дѣлаются равнодушными и нечувствительными. Возьмите самого сердобольнаго испанца, сострадающаго искренно своему ближнему; онъ никакъ не вѣритъ, чтобъ животное чувствовало. Онъ радостно смотритъ какъ терзають быка, или какъ лошадь съ распоротымъ брюхомъ принуждена еще разъ идти въ бой. Быкъ снова вонзитъ въ нее свои рога, а публика хлопаетъ и кричить: *быкъ молодецъ!*

Изъ иностранцевъ одни англичане привыкають къ этому спектаклю. Прочіе изъ любопытства посмотрятъ разъ и уже не возвращаются въ циркъ.

Для меня всего занимательнѣе въ этомъ зрѣлищѣ былъ видъ самаго амфитеатра, наполненнаго двѣнадцатю тысячами зрителей, которые, совершенно забывъ испанскую важность, выражаютъ жестами, слезами, взглядомъ, тѣлодвиженіемъ различныя ощущенія, одушевляющія ихъ. Простой народъ въ минуту восторга бросаетъ на сцену шляпы, какъ у насъ букеты. Въ жаркій лѣтній день, когда быки бывають всего злѣе,

когда разноцвѣтная, роскошная одежда зрителей придаетъ спектаклю еще болѣе прелести, видъ мадритскаго цирка можно назвать единственнымъ въ Европѣ.

Но довольно о быкахъ, тореросахъ, пикадорахъ и матадорахъ. Мнѣ, признаюсь, они уже и тѣмъ надоѣли, что во всѣхъ обществахъ теперь нѣтъ другаго разговора, какъ о нихъ. Иногда упоминаютъ о театрахъ, иногда даже о политикѣ. Но это второстепенные предметы.

О театрѣ говорятъ только тогда, какъ появится новая популярная пьеса, или какіе нибудь иностранные первоклассные пѣвцы. Здѣшняя Италіанская опера довольно хороша, и въ ней по временамъ являются звѣзды первой величины изъ Парижа, или изъ Лондона. Зала театра великолѣпна: на бѣломъ фонѣ золотыя украшенія съ пунцовою обивкою ложъ. Публика собирается порядочная, хотя за входъ берутъ только пять франковъ. Мужчины и женщины всегда разодѣты (здѣсь туалетъ составляетъ важное дѣло для лицъ обоюго пола), но эти наряды составляютъ добрую волю каждаго, а не непремѣнное условіе, неумолимую форму, какъ въ Лондонѣ, гдѣ придверникъ сперва осмотритъ васъ съ головы до ногъ: нѣтъ ли въ вашей одеждѣ какихъ нибудь отгѣнковъ, неподходящихъ подѣ общія правила.

Что касается до здѣшняго музыкальнаго вкуса, я не высокаго о немъ мнѣнія. Здѣсь опера составляетъ болѣе дѣль прогулки: ѣздить туда поговорить, узнать новости и провести какъ нибудь время, которое всегда тягостно для праздныхъ людей.

Кромѣ италіанской оперы есть въ Мадритѣ національный театръ *Королевскій*, и пять или шесть престонародныхъ. На одномъ изъ этихъ театровъ пріѣзжая нѣмецкая труппа давала въ великомъ посту *Живыя картины* съ оригиналовъ первыхъ живописцевъ.

О современныхъ нравахъ говорить не буду, но припомню одинъ анекдотъ *Хаджи-Бабы*, когда по возвращенія его въ Персію, соотечественники обступили его съ разспросами и вдругъ увидѣвъ, что у него нѣтъ двухъ переднихъ зубовъ, спросили: куда они дѣвались. Ему не хотѣлось сознаться, что ихъ выбили пріатели англичане въ трактирной дракѣ, и онъ отвѣчалъ, что когда однажды стоялъ на палубѣ, то поднялся такой ужасный вѣтеръ, что разомъ вырвало у него два зуба. Слушатели повѣрили. Но когда потомъ сталъ онъ имъ разсказывать, что въ Англіи вода зимою твердѣетъ на поверхности, и что по ней можно ходить и даже ѣздить, всѣ засмѣялись и объявили, что это нелѣпая ложь.

Я увѣренъ, что если стану разсказывать объ Испаніи всю правду, никто мнѣ не повѣритъ, а если буду повторять басни прежнихъ путеше-

ственниковъ, то никто не усомнится въ словахъ моихъ, наиримѣръ, еслибъ я описалъ какое нибудь ужасное происшествіе въ горахъ Сиерры-Морены о встрѣчѣ съ шайками разбойниковъ, объ опрокинутомъ дилижансѣ, о убитыхъ кондукторахъ, о упавшихъ въ обморокъ женщинахъ и т. д., вѣрно бы все повѣрили, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ теперь испанскія дороги почти столько же безопасны, какъ и во всей Европѣ, и если иногда встрѣчаются толпы *ратеросовъ*, то эта трусливая сволочь побѣжить отъ палки, не только отъ ружья.

Н. К.

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА.

II.

Упадокъ лондонскихъ театровъ.—Метьюсь въ судѣ.—Электрическіе телеграфы.—Исторія Англіи лорда Магона.—Анекдоты.—Воровство и пьянство.—Бичерь—Стоу и ея путешествіе по Англіи.—Маколей и его бесѣды.—Билль о собакахъ и тавернахъ.—Послѣдняя ревизія народонаселенія Великобританіи.—Смерть лорда Джоселена.—Улучшенія въ Сейденгемскомъ дворцѣ.—Романическое похищеніе.—Дуэль на подсвѣчникахъ.—Какую жизнь ведутъ англійскіе офицеры.—Литературныя новости.—Упадокъ нравственности въ Лондонѣ.—Странное направленіе беллетристики.—Переселенія изъ Лондона.—Кладбище слѣпыхъ.—Мѣста дачныхъ пребываній.—Особенности загородныхъ гуляній.—Жизнь въ Лондонѣ.

Всѣ лондонскія газеты и жуналы и особенно «Quarterly Review» жалуется на чрезвычайный упадокъ театровъ въ Англіи. Однако всѣ согласны, что въ этомъ виновата не публика, потому-что она готова смотрѣть всѣ пьесы, но директоры, старающіеся мѣшать во всемъ другъ другу. Въ Лондонѣ точно также какъ въ Парижѣ открыто всякій день до двадцати пяти залъ для различныхъ представленій, и только что одинъ директоръ объявляетъ себя банкротомъ, тотчасъ являются нѣсколько другихъ, готовыхъ занять его мѣсто. Я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ о закрытіи театра Чарльса Метьюса и о преданіи его суду кредиторами. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, кредиторы отказались отъ своихъ требованій, и артистъ-директоръ былъ освобожденъ, къ величайшему удовольствію почитателей его таланта. Директоры другихъ театровъ забыли на этотъ разъ свое соперничество и предложили Метьюсу дать представленія въ его пользу. Онъ съ благодарностію принялъ этотъ неожиданный бенефисъ, о которомъ колоссальныя афиши тотчасъ же дали знать Лондону.

Электрическіе телеграфы составляютъ теперь главное занятіе англичанъ. Мало того, что они опутали всю Великобританію телеграфическими проволоками, теперь англичане хотятъ весь земной шаръ окружить сѣтью телеграфовъ, которые сходились бы въ Лондонѣ. Англичане почитаютъ возможнымъ соединить Англію съ Америкой посредствомъ подводной линіи въ тысячу миль отъ Гальвея въ Ирландіи до мыса Расъ, на Новой землѣ. Тѣ, которые сомнѣваются, что проволока такой огромной величины можетъ передавать электрической токъ безъ остановки, предлагаютъ провести ее по островамъ Шотландскимъ до Исландіи, изъ Исландіи въ Гренландію, изъ Гренландіи протянуть ее по берегу до мыса Фаревель, гдѣ электрической канатъ будетъ опущенъ въ море и черезъ Девисовъ проливъ протянется по Лабрадору, верхней Канадѣ до Квебека, гдѣ соединится съ американскими телеграфами, какъ двѣ руки, протянутыя одна изъ Европы, другая изъ Америки.

Въ Quarterly увѣряютъ, что этотъ канатъ обойдется также дорого, какъ новый Вестминстерскій мостъ, но препятствія не въ томъ, а въ пристрастіи къ желѣзу эскимосцевъ, которые ни какъ не оставятъ на мѣстѣ желѣзные проволоки и непременно ихъ украдутъ. Не смотря однако на всѣ препятствія, электрической сѣти Англій, опутывающей весь земной шаръ, начинается уже сбываться по немногу. Рѣшено учрежденіе подводнаго телеграфа изъ Генуи въ Корсику и изъ Корсики въ Сардинію. Канатъ, долженствующій соединить твердую землю съ Корсикой, уже готовъ. Онъ имѣетъ 110 миль длины и сдѣланъ въ Гриничѣ, въ мастерскихъ Купера и комп. Отъ самой южной оконечности Сардиніи, мыса Спартивента, пойдетъ другой канатъ къ африканскому берегу и чрезъ Триполь и Александрію проведется въ Аравію по берегамъ Персіи и Белуджистана, потомъ въ Сидъ, и наконецъ соединится съ телеграфомъ Гайдерабада, который вѣроятно подвинется къ нему навстрѣчу чрезъ индѣйскій полуостровъ. Америка съ своей стороны тоже производитъ линіи до Тихаго океана и потомъ до Санъ-Франсиско. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени обѣ линіи будутъ безпрестанно подвигаться одна на востокъ, другая на западъ. Китай и Сибирь также со временемъ будутъ прорѣзаны линіею телеграфовъ, и потомъ для того, чтобъ соединиться съ Америкой, останется только перебросить небольшой канатъ чрезъ Беринговъ проливъ. Тогда четыре части свѣта могутъ сообщать свои мысли другъ другу въ сорокъ минутъ.

Изъ замѣчательныхъ сочиненій вышелъ недавно 7-й и послѣдній томъ *Исторіи Англій*, сочиненія лорда Магона. Онъ оканчивается 1783 годомъ и содержитъ въ себѣ описанія войны американской и покореніе Индіи. Лордъ авторъ могъ, благодаря своимъ аристократич-

скимъ сношеніямъ и многочисленнымъ документамъ, представить совершенно новые факты: но кромѣ того сочиненіе его замѣчательно по описаніямъ нравовъ, напоминающимъ слогъ Маколея. Въмѣстѣ съ официальными героями исторіи онъ выводитъ лица неизвѣстныя, но выражающія превосходно характеры старой Англіи. Онъ не забываетъ многочисленнаго класса воровъ, наводнявшихъ прежде всея дороги Англіи. «Однажды лордъ Берклей ѣхалъ вечеромъ черезъ Гоунслоу и задремалъ въ своей каретѣ. Вдругъ дверцы кареты растворились, и чело- ловѣкъ звѣрской наружности, приставивъ лорду въ грудь пистолетъ, сказалъ: «Вы хвастались, милордъ, что не позволите обогнать себя, однако вы попались мнѣ, давайте скорѣе кошелекъ». Ты и теперь не сладилъ бы со мною, отвѣчалъ лордъ, еслибъ былъ одинъ, но такъ какъ сзади тебя стоитъ другой бандитъ, то я отдамъ тебѣ все, что со мною.

И лордъ опустилъ руку въ карманъ, а удивленный разбойникъ оглянулся посмотрѣть кто пришелъ дѣлить съ нимъ добычу, тогда какъ онъ зналъ, что былъ совершенно одинъ. Воспользовавшись этою минутой, графъ Берклей вынулъ изъ кармана вмѣсто кошелька пистолетъ, и раздробилъ черепъ бандиту».

Вообще лордъ Магонъ описываетъ англійское общество прошедшаго столѣтія не очень выгодными красками. Почти все высшее общество предавалось игрѣ и пьянству. Люди первыхъ фамилій Англіи проигрывали свое состояніе, и ученые доктора окефордскаго университета проводили время въ оргіяхъ. Неизвѣстно, много ли усовершенствованій произошло съ тѣхъ поръ въ англійскомъ обществѣ. Правда, воры не останавливаются теперь на большихъ дорогахъ Англіи, но это не значитъ еще, чтобъ они не существовали, потому что иначе кто бы населялъ отдаленные переулки Лондона, по которымъ страшно пройти днемъ. Что же касается до пьянства, то изъ статистикъ видно, что оно все увеличивается, не смотря на все усилія обществъ трезвости.

Другая замѣчательная книга, это воспоминанія мистрисъ Бичеръ Стоу о ея путешествіи по Европѣ. Писательница назвала эти два тома «Свѣтлыя или солнечныя воспоминанія» «Sunny memories». Неизвѣстно только, какое солнце освѣщало для путешественницы Англію и ея провинціи. Филантропическая писательница довольна всемъ и всеми, кромѣ живописцевъ, которые смѣли выставить во всехъ магазинахъ ея портретъ, неизмѣющій ни *малышаго сходства*. Она не объясняетъ хорошенько, польстили ли ей, или представили хуже, только увѣряетъ, что вѣрно эти портреты ерисованы съ сфинкса, стоящаго передъ лондонскимъ Музеемъ. Она набрала огромную коллекцію этихъ портретовъ и

увезла съ собою. Неудовольствіе мистрисъ Бичеръ Стоу простирается, неизвѣстно почему, даже на живописцевъ прошедшихъ время. Она сердится на Рафаэля, Мурильо, Ванъ-Дика, Клодъ Лорена, что они не производятъ надъ нею никакого впечатлѣнія. Особенно Рубенсъ у нее въ большой немилости.

Путешественница говоритъ о великолѣпномъ приѣмѣ, сдѣланномъ ей въ Ливерпулѣ, какъ будто этотъ городъ хотѣлъ заставить забыть, что онъ обогатился торгомъ неграми. Въ Глазгоу восторгъ усилился еще болѣе, и въ Лондонѣ достигнулъ высшей степени. Лордъ меръ далъ лэвицѣ роскошный обѣдъ, незабываемый ею до сихъ поръ, хотя она замѣчаетъ, что не мѣшало бы правителю Сити явиться на обѣдъ въ полномъ официальномъ костюмѣ, а не въ одной золотой цѣпи. На другой день ее пригласилъ за-просто лордъ Карлейль, и она съ удовольствіемъ перечисляетъ всѣ аристократическія имена, которыя называетъ ей благородный амфитріонъ. Мистрисъ Бичеръ Стоу находитъ, что Леди Говардъ, герцогиня Сотерландъ, Леди Доуэръ, и пр. и пр. напоминали ей героинь романовъ Вальтеръ-Скота. Потомъ писательница рисуетъ нѣсколько любопытныхъ портретовъ. Приведемъ портретъ Маколея.

«Наружность Маколея имѣетъ характеристическую форму Англіи, онъ низокъ ростомъ, силенъ, здоровъ, твердъ. Обращеніе его вообще ласково и дружественно, голосъ грудной, полный, легкій, который чаще встрѣчается въ Англіи, чѣмъ въ Америкѣ. Что же касается до его разговоровъ, то онъ говоритъ точно также какъ пишетъ, такъ что про него можно смѣло сказать: каковъ чловѣкъ, таковъ и слогъ, то есть всѣ его качества, вся душа заключаются въ его сочиненіяхъ. Говорятъ, что у него память необыкновенная и что онъ не забываетъ ничего, что читалъ... а онъ кажется читалъ очень много на всѣхъ языкахъ.

Мистрисъ Стоу съ удовольствіемъ припоминаетъ обѣдъ, во время котораго она сидѣла возлѣ Маколея.

«Между нами зашелъ разговоръ о зданіяхъ, продолжаетъ писательница, и я удивлялась, отчего мы не знаемъ именъ архитекторовъ, воздвигнувшихъ эти великолѣпныя зданія. Еще я замѣтила ему, что мнѣ очень понравились завтраки въ Лондонѣ, и что въ Америкѣ нѣтъ этихъ дружескихъ нецеремонныхъ собраній. Онъ, по своему обыкновенію, началъ импровизировать на этотъ сюжетъ блистательную рѣчь и доказалъ мнѣ вполне превоедство завтрака передъ обѣдомъ и ужиномъ. По его мнѣнію, обѣды слишкомъ официальны. На обѣдъ приглашаютъ людей нужныхъ и важныхъ, на завтракъ же тѣхъ, которые намъ нравятся и которыхъ пріятно видѣть. Если васъ пригласятъ на завтракъ, вы можете быть увѣрены въ расположеніи хозяина и въ томъ, что вы любез-

ны. Людей скучныхъ приглашаютъ только на обѣдъ.—Вы очень жестоки къ бѣднякамъ скучнымъ,—замѣтила одна дама. Напротивъ, отвѣчала Маколей смѣясь, я отдаю имъ полную справедливость. Они всегда честные, прекрасные люди, и если бѣ привелось выбирать опекуна для сироты, я непременно выбралъ бы самаго скучнаго человѣка, потому что достойнѣе его трудно было бы найти.» Потомъ разговоръ перешелъ на Мильтона и Шекспира.

Изъ Англіи писательница ведетъ читателя на твердую землю, но она только проѣзжаетъ черезъ Парижъ и посѣщаетъ Швейцарію. Вообще записки мистрисъ Бичеръ-Стоу написаны очень живо, легко и читаются съ удовольствіемъ, не смотря на неизбѣжное женское злословіе въ иныхъ мѣстахъ. Всѣ англійскіе журналы въ восторгѣ отъ этихъ *воспоминаній*, отрывки которыхъ вѣроятно появлялись во всѣхъ газетахъ, и потомъ перейдя черезъ проливъ, переведутся во французскихъ журналахъ.

Засѣданія Парламента имѣютъ свою анекдотическую и комическую сторону. Отбросивъ безжалостно нѣсколько важныхъ биллей, благородное собраніе вздумало взять подъ свое покровительство, кого бы вы думали? самыхъ интересныхъ животныхъ—собакъ, которыхъ въ Англіи, точно также какъ въ Бельгіи, вырываютъ въ маленькіи телѣги. Филантропы парламента хотѣли избавить собакъ отъ соперничества съ лошадьми, мулами и ослами. Нѣкоторые лорды объявили, что нельзя стѣнять воли хозяина, который имѣетъ полное право дѣлать изъ своей собаки, что ему угодно. Напрасно профессоръ Овенъ доказывалъ, что органическая конетрукція собакъ дѣлаетъ ихъ неспособными къ упражненью, онѣ все-таки осуждены возить телѣжки до тѣхъ поръ, пока какойнибудь краснорѣчивый ораторъ не избавитъ ихъ отъ этого униженія.—Трактирщиковъ считается въ Англіи двадцать восемь тысячъ сто восемьдесятъ, а путешествующихъ прикащиковъ въ торговлѣ девять тысячъ триста.

Кстати о статистикѣ Великобританіи. Вотъ на какіе классы раздѣляются всѣ жители Соединеннаго Королевства, по послѣдней ревизіи.

1-й классъ составляютъ: придворные, члены парламента, гражданскіе чиновники, полицейскіе агенты, судьи. Все это составляетъ число 71,191 человѣкъ старше двадцати лѣтъ. Изъ нихъ однихъ судей 2,302, полицейскихъ чиновниковъ 18,348.

2-й классъ военныхъ лицъ въ государствѣ, въ пропорціи 1 къ 158 жителямъ.

3-й Три ученныя профессіи, число которыхъ 150,730, изъ нихъ 17,621 духовныхъ и 1,093 римско-католическихъ священниковъ; 3,111 адво-

катовъ, 13, 256 атторнеевъ, прокуроровъ 2,328 докторовъ и 15,163 хирурга.

4-й классъ литературный; а именно 2,866 авторовъ, писателей. 8,600 артистовъ (живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ, рисовальщиковъ), 496 профессоровъ наукъ, 34,378 учителей въ школахъ и преподавателей, 71,966 учительницъ и преподавательницъ (последнихъ 21,378).

5-й классъ женщинъ и дѣтей 3,461,524 женщины замужнія и 795,590 вдовъ (изъ нихъ двѣ изъ четверыхъ имѣютъ ремесло).

6-й классъ людей прилуживающихъ, одѣвающихъ и отдающихъ квартиры внаемъ другимъ. Въ немъ 28,881 трактирщикъ, миллионъ слугъ на жалованьи, 270,000 сапожниковъ и башмачниковъ, такое же число портныхъ; 72,940 швей; 12,769 корсетчиковъ (stay makers). Итогъ этого класса простирается до 2,420,173 человекъ. Множество молодыхъ женщинъ переходятъ изъ него въ пятый классъ послѣ своего замужства. Вообще половина женщинъ Великобританіи принадлежитъ къ пятому классу и четверть къ шестому.

7-й классъ составляютъ все продающіе и покупающіе, отдающіе внаймы и дающіе займы, не считая лавочниковъ, занимающихся какою нибудь спеціальною торговлею. Въ этомъ классѣ считаютъ 105 капиталистовъ мужчинъ и 101 женщину, 10,103 торговца, 43,741 мужскихъ прикащиковъ, 19 женщинъ, 9,395 путешествующихъ прикащиковъ мужчинъ и 14 женщинъ.

8-й классъ носильщиковъ, комиссіонеровъ, заключающій 285,686 человекъ и 100,345 дѣтей, 1,597 женщинъ собираютъ пошлыны и 2 служатъ при телеграфѣ.

9-й классъ земледѣльцевъ, лѣсовщиковъ, садовниковъ простирается до 2,390,568 человекъ, изъ нихъ 27,968 женщинъ носятъ названіе фермершъ. Четверть Англійскаго народонаселенія находится въ этомъ классѣ.

10-й классъ составляютъ люди, промышленяющіе животными. Ихъ 100,262. Въ этомъ числѣ лошадиные барышники, истребители крысъ и хорьковъ (2,072 человекъ занимаются истребленіемъ вредныхъ животныхъ) и одинъ называющій себя воспитателемъ пчелъ (apiarіen).

11-й классъ ремесленниковъ, работниковъ, поденщиковъ.

12-й Работники по царству животныхъ.

13-й Работники по царству растительному.

14-й Работники по царству ископаемыхъ.

Всего 3,700,000 человекъ обоихъ половъ.

15-й Работниковъ, называемыхъ невѣрно labourers, но исправляющихъ все черныя работы. Ихъ 367,472 мужчинъ и 9,079 женщинъ.

16-й классъ людей съ независимымъ состояніемъ: 10,604 джентельмена, 15,318 женщинъ этого же сословія, 23,032 мужчинъ и 121,122 женщинъ, получающихъ доходы съ домовъ или помѣстій.

17-й классъ прокармливаемый общинами: бѣдные, безумные, плѣнные, нищіе. Ихъ 76,250 мужчинъ и 108,814 женщинъ неизвѣстнаго званія. Число бѣдныхъ на содержаніи общинъ (indoors paupers) въ Англіи и Валійскомъ Княжествѣ 126,048 или одинъ изъ 142; въ Шотландіи 5,438; въ тюрьмахъ содержится болѣе 26,855, то есть 1 изъ 785 народонаселенія, 18,803 сумасшедшихъ или 1 изъ 1,415.

Важность ревизій заключается еще въ томъ, что они обходятся очень дорого. Ревизія 1851 года стоила 3,137,175 франковъ, около 15 сантимовъ за каждаго человѣка, внесеннаго въ ревизію.

Разумѣется, что съ 1851 года многіе внесенные въ ревизію уже не существуютъ, но все таки изъ статистики этой видно общее положеніе народонаселенія въ Англіи.

Холера все еще усиливается. Число жертвъ въ послѣднія пять недѣль прибавляется въ слѣдующей пропорціи: 5—26—133—399—644. Смертность обнаруживается больше на правомъ берегу Темзы въ южныхъ кварталахъ. На югъ пропорція больныхъ 89 на сто, на сѣверѣ только 31 на сто.

Между жертвами холеры Англія потеряла Лорда Джоселена, старшаго сына графа Родена, родственника лорда Пальмерстона, лорда Шефтсбюри и другихъ аристократическихъ именъ. Онъ участвовалъ въ англійской экспедиціи въ Китай, и по возвращеніи издалъ очень любопытныя записки о своемъ путешествіи. Лорду Джоселену было только тридцать восемь лѣтъ, и онъ былъ начальникомъ егерскаго полка, стоящаго въ лондонской башнѣ.

Впрочемъ Лондонъ имѣетъ такое огромное народонаселеніе, что эпидемія почти не замѣтна въ немъ. Если аристократическіе скверы Вестъ-Энда и Бельгравъ не много пусты, это нисколько не удивительно въ настоящее время года. Гораздо больше занимаются усиленіемъ этой болѣзни на востокѣ.

Благодаря прекрасной погодѣ, число посѣтителей новаго кристальнаго дворца простирается ежедневно отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ. Всякій день прибавляютъ въ немъ какую нибудь новость. Всякія вазы съ цвѣтами очень эффектны и приносятъ даже большую пользу, потому что запахъ цвѣтовъ уничтожаетъ хоть немного испаренія отъ кушаньевъ, которыми запасаются посѣтители при входѣ. Джонъ

Будь ни какъ не можетъ пробыть четверти часа, чтобъ ему не ѣсть, а такъ какъ восторгъ, возбуждаемый артистическими рѣдкостями увеличиваетъ его аппетитъ, то небольшой ресторанъ, устроенный при входѣ, дѣлается недостаточнымъ, и теперь хотятъ устроить другое, большое заведеніе въ этомъ же родѣ, только немного дальше отъ дворца. Не смотря на значительное стеченіе публики, на увеличивающійся восторгъ и аппетитъ, учредители Сейденгемскаго дворца все еще не увѣрены въ успѣхъ своей спекуляціи, покуда билль парламента не позволитъ открыть кристаллыя двери зданія по воскресеньямъ. Но это почти невозможно особенно въ настоящее время, потому что трактирщики будутъ жаловаться на несправедливость. И вотъ почему акціи Сейденгемскаго дворца, такъ быстро подвѣвшіеся, теперь упадаютъ. Впрочемъ ничего нѣтъ мудренаго, что учредители добьются этого билля. Вѣдь дворецъ искусствъ не таверна.

Есть еще одно предложеніе устроить въ Сейденгемскомъ дворцѣ кабинетъ для чтенія, составленный изъ книгъ, которыя написаны для образованія простаго народа, но кажется что эта философская мысль будетъ отвергнута.

Много шуму надѣлалъ въ Англіи процессъ ирландца джона Кардена, который забывъ свое званіе судьи и шерифа, вздумалъ, въ половинѣ XIX столѣтія, *похитить* себѣ жену. Большая часть публики извиняетъ этотъ поступокъ, тѣмъ болѣе, что въ Ирландіи въ древности женихи всегда похищали своихъ невѣстъ. Только Джонъ Карденъ виновать въ томъ, что не предупредилъ миссъ Элеонору Арбутнотъ. Вотъ какъ было дѣло. Миссъ Элеонора богатая наслѣдница, и стало быть окружена толпою обожателей. Карденъ Барнанъ, желая избавиться отъ соперниковъ, придумалъ овладѣть наслѣдницею безъ ея согласія. Однажды, когда она съ сестрой своей ждала своего экипажа, Карденъ схватилъ ее и хотѣлъ насильно посадить въ свою карету. На крики молодой дѣвушки прибѣжало нѣсколько защитниковъ, освободившихъ ее изъ рукъ похитителя, который самъ сѣлъ въ карету и хотѣлъ уѣхать, но полиція остановила его и посадила подъ арестъ въ ожиданіи рѣшенія суда.

Подобныя романическія происшествія случаются очень нерѣдко въ Ирландіи, гдѣ женщины гордятся тѣмъ, что мужчины жертвуютъ своею жизнію, чтобъ овладѣть ими. Карденъ осужденъ на двухлѣтнѣе тюремное заключеніе, потому что былъ не совѣтъ въ своемъ умѣ когда рѣшился на преступленіе, наказываемое по законамъ смертію, и считалъ это дѣло шуткою. Странно, что во всѣхъ подобныхъ процессахъ безумные и шутники всегда похищаютъ богатыхъ наслѣдницъ, бѣдныхъ же красавицъ никто не вздумаетъ похитить.

Другое происшествіе тоже служить предметомъ всѣхъ разговоровъ. Два офицера 46-го полка поручикъ Перри и поручикъ Гееръ были призваны въ судъ за то, что дрались на дуэли.. на подсвѣчникахъ. Поручикъ Перри защищаясь объяснилъ, что англійскіе офицеры ведутъ самую беззастыдную жизнь въ казармахъ и преслѣдуютъ его съ самаго поступленія въ полкъ, потому что онъ бѣдный человѣкъ, безъ покровителей, и хотѣлъ своимъ поведеніемъ заслужить вниманіе начальниковъ. Но другіе офицеры принуждали его насильно пить, играть, драться. Въ числѣ свидѣтелей была миссъ Маджоръ, швея и пріятельница Геера.

Вотъ еще новый переворотъ въ литературѣ. Между Великобританіею и Соединенными Штатами составился литературный трактатъ, по которому произведенія одной страны не могутъ быть перепечатываемы въ другой безъ позволенія автора и уплаты ему вознагражденія. И чтожъ! въ то время какъ англійскіе издатели щедро платятъ за рукопись Ирвинга, Банкрофта, Прескота и Мистриссъ Бичеръ Стоу, Палата лордовъ, рѣшенія которой не подвергаются аппеляціонному суду, объявила, что иностранные авторы не имѣютъ никакого права требовать вознагражденія за свои произведенія, печатаемыя въ соединенномъ королевствѣ. Дѣло шло о музыкальномъ сочиненіи, но рѣшеніе распространили и на литературныя произведенія, что было доказано немедленнымъ изданіемъ послѣдняго труда мистриссъ Бичеръ Стоу, по поллора шиллинга и объявленіемъ, что это же сочиненіе вскорѣ ляжетъ еще по уменьшенной цѣнѣ.

Вѣроятно, что американцы будутъ недовольны этимъ распоряженіемъ, тѣмъ болѣе, что литература ихъ имѣла въ послѣднее время большой успѣхъ въ Европѣ. Послѣ *дяди Тома*, чрезвычайно понравился романъ *Queechy* и теперь продано уже пятьдесятъ экземпляровъ новаго американскаго романа, той же школы хотя и неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ: *the Lamplighter* (фонарщикъ). По многимъ примѣтамъ кажется, что его написала женщина, но женщина съ большимъ талантомъ, съ познаніями человѣческаго сердца, съ твердыми правилами, съ искусствомъ возбуждать чувствительность читателей. Фонарщикъ этотъ называется *Дядя Трю* (Tue). Онъ, разумѣется, человѣкъ простой, необразованный, скромный, но не уступитъ ни въ чемъ дядѣ Тому. Этотъ философъ, зажигающій по ночамъ фонари, такъ же замѣчательнъ въ своемъ родѣ, какъ астрономъ, знающій названія всѣхъ звѣздъ. Въ этомъ романѣ превосходно описаны двое чудныхъ дѣтей въ родѣ Павла и Виргиніи.

Чарльсъ Диккенсъ вывелъ тоже превосходную маленькую дѣвочку въ своемъ загадочномъ романѣ *Hard Times* (Тяжелое время), который

онъ только что окончилъ. Эта дѣвочка, дочь наѣздника въ циркѣ, брошенная отцемъ, котораго она однако не перестаетъ любить, попадетъ въ домъ оригинала Блондебри, играющаго главную роль въ романѣ. Этотъ человѣкъ обогатился своими трудами и всёмъ твердитъ, что онъ самаго низкаго происхожденія, что онъ никому ни чѣмъ не обязанъ, и повторяетъ это чаще всего своей домоправительницѣ, принадлежащей къ благородной, но разорившейся фамиліи. И чтожь оказывается въ концѣ романа? Этотъ оригиналъ изъ своихъ выгодъ обманываетъ всѣхъ, называетъ себя сиротою безъ роду и племени, и тайно помогаетъ своей матери, не хотѣвшей пользоваться богатствомъ сына.

Играли уже и пьесу, составленную изъ этого романа, но она не могла имѣть успѣха, потому что Диккенсъ отличается не интригою и дѣйствіемъ, а эпизодическими подробностями, описаніями, характерами, что на сценѣ совершенно пропадаетъ.

Теккерей дошелъ еще только до половины своего романа *Newcomes*, и не смотря на нападки критиковъ, смѣло идетъ своимъ путемъ, придумывая безконечные эпизоды и безчисленные лица, чтобъ продолжить разсказъ. Въ послѣднемъ ливрезонѣ есть письмо изъ Рима, которое ясно доказываетъ, что авторъ провелъ послѣднюю зиму въ вѣчномъ городѣ, такъ свѣжо и вѣрно его описаніе.

Мистрисъ Тролоупъ издала *Приключенія женщины съ талантомъ*, авторъ *Наслѣдника Редклифъ* (вышедшаго пятымъ изданіемъ) печатаетъ *Маленькаго Герцога; Миллионеръ, Клара Морисонъ* и другіе романы имѣютъ много успѣха, а особенно драматическія сцены подъ названіемъ *Фирмилианъ*.

Въ настоящее время открыты только три театра: Геймаркетскій, гдѣ отличаются испанскіе танцоры, Страндъ, на которомъ играютъ *Тяжелыя времена* Диккенса и Астлей, живущій французскими переводами. Другіе театры объявляютъ о скоромъ открытіи, а Дрюриленскій ищетъ покушника театра. Публичный садъ воксала тоже закрыть, потому что полиція запретила въ немъ летать въ воздушныхъ шарахъ, по причинѣ многочисленныхъ несчастій съ воздухоплавателями. Я не упоминаю о спектакляхъ огромнаго Олимпійскаго цирка, о гонкахъ на лодкахъ, на яхтахъ, о пѣшеходныхъ закладахъ (*pedestrians*), и о всѣхъ *gases* и *stakes*. Во все это надобно быть посвященнымъ, иначе *профанъ* ничего не пойметъ въ этихъ дикихъ терминахъ.

Общественная жизнь среднихъ классовъ весьма пострадала отъ недостатка пива.

Кто видѣлъ народную жизнь въ Лондонѣ, тотъ невольно сознается,

что она составляетъ стыдъ всей націи, и что противъ ужасныхъ пороковъ, одичалости и отсутствія высокихъ, благородныхъ понятій надобно дѣйствовать сильнѣйшими, благовиднѣйшими мѣрами.

Выставка въ Сейденгемскомъ кристалльномъ дворцѣ, увеличивающееся число публичныхъ садовъ, дешевыя поѣздки водою и сухимъ путемъ, институты, публичныя чтенія, книги для народнаго чтенія (по одному пенсу), все это уже много сдѣлало для очищенія нравовъ и улучшенія общественной жизни. Но надобно дѣйствовать непосредственно на нравственность народа воспитаніемъ и религіею.

Во Франціи, гдѣ зло это еще сильнѣе между сельскими жителями отъ постыдной литературы, распространяемой тамъ разносчиками, правительство старалось исправить зло, запретивъ разноску книгъ и предписало сочинять для народа полезныя и нравственныя книги, которыя и разсылались административнымъ образомъ.

Кардиналъ Вейземанъ представлялъ въ свое время, чтобъ парламентъ самъ взялся за составленіе народнои литературы и цензуры. Но ни кардиналъ Вейземанъ, ни все англійское духовенство не влиять гдѣ зло. Англійская литература можетъ быть вѣкъ богаче хорошими кивгами для народнаго чтенія; только онѣ никогда не доходятъ до народа, у котораго нѣтъ ни одного экземпляра книгъ, назначенныхъ для него (peppu-book). Въ Англій найдете вы, напримѣръ, теперь множество деревень, гдѣ жители незнаютъ что у нихъ война, и что на свѣтѣ, кромѣ англичанъ, есть еще другіе народы, а не одни французы, которыхъ они уже нѣсколько вѣковъ привыкли величать именемъ французскихъ собакъ (french-dog). Всѣ эти жители не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о существованіи печатной или письменной грамоты. По этимъ деревнямъ нѣтъ ни одной школы.

Сперва я не вѣрилъ этому, но вскорѣ получилъ самыя вѣрныя доказательства. Невѣжество англійскій черни не воображимо, но упорство ея оставаться въ немъ еще сильнѣе.

Впрочемъ, я неправъ, что осуждаю такъ сильно невѣжество низшихъ сословій. Мнѣ надобно было бы начать съ высшихъ.

Много *фурора* было и на театрѣ, но въ продолженіе всего сезона не было ни одной пьесы, истинно заслуживающей вниманіе. Испанское балетное общество было самымъ моднымъ явленіемъ даже и тогда, какъ парламентъ и Лондонъ бѣжали отъ жара и холеры. Героинею этого хореографическаго общества была Переа Ненья, съ маленькими ножками, гибкою таліею и пламенными глазами, а героемъ сеньоръ Руисъ. Ненья впервые доказала англичанамъ въ чемъ именно заключается тайна танцовальнаго искусства. Кто видѣлъ въ Берлинѣ Пешпу, тотъ

можетъ составить себѣ понятіе о *фурорѣ*, произведенномъ лондонскою танцовщицею, которая моложе и прелестнѣе Пепиты. Этотъ фуроръ дошелъ до того, что холодно-неподвижные англичане при встрѣчѣ другъ съ другомъ, вмѣсто обычно-стереотипнаго вопроса: How are you? говорили: you have seen Nena I am sure?

Все газеты и вся публика чрезвычайно увлеклись дѣломъ поручика Перри, которое открыло одну изъ самыхъ непріятныхъ и грязныхъ сторонъ лондонскаго общества. Вотъ только что полученныя мною подробности: во время судопроизводства оказалось, что не обвиненный виновать, а обвинители Перри, не дворянинъ, а выслужившійся офицеръ. Товарищи его, все *джентльмены*, очень были недовольны, что, купивъ за деньги свои чины и мѣста, они видятъ съ собою наравнѣ *выслужившагося* офицера. Они вездѣ и всячески придирались къ нему и оскорбляли его. Но онъ жилъ отдѣльно, уединенно и уклонялся всякаго общества, кромѣ служебныхъ дѣлъ. Однажды ворвались они къ нему ночью къ комнату и требовали, чтобъ онъ съ ними шелъ пить и играть, онъ отказался; на него посыпались угрозы и оскорбленія, и онъ отвѣчалъ на нихъ ударомъ подсвѣчника. Перри отданъ былъ подъ военный судъ, но здѣсь истина невольно открылась. Изъ показаній, открывшихъ истину, можно было бы составить цѣлый томъ осужденій противъ обычаевъ и законовъ Англіи. И вотъ тѣ герои западной цивилизации! Судъ, оправдавши Перри въ обвиненіи, приговорилъ однако продать свое званіе въ полку.

Засѣданія парламента кончились, и начинается сезонъ водъ и вояжей. Опера замолчала: въ Вестъ-эндѣ окна всѣхъ домовъ замазаны; богатѣйшія лавки представляютъ заустѣвіе; экипажи и амазонки въ Бондъ стритъ и Реджентъ-стритъ исчезли; мелочная торговля и промышленность тоже: ежегодно, *huggy skuggy* высшаго сословія гонитъ всѣхъ знатныхъ на твердую землю, въ Испанію, Египеть, Америку, или по крайней мѣрѣ въ Шотландію и Валлисъ, чтобъ за дорогія деньги пріобрѣсть къ будущему лондонскому лѣту здоровье, силы, а можетъ быть и просто, чтобъ слѣдуя модѣ быть перелетными птицами, *high-life*, и молча восхищаться въ чужихъ краяхъ пейзажами, музыкою и художествами.

Эпоха переселенія на воды и вояжей представляетъ весьма любопытное зрѣлище. Большая часть этихъ переселенцевъ держится прежнихъ своихъ мѣстъ и старается заранѣе нанять ихъ, чтобъ въ определенное время, какъ ласточка весною, прилетѣть въ тоже гнѣздо; вдругъ въ августѣ пол-Лондона встаетъ по утру и собирается уѣхать. Подзываютъ *кабы*, чтобъ везти на нихъ свое имущество на пароходы,

торгуясь при этомъ о такѣ въ шесть пенсовъ. Вся эта масса экипажей со всѣхъ улицъ и концевъ Лондона съѣзжается къ пристани пароходовъ, и тутъ начинаются величайшія затрудненія для переноски узловъ, картоновъ, чемодановъ на сотню разныхъ пароходовъ. Надобно имѣть ариаднину нить, чтобъ найти именно *свой* пароходъ, и для этого должно съ одного на другой прыгать, лазить, спускаться, а это для англичанокъ весьма затруднительно.

Наконецъ капитанъ, распорядившійся въ это время съ величайшею бранью, подаетъ знакъ, и колеса парохода загребаютъ грязныя волны Темзы. Съ осторожностью скользитъ пароходъ между тысячею судовъ мимо Гринича, доковъ, печальныхъ Эссекскихъ болотъ, мимо Вулича и замѣчательнаго Эртекскаго кладбища, гдѣ, по словамъ английскихъ остряковъ, хоронятъ однихъ *слѣпыхъ* Флегматическій англичанинъ чрезвычайно счастливъ, если при этомъ переѣздѣ какой нибудь иностранецъ спроситъ его: что это за мѣсто?

— Это Эртекское кладбище, скажетъ онъ тотчасъ же въ отвѣтъ: оно очень замѣчательно.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что на немъ хоронятъ однихъ слѣпыхъ.

— Это почему? спроситъ добродушно новичекъ.

— Вѣроятно потому, съ величайшею внутреннею радостью скажетъ отвѣтчикъ, что всѣ, которыхъ хоронятъ, ничего не видятъ.

И сказавъ эту британскую остроту, англичанинъ облизнетъ себѣ губы и удалится.

Низкіе берега широкаго устья Темзы очень печальны. Только Пурфлитскій пороховой магазинъ и Грипгейтъ на Кентскомъ берегу образуютъ нѣкоторыя возвышенія до Гревезенда.

Гревезендъ извѣстенъ воскресными поѣздками въ него изъ Лондона рабочаго сословія и употребленіемъ морскаго кресса вмѣсто чаю, иногда по тоннѣ въ день.

Около Виндмилль-Гилля мѣстоположеніе уже лучше, а около Медвея возвышается что-то въ родѣ Швейцаріи, полъ названіемъ Ротервиль-Гарденса.

Наконецъ видѣнъ фортъ Тильбюри. Здѣсь уже Темза похожа на море. Церкви и дома на эссекскомъ берегу становятся ежеминутно мнѣншійше, а въ правой сторонѣ открывается Медвей съ огромнымъ валомъ, выдавшимся изъ гавани Соутенда.

Соутендъ, тихое мѣстечко для тихихъ людей, состоитъ изъ одной улицы старинныхъ домовъ, коттеджей, лавокъ, рыбачьихъ хижинокъ, обвѣшанныхъ сѣтами и пивныхъ стоекъ. Соутендскій берегъ гладокъ,

какъ бильярдъ. По этому случаю сдѣланъ валъ, который отъ пристани тянется по скачущимъ доскамъ болѣе одной англійской мили. При высокой водѣ пріятно ѣздить по этому валу на лодкахъ

Удовольствія въ Соутендѣ совершенно первобытнаго свойства. Они состоятъ въ ношеніи желтыхъ башмаковъ, въ подпискѣ на журналы, въ плаваніи около *Нора*, въ рыбной ловлѣ (хотя на этой ловлѣ рыба и неловится) и въ созерцаніи на приходящія и уходящія суда.

Годовое число всѣхъ пріѣзжающихъ на здѣшнія воды простирается до двадцати пяти человекъ, для которыхъ всегда въ готовности дюжина телѣгъ. Однимъ словомъ это самое послѣднее и экономическое морское купанье въ Англіи.

На Кентскомъ берегу лежитъ Герн-Бей. Онъ гораздо оживленнѣе Соутенда, хотя городъ и страдаетъ отъ своенравія одной старой дамы, владѣющей всею землею около Герн-Бея со временъ Вильгельма Завоевателя. Она запретила строить дома около всего залива, такъ что нѣкоторые дома, отстроеныя прежде, стоятъ теперь какъ въ пустынѣ. За то мѣстечко или старая деревня плотно застроена домами, составляющими три улицы и отдающимися внаемъ на лѣто посетителямъ.

Здѣсь вообще все довольно дешево, и сюда съѣзжаются бережливыя семейства, которыхъ сыновья служатъ въ конторахъ, а дочери ищутъ жениховъ. По субботамъ пріѣзжаютъ изъ Лондона и остающіеся тамъ члены семейства съ запасами, новостями, и проводятъ здѣсь воскресенье. Другихъ общественныхъ удовольствій нѣтъ въ Герн-Бей, пріѣзжіе дѣйствительнокупаются, и рано ложась спать, рано встаютъ, чтобъ въ шесть часовъ утра погружаться въ морскія волны.

За шесть пенсовъ привозитъ пароходъ въ Маргетъ: это ближайшія морскія ванны для нѣскольکو уже высшаго общества. За то здѣсь есть терассы, балконы, дорогія квартиры, кабинеты для чтенія, ванны, бильярдныя комнаты и богатые магазины. Здѣсь всегда большинство посетителей состоитъ изъ французовъ. Отчего вы съ удивленіемъ увидите, что съ вами ласково заговорятъ на улицѣ, а на водахъ милая дама объявитъ вамъ, что сегодня будетъ лотерея, и что теноръ италіанскій будетъ пѣть арію.

Здѣсь гуляютъ по валу, далеко выдающемуся въ море, гдѣ пріѣзжаютъ пароходы. У этого вала всегда стоятъ множество лодокъ для переноса пассажировъ. Каждому логически покажется: на что же лодки, если валъ отъ берега идетъ до парохода? Но тутъ есть маленькое обстоятельство. Валъ почему-то устроенъ спускающимся къ берегу, такъ что во время прилива вода заливааетъ его. Пассажиры, прибывшія на пароходѣ, незная этого, спѣшатъ по валу въ городъ. Но не доходя до

него, вдругъ оказывается, что онъ на необитаемомъ островѣ и отрѣзанъ отъ твердой земли.

Въ эту минуту цѣлая флотилія лодокъ окружаетъ его, и сотни голосовъ вопіютъ на разные тоны:

— Пожалуйте! я васъ свезу на берегъ за одинъ фунтъ (6 р. с.)

— Миссъ, пожалуйста. Я ужъ, такъ и быть, для васъ возьму пятнадцать шиллинговъ (4 р. 50 к.)

— Берегитесь, сударь: приливъ спльно поднимается въ это время.

— Вотъ недавно утонулъ здѣсь джентльменъ и оставилъ молодую жену и нѣсколько дѣтей.

— Жена сошла съ ума.

— Дѣти пошли по-миру.

Если кто знаетъ *пуническую* добросовѣстность англичанъ, тотъ садится спокойно на бревно, вынимаетъ изъ кармана книгу и спокойно начинаетъ читать. Вскорѣ голоса перевозчиковъ объявляютъ, что согласны взять полкроны за перевозъ. Если вы и тутъ несогласитесь, дѣло доходитъ до шести пенсовъ и кружки эля. Подождавши еще, можно за шесть пенсовъ перевезти цѣлое семейство и безъ эля.

Берегъ Маргетъ очень низокъ, но обширнѣе нежели въ Рамсетѣ. Притомъ же въ Маргетѣ купающіеся могутъ имѣть удовольствіе путешествовать между скалами и пользоваться буруномъ. Въ Рамсетѣ однѣ мѣловыя стѣны. Въ Маргетѣ тонъ общества гораздо лучше, веселѣе и простодушнѣе. Даже люди рѣшаются ѣздить верхомъ на ослахъ, ходятъ весь день въ желтыхъ башмакахъ, а мужчины осмѣливаются отращивать себѣ усы. Живописцы же и писатели ходятъ съ бородами и въ блузахъ. За то ввечеру кончается эта безцеремонная жизнь. Всѣ наряжаются до-пельзы и являются въ *музыкальную* залу слушать самую негармоническую музыку.

Жители Рамсгета говорятъ о маргетскихъ съ пренебреженіемъ. Последніе же называютъ первыхъ stuck up, важными, выносами. Рамгетскія дамы говорятъ о маргетскихъ вздернувъ носъ и называютъ ихъ: things. Последнія, упоминая о первыхъ, восклицаютъ: О my-dear my-those creatures! Это истинная вражда гвельфовъ и гибеллиновъ.

Портъ Форландъ съ своимъ яркимъ маякомъ составляетъ морское кушанье знатныхъ, которые любятъ здѣсь сорить деньги для соревнованія. Тутъ уже богатые коттеджи, виллы, дачи, hotel Broadstairs, на наемъ которыхъ болѣе всего разоряются купцы, чтобъ подобно лягушкамъ басни надуваться быками. Здѣсь уже нѣтъ ни ословъ, ни желтыхъ башмаковъ.

Мѣсто это за десять лѣтъ было совсѣмъ неизвѣстно. Диккенсъ

какъ-то былъ тутъ, описалъ его, и съ тѣхъ поръ все бросились туда. Дороговизна возрасла до неимовѣрности. Чашка чаю стоила здѣсь недавно еще шесть пенсовъ (60 коп. сер.), теперь дѣло дошло до полкроны (3 р. сер. и шиллингъ (30 к.) на водку уэтеру (waiter). Это истинная high life.

Здѣшніе проводники съ гордостью указываютъ посѣтителямъ гдѣ сидѣлъ Диккенсъ, гдѣ ходила жена его и гдѣ прыгала его собака. За это указаніе посѣтители платятъ деньги.

Разумѣется, здѣсь дамы уже съ утра въ шелковыхъ и бархатныхъ нарядахъ, а мужчины во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Если мы будемъ продолжать путь на востокъ, то дождемъ до Дила, мѣстечка, которое едва можно назвать морскимъ купаньемъ, потому что сюда съѣзжаются только ближайшіе сосѣди.

Тоже можно сказать о Дуврѣ, хотя тамъ и много приготовлено телѣжекъ для купающихся.

Фалькстонъ также посѣщается немногими, хотя по дороговизнѣ городъ этотъ едва ли уступитъ самому модному купанью. Безпрестанный приходъ и отходъ французскихъ и англійскихъ пароходовъ надѣветъ невыносимо.

Гастингъ красивый городъ, съ прямыми и широкими улицами, которыя содержатся въ чистотѣ съ прекрасными садами, террасами. Здѣшний воздухъ славится своимъ гигиеническимъ качествомъ.

Между этимъ городомъ и Брейтономъ, составляющимъ первое и многолюдное купанье въ Англій, стоитъ Бичу-Гидъ, о скалы котораго разбилося столько кораблей. Съ моря Брейтонъ кажется чѣмъ-то волшебнымъ. Но очарованіе исчезаетъ вблизи.

Брейтонъ основанъ Георгомъ IV. Онъ называлъ его по-французски *сгѣте де ла сгѣте*. Но послѣ него все пришло въ упадокъ, и не только *сливокъ*, даже молока рѣдко можно здѣсь найти. Теперь Брейтонъ сдѣлался частію Лондона. Многіе купцы живутъ здѣсь и каждое утро ѣздить по желѣзной дорогѣ въ городъ. Окончивъ же дѣла, возвращаются ввечеру въ Брейтонъ ночевать. Здѣсь платятъ за наемъ комнаты гинею въ день (6 руб. сер.).

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Растительные феномены по случаю теплой осени.—Увеличение числа жителей въ Парижъ.—Увеличение города если не въ ширину, то въ высоту. — Благотворительныя общества въ пользу бѣдныхъ артистовъ.—Биографія барона Тейлова.—Поступокъ пьемонтскаго дворянина Делава. — Складчина, чтобъ купить и сохранить. — Электрическій регуляторъ для часовъ.—Находка въ Антеиской улицѣ.—Дуэль герцоговъ Бофора и Немура.—Водяная дуэль Американцевъ.—Пожарныя трубы, превращенныя въ оружіе.—Жертвы смерти.—Аукционы для живыхъ.—Знаменитый вѣтеръ.—Баронесса и племянникъ небывалаго дяди.—Вѣтеръ г-жи Помпадуръ, не бывавшій въ ея рукахъ.—Сцены на аукціонахъ.—Преміи Французской Академіи на 1855—1856 годы.—Покровительство пчель.—Гомеопатическій конгрессъ.—Перуанскія муміи.—Гипсотермометръ.—Чѣмъ питаются бѣдные жители Парижа?—Прогулка на Мон-фоконь, снабжающей Парижъ лошадиными и кошачьими бистексами.—Фантастическій обѣдъ.—Сѣдствія мошеннической торговли.—Отравители и Альфонсъ Каррь.— Литература въ политикъ и мемуарахъ.—Друзья Дюма.—Сапожникъ и Дюма.—Бальзакъ и трактирщикъ.—Новости литературы.—Дюма и Бальзакъ.—Векевильскій-пасторъ.—Исторія объявленій.—Четвертая страница Парижскихъ журналовъ.—Семь видовъ объявленій.—Коллекція разныхъ родовъ эхо.—Бѣгство Крувелли.—Какъ выгодно быть оригиналомъ.—Электрогазванническія перья.—Холера плей.—Дуэль за два су.—Театральныя анекдоты.—Рашель и ея ссоры съ авторами и актерами.—Привиллегія актрисы Жоржъ.—Смерть Тамбурини.—Опера Жеварта.—«Любовь и капризъ». — Удавшіеся и неудавшіеся водевили.

Лѣтній сезонъ окончился уже въ Парижѣ, но погода стоитъ такая превосходная, что во многихъ садахъ, въ окрестностяхъ города, деревья начинаютъ цвѣсти во второй разъ, чего не зачюмятъ старожилы. Въ руанскомъ департаментѣ всѣ яблони и грушевыя деревья покрыты плодами и новымъ цвѣтомъ. Этотъ любопытный феноменъ привлекаетъ многочисленныхъ зрителей какъ необыкновенный спектакль. Не смотря на жары, въ августѣ мѣсяцѣ театры, балы, кафе-концерты и другія представленія Парижа сдѣлали сбору 564,164 фр. 94 сант. Послеъ этого надобно ожидать, что въ зимніе мѣсяцы и особенно въ началѣ будущей весны, когда городъ наполнится посѣтителями парижскаго кристалльнаго дворца, доходы театровъ удвоятся. Однако и безъ этой приманки народонаселеніе столицы Франціи видимо увеличивается. Вотъ по историческимъ документамъ постоянное приращеніе жителей Парижа.

Въ XIII вѣкѣ считалось въ этомъ городѣ только 100,000 жителей, въ 1474 году 150,000; при Генрихѣ II, 210,000; въ 1590 году 300,000; при Лудовикѣ XIV—492,600, въ 1719 году 509,630;

съ 1752 по 1762 годъ 576,650; въ 1776, по словамъ Бюффона, 658,000, въ 1770 по ревизіи Могана 670,000; въ 1784, по счету Неккера 660,000; къ концу царствованія Людовика XVI—619,620; въ 1798 году 640,504; въ 1802 году—672,000; въ 1806—547,756; въ 1808—580,609; въ 1809—794,596; въ 1817—713,966; въ 1827—890,431; въ 1831 начались пятилѣтнія ревизіи, и жителей въ Парижѣ считалось 774,328, не считая солдатъ, отсутствующихъ и грудныхъ дѣтей; въ 1836—909,126, въ 1841—912,033, въ 1846—1,053,897, тогда какъ во всемъ Сенскомъ департаментѣ считается 1,364,467.

Изъ этой же ревизіи видно, что 996,067 жителей составляютъ постоянное народонаселеніе Парижа, а 57,195 временныхъ жителей.

Въ 1852 году родилось въ Парижѣ 33,284 ребенка, изъ которыхъ 22,426 законныхъ и 10,858 незаконныхъ. Въ этомъ общемъ числѣ 16,810 мальчиковъ и 16,474 дѣвочки.

Стало бытъ, если народонаселеніе будетъ усиливаться въ той же прогрессіи, то Парижъ въ послѣдствіи соединится со всеми сосѣдними селеніями, какъ Лондонъ. Впрочемъ, для помѣщенія гостей, начали строить дома чуть не въ десять этажей. Будетъ гдѣ помѣстяться.

Такъ какъ я началъ уже говорить о цифрахъ, то буду продолжать приводить данныя. Уже давно подъ предѣтельствомъ извѣстнаго артиста-мецената барона Тейлора составились общества взаимнаго пособія бѣднымъ артистамъ, и эти общества находятся теперь въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Общество драматическихъ артистовъ, основанное четырнадцать лѣтъ тому назадъ, имѣетъ теперь 26,800 франковъ ежегоднаго дохода и выдаетъ большому числу артистовъ временное пособіе, а 90 лицамъ пенсіи въ 120 и 300 фр.

Второе общество музыкантовъ, основанное въ 1843 году, имѣетъ 15,000 фр. дохода, и третье, существующее тоже десять лѣтъ, 15,000 франковъ.

Четвертое благотворительное общество, учрежденное въ 1849 году, имѣетъ уже 1,200 франковъ дохода.

Всѣ четыре общества обладаютъ въ настоящее время капиталомъ въ два милліона, съ 60,000 фр. дохода, и выдали уже, со времени своего основанія, болѣе 500,000 фр. пособія и пенсій.

Сколько бѣдныхъ артистовъ обязаны жизнію учрежденію барона Тейлора, посветившаго всѣ свои труды, все состояніе и жизнь на пользу искусства и на поддержаніе бѣдныхъ артистовъ, которые почти всегда встрѣчаютъ, въ началѣ поприща, неудачи и недостатки, убивающіе или

татантъ, или самого человѣка. За то имя барона Тейлора уважается всеми благородными людьми, и биографія его, помѣщенная Миркуромъ въ *Современникахъ*, вышла четвертымъ изданіемъ, такъ всѣмъ пріятно прочитатъ жизнь умнаго, добраго, честнаго человѣка, имѣющаго одну цѣль въ жизни—дѣлать добро и исполняющаго ее, не смотря на все препятствія. За эту биографію остроумный авторъ *Современниковъ* вѣроятно не получитъ ни угрозъ, ни вызововъ на дуэль, ни требованій въ полицію, какъ это было за другіе очерки *великихъ людей*, потому что въ жизни барона Тейлора нѣтъ ни одной минуты, ни одного поступка, даже ни одной мысли вредной или предосудительной. Искусство и благодѣянія—вотъ два слова, которыя должны быть помѣщены въ его гербѣ.

Вотъ новое средство заставить все городскіе часы идти вѣрно, или по крайней мѣрѣ въ одно время. Изъ Верчеля (въ Пиемонтѣ) пишутъ, что тамъ часы, находящіеся на одной башнѣ, соединены электрическою проволокою съ регуляторомъ, который находится въ Ратушѣ. Это средство можно примѣнить и ко всемъ стѣннымъ часамъ, которые будутъ идти въ одно время и бить вѣрно.

Недавно въ Антенской улицѣ на дворѣ рыли яму, и работники нашли въ ней обломокъ старой широкой шпаги, на которой вырѣзаны шесть буквъ: *emoigs*. Такъ какъ по преданіямъ, на этомъ самомъ мѣстѣ происходить 30 іюля 1652 года, знаменитый поединокъ герцоговъ Немурекаго и Бофора, то археологи тотчасъ же рѣшили, что обломокъ шпаги долженъ непременно принадлежать герцогу Немурекому, который лишился жизни въ этомъ несчастномъ поединкѣ съ своимъ другомъ и зятемъ.

Когда противники, окруженные своими пятью секундантами, стояли другъ противъ друга, герцогъ Бофоръ сказалъ:

— Не стыдно ли намъ драться, братъ? Забудемъ прошлое, и будемъ друзьями.

Но Немуръ вскричалъ:

— Защищайся! убей меня, или я тебя убью!

И онъ бросился на Бофора какъ безумный, но тотъ не только отразилъ нападенье, но убилъ наповаль своего друга. Секунданты въ то время не оставались зрителями, а также дрались, и двое изъ десяти были убиты, остальные все ранены.

Вотъ какія ужасныя *шутки*, какъ ихъ называли тогда, истребляли молодыхъ дворянъ, некавшихъ только случая подраться. Теперь, къ счастью, дуэли вышли изъ моды, а если и бываютъ, то большею частію не кровопролитныя. Американцы, имѣющіе въ нашъ вѣкъ монопо-

люю новыхъ изобрѣтеній, выдумали еще новый способъ дуэли, который называется *водянымъ*. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ безопасенъ, но во всякомъ случаѣ въ немъ проливаютъ очень много воды, а не крови. Вотъ описаніе этой *модной* американской дуэли.

Городъ Мокелумнъ (въ Калифорніи) имѣлъ недавно случай присутствовать на необыкновенномъ даровомъ спектаклѣ. Два молодые человека Лафаржъ и Дюдле за что-то поссорились, и рѣшили прибѣгнуть къ водѣ, чтобъ окончить свою ссору. Они достали двѣ пожарныя трубы, наполненные водою, и ставъ въ двадцати шагахъ одинъ отъ другаго, начали поливать другъ друга, какъ пожарные обливаютъ мѣсто, гдѣ показался огонь. Въ продолженіи десяти минутъ, оба противника выдерживали храбро потоки воды, но наконецъ Дюдле, вѣроятно прозябнувъ, убѣжавъ съ поля битвы, какъ будто съ нимъ сдѣлалась водобоязнь. Тѣмъ и кончилась эта странная дуэль, и такъ какъ пожарныя трубы надобно было возвратить, то потомки и не найдутъ никакого доказательства геройской битвы Лафаржа и Дюдле. Хорошо если бъ всѣ ссоры кончались однимъ обливаніемъ водою.

Смерть и въ этотъ мѣсяць похитила многихъ извѣстныхъ людей. Умерли: драматическій авторъ Варнеръ, написавшій *Бракъ по разсудку*; Анжело, членъ французской академіи; Ладвока, извѣстный книгопродавецъ, издатель сочиненій Шатобріана, Ламартина, и журналистъ Изидоръ Гюйе, писавшій во многихъ газетахъ статьи объ искусствахъ и парижскихъ древностяхъ.

Умеръ также человекъ, составившій себѣ имя въ оружейномъ искусствѣ, въ которомъ онъ былъ настоящимъ артистомъ, Генрихъ Лепажъ. Онъ вполне изучилъ свое ремесло и довелъ его до такого совершенства, что его клинки цѣнились выше дамасскихъ и толедскихъ.

Прошелъ также слухъ, что умеръ превосходный артистъ Меленгъ, отправившійся на воды для поправленія здоровья, но къ счастію извѣстіе это оказалось ложнымъ, потому что имя его уже стоитъ на афишѣ театра Сень-Мартенскихъ воротъ, и онъ вскорѣ выйдетъ въ лучшихъ своихъ роляхъ.

Извѣстно, что послѣ смерти каждаго значительнаго и даже незначительнаго лица бываетъ продажа съ аукціона всего его имущества, и публика спѣшитъ раскупать драгоцѣнности, рѣдкости или просто воспоминанія.

Недавно умерла въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ одна старая маркиза, оставя большое состояніе и болѣе дюжины наслѣдниковъ, такъ что надобно было поневолѣ прибѣгнуть къ распродажѣ удивительнаго собранія старинной мебели, рѣдкихъ вещей, драгоцѣнностей и кружевъ,

которые опять вошли въ моду, потому что иначе нельзя было раздѣлять наслѣдства между многочисленными родственниками покойницы. Весь Париж сбѣжался на этотъ любопытный аукціонъ, и послѣ него случилось небольшое происшествіе, которое рассказываютъ въ высшемъ кругу подъ названіемъ: знаменитый вѣеръ. Вотъ оно:

Одна хорошенькая и молоденькая виконтеса знала, что у старой маркизы былъ удивительный вѣеръ, рисованный Буше, и на которомъ артистъ изобразилъ двѣнадцать особъ, мужчинъ и женщинъ, танцующихъ минуэтъ. Главное достоинство рисунка состояло въ томъ, что это были двѣнадцать портретовъ придворныхъ Людовика XV. При томъ же отдѣлка вѣера была артистическая, и виконтесса поспѣшила на аукціонъ. Но, о ужасъ! Или она спѣшила очень медленно, или вѣеръ назначенъ былъ въ списокъ изъ первыхъ вещей, только виконтесса опоздала и узнала, что вѣеръ купленъ одною пожилою баронессою, извѣстною своими строгими правилами, примѣрною жизнію, и имѣвшей одну страсть, впрочемъ простибельную, потому что она была богата, затмѣвать всѣхъ молодыхъ женщинъ свѣимъ великолѣпіемъ въ нарядахъ, которые отличались всегда самымъ изящнымъ вкусомъ. Баронесса была сверхъ того неумолима къ женщинамъ... непримѣрнаго поведенія, и не могла хладнокровно слышать не только именъ г-жи Помпадуръ или Дюбарри, но даже Аспазіи.

Хорошенькая виконтесса, у которой препятствіе только усилило желаніе имѣть драгоценный вѣеръ, была просто въ отчаяніи, зная, что баронесса не согласится ни продать его, ни подарить.

Одинъ изъ молодыхъ людей не могъ никакъ видѣть отчаянія виконтессы и рѣшился, во что бы то ни стало, утѣшить ее. Онъ явился къ старой баронессѣ, удивленной его визитомъ, и сказалъ ей самымъ любезнымъ тономъ, какимъ говорилъ только съ молодыми красавицами.

— Извините меня, баронесса, что я смѣлъ обезпокоить васъ, но я надѣюсь на ваше снисхожденіе, когда вы узнаете причину моего неожиданнаго визита. Вы были на аукціонѣ въ отелѣ покойной маркизы *** и купили вѣеръ.

— Да, я выбрала его потому, что на немъ рисунокъ Буше, отвѣчала баронесса.

— И вамъ нравится эта вещь?

— Я бы не купила ее, еслибъ она мнѣ не нравилась.

— Но еслибъ ктонибудь, кому эта вещь особенно дорога, попросилъ васъ... уступить ему вѣеръ.

— Что такое? Не принимаете ли вы меня за торговку, не думаете ли, что я буду перепродавать то, что однажды купила?

— О! я не смѣю имѣть подобныхъ мыслей, баронесса, и никогда не думалъ обижать васъ, предлагая вамъ сдѣлку. Я пришелъ только умолять васъ, чтобъ вы передали мнѣ вѣрзь за ту цѣну, за которую вы сами его купили. Вы заплатили за него шестьдесятъ луидоровъ, но для меня онъ стоить гораздо дороже.

— Понимаю. Вы хотите подарить его какой нибудь молодой кокеткѣ, чтобъ она была къ вамъ благосклоннѣе. И вы думаете, что я буду помогать вамъ въ вашихъ интригахъ?

— Вы совершенно ошибаетесь, баронесса.

— Не хотите ли вы увѣрить меня, что вѣрзь этотъ назначается вами не женщицѣ? Это было бы странно!

— Странно, но справедливо. Я прошу у васъ вѣрзь для моего дядюшки, стараго холостяка, богатаго и капризнаго, который въ состояннн лишитъ меня наслѣдства если вы откажете въ моей просьбѣ.

— Это еще что за исторія?

— Вотъ въ чемъ дѣло. Мой дядюшка поручилъ мнѣ купить ему на аукционѣ этотъ историческнй вѣрзь, но меня задержали не скажу дѣла, но удовольствнн, и я опоздалъ на аукционъ. Отъ этого я могу быть несчастнымъ во всю жизнь. Надобно вамъ сказать, баронесса, что почтенный мой дядюшка собираетъ историческую коллекцнн, состоящую изъ вещей, принадлежавшихъ... извините, баронесса, фавориткамъ Генриха IV, Людовика XIV и Людовика XV.

— Какъ ему не стыдно! Какой ужасъ!

— Извините, баронесса, если я, какъ единственный наслѣдникъ, уважаю прихоти дядюшки. Онъ хочетъ во что бы то ни стало обладать вѣромъ, принадлежавшимъ г-жѣ Помпадуръ.

— Что вы говорите? Вѣрзь, купленный мною, принадлежалъ этой... женщицѣ!

— Развѣ вы этого не знали, баронесса! Помилуйте, да на это есть историческнн доказательства. Объ этомъ вѣрѣ упоминаютъ даже въ современныхъ мемуарахъ...

— Возможно ли! И я дотрогивалась до него... по счастью перчатками. О! я прикажу бросить его въ огонь.

— Зачѣмъ же истреблять его, когда вы можете спасти человѣка отъ разореннн. Зачѣмъ бросать также шестьдесятъ луидоровъ? Сжалитесь надо мною, баронесса, отдайте мнѣ этотъ ужасный вѣрзь.

— Возьмите его сами въ этомъ ящикѣ. Я не хочу даже смотреть на него, сказала баронесса отворачиваясь.

Молодой человѣкъ поспѣшилъ спрятать вѣрзь въ барманъ, положилъ

на его мѣсто шестьдесятъ лундоровъ, потомъ поблагодарилъ баронессу и полетѣлъ утѣшать виконтессу.

Надобно себѣ вообразить, какъ былъ встрѣченъ счастливый племянникъ небывалаго дяди.

Баронесса два раза чуть не захворала съ досады.

Въ первый разъ отъ мысли, что восхищалась вещью, принадлежащею маркизѣ Помпадуръ, а во второй разъ отъ гнѣва, когда узнала, что молодой повѣса одурачилъ ее, и что молоденькая кокетка смѣется надъ анекдотомъ про дядю, который собираетъ историческую коллекцію.

Въ третій же разъ баронесса серіозно захворала, узнавъ, что вѣреръ принадлежалъ всегда самымъ добродѣтельнымъ особамъ. Онъ сдѣланъ былъ для Маріи Лещинской, потомъ принадлежалъ принцессѣ Ламбаль, а наконецъ Маркизѣ ***, извѣстной тоже своею примѣрною жизнію, словомъ онъ всегда былъ въ самыхъ непорочныхъ рукахъ, и какъ говорить Людовикъ XVIII въ знаменитомъ четверостишіи, «вѣялъ зефирами только на добродѣтельныя лица».

Впрочемъ, на аукціонѣ бывають еще не такія исторіи, особенно если въ числѣ покупателей много женщинъ. Стоитъ только одной надбавить цѣну на какую нибудь бездѣлицу, и тотчасъ же другія, чтобъ только не уступить, набивають баснословныя цѣны, и потомъ приходятъ въ отчаяніе, что заплатили дорого за пустую вещь. Только коллекціи книгъ и картинъ не собирають многочисленной публики и проходятъ тихо и чинно, а главное скоро, потому что на книги рѣдко кто набавляетъ цѣну, а рукописи и автографы расплодился въ такой степени, что ихъ отдаютъ почти даромъ, и то рѣдко находятъ охотниковъ. Картины и статуи тоже не въ большой чести.

Французская академія назначила на 1855 и 1856 годы слѣдующіе сюжеты, за которые установлены награды, состоящія изъ золотыхъ медалей и денегъ.

Въ краснорѣчій остается тотъ же сюжетъ, какой былъ въ 1854 году, потому что не нашли ни одного сочиненія достойнаго награды. Это *Разсужденіе о жизни и сочиненіяхъ герцога Сен-Симона*.

На 1856 годъ задана въ краснорѣчій: *Похвала Вовенарга*. Кроме того историческія разысканія о литературѣ во Франціи въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, этюды о Фруассарѣ, критика Тита Ливія, предложенныя уже въ прошломъ году и не получившія наградъ, могутъ оиать быть присланы на конкурсъ въ новомъ видѣ и заслужить медали или денежное награжденіе.

Общество, покровительствующее животнымъ, рѣшилось употребить все свое вліяніе на то, чтобъ сохранить бѣдныхъ пчелъ отъ уничтоже-

нія. Извѣстно, что неблагодарные люди, желающіе овладѣть запасными магазинами пчель, и боясь ихъ жалъ, курятъ въ ульѣ сѣрой, запахъ которой умерщвляетъ этихъ трудолюбивыхъ насѣкомыхъ. Общество покровительства животныхъ прибѣгло къ правительству и просило его обнародовать законъ, которымъ всякій истребитель пчель подвергается строгому наказанію.

Въ Бордо былъ гомеопатическій конгрессъ, на которомъ собралась многочисленная публика, и президентъ собранія, докторъ Бонневаль сказалъ рѣчь, въ которой изобразилъ исторію гомеопатіи съ самаго начала ея основанія и надежды ея въ будущемъ. Послѣ него говорили на тотъ же сюжетъ нѣкоторыя другія лица, доказавшія очень ясно, что одна гомеопатія можетъ спасти человечество отъ всѣхъ болѣзней, и все общество разошлось, вполне увѣренное если не въ универсальности леченія, то по-крайней-мѣрѣ въ краснорѣчьи и добросовѣстности ораторовъ.

Вотъ одно извѣстіе, которое должно занять всѣхъ ученыхъ. Въ Гамбургъ привезены три перуанскія муміи и выставлены въ залѣ Гармоніи. Одинъ молодой человѣкъ въ Перу копалъ землю близъ древнихъ развалинъ, въ надеждѣ найти кладъ, и вмѣсто его нашелъ въ одномъ углубленіи эти три муміи, которыя продалъ одному бельгійскому капитану, привезшему ихъ въ Гамбургъ.

Метеорологическое общество Франціи вводитъ въ употребленіе *гипсотермометръ*—инструментъ, назначенный для измѣренія высотъ. Въ 1841 году, Вольфердинъ представилъ уже геологическому обществу Франціи подобный же инструментъ для измѣренія высотъ посредствомъ самаго вѣрнаго означенія температуры, въ которой паръ отдѣляется отъ кипяченой воды. Чтобъ польза инструмента была несомнѣнна, надобно чтобъ нуль былъ провѣренъ съ величайшею точностью.

Многіе ученые уже дѣлали опыты съ гипсотермометромъ на горахъ близъ Лемана, имѣвшіе желаемый успѣхъ. Такъ какъ инструментъ этотъ очень удобенъ для путешествій, то его можно употреблять вмѣсто барометра, который очень трудно уберечь въ дорогѣ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я приводилъ статистику припасовъ, съѣдаемыхъ парижскими жителями въ теченіе года; все сказанное мною относилось однакоже къ зажиточному классу народонаселенія, бѣдный же классъ въ Парижѣ никогда почти не пользуется свѣжими и *настолицами* припасами, но его кормятъ какимъ-то смѣшеніемъ подкрашеннымъ, подмѣшаннымъ, которое, какъ бутафорекія кушанья на театрѣ, имѣетъ только видъ здоровой пищи, но уже никакъ не вкусъ.

Недавно одинъ изъ моихъ пріятелей, зная, что я не советѣмъ вѣрю

въ ежедневное *отравленіе* пищи народа, предложилъ мнѣ обойти съ нимъ мелкіе кафе-рестораны и винныя погреба, находящіеся у заставъ города.

— Вы увидите собственными глазами, прибавилъ онъ, чѣмъ питается этотъ народъ, который вѣроятно все еще очень крѣпокъ, если его немогутъ отравить, подчуя съ утра до вечера самыми вредными, самыми неудобоснѣдаемыми веществами.

Въ девять часовъ утра мы сѣдлали нашъ первый опытъ надъ кофе, въ ресторанѣ Сенъ-Мартенской улицы. Намъ подали двѣ фарфоровыя чашки, до того толстыя и тяжелыя, что въ нихъ, не смотря на огромность объема, вмѣщалось очень мало кофе.

— Если бъ кофе былъ такъ дорогъ какъ во время континентальной системы, сказалъ мой товарищъ, то подобная экономія была бы понятна, но онъ теперь чрезвычайно дешевъ, и не смотря на это, даже и въ этомъ маленькомъ количествѣ намъ подали не чистый кофе. Попробуйте его. Горькій и кисловатый вкусъ доказываетъ, что въ немъ половина цикорія. Что же касается до сливокъ или молока, то въ нихъ прибавлено большое количество воды, подбѣленной рисовою мукою, и кромѣ того, въ нихъ прибавлено немного поташу, чтобъ они не скислись. Надѣялись, что желѣзныя дороги, доставя скорое и дешевое сообщеніе, уменьшать эти мошенничества. Но вѣроятно обманывать сдѣлалось уже привычкою у поселянъ, и они продолжаютъ продавать намъ подмѣшанное молоко, пока полиція не войдетъ въ это серьезно и не остановитъ продажи подбѣленной воды.

Разумѣется, что серебро, поданное намъ, былъ чистый томпакъ. Мы спросили по рюмкѣ водки, и пріятель мой выпивъ ее съ разстановкою, сказалъ:

— Въ этой водкѣ положенъ перецъ и растеніе болиголова, вотъ почему она не только горькая, но и жгучая. Въ такомъ случаѣ она чрезвычайно вредна для здоровья и разстраиваетъ желудки работниковъ, которые не привыкли патошакъ выпивать по рюмкѣ. Эта водка не только портитъ желудокъ, но сильно дѣйствуетъ на голову и потрясаетъ умственные способности.

Въ ожиданіи обѣда мы прошлись до Монфокона. Это высокая гора, находящаяся между предмѣстьями Сенъ-Мартенскимъ и Сенъ-Денискимъ. Здѣсь прежде вѣшали преступниковъ на огромной висѣлицѣ, воздвигнутой Энгерамомъ Мариньи, который первый и обновилъ ее. Страшная висѣлица давно уже не существуетъ, и на мѣстѣ ея построена бойня для лошадей. Когда эти полезныя животныя теряютъ послѣднія силы на службѣ челоуѣка, ихъ приводятъ на Монфоконъ и убиваютъ.

Что же дѣлаютъ съ мясомъ лошадей? Оно назначено для корма животныхъ, но бѣдные люди покупаютъ большую часть его.

При насъ пришла бѣдная женщина на бойню и просила въ долгъ кусокъ лошадиного мяса. Ей отказали, но я заплатилъ за нее двадцать сантимовъ, и она была въ восторгѣ, что получила свое жаркое. Возлѣ бойни для лошадей устроена бойня собакъ и кошекъ. Въ большой комнатѣ убиваютъ безъ милосердія всѣхъ собакъ, не имѣющихъ пристанища въ Парижѣ, въ другой очень осторожно чистятъ и потрошатъ кошекъ. Я не думаю только, чтобъ ихъ приготовляли такъ чисто для звѣрей ботаническаго сада, или для удабриванія земли.

Эта бойня заражала Парижъ своимъ запахомъ, и потому ее переводятъ въ Бондійскій лѣсъ.

Такъ какъ приближался часъ обѣда, то мы поспѣшили къ заставѣ, чтобъ продолжать наши опыты.

— Сегодня мы пообедаемъ фантастическими кушаньями, сказалъ мой другъ, и если не захвораемъ съ одного раза, то завтра можемъ утѣшиться обѣдомъ у Вефура или Филиппа.

Мы вошли въ ресторанъ Бельвильской улицы, находящейся за заставой.

Мы выбрали обѣдъ по картѣ изъ блюдъ, кажется невозможныхъ къ поддѣлкѣ. Онъ состоялъ изъ чистаго супа, бифтекса съ картофелемъ, рыбы подъ бѣлымъ соусомъ, шинната и бутылки Маконскаго вина.

И чтожъ! Намъ подали бульонъ прекраснаго цвѣта, но до того легкой, что тотчасъ видно было, что въ немъ не варилось мясо. Это была просто вода, смѣшанная съ подливкою отъ жаренаго мяса. Бифтексъ состоялъ изъ куска говядины, битой до того, что изъ него вышелъ весь сокъ. Картофель былъ жаренъ въ жирѣ, въ которомъ уже жарилась рыба, и потому принялъ горькій вкусъ и останавливался въ горлѣ. Телячьи почки были вырѣзаны изъ бычачьяго сердца посредствомъ желѣзныхъ формъ. Въстѣ рыбы намъ подали морскаго угря. Наконецъ, въ блюдѣ шинната не было ни одного листика этого растенія, а соусъ былъ сдѣланъ изъ зелени картофеля, мелко изрубленной и приправленной жиромъ. Что же касается до маконскаго вина, это было шерекое вино, смѣшанное съ бѣлымъ бургонскимъ и русильонскою водкою.

Вотъ весь нашъ обѣдъ, а мы выбрали еще самыя простыя блюда.

Послѣ подобнаго угощенія можно задать себѣ слѣдующій вопросъ: Сколько времени можетъ человѣкъ жить подобною пищею? Кажется, долго, потому что желудокъ привыкаетъ ко всему. Отчего не привыкнуть къ голубому вину, сдѣланному изъ бычачей крови и спирта. Въдѣ Митридатъ пріучилъ же себя къ яду, китайцы привыкаютъ къ

опіуму и простой народъ къ водкѣ. Нѣкоторые желудки могутъ все переварить безъ всякаго вреда для здоровья.

Для сваренія этого интереснаго обѣда, мы отправились къ Тортони выпить чашку чистаго кофе и рюмку ликера. И то и другое здѣсь превосходно. Кофе черенъ, имѣетъ мало запаха, и легкій вкусъ рыбьяго клея. Разумѣется, дома можно пить лучшаго кофе, когда онъ приготовленъ старательно и поданъ горячимъ. Во всѣхъ же общественныхъ заведеніяхъ онъ никакъ не можетъ быть отличнѣмъ, потому что его приготавливаютъ заранѣе и долго оставляютъ на плитѣ, отчего онъ теряетъ почти весь аромать.

— Вы видѣли теперь чѣмъ питается нашъ бѣдный классъ, сказалъ мнѣ пріятель. Но мы испытали теперь поддѣлку кушаньевъ въ самомъ лучшемъ и невинномъ видѣ. Надобно заглянуть въ рестораны самаго низшаго разряда, въ заведенія латинскаго квартала или предместьевъ, въ кабаки и трактиры, гдѣ толпятся послѣдніе классы общества.

Не грустно ли, что въ такой богатой странѣ какъ Франція, гдѣ земля производитъ такъ много хлѣба и плодовъ, гдѣ мясо дешево, и виномъ можно напоить всю Европу, народъ осужденъ питаться поддѣльною и подкрашеною пищею, которая разстраиваетъ его здоровье и лишаетъ силъ. Даже хлѣбъ, который онъ ѣстъ, сдѣланъ не изъ чистой муки, а съ примѣсью алебаstra и известки. И послѣ этого удивляются, что госпитали наполнены больными, что множество людей умираетъ въ молодости, и что въ народѣ встрѣчаются рѣдко рослые, красивые люди, какіе считались украшеніемъ императорской гвардіи.

Если портятъ жизненные органы дурною пищею, то можетъ ли чело-
вѣкъ развиваться какъ слѣдуетъ?

Теперь расширяютъ улицы для чистоты воздуха, хлопчатъ о здоровыхъ помѣщеніяхъ, устраиваютъ публичныя бани, фонтаны во всѣхъ улицахъ, чтобъ обмывать мостовыя, но этого недостаточно. Надобно учредить строгіе законы для уничтоженія мошенничества, и доставлять народу свѣжую, здоровую пищу, а не отравлять его всякій день гомеопатически.

Всѣ торговцы, отъ продавца дровъ до погребщика, отъ молочницы до трактирщика, всѣ, которые кормятъ, поятъ, одѣваютъ, грѣютъ народъ, обманываютъ его во всемъ, обираютъ и окармливаютъ.

Если мошенничество такъ безжалостно, то не мѣшаетъ и полициі быть построже, чтобъ наконецъ истребить эти злоупотребленія, про которыя давно уже говорятъ и серьезно, и въ шутку.

Альфонсъ Карръ уже нѣсколько разъ въ своихъ остроумныхъ Осахъ намекалъ на отравленія трактирщиковъ и виноторговцевъ и говорилъ, что

они ежедневно отравляютъ сотни невинныхъ гражданъ, и за это пользуются всеобщимъ уваженіемъ, потому что успѣваютъ мошенничествомъ нажить состояніе. Главная же причина этого та, что всѣ торопятся разбогатѣть, живутъ не по состоянію, хотятъ блестятъ и казаться не тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, то есть не отравителями, а порядочными и честными людьми. О тщеславіи! Можетъ ли оно пожалѣть о желудкахъ бѣднаго народа, который обязанъ трудиться въ потѣ лица, строить великолѣпныя дома, проводить улицы, дѣлать роскошныя матеріи, переносить тяжести, и послѣ всего этого питаться смѣшеніемъ веществъ, не назначенныхъ природою въ пищу человѣка.

Французская литература занимается или политикою, или мемуарами. Кто нынче не пишетъ мемуаровъ и не разсуждаетъ о политикѣ? Одинъ только неутомимый Дюма продолжаетъ наводнять книжную торговлю цѣлымъ потокомъ романовъ: *Le Page du Duc de Savoie*, *Les Mohicans de Paris*, окончаніе графини Шарни и пр. и пр., и кромѣ этого вышло нѣсколько чисто историческихъ сочиненій и безконечныя Мемуары того же автора. Судя по этой необыкновенной дѣятельности, можно предполагать, что авторъ Мухкетеровъ чрезвычайно богатъ, но увы! Если онъ легко добываетъ деньги, то проживаетъ ихъ еще скорѣе. Все, что онъ имѣетъ, принадлежитъ его друзьямъ, а друзей у Александра Дюма болѣе пятидесяти тысячъ. Его домъ всегда открытъ для всѣхъ, и кто бы ни пришелъ передъ завтракомъ и обѣдомъ, всегда приглашенъ остаться. Однажды Альфонсъ Карръ, замѣтя за обѣдомъ совершенно новое и странное лице, спросилъ у хозяйна: кто этотъ новый гость?

— Не знаю, отвѣчалъ Дюма, вѣрно пріятель моего сына.

Карръ обратился къ молодому Дюма и сдѣлалъ ему тотъ же вопросъ.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ, вѣрно одинъ изъ друзей моего отца.

Послѣ этого не мудрено, что иногда писатель остается безъ денегъ, и не можетъ заплатить ничтожной суммы.

Разъ пришелъ въ Монте-Кристо сапожникъ и подалъ Дюма счетъ, простирающійся до ста экю.

— У меня нѣтъ сегодня денегъ, сказалъ писатель, приходите въ другой разъ.

— Вамъ хорошо разсуждать, отвѣчалъ сапожникъ, развѣ мнѣ есть время прогуливаться? я не могу ходить даромъ.

— Вы правы, сказалъ Дюма, вамъ время дорого. Вотъ вамъ десять франковъ за то, что вы пришли понапрасну. Разумѣется, это я вамъ даю не въ счетъ ста экю, которые все таки остаюсь вамъ долженъ.

Сапожникъ ушелъ чрезвычайно довольный, и черезъ три дня опять пришелъ за долгомъ; но такъ какъ у Дюма опять не случилось ста эю, онъ далъ своему кредитору десять франковъ за наурасный приходъ. Сапожнику вѣроятно это понравилось, потому что онъ явился черезъ два дня и получалъ тотъ же отвѣтъ и новые десять франковъ. Это продолжалось два мѣсяца, и Дюма переплатилъ сапожнику по десяти франковъ уже триста, но все таки остался ему должнымъ сто эю.

Про Бальзака тоже говорили, что онъ миллионеръ, но и онъ бывалъ иногда въ критическихъ обстоятельствахъ. Однажды одинъ изъ друзей Бальзака, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ, пригласилъ его завтракать въ ресторанъ Гриля.

— Никакъ не могу, сказалъ Бальзакъ.

— Отчего это? Вѣдь ты не завтракалъ?

— Нѣтъ, но пойдемъ въ другой ресторанъ.

— Отчего же не въ этотъ?

— Оттого, что я въ ссорѣ съ хозяиномъ этого заведенія. Я ему долженъ восемьсотъ франковъ за одни котлеты.

Театры готовятъ къ зимѣ пропасть новостей на всевозможные вкусы. Верди написалъ съ Скрибомъ оперу, которая уже ставится на сцену. Французская комедія приняла драму въ стихахъ Виктора Сежура, главную роль въ которой будетъ играть Рашель. Кромѣ того, уже разучиваютъ комедію одного изъ любимыхъ авторовъ публики, Мери подъ названіемъ *L'Essai du Mariage*.

На театрѣ гимназій ставятъ новую пьесу Жоржъ Занда, передѣланную изъ извѣстнаго романа ея *Теверино*, переведеннаго и на русскій языкъ. Главныя роли будутъ отданы Розѣ Шери и Лафонтену. Г-жа Жирарденъ написала тоже для этого театра комедію подъ названіемъ *Le chapeau de l'Horloger*, и другую пьесу, которая еще будетъ читаться во Французскомъ театрѣ.

Театръ Сент-Мартенскихъ воротъ вздумалъ ангажировать актрису Жоржъ, и она выйдетъ въ новой драмѣ подъ названіемъ *La chambre argente*, гдѣ будетъ играть роль маркизы Бренвилье.

Моннье, извѣстный авторъ - актеръ написалъ тоже двѣ пьесы для Палерояля, и такъ какъ онъ самъ будетъ играть въ нихъ главныя роли, то пьеса еще больше понравится публикѣ, которая отдаетъ полную справедливость разнообразному таланту Моннье.

Другіе театры не жалѣютъ ничего, чтобъ тоже привлечь публику если не новостями, то старыми, но любимыми пьесами.

Одеонъ поставилъ драму *Векфильдскій пасторъ*. До пачала пьесы большая часть публики, зная превосходный романъ Гольдсмита,

никакъ не предполагала, чтобъ изъ него можно было сдѣлать порядочную пьесу, потому что уже было много неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ образцовое литературное произведеніе, передѣланное для сцены, представляло только карикатуру. Да и какую драму и еще въ пяти актахъ можно было сдѣлать изъ этого простаго сюжета, изъ этихъ персонажей обыкновенныхъ людей, добрыхъ, честныхъ, слабыхъ, но совсѣмъ не героевъ и не преступниковъ. Вотъ отчего начало пьесы было принято холодно и недовѣрчиво, хотя театръ былъ полонъ. Но послѣ перваго акта холодность уже исчезла. Зрители поняли, что авторы драмы люди талантливые и умные, и что они не смѣя передѣлывать творенія англійскаго писателя, перенесли на сцену со всевозможною осторожностью все дѣйствующія лица и весь ходъ романа.

При слѣдующихъ актахъ вниманіе публики увеличивалось и она съ любопытствомъ слѣдила за трогательною исторіею, какъ будто перечитывала опять романъ Гольдсмита. При окончаніи она выразила свое удовольствіе громкими аплодиссентами и вызовами и доказала этимъ, что ей нравятся не одни раздирательныя пьесы съ преступленіями, ужасами, чудесами, но что и простое происшествіе, основанное на честности и тихихъ чувствахъ, производитъ сильное впечатлѣніе, если оно написано гениальнымъ человѣкомъ и передано съ такимъ искусствомъ, съ какимъ артисты Одеона представили знаменитое произведеніе.

Артистъ Тиссеранъ, составившій пьесу вмѣстѣ съ Еженомъ Нью, такъ превосходно понималъ характеръ Примроза, что самъ Гольдсмитъ сознался бы, что лучше его нельзя изобразить типъ мирнаго, честнаго, добраго, смиреннаго человѣка, который и въ несчастіяхъ сохраняетъ вѣру въ Провидѣніе. Остальные артисты играли тоже превосходно и способствовали успѣху драмы, которая долго останется на афишѣ.

Громкое названіе и ловкое объявленіе всегда производятъ большое впечатлѣніе и ручаются если не за продолжительный, то по крайней мѣрѣ за минутный успѣхъ, а часто довольно и его, чтобъ сдѣлать извѣстнымъ и автора, и актеровъ, и театръ.

Объявленія играютъ такую важную роль въ жизни Парижа, что мы расскажемъ вкратцѣ ихъ исторію.

Съ тѣхъ поръ какъ древній форумъ разрушенъ и матеріалы его проданы съ аукціона, случаи говорить съ публикою сдѣлались очень рѣдки. У науки есть каюдра, у политики трибуна, у искусствъ театры; только у промышленности долго не было никакого средства сообщенія съ публикою. Объявленіе родилось, какъ и все на свѣтѣ, отъ нужды, и сдѣлалось рупоромъ человѣка, желающаго продать то, что у него не покупаютъ.

Родина объявленій—Англія. Въ Times давно уже занята была огромная страница по шести пенсовъ за строчку, тогда какъ Costitutionnel объявлялъ только о романахъ д'Арленкура и бандажахъ Лепердріеля. Правда, что британскія объявленія дешевы и однообразны, и что они не только не останавливаютъ читателя, но еще заставляютъ его искать въ безчисленныхъ колоннахъ предмета, который ему нуженъ.

Въ это время явились въ свѣтъ лекарственныя лепешечки Реньо, и изобрѣтатели ихъ, въ главѣ которыхъ былъ докторъ Веронъ, поняли, что одно искусное объявленіе можетъ прославить ихъ лекарство. Они въ самомъ дѣлѣ употребили все рупоры газетъ, и такъ какъ лекарство это принадлежало оппозиціи, то все набросились на него съ жадностью, и оно имѣло такой же успѣхъ, какъ табатерки Туке и портреты генерала Фуа. Въ это время партія Сент-Жерменскаго предмета много потеряла, потому что не могли придумать даже никакого сирона.

Странствующие артисты, шарлатаны и мелочные торговцы изобрѣли самый наивный родъ объявленія, привлекающій публику изображеніемъ баснословныхъ звѣрей, великановъ и карликовъ, тогда какъ въ представленіи участвуютъ очень обыкновенные люди.

Одинъ купецъ, торгующій ваксою, собиралъ вокругъ себя многочисленную толпу слѣдующимъ оригинальнымъ объявленіемъ.

Онъ останавливался на площади у столбика, и поставя на него клетку, вынималъ оттуда околѣвшаго чижика, и прикрѣпивъ его къ палочкѣ, вставлялъ ему въ холодныя лапки микроскопическое ружье и кричалъ:

— Гвардія! слушай!

На этотъ зовъ сходились прохожіе и съ удивленіемъ смотрѣли на мертвую птичку и на живаго хозяина. Послѣдній послѣ нѣсколькихъ словъ команды, которыхъ, разумѣется, чижикъ не слушалъ, обращался къ публикѣ и продолжалъ:

— Пока моя канарейка готовится исполнять артикуль, позвольте мнѣ поговорить съ вами о ваксѣ олеагиносюдорифической. Она такъ блестяща, что сапогъ, вычищенный ею, можетъ служить вмѣсто зеркала. Она сохраняетъ кожу и дѣлаетъ ненужными все починки. Запахъ ея пріятнѣе всехъ духовъ, и вкусъ такой же превосходный какъ въ элексирѣ Гаруса. Въ подтвержденіе моихъ словъ я беру съ извратительной обуви самаго грязнаго овернца сдѣлать модные сапоги.

Послѣ этого изустнаго объявленія купецъ продавалъ присутствующимъ нѣсколько банокъ ваксы, и убравъ мертвую птицу въ клетку, уходилъ на другую площадь.

Объявленіе сдѣлалось самымъ вѣрнымъ доходомъ газетъ. И Жирар-

день, спустившій цѣну своего журнала на сорокъ франковъ, разсчитывалъ не на абонентовъ, а на объявленія.

Въ 1840 году составилось общество подъ покровительствомъ Винцента, которое скупило четвертыя страницы десяти главныхъ журналовъ, и объявляло о чемъ угодно и какими угодно буквами. Странно только, что эта компанія, располагавшая большими капиталами, ни разу не вздумала объявить о себѣ, хоть для того, чтобъ увеличить число акціонеровъ, или выгодно помѣстить капиталы.

Это была самая цвѣтущая эпоха объявленій, и въ это время печатались уже цѣлыя объявленія—афиши.

Чтобъ наполнить листъ, помѣщалось всегда слѣдующее объявленіе одного фермера:

«Продается *Китайская гордость* по четыре франка. Это сѣмя продается въ овальныхъ коробочкахъ. Стоитъ посадить его, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выростетъ огромное хлопчатобумажное дерево, изъ котораго выйдетъ столько нитокъ, что ихъ достаточно будетъ на чулки самому большому семейству. Сѣмя можно посадить въ обыкновенной землѣ, въ погребѣ, въ цвѣточномъ горшкѣ, гдѣ угодно, и вездѣ выростетъ въ короткое время тѣнистое дерево, которое произведетъ большой переворотъ въ промышленности и между другими деревьями».

И чтожъ? Многіе не только повѣрили этой сказкѣ, но еще побѣжали покупать Китайскую гордость; хозяинъ нажилъ порядочную сумму. Только чудное сѣмя вовсе не принималось и не разрасталось, вѣроятно потому, что наша земля очень проста.

Послѣ компаніи Винцента, всѣ журналы сами распоряжались своими четвертыми страницами, и имѣли дѣло лично со всѣми промышленниками и купцами. Потомъ Шарль Дюверье скупилъ опять объявленія всѣхъ журналовъ.

Въ это время Жирарденъ вздумалъ въ своей газетѣ ввести англійскую, однообразную методу объявленій, и переворотъ этотъ продолжался цѣлый годъ. Шоколадъ сердился, матерія роптали, но все было напрасно. Къ счастью, въ это время самъ издатель *Presse* произвелъ какое-то новое созданіе. Можно ли было объявить о немъ обыкновеннымъ шрифтомъ и посреди другихъ объявленій? Нѣтъ, авторъ-издатель напечаталъ огромную афишу, и разумѣется, долженъ былъ потомъ отказаться отъ англійской методы.

Дюверье исчезъ и передалъ свое право гг. Биго и Пани, которые теперь располагаютъ всѣми объявленіями въ журналахъ.

Они создали себѣ какую-то г-жу Б***, и упоминаютъ о ней во всѣхъ модныхъ объявленіяхъ, чтобъ сдѣлать ихъ вѣроятными. Напримѣръ:

Мы видѣли у Гофмана г-жу Б***, которая примѣрала чудные сафьянные полусапожки. Туфля Сандрильоны передъ ними покажется старымъ башмакомъ.

На послѣднемъ представленіи Гризи мы восхищались платьемъ изъ серебристаго газа съ тремя воланами, въ которомъ г-жа Б*** была еще прелестнѣе, еще воздушнѣе обыкновеннаго.

На послѣднихъ скачкахъ всѣ замѣтили зонтикъ отъ Казалья, сдѣланный такъ искусно и роскошно, что никогда еще такой прекрасный щитъ не скрывалъ отъ солнца болѣе восхитительнаго личика. Этотъ артистическій зонтикъ былъ въ ручкахъ г-жи Б***.

Эта фантастическая г-жа Б*** встрѣчается на каждомъ шагу во всѣхъ журналахъ, и потомки наши вѣроятно примутъ ее за историческое лицо, про которое станутъ писать романы.

Правильное объявленіе, повторяемое нѣсколько разъ, имѣетъ всего больше успѣха.

Публика совсѣмъ не такъ довѣрчива и не бросается на первое извѣстіе. Вотъ почему учредили повтореніе объявленій, чтобъ завлечь наконецъ покупателя.

Первое объявленіе читатель не замѣчаетъ.

Второе—видитъ, но не читаетъ.

Третье—читаетъ...

Четвертое—смотритъ на цѣну.

Пятое—сообщаетъ женѣ.

Шестое—жена соглашается.

Седьмое—читатель идетъ покупать.

Пани понялъ натуру покупателя, и учредилъ самую ничтожную плату за строчку объявленія. Разумѣется, что бѣдные не въ состояніи быть краснорѣчивыми.

Объявленія раздѣляются на слѣдующіе разряды по словамъ одного опытнаго наблюдателя:

Объявленіе восторженное.

Объявленіе презрительное.

Объявленіе анекдотическое.

Объявленіе эксцентрическое.

Объявленіе повелительное.

Объявленіе по корреспонденціи.

Объявленіе гиперболическое.

Объявленіе некрологическое.

Объявленіе официальное.

Восторженное объявленіе кричать, поеть, трубить и такъ разбѣгается широко по журналу, что задѣваетъ подиись редактора. Вотъ образецъ его:

«Толпа наводнила редакцію журнала *Фуражка*, которая раздаетъ преміи, состоящія изъ *непромокаемыхъ козырьковъ*. Каждый хочетъ получить этотъ любопытный журналъ, образующій умъ и сердце, и полезную премію, предохраняющую въ каникулы волосы. Редакція, желая угодить многочисленнымъ требованіямъ, открыла десять новыхъ конторъ для подписчиковъ, которые могутъ являться во всякое время, даже по окончаніи бала въ Мабилѣ.

«Просятъ чтобъ экипажи держали правую сторону, какъ предписано префектомъ полиціи».

Объявленіе презрительное и гордое дѣйствуетъ на читателя карамболемъ. Оно важно какъ лоретка въ новомъ платьѣ и объясняется сухо и отрывисто.

«Г. Топинабургъ, основатель знаменитаго дома Топинабургъ Барбишонъ и комп., который ввелъ во Франціи употребленіе растительной кожи, проситъ насъ объявить, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ г. Нарисомъ Барбишомъ, сынъ котораго осужденъ за незаконную охоту».

Къ этому разряду принадлежитъ и отрицательное объявленіе, которое выражается презрительно, и гордо предлагаетъ свои условія.

«Гг. управляющіе обществомъ рудъ въ Маркассетѣ объявляютъ публикѣ, что съ 17-го числа не будутъ уже выдавать акцій ни подь какимъ предлогомъ; стало быть, не стоить являться по напрасну. Исключеній nebudeтъ ни для кого».

Эксцентрическое объявленіе напоминаетъ поневоля газету l'Audience, которая имѣетъ монополію смѣшить своихъ читателей. Въ 1844 году она помѣстила слѣдующее объявленіе, въ видѣ театральной афиши.

Безденежная раздача

ВЪ ПОЛЬЗУ АБОНЕНТОВЪ ЖУРНАЛА АУДИЕНЦІА.

Всѣ даровые абонементы не имѣютъ ни какой силы.

Сегодня, 14-го мая 1844 и въ слѣдующіе дни, издатели Аудиенціи дадутъ всѣмъ своимъ годовымъ подписчикамъ

Первое изданіе

ПРОЦЕССА Г-ЖИ ЛАФАРЖЪ,

ужасная драма,

украшенная двумя рисунками, изображающими Гландье и вырѣтѣ тѣла жертвы.

Г-жа Лафаржъ изображена на первой страницѣ, портретъ съ натуры.

Еще раздадутъ первое изданіе процесса

УБИЙЦЫ ЭЛИСАБИ ДА,

процессъ въ трехъ отдѣленіяхъ.

1-я часть: Вилеть.—2-я часть: Бордо.—3-я часть: Казнь.

Кромѣ того всякій подписчикъ имѣетъ право на всегдашнія судебныя консультаціи—даромъ.

Стало быть, абоненты получать:

1. Томы знаменитыхъ процессовъ.

2. Безденежныя консультаціи.

Nota. Если до 1-го іюня не возьмутъ этихъ премій, то имъ будетъ сдѣлано другое назначеніе.

И чтожъ, благодаря подобнымъ объявленіямъ, журналъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ, который, къ несчастію, былъ не продолжителенъ, потому что издатели, увеличивая преміи, скоро замѣтили, что вмѣсто барышей они въ большомъ убыткѣ, потому что выдавали одной бумаги больше чѣмъ на подписную цѣну.

Англичане изобрѣли и усовершенствовали объявленіе анекдотическое и ученое. Продавецъ показываетъ иногда глубокую ученость и завлекаетъ читателя любопытствомъ, которое очень искусно доводится до желанія купить восхваляемый товаръ.

Недавно въ Morning Herald было напечатано слѣдующее объявленіе:

«Томъ Френкъ, извѣстный морякъ, потерялъ недавно кораблекрушеніе у береговъ Гвинеи, и дикіе негры, живущіе по берегамъ, схватили его и хотѣли съѣсть, только ихъ остановила чрезвычайная худоба моряка. По этому его начали откармливать со всевозможною тщательностью, и благодаря бананамъ, онъ началъ такъ толстѣть, что долженъ былъ ожидать скорой смерти; какъ вдругъ онъ нашелъ нечаянно въ своей тюрьмѣ бутылку англійской ваксы. Не думая долго, Томъ Френкъ патерся съ головы до ногъ ваксой, которая такъ блестяща и хорошо пристаеетъ къ кожѣ, что онъ сталъ настоящимъ негромъ, и туземцы напрасно искали своего плѣнника. Оставленный на свободѣ, Томъ Френкъ успѣлъ бѣжать и вернулся въ свое отечество. Здѣсь онъ почелъ долгомъ объявить, что вакса, которой онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни, продается у Робертсона по одному шиллингу за банку. Она имѣетъ привилегію лордовъ адмиралтейства.»

Повелительное объявленіе останавливаетъ васъ на дорогѣ и не пускаетъ впередъ.

Напримѣръ:

«Стой!

Посмотри на твою шляпу она смята и неублужа, ее стыдно носить. Ступай поскорѣе въ Сень-Мартенскую улицу и купи новую. За старую тебѣ заплатятъ.»

Объявленіе по корреспонденціи очень любопытно, и чаще всего употребляется въ медицинѣ. Она дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на читателей и приноситъ большую пользу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, читали мы въ одной газетѣ слѣдующее письмо, адресованное къ одному изъ знаменитыхъ докторовъ:

«Милостивый государь!

«Я давно страдалъ страшною болѣзнію, сдѣлавшею изъ меня предметъ ужаса и сожалѣнія. Вся лѣвая сторона моего лица, а особенно глазъ и носъ были покрыты нарывами; нестерпимая боль во всемъ тѣлѣ не позволяла мнѣ ни сидѣть, ни стоять, словомъ я былъ въ тягость всѣмъ моимъ ближнимъ и особенно самому себѣ. Но одна банка вашего чуднаго лекарства истребила всѣ мои болѣзни. Теперь я совершенно здоровъ и крѣпокъ, такъ что каждое воскресенье хожу обѣдать къ моему тестю.

«Примите мою искреннюю благодарность.

«Изидоръ Шницфильдъ.

«N. В. Потрудитесь прислать мнѣ еще шесть банокъ вашего лекарства.»

Гиперболическое объявленіе вообще объясняется парадоксами. Оно придерживается скорѣе школы фантазеровъ, чѣмъ реалистовъ. Главное его желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить читателей, что объявленіе нисколько не преувеличено, а напротивъ еще эффектъ его уменьшенъ. Но какъ этому повѣрить? Объявленіе—дѣтя воображенія, точно также какъ поэзія, отчего же ему не подражать напыщенности нѣкоторыхъ поэтовъ.

Въ исторіи объявленій есть два образца гиперболическаго рода, которые должны непременно перейти въ потомство.

Первое принадлежитъ изобрѣтателю состава для починки фаянсовой посуды. Вотъ какъ оно даетъ знать о себѣ:

«*Не плачьте*, не вздыхайте, когда вы нечаянно разобьете дорогую фарфоровую или фаянсовую посуду. Севрскій составъ тотчасъ слѣпшитъ разбитую вазу, еслибъ даже она была въ самыхъ мелкихъ кусочкахъ. *склееная мною посуда гораздо прочнее цѣльной!!!*

Второе объявленіе относится къ литературѣ и принадлежитъ къ те-

атральнымъ извѣтіямъ. Оно напечатано въ кавикулярные жары, когда театр Амбигю былъ подъ дирекціею Антони Беро:

Сенъ-Пьерскій рынокъ, эта трогательная драма была представлена вчера, при стеченіи 1,200 зрителей, которые приняли ее съ громкими выраженіями восторга. Въ залѣ было свѣжѣ чѣмъ за городомъ.»

Некрологическое объявленіе имѣетъ пидесталомъ могилу. Покойникъ служить приманкою для привлеченія покупщика. Подобныя объявленія всегда вѣжливы, скромны, напиримѣрь:

«Остроумный Г. *** потерю котораго оплакиваетъ Франція, написалъ только два сочиненія въ продолженіе своего блистательнаго поприща: *Размышленія о грибахъ*. Эта замѣчательная книга печатается новымъ изданіемъ и будетъ продаваться у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.»

Извѣстныхъ книгопродавцевъ! Это тоже извѣстная уловка въ промышленности. Часто, объявляя о новомъ лекарствѣ, прибавляютъ, что его можно найти у изобрѣтателя и во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ. Это значитъ, что если какая аптека не приобрѣтетъ его, то она недостойна названія извѣстной.

Вообще объявленіе очень важно и полезно въ наше время, и не смотря на странности, имѣетъ свое достоинство. Четвертая страница журналовъ похожа на стѣну, на которой всякій имѣетъ право лепить свои афиши и соперничать другъ передъ другомъ. Скромность здѣсь совѣтъ не у мѣста, обыкновенный языкъ покажется недостаточнымъ, холоднымъ.

Объявленіе относится къ литературѣ точно также какъ раскрашенные потолки къ миניатюрѣ, театральныя декорации къ картиѣ. Такъ какъ оно должно издали обратить на себя вниманіе, то обязано быть набрано огромными буквами, и должно отличаться рѣзкимъ тономъ, хвастовствомъ, преувеличеніемъ, словомъ должно чѣмъ нибудь поразить покупателя. Когда купецъ предлагаетъ покупателю свой товаръ, онъ хвалитъ его съ жаромъ и приписываетъ ему небывалыя достоинства. Это дѣлалось съ самаго начала торговли и никогда никто не удивлялся этому. Развѣ печатное объявленіе не тоже самое? И если купецъ словесно расхваливаетъ свой товаръ, отчего ему не дѣлать этого и печатно? Объявленіе гораздо вѣриѣе и дешевле путешествующаго прикащика, который или любитъ обманывать хозяина, или останавливается во всѣхъ трактирахъ играть въ биліардъ.

Объявленіе—это новое явленіе, неизвѣстное древнимъ, изобрѣтенное и усовершенствованное современною торговлей.

Слѣдующее музыкальное объявленіе доставитъ большое удовольствіе

всѣмъ любителямъ музыки, и вѣроятно скоро будетъ извѣстно во всей Европѣ. Флаксландъ издалъ превосходное собраніе музыкальныхъ сочиненій подъ названіемъ: *Echos du temps passé*.

Это эхо раздѣляется на три части: эхо Франціи, эхо Германіи, эхо Италиі. Въ этой коллекціи однако не одни сочиненія прошедшихъ временъ, и нѣкоторыя не только современны, но и прекрасно выбраны.

Въ наше время вообще мало поютъ, но больше кричатъ. Эта метода перешла со сцены и въ гостиныя, гдѣ тоже, вмѣсто того чтобъ пѣть романсы, пѣсни, выкрикиваютъ бравурныя аріи съ безконечными руладами, трелями и неестественными скачками голоса.

Флаксландъ, какъ любитель настоящей салонной музыки, издалъ свое *Эхо* въ видѣ протеста модной методѣ. Онъ даже нѣкоторыя аріи передѣлалъ, чтобъ онѣ были легче и не утомляли пѣвицъ, непривыкшихъ къ голосовой сценической гимнастикѣ.

Германское отдѣленіе выбрано съ особенною любовью. Тутъ есть Бетговень, Веберъ, Мендельсонъ, Шпоръ и другіе любимые композиторы.

Изъ Италианской музыки тоже выбраны нумера не драматическіе и безъ большихъ эффектовъ. Назовемъ Беллини, Генделя, Глюка, Доницети, Россини, МеркадANTE.

Французское эхо почему-то неудачное, можетъ быть потому, что Флаксландъ выбралъ уже слишкомъ старинныя романсы. Знаменитая *Romanesca* кажется уже теперь слишкомъ вялою, и выборъ романсовъ, аріи, вообще могъ быть гораздо лучше. Но если уже издатель хотѣлъ брать исключительно сочиненія старинныхъ французскихъ композиторовъ, то зачѣмъ исключилъ изъ числа ихъ Пантада и забылъ даже знаменитаго, рѣдкаго Корона. Правда, неизвѣстно почему музыкальная исторія оставляетъ имя его въ пренебреженіи и не хочетъ знать, что его *Sentinelles* извѣстенъ былъ всей Европѣ. Напрасно тоже не помѣщены здѣсь нѣкоторые романсы начала нашего столѣтія, бывшіе въ большой модѣ, но забытые теперь, потому что они очень легки и просты.

Въ театральномъ кругу надѣлалъ много шуму оригинальный поступокъ г-жи Крувелли, скрывшейся вдругъ неизвѣстно куда. Великіе артисты и вообще замѣчательные люди очень счастливы, если они успѣли прослыть оригиналами, эксцентрическими людьми. Имъ прощается и невѣжество, и странности, и за все это скажутъ только одно: какой оригиналъ!

Если человекъ порядочный сдѣлаетъ десятую часть того, что позволяютъ себѣ оригиналы, то на него всѣ возстанутъ, и онъ принужденъ

бываетъ заводить процессъ и ссориться со всѣми друзьями. Въдь онъ не оригиналь.

Недавно я былъ свидѣтелемъ одного случая. Одинъ издатель купилъ сочиненія двухъ авторовъ, которыхъ мы назовемъ А и Б.

Б**, прослышій оригиналомъ, общалъ эту рукопись другому издателю, и уже получилъ за нее часть денегъ; но такъ какъ это было три года тому назадъ, то онъ окончивъ свое сочиненіе, почелъ оригинальнымъ продать ее другой разъ и получить чистыя деньги.

Б*** благородный человекъ и добросовѣстный писатель окончилъ недавно романъ и отдалъ его тому же издателю; только когда уже онъ былъ въ печати, авторъ потребовалъ назадъ послѣднія главы, чтобы передѣлать конецъ. Издатель пришелъ въ ужасный гнѣвъ и вездѣ кричалъ о неделикатномъ поступкѣ Б, который хотѣлъ его обмануть, продавъ ему романъ неоконченный.

— Въдь онъ могъ умереть отъ холеры, прибавилъ издатель, въ то время, какъ уничтожилъ конецъ романа и не написалъ новаго, тогда съ чѣмъ бы я остался? безъ денегъ и безъ романа.

— Но, отвѣчали ему, вы имѣете гораздо больше причинъ сердиться на А, который продалъ вамъ рукопись уже принадлежащую другому и которую вы должны возвратить, потерявъ, можетъ быть, ваши деньги.

— Какъ можно сердиться на А, прибавилъ издатель, онъ такой оригиналь!

На театрѣ, эксцентричество натуральное или поддѣльное выигрываетъ очень много. Оригиналы имѣютъ право опаздывать на репетиціи, отказываться отъ ролей, пренебрегать товарищами, мучить авторовъ и требовать у директоровъ по сту тысячъ франковъ жалованья. Разумѣется, что такая сумма сначала пугаетъ, но потомъ ее даютъ оригиналамъ, и еще очень благодарны, что они не вздумали попросить больше. Честные, добросовѣстные артисты не смѣютъ капризничать, потому что за малѣйшую ошибку платятъ штрафъ.

Г-жа Крувелли давно уже заслужила репутацію самой эксцентрической артистки, что было, можетъ быть, не послѣднею причиною распространенія ея славы, увеличенія богатства. За кулисами, во время антракта, если кто хочетъ подойти къ великой пѣвицѣ, то долженъ прежде сказать свое имя огромному лакею, который слѣдитъ за каждымъ шагомъ артистки и подаетъ ей то сахарную воду, то бульонъ, то шаль, то мантилью. Если почитатель таланта Крувелли такъ слабъ, что скажетъ свое имя лакею, то пѣвица придетъ съ нимъ же отвѣтъ, не достойная сама допустить къ себѣ иногда извѣстнаго и почтеннаго человека, что она поговорить съ нимъ послѣ четвертаго акта.

По этому можно судить о другихъ эксцентричностяхъ артистки; но послѣдняя ея шутка вышла, кажется, изъ предѣловъ оригинальности. Въ послѣдній понедѣльникъ стояли на афишѣ Гугеноты, и г-жа Крувелли должна была играть роль Валентины. Въ назначенный часъ публика собралась и ждетъ поднятія завѣсы. Но спектакль не можетъ начаться, потому что Крувелли не пріѣхала въ театрѣ.

Послали къ ней, и разумѣется, не нашли ее дома. Нечего дѣлать, дирекція принуждена была возвратить деньги публикѣ, которая потеряла свой вечеръ и хлопоты, потому что артисткѣ вздумалось показать еще образчикъ своей оригинальности, которая позволяетъ дѣлать все, и даже открывать руки до подмышекъ въ роли Алисы. Это также оригинально какъ и получать сто тысячъ франковъ жалованья.

Разумѣется, что по этому случаю начали рассказывать разныя исторіи. Одни увѣряли, что Крувелли близорука, и не видя своего имени на афишѣ (потому что оно было выставлено не устричными буквами, какъ это дѣлалось въ началѣ ея дебютовъ) отправилась за городъ погулять. Другіе говорятъ, что она уѣхала въ Америку, и что конгрессъ, умѣющій цѣнить цѣвицы, назначилъ ей слѣдующее жалованье:

За каждую черную ноту по доллару, за бѣлую по два доллара, четыре доллара за тактъ и восемь за восходящую и нисходящую гамму. За трель назначено двадцать долларовъ и шесть букетовъ. Чтобъ не утомить цѣвицу, никогда не будутъ заставлятъ ее повторять, и она сама будетъ выбирать роли. Кромѣ того ей предоставятъ великолѣпный отель, четыре экипажа, почетную національную гвардію и американскаго редактора журнала, обязаннаго писать по ея диктовкѣ. Американскій фрегатъ готовъ давно къ услугамъ артистки.

И говорятъ, что г-жа Крувелли согласилась на эти не очень выгодныя предложенія и отправилась въ Портсмутъ или Плимутъ, чтобъ сѣсть на фрегатъ.

Можетъ быть, однако, что въ ту минуту, когда мы пишемъ это извѣстіе, г-жа Крувелли вернулась въ Парижъ и играетъ вмѣстѣ съ г-жею Штольцъ, которая уже играла въ Фавориткѣ съ большимъ успѣхомъ, и нашла прежнюю свою публику, привыкшую встрѣчать милую цѣвицу громкими аплодисментами.

Г-жа Рашель тоже заставляеть много говорить про себя. Она отказалась отъ роли Медуи, и авторъ ея Легуве началъ процессъ съ актрисой. Легуве потребовалъ отъ Рашели 20,000 фр. за то, что она была причиною, что пьесу не играли; актриса предлагала только 500 франковъ чрезъ своего адвоката, и просила отложить это дѣло на нѣсколько мѣсяцевъ. Но адвокатъ автора не согласился на это, говоря,

что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г-жа Рашель поѣдетъ въ Америку, и тогда трудно будетъ судиться съ нею. Черезъ недѣлю судъ рѣшить это дѣло.

Новое изобрѣтеніе сдѣлаетъ большой переворотъ въ литературѣ. Это перья *электрогальваническія*, составленныя изъ двухъ металловъ, которые отъ теплоты руки производятъ электрической токъ, проходящій во все тѣло и производящій на нервическую систему самое успокоительное и здоровое дѣйствіе. Если это правда, то слѣдствія будутъ огромны.

Теперь писатели теряютъ здоровье, портятъ характеръ, сидя нѣсколько часовъ за бюро, но съ электрогальваническимъ перомъ нечего бояться разстройства нервъ. Но больше всего пользы перья эти принесутъ критикамъ. Теперь мы сердимся слыша дурную музыку, смотря на плохую пьесу, но электрогальваническое перо въ минуту усмирить весь гнѣвъ, и мы будемъ умѣть только хвалить и восхищаться. Странно только, что до сихъ поръ никто не вздумалъ прислать такого пера строгимъ критикамъ.

Холера почти прекратилась въ Парижѣ, и всѣ забыли о ней, но распространяется другая болѣзнь, тоже очень опасная, которую можно назвать *холерою идей*. Мы имѣемъ вѣрныя доказательства, что въ послѣдніе три или четыре года чрезвычайно увеличилось число безумныхъ. Главная причина этихъ несчастій происходитъ отъ чрезвычайнаго напряженія ума, отъ безпрестанныхъ хлопотъ и усилій, чтобъ чѣмъ нибудь отличиться, какъ бы скорѣе выдти въ люди, блеснуть чѣмъ нибудь новымъ. И посреди этой тревожной жизни не забываются удовольствія, которыя окончательно поражаютъ здоровье и разстраиваютъ разумъ. Вотъ отчего большая часть сумасшедшихъ воображаютъ себя министрами, сенаторами, полководцами, великими изобрѣтателями, и только въ эти минуты жизни могутъ почестъся истинно счастливыми. Эту болѣзнь называютъ доктора *ослабленіемъ нервическаго центра*. Къ счастью она не долго мучаетъ свои жертвы, которыя умираютъ въ совершенномъ идиотизмѣ.

Журналы говорятъ опять о необыкновенномъ бракѣ одного итальянскаго вельможи съ бѣдною дѣвушкою еврейскаго происхожденія, которая жила въ гувернанткахъ въ одномъ англійскомъ семействѣ. Недавно въ Парижѣ случилось подобное происшествіе. Американецъ зашелъ передъ театромъ въ одинъ изъ магазиновъ перемѣнить перчатки. Къ нему вышла молодая дѣвушка скромная и прекрасная, и подала ему нѣсколько паръ. Молодой миллионеръ, пораженный ея красотою и манерами, началъ съ нею любезничать, но ему отвѣчали такъ холодно и

благородно, что онъ смѣшался. Послѣ этого американецъ началъ очень часто посѣщать магазинъ, и узнавъ, что молодая дѣвушка хотя бѣдна, но честныхъ правилъ, предложилъ ей свою руку съ миллионами долларовъ. Послѣ этого нечего кричать, что водевильные браки не естественны. Добродѣтель награждается и не на сценѣ.

На площади Лувуа случилась недавно необыкновенная битва. Богатый экипажъ, спустивъ хозяина передъ однимъ изъ домовъ площади, отѣхалъ къ небольшому погребку, и кучеръ, не смѣя оставить лошадей, закричалъ съ козелъ, чтобъ ему подали стаканъ горячаго грога. Вышелъ мальчикъ съ требуемымъ напиткомъ и объявилъ, что грогъ стоить восемь су. Кучеръ бросилъ ему десять су и сказалъ:

— Остальное тебѣ на водку.

— Благодарю! Отвѣчалъ мальчикъ, я не беру ничего со слугъ, возьми назадъ твои два су.

— Я тебѣ говорю, чтобъ ты ихъ взялъ, закричалъ грозно кучеръ, отталкивая кнутомъ протянутую къ нему руку съ деньгами.

— А я тебѣ говорю, что мнѣ не надо твоихъ су, говорилъ бѣлый передникъ горячась, и вскочивъ на колесо началъ насильно совать въ руку кучера деньги, тотъ защищался; завязалась драка, сперва на козлахъ, потомъ оба противника упали и продолжали угощать другъ друга кулаками. Въ это время лошади, запутавшись въ возжахъ, понесли экипажъ; весь кварталъ сбѣжался смотрѣть на даровое представленье, и когда хозяинъ экипажа вышелъ, чтобъ ѣхать домой, то увидѣлъ кучера своего въ грязи, а лошадей въ улицѣ Анны.

И весь этотъ шумъ произошелъ изъ-за двухъ су! Стоило хлопотать изъ-за такой бездѣлицы. Но когда самолюбіе затронуто, люди не разсуждаютъ изъ чего бы они ни бились, изъ тысячъ или изъ-за су. Бываетъ много гордости и въ трактирныхъ слугахъ, и можетъ быть еще больше въ кучерахъ. Только противники порядочно поколотили другъ друга за два су, и за эту цѣну ихъ свели въ полицію, пока франтъ долженъ были идти домой пѣшкомъ.

Наконецъ объявили, что г-жа Рашель рѣшительно остается въ Парижѣ и будетъ продолжать службу во французскомъ театрѣ, только съ отпускомъ, который начнется съ будущаго 1-го марта. Братъ ея Рафаэль уже отправился въ Америку, и нашелъ тамъ кого-то въ родѣ Барнума, который соглашается платить Рашели и труппѣ ея огромную сумму. Только наврядъ ли артистка отправится туда въ мартѣ мѣсяцѣ. Вѣроятно французская комедія выкутитъ у нее нѣсколько мѣсяцевъ отпуска, чтобъ позабавить трагедію гостей, собравшихся на всемирную выставку. Рашель уже играла весь свой любимый репертуаръ

и не охотно принимается за новыя роли, хотя публика замѣтно охладѣла къ классицизму. По случаю рѣшенія Рашели остаться во французской комедіи, другой артистъ этой труппы, Баландъ, подаетъ въ отставку, потому что великая артистка по какому-то женскому капризу не хочетъ съ нимъ играть нигдѣ и заставляеть дирекцію передавать его роли другимъ. Баландъ сдѣлалъ съ публикою такую же штуку какъ г-жа Крувелли, то есть, предъ самымъ начатиемъ спектакля объявилъ, что онъ не будетъ играть. Только онъ на другой день напечаталъ въ газетахъ письмо, которымъ объяснялъ свое поведеніе и говорилъ, что не намѣренъ переносить капризовъ Рашели и играть только въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ она ему позволить.

Какъ грустны эти вѣчныя ссоры между первоклассными артистами! Разумѣется, что французская комедія перенесетъ всѣ потери, лишь бы ей не разетаться съ Рашелью, а Баландъ, какъ превосходный артистъ, найдетъ себѣ вездѣ выгодный ангажементъ. Въмѣсто его, говорятъ, ангажируютъ Лаферьера, который выйдетъ въ новой драмѣ Александра Дюма.

Правительство запретило Буффѣ играть свой репертуаръ на театрѣ Сень-Мартенскихъ воротъ, потому что этотъ театръ не имѣетъ права давать водевили больше одного акта, и то для начатія спектакля.

Театры столицы хотять серьезно помогать главнымъ провинціальнымъ театрамъ, снабжая ихъ артистами на всѣ амплуа и поддерживая въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Говорять, что старинная знаменитая актриса Жоржъ получила странную привиллегію, которая однако можетъ спасти ее отъ нищеты, потому что любимая актриса первой имперіи, собирающаяся играть и во второй, находится почти въ крайности. Ей отдано право учредить на всемірной выставкѣ, въ кристальномъ дворцѣ, контору для зонтиковъ и тростей. Привиллегія эта, которой многіе добивались, будетъ очень прибыльна.

Теперь посмотримъ на дѣятельность парижскихъ театровъ въ продолженіе этого мѣсяца.

Италянская опера открылась *Отелло*, въ которой Бетини и Фрецолини заслужили громкія рукоплесканія. Потомъ играли Севильскаго Цирюльника, съ Фигаро-французомъ, игравшимъ превосходно. Кстати скажемъ, что прежній нашъ Фигаро, ветеранъ Тамбурины, скончался внезапно. Онъ принадлежалъ къ блистательной плеядѣ пѣвцовъ, поставившихъ италянскую оперу въ Парижѣ на высокую степень совершенства. Рубини первый оставилъ сцену, но не долго пользовался отдыхомъ и богатствомъ. Тамбурины послѣдовалъ за своимъ старымъ товарищемъ.

Будемъ надѣяться, что Лаблашъ еще долго останется представителемъ методы пѣнія, къ несчастію совершенно оставленной нынѣшними пѣвцами.

Въ это же представленіе Розину играла настоящая испанка школы г-жи Лагранжъ, и хотя она пѣла и играла превосходно, но публика, вызывавшая ее нѣсколько разъ, не бросила ей ни одного букета. Хорошо если бъ это обыкновеніе совершенно истребилось. Нынче букеты и вѣнки не означаютъ уже ничего, и особенно лѣтомъ они такъ дешевы, что должны быть обидою для артистовъ, а совсѣмъ не выраженіемъ восторга.

Лирическая опера поставила оперу Жеварта *Le billet de Marguerite*. Всѣ критики въ одинъ голосъ осыпаютъ ее самыми восторженными похвалами. Нѣкоторые нумера были повторены, и каждый вечеръ огромная толпа окружаетъ театръ, чтобъ достать хоть какія нибудь мѣста. Нечего и говорить, что опера обставлена отлично. Пѣвица Делинь имѣла почти такой же успѣхъ, какъ г-жа Кабель, а дебютантъ, теноръ Ашаръ, сдѣлался уже любимцемъ публики. Извѣстно, что Леонъ Ашаръ, сынъ превосходнаго комика Палерояля, получилъ блистательное воспитаніе и принять былъ въ адвокаты. Но сидя за бумагами, онъ вдругъ вздумалъ идти на сцену, и такъ какъ у него былъ такой же пріятный голосъ какъ у отца, то онъ вступилъ въ консерваторію, получилъ тамъ первую награду за пѣніе въ комическомъ родѣ, и тотчасъ же дебютировалъ. Ашаръ молодой человекъ прекрасной наружности, ловкій, съ благородными манерами и превосходною методою. Лирическая опера должна дорожить такимъ рѣдкимъ дебютантомъ.

Послѣ втораго представленія оперы, издатель Лемуанъ купилъ партитуру у Жеварта за 8,000 фр. Еслибъ композиторъ подождалъ еще дня два, то его опера была бы куплена за 12 или 15 тысячъ, потому что успѣхъ ея возрасталъ съ каждымъ представленіемъ.

Послѣ блистательнаго успѣха Векфильдскаго пастора, Одеонъ поставилъ еще небольшую комедію въ стихахъ подъ названіемъ *Amour et sarcise*. Одна маркиза выходитъ замужъ за герцога по любви, но передъ свадьбой ей приходитъ капризь познакомиться съ знаменитымъ актеромъ Нореа. Она пробирается въ его уборную, и какъ это всегда случается, совершенно разочаровывается, поговоря съ великимъ актеромъ. Въ эту минуту приходитъ герцогъ, и маркиза прячется, а потомъ передѣвается, чтобъ не быть узанною женихомъ. Однако тотъ начинаетъ подозрѣвать, и вѣтрениная маркиза можетъ навсегда потерять свою репутацию изъ пустой прихоти; но актриса Коломба, давно равнодушная къ Нореа, спасаетъ знатную даму, а сама выходитъ замужъ за

артиста. Этотъ небольшой актъ, написанный гладкими стихами, чрезвычайно понравился.

Quand on n'a pas le sou, водевиль, игранный на театрѣ Разнообразія, написанъ въ философскомъ духѣ. Тутъ одинъ банкиръ миллионеръ, увѣряетъ, что деньги дѣлаютъ все на свѣтѣ, что съ деньгами все умны, любезны, счастливы. Для подтвержденія своей теоріи, онъ даетъ горсть золота бѣдному дурачку, который служить вмѣсто шута у его лакея, и въ самомъ дѣлѣ, глупый Жакъ вдругъ перераждается. Въ немъ развилась страсть къ золоту, и онъ дѣлается до того хитрымъ, что надуетъ не только своихъ товарищей, но и самаго банкира. Потомъ банкиръ узнаетъ, что одна хорошенькая вдова любитъ бѣднаго офицера, и чтобъ разочаровать его, берется отбить у него невѣсту съ помощью своихъ миллионовъ. Но тутъ все усилія его напрасны. Вдова остается вѣрна бѣдному жениху, и еще дурачить философа-миллионера. Водевиль смѣшилъ до крайности. Роль Жака, сыграннаго превосходно Лассанемъ, одна можетъ поддержать на долго всю пьесу.

La dette et la dot, водевиль, поставленный на томъ же театрѣ, не имѣлъ значительнаго успѣха, хотя былъ хорошо разыгранъ. Молодой повѣса Гастонъ поручился за своего друга по какому-то векселю, и такъ какъ тотъ не заплатилъ его, то Гастона хотятъ посадить въ тюрьму. Онъ бѣгаетъ отъ полицейскихъ сыщиковъ, попадаетъ нечаянно въ домъ какого-то Мулинера, и тоже нечаянно женится на его дочери. Эти нечаянные браки ужъ слишкомъ неестественны и даже на сценѣ не имѣютъ никакого успѣха.

Театръ водевиля, перемѣнившій недавно дирекцію, поставилъ тоже не очень удачную пьесу подъ названіемъ La cabaret du po cassé, хотя она и написана извѣстнымъ водевилистомъ Клервилемъ. Но самые лучшіе мастера иногда ошибаются, и Клервиль вѣроятно былъ не въ духѣ, или думалъ советомъ о другомъ, когда принялся писать эту чепуху въ пудрѣ и мушкахъ, которую упряталъ въ кабакъ. Дѣйствіе происходитъ во время регентства. Одинъ маркизь интригуетъ противъ министра Дюбуа, и въ этой интригѣ участвуютъ его дочь и зять. Разумѣется, что интрига открывается; жандармы берутъ виновныхъ, но маркиза кокетничаетъ съ сержантомъ, начальникомъ отряда, и заставляетъ его отпустить отца и жениха. Этотъ послѣдній успѣваетъ бѣжать, и маркизь скрывается въ кабакѣ подъ вывѣскою разбитаго горшка, а дочь прислуживаетъ въ этомъ заведеніи. Влюбленный сержантъ преслѣдуетъ и тутъ знатную даму, и та, чтобъ не погубить отца, выходитъ за него замужъ.

Публика ошквала водевиль, и совершенно права въ этомъ случаѣ.

Директоры должны быть осторожнѣе, особенно въ началѣ своего поприща, и не принимать безъ разбора пьесъ извѣстныхъ авторовъ, воображая, что довольно одного ихъ имени на афишѣ для полного успѣха.

На театрѣ Палерояля, напротивъ, водевиль *Un drole de pistolet* имѣлъ огромный успѣхъ, хотя онъ написанъ и не Клервилемъ. Это оригинальное прозваніе получилъ молодой чедовѣкъ Гальяръ, за то что онъ самаго безпокойнаго характера, суется вездѣ не въ свое дѣло, всѣмъ мѣшаетъ, и не смотря на это, добрый малый, готовый въ случаѣ услужить чѣмъ можетъ. Однажды Гальяръ вздумалъ сдѣлаться туристомъ и отправился на родину Корнеля. Въ вагонѣ онъ знакомится съ г. Канада, который везетъ свою дочь въ Нантъ, гдѣ ее ждетъ женихъ изъ Америки, и тотчасъ же составляетъ планъ разстроитъ эту свадьбу. Онъ забываетъ о своемъ путешествіи, преслѣдуетъ бѣднаго старика и его дочь, выдаетъ себя за американскаго жениха, дурачитъ настоящаго, пріѣхавшаго съ какою-то г-жею Писташъ, вдовою нѣсколькихъ генераловъ, есоритъ всѣхъ, мистифируетъ и наконецъ женится на дѣвицѣ Канада, которая съ своей стороны охотно отказывается отъ американскаго жениха, оставшагося во владѣніи вдовы Писташъ.

Тутъ вся пьеса основана на одной роли, и Рене Люге былъ такой ловкій, забавный, увлекательный, хотя и неспособный Гальяръ, что публика вызывала его съ громкими аплодисментами. Остальные артисты только давали ему реплики, потому что онъ одинъ не сходилъ со сцены.

Театръ *Delassements comiques* наконецъ снялъ съ афиши Животныхъ Гранвиля и поставилъ *Une femme sur les bras u Deux tuiles*. Оба водевила очень забавны. Публика хохотала съ начала до конца.

ЗАОКЕАНІЙСКІЯ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПЕНИТА.

Семь дней прошло уже, какъ мы оставили Буэнос-Айресъ и проѣхали эту провинцію, одну изъ обширѣйшихъ конфедерацій Рио-де-ла-Платы и Санта-Фе. Мы надѣялись на слѣдующій день вечеромъ пріѣхать въ Кордову.

Нескончаемая равнины, такъ долго утомлявшія наши взоры, замѣнились пріятною страной, прорѣзываемою свѣжими ручьями и покрытою въ разныхъ мѣстахъ богатою растительностью. Сначала мы встрѣчали жалкое рожковое дерево съ колючими вѣтвями, на которыхъ видѣлись старыя гнѣзда попугаевъ, потомъ ивнякъ, который по берегамъ потоковъ смѣшивался съ другими деревьями. Колючій кустарникъ сгущался все болѣе и болѣе, и мы наконецъ очутились въ настоящемъ лѣсу. Наши лошади бѣжали рысью по легкой песчаной почвѣ; лѣсныя птички пѣли. Оставалось часа два до захода солнца, и мы были только въ одной милѣ отъ почтового дома, гдѣ слѣдовало перемѣнить лошадей. Домъ этотъ стоялъ на самомъ перекресткѣ, гдѣ сходились дороги, соединяющія Тихій океанъ съ Атлантическимъ: сѣверная вела въ Боливію и Перу, чрезъ Тукуманъ и Салту; югозападная — въ Чили, чрезъ Сан-Луи и Мендозу. Когда нибудь, вѣроятно, возникнетъ городъ при сліяніи этихъ важныхъ путей сообщенія, но въ это время тутъ не было никакого жилья, кромѣ почтового дома.

Мы рассчитывали воспользоваться остаткомъ дня и отправиться далѣе, но одинъ путешествовавшій съ нами кордовецъ, всѣчески упрямивъ насъ переночевать въ почтовомъ домѣ. Это былъ молодой человекъ веселаго нрава, хорошій товарищъ. «Послушайте меня, говорилъ онъ, проведемъ этотъ вечеръ въ «esquina», тутъ мы встрѣтимъ лица повеселѣе, чѣмъ въ пампѣ Санта-Фе; почтовый домъ содержитя вдовою, доньей Вентурою, которая чудно приготовляетъ яичницу съ томатами. А какъ поестъ дочь ея,

Пепита... просто чудо!» — Намъ предстояла длинная дорога, еще миль триста, не считая перехода черезъ Анды, чтобъ прїѣхать въ Сант-Яго, въ Чили, а между тѣмъ глубокая осень наступала. Однакожь, чтобъ не огорчить отказомъ нашего друга, мы согласились на его предложеніе. Наши верховые проводники, довольные тѣмъ, что приближаются къ ночлегу, наклонясь съ крикомъ на шеи лошадей, немилосердно вонзали имъ шпоры въ бока; собаки вторили этому завыванію страшнымъ лаемъ, и вскорѣ мы остановились предъ почтовымъ домомъ. Старый пастухъ, исполнявшій должность дворецкаго, вышелъ къ намъ навстрѣчу. Пока распрягали лошадей, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, прекрасный, какъ пастушокъ Мурлыо, забавлялся бросаніемъ камешковъ въ дикихъ голубей, сидѣвшихъ на фиговыхъ деревьяхъ. Увидя насъ, онъ побѣжалъ въ домъ, крича: «матушка, матушка, вотъ донъ-Матео и съ нимъ чужіе господа».

Донъ-Матео, другъ нашъ кордовець, пошелъ заказывать обѣдъ и предувѣдомить хозяйку, что намъ лошади не понадобятся до завтра. Каждый изъ насъ положилъ свое одѣяло на эстраду, окружавшую залу и предназначенную для путешественниковъ. Эта комната, довольно опрятная и весьма просторная, была совершенно пустая, только въ стѣнѣ вколоченъ былъ гвоздь, на которомъ висѣла гитара.

Когда обѣдъ былъ готовъ, донья Вентура приказала принести огромныя кожаныя кресла, обитыя золотыми бляшками, должно быть гренадскаго издѣлія временъ Фердинанда и Изабеллы. Проворныя деревенскія дѣвушки, которыя ничего не говорили, но за то плутовски смотрѣли, накрыли столъ и поставили на него яичницу съ томатами (*huevos revueltos con tomates*) и большіе салатники съ соусомъ, въ которомъ плавали куски жареной говядины. Индійскій перецъ, натурально, не былъ забытъ и, явившійся по обычаю въ концѣ обѣда съ этой сильной приправой, бульонъ, показался намъ очень вкуснымъ. Хозяйка, сидѣвшая на эстрадѣ, была очень довольна нашимъ хорошимъ аппетитомъ и видимо гордилась, когда кто нибудь изъ насъ отпускалъ ей болѣе или менѣе преувеличенный комплиментъ на счетъ ея обѣда. Пепита сидѣла подлѣ своей матери. Это была хорошенькая дѣвушка, съ бѣлымъ, свѣженькимъ личкомъ, почти блондинка. Она небрежно курила сигарету, поглядывая на насъ большими голубыми глазами, ослѣпленными длинными рѣсницами. Хуанцито, маленькій мальчикъ, что бросалъ камешки въ голубей, вился вокругъ стола, катаясь по нашимъ одѣяламъ и, безъ всякой церемоніи пилъ изъ нашихъ стакановъ бордоское вино. Когда убрали все со стола, Матео снялъ со стѣны гитару: «Сенорита, сказалъ онъ, подавая ея Пепитѣ, господа кавалеры чрезвычайно будутъ

рады васъ послушать; пожалуйста, спойте намъ что нибудь, и они убѣдятся, что вы самая любезная и милая дѣвушка (por la mas preciosa pına) здѣшной провинціи.

Мы хотѣли присоединить къ этому и наши покорнѣйшія просьбы, но молодая дѣвушка настраивала уже инструментъ. Не заставляя себя упрашивать, не кашляя, не жалуясь на простуду, она пропѣла съ полдюжины пѣсенъ, чрезвычайно длинныхъ. При каждомъ куплетѣ Матео билъ въ ладоши. Дѣйствительно, Пепита обладала прекраснымъ голосомъ и недурно имъ управляла. Лицо ея постепенно одушевлялось, по временамъ она останавливалась и вслѣдъ за тѣмъ начинала снова. Наконецъ и хозяйка присоединилась къ дочери. При каждомъ припѣвѣ мы дружно били по столу ладошами, а Матео, щелкая пальцами, въ подражаніе кастаньетамъ, плясалъ посреди комнаты, какъ сумасшедшій.

Къ несчастію, старый дворецкій прервалъ нашъ праздникъ. Онъ подошелъ и сказалъ на ухо вдовѣ, что по сѣверной дорогѣ виднѣнъ обозъ: — Какъ ты думаешь, Торрибіо, не изъ Салты ли это ѣдутъ?

— Какъ знать, отвѣчалъ дворецкій. Три недѣли назадъ, курьеръ проѣздомъ сказывалъ, что караванъ Жиль-Переца уже вышелъ и, если ничего неслучилось съ нимъ въ дорогѣ, то онъ очень можетъ быть здѣсь сегодня вечеромъ.

— Слушай, Пепита, сказала хозяйка, добрый другъ нашъ Перецъ везетъ тебѣ хорошій подарокъ. Поди, одѣнься, нина, да забудь чернаховаго гребня, который онъ подарилъ тебѣ въ послѣдній разъ. Господа! прибавила она, обращаясь къ намъ: я васъ оставляю на минуту и надѣюсь скоро представить вамъ почетнаго гостя.

— Недегкій бы взялъ Переца и всѣхъ гостей изъ Салты! сказалъ тихонько Матео, когда удалилась Пепита, а мы пошли посмотрѣть на приближающіеся телѣги.

Это былъ цѣлый караванъ, состоявшій изъ пятнадцати телѣгъ. Каждую везли шесть быковъ. Телѣги нагружены были сухими плодами, хлопчатой бумагой и тюками съ конскимъ волосомъ. Онѣ подвигались очень медленно на своихъ тяжелыхъ колесахъ. Толчками бросало ихъ изъ стороны въ сторону, и онѣ вязли въ глубокимъ рывтинахъ, изъ которыхъ съ трудомъ, наклоняя до земли дымящіяся ноздри, вывозили ихъ сильныя животныя. Погонщики, лежа на тюкахъ товара, покалывали быковъ длинными острыми пиками, которыя держали въ равновѣсіи надъ ихъ головами. Такъ какъ дорога въ этомъ мѣстѣ была узкая и покрыта посохшими деревьями и колючимъ кустарникомъ, то огромныя телѣги двигались шагъ за шагомъ, ударяясь и цѣпляясь на каждомъ шагу; оси трещали, колеса дрожали. Когда весь караванъ развернулся на

открытомъ пространствѣ, котораго станціонной домъ былъ центромъ, всѣ телѣги вытянулись въ рядъ, какъ будто артиллерійскіе фургоны. Дышла опустились, распряженные быки побрели къ запасному стаду, тянувшемуся за караваномъ подъ предводительствомъ двѣнадцати всадниковъ. Изъ всѣхъ угловъ телѣгъ выѣзали люди. Собралась порядочная толпа народа, въ бѣлыхъ вышитыхъ шальварахъ, подпоясанныхъ шерстяными свитыми шаями, въ алыхъ и голубыхъ пончо, въ остроконечныхъ шапкахъ, украшенныхъ зелеными лентами. Примѣшались къ нимъ женщины, дѣти и пассажиры всѣхъ возрастовъ, присоединившіеся къ каравану, чтобъ проѣхать подешевле триста миль пампы. Явились и молодыя дѣвушки мѣднаго цвѣта, вовсе не застѣнчивыя, пустившіяся съ этимъ караваномъ за своими дружками. Въ одну минуту сдѣлался шумъ, какъ будто пчелиный рой окружилъ этотъ караванъ; одни рѣзали вѣтви деревъ, другіе бѣжали за водой, иные втыкали въ землю предъ огнемъ деревянные шесты, и на этихъ импровизированныхъ вертелахъ жарили большіе куски говядины.

Каждый изъ такихъ каравановъ былъ подчиненъ одному начальнику «*Sarataz*», который галоцировалъ на лошади по сторонамъ или назади колонны, смотря по тому, гдѣ было нужнѣе его присутствіе для безопасности каравана и для управленія этимъ сборищемъ полудикихъ людей. Чтобъ заставить себя уважать, надлежало ему имѣть твердость и отвагу, а подъ часъ одинъ только ударъ ножа могъ усмирить мятежнаго. Группа народа, расположившаяся въ этотъ вечеръ предъ почтовымъ домомъ, въ которомъ мы ночевали, пришла изъ Салты, какъ полагалъ Торрибіо и какъ ожидала донья Вентура, и была подъ начальствомъ Жиль-Переца. Перець, какъ заботливый начальникъ, не сходилъ до тѣхъ поръ съ лошади, пока не удостовѣрился, что всѣ расположились въ должномъ порядкѣ. Мы вошли опять въ общую залу; скоро явилась туда и Пецита. На плечахъ ея красовалась ліонская шелковая пестрая шаль, на головѣ возвышался черепаховый гребень въ двадцать или тридцать дюймовъ ширины и въ одинъ футъ вышины: такова мода въ Буэносъ-Айресѣ. Это странное украшеніе менѣе намъ понравилось, чѣмъ двѣ косы, просто спущенныя на спину, какъ это было назадъ тому четверть часа; но не такъ думала дуэнья: безмѣрная величина гребня имѣла въ глазахъ ея величайшую цѣну. Между тѣмъ Матео видимо неодобрялъ новый туалетъ дѣвочки. Казалось, что прибытіе кондуктора телѣгъ составляло для вдовы и ея дочери важное событіе, и молодой кордовецъ очень досадовалъ, что ему готовился такой почетный приѣмъ.

Жиль-Перець вошелъ съ веселымъ видомъ въ залу. Въ рукахъ у

него былъ маленькій ящикъ, онъ поставилъ его на столъ и, обращаясь къ доньѣ Вентурѣ, сказалъ: «Вотъ ключъ, отпирайте, смотрите и берите! Не заставляя себя еще разъ повторять, вдова открыла ящичекъ и вынула изъ него черный, китайскій, креповый шарфъ и полдюжину атласныхъ башмачковъ, которые Перець и представилъ Пепитѣ; та покраснѣла и отъ всего сердца благодарила. Между тѣмъ, какъ дѣвочка любовалась подарками, Перець предложилъ вдовѣ одну изъ прекрасныхъ золотыхъ цѣпочекъ, которыя такъ искусно дѣлаютъ въ Перу; потомъ обратясь къ Хуанцито, который, казалось, ожидалъ своей очереди, сказалъ: Ну, молодець, поинци-ка чегонибудь подь моимъ пончо. Мальчикъ, поднявъ пончо, выхватилъ съ жадностью маленькую саблю, и тотчасъ привѣсилъ ее себѣ къ поясу. Въ восхищеніи бросился онъ на шею къ Перецу, который, по видимому, лучше желалъ бы получить такую ласку отъ его сестрицы. Надѣливъ подарками всё семейство, Жиль-Перець вступилъ съ нами въ разговоръ. Въ этихъ странахъ, гдѣ нравы такъ просты и общежительны, довольно разъ встрѣтиться подь одною кровлею, чтобъ сдѣлаться друзьями. Матео опять развеселился: самолюбіе и чувство собственного достоинства не дозволяло ему завидовать кондуктору телѣгъ.

Пока мы разговаривали съ Перецомъ, погонщики сочинили праздникъ; деревенскія дѣвушки и почталіоны станціи «esquina» присоединились къ нимъ, и импровизированный балъ ихъ длился далеко за полночь. Такъ-то жители пампы отдыхаютъ послѣ дневныхъ трудовъ. Жиль-Перець, чтобъ не подать повода къ какомунибудь безпорядку, отправился въ ночной дозоръ. Возвратясь онъ сказалъ намъ, что съ юго-востока показалась большая пыль. Услышавъ это, Хуанцито тотчасъ отправился на рекогносцировку; чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ новостью, что пріѣхали погонщики муловъ изъ Сан-Хуана. Пепита и матушка ея быстро переглянулись; что касается до Переца, то онъ, казалось, не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія, а сказалъ только: Вѣрно маленькій Фернандо, съ своимъ грузомъ водки!

Погонщики остановились неподалеку отъ почты, разсѣдлали муловъ и разложили на землѣ сѣдла. Къ каждому сѣдлу были привѣшаны по два анкера—обыкновенный грузъ для каждаго мула. Усталыя животныя легли на траву и стали ее пощипывать; люди разбили небольшую палатку и развели огонь. Нѣкоторые остались верхомъ и рыскали вправо и влево, не дозволяя непослушнымъ муламъ далеко уходить отъ привала. Ихъ начальникъ, не отличавшійся по одеждѣ отъ прочихъ, сѣвшился въ свою очередь, и отправился въ почтовый домъ. У него на плечѣ

висѣла одна изъ тѣхъ большихъ сумокъ, которыя прославилъ Санчо (alforjas), это двойной мѣшокъ, надѣваемый нищими на шею, а всадникомъ на сѣдельную луку. Подойдя скорымъ шагомъ на кончикахъ носковъ, по причинѣ длинныхъ шпоръ на каблукахъ, онъ постучался въ дверь къ доньѣ Вентурѣ Хуанцито отворилъ дверь.

Жиль-Перець смотрѣлъ на погонщика муловъ, какъ адмиралъ смотритъ на мелкаго шкипера купеческаго судна. Послѣдній, сконфуженный тѣмъ, что нашелъ въ почтовомъ домѣ много незнакомыхъ лицъ, стоялъ нѣсколько секундъ въ дверяхъ.

— Войди же, Фернандо, сказала ему донья Вентура; ты удивляешься, дружокъ, что Пепита въ такомъ нарядѣ? Это потому, что вечеромъ наѣхали ко мнѣ господа кавалеры... Хочешь поужинать? у меня есть «punchego» *.

— Благодарю, сенора, мнѣ ничего не нужно. Вы знаете, я не проѣзжаю мимо этого мѣста, не поздоровавшись съ Пепитой и притомъ у меня есть для васъ маленькій анкерокъ такой водки, какой давно не видывали въ Сан-Хуанѣ.

— Неужели для Пепиты ты привезъ «aguardiente»? ** спросилъ Жиль-Перець.

— Донья-Жиль, отвѣчалъ погонщикъ, каждый дарить тѣмъ, чѣмъ можетъ. И обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, онъ примолвилъ: Пепита! когда ты была ребенкомъ, ты любила сладкіе торты нашихъ горъ; вотъ я привезъ тебѣ тортовъ съ персиками!

Говоря это, онъ вынулъ изъ двойной сумки маленькій анкерокъ водки и дюжину четырехугольныхъ пирожковъ съ вареньемъ изъ плодовъ, которые принялся отвѣдывать Хуанцито съ большимъ наслажденіемъ. Затѣмъ Фернандо сѣлъ возлѣ Пепиты и горделиво поглядывалъ на кондуктора телѣгъ.

— Сколько животинъ у тебя? спросилъ его Перець.

— Пятнадцать вычюнныхъ муловъ, кромѣ лошадей.

— Именно столько, сколько у меня телѣгъ, продолжалъ Перець; это не дурно... Стало быть, у тебя всего тридцать анкерковъ, которыми можно нагрузить половину одного изъ моихъ фургоновъ! Ба! чтожь ты можешь этимъ заработать? плохое, дружокъ, твое ремесло, и долго надо еще трудиться, чтобъ сколько нибудь нажитья!

— Когда оно мнѣ наскучитъ, возразилъ Фернандо, я примусь за другое. Погонщикъ произнесъ эти слова страннымъ голосомъ.

— Фернандо проворенъ, сказала донья Вентура, и дѣла свои ве-

* Супъ съ варенымъ мясомъ.

** Водку.

дѣть хорошо, потомъ найдетъ гдѣ нибудь добрую дѣвушку съ приданымъ... Не такъ ли, Фернандо?

Вмѣсто отвѣта Фернандо надвинулъ на голову свою остроконечную шляпу съ узкими полями; его глаза засвѣтились, какъ у кошки. Онъ схватилъ съ живостью гитару, лежавшую на эстрадѣ, возлѣ Пепиты, и началъ разсѣянно бренчать на ней, какъ бы предаваясь глубокой думѣ. Хуанцито, стоя передъ нимъ, въ ожиданіи, что онъ кончитъ свои прелюдіи и споетъ какую нибудь веселую горную пѣсенку, толкнулъ его подъ руку и сказалъ: Видѣлъ ли ты, Фернандо, какіе славные подарки сдѣлалъ намъ Жиль-Перець? Не поднимая глазъ, погонщикъ муловъ пропѣлъ вслѣголосо одинъ куплетъ изъ стариннаго романса.

No estés tan contenta, Juana,
En ver me penar por tí;
Que lo que hoy fuere de mí,
Podrá ser de tí mañana.

«Не слишкомъ радуйся, Хуана,
Что терплю я за тебя;
Завтра очередь твоя
Испытать мое мученье!»

Вдругъ, бросивъ гитару на полъ, онъ вскочилъ на эстраду, погасилъ лампаду, горѣвшую въ углу, и выхватилъ свой ножъ. Пепита вскрикнула и прижалась къ своей матери. Перець бросился защищать ее, но Фернандо проскользнулъ мимо его, не поднимая глазъ; въ дверяхъ онъ пробормоталъ:

— А! Пепита, ты заставишь меня рѣшиться на что нибудь недоброе! и исчезъ.

Жиль-Перець старался успокоить и удержать обѣихъ дамъ; но донья Вентура, очень встревоженная, немедля удалилась съ дочерью.—«По чести, господа, сказалъ намъ потихоньку Матео, вечеръ былъ болѣе интересенъ, нежели я ожидалъ. Я думалъ позабавить васъ маленькимъ спектаклемъ, а мы имѣли предъ глазами почти трагедію.—«Затѣмъ онъ растаялъ на одъялѣ, въ намѣреніи заснуть. Мои товарищи сдѣлали тоже, а я отправился къ нашей дорожной каретѣ (coche-galega), гдѣ я по обыкновенію имѣлъ всегда ночлегъ. Огни погонщиковъ муловъ блистали въ отдаленіи; передъ телѣгами проводники продолжали пѣть и плясать. Со стороны лѣса вереницы безчисленныхъ попугаевъ такъ рѣзко и громко кричали, что небыло возможности сомкнуть глазъ. На разсвѣтѣ, только что я было заснулъ, Матео разбудилъ меня; лошади

были готовы. Погонщики изъ Сен-Хуана скрывались уже на горизонтѣ, и Перець, вложивъ ногу въ стремя, скомандовалъ своей труппѣ: маршъ, маршъ!

На слѣдующій день мы вошли торжественно въ Кордову. Отъ грома нашей дорожной кареты, катящейся по неровной мостовой, жители высовывались въ окна и бѣжали къ дверямъ. Почталыоны, вооруженные саблями и ножами, лихо галоцировали; четверо нашихъ всадниковъ такъ важно скакали, закинувъ свои головы, что вечеромъ на главной площади Кордовской повторяли: «*Нап llegato unos Ingless*»;—къ намъ пріѣхали англичане!

Проживъ нѣкоторое время въ хорошенькомъ городкѣ Кордовѣ, который былъ нѣкогда Саламанкой Аржентинскихъ провинцій, мы простились съ Матео, чтобъ продолжать путь нашъ къ Андамъ. Въ свою очередь и я оставилъ моихъ спутниковъ въ Мендозѣ и отправился сначала въ Чили, а потомъ въ Перу. Возвратясь наконецъ въ Вальпарайзо, чтобъ ѣхать оттуда въ Европу, я пожелалъ видѣть Сант-Яго, столицу Чили. Это большой и красивый городъ, гдѣ можно пріятно жить, и гдѣ французъ чувствуетъ себя какъ дома. Въ это время пользовались тамъ совершенною тишиною; по ночамъ, на каждомъ углу улицы, конные солдаты охраняли спокойствіе жителей. Если случалось на дорогахъ смертоубійство, начальство знало, гдѣ найти виновнаго: онъ былъ безъ пощады наказываемъ, домъ его разрушали до основанія и посыпали солью, чтобъ и памяти не было о преступникѣ. Правда, что страна волнуема была частыми переворотами, но вообще народъ мало принималъ въ нихъ участія. Жители въ вечерніе часы толпою прогуливались въ тополевыхъ аллеяхъ (*alamedas*), за которыми величественно возвышаются вершины Кордильерскихъ Андъ, убѣленные вѣчными снѣгами. Какъ ни прелестны эти «*alamedas*», освѣжаемая небольшими журчащими ручьями и садами, гдѣ цвѣтутъ персиковыя и миндальныя деревья, но путешественникъ предпочитаетъ имъ гигантскую плотину, воздвигнутую для удержанія стремительныхъ водъ Тажамара. Представьте себѣ набережную, длиною въ цѣлую милю, которая господствуетъ надъ узкою долиною, примыкающею къ Андамъ, осѣненную высокими деревьями, за которыми скрываются бѣлые домики съ фруктовыми садами. Величественныя горы, нагроможенныя одна надъ другою, округляютъ горизонтъ и уподобляются пространнѣйшимъ садамъ; поднимая взоръ выше, останавливаешься на полосѣ, гдѣ еще можно видѣть нѣкоторые слѣды растительности, далѣе начинаются голые утесы, и наконецъ взоръ теряется на вершинахъ, покрытыхъ чистѣйшими снѣгами, которые отъ солнечныхъ лучей сіяютъ, какъ алмазы.

Разъ, вечеромъ, я шелъ по нескончаемой дорогѣ, которая вьется вдоль Тажамара. Заходящее солнце окрашивало Кордильеры различными, безпрестанно мѣняющимися цвѣтами, какъ шея хамелеона. Когда я достигъ до городского предмѣстія, звуки голосовъ и аккорды гитаръ и арфъ привлекли мое вниманіе къ одному саду, гдѣ толпился народъ. Прекрасное пальмовое дерево, довольно рѣдкое въ этой части Чили, занимало средину луга; въ глубинѣ его, за лимонными и гранатовыми деревьями, возвышался театръ, иллюминированный разноцвѣтными шкаликами. На авансценѣ танцовщикъ и танцовщица исполняли живой, увлекательный танецъ, который андалузцы, перенявшіе его у цыганъ, перенесли изъ Испаніи въ Америку. Казалось, что балетъ давно уже длится, потому что два скрипача, утомленные игрою, едва держались на ногахъ. Вдругъ танцовщикъ преклоняетъ колѣно, закидываетъ назадъ голову и устремляетъ на «*bay lagina*» сверкающіе глаза, которые кажется ее очаровываютъ. Танцовщица, какъ будто побѣжденная взглядомъ молодого чело-вѣка, беретъ его за руку, чтобъ поднять, и бѣжитъ скрыться между женщинами въ оркестръ.

Эта извѣстная, всегда повторяемая развязка, произвела однакожъ въ собраніи взрывъ всеобщаго одобренія. Большинство зрителей состояло изъ чилийскихъ рудокоповъ въ остроконечныхъ шляпахъ, въ голубыхъ пончо съ желтыми полосами, изъ погонщиковъ муловъ провинціи Моле, которые отличаются своими гладкими волосами и смуглыми лицами, болѣе подходящими къ типу индійскому, чѣмъ испанскому. Тутъ были также купцы изъ предмѣстій, продавцы дынь и «*agvadores*»—водоносцы; общество неотборное, согласенъ, но простосердечное, откровенное, не обращавшее на меня никакого вниманія, не смотря на любопытство, съ которымъ я обозрѣвалъ все эти группы. Тутъ поставлены были столы съ разными прохладительными напитками. Въ то время, какъ танцоры явились снова на сцену, я сѣлъ поближе къ оркестру и потребовалъ стаканъ оржаду.

— Сеньоръ кавалеръ, сказалъ мнѣ живо и отрывисто одинъ молодой чело-вѣкъ, подвиньтесь немного въ сторону: ваша шляпа мѣшаетъ мнѣ смотрѣть на танцовщицу!..

Здѣсь, какъ и въ оперѣ, есть аматёры, которые не хотятъ пропустить ни одного па, ни одной ноты, подумалъ я, обращаясь назадъ, чтобъ взглянуть на дилеттанта. И что же? Я узнаю въ немъ Матео. Онъ нѣсколько измѣнился; платье его тоже повзрослело; но это точно былъ тотъ самый молодой кордовецъ, который такъ отъ души аплодировалъ романсамъ Пениты, дочери доньи Вентуры.

— Донъ-Матео, сказалъ я ему, протягивая руку, согласитесь,

что если эта актриса танцуетъ граціозно, то и въ провинціи кордовской молодыя дѣвушки поютъ восхитительно, на примѣръ, Пепита...

— Пепита, возразилъ молодой человѣкъ, вы знаете Пепиту? Но кто же вы, сеньоръ кавалеръ?.. А! да это донъ... извините, иностранныя имена такъ трудно запомнить! Какими судьбами встрѣчаю васъ здѣсь?

— Путешествія мои привели меня въ Чили, откуда я пускаюсь къ мысу Горну; но вы, любезнѣйшій, кажется, ограничивали свои странствованія прогулками по пампѣ изъ Буэносъ-Айреса въ Кордову; какой счастливый случай привелъ васъ сюда, за Анды?

— Счастливый случай! возразилъ Матео, покачивая головою, увы! нѣтъ! Вы удивляетесь, не правда ли, встрѣчая меня въ шумной толпѣ, которая смѣется и забавляется? Что дѣлать, мой другъ! Я страстно люблю изящныя искусства, и въ общественномъ удовольствіи забываю на нѣсколько минутъ мои несчастія... Позвольте мнѣ послать прохладительнаго этой миленькой байларинѣ. Не правда ли, что она танцуетъ восхитительно? Кошелекъ мой не слишкомъ полонъ, но все же я могу отыскать въ немъ монету для поощренія таланта.

Сказавъ это, онъ велѣлъ мальчику налить стаканъ холоднаго лимонада и отнести его танцовщицѣ. Артистка, принимая стаканъ, искала глазами кого благодарить за это вниманіе. Матео отвѣчалъ на взглядъ актрисы вѣжливымъ жестомъ, она учтиво ему поклонилась и взяла опять сигарету, которую давала подержать на минуту своей подругѣ.

— У васъ на большихъ театрахъ, сказалъ Матео, взявъ меня подъ руку, чтобъ выдти изъ сада, бросаютъ любимымъ артисткамъ букеты цвѣтовъ и стихи, на которые иногда онѣ не обращаютъ вниманія; мы же въ нашихъ маленькихъ музыкальныхъ и танцевальныхъ собраніяхъ довольствуемся предложить танцовщицамъ и виртуозамъ стаканъ прохладительнаго, что они принимаютъ съ особымъ удовольствіемъ... Простая учтивость, не имѣющая рѣшительно никакого значенія.

Вышедъ изъ сада, мы отправились къ Тажамару. Ночь была тихая и ясная; у нашихъ ногъ шумѣла рѣка, и на темномъ небѣ мы отличали вершины кордильеровъ, которые еще чуть-чуть свѣтились. Посмотрите, вскричалъ Матео, опершись обѣими руками на перила, посмотрите, какая страшная преграда между мною и отечествомъ: шестьдесятъ миль горъ, пропастей и снѣговъ. Но я считаю себя еще счастливымъ, что сохранилъ голову на плечахъ. Вы помните вечеръ, проведенный нами въ «esquina»? Знаете-ли, сколько изъ всѣхъ лицъ, находившихся подъ гостепріимною кровлею доньи Вентуры, считая въ

томъ числѣ хозяйку и ея дочь Пепиту, осталось въ живыхъ? Только двое: вы, да я! Первая сцена изъ этой драмы разыгралась при вашихъ глазахъ, въ почтовомъ домѣ, гдѣ мы такъ весело ужинали, когда пришелъ караванъ Жиль-Переца изъ Салты. Я расскажу вамъ о дальнѣйшихъ происшествіяхъ, и дѣйствіе будетъ происходить все между извѣстными вамъ лицами.

II.

— Перенеситесь мысленно въ почтовый домъ доньи Вентуры, скажетъ Матео, начиная свой рассказъ. Можетъ быть, вы не позабыли молодого Фернандо...

— Поговщика муловъ съ большими шпорами, который помѣшалъ намъ ужинать?

— Того самаго... Фернандо, помните, отправился въ путь съ своимъ «агіа»* поутру, часомъ ранѣе противъ каравана Жиль-Переца. Хотя они слѣдовали одною дорогою, но не могли встрѣтиться прежде прибытія въ Буэносъ-Айресъ. Мулы Фернандо бѣжали рысцою по равнинамъ и безъ затрудненія проходили чрезъ ручьи, тогда какъ быки Переца, запряженные въ массивныя телѣги, съ трудомъ везли по рытвинамъ тяжелый грузъ. Фернандо уже четыре дня какъ окончилъ свое путешествіе, когда пастухи Переца, лежа на верху своей кледи, откуда покалывали быковъ, завидѣли колокольни Буэносъ-Айреса и вѣды широкой Ла-Платы. Перець направилъ свой транспортъ на обычное мѣсто, къ подошвѣ хозма Ретиро. Тамъ уже было пять или шесть подобныхъ каравановъ, пришедшихъ изъ сѣверныхъ и западныхъ провинцій Аргентинской республики; число вѣхъ простиралось отъ шестидесяти до восьмидесяти человѣкъ. Они отдыхали, подобно матросамъ корабля, дремлющаго на якорѣ. Одни, растянувшись на травѣ, мурлыкали веселыя пѣсни, и предавались филофическимъ удовольствіямъ «саг-пенте,» другіе распарывали длинными ножами арбузы, величиною съ добрый боченокъ; нѣкоторые страстные игроки, сидя на бычачьихъ головахъ, рисковали на одной картѣ заработку нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Когда показался народъ изъ Салты съ телѣгами, всѣ они воскликнули громкое вивать въ честь новопрішедшихъ, и бросились пожимать друзьямъ руки. Жиль-Перець направилъ своихъ быковъ къ пастбищамъ, гдѣ они должны были отдохнуть до новой отправки, и пустился въ галопъ возвѣстить хозяевамъ товара, что богатый ихъ грузъ прибылъ благополучно.

* Конвоемъ муловъ.

Лишь только онъ скрылся изъ виду, составились группы вокругъ двухъ огней, разложенныхъ его людьми. Нѣсколько уже дней распространилась молва, что въ провинціяхъ не совѣмъ спокойно, и потому сѣвшили объ этомъ узнать отъ путешественниковъ, проѣхавшихъ чрезъ всю пампу. Слухи оказались отчасти справедливыми, и мысль присоединиться къ войску, блуждающему по пампѣ, соблазняла многихъ изъ этихъ погонщиковъ. Пока они разговаривали о происшествіяхъ, которыя готовились во внутренности страны, прошелъ мимо ихъ Фернандо, съ большими стальными шпорами на каблукахъ, которыя задѣвали за траву. Онъ походилъ на орла, подстрѣленного охотникомъ, которому длинныя перья на ногахъ мѣшаютъ бѣжать.

— Смотри, вскричали бесѣдующіе, вотъ маленькій погонщикъ муловъ, продавецъ водки изъ Санъ-Хуана! Эй! Фернандо, не пришлешь ли намъ анкерочка водки распить за твое здоровье?

— Скорѣе вы дайте мнѣ чегонибудь перекусить, отвѣчалъ погонщикъ, я со вчерашняго дня на діетѣ!

И отрѣзавъ отъ части быка, жарившейся на огнѣ, длинный ломоть, онъ сталъ его ѣсть, какъ лазарони ѣдятъ макароны. «Благодарствуйте, сказалъ Фернандо, вытирая ножикъ о свой сапогъ, теперь я повеселѣе, вы позволите мнѣ и переночевать здѣсь, не правда ли, и дадите одѣяло на ночь? Въ ожиданіи я протянусь гдѣнибудь для отдыха.»

Онъ проскользнулъ между двумя колесами телѣги и заснулъ тамъ. Погонщики не обращали на него вниманія. Между тѣмъ Перець возвратился и приказалъ своимъ людямъ съ завтрашняго утра разгружать телѣги. Обходя свой караванъ, онъ замѣтилъ пришлеца, спокойно спящаго на травѣ, какъ дитя въ объятіяхъ своей матери. Ба, Фернандо! что ты тутъ дѣлаешь, дружокъ?

— Отдыхаю, отвѣчалъ Фернандо, протирая глаза руками; четверо сутокъ безъ отдыху игралъ въ карты.

— И выигралъ?

— Напротивъ, проигралъ весь грузъ водки, всѣхъ муловъ, словомъ все, что имѣлъ! Не одолжите ли мнѣ двадцать піастровъ, Жиль-Перець?

— Чтобъ опять играть?

— Можетъ быть... Послушайте, я былъ человѣкомъ порядочнымъ и никогда не игралъ, а теперь, по вашей милости, могу сдѣлаться разбойникомъ. Давно я знаю Пениту: на глазахъ моихъ она выросла, и ея мать всегда меня хорошо принимала. Замѣтивъ, что я люблю Пениту, она поощряла меня къ труду, чтобъ увеличить мою маленькую

торговлю. Въ каждый проѣздъ я останавливался въ «esquina;» Пепита все хорошѣла, и встрѣчала меня съ радостью... Я былъ счастливъ; не вотъ, въ эти два года, какъ вы начали тутъ шмыгать, все для меня перемѣнилось. Ваши креповыя шали, да золотыя цѣпочки вкружили имъ головы; мать считаетъ меня ужъ за ничто, а васъ носятъ на рукахъ! Одолжите мнѣ двадцать пиастровъ, чтобъ я могъ выиграть на подарки этимъ дамамъ. Вы богаты, Жиль-Перець; вы найдете себѣ невѣсту въ Салтъ, Кордовѣ, гдѣ угодно; я бѣднякъ, и люблю Пепиту, единственную дѣвушку, которая не отвергнетъ меня, хотя я и разорился.

Фернандо говорилъ со слезами на глазахъ. Жиль-Перець, удивленный этою просьбой и откровенностью, сжалился надъ бѣднымъ погонщикомъ, но не пожалѣлъ о его задушевномъ горѣ. Если тебѣ нужны двадцать пиастровъ, я тебѣ ихъ дамъ, хотя это и составляетъ порядочную сумму; но послушай меня, брось игру и оставь торговлю. Чтобъ заниматься торговлею, надо имѣть капиталъ и кредитъ, а у тебя нѣтъ ни того, ни другаго. Откажись и отъ Пепиты, которая вовсе о тебѣ не думаетъ, возвращайся лучше въ долину Санъ-Хуана; на, вотъ тебѣ двадцать пиастровъ.

— Жиль-Перець! возразилъ погонщикъ; выпрямаясь горделиво, вы мнѣ говорите такія вещи, которыя приводятъ меня въ бѣшенство.

Я старался забыть, съ какимъ пренебреженіемъ вы обращались со мною и какъ оскорбительно говорили мнѣ въ «esquina», предъ молодую дѣвушкой, предъ ея матерью, предъ иностранцами, которые случайно тамъ находились... и вы опять начинаете! Ну, такъ и быть! Я отъ васъ ничего болѣе не прошу, берегите свои деньги; но умоляю васъ объ одномъ: оставьте мнѣ Пепиту, и я вѣчно буду вамъ признателенъ.

— Вотъ выдумалъ! Разсуди самъ, любезный, глупо же было бы не воспользоваться мнѣ выгодами своего положенія! Ты просто сошелъ съ ума, Фернандо; возьми двадцать пиастровъ, на землѣ ихъ не найдешь, а я даже не требую и обѣщанной тобою признательности.

— А! «carretero», * ты расквѣшь, сказалъ сквозь зубы молодой погонщикъ, уходя съ пустыми руками, но съ ненавистью въ сердцѣ. Наступила ночь, стоявшія у подошвы холма тѣлги покрылись мракомъ; между стѣною кактусовъ едва были замѣтны высокія стебли алое, подобныя потушимъ канделябрамъ. Прогуливающіеся сѣшили въ городъ; не благоразумно было оставаться въ эту пору между плантаціями оливковыхъ деревьевъ, которыми покрыта эта уединенная долина, гдѣ на каждомъ шагу деревянныя кресты на скалахъ рвовъ, приглашаютъ путника

* Извозчикъ.

помолиться за умершихъ насильственной смертію. Когда совершенно стемнѣло, когда посреди глубокой тишины, на серебристыхъ водахъ Ла-Платы тихо качались вдоль берега суда, какъ будто темныя пятна, Фернандо отетегнулъ свои шпоры, чтобъ итти безъ шума, и скрылся во мракѣ. А! «саггетеро», говорилъ онъ про себя, ты сдѣлалъ меня игрокомъ, ты причиною моего разоренія! хорошо же! и схвативъ свой ножъ, онъ сѣлъ въ засаду на поворотѣ дорожки, спускавшейся позади Реколетекаго монастыря.

Фернандо оставался тутъ около получаса; вдругъ послышался конскій топотъ, заставившій его содрогнуться. Крутая тропинка не позволяла всаднику скоро ѣхать; посвистывая, онъ осторожно по ней поднимался. Хорошо, подумалъ погонщикъ, это доженъ быть «сагсапан» иностранецъ, здѣшній въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ не побѣхалъ бы такъ беззаботно. Тѣмъ хуже для него! Консулъ потребуетъ удовлетворенія, это уже будетъ его дѣло... Выждавъ удобную минуту, Фернандо бросился на всадника. Двѣ или три унціи золота, находившіяся въ поясѣ чужеземца, перешли къ Фернанду, который вскочивъ на лошадь своей жертвы, поскакалъ во всю мочь чрезъ пампу. Погонщикъ перешелъ черту, раздѣляющую его отъ разбойника, и это первое преступленіе сдѣлало изъ него «gaucho malo» * полного зодѣя.

— Увѣрены ли вы въ томъ, прервалъ я Матео, что этотъ погонщикъ прежде былъ честнымъ человѣкомъ? Помните ли, какой навелъ онъ ужасъ на всѣхъ въ почтовомъ домѣ, выхвативъ ножъ и погасивъ лампу?

— Тогда слова Жиль-Переца раздражили его; впрочемъ, я думаю, что онъ съ того самаго вечера мысленно переродился на дурное. Когда онъ почувствовалъ въ своемъ карманѣ золото, добытое цѣною убійства, и пустился по равнинѣ на позищенной лошади, онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе присоединиться къ шайкѣ разбойниковъ. Прежде всего Фернандо рѣшился побывать въ «esquina». Маленькій Хуанчито, по обыкновенію, вскочилъ къ нему на шею. Старикъ Торрибіо, дворецкій доньи Вентуры, увидя его одного на дорогой лошади, безъ муловъ и погонщиковъ, побѣжалъ къ нему навстрѣчу: «Amigo» кричалъ онъ ему, откуда взялъ ты такую лошадь? Видно сан-хуанская водка хорошо продается!

Фернандо ничего не отвѣчалъ, но быстро отворилъ двери и обращаясь къ дамамъ, удивленнымъ внезапнымъ его появленіемъ, сказалъ:

— Послушайте, разбойники скоро наводнятъ всю эту сторону, и я боюсь, чтобъ они не сдѣлали вамъ перваго визита. У меня есть межъ

* «Gauchos» называютъ въ оскорбительномъ смыслѣ европейцевъ.

ними друзья; отдайте мнѣ вашу дочь, донья Вентура, и я съумѣю укрыть ее и васъ въ безопасномъ мѣстѣ.

— Давно ли ты, Фернандо, сталъ за одно съ разбойниками? спросила съ негодованіемъ донья Вентура!

— Пепита, продолжала погонщикъ, избѣгая отвѣта, хочешь ли итти со мною?.. Но ты трепещешь, отвращаешь голову!.. Отвѣчай, Пепита, развѣ я вселяю въ тебя страхъ, развѣ ты считаешь меня за разбойника?

Молодая дѣвушка тщетно хотѣла отвѣчать, Фернандо говорилъ страшнымъ голосомъ, котораго не могла смягчить и чистосердечная, страстная любовь его къ Пепитѣ.

— Фернандо, вскричала донья Вентура, въ послѣдній разъ какъ ты здѣсь былъ, ты оставилъ нашъ домъ, какъ бѣшеный, съ ножомъ въ рукахъ; теперь ты являешься опять, какъ разбойникъ, съ угрозою. Иди своей дорогой и больше къ намъ не возвращайся; не нужно мнѣ твоего покровительства!

— А, вы хотите сказать, что вамъ будетъ покровительствовать Жиль-Перець, надѣйтесь на него... Дорогія шали и золотыя цѣпочки вкружили вамъ головы. Впрочемъ, и у меня есть золото, угодно видѣть? Еще разъ, Пепита, хочешь ли за мною слѣдовать? Хочешь ли сѣсть со мною на сѣдло и полетѣть въ Кордову, въ Чили?

По мѣрѣ того, какъ онъ разгорячался, голосъ его становился гнѣвнымъ. Онъ блѣднѣлъ; страсти, бушевавшія въ его сердцѣ, придавали его лицу видъ звѣрскаго. Пепита смотрѣла на него сначала съ сожалѣніемъ, потомъ со страхомъ; слезы, навернувшіяся у нея на глазахъ, остановились; она вскрикнула, и бросившись къ матери, лишилась чувствъ въ ея объятіяхъ. Фернандо тотчасъ удалился, послѣднее доброе чувство, остававшееся въ его сердцѣ, уступило мѣсто ненависти.

Хотя Фернандо ничего не сказалъ опредѣлительнаго, но его загадочныя слова поселили ужасъ въ донью Вентурѣ и Пепитѣ. Въ провинціи распространился слухъ, что на границахъ Санта-Фе пошаливаютъ разбойники. Старый Торрибю, преданный этому семейству, и служившій ему тридцать лѣтъ, день и ночь былъ на стражѣ; онъ простиралъ свои розыски далеко по равнинѣ, и наклонясь на шею лошади, приложивъ руку ко лбу, чтобъ защитить глаза отъ вечернихъ лучей солнца, внимательно обозрѣвалъ весь горизонтъ. Иногда онъ бралъ съ собою маленькаго Хуанцито, котораго училъ верховой ѣздѣ, и углублялся съ нимъ въ лѣсъ чрезъ мхи и кустарники.

Съ западной стороны простиралось озеро, на берегу котораго часто кочевалъ Фернандо съ своими мулами; тамъ замѣтны еще были слѣды

лагерной стоянки, но нигдѣ во всей окрестности не было видно дыму. Краеные гуси, стоя у воды на одной ножкѣ, прятали голову подъ крыло, и своею неподвижностью показывали, что съ этой стороны нѣтъ никакой опасности. Нѣсколько дней не было слышно ни о разбойникахъ, ни о Фернандо. Последний, оставивъ «esquino», бросился по дорогѣ въ Буэнос-Айресъ, навстрѣчу Жиль-Перецу, возвращающемуся съ караваномъ своимъ въ Салту.

Разъ утромъ, Жиль-Перецъ далъ приказаніе своимъ людямъ готовиться въ путь. Караванъ, имѣвшій ночлегъ на берегахъ Ріо-Саладо, медленно сталъ разворачиваться въ открытой равнинѣ. Время было зимнее, погода холодная; сильный вѣтеръ взметалъ пыль по пустынной пампѣ, гдѣ не было никакой препоны яростному его дѣйствию. Перецъ скакалъ впереди своего каравана, чтобъ отыскать бродъ чрезъ небольшой ручей, какъ вдругъ на горизонтѣ показались двѣнадцать черныхъ точекъ, быстро къ нему приближавшихся. Вскорѣ онъ могъ различить несущихся всадниковъ съ развѣвающимся знаменемъ, одни вооружены были копьями, другіе короткими карабинами. Подобная встрѣча была для него подозрительна, онъ поспѣшилъ воротиться назадъ и построить войско свое въ боевую линію. Телѣги разтавлены были кружкомъ, дышлами внутрь; быки, согнанные въ самый центръ, слушались команды погонщиковъ и жались другъ къ другу. Оружіе роздано было всемъ; между телѣгами высунувшіеся пистолеты и мушкетоны угрожали неприятелю, еслибъ онъ отважился вторгнуться въ средину каравана, обращеннаго въ крѣпость. Когда были сдѣланы все эти распоряженія, группа всадниковъ примѣтно уменьшила свой бѣгъ, одинъ только отдѣлился отъ толпы и поскакалъ впередъ. На разстояніи двадцати шаговъ отъ каравана, онъ остановился, и отдернувъ платокъ, скрывавшій его лицо, закричалъ:

— Донъ-Жиль, признайся, что погонщикъ муловъ, Фернандо, очень тебя настрачалъ?

— А, это ты! отвѣчалъ Перецъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Чего тебѣ надо отъ насъ?

— Я перемѣнилъ мой образъ жизни, «ашіго»; теперь я сталъ охотникомъ на страусовъ; нынѣшнимъ утромъ я съ товарищами преслѣдовалъ цѣлое стадо страусовъ, но оно отъ насъ скрылось. Не встрѣтили ли вы его?

— Ну, дружокъ, и это плохое ремесло, сказалъ Перецъ. Если ты хотѣлъ объ этомъ только спросить, зачѣмъ же было такъ летѣть на насъ? Въ ту минуту, какъ вы показались на горизонтѣ, я видѣлъ впереди насъ, въ разстояніи одной мили, нѣсколько бѣгущихъ страусовъ;

если это тѣ, за которыми вы гонитесь, продолжайте вашу охоту и оставте насъ въ покоѣ.

Между тѣмъ какъ они разговаривали, успокоенные извозчики перестали держать себя въ оборонительномъ положеніи; товарищи Фернандо съ безпечнымъ видомъ нечувствительно подошли къ нимъ, покуривая свои сигареты. Вскорѣ завязался разговоръ между мнимыми охотниками на страусовъ и людьми Жиль-Переца. Хотя послѣдній и не предполагалъ никакой измѣны, но колебался тронуться въ дорогу, пока Фернандо не удалится съ своей шайкой. И такъ роздыхъ продолжался, и страусы, не слыша стука массивныхъ колесъ, показались опять на высотахъ, за которыми было скрылись.

— Смотрите, Жиль-Перець, продолжалъ Фернандо, я бьюсь объ закладъ, что моя лошадь, на которой я проскакалъ поутру шесть миль, скорѣ догонитъ котораго нибудь изъ этихъ страусовъ, чѣмъ ваша, даромъ что она не замучена.

— Право, мнѣ некогда принимать твоего вызова, отвѣчалъ Перець, скучавшій остановкой. Равнина теперь не очень спокойна, и я тороплюсь увидѣть предметія Кордовы.

— Ба! да эта погоня не продолжится и пяти минутъ, отвѣчалъ Фернандо; ну, пустимся, и я тотчасъ избавлю васъ отъ нашего присутствія, которымъ, какъ кажется, вы не очень довольны.

— Пусть будетъ по твоему! лишь бы только намъ скорѣ въ дорогу, отвѣчалъ Перець и пришпорилъ свою лошадь. Фернандо скакалъ такъ близко около него, что ихъ колѣна почти соприкасались. Гауши и извозчики кричали и хлопали въ ладоши, чтобъ еще болѣе возбудить лошадей, которыя летѣли стрѣлой по равнинѣ. Страусы, почуя погоню, тоже побѣжали, вытянувъ шею; они рѣзали воздухъ своими короткими крыльями и бороздили океанъ высокой травы.

Два всадника ихъ уже настигали. Погоня продолжалась минутъ десять, и Фернандо началъ понемногу отставать. Жиль-Перець, оглянувшись, видитъ что погонщикъ вертитъ надъ головою арканомъ * съ двумя шарами, величиною въ кулакъ. «Amigo» закричалъ Перець, не отанавливаясь, шары твои могутъ убить дикую лошадь, и въ то время, какъ онъ хотѣлъ выхватить изъ-за пояса свои свинцовые шарики, чтобъ бросить ихъ на шею страусу, лошадь его упала, спутанная въ ногахъ арканомъ, пущеннымъ Фернандо.

* Этотъ арканъ, который Гауши бросаютъ отъ себя на двадцать шаговъ, состоитъ изъ трехъ шаровъ, приврѣпленныхъ къ тремъ концамъ веревокъ: та, которую держать въ рукѣ, длиннѣе двухъ прочихъ.

Фернандо испустилъ дикій вопль радости, видя, что противникъ его упалъ вмѣстѣ съ лошадыю.

Перецъ, упавъ на лѣвую сторону, силился достать ножъ, чтобъ перерѣзать веревку, связывавшую ноги его лошади, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, Фернандо соскочилъ на землю.

— Ты злодѣй и подлецъ! кричалъ несчастный Перецъ, стараясь высвободиться отъ своего непріятеля. Ты употребилъ гнуснѣйшій обманъ, чтобъ убить меня.

— Это еще не всё, отвѣчалъ хладнокровно погонщикъ. Смотри туда... видишь дымъ? Это горять твои телѣги... Не страусовъ, а тебѣ, «Саггетего» я преслѣдовалъ. Я видѣлъ Пепиту, она меня теперь презираетъ... Слышишь ли, злодѣй, ты сгубилъ всё мои надежды!..

Перецъ былъ сизѣнъ и проворенъ; непріятель не смѣлъ бы съ нимъ бороться при равномъ оружіи; но нечаянное паденіе и невольный испугъ отняли у него возможность защищаться. Фернандо поразилъ Переца нѣсколькими ударами.

III.

Въ непрестанной тревогѣ, вѣрный служитель почтоваго дома, старикъ Торрибіо, пускался по всемъ направленіямъ, для подстереженія непріятеля. Онъ надѣялся открыть его вдалекѣ и дать возможность доньѣ Вентурѣ и ея дѣтямъ скрыться куда нибудь. Однажды вечеромъ ему показалось, что онъ слышитъ въ лѣсу человѣческіе голоса. Собаки не лаяли, но питаея сырою говядиной, можетъ быть, онъ потеряли чутье, поэтому Торрибіо болѣе надѣялся на собственную свою бдительность, чѣмъ на инстинктъ животныхъ. Не мѣшкая, онъ взнуздаль лошадей, которыхъ держалъ на готовѣ осѣданными въ корралѣ,* и убѣдилъ обѣихъ дамъ спасаться по дорогѣ въ Кордову. Донья Вентура помогла трепещущей своей дочери сѣсть на сѣдло, позади ея. Пепита обвила руками мать свою, и обѣ поручили себя защитѣ стараго служителя, который, вооружась саблей и карабиномъ, готовъ былъ за ними слѣдовать. Хуанцито не понималъ угрожающей опасности: ему было двѣнадцать лѣтъ. Онъ схватился, смѣючись, за гриву лошади, вложилъ ногу въ стремя, и разомъ скакнулъ на бѣгуна своего; вотъ уже онъ пробуетъ и шпоры, но лошадь дыбится. Торрибіо подаль ему хлыстикъ и повѣсилъ на плечо пращъ, безъ котораго избалованный ребенокъ никогда не отлучался изъ дому. Все семейство пустилось въ путь. Побѣгъ былъ бы возможенъ, еслибъ непріятель не зналъ хорошо всехъ выходовъ и входовъ.

* Дворъ, обнесенный палисадомъ, куда загоняютъ лошадей.

Фернандо застѣлъ на дорогѣ, идущей въ Кордову. Маленькая труппа не могла проскользнуть мимо его, не бывъ замѣченной. Онъ бросился къ ней навстрѣчу и преграждая дорогу, закричалъ: стой! погонщику Фернандо надо перемолвить съ вами два слова!

— Бѣгите! бѣгите черезъ лѣсъ! кричалъ Торрибю, стрѣлая въ злодѣя изъ карабина, но выстрѣлъ проскользнулъ мимо лба Фернандо. Хуанцито, голубчикъ мой, прилягъ къ сѣдлу и скачи въ лѣсъ! съ этими словами старикъ повалился на землю.

Теперь некому было защищать Пепиту и ея мать. Фернандо, послѣ паденія вѣрнаго служителя, тотчасъ погнался за женщинами, скакавшими къ лѣсу. Скоро онъ нагналъ ихъ: онѣ не кричали, страхъ отнял у нихъ голосъ. Погонщикъ воротилъ ихъ домой, не произнося ни одного слова. И въ той самой залѣ, гдѣ мы провели памятный вечеръ, Фернандо былъ одинъ глазъ на глазъ съ доньей Вентурой, которая всегда такъ ласково его принимала, и съ ея дочерью, которая, можетъ быть, его любила.

— Донья Вентура, сказалъ Фернандо, садясь напротивъ ея, я не прошу у васъ Пепиты. Она не будетъ моею женою, я отказываюсь отъ нея, потому что не люблю ее: но она будетъ слѣдовать за мною какъ пѣвица. Ступай, Пепита, нарядись, возьми гитару и забудь захватить все подарки, которыми надѣлилъ тебя Жиль-Перецъ: не правда, ли что это былъ учтивый кавалеръ? А вы, донья Вентура, прикажите привести лошадей для тѣхъ изъ друзей моихъ, которые ихъ неимѣютъ.

Гауши шумною толпою разсыпались по всему дому и громко требовали лошадей. Передъ отъѣздомъ Торрибю угналъ ихъ въ лѣсъ, и ночью не было возможности поймать ни одной изъ нихъ. Чтобъ успокоить разбойниковъ, донья Вентура отдала въ ихъ распоряженіе всю водку, которая была въ домѣ; она думала, что они напившись заснутъ и дадутъ ей возможность спастись съ дочерью бѣгствомъ, но Фернандо не шель. Лишь только разсвѣло, почтовый домъ былъ разграбленъ. Послѣдовавшая затѣмъ сумятица дозволила доньѣ Вентурѣ скрыться отъ погонщика муловъ; взявъ за руку дочь, она увлекла ее въ чащу лѣса, тамъ обѣ, бросясь ни колѣна, молились. Мало по-малу настала тишина; разбойники одинъ за другимъ удалились, но Фернандо отправился прямо къ кустарникамъ, къ двумъ женщинамъ, которыя прижавшись другъ къ другу питали еще слабую надежду на избавленіе. Онъ схватилъ Пепиту и посадилъ ее къ себѣ на лошадь, потомъ оттолкнувъ ногою мать, уцѣпившуюся всею силою за свою дочь, сказалъ ей: «я обѣщалъ вамъ, сударыня, защитить васъ, и сдержалъ свое слово, вамъ не сдѣлали никакого зла. Прощайте!» и онъ исчезъ какъ молнія, унеся съ

собою Пепиту, скорѣе мертвую, чѣмъ живую. Бѣдная дѣвушка испускала жалобныя стоны. вмѣсто всякаго отвѣта, Фернандо зацѣлъ ей знакомую пѣсенку:

No estés tan contenta, Juana,
En ver me penar por tí;
Que lo que hoy fuere de mí,
Podra ser de tí mañana!

Что сдѣлалось съ доньей Вентурой, оставленной въ глухомъ лѣсу, никто не знаетъ; вѣроятно, она умерла тамъ отъ холода и голода. Хуанцито тоже не явился въ почтовый домъ. Лошадь, которую онъ пришпоривалъ и билъ хлыстомъ изъ всей мочи, умчала его въ пампу и, выбившись изъ силъ, упала. Несчастный мальчикъ, видя себя одинокимъ въ пустынѣ, не зналъ, что дѣлать и куда идти, чтобъ достигнуть какого нибудь жилья. Не имѣя опытности направлять свой путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ, онъ блуждалъ нѣсколько времени въ пустынѣ. Черезъ восемь дней послѣ его бѣгства, нечаянно нашли на границѣ земель индѣйцевъ тѣло мальчика съ хлыстикомъ въ лѣвой рукѣ и съ пращемъ на плечѣ. Эти двѣ вещи да шпоры только и уцѣлѣли отъ трупа, изъ котораго хищныя птицы сдѣлали почти скелетъ.

Только одна Пепита, оставшаяся въ живыхъ, скакала, сидя позади Фернанда, не зная, какая предстоить ей участь. По мѣрѣ того, какъ удалялись они отъ разграбленнаго дома, она теряла надежду соединиться съ матерью. Вскорѣ они выѣхали изъ лѣса и очутились въ пампѣ.

При первомъ роздыхѣ, Фернандо снялъ съ сѣдла Пепиту. Бѣдная дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ и не смѣла поднять на него глазъ. Она сѣла въ высокую траву, закрыла лицо руками и оставалась тамъ, почти въ безчувственномъ состояніи, между тѣмъ какъ разбойники соскочивъ съ лошадей, располагались къ ночлегу. Фернандо подошелъ къ молодой дѣвушкѣ. «Пепита, сказалъ онъ ей, наше ремесло трудное, переходы длинныя, и мы никогда не увѣрены въ спокойномъ ночлегѣ. Потому—то въ часы отдохновенія, ты поможешь намъ забывать труды минушіе, и опасности предстоящія. Ну, вставай нина!»... И какъ молодая дѣвушка медленно приподнялась, не понимая смысла этихъ словъ, одинъ гаушо, съ лицомъ отмѣченнымъ рубцами, ударилъ по струнамъ гитары: Пой, Пепита! вскричалъ Фернандо повелительнымъ голосомъ. Спой намъ одну изъ тѣхъ пѣсень, которыми прежде меня забавляла. Стыдъ и горе препятствовали ей исполнить это приказаніе. Гаушо про-

должалъ бряцать на гитарѣ, и разсерженный Фернандо, пожирая глазами бѣдную дѣвушку, повторялъ: Пой же, пой, Пепита!

Наконецъ стробы, которыя тщетно старалась вспомнить Пепита, вдругъ брызнули, подобно потоку, пробившемуся сквозь скалу. Дрожа отъ душевнаго волненія, съ потупленными глазами, она стала пѣть очень грустный романсъ; голосъ ея сначала слабый, сдѣлался яснѣе и звучнѣе. Эта жалобная мелодія нѣсколько облегчила ея горесть, какъ будто ручьи слезъ пролились изъ глазъ ея. Привлеченные нѣніемъ, всѣ разбойники окружили Пепиту. Опираясь на сабли, наклонивъ головы, они безмолвно ее слушали. Ихъ лица, почернѣлыя отъ вѣтра пампы и отъ солнца, потеряли немного обычную свою суровость; казалось, что эти люди съ очерствѣлымъ сердцемъ почувствовали нехотя нѣкоторую жалость къ молодой дѣвушкѣ. Сложивъ накрестъ руки, нахлобучивъ на лобъ остроконечную шляпу, Фернандо расхаживалъ передъ Пепитой. Необыкновенное волненіе, котораго не могъ онъ подавить, обнаруживалось въ чертахъ его лица. Наслаждался ли онъ удовлетвореніемъ мщенія, или пробуждалось въ немъ угрызеніе совѣсти? можетъ быть, оба эти чувства боролись въ душѣ его. Вдругъ онъ остановился, велѣлъ Пепитѣ замолчать; потомъ отвелъ ее за руку въ средину лагеря, гдѣ сложены были ружья и багажъ, сказалъ:

— Вотъ твое мѣсто, отдыхай тутъ, но на будущее время старайся пѣть что нибудь повеселѣе! и горе тебѣ, если заставишь прослѣзиться кого нибудь изъ моихъ товарищей!

Бѣдная дѣвушка пошла спрятаться на указанномъ ей мѣстѣ: оно не лучше было того, какое бы отвели эти злодѣи случайно попавшейся имъ собакѣ.

Такъ Фернандо влачилъ Пепиту за собою въ странствованіяхъ своихъ по пампѣ. И она вездѣ являлась разряженная, какъ будто на праздникъ, такъ угодно было Фернанду. Ее звали женою начальника. Блѣдность лица ея и болѣзненное его выраженіе мало гармонировали съ богатствомъ ея наряда, но скоро и самый нарядъ поблекъ на равнѣ съ тою, которая его носила. Когда Фернандо предавался мрачной грусти, онъ приказывалъ Пепитѣ, съ гитарою въ рукахъ, танцовать передъ собою. Между тѣмъ это продолжительное мщеніе мало его удовлетворяло: онъ замѣчалъ, что Пепита таетъ съ каждымъ днемъ. Видя ее унылую, растерзанную, Фернандо не могъ не вспомнить, что эта дѣвушка была прежде прекрасна, весела, что онъ любилъ ее. Чтобъ изгнать непріятное воспоминаніе, онъ старался еще болѣе унижать ее; Фернандо заставлялъ Пепиту снимать съ него шпоры, разводилъ огонь, исполнять должность прислужницы своихъ товарищей. Последніе привыкли обра-

щаться съ дѣвушкой презрительно; жалость, которую она было имъ внушила, скоро исчезла. Они забавлялись, глядя, какъ молодая плѣнница закрываетъ лицо руками, чтобъ избѣгнуть ихъ дерзкихъ взглядовъ, какъ плачетъ отъ стыда, слыша ихъ непристойныя насмѣшки.

Жизнь Пениты, какъ и желалъ Фернандо, была жестокою, продолжительною пыткой. Должность ея состояла въ томъ, чтобъ увеселять разбойниковъ, наводить улыбку на уста, раскрывавшіяся единственно для поруганія несчастной дѣвушки. Какъ бы желала она умереть! Иногда хотѣла она воспротивиться гнѣвнымъ приказаніямъ неумолимаго Фернандо, довести его до ярости, чтобъ быть убитой, но робость превышала ея отчаяніе. Нѣсколько разъ представлялся ей случай къ побѣгу; ночью, когда разбойники, утомленные продолжительною ѣздой, предавались глубокому сну, не исключая и часовыхъ, она могла бы оставить лагерь, но куда идти? Шайка разбойничья рѣдко приближалась къ селеніямъ. Она вездѣ слыла за жену начальника «gaucho malo» и потому могла ли ожидать себѣ хорошаго пріема.

Въ это время я, съ небольшою партіей солдатъ, которые пробирались на родину, шелъ къ границамъ Чили.

Однажды вечеромъ, когда мы углублялись въ Сьерра-Кордову, чтобъ достигнуть Сан-Луи де-ла Пунта, между двумя скалами показался бивачный дымъ.

— Идти ли намъ для обозрѣнія этого лагеря? спросилъ я офицера, который командовалъ нами. Это гауши, отвѣчалъ онъ; скоро наступитъ ночь, и мы незамѣтно пройдемъ мимо ихъ. Эти разбойники не любятъ драться, когда не имѣютъ въ виду поживы. Мы молча приближались. При свѣтѣ разложенныхъ огней, мы могли различить двѣнадцать чловѣкъ, сидѣвшихъ на землѣ, на сѣдлахъ, вокругъ пирамиды изъ ихъ оружія; тутъ же плясала женщина, профиль которой ясно обозначался отъ яркаго огня. Они не слышали нашего приближенія, мы ѣхали шагомъ, держа въ одной рукѣ пистолеть, въ другой карабинъ. Нашъ отрядъ проходилъ уже лагерь гаушей, не бывъ замѣченнымъ, какъ одинъ изъ милиціонеровъ нашего арріергарда выстрѣлилъ изъ карабина въ группу сидѣвшихъ людей. Въ одну секунду гауши схватились за оружіе, вскочили на лошадей, и остановились на минуту въ раздумьи, откуда угрожаетъ имъ опасность. Нашъ офицеръ тотчасъ громко вскрикнулъ, мы все отвѣчали ему. Этотъ крикъ, повторяемый эхомъ, навелъ ужасъ на злодѣевъ. Пока они еще собирались напасть на насъ, мы огибали ихъ лагерь. Непріятель въ темнотѣ выстрѣлилъ въ насъ изъ шести карабиновъ, но никого не ранилъ, остальные, не имѣвшіе ружей, повернули назадъ и обратились въ бѣгство, увлекая за собою и про-

чихъ; наши выстрѣлы довершили пораженіе непріятеля. Нѣсколько чело-
вѣкъ попадали съ лошадей.

Во время этой перестрѣлки, женщина, плясавшая предъ бивачнымъ
огнемъ, скрылась. Мы и не думали о ней. Но когда опять поѣхали
рядами, предъ нами пронеслась точно какая-то тѣнь: — Кто идетъ?
вскричалъ офицеръ, и мы тотчасъ зарядили наши карабины: — кто идетъ?
повторяетъ офицеръ, шаря саблею въ кустахъ, растущихъ вдоль тропин-
ки. Мы всё молча прислушиваемся, и до нашихъ ушей достигаютъ сто-
ны и рыданія. Это раненый, скззалъ ефрейторъ; тѣмъ хуже для него!
У насъ нѣтъ хирурга помогать тѣмъ, кого задѣваютъ наши пули!

— Господа кавалеры! закричало таинственное существо, скрывав-
шееся въ тѣни, сжальтесь надо мною, спасите меня! Онъ умеръ—я
свободна! О! матушка, моя матушка!..

Офицеръ, соскочивъ съ лошади, почувствовалъ, что шея его обвита
руками молодой дѣвушки, которая повторяла: спасите меня, онъ умеръ!
Мы остановились. А! это «baulagina» сказали милиціонеры; она хочетъ
задержать насъ здѣсь, чтобъ дать время подоспѣть своимъ. Это жена
«gaucho malo»!

— Я Пепита Флоресъ, вскричала съ живостью незнакомка, я дочь
доньи-Вентуры въ «esquina»! О! господа кавалеры, вы люди честные!
Никогда не была я женою Фернандо... неужели никто изъ васъ не зна-
валъ доньи-Вентуры?

Между тѣмъ, какъ Пепита говорила, я вспомнилъ знакомый мнѣ
голосъ. Она говоритъ правду! вскричалъ я. Ступай сюда, Пепита, и
не бойся ничего съ нами.

Бѣдная дѣвушка такъ была слаба и встревожена, что мы должны
были, проѣхавъ нѣсколько миль, остановиться, чтобъ дать ей отдохнуть.

IV.

Фернандо погибъ и, можетъ быть, отъ моей руки палъ этотъ
негодяй, сдѣлавшійся ужаснымъ злодѣемъ, и я избавилъ отъ него Пе-
питу. Случай сдѣлалъ изъ меня героя. Движимый чувствомъ состра-
данія, я взялъ молодую дѣвушку подъ свое покровительство, что было
сопряжено для меня съ большими хлопотами. Когда она узнала о смер-
ти своей матери, эту пагубную новость я долженъ былъ сообщить ей,
Пепита горько плакала и напоследокъ просила меня взять ее съ собою.
Какъ отказать просьбамъ сироты, у которой нѣтъ на землѣ ни родныхъ,
ни друзей? Пока мы были всё вмѣстѣ, Пепита не затрудняла меня, въ
каждомъ изъ моихъ товарищей она находила брата. Всё принимали
участіе въ ея бѣдственномъ положеніи; мы тѣмъ болѣе о ней жалѣли,

что не имѣли средствъ вполне помочь ей и доставить безопасное убѣжище. Она казалось не обращала на это вниманія, и бодро слѣдовала за нами верхомъ. Это была уже не беззаботная Пепита съ ласковымъ, невиннымъ взглядомъ, покойно дремавшая подъ крыломъ своей матери, но бойкая, живая дѣвушка, не хотѣвшая никому быть въ тягость. На роздыхахъ она старалась всячески мнѣ услуживать, что меня очень трогало. Она называла меня своимъ избавителемъ, покровителемъ, и я говорилъ себѣ: Матео, ты не оставишь ее, это была бы низость! Однакожъ мы вышли изъ провинціи Кордовской и достигнувъ границы Сан-Луи, должны были разлучиться. И такъ, мы все простились взаимно, пожелавъ другъ другу всякаго успѣха; товарищи мои удалились, и я остался одинъ съ Пепитой. Сначала я думалъ оставить ее въ Сан-Луи, подъ надзоромъ какойнибудь почтенной дуэньи, но Пепита не хотѣла о томъ и слышать и со слезами умоляла не покидать ее. Я былъ тронутъ и согласился на ея просьбу. Въ этотъ день я понималъ, что она никогда не любила ни Фернандо, ни Жиль-Переца. Не приняла ли она слишкомъ серьезно моихъ прежнихъ комплиментовъ ея прекрасному пѣнію, или, испытавъ такъ много горя и лишеній, имѣла потребность питать къ комунибудь склонность? У нея не было болѣе родныхъ; случай бросилъ меня на путь ея жизни, въ обстоятельствахъ, когда я былъ ея единственною и послѣднею подпорою. Ея привязанность ко мнѣ возрастала съ каждымъ днемъ; она оберегала мой сонъ, не какъ нѣжная подруга, но какъ вѣрная собака, словомъ она продолжала, не замѣчая того, скитальческую жизнь, на которую осудилъ ее звѣрскій Фернандо, съ тою разницею, что она дѣлала теперь это по доброй волѣ.

Мы останавливались въ почтовыхъ домахъ, и часто насъ принимали довольно дружелюбно. Пепита назвалась моею сестрою, и дѣйствительно названіе это совершенно соответствовало чувствамъ, которыя я питалъ къ ней. Я готовъ былъ на всякія жертвованія для бѣдной дѣвушки, но клянусь вамъ, любви тутъ не было.

Въ Мендозѣ я вновь предлагалъ Пепитѣ остаться въ одномъ достаточномъ семействѣ, которое готово было заботиться о ней, какъ о родной дочери; она зарыдала и бросилась къ ногамъ моимъ.

— Матео, если ты меня оставишь, я умру на твоихъ слѣдахъ!... Знаю я, что такихъ словъ не должно принимать за очень серьезное, но можно ли было доводить до крайности такое милое, до какой степени мнѣ преданное созданіе!

Въ Мендозѣ къ намъ присоединилось нѣсколько товарищей, отправлявшихся также въ Чили. Время года было позднее; дорога по снѣгамъ

была опасна и затруднительна. Мои спутники уговаривали Пениту остаться въ Мендозѣ до весны, и потомъ въ лучшее время года соединиться съ нами въ Сантъ-Яго.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она, кто будетъ въ горахъ заботиться о Матео? и она дѣятельно приготавливала все къ нашему путешествію. Чили и ея райская долина Вальпарайзо представлялись намъ и особенно Пепитѣ землею, которую надо было достигнуть какъ можно скорѣе, чтобъ найти отдыхъ отъ трудовъ. Наконецъ мы отправились, запасшись отбѣлами и овчинами, чтобъ предохранить себя отъ стужи. Что касается до оружія, мы его оставили, какъ излишнюю тяжесть: намъ предстояло теперь защищать себя только отъ суровой зимы. Все шло хорошо, пока мы не достигли до снѣговой черты; тутъ ожидали насъ новыя испытанія. Мы должны были бросить лошадей и взбираться на высоты гигантскихъ горъ, между пропастями и потоками, по снѣгу пѣшкомъ, неся мѣшки съ провизіей на плечахъ. Каждый изъ насъ обвертывался, какъ могъ, овчинами, и обвязывалъ уши платкомъ. Кромѣ провизіи, которая вѣсила не менѣе двадцати фунтовъ, мы еще тащили съ собою сѣдла и сбруи, и походили на спѣшившуюся кавалерію, которая тащится за арміею. Пенита, закрывъ лицо и шею большою шалью, шла бодро подлѣ меня, не жалуясь на холодъ и усталость. Когда мы подходили къ крутому, покрытому снѣгомъ утѣсу, она смѣячись прежде всѣхъ взбралась на него и, достигнувъ вершины, опять спускалась внизъ, и какъ серна скакала съ камня на камень. Тщетно мы ей твердили, чтобъ она берегла свои силы, ничто не останавливало нашу героиню, давшую себѣ обѣщаніе прежде всѣхъ увидѣть Чилийскія долины.

Три дня уже мы странствовали такимъ образомъ. Двадцать разъ мы падали на оледѣломъ снѣгу, двадцать разъ готовы были низринуться въ разверстыя подъ нами пропасти, въ глубинѣ которыхъ подъ ледяными арками ревѣли водопады. Единственные существа, являвшіяся въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, были большіе кондоры, плававшіе надъ нашими головами въ воздухѣ, или сидѣвшіе на вершинахъ утесовъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Они съ удивленіемъ смотрѣли на возмутителей царствовавшаго здѣсь страшнаго безмолвія. Наконецъ мы достигли до Кумбры, послѣдней высоты, перешагнувъ чрезъ которую, должны были спускаться въ умѣренный климатъ, къ благословеннымъ долинамъ Чили. Въ это время дулъ порывистый, холодный вѣтеръ и крутилъ вихремъ падающій густыми хлопьями снѣгъ; сомнительно было, чтобъ на слѣдующій день мы могли взобраться на Кумбру. И такъ, мы расположились заблаговременно въ маленькой хижинѣ, которая носитъ печальное названіе «casucha de calavega» (хижина мертвой головы). Чтобъ сколь-

ко нибудь оживить наши оцѣпенѣлые члены, мы согрѣли остальное вино, уцѣлѣвшее въ бычачьихъ рогахъ, и, выпивъ его, улеглись подъ одеялами. Пепита такъ сильно устала, что тотчасъ заснула, положивъ подъ голову дорожный мѣшокъ. Боясь, чтобъ пронзительный холодъ не потревожилъ ее ночью, я тихонько накрылъ ее моимъ пончо. Сколько разъ она оказывала мнѣ такую же услугу.

Около полуночи одинъ изъ нашихъ товарищей вышелъ для наблюденія погоды. Вѣтеръ все еще бушевалъ, но снѣгъ пересталъ идти; на небѣ сверкали звѣзды. Мы держали совѣтъ: пуститься ли тотчасъ въ дорогу, или ждать слѣдующаго дня? Отраженіе солнечнаго свѣта на снѣгу такъ нестерпимо было для глазъ, что мы предпочитали идти въ темнотѣ всякій разъ, когда дорога была не опасна. Казалось намъ, что мы безъ особеннаго труда можемъ и ночью взобраться на эту высоту, правда, почти отвѣсную, но не перерѣзанную пропастями. Желаніе поскорѣе стать ногою на вершинѣ Кумбры, отдѣляющей Аржантинскія провинціи отъ Чили, одержало верхъ надъ благоразуміемъ. Въ нѣсколько минутъ всѣ встали. Пепита проснулась, свернула свое одеяло и бросила его на свои плеча. Я замѣтилъ, что ноги у нея распухли, и что она едва могла идти. Ничего! отвѣчала она, улыбаясь. Путешествіе наше приходитъ къ концу, я отдохну послѣ, и начала проворно бѣгать, чтобъ увѣрить, что можетъ слѣдовать за нами.

Мы начали всходить; вскорѣ густой туманъ, гонимый вѣтромъ, обложилъ насъ. Звѣзды скрылись, все вокругъ насъ, и небо и земля, и горы, поблѣзли, какъ саваць. Густая, падавшая на насъ изморозь, тѣшила нашу грудь. Мало по малу эта изморозь обратилась въ оледенѣлый дождь, который хлесталъ намъ въ лицо и кололъ, какъ острия иглы. Мы шли въ урюмомъ молчаніи, опираясь на наши палки, помогая себѣ иногда локтемъ и колѣнками. Я такъ ослабъ, что мнѣ казалось будто я все это вижу во снѣ; голова сильно болѣла. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, снѣгъ легонько хрустѣлъ подъ ногами Пепиты, которая казалась моею тѣнью. Тонкій ледяной дождь, такъ насъ беспокоившій, замѣнился напоследокъ снѣгомъ, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шель онъ гуще, падая большими хлопьями, которые кружились столбомъ. Предъ нами выросли цѣлые сугробы снѣга, готовые засыпать неосторожнаго путника, который остановился бы отъ усталости. Между тѣмъ трудно было не потерять дороги; не смотря на всѣ мои усилія, я чувствовалъ, что сбиваюсь съ прямого пути, то въ ту, то въ другую сторону. Какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что я блуждаю по произволу бури, какъ корабль, лишенный кормила. Мнѣ пришло на мысль позвать Пепиту, но я не слышалъ ни ея голоса, ни

товарищей моихъ: мы разсѣялись. Часто случается, что заблудившійся путникъ, ведомый несчастною звѣздою, направляетъ свои стопы совсѣмъ въ противную сторону. Гонимый ураганомъ, окованный отъ пронзительнаго холода, царствующаго на этихъ высотахъ, я шелъ на удачу; сколько времени, не знаю. Когда стало свѣтать, буря утихла и небо прояснилось, я очутился предъ ущельемъ, засыпаннымъ снѣгомъ, откуда ничего не видѣлъ, кромѣ ледяныхъ массъ, нагроможденныхъ одна на другую. Направо и налево видѣлись тоже ущелья, которыя нисколько между собою не различались. Что случилось съ моими товарищами? Куда дѣвалась Пепита? Лишаясь силъ, я кое-какъ дотащился до небольшой въ скалѣ пещеры, въ изнеможеніи упалъ тутъ и тотчасъ заснулъ.

Въ послѣдствіи я узналъ, что товарищи мои были счастливѣе меня и удержались на склонѣ Кумбры. Когда буря утихла, они начали окликаться и потомъ все собрались на самой вершинѣ горы. Пепита вскорѣ къ нимъ также присоединилась. Она заморозила лицо и руки, и едва держалась на ногахъ. Первымъ ея словомъ было: «Гдѣ Матео?.. онъ пропалъ, заблудился въ снѣгахъ?.. но, неужели вы, товарищи, друзья его, допустите, чтобъ онъ погибъ! Бѣжимъ искать его!.. И она бросилась впередъ съ такою рѣшительностью, что все прочіе, пристыженные отвагою молодой дѣвушки, тотчасъ послѣдовали за нею.

Товарищи мои долго искали меня безъ всякаго успѣха. Осмотрѣвъ все ущелья, они удостовѣрились, что ихъ усилія останутся напрасными, очевидно было, что я погибъ, завесенный лавиною. Только одна Пепита не теряла еще надежды. Продолжая внимательно осматривать ледяныя массы, она открываетъ ту самую пещеру, въ которой я находился. Ей показалось у подножія скалы что-то похожее на человѣческую фигуру. Не говоря ни слова, Пепита бросается прямо туда. Снѣгъ колеблется подъ ея ногами, она проваливается, но освободясь, бѣжитъ далѣе, не слушая предостереженія моихъ друзей, которые зовутъ ее назадъ. Въмѣсто всякаго отвѣта, она дѣлаетъ имъ знакъ рукою, чтобъ слѣшили къ пещерѣ съ другой стороны, показывая на скалу, до которой во что бы-то ни стало хочетъ сама достигнуть. Товарищи мои, обойдя кругомъ, дошли до пещеры и дѣйствительно нашли меня тамъ заснувшимъ, какъ имъ казалось, непробуднымъ сномъ. Они старались отогрѣвать меня, терли мнѣ лицо и тѣло, и раскрывъ ротъ влили нѣсколько капель рома; я очнулся и раскрывъ глаза, но ослѣпленный солнечнымъ сіяніемъ, снова закрылъ ихъ. Вдругъ отчаянный вопль приводитъ меня въ чувство, я встаю и узнаю голосъ Пепиты. Она стоитъ на краю пропасти засы-

панной вчерашнимъ снѣгомъ, который подъ ея ногами осѣдаетъ. Я бросаюсь съ другой стороны, чтобъ помочь ей, но насъ раздѣляетъ бездна! Если снѣжный мостъ надъ бездоннымъ оврагомъ не можетъ держать на себѣ легкой молоденькой дѣвушки, то какъ же мнѣ перебраться чрезъ него! При первыхъ шагахъ я утонулъ по шею.—«Матео, Матео, не ходи сюда!» кричала Пепита, и я подался назадъ. Въ эту минуту, вертикально спустившійся съ облаковъ кондоръ задѣлъ холоднымъ крыломъ лицо Пепиты, она вскрикнула и обмерла отъ страха. Несчастная дѣвушка, стараясь избѣгнуть страшныхъ когтей хищной птицы, прижала голову къ плечамъ, сдѣлала движеніе, чтобъ скрыться въ снѣгу—и болѣе не появлялась!..

Можете представить себѣ нашъ ужасъ, наше отчаяніе! Мы стояли, какъ окаменѣлые, на одномъ мѣстѣ. Солнце по прежнему сіяло надъ необозримыми снѣгами; Пепиты и слѣдъ исчезъ!.. Я спасся, но спасеніе мое стоило жизни бѣдной дѣвушкѣ... Окончивъ разсказъ, Матео вздохнулъ и поднялъ глаза на снѣжныя вершины Андовъ.

— Будьте откровенны, сказалъ я ему, скажите, положивъ руку на сердце, вы любили Пепиту, оплакивали ее?

— Признаюсь, отвѣчалъ кордовецъ, увидѣвъ зеленѣющія долины провинціи Аконкага, я живо сожалѣлъ, что нѣтъ подлѣ меня молодой дѣвушки. Сердце мое сжималось. Нѣтъ сомнѣнія, что она скоро бы поправилась и вновь разцвѣла въ благодатномъ климатѣ, но у меня ничего нѣтъ на совѣсти, кромѣ развѣ того, что прикидывался въ нее влюбленнымъ, останавливаясь у матери ея въ эскинѣ; но, любезный другъ, у всякаго свои недостатки. Къ несчастію и у меня есть слабость ухаживать за весьма хорошенькими женщинами, съ которыми случается встрѣтиться, а это въ нашей сторонѣ дѣйствительно большой недостатокъ, потому что здѣсь часто подтверждается на самомъ дѣлѣ старинная пословица: «Съ любовью, какъ съ огнемъ, шутить не должно.»

О ПОСЛѢДНИХЪ АРКТИЧЕСКИХЪ ЭКСПЕДИЦІЯХЪ

И ОБЪ УЧАСТИ

СИРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА.

Въ 1850 году англійское правительство отправило въ сѣверныя полярныя моря экспедицію съ двойкою цѣлю: узнать объ участи Сира-Джона-Франклина, о которомъ пять лѣтъ уже не было ни какихъ извѣстій, и отыскивать сѣверный проходъ изъ Берингова пролива въ заливъ Бафиновъ. Эта экспедиція состояла изъ судовъ: «Инвестигатора», подъ начальствомъ капитана Мак-Клора * и «Энтерпрейса», подъ командою капитана Коллинсоца. До 1852 не было извѣстія и объ этихъ судахъ, почему для отысканія ихъ, снаряжена была новая экспедиція подъ начальствомъ сира Эдварда Бельчера, изъ судовъ: «Ассестенса» — капитанъ Бельчеръ, «Пионера» — капитанъ Осборнъ, «Интрепида» — капитанъ Мак-Клинтонъ, «Резолута» — капитанъ Келлетъ и «Сѣверной Звѣзды» — капитанъ Полленъ. Эта экспедиція отправилась изъ Вульвича 16 апрѣля 1852 г. Суда заходили на острова Оркадскіе, дождались тамъ послѣднихъ приказаній, и сдѣлавъ запасъ на три года провизіи и орудій для борьбы со льдами, 29 апрѣля пустились далѣе.

* Онъ открылъ знаменитый сѣверный проходъ (смотри Пантеонъ № 1, 1854.).

Первые льды показались 20 мая, 50 миль сѣвернѣ мыса Фаревеля *. 29 мая суда находились у западныхъ береговъ Гренландіи и останавливались у острововъ Вале. 5 іюня снялись съ якоря, и на другой день достигли гавани Ливели, на островѣ Диско. Въ этомъ мѣстѣ находится одно изъ важнѣйшихъ датскихъ селеній на западномъ берегу Гренландіи. Здѣсь плаватели добыли себѣ эскимосскихъ собакъ, нѣсколько теплой одежды и тюленьихъ шкуръ.

Изъ полученныхъ отъ губернатора мѣстечка Ливели свѣдѣній, настоящее время года было самое благопріятное для плаванія. Суда направились въ Вайгатскій проливъ, отдѣляющій островъ Диско отъ Гренландіи, но густой ледъ противопоставилъ имъ преграду; надлежало вернуться и идти сначала къ западу и потомъ уже на сѣверъ. 17 іюня экспедиція достигла селенія Уппернавикъ, встрѣчая на пути много плавающихъ ледяныхъ горъ и разбитаго льда.

Вечеромъ 20 іюня нашель сильный шкваль, такъ, что суда наскоро должны были оставить это мѣсто. «Резолють» едва не разбился, набѣжавъ на каменные рифы, находящіеся передъ входомъ въ заливъ, которыхъ за пасмурною погодою не было видно.

Начиная съ этого дня, суда вошли въ царство льдовъ, пробираясь съ великимъ трудомъ вдоль гренландскаго берега къ сѣверу. Пароходы наиболѣе оказались способными къ этому плаванію, они врѣзывались въ ледяныя поля и пролагали черезъ нихъ себѣ дорогу. Иногда плаватели принуждены были однакожь взрывать ледъ порохомъ, или дѣйствовать пилами, чтобъ прорѣзывать каналъ, для предохраненія судовъ отъ страшнаго напора ледяныхъ полей, движимыхъ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ.

Но нѣсколько разъ льды такъ быстро набѣгали, что все эти средства были недостаточны, и суда подвергались жестокому ихъ напору. Въ одинъ изъ этихъ случаевъ, «Резолють» совсѣмъ повалился на бокъ; льды, продолжая набѣгать, громоздились одни на другіе и достигли до русленей.

30 іюня, при входѣ въ заливъ Мельвиля, суда встрѣтили китолововъ, выжидающихъ благопріятнаго времени, чтобъ выдти изъ Баффинова залива.

Наконецъ, послѣ многотруднаго цѣлый мѣсяцъ во льдахъ плаванія, «Резолють», «Интрепидъ» и «Сѣверная звѣзда» достигли мыса Юрка, 1 августа 1852. Они надѣялись встрѣтиться тутъ съ «Ассистенсомъ»

* Фаревель находится на южной оконечности Гренландіи, на одной параллели съ С.-Петербургомъ.

и «Пионеромъ», съ которыми незадолго предъ тѣмъ разлучились, но ихъ тамъ не было. Экспедиція имѣла сношеніе съ эскимосами и надѣлила ихъ разными подарками. Послѣ того суда слѣдовали къ мысу Варрендеру, то есть, къ сѣверному пункту входа въ проливъ Барро, который оказался отъ льдовъ довольно свободнымъ. 9 августа суда достигли острова Бичи, и чрезъ три дня къ нимъ присоединились «Ассистенсъ» и «Пионеръ».

Островъ Бичи тщательно былъ изслѣдованъ, но ничего новаго на немъ не открыто. Три гробницы съ надписями свидѣтельствовали, что сиръ Джонъ Франклинъ провелъ зиму на этомъ островѣ; но далѣе все покрыто было непроницаемою тайною, и ничто не показывало, какой дальнѣйшій путь избранъ былъ Франклиномъ. Островъ Бичи принятъ экспедиціею за центръ будущихъ ея изысканій. «Сѣверной Звѣздѣ» приказано было приготовиться тутъ на зимовку, между тѣмъ, какъ «Ассистенсъ» и «Пионеръ», подъ начальствомъ Бельчера, направились въ каналъ Веллингтона, а «Резолютъ» и «Интрепидъ», подъ командою капитана Келлета, продолжали путь къ западу.

Когда послѣдній отрядъ огибалъ южную сторону острова Корвалиса, «Резолютъ» нашелъ на мель, но къ счастью не потерпѣлъ значительнаго поврежденія, а только потерялъ фалшкиль. У острова Лутера суда задержаны были двѣнадцать дней; наконецъ сильный нордвестъ очистилъ море, и 7 сентября отрядъ достигъ зимней гавани (Winter-Harbour), гдѣ сиръ Эдвардъ Парри зимовалъ въ 1819 году.

Часть провизіи немедленно свезена была на берегъ для сухопутныхъ экспедицій, предназначавшихся будущею весною, и суда окончательно останавливались на зимовку въ одной милѣ отъ острова Дели.

13 сентября вода вокругъ судовъ начала замерзать. Въ это время отправили пять саней для отвоза въ разные пункты провизіи. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, подъ начальствомъ лейтенанта Мечамъ, привезена на «Резолютъ» важная новость.

Внимательно обозрѣвая зимнюю гавань, Мечамъ нашелъ тамъ депешу капитана Мак-Клора съ извѣстіемъ, что «Инвестигаторъ», слѣдуя изъ Берингова пролива, успѣлъ проложить дорогу вдоль сѣверныхъ береговъ Америки къ востоку и достигнуть земли Бенкса въ Мельвилевомъ проливѣ, недалеко отъ того пункта, до котораго въ 1820 году достигалъ капитанъ Парри, изъ Бафинова залива чрезъ проливъ Ланкастера къ западу *. Такимъ образомъ открытъ давно искомый путь

* Разстояніе между крайними точками, достигнутыми съ одной стороны Мак-Клоромъ и съ другою Парри, составляетъ не болѣе 60 итал. миль.

изъ Атлантическаго океана въ Восточный. Правда, что на этомъ новомъ пути остается еще небольшой промежутокъ моря, совершенно затертый льдами, который удалось пройти только пѣшкомъ; но, неменѣе того, новый путь между обоими океанами существуетъ. Небольшая ледяная преграда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ иной годъ можетъ разрушиться, и судно, идущее напримѣръ изъ океана Атлантическаго, войдетъ этимъ путемъ въ океанъ Восточный.

4 ноября солнце скрылось за горизонтъ и не появлялось до 5 февраля 1853.

Чтобъ провести какъ можно пріятнѣе продолжительную зиму, старались придумывать разнообразныя для экипажа занятія. Съ этою цѣлю завели училище и театръ, назначили также извѣстные часы для прогулокъ, въ хорошую погоду по ледянымъ полямъ, а въ дурную на палубѣ. Всѣ части судна подвергнуты были вентилаторамъ, при чемъ въ жилой палубѣ всегда поддерживалась однаковая температура воздуха.

Низшая температура воздуха во время зимы замѣчена была—52° стоградусаго термометра, или—41 $\frac{1}{2}$ ° по Реомюру. Въ началѣ 1853 принялись къ приготовленіямъ весеннихъ береговыхъ экспедицій. Предположено было раздѣлить разысканія на четыре части: капитанъ «Интреппа» Мак-Клинтокъ займется обзорніемъ сѣверо-западной стороны Мельвилева острова, лейтенанты Мѣчамъ—западной, Гампльтонъ сѣверовосточной, а Пимъ отправится въ заливъ Милосердія, гдѣ зимуетъ «Ивестигаторъ».

Прежде всѣхъ (10 марта) пустился Пимъ съ одними санями и семью человекѣми. Его сопровождалъ докторъ Домвиль на другихъ саняхъ.

4 апрѣля отправились по разнымъ направленіямъ и прочіе отряды. На обѣихъ судахъ остались только два офицера съ семью человекѣми команды.

Поручикъ французской морской службы, Бре, сопровождалъ капитана Мак-Клинтока въ первой половинѣ его поѣздки. Достигнувъ бухты Гекла и Гриперъ, они слѣдовали на сѣверо-западъ и дошли до 76° 30' широты и 115° 40' западной долготы отъ Гринича. Отъ этого пункта берегъ поворачиваетъ къ югу. Чтобы не встрѣтиться съ лейтенантомъ Мечамомъ, шедшимъ по южной сторонѣ Мельвила къ западу, капитанъ Мак-Клинтокъ оставилъ этотъ островъ и направилъ свой путь къ отдаленной землѣ, которую нѣсколько уже дней видѣлъ на сѣверозападѣ. Поручикъ Бре разстался съ нимъ 2 мая, оставивъ ему провизію на 56

дней и возвратился 18 мая на судно; онъ везъ въ саняхъ одного больного, который дорогою умеръ.

Между тѣмъ возвратился на судно и лейтенантъ Пимъ, отыскавъ въ заливѣ Милосердія «Ивестигаторъ». Встрѣча его съ капитаномъ Мак-Клюромъ доставила бы занимательный эпизодъ для романиста. Вотъ какъ это было:

«Мак-Клюръ и первый его лейтенантъ прогуливались по льду. Вдругъ они видятъ, что кто-то бѣжитъ въ ихъ сторону, они сначала подумали, что это одинъ изъ ихъ людей, спасающійся отъ медвѣдя, и пошли къ нему навстрѣчу. На разстояніи ста шаговъ они замѣтили, что этотъ человѣкъ не принадлежитъ къ ихъ экипажу. Пимъ сталъ кричать и махать руками; изумленные, капитанъ и лейтенантъ остановились, они не могли еще его слышать.

«Наконецъ Пимъ, внѣ себя, подбѣгаетъ къ нимъ и, когда Мак-Клюръ кричитъ ему: кто вы? откуда вы? отвѣчаетъ, задыхаясь: лейтенантъ Пимъ, капитанъ Келлетъ! Мак-Клюръ ничего понять не можетъ. Напоследокъ онъ замѣчаетъ, что этотъ странникъ—настоящій англичанинъ. Его увидѣли и съ судна; всѣ бросились вдругъ къ единственно свободному люку, и такъ столпились, что нѣсколько времени никто не могъ изъ него выдти; больные соскочили съ своихъ коекъ, и все въ мгновеніе перемѣнилось на суднѣ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ радостно забились сердца моряковъ, заброшенныхъ подъ полюсъ. Послѣ неимоверныхъ трудовъ и опасностей, послѣ трехлѣтняго заточенія въ ледяной могилѣ, которому не могли предвидѣть конца, какимъ-то чудомъ, неожиданно приведены къ нимъ друзья и соотечественники. Едва ли въ какой книгѣ найдете что нибудь подобное этой дружеской встрѣчѣ моряковъ на краю свѣта, куда не достигала прежде нога человѣческая, и гдѣ они съ двухъ противоположныхъ сторонъ открыли новый путь, соединяющій два океана!

Капитанъ Мак-Клинтонъ находился въ экспедиціи 105 дней и осмотрѣлъ берегъ на протяженіи 1148 миль; лейтенантъ Мечамъ находился въ путешествіи 94 дня и обозрѣлъ берегъ на 1006 миль, а лейтенантъ Гамильтонъ въ 54 дня прошелъ 585 миль.

Но всѣ эти экспедиціи не открыли ни какихъ слѣдовъ Джона Франклина, очевидно, что «Эребусъ» и «Терроръ» не предпринимали плаванія въ водахъ острова Мельвила.

По возвращеніи изъ береговыхъ поѣздокъ начали готовить судно къ лѣтнему плаванію, когда вскрыется ледъ; между тѣмъ устроили внутри судна помѣщенія для прибывшихъ съ «Ивестигатора» офицеровъ и матросовъ.

На островѣ Дели построили домъ и сложили въ немъ на 200 дней для 66-ти человекъ провизію, которая должна была послужить пособіемъ для экипажа «Энтерпрейса», если онъ не оставилъ своего судна. На возвышеннѣйшемъ мѣстѣ острова поставили мачту, чтобъ она служила примѣтнымъ знакомъ для путешественниковъ, и въ жестяномъ ящикѣ положенъ былъ документъ со свѣдѣніями, касающимися до настоящей экспедиціи.

Наконецъ 18-го августа 1853 года, въ часъ пополудни, при сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ тронулся ледъ. «Резолютъ» снялся съ якоря и трое сутокъ бѣжалъ къ востоку. Все предвѣщало скорое возвращеніе къ острову Бичи. Но плаваніе въ полярныхъ моряхъ ненадежно и переменчиво. Векорѣ опять густой ледъ задержалъ судно близъ восточнаго берега острова Мельвила до 10 сентября. Осень быстро приближалась, и капитанъ Келлетъ рѣшился употребить послѣднія усилія: судно еще разъ снялось съ якоря и пустилось къ юговостоку, гдѣ сквозь туманъ видѣлось чистое море. «Резолютъ» шелъ очень тихо, несмотря на паровую машину, потому что вода стала уже покрываться новымъ слоемъ льда, который въ иныхъ мѣстахъ имѣлъ толщину въ вершокъ и болѣе, такъ что 12 сентября можно было уже очень сомнѣваться въ возможности возвращенія. 26 сентября-всѣ надежды рѣшительно исчезли; пришлось готовиться на новую зимовку посреди пролива Барро въ 74° 4' шир. и 101° 23' зап. дол. отъ Гринича, причемъ «Резолютъ» съ 12 сентября вмѣстѣ съ льдами подвинулся на 180, по прямому же направленію къ востоку на 69 миль.

Въ продолженіе этой второй зимы употребляли всевозможное стараніе о сохраненіи здоровья команды, которая была гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ прошлую зиму, потому что прибавилась часть экипажа съ «Ивестигатора». Добывая охотою на островѣ Мельвилѣ довольно свѣжаго мяса, успѣли вообще предохранить людей отъ скорбута, такъ что только на самомъ маломъ числѣ, и то въ слабой степени, обнаруживались признаки этой болѣзни.

4-го Марта 1854 отправили одни санки на островъ Бичи, для сообщенія съ сиромъ Эдвардомъ Бельчеромъ. 11 апрѣля привезено на нихъ приказаніе; оставить «Резолютъ» и «Иттренидъ» и отправить всѣхъ людей на островъ Бичи, гдѣ находилась «Сѣверная Звѣзда». Немедленно привели суда въ такой порядокъ, что еслибъ лѣтомъ встрѣтили ихъ при выходѣ изъ пролива Барро, то могли бы опять пересѣсть на нихъ. Послѣ того капитанъ Келлетъ со всеми офицерами и командою отправился на островъ Бичи, куда и прибылъ 25 мая.

Двое саней еще ранѣе были отправлены: одинъ подъ командою лей-

тенанта Мечама къ островамъ Принцессы, въ проливѣ Принца Валлійскаго, гдѣ провелъ первую зиму «Ивестигаторъ», для освѣдомленія: не посѣщаль ли этихъ мѣсть «Энтерпрейсъ», слѣдовавшій за «Ивестигаторомъ». Другіе сани, подъ управленіемъ офицера Краббе, съ «Питрепида», пустились въ заливъ Милосердія, чтобъ узнать въ какомъ положеніи находится тамъ «Ивестигаторъ».

Эти офицеры, освѣдомясь чрезъ посланнаго къ нимъ навстрѣчу лейтенанта Гампльтона, что суда «Резолютъ» и «Питрепидъ» оставлены уже командою, отправились прямо на островъ Бичи, куда и прибыли 12 мая.

Лейтенантъ Мечамъ нашелъ на островѣ Принцессы документъ, оставленный капитаномъ Коллинсономъ, показывавшій, что «Энтерпрейсъ», слѣдуя тѣмъ же путемъ, какъ и «Ивестигаторъ», вдоль сѣверныхъ береговъ Америки, достигъ этого острова, и нашедъ проливъ Принца Валлійскаго затертый льдомъ, пробовалъ обойти съ западной стороны землю Бенкса, чтобъ оттуда пробраться въ проливъ Барро, но не успѣвъ въ этомъ, припужденъ былъ вернуться и остаться на зимовку въ заливѣ Вокера (Walker) въ августѣ 1852. Лейтенантъ Мечамъ, продолжая путь свой къ югу, чтобъ достигнуть, буде можно, залива Вокера, пріѣхалъ на островъ Рамзай, близъ входа въ этотъ заливъ. Тутъ онъ нашелъ новый документъ капитана Коллинсона, которымъ онъ извѣщалъ о намѣреніи своемъ продолжать путешествіе свое вдоль сѣвернаго берега Америки къ востоку, стараясь для того проникнуть въ проливъ Дельфинъ и Уніонъ. Воспользовавшись этими важными извѣстіями, лейтенантъ Мечамъ успѣшилъ возвратиться и совершилъ необыкновенное въ арктическихъ странахъ путешествіе, именно 1157 итальянскихъ или географическихъ миль въ 70 дней, изъ которыхъ восемь дней, за дурною погодою, принужденъ былъ провести въ палаткѣ.

Для сообщенія этихъ свѣдѣній начальнику экспедиціи, находившемуся на «Ассистенсъ» у мыса Осборна въ Веллингтоновомъ каналѣ, посланъ былъ поручикъ Бре, на однихъ санахъ. Онъ пробѣжалъ разстояніе 60 миль въ 12 часовъ, и пробывъ на «Ассистенсъ» двое сутокъ, возвратился на островъ Бичи.

15-го августа тронулся у острова Бичи ледъ, но постоянно дувшій восточный вѣтеръ не дозволилъ ему разойтись и очистить дорогу.

26-го августа весь экипажъ обрадованъ былъ приходомъ парохода «Фениксъ», подъ командою капитана Инглефильда съ транспортомъ «Тальботомъ». На первомъ находился и отважный капитанъ Мак-Клюръ.

На слѣдующій же день «Сѣверная Звѣзда» и транспортъ, буксируемые «Фениксомъ», оставили островъ Бичи.

Прекрасная погода благоприятствовала возвратному плаванію; въ Ланкастеровомъ проливѣ и въ заливѣ Бафиновомъ, противъ чаянія, подалось очень мало льда. 6 сентября суда прибыли въ бухту Ливели, на островѣ Диско, и запасшись тамъ каменнымъ углемъ, 12 сентября отправились въ Англію, берега которой открылись 27 сентября.

Теперь въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ находится только капитанъ «Энтерпрейса» Коллинсонъ съ экипажемъ. Мак-Клоръ полагаетъ, что онъ зашелъ въ одну изъ бухтъ на берегахъ сѣверной Америки, и что экипажъ его, вѣроятно, возвратится сухимъ путемъ.

Нынѣ Англійское адмиралтейство обнародовало слѣдующую депешу, полученную секретаремъ его, отъ доктора Ре, путешествовавшаго по сѣвернымъ полярнымъ странамъ.

Решоль-бей *, 29 іюля 1854.

«Честь имѣю сообщить вамъ, для извѣщенія лордовъ-коммиссаровъ Адмиралтейства, что во время путешествія моего по льдамъ и свѣгамъ, нынѣшнею весною, съ цѣлю точнѣе изслѣдовать западный берегъ Ботин, встрѣтилъ я въ Пеллибеѣ ** эскимосовъ, и отъ одного изъ нихъ узналъ, что отрядъ бѣлыхъ людей (kabbonas), весь погибъ съ голоду. Послѣ того я получилъ другія свѣдѣнія, и купилъ нѣсколько предметовъ, которые свидѣтельствуютъ, что оставшіеся въ живыхъ отъ экспедиціи сира Джона Франклина люди несомнѣнно подверглись самой жестокой участи. Вотъ въ сущности извѣстія, какія я могъ собрать въ разное время, изъ разныхъ источниковъ:

Весною 1850, замѣчена толпа бѣлыхъ людей, до сорока человекъ, направлявшихся по льду на югъ; эскимосы тащили за ними лодку. Бѣлые люди искали моржей; никто изъ нихъ не говорилъ по-эскимоски, но знаками объясняли туземцамъ, что ихъ судно или суда затерты льдами, и что они добываютъ ланей и дичь. Всѣ бѣлые, за исключеніемъ начальника ихъ, казались очень исхудавшими. Надо было полагать, что они крѣпко нуждаются въ пищѣ. Эскимосы продали имъ одного моржа. Въ послѣдствіи, ранѣе однакожь вскрытія льда, найдены были на американскомъ берегу тридцать труповъ, и еще пять на сосѣдственномъ островѣ, на одинъ день пути отъ большой рѣки, (должно быть отъ рѣки Бакъ или Рыбной, впадающей въ заливъ Кокбурнъ), называемый эски-

* На полуостровѣ Мольвиѣ.

** На полуостровѣ Симпсонѣ.

мосами (От-ко-ги-ка-ликъ). Нѣкоторыя тѣла были погребены (вѣроятно первыя жертвы голода), прочія лежали подъ палаткой и подъ опрокинутой лодкой, и нѣсколько разбросано было по разнымъ мѣстамъ. Въ числѣ людей, погибшихъ на островѣ, надо полагать и начальника. У него на перевязи былъ телескопъ, и подлѣ него лежало двуствольное ружье. Судя по искаженію многихъ труповъ и кусковъ мяса, найденныхъ на угляхъ, очевидно, что несчастные доведены были до послѣдней крайности и прибѣгли къ гнусному лодоѣдству, для поддержанія жалкаго своего существованія. Кажется, у нихъ довольно было пороху, потому что туземцы ссыпали его на землю, въ одну довольно большую кучу. Въ водѣ найдены были свинцовыя пули, вѣроятно брошенныя на ледъ. Найдены также были чемоданы, компасы, зрительныя трубы и двуствольныя ружья, все это было испорчено и изломано. Я видѣлъ частички этихъ предметовъ въ рукахъ эскимосовъ, вмѣстѣ съ серебряными вилками и ложками и, сколько могъ, скунилъ ихъ. Здѣсь прилагается списокъ важнѣйшихъ вещей; на серебрѣ вырѣзаны вензеля и начальныя буквы именъ лицъ, которымъ принадлежали вещи. Самые предметы будутъ доставлены секретарю компаніи Гудзонскаго залива, по прибытіи моемъ въ Лондонъ.

Ни одинъ изъ эскимосовъ, съ которыми я разговаривалъ, не видалъ бѣлыхъ и даже не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они погибли. Они слышали обо всемъ этомъ отъ другихъ, которые видѣли бѣлыхъ людей на пути ихъ и потомъ нашли ихъ трупы.

Поспѣшаю сообщить вамъ все эти свѣдѣнія, которыя хотя и не полны, но касаются предмета столь же печальнаго, какъ и интереснаго.

Дозволяю себѣ присовокупить, что съ помощію нашихъ ружей и съѣтой мы не имѣли недостатка въ съѣстныхъ припасахъ прошлую зимою. Мой отрядецъ хорошо прозимовалъ въ снѣговыхъ пещерахъ; шкуры убитыхъ ланей служили намъ теплою одеждою и одѣялами. Весеннее мое путешествіе не состоялось, по разнымъ препятствіямъ, которыхъ я не могъ предвидѣть, хотя и познакомился съ арктическими странами въ первое мое путешествіе.

Джонъ Ре, начальникъ арктической эспедиціи компаніи Гудзонскаго залива.»

Въ числѣ добытыхъ докторомъ Ре предметовъ находятся: маленькая серебряная тарелка съ именемъ сира Джона Франклина; звѣзда ордена бани, серебряныя ложки и вилки съ вензелями капитана Кроазье, начальника «Террора», лейтенанта Гора, помощника хирурга Макъ-Дональда, Ж. С. Педи и подшкипера м'Бена.

Докторъ Ре присовокупляетъ, что нельзя приписывать эскимосамъ гибель несчастныхъ путешественниковъ. Они умерли отъ голода и холода. Предметы же, полученные отъ эскимосовъ, служили имъ вмѣсто украшеній. На монетахъ просверлены были дыры, чтобъ носить ихъ какъ медали. Найдены были и книги, но совершенно испорченныя. Докторъ Ре убѣжденъ, что можно было бы достать еще отъ эскимосовъ нѣкоторыя уцѣлѣвшія вещи, но путешественникъ предпочелъ возвратиться съ тѣмъ, что успѣлъ собрать, чѣмъ провести въ снѣгахъ новую зиму.

На будущій 1855 годъ предполагаются двѣ новыя экспедиціи въ арктическія страны: одна спустится на шлюпкахъ по рѣкѣ Мекензія, для отысканія Коллинсона, начальника «Энтерпрейса», шедшаго по слѣдамъ Мак-Клюра; другая отправится на рѣку Бакъ, для собранія полнѣйшихъ свѣдѣній объ участи Джона Франклина и его товарищей, отысканія принадлежавшихъ имъ вещей и преданія землѣ остатковъ несчастныхъ путешественниковъ, если будутъ открыты признаки ихъ. Лорды Адмиралтейства согласились поручить эти экспедиціи попеченіямъ компаніи Гудзонскаго залива, и послать подробныя инструкціи сирю Ж. Симпсону, губернатору тамошнихъ британскихъ владѣній.

П. НОВОСИЛЬСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Теодоръ Кернеръ. — Фарнгагенъ-фонъ Энзе. — Чешскія и русскія простонародныя пѣсни. **ТЕАТРЪ: МУЗЫКА И ИСКУССТВА.** Эдмондъ Кинъ. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Новая золотая росыпи на мысѣ Добрая Надежда. — Измѣненія въ гуттаперчѣ. — Температура внутренности земли. — Изслѣдованіе воздушнаго электричества. — Аппаратъ для искусственнаго дыханія. — Новая римскія древности. **АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Замѣчательныя свойства собаки. — Труды финскаго литературнаго общества. — Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. — Объявленіе о женихѣ. — Англійскій Фаустъ. — Странное ремесло. — Ученые звѣри въ древности. — Возстановленіе печатной писанной бумаги.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Теодоръ Кернеръ. — Нельзя не сознаться, что характеръ чловѣка имѣетъ большое вліяніе на его жизнь и мысли. Сочиненія Кернера ясно изображаютъ его жизнь, какъ картина выражаетъ мысль художника. Можно слѣдить, по его стихамъ, за всѣми происшествіями, за всѣми перемѣнами его кратковременнаго существованія, и въ этихъ стихахъ видна вся откровенность его характера, всѣ его благородныя чувства. Кернеръ не ищетъ выраженій, не анализируетъ мысли, но изображаетъ ихъ скоро и вѣрно, какъ настоящій поэтъ.

Этотъ молодой чловѣкъ, беззаботный, веселый и талантливый, умершій въ первой молодости за отечество, невольно останавливаетъ вниманіе. Нельзя не чувствовать къ нему симпатіи, тѣмъ болѣе, что онъ не принадлежитъ къ числу печальныхъ поэтовъ, недовольныхъ всѣмъ свѣтомъ и упрекающихъ всѣхъ въ своихъ несчастіяхъ. Теодоръ Кернеръ самъ говоритъ: «Отчего это всѣ поэты жалуются на зависть и ненависть? Я не испыталъ ни того ни другаго. Я ласковъ со всѣми, и всѣ меня принимаютъ съ удовольствіемъ.»

Вотъ отчего и въ стихахъ его дышетъ радость, довольство, любовь къ прекрасному, великому, истинному, доброму. Если онъ не достигъ

геніяльности, то причиною этого одна смерть, поразившая его при началѣ самаго блестящаго поприща. Во всякомъ случаѣ, если Кернеръ не можетъ стать на ряду первоклассныхъ гениевъ, то онъ довольно сдѣлалъ, чтобъ заслужить названіе поэта и *Тиртея Германіи*, какъ его прозвали современники.

Теодоръ Кернеръ родился въ Дрезденѣ 28 сентября 1791 года. Отецъ его занимался самъ литературой, и извѣстенъ изданіемъ сочиненій Шиллера.

Ребенокъ не былъ вовсе феноменомъ, приводящимъ въ удивленіе своимъ умомъ и ранними способностями. Теодоръ, по слабости здоровья учился очень мало, однако показывалъ большое расположеніе къ стихамъ. Отецъ хотѣлъ было обратить способности ребенка къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, но онъ показалъ уже твердость характера, несвойственную дѣтамъ, и продолжалъ писать стихи. Шиллеръ и Гёте были его любимыми образцами, и такъ какъ оба великіе писателя были друзья Кернера и часто посѣщали его, то ребенокъ не могъ имѣть лучшихъ образцовъ и покровителей. Въ послѣдствіи Гёте самъ наблюдалъ за постановкою первыхъ драмъ молодаго писателя и давалъ ему отеческіе совѣты.

Однако прежде всего надобно было молодому человѣку выбрать карьеру, потому что отецъ не могъ оставить ему состоянія. Кернеръ почему-то вздумалъ изучать металлургію, и отправился въ Фрейбергъ, а потомъ въ Силезію въ 1809 году. Съ этихъ поръ онъ уже началъ серьезно заниматься литературою.

Въ 1810 году Кернеръ окончилъ академическій курсъ и отправился въ Берлинскій университетъ. Во время каникулъ онъ участвовалъ въ одномъ журналѣ *Чайные листки*, и въ то же время издалъ первый томъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ *Отпрыски* (Knospen).

Надобно признаться, что и эти ученическіе опыты не могутъ никакъ дать надежду, что авторъ ихъ—будущій пѣвецъ *Лиры и Меча* и битва *Лютцова*. Главный недостатокъ поэта состоитъ въ отсутствіи простоты, необходимой въ поэзіи. Впрочемъ молодость извиняетъ эту неопытность. Притомъ же Кернеръ продолжалъ по прежнему пренебрегать серьезнымъ ученіемъ, и если посѣщалъ университетъ, то только потому, чтобъ не огорчить родныхъ. Онъ былъ увѣренъ, что гений не нуждается въ наукахъ, и что вдохновеніе выше всего. Эта гибельная метода имѣетъ много adeptовъ, потому что она не требуетъ никакихъ усилій.

Даже и въ первыхъ стихотвореніяхъ его, не смотря на недостатки ихъ, встрѣчаются прекрасные стихи, возвышенныя мысли, оригинальность, свѣжесть, молодость.

Замѣчательно одно небольшое стихотвореніе *Смерть*, въ которомъ воинъ прощается съ невѣстою и умираетъ на полѣ сраженія. По странному стеченію обстоятельствъ, стихи эти вѣрно описываютъ смерть Кернера, случившуюся черезъ три года.

Отецъ Кернера, желая спасти сына отъ опасныхъ знакомствъ и увлеченій товарищей, послалъ его въ Вѣну, гдѣ поручилъ его Прусскому

посланнику Гумбольдту и Шлегелю, съ которыми былъ очень друженъ.

Въ это время вся Германія была потрясена до основаній. Планы Наполеона къ высадкѣ въ Англію не состоялись, и онъ повернулъ войска на Германію, которая выжидала только времени, чтобъ свергнуть его побѣдителя. Всѣ готовились къ возстанію, а больше всѣхъ Пруссія, ненавидящая Францію. Но такъ какъ власть Наполеона была очень сильна, то составились тайныя общества, чтобъ освободиться отъ нея. Самое извѣстное изъ обществъ называлось *Tugendbund* (союзъ добродѣтели) и соединяло въ себѣ всю восторженную молодежь, готовую жертвовать всѣмъ для освобожденія отечества.

Стало быть, минута, въ которую Кернеръ выступилъ на литературное поприще, была торжественная и могла имѣть большое вліяніе, смотря по направленію таланта писателя.

Кернеръ, по пріѣздѣ въ Вѣну, рѣшился приняться за драму; но такъ какъ для этого необходимы познанія въ исторіи, то молодой человекъ поневолѣ принялся за науки, не оставляя однакоже поэзіи. Начерта множество плановъ трагедій, онъ остановился на *Конрадинъ*, но предвидя хлопоты съ печатаніемъ, оставилъ его неоконченнымъ, и написалъ двѣ небольшія пьесы въ стихахъ: *Невѣста* и *Зеленое домино*. Обѣ пьесы были играны въ 1812 году, и *Невѣста* имѣла значительный успѣхъ. *Ночной сторожъ* былъ игранъ тоже въ этомъ году, и понравился публикѣ. Но Кернеръ, не довольствуясь легкими успѣхами, хотѣлъ непременно попробовать силы въ трагическомъ родѣ. Вскорѣ явилась его драма, написанная ямбомъ, *Тони*. Сюжетъ ея взятъ изъ повѣсти Клейста; дѣйствіе происходитъ въ Сень-Доминго. Послѣ перваго представленія, Кернеръ писалъ своимъ роднымъ слѣдующее: «Какъ мнѣ описать вамъ мою радость? Вчера давали моего Тони передъ многочисленною публикою. Каждой сценѣ аплодировали, а по окончаніи вызвали всѣхъ артистовъ и громко назвали автора, чего еще никогда не было. Словомъ такого успѣха давно не было на театрѣ. Меня всѣ поздравляютъ, всѣ хвалятъ, ласкаютъ.» Черезъ нѣсколько времени онъ отдалъ на сцену одноактную драму *Sühne*, въ которой много ужаснаго и трогательнаго. Онъ вывелъ женщину, которая выходитъ замужъ, почитая мужа своего умершимъ, но тотъ возвращается и узнаетъ въ соперникѣ своего брата.

Послѣ этихъ успѣховъ Кернеръ могъ уже смѣло приняться и за историческій сюжетъ. Онъ написалъ *Графа Прини*, потому что исторія этого венгерскаго Леонида поразила его своею простотою и величіемъ, а главное любовью къ отечеству. Драма должна была имѣть огромный успѣхъ, и публика была въ такомъ восторгѣ, что заставила поэта выйти на сцену, чего еще никогда не было, и сказать рѣчь публикѣ.

Съ этой минуты молодой Кернеръ обратилъ на себя вниманіе всей публики, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ. Однако въ литературномъ отношеніи *Тони* гораздо выше *Прини*, хотя успѣхъ послѣдней пьесы превзошелъ даже ожиданія автора. Но это должно приписать другимъ

причинамъ, а главное волненію всѣхъ умовъ и стремленію къ патріотической цѣли. Извѣстно, что графъ Црини, жившій въ шестнадцатомъ вѣкѣ, получилъ приказаніе отъ Императора Максимилиана защищать крѣпость Зигетъ противъ турокъ. Герой выдерживаетъ страшную осаду, и когда храбрость его побѣждается числомъ, онъ взрываетъ крѣпость на воздухъ, и погибаетъ славною смертію.

Сюжетъ, разумѣется превосходенъ, но молодой писатель обработалъ его не совсѣмъ удачно. Въ драмѣ его нѣтъ единства, мало дѣйствія и занимательности, и только превосходный разговоръ выкупаетъ ея недостатки. Правда, что и другіе драматурги и въ особенности Шиллеръ тоже не наблюдаютъ единства, но Кернеръ уже употребилъ во зло эту поэтическую свободу. У него по очереди дѣйствіе происходитъ то въ крѣпости, то въ лагерь Султана, и это подъ конецъ утомляетъ зрителя. Притомъ въ каждомъ дѣйствіи есть сраженіе, а въ концѣ великолѣпный взрывъ съ бенгальскимъ огнемъ и страшнымъ трескомъ и еще апофеоза. Все это чрезвычайно слабо, и если бъ публика не представляла себя въ видѣ защитника крѣпости или германской свободы, а Наполеона въ лицѣ Солимана, то *Графъ Црини* не имѣлъ бы никакого успѣха.

Самъ поэтъ, понимая непрочность этой пьесы à propos, принялся писать *Розамунду* изъ исторіи Англіи двѣнадцатаго вѣка. Тутъ уже замѣтно развивается драматическій талантъ Кернера. Планъ пьесы составленъ превосходно, характеры выдержаны, сцены эффектны, стихи вѣрны и сильны. Положеніе несчастной Розамунды неволью трогаетъ съ самаго начала драмы. Она невинна, благородна, прекрасна, она любитъ мужа, не подозрѣвая, что Элеонора ея соперница. И вдругъ всѣ несчастія обрушиваются на бѣдную женщину. Ричардъ, получившій въ послѣдствіи названіе *Львиного сердца* влюбляется въ нее.

Онъ, встрѣтясь съ Генрихомъ, узнаетъ его тайну и соединяется съ братьями, чтобъ отмстить за Элеонору. Побѣдивъ его, Ричардъ однако же раскаевается и падаетъ къ ногамъ его, прося прощенія. Въ это время Элеонора взявшись сама наказать Розамунду, приходитъ къ ней и подаетъ ей ядъ, грозя убить ея дѣтей. Розамунда повинуется, и умирая проситъ простить Элеонору...

Вся пьеса ведена прекрасно и достоинства ея доказываются тѣмъ, что она до сихъ поръ играется въ Германіи съ большимъ успѣхомъ.

Послѣ этого Кернеръ написалъ очень эффектную драму: *Гедвига*, конецъ которой очень натянутъ; наконецъ послѣдняя его пьеса была *Иосифъ Гейдрихъ*, сюжетъ взятъ изъ истиннаго происшествія, о которомъ еще всѣ помнили.

Кромѣ этихъ большихъ трудовъ, молодой писатель находилъ время писать еще комедіи въ родѣ *Гувернантки Кузена изъ Бремена* и проч. Онъ составилъ еще двѣ оперы, не считая безчисленныхъ стихотвореній и поэмъ.

Онъ началъ также оперу, назначенную для Бетговена подъ названіемъ *Возращеніе Улисса*, и въ портфель его были планы множества

пьесъ. Удивительно какъ онъ успѣвалъ столько работать! За то никто кажется и не писалъ стихи такъ легко и скоро, до чего онъ добился постоянною практикою и долгимъ ученіемъ. Больше всего отнимало у него времени отысканіе историческихъ матеріаловъ, и онъ вѣрно не разъ раскаявался, что пренебрегалъ науками.

Публика принимала благосклонно всѣ произведенія молодого писателя, и онъ вполне заслужилъ это. Комедіи его очень забавны, умны и, не впадая въ пошлость или простонародность, смѣшаты положеніемъ лицъ, противоположностями характеровъ и остроуміемъ разговоровъ.

Трагедіи его произвели огромный эффектъ и въ нихъ вполне отразился оригинальный характеръ автора, благородство его чувствъ, возвышенный талантъ. Этотъ родъ кажется былъ настоящимъ призваніемъ поэта, и въ немъ онъ могъ бы достигнуть возможнаго совершенства.

Кернеръ велъ въ Вѣнѣ завидную жизнь. Всѣ его любили, ласкали какъ балованнаго ребенка, но онъ, недовольствуясь этимъ, шелъ по трудному пути не останавливаясь и неотдыхая. Въмѣсто того, чтобы гордиться успѣхами, онъ искалъ совѣтовъ, не пренебрегалъ критиками и благодарилъ за замѣчанія. Онъ уважалъ въ другихъ умъ, опытность, знаніе, и этимъ средствомъ заслужилъ всеобщую любовь. Гумбольдтъ и Шлегель болѣе всѣхъ привязались къ молодому поэту, и родные его не могли уже болѣе опасаться, что онъ увлечется дурными примѣрами товарищей, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ встрѣтился съ идеаломъ своимъ и влюбился въ него, какъ только можетъ любить одинъ германскій поэтъ. Выборъ его былъ самый счастливый. Къ тому же будущность его была обезпечена тѣмъ, что онъ получилъ мѣсто придворнаго императорскаго поэта, что позволяло ему свободно заниматься литературою, не думая о средствахъ къ жизни.

Не завидна ли была участь молодого поэта? Извѣстный, не смотря на свои лѣта, любимый, уважаемый, обезпеченный на всю жизнь, онъ могъ надѣяться на самую блистательную будущность. Могъ ли кто подумать, что поэту остается жить нѣсколько мѣсяцевъ!

Кернеръ какъ германскій патриотъ не переставалъ слѣдить за политикою и за положеніемъ своего отечества. Послѣ Тони, Црини и Розамунды, имя его занимало уже почетное мѣсто въ исторіи литературы; но этой славы было недостаточно для молодого поэта. При извѣстіи о бѣгствѣ французовъ изъ Россіи, майоръ Лютцовъ началъ собирать корпусъ волонтеровъ. Могъ ли Кернеръ оставаться спокойнымъ придворнымъ поэтомъ и счастливымъ женихомъ? Нѣтъ, онъ промѣнялъ лиру на мечъ, простился со слезами съ прекрасною невѣстой и пошелъ въ полкъ Лютцова. Любовь къ отечеству заставила его забыть все, кромѣ поэзіи, которая послужила къ одушевленію благороднаго войска, сѣставленнаго изъ артистовъ, литераторовъ, ученыхъ, богатыхъ, бѣдныхъ, жертвующихъ своею жизнію для освобожденія отчизны. Съ этой минуты талантъ Кернера принимаетъ другое направленіе. Стихъ его дѣлается сильнѣе, могущественнѣе, увлекательнѣе. Сочиненія его, написанныя на бивакахъ, собранныя въ

одинъ томъ, были изданы подъ названіемъ *Лиры и Меча*, и могутъ почесться лучшимъ произведеніемъ его гения, monumentum aere perennius. Одно это произведеніе показываетъ, до чего бы могъ достигнуть его оригинальный талантъ. До этого онъ въ стихахъ и даже въ пьесахъ замѣтно подражалъ Шиллеру, но посреди войны собственное влѣхновеніе открыло ему новый путь, по которому онъ смѣло пошелъ, какъ самобытный поэтъ и солдатъ. Онъ воскресилъ собою древнихъ германскихъ поэтовъ, лира которыхъ звучала не на пирахъ, а на полѣ битвъ, гдѣ они были всегда въ первыхъ рядахъ воиновъ. Кернеръ своими патріотическими пѣснями одушевлялъ товарищей; онъ тоже дрался въ первыхъ рядахъ, чтобъ спасти отечество отъ ига побѣдителя, и, заслуживъ названіе германскаго Тиртея, умеръ смертію храбрыхъ, оставя по себѣ самое пріятное воспоминаніе, самое горькое сожалѣніе.

Какими чудными стихами началъ онъ воспѣвать свободную Германію, описывать исполинскія битвы, отчаянную храбрость соотечественниковъ! Его стихотворенія: *Мое отечество*, *Прощаніе съ Вьной*, *Аспернское поле сраженія*, *Письмъ чернаго вѣрля*, *Молитва предъ битвой* написаны превосходно. Веберъ написалъ музыку на послѣднее изъ нихъ и выразилъ отлично всѣ чувства поэта, то полныя преданности къ Провидѣнію, то пылкія и шумныя какъ сама война. Вообще можно сказать, что въ это время Кернеръ писалъ подъ диктовку своего сердца.

Опасно раненый и оставленный въ лѣсу, онъ ожидалъ послѣдняго своего часа и сочинилъ *Прощаніе съ жизнью*, въ которомъ выражены тѣже благородныя чувства. Вотъ неполный переводъ этихъ прекрасныхъ стиховъ.

«Раны жгутъ меня, губы дрожать и блѣднѣютъ. Я чувствую, по рѣдкому біенію сердца, что приближается послѣдній мой часъ. Боже! да будетъ твоя воля! Много золотыхъ сновъ летало вокругъ меня. Но они окончились предсмертными жалобами. Нѣтъ, о чѣмъ жалѣть? Я чувствую, что душа моя не умретъ. Есть святое чувство, всегда приводившее меня въ восторгъ. И въ то время, когда тѣло мое ослабѣваетъ, небесное дуновеніе влечетъ меня на высоту, гдѣ свѣтитъ вѣчная заря.»

Невозможно передать всей грусти и прелести этого стихотворенія, точно также какъ непереводимы его военныя и застольныя пѣсни, которыя электризовали всѣ сердца германцевъ. Гимнъ его на смерть Лютцова былъ пѣтъ при погребеніи этого храбраго партизана, и на могилѣ его всѣ товарищи его и подчиненные поклялись жертвовать жизнью и имуществомъ для счастья Германіи.

Кернеръ самъ сочинялъ музыку ко многимъ своимъ пѣснямъ, выученнымъ наизусть всѣмъ корпусомъ, въ которомъ онъ служилъ.

Посреди патріотическихъ занятій сердце его не измѣнилось, и посреди битвъ и шумныхъ товарищей онъ часто пишетъ къ своей матери, еще чаще вспоминаетъ о прекрасной Тони, своей невѣстѣ, которая груститъ въ Вѣнѣ и ждетъ своего воина-поэта. Эти чувства дѣ-

лаютъ честь молодому человѣку. Храбрость и патриотизмъ не должны убивать сердечныхъ привязанностей.

Скоро молодого поэта произвели въ офицеры, и военныя дѣйствія начались. Потомъ онъ перешелъ въ кавалерію и былъ опять раненъ такъ опасно, что остался на полѣ сраженія. Но поселяне подняли его, замѣтя съ немъ признаки жизни и подали первую помощь. Позже его перевезли тихонько въ Лейпцигъ и потомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ совершенно поправился въ кругу своихъ друзей. Скоро онъ опять поѣхалъ къ своему полку, стоявшему на правомъ берегу Эльбы.

Онъ успѣлъ однако еще разъ видѣться и проститься съ своей не- вѣстой, общая ей остаться вѣрнымъ до смерти!

— До смерти! повторялъ онъ неволью и припомнилъ свое стихотвореніе *Смерть воина*.

26-го августа 1813 года, за часъ передъ сраженіемъ, онъ написалъ свое послѣднее стихотвореніе *Пльнь мечу*, въ которомъ излилъ послѣднія чувства, и которое германцы считаютъ образцовымъ произведе- ніемъ, и бросился на непріателя, встрѣтившаго партизановъ на доро- гѣ изъ Гадебуша въ Шверинъ, близъ лѣса, находящагося у Розенбер- га. Одна изъ первыхъ пуль попала въ Кернера и была смертельна. Слезы друзей и усилія науки не могли воскресить любимаго поэта.

Его похоронили съ воинскими почестями подъ германскимъ гер- бомъ близъ селенія Веблина, гдѣ положена послѣ сестра его, Луиза Кернеръ.

Онъ умеръ рано, какъ для своего отечества, такъ и для славы. Онъ только доказалъ разнообразіе своего таланта во всѣхъ родахъ, но не успѣлъ еще создать ничего великаго, хотя сила его таланта въ по- слѣднее время доказываетъ, что онъ могъ бы сравниться съ Гёте, если бы опытность развила еще болѣе его рѣдкія способности. Все таки онъ и въ короткое время сдѣлалъ много для отечества, и его патри- отизмъ и талантъ заслужили ему вполне названіе Тиртея Германіи.

(Bibliothèque de Genève).

—

Фаригагенъ фонъ-Энас. Классическій періодъ германской литерату- ры только что кончился. Преждевременно умершіи посреди своихъ успѣ- ховъ, Шиллеръ видѣлъ только первые годы того вѣка, который замѣ- нилъ вѣкъ Лессинга; Гете, будучи старѣе его десятью годами, про- жилъ до 1832 года. Поколѣніе, взросшее съ этими блестящими талан- тами, не исчезло впрочемъ совершенно, и эти свидѣтели инаго вѣка, среди самыхъ шумныхъ переворотовъ литературы, все-таки какъ буд- то заимствовали у минувшаго вѣка, котораго они отчасти были пред- ставителями. Стѣнитъ только изпомнить объ Александрѣ Гумбольдтѣ, и наша мысль будетъ досказана. Конечно, авторъ «Новой Испаніи» «*Картины природы*» и «*Космоса*» не нуждается въ блестящей обста- новкѣ того времени, въ которое развился его геній, но нельзя не со- гласиться съ тѣмъ, что другъ Гете и Шиллера ничѣмъ не обязанъ сво-

имъ воспоминаніямъ о прошедшемъ. Нельзя не согласиться, что всѣми уважаемый ученый, этому прошедшему отчасти обязанъ своею извѣстностью и славой: Самъ Тикъ воспользовался такимъ счастливымъ положеніемъ; несмотря на то, что при жизни этихъ людей, онъ былъ отдѣленъ отъ нихъ не только разстояніемъ генія отъ таланта, но и какимъ-то завистливымъ соперничествомъ, никто не обратилъ вниманія на эти обстоятельства; помнятъ только, что онъ былъ современникъ этихъ яркихъ свѣтилъ, и этого было достаточно чтобъ съ именемъ его соединить славу поэта, и когда Тикъ, два года тому назадъ умеръ, казалось, что Германія потеряла одного изъ послѣднихъ писателей ея золотого вѣка. Взгляните на судьбу старцевъ, живущихъ теперь въ Берлинѣ: Равиньи, Якова Грима, самого Корнеліуса! Началомъ своего поприща они принадлежатъ къ періоду, которымъ гордится Германія.

Понятно, какой живой интересъ заключается въ преданіяхъ объ этомъ періодѣ; поэтому въ послѣднее время появилось безчисленное множество произведеній, посвященныхъ героямъ нѣмецкой литературы: это пьесы Гёте, Шиллера, Гердера, Фихте, Шлейермахера, Вильгельма Гумбольдта; также замѣтки, коментаріи и воспоминанія о всемъ касающемся до того періода. За Рейномъ нынѣ существуетъ цѣлый рядъ специальныхъ *литературъ*: литература Гёте, литература Шиллера, литература Вильгельма Гумбольдта, т. е. цѣлая бібліотека этюдовъ, портретовъ, объясненій, схоластики, дополненій, найденныхъ переписокъ, неизданныхъ отрывковъ и стиховъ, бібліотека, обогащаемая восторженными писателями самыми разнообразными средствами, и послѣдній томъ этого громаднаго творенія, конечно, еще не изготовленъ къ печати. Эти новыя приобрѣтенія литературы, умножающіяся съ каждымъ днемъ, не утомляютъ по прежнему жаднаго вниманія толпы; стоитъ только явиться человѣку, встрѣчавшему еще ребенкомъ на улицахъ Гамбурга убѣденнаго сѣдинами Клопштока, двадцати лѣтъ видѣвшему вблизи послѣдніе дни и послѣдніе лавры Шиллера, бывшему ученикомъ Канта, другомъ Шлейермахера, который въ послѣдствіи былъ замѣченъ маститымъ веймарскимъ старцемъ, Гете, какъ человѣкъ подающій отечеству надежды; однимъ словомъ стоитъ явиться человѣку, который, подобно Александру Гумбольдту, хотя конечно съ меньшимъ вліяніемъ и славой, вращающийся даже въ болѣе специальной сферѣ, напоминая своими произведеніями, своею личностью минувшіе дни,— и тотчасъ при первомъ объявленіи о подобной книгѣ или изданіи тома записокъ возрастаетъ благосклонность читателей, возбужденныхъ интересомъ; писателю стоитъ только воспользоваться этимъ, и несмотря ни на какія партіи и школы, ему предназначается въ ряду знаменитостей одно изъ самыхъ завидныхъ мѣстъ. Еслибъ даже потомъ и замѣтили, что онъ и не вдохновенный не самостоятельный поэтъ, и вовсе не походить на тѣхъ людей, о которыхъ воспоминаніе соединено съ его именемъ, все равно, на немъ тѣмъ легче отпечатается общій характеръ того времени, въ которое онъ родился. Въ немъ будутъ видѣть талантъ гениальнаго писателя, умъ тонкій, внушающій сочувствіе, однимъ словомъ мы говоримъ о Фарнгагенѣ фонъ Энзе.

Карль Августъ Фарнгагенъ фонъ Энзе родился въ Дюссельдорфѣ и принадлежалъ къ одной изъ древнихъ Саксонскихъ фамилій. Съ XVI вѣка въ особенности, фамилія Энзе доставляла государству ученыхъ, теологовъ и знаменитыхъ докторовъ. Одинъ изъ ея представителей Юганъ Энзе былъ врачъ Густава-Адольфа и Шведской королевы Христины. Дѣдъ Фарнгагена фонъ Энзе, будучи также однимъ изъ первыхъ докторовъ, занималъ значительное мѣсто при блестящемъ дворѣ курфирста палатинскаго Карла-Фридриха. Отецъ его пошелъ по той же дорогѣ; онъ изучалъ медицину въ Гейдельбергѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, и женился въ Страсбургѣ на молодой дѣвушкѣ, которую любилъ, поселился въ Дюссельдорфѣ, гдѣ и родился Фарнгагенъ фонъ Энзе, 21 февраля 1785 года.

Молодой Фарнгагенъ выросъ посреди волненій, потрясавшихъ конецъ XVIII вѣка. Можно представить себѣ, какое высокое наслажденіе доставляло, посреди всѣхъ этихъ переворотовъ, чтеніе литературныхъ произведеній того времени; то наивное вліяніе образцовыхъ произведеній, появившихся одно за другимъ въ нѣмецкой литературѣ, то впечатлѣніе, которое производили имена Гёте, Шиллера, Гердера, Жанъ-Поля, однимъ словомъ всѣ изящныя произведенія ума, соединенныя съ самыми разнообразными драмами дѣйствительности. Изъ Дюссельдорфа молодой Фарнгагенъ послѣдовалъ за отцомъ въ Гамбургъ, и здѣсь ему случилось видѣть серьезнаго, кроткаго, молчаливаго автора Мессіады. По вечерамъ, вспоминая о таинственномъ пѣвцѣ, онъ наслаждался чтеніемъ его сочиненій, и посреди этихъ занятій долетаетъ до него вдругъ сдѣлавшееся извѣстнымъ имя генерала Бонапарте. Сколько рассказовъ, сколько подробностей о Лоди, Арколѣ, Кастиліонѣ, Монтенотѣ! Сколько коментаріевъ на эту Итальянскую кампанію, ужасающую Европу! Въ это же самое время, т. е. въ 1797 году онъ читалъ въ какомъ-то Taschenbuch, только что появившемся, невинныя сцены изъ *Германа и Доротеи*, производившія на него необыкновенное впечатлѣніе; въ тотъ же самый годъ онъ видѣлъ генерала Лафайета, только что освободившагося изъ Ольянцкой темницы, и съ восторгомъ принятаго въ Гамбургѣ народомъ.

Для изученія медицины, доставившей фамиліи его громкую извѣстность, молодой Фарнгагенъ пріѣхалъ въ Берлинъ, въ началѣ XIX вѣка. Университетъ еще не существовалъ, но столица Фридриха Великаго была уже центромъ Германской учености, и на изученіе медицины обращалось особенное вниманіе. Однако беллетристика занимала Фарнгагена болѣе чѣмъ наука. Въ Шарлотенбургѣ онъ познакомился съ молодымъ прусскимъ офицеромъ, жизнь котораго имѣла какой-то странный романическій характеръ. Сынъ французскаго эмигранта, рожденный во Франціи, но рано пріѣхавшій въ Германію, Шамиссо, привязался къ своему новому отечеству, не измѣнившись однако въ главнѣйшихъ чертахъ своего національнаго характера. Дѣятельный и живой, полный огня и отваги, а между прочимъ проникнутый невольной задумчивостью, онъ писалъ нѣмецкіе стихи, въ которыхъ такое настроеніе его души выражалось довольно граціозно. Фарнгагенъ сдѣлалъ

ся скоро задушевнымъ товарищемъ Шамиссо, и будучи только двадцати лѣтъ, издавалъ уже вмѣстѣ съ нимъ, подъ названіемъ «Альманаха Музъ», сборникъ, замѣченный при всемъ движеніи, происходившемъ въ Берлинѣ въ началѣ наступающаго столѣтія. Молодое поколѣніе, соединенное не столько близостью лѣтъ, сколько занятіями и надеждами, спѣшило присоединиться къ двумъ нашимъ поэтамъ. Составилось цѣлое литературное общество, членами котораго были: Вильгельмъ Нейманъ, занявшій въ послѣдствіи важное мѣсто въ администраціи прусской арміи; Гидигъ, знаменитый криминалистъ, гениальный біографъ Шамиссо, Захарія Вернеръ и Гофманнъ. Кромѣ того сотрудниками были, хотя и менѣе, въ послѣдствіи сдѣлавшіеся извѣстными, и также преданные поклонники литературы: Берихарди, Корезъ, Францъ Тереминъ, графъ Александръ Лише, а въ особенности Людовикъ Робертъ, братъ той смѣлой Рахили, которой суждено было играть такую значительную роль въ судьбѣ Фарнгагена фонъ Энзе.

Нельзя представить себѣ ничего оживленнѣе, блестящѣе берлинскаго общества въ первыхъ годахъ XIX вѣка. Между 1800 и 1806, въ періодъ времени отъ войны республики до страшной Іенской битвы, отдавшей Пруссію въ руки Наполеона, Берлинъ былъ центромъ общественной жизни, полной смѣлости и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнаго. Оба Шлегеля прокладывали дорогу къ возродившейся критикѣ, и посреди этого юношескаго развитія системъ, Рахиль Левенъ, въ послѣдствіи г-жа Фарнгагенъ фонъ Энзе, уже появилась вдохновенной и своенравной музой въ тѣсномъ кругу мыслителей. Нерѣдко европейскія знаменитости посѣщали эти собранія. Г-жа Сталь, принимавшая живое участіе въ трудахъ германскаго литературнаго міра, Шиллеръ, не задолго до своей смерти пріѣзжавшій въ Берлинъ, Іоганъ Мюллеръ, только что оставившій свою важную должность въ Вѣнѣ, и которому Прусскій Король поручилъ написать біографію Фридриха Великаго. Фарнгагенъ не пропускалъ ни одного изъ этихъ блестящихъ собраній.

Эти мирныя занятія продолжались не долго. Фарнгагенъ уѣхалъ въ Галльскій университетъ весной 1806 года; тамъ онъ встрѣтился съ самыми знаменитыми профессорами, услышалъ критика Вольфа, коротко сошелся съ молодыми привать-доцентами; Шлейрмахеръ, Стеффенсъ, Эмануиль Беккеръ дружески приняли сотрудника Шамиссо. Но вдругъ отъ этихъ глубокихъ умственныхъ занятій надо было перенестись къ самой дѣйствительности. Французская армія переступаетъ границы; всѣ силы Пруссіи уничтожены при Іенѣ, и Императоръ занимаетъ Берлинъ. Фарнгагенъ былъ свидѣтелемъ этихъ неудачъ Пруссіи; при немъ Галльскій университетъ, процвѣтавшій еще наканунѣ, былъ разрушенъ по приказу побѣдителя; профессоры его изгнаны, и на каждомъ шагѣ встрѣчались виновники его паденія. Что оставалось дѣлать въ 1807 по 1808 годъ въ Пруссіи, подавленной могучею рукою завоевателя? Послѣдовать только примѣру энергическаго барона Штейна? Что дѣлала наконецъ большая часть публицистовъ и поэтовъ, подобныхъ Яну, Морицу, Арнду, Іосифу Гору, Нибуру? надо было воодушевить народъ и спасти его отъ гибели. Однако нашлись и такіе люди, которые

думали отразить непріятеля орудіями идеальнаго міра. Эта романтическая школа, образовавшаяся уже въ концѣ XVIII вѣка, не исчезла подъ громомъ пушекъ Ауерштеда и Иены. Всѣ друзья Фарнгагена принадлежали къ этой партіи, и вскорѣ собравшись въ Берлинъ, снова стали осуществлять свои мечты, какъ будто бы для молодаго поколѣнія существовала какаѣ-то идеальная родина, куда не достигали шумъ и стоны этого міра. Надо припомнить всѣ обстоятельства, на которыя опирается берлинскій романтизмъ въ началѣ этого вѣка, чтобъ понять первыя сочиненія Фарнгагена фонъ Энзе. Въ это самое время онъ напечаталъ съ своими друзьями: Шамиссо, Нейманомъ, Бернгарди и Лудвигомъ Робертомъ сборникъ и романъ, гдѣ вполне высказывается юморъ и прихотливое воображеніе романтической школы.

Фарнгагенъ фонъ Энзе романтикъ, но не въ родѣ Тика и Новалиса. Романтическіе писатели были противниками Гете; но Фарнгагенъ, будучи сотрудникомъ романтической школы, считается однимъ изъ самыхъ искреннихъ друзей автора *Фауста*. Романтики удаляются въ сферу фантазіи, тогда какъ люди положительные стараются возбудить германскій патріотизмъ. Фарнгагенъ, только что издававшій романы и повѣсти съ молодыми представителями романтизма, поступаетъ на двадцать пятомъ году офицеромъ въ австрійскую армію и сражается противъ Франціи въ первый разъ въ 1809 году.

Равенный подъ Ваграмомъ и взятый военноплѣннымъ, Фарнгагенъ былъ перевезенъ въ Вѣну, въ которую французы только что вступили побѣдителями. Онъ провелъ тутъ нѣсколько мѣсяцовъ, но и это время нисколько не препятствовало его развитію. Вскорѣ послѣ размѣна плѣнныхъ, онъ былъ освобожденъ. По заключеніи Вѣнскаго мира, принцъ Шварценбергъ отправился, въ качествѣ австрійскаго посланника, ко двору Наполеона. Полковникъ графъ Тетенборнъ, при которомъ нашъ молодой офицеръ находился въ военное время, послѣдовалъ за принцомъ Шварценбергомъ въ Парижъ, и Фарнгагенъ поѣхалъ съ своимъ начальникомъ.

Въ послѣднее пятилѣтіе великой драмы, театромъ которой была вся Европа, Фарнгагенъ принималъ участіе въ самыхъ патетическихъ событіяхъ. Находясь при австрійскомъ посольствѣ въ Парижѣ въ 1810 году, онъ присутствовалъ на томъ балѣ, который данъ былъ Шварценбергомъ и ознаменовался страшнымъ пожаромъ; въ мемуарахъ Фарнгагена описаны яркими красками подробности этого ужаснаго происшествія. Онъ видѣлъ дворъ Наполеона, преклонялся подобно другимъ, полный удивленія и паническаго страха, предъ геніальнымъ полководцемъ, и если только проявлялись какіе нибудь признаки волненія или неудовольствія въ центрѣ французскаго общества, онъ собиралъ всѣ эти факты въ свои записки съ любопытствомъ историка и хладнокровіемъ судьи.

Спустя два года, Наполеонъ объявляетъ войну Россіи.

Во время 1812 и 1813 года, Фарнгагенъ не оставлялъ графа Тетенборна, храбро заслужившаго себѣ чинъ генерала на службѣ европейскаго союза. Это было лучшее время, какъ сказано въ его *запис-*

какъ, для изученія свѣта и людей. Онъ въ особенности обладаетъ даромъ, восхваляемымъ въ немъ Гегелемъ, выставявъ рельефно отдѣльныя происшествія, характеръ отдѣльныхъ личностей, даромъ рѣдкимъ въ Германіи, склоннымъ болѣе къ высокопарнымъ общимъ выраженіямъ. Описаніе кампаній генерала Тетенборна въ 1812 и 1813 годахъ, изданное во время самыхъ происшествій (Штутгардъ, 1814), представляетъ интересную главу изъ исторіи того времени, полную красокъ и жизни. Фарнгагенъ собралъ богатые матеріалы для прекрасныхъ біографій маршала Кейта и генерала Деневица.

Въ періодъ первыхъ сердечныхъ волненій и восторженныхъ порывовъ ума, другъ Шамиссо встрѣтилъ въ Берлинѣ ту Рахиль, о которой уже упоминалось; это было около 1803 года; Рахиль Левенъ казалась ему чуднымъ явленіемъ. Она не была знатнаго рода, не обладала красотой, но ея свѣтлый умъ, пылокое, живое воображеніе, откровенное и ловкое обращеніе при вѣрномъ взглядѣ на вещи, дѣлали ее замѣтною въ обществѣ. Самые благомыслящіе философы и даровитые писатели Генцъ, Фридрихъ Шлегель, Людовикъ Тикъ, Вильгельмъ и Александръ Гумбольдты, любили бесѣдовать съ этою женщиною, которой умъ такъ незамѣтно уносилъ къ высокимъ предметамъ; одинъ ея голосъ уже разсѣивалъ самое грустное расположеніе духа. Увѣряютъ, что принцъ Людовикъ Фердинандъ, павшій одинъ изъ первыхъ въ авангардѣ подъ Леной, питалъ къ ней самую невинную, самую платоническую любовь. Фарнгагенъ, съ той минуты, какъ ее увидѣлъ, почувствовалъ къ ней самое нѣжное, самое полное удивленіе. Она казалась ему, какъ онъ самъ говорилъ, идеальнымъ типомъ челоѣческой природы въ полномъ развитіи ея силъ и способностей. Онъ съ жадностью пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ видѣть и слышать ее, обращаться къ ней, и смотрѣлъ на нее какъ на существо высшее.

Такимъ образомъ, мало по малу Фарнгагенъ сдѣлался самымъ преданнымъ поклонникомъ Рахили. «Она была тогда четырнадцатью годами старше меня, пишетъ онъ, въ своихъ *мемуарахъ*, и это обстоятельство повидимому должно было бы разлучить насъ; но это различіе въ лѣтахъ могло только ввести въ заблужденіе, потому что на самомъ дѣлѣ, я былъ гораздо моложе этого чуднаго созданія. И странно! съ ея развитіемъ и богатымъ запасомъ свѣдѣній, ей казалось было суждено оставаться вѣчно юною. Она была молода не только силою ума, но и сердцемъ, молода чуднымъ сочетаніемъ души и тѣла. Послѣ всего этого привязанность наша казалась намъ прочною; ни время, проведенное мною въ полку, ни частыя мои путешествія, ни положеніе мое въ свѣтѣ, ни самолюбіе, ни даже недоразумѣнія, происходившія иногда отъ долгой разлуки, ничто не могло поколебать моей привязанности и измѣнить моихъ отношеній къ Рахили, ничто не могло разрушить, уничтожить во мнѣ убѣжденія, что въ ней заключалось все счастье моей жизни. Наконецъ, послѣ развязки великихъ событій, въ которой цѣлый міръ принималъ участіе, послѣ побѣды и освобожденія отечества, я уѣхалъ изъ Парижа, какъ только получилъ свободу, и полетѣлъ въ Богемію, гдѣ ждала меня моя дорогая подруга; я проведъ съ нею лѣто, самое

счастлиное, самое восхитительное, а вслѣдъ за тѣмъ, въ Берлинѣ, 27-го октября 1814 года, я навсегда соединился съ нею.»

Этотъ бракъ составляетъ не совсѣмъ обыкновенный эпизодъ. Соединясь съ гениальной женщиной, Фарнгагенъ еще болѣе возвышалъ свое значеніе посредника между свѣтомъ и литературой. Отъ г-жи Сталь до самаго бѣднаго германскаго писателя, отъ барона Штейна и неустрашимаго графа Шлабрендорфа до Растопчина, онъ имѣлъ случай говорить со всѣми, кто игралъ сколько нибудь замѣчательную роль въ исторіи и литературѣ, или отличался умомъ въ мірѣ философскомъ. Назначенный совѣтникомъ въ посольствѣ, онъ представлялъ прусское правительство при Баденскомъ великомъ герцогѣ; ему дано было порученіе въ Соединенные Штаты; потомъ сошелся онъ съ Гёте.

Первый томъ «Біографическихъ памятниковъ», появившійся въ Берлинѣ въ 1824, содержитъ въ себѣ три статьи, замѣчательныя по своему драматическому интересу. Герои Фарнгагена люди знаменитые по разнымъ отраслямъ, игравшіе блестящія роли въ оригинальныхъ эпизодахъ двухъ послѣднихъ вѣковъ. Всѣ трое они принадлежатъ Германіи, но не въ своемъ отечествѣ, а въ дальнихъ экспедиціяхъ и на службѣ чужихъ націй заставили они говорить о себѣ.

Главное лицо этой группы, одинъ изъ германскихъ владѣтельныхъ принцевъ XVIII вѣка, графъ Вильгельмъ Шауенбургъ-Липпе. Мать его, графиня Ойнгаузенъ, дочь Георга I, короля англійскаго, хотя была замужемъ за германскимъ принцемъ, но провела въ Лондонѣ большую часть своей жизни; здѣсь родился у ней, въ 1724 году, молодой Вильгельмъ, которому суждено было подъ именемъ графа Шауенбурга такъ храбро сражаться въ семилѣтнюю войну, и сдѣлался въ 1761 году, генералиссимусомъ португальской арміи. Фарнгагенъ описываетъ дѣтство графа Вильгельма; его воспитаніе, смѣсь важности и неустрашимости, составлявшую его отличительное качество. Первые его дѣйствія, какъ владѣтеля княжества Липпе, отношенія его къ Фридриху Великому, его дѣятельность въ рядахъ ганноверской и англійской армій отъ 1755 до 1761 года, всѣ эти подробности не составляютъ еще главнаго предмета этой біографіи. Авторъ въ особенности старается представить не генерала Фридриха II, но блестящаго кондотьери, которому Португалія XVIII вѣка, какъ республики итальянскія въ XV-мъ и XVII-мъ вѣкѣ, вручила судьбу свою. Семилѣтняя война кончилась. Находясь уже подъ вліяніемъ Англій, Португалія должна была готовиться къ новому нападению со стороны Испаніи, подкрѣпляемой Франціею. Что оставалось дѣлать? Чтобы управлять португальскимъ войскомъ противъ непріятели, надо было найти смѣлаго полководца, который могъ бы устроить это войско и быть въ состояніи выдержать нападеніе. Назначенный предводителемъ, по выбору лиссабонскаго правительства, графъ Шауенбургъ съ радостію воспользовался блестящимъ случаемъ отличиться. Онъ конечно хорошо понималъ какія опасности и трудности ожидали его, но борьба нравилась ему. Самые опасные враги генералиссимуса были не на полѣ

битвы. Никогда равнодушіе, смѣлость, сила, смѣтливость не были ему такъ необходимы, какъ въ этомъ случаѣ.

Другой герой Фарнгагена, графъ Матіасъ Шулембургъ замѣчательнѣе еще болѣе своими блистательными достоинствами и драматическими приключеніями. Графъ Липпе сдѣлался извѣстнымъ въ 1762 году какъ генералиссимусъ португальцевъ; сорокъ пять лѣтъ до того времени графъ Шулембургъ явился изъ Германіи на призывъ Венеціи, угрожаемой Турками, и спасъ всю Италію геройскими подвигами. Въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, графъ Шулембургъ участвовалъ въ войнѣ Германіи противъ Франціи; въ началѣ XVIII вѣка онъ былъ въ Саксоніи однимъ изъ искусныхъ противниковъ Карла XII; въ 1705 онъ снова сражался противъ арміи Людовика XIV за наслѣдство Испанскаго престола и раздѣлил съ принцемъ Евгеніемъ славу битвы при Мальплаке; однако блестящая экспедиція Венеціи превосходить всѣ эти подвиги. Избавитель Венеціи и цѣлой Италіи проводитъ въ Венеціи или въ Веронѣ конецъ своей жизни, осыпaeмый почестями и окружаемый всеобщимъ уваженіемъ.

Біографія короля Корсики Теодора, интересная какъ дѣйствительность, фантастическая какъ романъ, представляетъ мало извѣстный періодъ исторіи XVIII вѣка, и кажется новымъ открытіемъ въ области исторіи.

Сынъ Вестфальскаго дворянина, поселившагося во Франціи, Теодоръ Этіенъ, баронъ Нейгофъ, родился въ окрестностяхъ Меца въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка. Послѣ ранней смерти отца своего, онъ сдѣланъ былъ пажемъ при герцогинѣ Орлеанской, и вскорѣ упоенный чтеніемъ Плутарха, побуждаемый самолюбіемъ, стремившимся къ могуществу и извѣстности, онъ бросается въ приключенія. Едва получивъ чинъ лейтенанта въ Альзаскомъ полку, онъ предложилъ шпагу свою Карлу XII-му. Сопровождая его на войну, онъ сдѣлался посланникомъ его въ Испаніи, при кардиналѣ Альберони и участвовалъ въ партіи графа Герца, старавшагося объ ослабленіи Англіи. Карлъ XII былъ убитъ въ Фридрихсгамѣ, а графу Герцу отрубили голову въ Стокгольмѣ. Теодоръ возвращается къ Альберони и женится на англійской герцогинѣ, вліяніе которой при испанскомъ дворѣ могло содѣйствовать его карьерѣ; но паденіе сильнаго министра разстроиваетъ всѣ его планы; угрожаемый какими-то придворными интригами, онъ скоро уѣзжаетъ изъ Испаніи, оставляя тамъ жену, готовящуюся скоро сдѣлаться матерью. Въ Парижѣ онъ сошелся съ другимъ искателемъ приключеній, и вскорѣ сдѣлался близкимъ другомъ Джона Ло. Почти на краю гибели, преслѣдуемый раздражительными кредиторами, онъ едва успѣлъ спастись, оставляетъ тихонько Францію, ѣдетъ въ Англію, въ Голландію, потомъ на востокъ съ какою-то не совѣмъ ясною цѣлью въ обществѣ амстердамскихъ жидовъ, и послѣ этого появляется во Флоренціи съ дипломатическими переговорами, порученными ему, не извѣстно какъ, германскимъ императоромъ Карломъ VI.

Во Флоренціи баронъ Нейгофъ началъ обращать особенное вниманіе на событія, происходившія въ Корсикѣ. Корсиканцы начали войну

съ генуэзцами и въ продолженіе борьбы этой, нѣсколько разъ прибѣгали къ германскому императору. Теодоръ случалось оказывать имъ нѣкоторыя услуги. Уважаемый какъ благодѣтель главными начальниками, онъ старался возбудить ихъ храбрость. вмѣсто того чтобъ перемѣнять начальниковъ, зачѣмъ не признать имъ одного? И какъ не найти человѣку, который сумѣлъ бы соединить всѣ партіи въ одно чувствомъ всеобщаго благоустройства? «Будь этимъ человѣкомъ!» отвѣчаютъ ему корсиканцы, ослѣпленные его краснорѣчіемъ и смѣлостью. Теодоръ медленно составляетъ свой планъ; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ ищетъ себѣ союзниковъ, собираетъ деньги и войско. Два лица, замѣчательныя своею рѣдкою неустранимостью, венгерскій князь Рагоци, и извѣстный авантюристъ графъ Боневаль, который подъ именемъ Ахмед-паши сдѣлался важнымъ лицомъ при султанѣ Махмудѣ I, соединяются съ барономъ Нейгофомъ, и втроемъ составляютъ планъ похода. Этотъ проектъ не удается, но вскорѣ, одобряемый въ тайнѣ Турціей и явно поддерживаемый лувискимъ беємъ, Теодоръ пріѣзжаетъ на островъ 13 мая 1736 года, въ ту минуту, когда бѣдствія корсиканцевъ, заставляютъ ихъ смотрѣть на него какъ на давно ожидаемаго избавителя. Ему даютъ титулъ короля. Да здравствуетъ Теодоръ I, король корсиканскій! восклицаетъ восторженная толпа. Самые почетные начальники Корсики несутъ его на плечахъ, и сопровождаемый двадцатью пятью тысячами человѣкъ, онъ торжественно объѣзжаетъ островъ. Совѣтъ, состоящій изъ двадцати четырехъ человѣкъ, будетъ рѣшать вмѣстѣ съ нимъ государственныя дѣла, а комитетъ изъ трехъ членовъ, избранныхъ въ совѣтъ, постоянно будетъ находиться при Теодорѣ. Новый властитель съ необыкновенною быстротою учреждаетъ свое правленіе; волненія уничтожаются; двое начальниковъ партій осуждены и повѣшены. Образуется народная милиція, вездѣ господствуетъ сильная дѣятельность. Однако генуэзцы еще занимаютъ значительную часть острова; овладѣвъ Бастіей, они вооружаются противъ Теодора. Партія его раздѣляется. Вскорѣ Теодоръ принужденъ уѣхать изъ Корсики. Временное правленіе, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ высшаго сословія, учреждается 10 ноября 1736 года. На другой день, въ томъ самомъ городѣ, куда Теодоръ пріѣхалъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, встрѣчаемый громкими восклицаніями толпы, онъ садится на бѣдную тартану, сопровождаемый совѣтникомъ Коста и сыномъ его, двумя пажами, нѣсколькими друзьями, и направляетъ путь свой въ Ливорно. До послѣдней минуты народъ толпился около него, цѣловалъ его платье рыдая, и просилъ его возвратиться.

Теодоръ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ возвратиться; въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ онъ не терялъ изъ виду этой страны и нѣсколько разъ покушался овладѣть ею: всѣ его замыслы оставались тщетными. Удальвшись въ Англію въ 1749 году, онъ встрѣтилъ тамъ неумолимыхъ враговъ. Для достиженія своихъ плановъ, онъ долженъ былъ дѣлать займы въ Англіи и въ Голландіи; генуэзскому посланнику не трудно было вооружить противъ него кредиторовъ, обманувшихся въ своихъ надеждахъ на выигрышъ, и корсиканскій властитель, заключенный въ тюрьму въ

Амстердамѣ, долженъ былъ оставаться семь лѣтъ въ заключеніи. Горасъ Вальпоэль написалъ краснорѣчивую статью въ пользу Теодора; актеръ Гаррикъ пожертвовалъ сборомъ одного вечера, знатныя лица послѣдовали этому примѣру, и Теодору доставили средство жить скромно и уединенно, но на свободѣ онъ все-таки слѣдилъ издалека за переменами въ Корсикѣ и упорно придерживался своихъ плановъ, когда смерть постигла его 11-го декабря 1756 года, на шестьдесятъ первомъ году жизни.

Такова была судьба лица, жизнь котораго описана Фарнгагеномъ съ рѣдкимъ искусствомъ. «Въ 1736 году, говоритъ онъ, вестфалецъ былъ корсиканскимъ королемъ; семьдесятъ три года спустя, корсиканецъ былъ вестфальскимъ королемъ».

Первый томъ «Биографическихъ памятниковъ» имѣлъ большой успѣхъ; второй, появившійся на слѣдующій годъ и посвященный принцу прусскому, въ настоящее время Фридриху Вильгельму IV, содержитъ въ себѣ біографію двухъ прусскихъ маршаловъ, барона Георга Дерфлингера и князя ангальт-десаусскаго; третій томъ, вышедшій въ 1807-мъ году, посвященъ Блюхеру.

Не однихъ героевъ на военномъ поприщѣ описывалъ Фарнгагенъ въ своихъ «Памятникахъ»: онъ писалъ о поэтахъ. Одинъ изъ нихъ, жизнь котораго составляетъ романъ, полный оригинальными происшествіями, поэтъ кроткій, набожный, участвовавшій въ дипломатической экспедиціи къ шаху персидскому, путешествовавшій по самымъ негостеприимнымъ странамъ, бывшій въ Турціи, въ Татаріи, находившійся въ обществѣ людей сильныхъ и надменныхъ, переходилъ, напѣвая свои граціозныя строфы, самые грустные и драматическіе жизненные пути; это Поль Флемингъ. Обратимъ также вниманіе на блестящаго барона Кауница и Курляндца Жана Бессера; оба они поэты и государственные люди.

Гёте при первомъ томѣ «Памятниковъ» послалъ автору самую восторженную похвалу.

Послѣдній томъ содержитъ въ себѣ портретъ графа Цинцендорфа, имя котораго теперь мало извѣстно, хотя онъ игралъ замѣчательную роль въ Германіи.

Лучшая изъ историческихъ біографій Фарнгагена, это ученая книга, посвященная имъ прусской королевѣ Софіи-Шарлотѣ ГанOVERской. Между военными біографіями Ганса Гельда, генерала Зейдлица, маршала Шверина, маршала Кейта, болѣе интересныхъ для Пруссіи, нежели для европейскаго читателя, замѣчательнѣе другихъ портреты Ангальтскаго принца и стараго Дерфлингера; но самыми лучшими, самыми оживленными страницами этой книги надо назвать тѣ, гдѣ Фарнгагенъ говоритъ о сердцѣ челоуѣка или вспоминаетъ о прошедшемъ.

Фарнгагенъ въ 1830 году оставилъ свой дипломатическій постъ; онъ окончилъ въ Касселѣ одно дѣло, порученное ему прусскимъ правительствомъ въ 1829 году, и возвратился въ Берлинъ, гдѣ принялся съ сильнымъ рвеніемъ за литературу. Ученикъ Канта, любимый сотрудникъ и повѣренный Гёте, онъ любилъ давать совѣты Лудвигу

Страшное горе постигло его вдругъ и помѣшало ему продолжать совѣты, которые могли бы имѣть благотѣльное вліяніе: Рахиль Фарнгагенъ фонъ Энзе умерла 7 марта 1833 года.

Съ этого времени Фарнгагенъ начинаетъ жить одними воспоминаніями. Первый его трудъ былъ посвященъ Рахили и принадлежитъ къ замѣчательнымъ литературнымъ произведеніямъ. *Рахиль*, такъ называется оно; авторъ представляетъ подъ этимъ названіемъ трогательную біографію, цѣлый рядъ писемъ дорогой покойницы, писемъ фамиллярныхъ, гдѣ выражена грація, смѣлость, блестящій умъ, нравившійся Фридриху Генцу и Вильгельму Гумбольдту. Другая книга, подъ названіемъ: *Галерея портретовъ, заимствованныхъ изъ общества и переписки Рахили*, служитъ дополненіемъ первой. Это портреты Фридриха Шлегеля, принца де-Ливя, Адама Мюллера, Эльснера, графа Тилли, Фридриха Генца, принца Лудвига Фердинанда Прусскаго и многихъ другихъ лицъ, менѣе извѣстныхъ, хотя также принадлежащихъ къ кругу дѣятельныхъ европейскихъ умовъ, и въ особенности портреты двухъ женщинъ, носящихъ знаменитыя имена, одной дочери извѣстнаго ученаго, другой жены государственнаго челоѣка и знаменитаго писателя, Генріеты Мендельсонъ и Каролины Гумбольдтъ.

Чтобъ имѣть случай чаще вспоминать Рахиль, Фарнгагенъ составилъ свои *Записки*. Онъ напечаталъ четыре тома въ 1836 году, и девять лѣтъ спустя, прибавилъ къ нимъ, въ другомъ издаціи, три тома портретовъ, эскизовъ, біографическихъ статей, которыя могли бы вредить единству разсказа, но собранныя въ галерею, служатъ дополненіемъ любопытныхъ картинъ германскаго общества въ продолженіе тридцати первыхъ годовъ этого вѣка. Тутъ встрѣчаются друзья или наставники его молодости: Лудвигъ Робертъ, Вильгельмъ Нейманъ, Адальбертъ Шамиссо, Филиппъ Марвицъ, Фридрихъ Шлейермахеръ; докторъ Давидъ Вейль, врачъ Эрхартъ, блестящій поклонникъ романтизма Адамъ Мюллеръ и Лудвигъ Ахимъ ванъ Арнимъ; умственный авантюристъ Меркъ, служившій Гёте типомъ Мефистофеля, и Визель; далѣе мы видимъ патріотовъ или дѣятельныхъ людей.

Фарнгагенъ превосходно обрисовывалъ тѣ портреты, въ которыхъ отражается движеніе эпохи. Онъ въ особенности представляетъ эпизоды, дѣлающіе честь челоѣческой натурѣ, и если случалось ему рыться въ секретныхъ поступкахъ, то для того, чтобъ извлечь прекрасное. Возлѣ Шлабрендорфа какъ хорошъ молодой и воинственный Больманъ!

Воспомнанія и нѣкоторые любопытные литературные случаи, также занимаютъ мѣсто въ запискахъ Фарнгагена. Видно было какую искреннюю симпатію имѣлъ Гёте къ автору «*Біографическихъ памятникъ*»; Фарнгагенъ тонко разобралъ Вертера, Вильгельма Мейстера, переводы Гёте, характеры его романическихъ героинь. Славянская литература также привлекла его вниманіе. Онъ изучилъ, въ 1838 году, языкъ Пушкина, и перевелъ нѣсколько картинъ русскаго общества, заимствованныхъ у писателей повѣстей, *Сильфиду* внязя Одоевского, *Бѣлу Лермовтова*, и др.

Такимъ образомъ, отъ 1833 до 1848 года, Фарнгагенъ постепенно

возвышался въ мнѣнн публики. Еще недавно Фарнгагенъ присоединилъ къ запискамъ о военной исторіи своего государства біографію генерала Бюлова-Денневица. Извѣстно какое мѣсто занималъ генераль Бюловъ въ войнахъ Пруссіи съ Французской республикой и Имперіей; онъ былъ однимъ изъ лейтенантовъ Блюхера; и когда прусаки бросились во флангъ французамъ при Ватерлоо подъ его предводительствомъ, первыя колонны вышли на долину. Въ этомъ прекрасномъ разсказѣ нѣтъ слѣда старческаго упадка силъ; искусный біографъ сохранилъ прежнюю ревность къ труду, прежнюю чистоту мысли и слога, и литература еще можетъ многого надѣяться отъ Фарнгагена фонъ Эвзе. (Revue des deux mondes.)

Чешскія и русскія простонародныя пѣсни. Недавно умершій въ Прагѣ профессоръ Славянской Филологіи въ тамошнемъ университетѣ прежде въ томъ же званіи находившійся при университетѣ Бреславльскомъ), Чешскій поэтъ Францъ Владиславъ Целяковскій, оставилъ, кромѣ многихъ Чешскихъ и Славянскихъ учебныхъ книгъ и сравнительной грамматики Славянскихъ діалектовъ, Собраніе Славянскихъ пословицъ и народныхъ пѣсень, переводовъ изъ Гердера, Валтера Скота и Литовскихъ пѣсней, сверхъ того множество оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній.

Иосифъ Венцигъ, сотрудникъ и товарищъ умершаго, издалъ недавно въ Прагѣ: *Цвѣтникъ Богемской поэзіи древнихъ и новыхъ временъ*. Въ объявленіи сказано, что изданіе это (теперь вышелъ одинъ томъ), будетъ продолжаться по мѣрѣ собранія матеріаловъ, въ числѣ которыхъ будутъ и труды Моравовъ и Словаковъ, съ историческимъ обозрѣніемъ всей Чешской литературы.

О Целяковскомъ говоритъ Венцигъ, что онъ былъ тонкій знатокъ челоѳческаго сердца и въ особенности Славянской народной жизни. Въ составленномъ имъ сборникѣ онъ приводитъ разборъ Целяковскаго, разсматривавшаго сходство и характеристику Чешскихъ и русскихъ народныхъ пѣсень. Возьмемъ для сравненія небольшія пѣсни:

Изъ Чешскихъ народныхъ пѣсень:

П Т И Ч К А.

Скажи мнѣ, милая маменька,
Скажи не шута,
Отчего у меня безпрестанно
Сердце такъ бьется въ груди?

И бьется, и стучить, и ноетъ,
И прыгаетъ и занываетъ?
Вѣрно откуда нибудь птичка
Туда залетѣла?

Возьми же поскорѣе клѣтку,
И подставь поближе къ сердцу,
Запремъ поскорѣй туда птичку,
Пусть она прыгаетъ въ клѣткѣ.

Повѣсимъ клѣтку у окошка,
Пусть тамъ птичка распѣваетъ,
И ввечеру, на закатѣ солнца,
И поутру на ранней зарѣ.

СЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНИ:

Ты кормилица моя, родная матушка,
Вы подруженькѣ, красныя дѣвицы!
Вы скажите мнѣ, если знаете,
Долголь длятся капли росы утренней,
Радуга и сора любовная?
Я съ сердечнымъ поразорилась,
Разошлись и не молвили
Оба мы ни слова, ни полслова,
Въ снѣгъ зарыла я любовь сердечную,
На снѣгу записала грусть-кручинушку.
Отказалась вовсе отъ любезнаго...
Вдругъ пахнулъ, подулъ весенній вѣтръ;
Снѣгъ растаялъ и кручина съ нимъ;
И сквозь снѣгъ любовь цвѣткомъ пробилась
Яркимъ, радужнымъ пахучимъ.
Ты кормилица, родная матушка!
Вы подруженьки, красныя дѣвицы,
Ахъ! я радуюсь не нарадуюсь,
Никогда не стану съ другомъ ссориться.

Вообще сборникъ Венцига, въ которомъ главное мѣсто занимаютъ труды Целяковского, заслуживаетъ того, чтобы на него обратили вниманіе филологи и любители Славянскихъ литературъ.

(Magaz. fur die Litter.)

II. ТЕАТРЪ, МУЗЫКА и ИСКУССТВА.

Эдмондъ Кингъ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, представленнымъ уже нами объ этомъ артистѣ, сообщаемъ еще нѣкоторыя біографическія подробности.

Одинъ англійскій моралистъ замѣчаетъ справедливо, что въ Лондонѣ, среди народа промышленнаго, богатаго, гдѣ литература и поэзія быстро идутъ впередъ, театръ находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Искусства, торговля, все процвѣтаетъ въ Англии, одинъ только театръ упадаетъ до того, что порядочный человѣкъ находитъ неприличнымъ это мѣсто увеселенія.

Два національные театра Дрюриленскій и Ковентъ-Гарденскій, находятся въ центрѣ грязныхъ переулковъ, населенныхъ бродягами. Къ этимъ театрамъ надобно пробираться по темнымъ переулкамъ, пересѣкаемымъ другими, такъ что иногда любители театра, не зная дороги, попадаютъ въ улицу безъ выхода, откуда никакъ не выйдутъ съ своимъ кошелькомъ. Таверны, окружающія театры, наполнены людъ-

ми безъ званія, женщинами безъ стыда, ворами и самыми бѣдными работниками. Но стоитъ только войти въ театръ, и великолѣпная декорация удивить васъ. Лѣстницы роскошны, коридоры широки, зданіе огромно; вездѣ мраморъ, золото, богатая драпировка. Фойе наполнено душистыми цвѣтами, драгоценными статуями. Вдругъ толпа наполняетъ театръ. Изъ кого же состоитъ эта публика? Изъ пьяныхъ матросовъ, боксеровъ, жокеевъ, выигравшихъ призы на скачкахъ и женщинъ въ бальныхъ платьяхъ, но которыя неосторожно хлебнули жину. Въ ложахъ еще сначала ведутъ себя чинно, но въ партерахъ и галереяхъ Джонъ Буль шумитъ безъ умолку.

Иногда однако аристократія посѣщаетъ театры, и женщины высшаго круга показываются въ ложахъ, но все таки большинство публики состоитъ изъ пьяной толпы. Вотъ поднимается завѣса, и старый Шекспиръ заставляетъ дѣйствовать своихъ персонажей; но если въ первой сценѣ не выходятъ ни Джонъ Кембль, ни Мекреди, ни мастеръ Сидонсъ или О'Нель, шумъ разговоровъ продолжается, двери хлопаютъ, шарканье, чиханье, кашлянье заглушаютъ слова Ричарда, Отелло, Макбета.

Въ половинѣ пьесы въ залѣ разливается удушливый запахъ. Крики, шумъ увеличиваются. Значитъ настало время *половинныхъ цѣнъ* за мѣста, и вторыя галереи наполняются мастеровыми, работниками, окончившими свои занятія. Новая эта публика еще грязнѣе первой, растрепана, съ голыми руками, въ растегнутыхъ рубашкахъ, кричитъ, смѣется, дерется съ сосѣдями; пьетъ, ѣстъ, разговариваетъ съ артистами на сценѣ, и Ромео обязанъ прервать свое объясненіе Джульетѣ, чтобъ слушать грубыя насмѣшки зрителей. И эту толпу, это море Эдмондъ Кинъ заставилъ замолчать и удивляться своему таланту!

Кинъ родился въ Лондонѣ въ 1789 году, какъ онъ полагаетъ, потому что самъ онъ не зналъ ни года своего рожденія, ни отца. Говорили, что онъ сынъ каменщика, потомъ увѣрили, что отецъ его архитекторъ или портной, и наконецъ утверждали, что его зовутъ не Эдмондомъ, а Аарономъ, изъ чего слѣдуетъ, что онъ соотечественникъ Шейлока. Ко всему этому надобно еще прибавить мнѣніе, что Кинъ—сынъ Норфолька и одной горничной. Артистъ обращался съ вельможами свободно, и хвасталъ, что заставлялъ герцоговъ дожидаться въ передней, но все таки былъ доволенъ, что ему приписываютъ аристократическое происхожденіе. Какъ бы ни было, только никто не заботился о воспитаніи Кина, такъ что когда онъ на седьмомъ году поступилъ на Дрюриленскій театръ играть маленькихъ чертенятъ, геніевъ и пажей фей, онъ не зналъ ни читать, ни писать. Одна старая актриса взялась выучить его читать и писать, и даже заставляла его декламировать стихи.

И вотъ маленькій Кинъ началъ декламировать, и имъ овладѣлъ какой-то директоръ, заставлявшій дѣтей играть серьезные пьесы въ тавернахъ и сараяхъ. Каждый вечеръ бѣдный ребенокъ читалъ Отелло, Ричарда и даже Короля Лира. Эдмондъ началъ укряпяться, но росъ дурно (онъ остался маленькаго роста) за то былъ чрезвычайно силенъ и ловокъ, превосходно боксировалъ, дрался, кувырчался, ломался, тан-

повалъ на канатѣ. Однажды онъ упалъ съ каната и сломалъ себѣ ногу, но его вылечили, и онъ продолжалъ ходить по канату. Въ то же время онъ являлся въ Дрюриленѣ, гдѣ получалъ нѣсколько шпингозъ за маленькія роли. Эта жизнь могла бы сдѣлать мягкимъ характеръ другаго мальчика, но Кинъ дѣлался отъ нее только раздражительнѣе и гордился своею дѣятельностью, считая себя чуть ли не великимъ артистомъ.

Однажды Джонъ Кембль, готовясь играть Макбета, наткнулся на маленькаго Эдмонда и сказалъ ему съ досадою:

— Что ты тутъ дѣлаешь, шалунъ, убирайся вонъ.

— Я играю сегодня, точно также какъ и вы, отвѣчалъ смѣло мальчикъ, только я еще не привыкъ къ Ковентъ-Гарденскому театру.

Онъ давно уже игралъ трагедіи на ярмаркахъ, въ тавернахъ, въ сараяхъ, и тамъ, покрытый красною мантиею, былъ такъ неприступенъ, какъ никогда не бываютъ настоящіе герои. Однажды въ Джернестѣ, послѣ комической роли онъ вышелъ и объявилъ публикѣ, что на другой день будетъ играть роль Александра Великаго.

— Какой же это будетъ маленькій Александръ! закричалъ кто-то въ партерѣ.

Квинтъ Курцій сказалъ про Македонскаго героя: *Alexander magnus cognovit pavidus erat*, но Кинъ, въ то время незнавшій по-латинѣ, отвѣчалъ публикѣ съ комическою важною:

— Если я малъ, то моя душа велика.

Уже въ то время онъ не хотѣлъ играть второстепенныхъ ролей. Одинъ молодой актеръ Билли, прекрасною наружностью заслужилъ вниманіе публики, и Кинъ изъ зависти не хотѣлъ играть съ нимъ. Однажды Билли дали роль *Брута*, а Кину *Кассія*, и тотъ съ притворною покорностью приготовился къ спектаклю. Завѣса поднимается; вдругъ Кассіи пропасть. Напрасно ищутъ его вездѣ, во всѣхъ углахъ и закоулкахъ: Кассій въ тотъ вечеръ не хотѣлъ спасать Рима, а одурачилъ директора и публику.

Однако надобно же было наконецъ упряму явиться къ своему импрессарию и выслушать его выговоръ, сопровождаемый неприятными жестами. Кинъ, добравшись кое-какъ до гавани, вступилъ юнгой на одинъ Англійскій корабль. Ему было едва десять лѣтъ.

Онъ жестоко ошибся если думалъ, что положеніе его сдѣлается лучше и онъ избавится отъ побоевъ. На кораблѣ онъ познакомился съ страшнымъ линькомъ своего начальника. Онъ вздумалъ и тутъ неповиноваться, но наказанія удвоились. Кинъ захворалъ опасно, и его высадили въ Мадерѣ, гдѣ онъ пролежалъ два мѣсяца въ постели, послѣ чего его отослали, при первомъ случаѣ, въ Англію.

Въ Лондонѣ онъ не нашелъ ни кого изъ родныхъ кромѣ одного дяди, по имени Моисея, имя котораго доказываетъ и въ племянникѣ возможность еврейскаго происхожденія. Моисей помогъ мальчику чѣмъ могъ, и выучилъ его многимъ полезнымъ штукамъ, которыя Кинъ не забылъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Послѣ уроковъ дяди, Эдмондъ превосходно кричалъ пѣтухомъ, лаялъ собакой, хрюкалъ свиньей и жужжалъ

шмелемъ. Кромѣ того онъ усовершенствовался въ фехтованьи, боксированьи и выучился вантрилокии. Съ этими-то познаніями онъ отправился въ провинцію, гдѣ смѣло могъ рассчитывать на успѣхъ. И какъ не дорожить артистомъ, способнымъ играть *Гамлета* и *Полишинеля*, *Скарамуша* и *Отелло*, который въ тоже время былъ канатнымъ плесуномъ, въ антрактахъ игралъ на флейтѣ, танцовалъ въ балетахъ, словомъ былъ необходимъ въ каждой труппѣ; но за это требовалъ, чтобъ всѣ повиновались ему и не смѣли ни въ чемъ противорѣчить. Хотя бѣдный и неизвѣстный, онъ былъ уже чрезвычайно самолюбивъ, и за всякую малость ссорился съ товарищами, нарушалъ условія, переходилъ въ другую труппу, въ другой городъ. Посреди этой скитальческой жизни, полной лишеній, Кинъ женился на тихой, скромной дѣвушкѣ, и несмотря на нерасположеніе жены къ сценѣ, вздумалъ сдѣлать изъ нея извѣстную актрису. Однако это ему не удалось, потому что мистрисъ Кинъ дебютировала безъ успѣха и была бы ошканиана, еслибъ ея молодость не возбудила жалости и еслибъ нѣкоторые офицеры, которыхъ Кинъ училъ фехтованью, не поддержали дебютантки.

Несмотря на разнообразіе своихъ дарованій и занятій, Кинъ въ это время былъ такъ бѣденъ и нерасчетливъ, что однажды игралъ *Отелло* не ѣвши цѣлый день, и не могъ бы отъ слабости кончить роли, если бѣ театральнй цирюльникъ не далъ ему стакана портера, который подкрѣпилъ ревниваго Мавра.

Объ этой эпохѣ жизни Кина оставилъ любопытныя подробности Томасъ-Чарльсъ Гратанъ, извѣстный писатель, который въ это время служилъ въ гарнизонѣ, стоящемъ на югѣ Ирландіи въ Ватерфордѣ. Вотъ одинъ отрывокъ изъ его записокъ.

«Единственное развлеченіе мое и офицеровъ гарнизона состояло въ одномъ фехтованьи, такъ что мы наконецъ усовершенствовались въ искусствѣ убивать противниковъ. Въ Ватерфордѣ есть театръ, но такъ какъ на немъ играютъ странствующие актеры, то мы еще не заглядывали въ него. Однажды, гуляя по городу, мы остановились передъ афишей, на которой стояло магическое слово: *Гамлетъ*. Во многихъ провинціальныхъ театрахъ играютъ эту пьесу безъ главнаго дѣйствующаго лица, потому что оно не нужно, но тутъ выставлены были всѣ дѣйствующія лица Шекспира. Изъ любопытства я вошелъ съ товарищами въ театръ и началъ слушать чудную драму. Провинціальные артисты читали ее довольно сносно, но мы съ нетерпѣніемъ ждали только пятаго акта и сцены дуэля, увѣренные, что вдоволь посмѣемся надъ фехтованьемъ жалкихъ актеровъ.

Вѣроятно всѣ знаютъ, что на маленькихъ театрахъ если и играютъ серьезныя пьесы, то онѣ похожи скорѣе на карикатуры. Придворные не умѣютъ ни войти, ни полкнуться; дамы похожи на торговокъ, герои на лакеевъ; но мы не обращали ни на что вниманія и ждали вызова Лаэрта. Надобно однако признаться, что Лаэртъ ватерфордскаго театра былъ совсѣмъ не карикатурный. Это высокій молодой чело-вѣкъ, вздумавшій для чего-то надѣть сапоги съ высокими каблуками,

пріятной наружности, только онъ казался великаномъ предъ маленькимъ Гамлетомъ.

Гамлетъ страшно-блѣденъ, лицо его выразительно; онъ чрезвычайно худъ, ловокъ, оригиналенъ. Онъ граціозно поклонился противнику, и дуэль началась. Я и товарищи мои, какъ самые сильные въ фехтованьи, нашли сначала нѣсколько слабыми удары Гамлета и вздумали безъ церемоніи посмѣяться, но маленькій Гамлетъ бросилъ на насъ блестящій взглядъ и продолжалъ гордо и благородно отражать удары противника. Потомъ, раздраженный нашими замѣчаніями, онъ началъ осыпая бѣднаго Лаэрта такими искусными, непредвидѣнными ударами, выказалъ такую ловкость, хладнокровіе, умѣнье, что мы замолчали и съ удивленіемъ посматривали на этого необыкновеннаго Гамлета бѣднаго театра, такъ превосходно дѣйствующаго шпагой.

Мы тотчасъ же побѣжали за кулисы, и встрѣтя тамъ старуху, спросили ее:

— Кто играетъ Гамлета?

— Г. Кинъ, отвѣчала она. Это нашъ первый арлекинъ, режиссеръ, авторъ многихъ пантомимъ, хорошій музыкантъ и пѣвецъ...

— Ого! сколько талантовъ у вашего арлекина, сказалъ я. За то онъ долженъ быть богатъ?

— Онъ получаетъ полторы гиней въ недѣлю, за то что играетъ первыя роли въ операхъ, трагедіяхъ, балетахъ; но еслибъ не давалъ еще уроковъ фехтованья и боксированья джентльменамъ, то не могъ бы содержать жены и дѣтей.

Мы не замѣтили драматическаго таланта Гамлета, но были поражены его искусствомъ фехтованія, и потому старались сойтись съ нимъ. Онъ познакомилъ насъ со всею труппою, принадлежавшею старому Шерри, автору хорошенькой пьесы *Дочь солдата*. Въ этой труппѣ были тогда два человѣка, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи знаменитыми: Кинъ, приводившій въ восторгъ весь Лондонъ, и Шериданъ Нольсъ, лучший драматическій писатель Англій, который тогда могъ едва получить нѣсколько шиллинговъ за томъ своихъ стихотвореній. Печальное положеніе непрізнанныхъ талантовъ!

Въ кругу офицеровъ Кинъ былъ добрымъ малымъ, веселымъ, остроумнымъ, услужливымъ. Мы всѣ полюбили его, хотя нисколько не подозрѣвали его геніяльности, и если по вечерамъ аплодировали ему, то совсѣмъ не какъ актеру, а какъ прекрасному товарищу.»

Въ самомъ дѣлѣ, Кинъ въ то время совсѣмъ не походилъ на того великаго артиста, которымъ восхищались въ послѣдствіи. На маленькомъ провинціальномъ театрѣ, окруженный жалкою труппою и хладнокровною публикою, талантъ его не могъ развиваться. Да и до того ли ему было, чтобъ обдумывать роли, когда онъ въ одинъ вечеръ игралъ трагическаго героя, пѣлъ арію въ оперѣ, въ антрактѣ ходилъ по канату, боксировалъ и фехтовалъ для увеселенія публики, и наконецъ игралъ роль обезьяны въ балетѣ *Лаперузъ*. Вотъ что былъ тогда великій Кинъ!

Надобно было огромную сцену, громъ рукоплесканій, чтобъ разбудить его талантъ и заставить подчинить себѣ толпу.

Гратанъ увѣряетъ, что одинъ докторъ отгадалъ талантъ Кина и послалъ его въ Лондонъ съ рекомендательными письмами, открывшими ему двери театра; другіе же рассказываютъ, что онъ обязанъ своею славою одному жителю Эксета, который обѣдая съ Гринфельдомъ, набравшимъ артистовъ для Дрюриленскаго театра, сказалъ ему:

— Вы ищете героевъ для театра столицы и не можете найти ихъ. У насъ въ городѣ играютъ странствующие артисты, и между ними есть такой талантъ, который въ состояніи затмить и Гаррика, и Кембля.

— Затмить Кембля... Джона Кембля, вскричалъ Гринфельдъ, развѣ это возможно? Кембль первый артистъ на свѣтѣ и въ нѣкоторыхъ роляхъ выше Гаррика. Извините, мой почтенный другъ, я вамъ не вѣрю.

— Не вѣрите, такъ подите посмотрите какъ играетъ Кинъ.

— А! его зовутъ Киномъ?

Гринфельдъ рѣшился остаться еще день въ Эксетерѣ, и пошелъ смотрѣть Кина.

Вотъ что онъ въ тотъ же вечеръ написалъ директору Дрюриленскаго театра:

«Я нашелъ актера эксцентрическаго. Онъ малъ ростомъ, съ большой головой, декламируетъ вычурно, но лице его выразительно, глаза блестящи, голосъ хорошъ, и въ немъ много страсти. Испытайте его.»

Директоръ Дрюриленскаго театра тотчасъ же пріѣхалъ въ Эксетеръ, и спрятавшись въ темной ложѣ, наблюдалъ игру Кина, который и не подозрѣвалъ, что въ эту минуту рѣшается его судьба. Онъ узналъ это послѣ представленія.

— Я погибъ навсегда, говорилъ онъ женѣ, раздѣваясь въ своемъ грязномъ углу, служившемъ ему уборною. Сегодня въ театрѣ былъ Арнольдъ, директоръ Дрюриленскаго театра, меня никто не предупредилъ, и я игралъ отвратительно въ угодность нашей публикѣ.

— Тѣмъ лучше что ты не зналъ этого, отвѣчала мистрисъ Кинъ очень разсудительно, потому что ты хотѣлъ бы отличиться и сыграть, можетъ быть, хуже.

Арнольдъ рѣшился испытать Кина и ангажировалъ его.

Для англичанъ Шекспиръ не только трагическій поэтъ, но философъ, моралистъ, историкъ, единственный писатель. Самая большая похвала у англичанъ состоитъ въ сравненіи съ великимъ Шекспиромъ.

«Баконъ не только замѣчательный математикъ, говорилъ одинъ критикъ, но талантъ его разнообразенъ какъ у Шекспира.»

Никто не смѣетъ найти ни одного пятна въ національномъ поэтѣ Англій.

На театрѣ шекспировскія традиціи сохранились неприкосновенными до Джона Кембля, который получилъ ихъ отъ Гендерсона; Гендерсонъ отъ Лова, этотъ отъ Квина, Квинъ отъ Бута, Буть отъ Батерсона, а этотъ послѣдній говорилъ, что директоръ его Давенанъ передалъ ему все сценическія правила Шекспира. Въ эпоху, о которой мы го-

воримъ, Джонъ Кемблъ и сестра его мистрисъ Сиддонсъ были главными англійскими артистами и не знали соперниковъ. Оба артиста были прекрасной наружности, полны достоинства, что очень шло къ ихъ ролямъ, холодность которыхъ разогрѣвала чувствительная мистрисъ Сиддонсъ. Не смотря однако на эти замѣчательные таланты, мистрисъ Сиддонсъ пишетъ слѣдующее въ своихъ запискахъ:

«Мы играемъ почти всегда передъ пустою залою, которая наполняется только когда директоръ показываетъ собакъ и фокусниковъ.»

Въ наше время актеръ Мекреди тоже хотѣлъ разбудить погасшій восторгъ къ Шекспиру, но не успѣлъ въ этомъ. Публика осталась хладнокровною, и неизвѣстно, виноватъ ли въ этомъ талантъ артиста, или устарѣлыя формы пьесъ.

Кинъ долженъ былъ дебютировать въ *Венеціанскомъ купцѣ*. Извѣстно, что сюжетъ этой пьесы взятъ изъ арабскихъ сказокъ флорентинскимъ романистомъ Джювани, который сдѣлалъ изъ него повѣсть, забытую теперь совершенно, еслибъ Шекспиръ не вздумалъ составить изъ нея одной изъ лучшихъ своихъ драмъ.

Онъ перенесъ дѣйствіе въ Венецію и вывелъ жида среднихъ вѣковъ. Кинъ съ намѣреніемъ выбралъ эту роль для своего дебюта.

При вступленіи въ дрюриленскую труппу, товарищи Кина приняли его съ большимъ пренебреженіемъ. На репетиціяхъ онъ только давалъ реплики, и всѣ подшучивали надъ бѣднымъ провинціаломъ, разбирая его некрасивую наружность, жалѣли объ Арнольдѣ, и называли его новое пріобрѣтеніе *Калибаномъ*.

Раздражительный и вспыльчивый Кинъ слышалъ все это, и какъ Шейлокъ переносилъ обиды, чтобъ потомъ отмстить за нихъ жестоко.

Онъ дебютировалъ въ анварѣ мѣсяцѣ, когда Лондонъ былъ окруженъ холодомъ и туманами, и шелъ съ маленькимъ узелкомъ въ Дрюриленъ по узкимъ улицамъ. Вдругъ его остановила старуха, покрытая лохмотьями, шатавшаяся отъ холода или пьянства; положивъ руку на плечо испуганнаго молодого человѣка, она сказала сильнымъ голосомъ:

— Макбетъ! ты будешь королемъ!

Какъ ни привыкъ артистъ къ театральнымъ эффектамъ, но его поразило предсказаніе старой цыганки, и онъ отдалъ ей послѣдній свой шиллингъ.

Режиссеръ встрѣтилъ бѣднаго дебютанта въ кулисахъ и сказалъ ему:

— Мы будемъ играть Венеціанскаго купца въ пустынь; впрочемъ, прибавилъ онъ, чтобъ не огорчить Кина, можетъ быть, при половинныхъ цѣнахъ театръ наполнится.

Директоръ, почитая дебютъ незначительнымъ, тоже не явился въ театръ, и вѣроятно сѣдился съ друзьями за обѣдъ.

Кинъ дрожалъ отъ досады, одѣваясь въ своей уборной, и говорилъ жень:

— Только бы мнѣ выйти на сцену, я покажу имъ, что могу сдѣлать.

Пьеса началась. Актеры играли холодно, какъ это всегда бываетъ въ пустомъ театрѣ. Но вдругъ зала съ шумомъ наполнилась обыкно-

венною толпою, платящею полицѣны не для того чтобъ слушать, а для того, чтобъ покричать. Въ эту минуту Кинъ вышелъ на сцену. Публика смотритъ на него съ удивленіемъ, невольно утихаетъ и со вниманіемъ слушаетъ новаго Шейлока. Она привыкла видѣть венеціанскаго купца скупымъ старикомъ, злымъ, но робкимъ, и вдругъ передъ ней Шейлокъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, съ черной, включенной бородою, густыми волосами. Онъ былъ въ темномъ плащѣ, и на кожаномъ поясѣ его висѣлъ ножъ, за который онъ часто судорожно схватывался, улыбаясь какъ дикій звѣрь, готовый растерзать свою жертву. Одна его наружность приводила въ ужасъ, и публика инстинктивно поняла, что человекъ съ такимъ выраженіемъ лица и взглядомъ долженъ быть необыкновенный Шейлокъ. И вотъ венеціанскій купецъ начинаетъ угрожать своимъ гонителямъ; потомъ онъ смѣется надъ ними, смѣется бодренно какъ безумный, радуется своей выдумкѣ, какъ гienна. Эффектъ, произведенный его игрою, былъ такъ огроменъ, что его трудно описать. Толпа кричала, хлопала, рыдала, дрожала отъ ужаса, ревѣла и не спускала глазъ съ великаго артиста, явившагося такъ внезапно на англійской сценѣ.

Въ кулисахъ всѣ поздравляли Кина, жали ему руки, и наконецъ онъ услышалъ голосъ директора, который кричалъ:

— Пошлите въ уборную Кина вина и закусу.

Это былъ самый высокій знакъ уваженія директора къ артисту. Кинъ выпилъ бутылку шампанскаго, и тотчасъ же къ нему явился самъ Арнольдъ, который, послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, далъ ему пятьдесятъ гиней награжденія и назначилъ жалованье перваго артиста.

При видѣ золота, мистриссъ Кинъ хотѣла доставить себѣ удовольствіе проѣхать домой въ фиакръ, но Эдмондъ сказалъ ей:

— погоди, мнѣ надобно прежде поблагодарить одну особу.

И онъ, отыскавъ старуху цыганку въ закоулкахъ, прилегающихъ къ театру, положилъ ей въ руку гинею, сказавъ:

— Макбетъ сдѣлался королемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, съ этого дня онъ овладѣлъ театральнымъ царствомъ и сдѣлался любимцемъ публики. Въ немъ олицетворились *Отелло*, *Яго*, *Ричардъ III* и другіе герои Шекспира, только въ совершенно новомъ видѣ. Онъ увлекалъ, поражалъ своею страстною игрою, такъ что Кембль, умный и прекрасный артистъ, казался передъ нимъ слабымъ и холоднымъ. Однако оба эти артиста отдавали другъ другу полную справедливость, что бываетъ рѣдко. Джонъ Кембль сознавался, что Кинъ заставлялъ его въ Ричардѣ III въ одно время смѣяться и ужасаться, а Кинъ не позволялъ, чтобъ передъ нимъ дурно говорили о талантѣ Кембля.

— Онъ великій артистъ, повторялъ Кинъ, а я канатный плясунъ.

Къ несчастію, эта скромность была непродолжительна къ Кинѣ. Сдѣлавшись любимцемъ публики, онъ началъ поступать съ Арнольдомъ точно также, какъ съ провинціальными директорами. Онъ уже получалъ по пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за представленіе, и самолюбіе его не знало предѣловъ. Кинъ окружилъ себя великолѣпіемъ;

странности его и капризы увеличивались съ каждымъ днемъ и не смотря на это, лучшее общество толпилось въ его залахъ, уставленныхъ цвѣтами и статуями, и мистрисъ Кинъ все такая же добрая и скромная, гордилась успѣхами своего мужа и переносила ужасный характеръ его и дурную жизнь.

Великій талантъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ мучить всѣхъ окружающихъ. Первые артисты всегда имѣютъ привилегію умничать надъ своими директорами и заставляютъ ихъ плясать по своей дудкѣ, но несчастіе директоровъ Кина невозможно себѣ представить.

Однажды театръ былъ полонъ, завѣса поднята, какъ вдругъ пришли сказать директору, что Кинъ не будетъ играть.

— Какъ не будетъ! вскричалъ директоръ, публика не захочетъ слышать никакихъ отговорокъ. Гдѣ Кинъ? Я пойду уговорю, его.

И директоръ бросился въ уборную Кина.

Онъ хвасталъ тѣмъ, что не забывалъ никогда обидѣ и никогда не помогалъ своимъ талантомъ бѣднымъ артистамъ и директорамъ, которые имѣли несчастіе чѣмъ нибудь оскорбить великаго артиста, бывшаго еще арлекиномъ.

Безпрестанныя оргіи еще болѣе раздражали его дикій характеръ.

Аристократы хотѣли сначала принять его въ свое общество. Лордъ Эссексъ объявилъ себя покровителемъ Кина, Лордъ Байронъ искалъ его знакомства, но онъ своими грубыми поступками удалилъ отъ себя всѣхъ порядочныхъ людей.

Одна публика защищала свой кумиръ, но онъ и ее часто дурачилъ. Однажды назначенъ былъ *Отелло*, и хотѣли уже начать пьесу, какъ вдругъ замѣтили, что Кина нѣтъ въ театрѣ. Послали къ нему на квартиру, но тамъ сказали, что онъ ушелъ съ утра и не являлся. Бѣдный директоръ не зналъ, чему приписать, этотъ новый капризъ, какъ вдругъ является самъ великій артистъ, пьяный до такой степени, что едва держится на ногахъ и не можетъ выговорить ни слова. Директоръ велѣлъ уложить его спать, а самъ вышелъ на сцену и сказалъ публикѣ:

— Джентльмены! г. Кинъ поѣхалъ сегодня утромъ навѣстить одного своего больного друга, живущаго въ десяти миляхъ отъ Лондона, и когда возвращался въ Лондонъ, чтобъ играть *Отелло*, стадо гусей...

— Не утокъ ли? закричалъ кто-то въ партерѣ.

— Увѣряю честью, что это были гуси, отвѣчалъ директоръ, положи руку на сердце. Гуси испугали лошадей, которыя понесли карету, разбились ея, и г. Кинъ вывихнулъ себѣ руку.

Артистъ былъ такъ любимъ, что при этомъ извѣстіи раздался крикъ горести, и всѣ говорили:

— Кинъ раненъ! Не убить ли онъ? Отъ насъ скрываютъ его положеніе, поскорѣ узнайте, гдѣ Кинъ, лучше ли ему?

Кинъ въ это время спалъ мертвымъ сномъ въ своей уборной.

На другой день объяснили ему, что онъ долженъ играть роль раненаго, и онъ вышелъ на сцену съ подвязанною рукою. Вся зала затряслась отъ грома рукоплесканій, и Кинъ, пользуясь припадкомъ чув-

ствительности публики, вздумалъ сыграть роль *Гамлета* и *Ромео*. Однако онъ въ нихъ не очень понравился. Говорили, что Гамлетъ не довольно задумчивъ, а Ромео не иѣженъ, а главное не такъ красивъ какъ этого требуетъ роль. За то страсть, ненависть, злобу, хитрость, отчаяніе, месть онъ изображалъ такъ поразительно, что производилъ страшное дѣйствіе, особенно на женщинъ.

За то Кинъ составилъ новую школу актеровъ. Многіе вздумали идти по его слѣдамъ, и пренебрегая всѣми правилами искусства, вкуса и традицій начали кричать дикимъ голосомъ, махать руками и бѣсноваться на сценѣ, но возбуждали только хохоть, а не ужасъ. Только драматическій инстинктъ и геніальность Кина могли искупить его превеличенную игру, страсть къ крайностямъ, быстрымъ переходамъ и вообще къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Это было причиною упадка драматическаго искусства и драматической литературы, потому что авторы начали тоже создавать героевъ странныхъ, невѣроятныхъ, съ конвульсивными характерами, ужасными положеніями. Прекрасное, доброе, правильное исчезло со сцены. Но уродливость не можетъ долго нравиться. Поэзія уступила мѣсто машинисту, и вотъ отчего англійскій театръ похожъ теперь на волшебный фонарь.

Кинъ достигъ апогея славы и богатства. Онъ получалъ по сту пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за вечеръ, и могъ бы составить себѣ состояніе, но бросалъ деньги на разорительныя прихоти, дѣлалъ долги, строилъ дома для своихъ лошадей, катался въ позолоченной яхтѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ занимались имъ, считалъ себя великимъ, историческимъ человекомъ, и говорилъ:

— Только три имени сохраняются въ потомствѣ: имя Бонапарте, Байрона—и Кина.

Покуда только друзья Кина знали о его разгульной жизни, публика не переставала ему аплодировать; когда же имя его попало въ скандальный процессъ, надѣлавшій много шуму, то безнравственность его до того раздражила толпу, что его ошкарки на сценѣ, не хотѣли слушать и заставили выѣхать изъ Лондона.

Когда средства его истощились, онъ отправился опять въ провинцію.

Въ это время одинъ директоръ парижскаго театра вздумалъ заставить англичанъ играть Шекспира для парижской публики. Французы видѣли Кембля въ роли Отелло, миссъ Смитсонъ Офеліей, миссъ Фотъ Джульетой. Потомъ пріѣхалъ въ Парижъ Мекреди и наконецъ Кинъ.

Кинъ не былъ уже гѣмъ великимъ артистомъ, потрясающимъ своею игрою Дрюриленъ или Геймаркетъ. Можетъ быть, безпорядочная жизнь имѣла вредное вліяніе на его талантъ, или иностранная публика охолодила его, только Кинъ болѣе удивилъ парижанъ, тогда какъ Мекреди своею простою, патетическою игрою понравился гораздо болѣе.

Изъ Парижа Кинъ отправился въ Америку, но и тамъ не имѣлъ значительнаго успѣха. Тогда онъ вздумалъ бросить театръ и сдѣлаться историческимъ лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое-то дикое племя выбрало его своимъ начальникомъ, и онъ уже мечталъ играть роль Наполеона въ Америкѣ, какъ вдругъ письмо изъ Лондона заставило его

опять промѣнять жезлъ повелителя дикарей на тупой мечъ трагика. Ему предлагали мѣсто Дрюриленскаго директора и огромное жалованье. Это была, разумѣется, только шутка, чтобъ привлечь Кина въ Лондонъ, потому что непостоянная публика не хотѣла опять ни на кого смотрѣть и просила своего любимца Кина.

Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, и вмѣсто управленія театромъ, согласился получать по 150 фунтовъ стерлинговъ за представленіе. Толпа встрѣтила его съ шумными изъявленіями радости и нашла, что талантъ его все также великъ.

Жизнь Кина опять могла быть счастливою и завидною, еслибъ онъ былъ разсудительнѣе и не такъ самолюбивъ, еслибъ согласился, что самъ онъ, Кинъ, только оригинальный трагикъ. Прежняя жизнь съ оргіями, долгами, золотыми яхтами, глупыми прихотями возобновилась; но теперь не только покровители, даже друзья удалились отъ него, потому что онъ находилъ средство оскорблять всѣхъ жестоко.

Природа щедро надѣлила этого человѣка. Онъ родился трагикомъ, имѣлъ рѣдкія способности, умъ, ловкость, оригинальность, любезность и пріятность, когда хотѣлъ, и всѣ эти качества употреблялъ только на то, чтобъ сдѣлать зло себѣ и другимъ.

Писатель Гратанъ познакомился съ нимъ въ провинціи, остался единственнымъ его другомъ и утѣшителемъ, но и съ нимъ Кинъ сыгралъ тоже неблагородную шутку. Гратанъ написалъ трагедію Бенъ-Надиръ, которая въ чтеніи очень понравилась, и была принята дирекціею. Кинъ самъ взялся сыграть главную роль въ пьесѣ своего друга, и принялся учить ее. Только онъ не являлся ни на одну репетицію, говоря что хочетъ удивить публику и актеровъ, и чтобъ все приготовили безъ него, потому что онъ отвѣчаетъ за себя и за огромный успѣхъ. Съ Киномъ нельзя было спорить, и потому остальные артисты приготовились, спектакль назначенъ, и Кина спросили готовъ ли онъ и можетъ ли играть безъ репетицій?

— Я знаю давно мою роль, которая превосходна, но сказалъ уже, что не буду репетовать и не измѣню моему слову. Завтра я буду играть Бенъ-Надира.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ вышелъ на сцену, подошелъ къ суфлеру и остановился, дожидаясь, чтобъ тотъ подсказалъ ему первый стихъ, потомъ второй, потомъ третій. Кинъ не зналъ ни слова своей роли. Принуждены были опустить завѣсу.

Что было причиною такого страннаго поступка? Злая шутка противъ друга, который рисковалъ потерять литературную репутацію; мщеніе надъ публикой за прежнія ея обиды, или припадокъ болѣзни? Непозвѣстно, только съ этихъ поръ онъ уже не смѣлъ показываться на Лондонской сценѣ. Когда же нужда заставляла его выдти на сцену, или онъ чувствовалъ драматическое расположеніе, то давалъ представленія въ провинціальныхъ городахъ, и былъ всегда увѣренъ, что его имя произведетъ большой эффектъ. Большую же часть времени онъ проводилъ въ тавернахъ,

Но и тутъ душа артиста иногда старалась выдти изъ своего уни-

женія и выкупить его новыми созданіями. Онъ зналъ, что ужасъ производить сильное дѣйствіе на публику, и теперь хотѣлъ испытать другую струну—сожалѣніе. Онъ собрался играть *Эдипа* и *Короля Лира*—и начал обдумывать эти роли.

Однажды, когда онъ сидѣлъ въ углу таверны въ Блэквилѣ и мечталъ, что играетъ Эдипа, къ нему подошла сгорбленная страшная старуха, въ которой онъ узналъ цыганку, назвавшую его Макбетомъ. Но старуха не узнала Кина, или не хотѣла его узнать и сказала протививая руку:

— Хотите, я вамъ погадаю, мой грустный джентльменъ: старая цыганка скажетъ, что будетъ съ вами завтра, черезъ мѣсяць, черезъ годъ, только дайте посмотрѣть на вашу ручку.

И старуха хотѣла схватить костлявыми пальцами маленькую, нѣжную руку артиста, но тотъ отдернулъ ее и сказалъ печально:

— Макбетъ знаетъ свою будущность.

И брося нищей монету, онъ пошелъ въ Лондонъ.

Ужасное расслабленіе, боль во всемъ тѣлѣ заставили его страдать такъ трагически, что онъ едва могъ переносить мученія, слѣдствіе беспорядочной жизни. Наконецъ онъ умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1833 года, въ страшныхъ страданіяхъ и прежде времени, потому что не умѣлъ жить.

«Кинъ скорѣе метеоръ, чѣмъ звѣзда, говоритъ одинъ изъ его почитателей; онъ принесъ драматическому искусству больше вреда, чѣмъ пользы.—Стоитъ только отнять главный его порокъ, самолюбіе, и Кинъ былъ бы добрымъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ, любезнымъ, приятнымъ человекомъ, рѣдкимъ артистомъ и великимъ трагикомъ, равняющимся почти съ Гаррикомъ.»

(Le Voleur.)

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Новыя золотыя россыпи на мысѣ Доброй Надежды. Въ газетахъ и частныхъ письмахъ изъ Капштата сообщаютъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ открыты значительныя золотыя россыпи въ окружностяхъ Аливалля, Смитфильда и Бюргердорпа, въ восточной части Капской колоніи, между Грагамсъ-Тоуномъ и Граафъ-Рейнетомъ, по берегу рѣкъ Каледона, Вааля и Мон-Дорпа; найденныя самородки заключены были въ кварцъ, и вѣсъ ихъ былъ отъ 24 до 54 гранъ. (Archiv für Kunst.)

Измѣненіе въ Гутта-перчи. Замѣчено, что гутта-перча, которая первоначально бываетъ темнаго цвѣта, получаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мѣстами синеватый цвѣтъ. Свѣтло-темная гутта-перча не такъ скоро подвергается этому измѣненію. Кажется, что теплота тоже усиливаетъ и ускоряетъ его.

Неизмѣняющаяся гутта-перча принимаетъ отрицательное электричество при треніи. Г. Расъ замѣтилъ любопытное явленіе, что по измѣненіи своемъ гутта-перча принимаетъ, при треніи, положительное электричество, и что только слюда, брильянтъ и мѣхъ могутъ ей еще дать тогда отрицательное.

(Idem.)

Температура внутренности земли. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вырытъ былъ артезианскій колодець въ Неаполѣ, во дворцѣ Короля. Наружное возвышеніе устроено было въ 80 палмъ надъ уровнемъ моря. Когда при сверленіи колодца достигли глубины 58 палмъ сквозь намывной пластъ, то достигли до слоя желтаго волканическаго туфа въ 20 палмъ. Далѣе прорыли еще 238 палмъ разныхъ смѣшанныхъ пластовъ, большею частію волканическихъ, подъ которыми инженеръ Каньонъ надѣялся встрѣтить меловой юрассической слой, который отъ Гаэтскаго мыса простирается до Кастельямаре и Ночеры.

По тщательнымъ термометрическимъ наблюденіямъ, Меллоні нашель, что температура на глубинѣ 30 метровъ отъ поверхности земли измѣняется отъ 14 до 15° стоградуснаго термометра. Въ 190 метрахъ она возвышается до 18 градусовъ, это даетъ среднимъ числомъ на каждые 50 метровъ по 1°. Это увеличеніе теплоты слабѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ и происходитъ оттого, что волканическій туфъ хорошій проводникъ тепла. Въ колодцѣ, вырытомъ въ Тосканѣ, температура увеличилась втрое потому, что слои были песчаные. (Idem.)

Исслѣдованія воздушнаго электричества. До сихъ поръ употребляли двѣ методы для наблюденій надъ атмосферическимъ электричествомъ. Старинная состоитъ въ *неподвижномъ проводникѣ*, поднятомъ на нѣкоторую высоту и находящемся въ сообщеніи съ какимъ нибудь электричествомъ.

Вторая метода г. Пельтье, принятая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, состоитъ въ томъ, что наблюдатель становится на высоту (на холмъ, на крышу) и приподнимаетъ къ верху электроскопъ, который и обнаруживаетъ признаки электричества.

Г. Пальмери нашель, что обѣ эти методы имѣютъ свои неудобства. Употребляя неподвижный проводникъ, часто не обнаруживается никакого электричества, тогда какъ подвижной электроскопъ оказываетъ слишкомъ сильныя признаки воздушнаго электричества. Слѣдственно, неподвижный проводникъ или слабо указываетъ, или неспособенъ иногда открывать воздушное электричество. Что же касается до подвижнаго электроскопа Пельтье, то наблюденіе съ нимъ требуетъ слишкомъ много времени, и употребленіе его въ дождливую погоду очень неудобно. Притомъ же движеніе, сообщаемое электрометру, можетъ произвести въ стрѣлкѣ или листовомъ золотѣ уклоненія, независящія отъ электричества. Наконецъ, самый наблюдатель, держа инструментъ въ рукѣ, можетъ имѣть на него гальваническое вліяніе.

Для избѣжанія всѣхъ этихъ неудобствъ, г. Пальмери построилъ въ метеорологической обсерваторіи на горѣ Везувія въ 590 метрахъ высоты новый аппаратъ, который прозвалъ *подвижной проводникъ*, и который соединяетъ всѣ выгоды методы Пельтье, неимѣя неудобствъ ея, и исполняетъ тоже всѣ условія неподвижнаго проводника. Всѣ наблюденія производятся удобно, быстро и вѣрно.

Этотъ новый аппаратъ далъ уже изобрѣтателю нѣсколько любопытныхъ результатовъ электрической метеорологіи.

Во-первыхъ, онъ подтвердилъ, что въ ясную погоду существуютъ дневные періоды воздушнаго электричества, соответствующіе наблюденіямъ Шублера и другихъ. Только въ Неаполѣ не такъ часто это случается.

Потомъ онъ съ ясностью обозначилъ случаи, когда электричество бываетъ въ воздухѣ положительное, и когда отрицательное при ясномъ ли, или облачномъ небѣ, даже посреди тумановъ. Атмосферическое электричество всегда бываетъ положительное, кромѣ грозы, дождя, града и снѣга.

Когда блистаетъ молнія, хотя бы въ большомъ отдаленіи, аппаратъ обнаруживаетъ тотчасъ же электрическія явленія то положительныя, то отрицательныя, и послѣднія весьма непродолжительны.

Продолжительное отрицательное электричество обнаруживается при дождѣ, градѣ, снѣгѣ слѣдующимъ образомъ.

Когда дождь еще далеко, то аппараты оказываютъ обыкновенное положительное электричество, но нѣсколько усиленное.

Когда дождь уже близокъ, то оказывается сильное отрицательное электричество, производящее часто большія искры въ проводникѣ.

Когда дождь надъ самимъ наблюдателемъ, то аппаратъ опять обнаруживаетъ самое положительное электричество.

Когда дождь началъ удаляться, является снова сильное отрицательное электричество.

Дальнѣйшее удаленіе возвращаетъ атмосферическое электричество къ обыкновенному положительному состоянію.

Между каждымъ періодомъ есть кратковременный нейтральный періодъ. (Institut.)

Аппаратъ для искусственнаго дыханія, доктора Марсе. Много средствъ употреблялось для возстановленія дѣйствія легкихъ въ случаѣ удушенія или отравленія. Употребительнѣйшій до сихъ поръ способъ состоитъ въ аппаратѣ, посредствомъ котораго доставляется воздухъ въ легкія, предоставляя дѣйствовать сжимательной силѣ брюшной полости, съ помощію искусственнаго давленія груди для произведенія процесса выдыханія. Этотъ способъ выдыханія, конечно, не достаточенъ, особенно если нужно продолжить искусственное дыханіе на нѣкоторое время.

Для отвращенія этого неудобства, докторъ Марсе придумалъ аппаратъ, могущій безъ помощи внѣшняго давленія произвести нѣсколько выдыханій и выдыханій сразу, возстановя чрезъ то естественное дѣйствіе легкихъ, если жизнь не совершенно погасла.

Аппаратъ этотъ состоитъ изъ двухъ цилиндровъ или насосовъ въ 32 кубическіе дюйма, снабженный каждый поршнемъ, которые двигаются въ противную сторону посредствомъ ручки, какъ въ пневматической машинѣ. Два отверстія въ нижней части каждого цилиндра снабжены клапанами, открывающимися и закрывающимися дѣйствіемъ машинъ и назначенными къ произведенію или прекращенію сообщенія между этими цилиндрами и внѣшнимъ воздухомъ.

Чтобъ привести аппаратъ въ движеніе, нажимаютъ на ручку, какъ въ пневматической машинѣ. Тотчасъ же поршень одного изъ цилиндровъ спускается и вытѣсняетъ воздухъ, который, не находя другаго выхода, принужденъ проходить сквозь особенный проводникъ, сообщающійся съ легкими. Этотъ органъ, принимая такимъ образомъ весь воздухъ, вытѣсненный поршнемъ, раздувается и грудь приподнимается, какъ въ обыкновенномъ дыханіи. Въ то время, какъ поршень *перваго* цилиндра спустился, поршень *втораго* поднялся, производя чрезъ то пустоту внутри цилиндра. Вдыханіе кончено, когда каждый изъ поршней дошелъ почти до своего предѣла, и достаточно легкаго нажатія на ручку, чтобъ приподнять клапанъ и привести въ сообщеніе второй цилиндръ съ трубкою, ведущею къ легкимъ. Вдохнутый ими воздухъ тотчасъ же, натурально, устремляется въ оставленную пустоту, и грудь опускается, производя процессъ выдыханія безъ помощи всякаго внутренняго движенія.

Продолжая дѣйствовать ручкою, поршень втораго цилиндра спускается, вытѣсняя выдохнутый воздухъ, переходящій въ колоколь, гдѣ его потомъ можно подвергнуть химическому анализу, тогда какъ поршень перваго цилиндра поднимается, производя въ свою очередь пустоту, которая тотчасъ же втягиваетъ въ цилиндръ наружный воздухъ, долженствующій служить къ слѣдующему вдыханію. Такимъ образомъ производится сряду нѣсколько вдыханій и выдыханій, весьма близко подражающихъ процессу натуры.

Операторъ, опредѣливъ количество воздуха, которое должно служить для всякаго вдыханія, дѣйствуетъ ручкою своего аппарата, какъ въ пневматической машинѣ, дѣлая однако же короткій интервалъ между каждымъ вдыханіемъ и выдыханіемъ. Послѣ каждаго выдыханія, этотъ интервалъ долженъ быть немного длиннѣе, потому что не только надобно выпустить испорченный воздухъ, только что выдохнутый, но и запастись струею воздуха для слѣдующаго вдыханія. Впрочемъ, эта остановка не имѣетъ никакого неудобства, она, напротивъ того, сообразна съ процессомъ природы, гдѣ за всякимъ выдыханіемъ слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительный интервалъ.

Для произведенія дыханія посредствомъ этого аппарата, изобрѣтатель вставляетъ обыкновенно въ дыхательное горло задохнувагося животнаго трубочку, сообщающуюся съ однимъ изъ цилиндровъ посредствомъ каучуковой трубки. Если «rigor mortis» еще не наступилъ, или уже прошелъ, то стоить привести аппаратъ въ движеніе, чтобъ тотчасъ же видѣть вздымающуюся и опускающуюся грудь, какъ въ естественномъ процессѣ дыханія. Тотъ же результатъ былъ полученъ съ трупомъ челоѣка, вставляя трубочку въ одну изъ ноздрей, и закрывши другую ноздрю и ротъ. Такимъ образомъ изобрѣтатель наполнял легкія 20—26-ю кубическими дюймами воздуха, а въ случаѣ нужды и кислорода *восемнадцать* разъ въ одну минуту. Однако же, чтобъ опытъ удался надъ челоѣческимъ тѣломъ, надобно, чтобъ легкія были въ здоровомъ состояніи, и чтобъ «rigor mortis» не наступилъ еще.

Изобрѣтатель исчисляетъ опыты, произведенные имъ надъ задохнув-

шимися животными, какъ отъ продолжительнаго пребыванія подъ водою, такъ и отъ вдыханія хлороформа. Во многихъ случаяхъ успѣвалъ онъ, посредствомъ своего аппарата возстановлять естественное дыханіе и жизненный процессъ.

Онъ не имѣлъ еще случая сдѣлать опыта надъ задохнувшимся человекомъ, но все заставляетъ надѣяться, что и тогда аппаратъ будетъ полезенъ, вставляя его въ одну изъ ноздрей, или произведя отверстіе въ дыхательномъ горлѣ, еслибъ въ случаѣ судорожнаго состоянія горла воздухъ съ трудомъ проходилъ въ легкія. (Bibliothèque de Genève).

Новыя Римскія древности. Исслѣдованія въ катакомбахъ и развалинахъ скалъ Рима прилежно продолжаются. Де Верже обращаетъ въ Athenaeum Français особенное вниманія археологовъ на отысканіе развалинъ храма Діаны Nemogensis. Въ комментаріяхъ Энеиды, Орестъ и Пифегія принесли въ Арисію статую Таврической Діаны, скрытую въ связкѣ винограда. Павзаній же напротивъ того заставляетъ Ипполита, воззваннаго къ жизни Эскулапомъ и спасшагося бѣгствомъ въ Арисію, въ Италію, гдѣ онъ признанъ былъ королемъ этой области, построить въ глубинѣ лѣсовъ храмъ богу охоты. Страбонъ еще яснѣе обозначаетъ мѣстоположеніе этого зданія.

«Храмъ Діаны Nemogensis, говоритъ онъ, лежитъ въ лѣво отъ дороги, ведущей изъ Арисіи въ Ланувіумъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Таврической Діанѣ, и дѣйствительно, въ немъ существуетъ варварскій обычай, напоминающій Скиѣскіе нравы. Чтобы быть жрецомъ въ этомъ храмѣ, кандидатъ Одуанъ собственноручно умертвилъ своего предмѣстника. А потому жрецы ходятъ всегда вооруженные, чтобы избѣжать злодѣйскаго наваденія.

«Храмъ стоитъ въ лѣсу. Передъ храмомъ большое озеро. Около него цѣпь высокихъ горъ образуетъ валъ, окружающій храмъ и озеро.

Не смотря на точность этого указанія, согласующагося съ озеромъ *Неми*, въ папскихъ владѣніяхъ, около нынѣшней *Арчиніа*, не могли до сихъ поръ найти ни малѣйшаго слѣда храма Діаны. Нибби въ своей книгѣ: *Analisi della carta dei contorni di Roma* думаетъ, что деревня *Неми* построена на мѣстѣ этого храма, который такимъ образомъ совершенно исчезъ.

По указаніямъ Піетра Роза (искусный архитекторъ, нѣсколько лѣтъ уже трудящійся надъ составленіемъ топографической карты римскихъ окрестностей), де Верже, осмотрѣвъ густые лѣса, скрывающіе уже нѣсколько столѣтій воспоминаніе о Скиѣской Діанѣ. Достигнувъ до окраины озера *Неми*, гдѣ въ развалинахъ огромнаго зданія Роза воображалъ видѣть остатки храма Діаны *Nemorensis*, спустился онъ на старую, хорошо сохранившуюся дорогу, составляющую вѣтвь *Аппіевой* дороги, у *Капуцинскаго* монастыря, близъ парка виллы *Чезарини* видны какія-то развалины, которыя однако же видимо принадлежатъ виллѣ императорскихъ временъ, что доказываютъ сѣткообразныя построенія со вставленными кирпичами.

Въ пяти стахъ шагахъ отъ крутой скалы, на которой стоитъ самый

замокъ Неми, нашелъ онъ наконецъ въ густомъ лѣску фундаментъ предполагаемаго храма, поросшій плющемъ, устроеннаго въ видѣ четырехъ искусственныхъ терассъ, которыхъ устои образовали существующія еще арки. Длина нижней терассы составляетъ до двухъ сотъ метровъ. Лучше всѣхъ сохранилась вторая терасса съ тринадцатью арками на каждой сторонѣ; но въ остающемся свободномъ пространствѣ нѣтъ и слѣда сводовъ. Деревья, кусты, мохъ и плющъ покрываютъ не только всѣ остатки зданія, но и обломки капителей, фризы и колонны изъ сѣраго туфа.

Историкъ междоусобныхъ войнъ Аппіанъ говоритъ:

«Ювийъ цесарь (Октавій) занялъ (съ обѣщаніемъ возратить съ процентами) сокровища храмовъ въ Антіумѣ, Ланувіумѣ, Неми и Тиволи, которые извѣстны своими богатствами.»

Такимъ образомъ открытіемъ г. Роза археологія обогатилась весьма важнымъ памятникомъ.

Вездѣ за тѣмъ де Верже объявляетъ еще о важномъ открытіи въ катакомбахъ. Изысканія, по повелѣнію папы, имѣли уже результатомъ открытіе гробницы Папы Корнелія. Въ нынѣшнемъ маѣ нашли еще новую вѣтвь катакомбъ къ Юго-Западу подъ двумя древними базиликами, устроенную въ видѣ обширной и высокой галереи, съ лѣстницами и сводами.

Между множествомъ капеллъ, выходящихъ въ эту галерею, весьма замѣчательны нѣкоторыя по своей живописи, размѣрамъ, обломкамъ мрамора и порфира съ надписями *дамасійскими* буквами. Г. Росси весьма искусно возобновилъ эти буквы, и оказывается, что эти катакомбы принадлежатъ христіанству III вѣка. Главная гробница принадлежитъ папѣ Сиксту II и другимъ папамъ, занимавшимъ Римское епископство съ 235 по 275 годъ. Надгробныя надписи просты: ΔΕΘΙΡΟΣ ΕΠΙΣΚΟΠΟΣ. — ΦΑΒΙΑΝΟΣ ΕΠΙΣΚΟΠΟΣ.

Это вліяніе Греціи на Римъ въ III вѣкѣ заслуживаетъ особенное вниманіе. (Magaz. für die Litt).

IV. АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Замѣчательныя свойства собаки. Нѣтъ звѣря, который бы до такой степени составлялъ принадлежность человѣка, какъ собака. Только одна она можетъ доведена быть до такой степени дрессированія, что основается совершенно съ волею и потребностями человѣка и имѣть полное сознаніе своихъ отношеній къ человѣку.

Почти всѣ звѣри имѣютъ свои опредѣленные климаты для жительства. Только собака вмѣстѣ съ человѣкомъ можетъ существовать какъ въ холодныхъ, такъ и жаркихъ поясахъ земли. Во всякомъ домашнемъ звѣрѣ есть особенныя способности, для которыхъ онъ воспитывается и за которыя не переходитъ, но собаку можно приучить къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ. Понятливость ея такова тогда, что она, находясь даже въ небываломъ до того времени положеніи, придумаетъ средство какъ извернуться

Будучи однажды обучена, она уже повинуется слову, взгляду безъ всякаго понужденія или побоевъ. Понимая приказаніе, она его выполняетъ охотно, радостно, и ежели за это награждаютъ ее ласкою, то обнаруживаетъ полное удовольствіе.

Мы не будемъ говорить о слишкомъ извѣстныхъ каждому способностяхъ собаки для охоты, для охраненія дома, стада, для ѣзды и ношенія тяжестей. Во Франціи она служитъ на кухнѣ для поворачиванія вертѣла; въ Сибири употребляютъ ее для ѣзды. Въ минуту опасности она усердно защищаетъ своего господина, и часто спасаетъ утпающихъ.

Инстинктъ собаки самый тонкій и понятливый; она хорошо знаетъ по фیزیономіи людей, которые ласковы къ ней и которые умышляютъ зло противъ нее. Даже она сама понимаетъ, что сдѣлала хорошо и что дурно. При хорошемъ проступкѣ прыгаетъ она радостно на хозяина, и если тотъ не понимаетъ въ чемъ дѣло, она продолжаетъ, старается вразумить его, и тащитъ туда, гдѣ онъ можетъ видѣть то, что ей нужно. По исполненіи этого, собака успокаивается.

Но если собака дурно сдѣлала, она прячется отъ господина, смотритъ на него украдкою и ждетъ, чтобъ ее позвали, и тогда подползаетъ къ нему въ самомъ униженномъ положеніи, ложится на спину, смотритъ на него, и если тотъ ласково встрѣтитъ ее, она ложится у ногъ его и лижетъ руки, потомъ прыгаетъ отъ радости.

Собака не только совершенно предана своему хозяину, но очень хорошо знаетъ всѣхъ его друзей, отличая ближайшихъ отъ обыкновенныхъ знакомыхъ.

Собака очень хорошо знаетъ всѣ вещи, принадлежащія хозяину и защищаетъ ихъ съ упорствомъ.

Собака привыкаетъ узнавать часы дня. Если, напримѣръ, хозяинъ уходить по утрамъ со двора и никогда не беретъ ее съ собою гулять, а въ другое время позволяетъ ей ходить съ собою, то она никогда не будетъ обнаруживать никакого нетерпѣнія по утрамъ; но если въ часъ гулянья хозяинъ начнетъ одѣваться, то и она забѣгаетъ, засуетится, залаетъ, и ждетъ позволенія отправиться съ нимъ.

На гуляньи собака знаетъ, куда обыкновенно ходитъ хозяинъ, и бѣжитъ впереди его. Если же онъ пойдетъ не по той дорогѣ, она останавливается на перекресткѣ и смотритъ на хозяина, которому довольно одного движенія руки, чтобъ указать ей куда идти.

Весьма замѣчательно, когда собака потеряетъ своего хозяина и начнетъ искать его; еще любопытнѣе факты, когда съ хозяиномъ случилось несчастіе, и собака пришла требовать помощи или мщенія.

Замѣчательно, что собака никогда не ищетъ хозяина, если онъ въ отъѣздѣ, или умеръ; но если она его нѣсколько лѣтъ не видала, то съ перваго взгляда узнаетъ.

Исторія Обріевой собаки слишкомъ хорошо извѣстна. Въ Германіи и Англій были также два примѣра, что тайно совершенное убійство было только открыто чрезвычайнымъ озлобленіемъ собаки убитаго противъ убійцы.

Мильнъ-Эдвардсъ разсказываетъ примѣръ необычайной хитрости собаки. Одна цѣпная собака повадилась душить овецъ, оставляемыхъ на ночь на пастбищѣ, и дѣлала это ночью, когда была на цѣпи и на отдѣльномъ дворѣ. Стали караулить ее. Она тиховько и съ трудомъ скидывала съ головы своей цѣпь и влѣзала въ подвалъ, изъ котораго выходило окно въ поле. Изъ этого-то окна вылѣзала она, терзала овцу, потомъ бѣжала къ пруду, обмывала свое рыло, замаранное кровью, и тою же дорогою возвращалась назадъ, гдѣ еще съ большимъ трудомъ надѣвала на себя опять цѣпь.

Сколько удивительныхъ анекдотовъ извѣстно о собакахъ въ монастырѣ на Сенъ-Бернардской горѣ, гдѣ онѣ спасали замерзшихъ и засыпавшихъ снѣгомъ путешественниковъ. По спискамъ послѣднихъ лѣтъ спасли онѣ болѣе сорока человекъ. (Erheiterungen).

Труды финскаго литературнаго общества. Финское литературное общество ознаменовало двадцать третій годъ своего существованія окончаніемъ великаго предпріятія, а именно: составленіемъ ручнаго шведско-финскаго словаря. Онъ отпечатанъ въ числѣ 2000 экземпляровъ и содержитъ 727 стр. въ два столбца. Цѣна экземпляру 2 руб. сер. Студентъ Европеусъ, занимавшійся окончательною редакціею этой книги, получилъ награжденіе отъ общества.

Другой трудъ, исполненный этимъ обществомъ, состоялъ въ изданіи: Suomen-maan Korokartta (Карта высотъ Финляндіи). Это точное измѣреніе высотъ горъ и глубины водъ между Гохландомъ и Торнео, произведенное оберъ-директоромъ Класомъ въ 1850 году, еще въ первый разъ исполненное въ Финляндіи. Высоты надъ уровнемъ моря обозначены девятью разными красками, выражающими каждая сто футовъ высоты. Все изданіе состоитъ изъ шести картъ, и отпечатано въ четырехъ стахъ экземплярахъ. Цѣна тоже 2 рубля.

Студентъ Рулбекъ окончилъ въ нынѣшнемъ году, по порученію общества, Собраніе Финскихъ сагъ, и оно уже поступило въ печать.

Магистръ Эклѣфъ издалъ учебникъ Сферической тригонометріи (Pallo-kolmiomitantto) въ 500 экземплярахъ.

Въ теченіе года общество увеличилось одиннадцатью ординарными членами. (Magazin fur die Litter).

Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. Таблицы Лондонскаго общества составлены съ 1840 по 1851 годъ. Въ эти двѣнадцать лѣтъ число пассажировъ по всѣмъ европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ простиралось до 478,488,606 человекъ. Изъ нихъ убито 237, ранено 1416, слѣдственно *одинъ* изъ 2,018,939, а раненъ одинъ изъ 337,916. Инженеровъ, кочегаровъ и сторожей было на службѣ 40,486 человекъ. Изъ нихъ убито 275, слѣдственно въ двѣнадцать лѣтъ *одинъ* изъ 147, а ранено 274, т. е. одинъ изъ 147. Носильщиками, служителями и проч. были при дорогахъ 359,683 человекъ. Изъ нихъ убито 683, слѣдственно *одинъ* изъ 527; ранено 343, то есть одинъ изъ 1038.

Эти цифры заключаютъ въ себѣ несчастные случаи *всѣхъ* родовъ,

то есть какъ тѣ, за которые отвѣчаютъ администраціи желѣзныхъ дорогъ, такъ и происшедшіе по собственной винѣ. Изъ числа послѣднихъ было 103 пассажира убито (изъ числа 237) и 183 ранено (изъ числа 1416).

Такимъ образомъ надобно ѣздить 228 лѣтъ, чтобъ подвергнуться всякаго рода смертному случаю и 490 лѣтъ, чтобъ только произошелъ случай, за который отвѣчаетъ администрація. Если же путешественникъ будетъ проѣзжать въ сутки только двѣнадцать часовъ, то онъ въ первомъ случаѣ долженъ проѣхать 456 лѣтъ, а во-второмъ 980.

Въ Германіи сдѣланы отдѣльныя таблицы на 1848, 1849 и 1850 годы. Протяженіе дорогъ простиралось на 8180 миль (1843 нѣмецкихъ); пассажировъ было 51,713,297; они проѣхали 1,115,436,890 миль (251,181,932 нѣмецкихъ). Въ это время убитъ 1 пассажиръ и 14 ранено. Изъ должностныхъ же лицъ при дорогахъ 53 человѣка убиты и 88 ранены.

Изъ сравненія таблицъ 1840 и 1851 годовъ оказывается, что число несчастій годъ отъ году уменьшается. (Illustration).

— **Объявленіе о женихѣ.** Въ парижской газетѣ Press было недавно напечатано слѣдующее объявленіе:

«Мужчина въ тридцать лѣтъ, имѣющій вѣрную надежду приобрѣсть черезъ восемь лѣтъ отъ 15 до 20 милліоновъ, желаетъ вступить въ бракъ съ дѣвицею или вдовою. Для ближайшаго знакомства съ его характеромъ, готовъ онъ на двухъ-лѣтнее испытаніе. Однако же эта невеста должна имѣть 30,000 фр. имущества. (La Presse).

— **Англійскій Фаустъ.** Въ Лондонѣ почти ежедневно теперь даютъ пьесу *Фаустъ и Маргарита*, и всякій день театръ полонъ, потому что она принаровлена ко вкусу англійской публики. Въ самомъ дѣлѣ, это волшебный фарсъ, составленный съ совершенною безвкусицею. Вотъ, напримѣръ, прогулка въ саду при лунномъ свѣтѣ.

Вагнеръ (представляющій роль шута, clown) влюбленъ въ Маргариту до безумія. Онъ мѣшаетъ Мефистофелю, и тотъ посылаетъ слѣпня преслѣдовать его повсюду, и бѣднякъ вскорѣ же является съ раздувшимся краснымъ носомъ. Но какъ онъ и въ этомъ видѣ прячется за дерево, чтобъ послушать разговоръ, то Мефистофель заключаетъ его въ самое это дерево, такъ что у него только свободны ноги.

Приходитъ Фаустъ съ Маргаритою и садится подъ это дерево; но какъ скоро онъ начинаетъ говорить ей нѣжности, Вагнеръ мычитъ и брыкается. Это до чрезвычайности забавляетъ публику. (Illust. News).

— **Странное ремесло.** Недавно въ исправительный судъ парижской полиціи приведена была дѣвушка, на которую всѣ сосѣди жаловались, что она разводитъ муравьевъ, истребившихъ все въ сосѣднихъ домахъ.

— Какъ можно жаловаться на этихъ милыхъ насѣкомыхъ, отвѣчала она. Посмотрите, я живу посреди милліоновъ муравьевъ, и всегда весела и здорова. Кто мѣшаетъ сосѣдямъ дѣлать тоже?

Увы! Судь рѣшили однако, чтобъ она съ своею промышленностью переѣхала за городъ и жила отдаленно отъ всѣхъ.

Дѣвицѣ Розѣ 32 года; она гордится своимъ ремесломъ.

— Я одна, говоритъ она судьямъ, занимаюсь во Франціи этою вѣтвю промышленности. Я одна изучала нравы и обычаи муравьевъ. Они кладутъ мнѣ яицъ сколько я хочу и вдесятеро болѣе, нежели въ натуральномъ и дикомъ своемъ состояніи. Для этого приношу я ихъ въ свою комнату, гдѣ у меня безпрестанно топится чугунная печь. Они любятъ тепло и разводятся удивительно быстро. Я ихъ ничѣмъ не беспокою, и они меня хорошо знаютъ. Чѣмъ больше я забочусь о нихъ, тѣмъ больше они мнѣ даютъ дохода.

— Да на чтожъ вамъ такое множество муравьиныхъ яицъ?

— Я продаю ихъ въ аптеки, въ ботаническій садъ, во всѣ фазанья заведенія около Парижа..

— Сколько же вы получаете этимъ ремесломъ?

— Теперь моя торговля упала, и я въ день получаю не больше 30 франковъ.

(Illustr.)

— **Ученые звѣри въ древности.** Изъ всѣхъ древнихъ народовъ, Римляне болѣе всѣхъ занимались обученіемъ звѣрей, но не тѣхъ, которыхъ размноженіе и усовершенствованіе полезно для земледѣлія или промышленности. Всѣ ихъ усилія при концѣ республики и во времена имперіи обращались только къ тѣмъ породамъ, которыя служили къ удовольствіямъ зрѣлищъ въ циркѣ, или къ роскоши.

Во всякомъ случаѣ успѣхи ихъ въ этомъ отношеніи приводятъ въ изумленіе. Консулы и Эдилы доставляли часто народу отвратительные спектакли, въ которыхъ сотни звѣрей были растерзаны одни другими. Маркъ Антоній былъ первый, который ѣздилъ по Риму въ колесницѣ, запряженной львами. Геліогабалъ сдѣлалъ тоже, когда представлялъ Цибелу, а когда ѣхалъ въ видѣ Бахуса, то колесница его запряжена была тиграми. Иногда онъ запрягалъ оленей, а иногда собакъ. Императоръ Фирмусъ ѣздилъ на большихъ страусахъ, такъ что колесница его казалась болѣе летѣвшею, нежели ѣхавшею.

Подобные опыты можно было видѣть и въ наши времена. Но теперь уже не повторять то, до чего достигали римляне, а именно: заставлять слоновъ плясать на канатѣ.

Германикъ показывалъ слоновъ, плясавшихъ на землѣ. Но Неронъ въ первый разъ на праздникѣ, данномъ въ честь Агрипины, заставилъ этихъ животныхъ плясать *на канатѣ*. Это событіе подтверждено Діономъ Кассіемъ, Плиніемъ, Светоніемъ и Маркомъ-Авреліемъ.

При Гальбѣ шелъ одинъ слонъ по канату съ сидящимъ на немъ римскимъ всадникомъ отъ земли до самой крыши театра. Кювье говоритъ, что выученные такимъ образомъ слоны родились въ неволѣ, заключая это изъ одного мѣста въ Эліанѣ.

Сверхъ того римляне весьма были искусны въ откармливаніи разныхъ животныхъ къ своему столу. Калумелла въ трактатѣ своемъ: *De re rustica* говоритъ: *clausiae pascuntur anates, quaeque dulax, boscides,*

phalerides similesque volucres, quae stagna et paludes rimantur (первыя три названія обозначаютъ разныя породы утокъ, а phaleris—водяная курица (лысуха). Откармливали зайцевъ, павлиновъ, кроликовъ, свиней, оленей, кабановъ, которыхъ приучали являться по звуку трубы. Откармливали даже гусеницъ.

Разведеніе рыбъ доведено было у римлянъ до высшей степени совершенства, до которой мы еще не достигли. Изъ греческихъ морей перевезли одну породу рыбъ въ Тосканское море, и развели ее тамъ. Устроены были пруды не только прѣсной, но и морской воды. Лукуллъ прорылъ для этого гору, за что и прозванъ былъ Херxes togatus.

Римлянамъ извѣстно было также искусственное оплодотвореніе рыбъ. Слѣдственно все, что мы знаемъ въ этомъ отношеніи, знали и римляне за двадцать вѣковъ. (Athenaeum.)

— **Возстановленіе печатной бумаги.** Нѣкто Арше нашелъ химическое средство, которымъ онъ печатанную бумагу превращаетъ опять въ бѣлую. Онъ уже взялъ привилегію на свое изобрѣтеніе и предлагаетъ свои услуги въ этомъ отношеніи. Сколько макулатуры сдѣлается опять годною бумагою! (Athenaeum.)

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Послѣднія книги «Современника». — Бѣдная дѣвушка и ея похождения. — Строгая критика и слабая героиня. — Система побѣговъ. — Страсть дѣйствовать. — «Отрочество» повѣсть Л. Н. Т. — «Фанфаронъ» г. Писемскаго. — Снобсы и хлыщи «Современника». — «Затмѣніе» г. Тургенева. — Повѣсть Такерея. — Стихотворенія г. Фета и Баратынскаго. — Серьезныя статьи. — Библиографія. — Разборъ «Правиль русской словесности.» — Смѣсь. — Замѣтки новаго поэта. — Кто былъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» г. Панаевъ или Новый поэтъ? — Литературный Ералашъ. — Отвѣтъ на письмо г. Лонгинова въ редакцію «Современника», по относящемуся къ редакціи «Пантеона». — Библіотека для Чтенія. — Современный разсказъ г-жи Лейлы. — Стихотворенія г. Никитина и Алферьева. — Статьи переводныя и ученныя. — Разборъ «Курса древодѣдства». — Критика и библиографія. — Литературная лѣтопись и каша. — «Замѣтки». — Два нововведенія. — Лексиконъ въ журналѣ. — Журналистика «Библиотеки для Чтенія», ея тонъ и приговоры. — Сентябрьская и октябрьская книги «Отечественныхъ Записокъ». — Воспоминанія стараго театра. — Ученныя статьи. — Бѣдность отдѣла словесности. — Ветеранъ и Новобранецъ г. Писемскаго. — «Леночка» г. Тулубьева. — Отвѣтъ рецензента Журналистики «Отечественныхъ Записокъ» на его выговоры «Пантеону». — Риторика и логика.

Мы запоздали цѣлый мѣсяцъ съ нашимъ отчетомъ о движеніи русской журналистики, а въ этотъ мѣсяцъ было въ ней много если не занимательныхъ, то по крайней мѣрѣ любопытныхъ явленій, начиная съ «Библиотеки для Чтенія», въ которой вдругъ неожиданно, сюрризомъ, тоже явилась «Журналистика», да еще какая!.. Но о «Библиотекѣ» послѣ. Начнемъ обычный разборъ нашъ съ «Современника».

Въ августовской книжкѣ не было продолженія «Бѣдной дѣвушки», романа господина Ипполита Панаева. Приведемъ мнѣніе объ ней, высказанное въ письмѣ нашего пріятели, *настоящаго* иногороднаго подписчика, котораго мы уже не разъ питировали въ прежнихъ нашихъ статьяхъ.

«Въ седьмой книгѣ «Современникъ» не советѣмъ ловко оправдывается отъ обвиненій въ шаткости своихъ литературныхъ сужденій и высказываетъ истину, состоящую въ томъ, что въ послѣднее время критика стала слишкомъ добра, уступчива (прибавлю отъ себя: она выражается иногда такъ, что ее не поймешь вовсе, или по крайней мѣрѣ не догадаться: хвалить она, или порицаетъ) и что критика должна быть рѣзка и даже зла, а главное: обязана именно нападать на лица, заслужившія уже имя въ литературѣ. Но въ той же книгѣ «Современника» помѣщена третья часть «Бѣдной дѣвушки», и любопытно узнать что бы сказалъ объ ней «Современникъ», еслибы она не была на страницахъ его журнала. Въ первой части романа еще есть нѣсколько важныхъ подробностей, хоть это все таже вѣчная избитая идея: представить дѣвушку бѣдную, совершенство ума и красоты, въ борьбѣ съ участью, олицетворенною въ видѣ дамъ, у которыхъ это совершенство учить дѣтей—грамотѣ, не больше, потому что воспитаніе подобной дѣвицы не такъ огромно, чтобъ она могла страдать оттого, что мало знаетъ сама, или оттого, что принуждена учить слишкомъ немногому. Такія гувернантки могутъ скучать, если онѣ неполюбить дѣтей, но страдать умственно имъ не отъ чего. За этотъ вопросъ еще никто не брался, хотя бы можно было предположить его и задать себѣ, выведа на сцену, хоть какое нибудь исключеніе.

«Бѣдная дѣвушка» *должна* страдать потому, что она *героиня* романа, объ этомъ званіи ея авторъ упоминаетъ очень часто, вѣроятно для красоты слога. Причина ея страданій—физическія совершенства ея, за недостаткомъ другихъ; кто не увидитъ ее, всякій въ нее влюбляется, такъ что наконецъ становится страшно за всякое семейство, въ которое она вступаетъ. А такъ какъ героиня ни особенно умна, ни особенно любезна, добра и остроумна, то красота ея, какъ единственное качество, которымъ она нравится, наконецъ наскучаетъ, даже больше: производить какое-то непріятное впечатлѣніе. Столько уже лицъ влюблялось въ эту дѣвушку, что я не понимаю, какъ влюбился въ нее тотъ, кто наконецъ женился на ней; неужели въ немъ не было чувства въ родѣ ревности? Не видно также, чтобъ у этой дѣвушки былъ хоть какой нибудь характеръ: она всегда играетъ страдательную роль, и когда начинается какое нибудь приключеніе съ нею, всегда оканчивается

тѣмъ, что она бѣжитъ. Отъѣздъ, бѣгство—это ея обыкновенный средства выходить изъ затруднительнаго положенія; впрочемъ и обстоятельства, въ которыя ее ставить авторъ, не представляютъ возможности другой развязки. Не обязанъ ли, однакоже, всякій авторъ составить планъ романа такимъ образомъ, чтобы главное лицо находило поприще для своихъ дѣйствій, а не для побѣговъ? Критика «Современника» могла бы задать себѣ этотъ вопросъ еще не разработанный, и который во всякомъ случаѣ новѣе толковъ объ искренности въ критикѣ. Очень натурально, что лице, лишенное характера, лишено и занимательности: не ожидаешь, что оно сдѣлаетъ, но что съ нимъ сдѣлается. Героиня становится точно какою-то вещью...

«Дѣйствующихъ лицъ въ этомъ романѣ чрезвычайно много; нужны ли они, по крайней мѣрѣ весьма многія изъ нихъ? Не думаю, потому что всѣ они почти сходны по своимъ положеніемъ и ни одно больше другаго не подвигаетъ дѣйствія. Софья Николаевна бѣжала отъ Барвинныхъ (въ третьей части романа), она могла бы еще съ большей основательностью бѣжать отъ Волневыхъ (въ первой части); ей приходилось тамъ не лучше. Мелкія черты, составляющія различіе между этими двумя домами, такъ незначительны, что слѣдовало или сдѣлать ихъ разнообразнѣе, или пожертвовать которымъ нибудь изъ двухъ лицъ, виновной Волневой, или ревнивой Барвиной; отъ этого необходимостью одного побѣга было бы меньше. Участъ мужей этихъ дамъ, и вообще всѣхъ мужей въ романѣ, незавидная, и такъ какъ въ концѣ третьей части уже явился загадочный, интересный monsieur Красилловъ, то можно предпологать, что героиня убѣжитъ еще разъ. Едвали не къ этому готовилъ читателей авторъ, описывая характеръ и поступки мужа героини. По случаю этого мужа, страдающаго отъ того, что онъ чего-то ищетъ и къ чему-то стремится, замѣтимъ, что рѣдко кто нибудь изъ пишущихъ на свѣтѣ не выводилъ подобнаго лица. Это, пожалуй, психологическая истина, но доказательство психологическихъ истинъ не оправданіе романистамъ, не славившимъ съ своей идеей. Чего ищетъ мужъ героини, Пашинъ? Кто его знаетъ! Учился онъ дома, потомъ въ пансіонѣ, слѣдовательно не рисковалъ заучиться какъ Фаустъ. Люди его прихода не огорчали его ничѣмъ, слѣдовательно не съ чего попасть ему и въ Чайльд-гарольды. Любовь свою онъ адресовалъ къ двумъ такимъ пустымъ и непривлекательнымъ созданіямъ, что надо было быть Пашинымъ, чтобы съ первыхъ двухъ словъ не понять, что нечего было для нихъ беспокоиться. Слѣдовательно, сердце его не довольно разбито, чтобы онъ могъ сдѣлаться Вертеромъ, и не преслѣдовало недоступнаго идеала, какъ Донъ-Жанъ. Какъ же не догадаться мелкимъ романистамъ мелкихъ событій,

что для того, чтобы томиться, стремиться, страдать и искать.—надо быть чѣмъ нибудь покрупнѣе, надо приобрести на это право? Примѣръ замѣчательныхъ писателей заразителенъ. Вѣдь если Растиньякъ вызываетъ Парижъ на бой (въ послѣдней сценѣ извѣстнаго романа Бальзака «Le père Goriot») такъ онъ хорошо узналъ этотъ Парижъ отъ будуара до чердака; онъ въ самомъ дѣлѣ заплатилъ сердцемъ за это познаніе, и потому не смѣшонъ, не страненъ... Пашинъ просится «дѣйствовать». Да понимаетъ ли онъ, что такое дѣйствіе и какого дѣйствія онъ хочетъ? Придумалъ ли онъ какую нибудь новую систему, такъ ли крѣпко полюбилъ онъ міръ, что ему отъ этого не спится? Какъ легко «любить весь міръ» когда мы не сумѣемъ никого любить какъ слѣдуетъ, и какъ легко просить у судьбы «трудоу для всего міра», когда мы не умѣемъ ни за что взяться!»

Послѣ всего, что высказано въ этихъ строкахъ, читатели вѣроятно не потребуютъ, чтобъ мы обращались еще разъ къ «Бѣдной дѣвушкѣ», съ которою мы прощаемся съ бѣльшимъ удовольствіемъ, нежели знакомились съ нею и тѣмъ скорѣе, что намъ предстоитъ говорить о статьяхъ весьма любопытныхъ.

Сдѣлаемъ прежде всего общее замѣчаніе. Три послѣднія книжки «Современника» составлены гораздо лучше, гораздо разнообразнѣе и занимательнѣе трехъ послѣднихъ книгъ «Отечественныхъ Записокъ». Отчего это происходитъ? Этого мы не беремся объяснить. Въ этихъ трехъ книгахъ (августъ, сентябрь и октябрь) помѣщены три повѣсти: «Фанфаронъ» г. Писемскаго, «Затишье» Тургенева и «Отрочество» автора, скрывающагося подъ буквами Л. Н. Т., но заслужившаго уже почетное мѣсто въ нашей литературѣ очерками, полными ума, чувства и граціи и помѣщенными въ «Современникѣ» 1852 года, въ сентябрьской книгѣ подъ названіемъ «Дѣтство». Казалось какой интересъ можно было извлечь изъ разсказовъ человѣка, описывающаго, какъ онъ проводилъ время, что думалъ и чувствовалъ ребенкомъ, какъ учился, игралъ, шалилъ, ѣздилъ въ гости, какъ однажды его сбирались высѣчь за то, что онъ ударилъ своего гувернера, и между тѣмъ все это разсказано такъ хорошо, полно такимъ поэтическимъ чувствомъ; отъ этихъ простыхъ строкъ вѣетъ такой освѣжающей душу памятью золотыхъ дней младенчества, дорогихъ всякому, въ комъ не заглумала чувствъ суетливая, расчетливая жизнь зрѣлаго возраста; все это такъ полно жизнью, интересомъ, что сожалѣешь, зачѣмъ авторъ такъ мало припоминаетъ этихъ повидимому вовсе не интересныхъ подробностей, зачѣмъ онъ умалчиваетъ о многомъ. Такъ періодъ «Отрочества», нынче напечатанный, разсказанъ гораздо короче, нежели годы «Дѣтства», а онъ бы долженъ

быть и полнѣе, и занимательнѣе. Въ особенности самый переходъ къ юношескимъ годамъ очерченъ весьма коротко и совершается почти незамѣтно, тогда какъ на немъ бы слѣдовало гораздо долѣе остановить читателя. Не смотря на этотъ недостатокъ, новые очерки Л. Н. Т. полны чрезвычайно граціозныхъ картинъ, къ которымъ мы отнесемъ поѣздку въ Москву и грозу, застигшую дѣтей въ дорогѣ, исторію дядькинѣнца Карла Ивановича, образецъ разсказа простодушнаго, комически-трогательнаго; характеристику Катеньки и Любочки, въ которой по дѣтскимъ чертамъ видишь уже будущія наклонности ихъ, какъ дѣвусекъ взрослыхъ. Последнія главы разсказа, заключающія въ себѣ описаніе развитія Володи и дружбы автора съ студентомъ Нехлюдовымъ, менѣе занимательны, но весь разсказъ вообще оставляетъ на душѣ такое тихое, пріятное впечатлѣніе, какого намъ давно не случалось испытывать при чтеніи повѣстей.

«Фанфаронъ» А. Ф. Писемскаго также не повѣсть, а физиологическій очеркъ одного изъ любопытныхъ и къ несчастію часто встрѣчающихся характеровъ: человѣка, который изъ желанія бросить пыль въ глаза, изъ страсти казаться выше того, что онъ на самомъ дѣлѣ, теряетъ даже то, что имѣетъ. Типъ этотъ, олицетворенный въ видѣ помѣщика Шамаева, прекрасно очерченъ г. Писемскимъ. Читая описаніе похождения фанфарона, чувствуешь и досаду, и сожалѣніе, хотя онъ на половину обязанъ своимъ характеромъ непростительному баловству матери, женщины слабой и пустой, мастерски изображенной авторомъ. Напрасно только авторъ не отъ своего лица описываетъ этотъ характеръ, а заставляетъ разсказывать судьбу его какого-то исправника. Языкъ человѣка добраго, но простаго и мало образованнаго выдержанъ очень хорошо, но мы не видимъ необходимо ти разсказывать исторію фанфарона отъ лица исправника. Еще менѣе причинъ видимъ мы въ мысли автора назвать фанфарона «однимъ изъ нашихъ *снобсовъ*». Это новое слово «Современникъ» давно уже старается втиснуть въ русскую литературу, и совершенно напрасно. Оно вовсе ненужно и совершенно лишнее. Спрашиваемъ у всѣхъ, прочитавшихъ разсказъ г. Писемскаго, не соответствуетъ ли вполнѣ типъ Шамаева давно уже извѣстному и общепринятому у насъ слову: фанфаронъ? Для чего же еще называть его новымъ именемъ *снобсъ*, вовсе неблагозвучнымъ и незаключающимъ въ себѣ никакого новаго понятія, которое не находилось бы уже въ названіи фанфарона? Сочиненіе новаго слова, не приносящаго съ собой никакой новой идеи, еще не большая заслуга, и желаніе блеснуть подобнаго рода словцемъ, также своего рода фарфаронство, или говоря языкомъ Современника»: *снобичность*. Теперь редакторъ этого журнала обя-

вилъ, что трудится надъ составленіемъ новаго типа *хлыщей*, но мы заранѣе увѣрены, что встрѣтимъ въ этомъ хлыщѣ человѣка уже давно намъ знакомаго, какого нибудь стараго фата, хвастуна, гуляку, толкующаго о своихъ небывалыхъ знакомствахъ, проводящаго ночи въ пирушкахъ, смотрящаго на все серьезное съ шутливой, фельетонной точки зрѣнія и твердящаго своимъ же собутыльникамъ, въ антрактѣ между двухъ пооекъ: пора намъ образумиться, мы уже не дѣти!

«Затишье», повѣсть П. С. Тургенева, слабѣе разказовъ г. Писемскаго и Л. Н. Т. Героиня разказа, влюбленная въ какого-то гуляку, очень хорошо представляющаго какъ пьяный человѣкъ никакъ не можетъ достать у себя изъ кармана платокъ, или какъ мальчикъ на окнѣ муху ловить, и котораго она сама называетъ шуткомъ—вовсе не интересна, особенно когда она утопится изъ-за этого человѣка.

«Холодный домъ» окончился въ сентябрьской книгѣ, тогда какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» не видно его конца и въ октябрьской. Мы еще поговоримъ объ этомъ романѣ. Въ последней книгѣ Современника помѣщена также повѣсть Теккерей: «Жизнь и приключеніе маіора Гагагана», заключающая въ себѣ незаданную главу изъ известной книги: «Нелюбю не слушай, а лгать не мѣшай», разказанную со всѣмъ добродушіемъ ирландскаго хвастуна. Подвиги маіора къ Индіи до того любопытны, что на каждомъ шагу возбуждаютъ улыбку, но верхъ совершенства составляетъ разказъ его о свиданіи съ Наполеономъ на островѣ св. Елены. Это образецъ того, что американцы называютъ *humbug*, а французы: *hablerie*. Разказъ Теккерей живъ и увлекателенъ, переводъ очень хорошъ.

Стихами также богаты эти книги «Современника». Баллада г. Фета: *Свитязанка*, переведенная съ польскаго немного длинна и темна, въ чемъ, конечно, не виноватъ переводчикъ, но въ ней попадаютъ и весьма негладкіе стихи, чего нѣтъ въ оригиналѣ. Не слѣдовало бы, на примѣръ, жертвуя рифмѣ, писать слѣдующій стихъ:

Въ сердцѣ же помыслъ лисичій;

не понимаемъ также выраженія:

Розъ бѣлоснѣжныхъ *завоя*.

Слово *завой* не существуетъ въ русскомъ языкѣ. Въ польскомъ *zawoу* значить повязка, тюрбанъ, поясокъ, и переносить его на русскій языкъ нѣтъ никакой надобности. «Погребальная пѣснь ивдѣйцевъ» изъ Шиллера переведена г. Миюмомъ, гораздо лучше, хотя и не такъ вѣрно. Мы нашли въ немъ только одно неудачное выраженіе *добычью*. Стихотво-

реніе А. Фета «Жди яснаго на завтра дня» — хорошая картина, въ которой особенно удачна послѣдняя строфа:

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
 Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
 Что ты не скажешь: минулъ день,
 Не говоришь: настала ночь.

Но главное богатство «Современника» въ этихъ книгахъ составляютъ пятнадцать стихотвореній Баратынскаго. Приятно услышать снова голосъ давно замолкшаго поэта, и мы увѣрены, что всякій съ любопытствомъ и удовольствіемъ прочтетъ эти стихи, хотя многіе изъ нихъ чрезвычайно слабы, и большая часть невыдержаны. Къ замѣчательнымъ стихотвореніямъ отнесемъ: V-е С. Н. К. при посылкѣ «Сумерекъ». VII-е VIII-е Н. Е. Б.; IX-е, начинающееся стихами, которые нѣкогда пѣлись всѣми:

Мою звѣзду я знаю, знаю,
 И мой бокаль
 Я наливаю, наливаю
 Какъ наливаль.

Хорошо также XI стихотвореніе «Посланіе къ Дельвигу», хотя оно и принадлежитъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ поэта и написано въ шуточномъ родѣ. Слѣдующее за нимъ «Посланіе къ Языкову» (XII-е) отличается болѣе серьезнымъ тономъ; въ немъ есть стихи превосходные. Такъ поэтъ говоритъ о себѣ, что познакомился съ Языковымъ въ тѣ дни,

Когда отъ бурныхъ увлеченій
 Желаннымъ отдыхомъ дыша,
 Для благочинныхъ размышленій
 Созрѣла томная душа.

и о Языковѣ выражается такъ:

И неумѣренную радость,
 Счастливецъ славить *ты въ правахъ*, (т. е. въ правѣ)
 Звучитъ лирическая младость
 Въ твоихъ лирическихъ грѣхахъ.

Три послѣднія стихотворенія—эпиграммы; изъ нихъ XV-е плоха, XIV нѣсколько лучше, XIII очень не дурна. Приводимъ его, какъ образчикъ сатирической музы Баратынскаго:

Повѣрьте мнѣ—Зоиловъ журналистъ
 Намъ говоритъ (вдругъ сталъ онъ педагогомъ)
 Не должно браться. Кто на руку не чистъ,
 Передъ людьми грѣшить и передъ Богомъ.
 Не надобно въ судѣ кривить душой,
 Не хорошо живиться клеветой,
 Временщику подслуживаться низко;
 Честь, братцы, честь, дороже намъ всего!»
 — Ну, чтожъ, Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
 А можетъ быть и ново для него.

Слѣдующія стихотворенія не дурны, но къ сожалѣнiю не выдержаны:
 X-е, начинающееся прекрасно:

Опять весна, опять смѣется лугъ,
 И весель лѣсъ своей молодой одеждой,
 И поселянъ неутомимый плугъ
 Браздить поля съ покорствомъ и надеждой,

но въ которомъ есть подобныя строфы:

Кого *измля* души моей *порывъ*,
 Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавый.
 Но подо мной *сокрытый ровъ изрывъ*
 Свои рога *впичалъ онъ злобной славой* (!?)

IV-е «Дядкѣ Итальянцу» заключаетъ въ себѣ много хорошихъ и много плохихъ стиховъ. Вотъ небольшой отрывокъ, въ которомъ есть и тѣ и другіе:

Земля, гдѣ, годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ
 Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
 Минутный царь царей, но дивный кондотьеръ,
 Ужъ *зизждущій свои гигантскія потери*.
 Скрывая власти гласъ, тогда морочилъ васъ
 Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.

Народъ ему зажегъ привѣтственные плошки,
 Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
 Которыя среди блестящихъ общихъ грезъ,
 Ты контрибуціи назначенной принесть,
 Едва ты узнику печальному британца
 Простилъ военную систему корсиканца.

Стихотворенія: На смерть Лермонтова (I) начинается очень плохо:

Когда твой голосъ о поэтъ,
 Смерть *въ высшихъ звукахъ* остановитъ,
 Когда тебя во цветъ лѣтъ
 Нетерпѣливый рокъ *уловитъ*.

продолжается еще плоше, стихами въ родѣ

Кто въ *отзывъ* гибели твоей,
 Стѣсенной грудію возстонетъ.

Стихотворенія II-е, III и IV очень слабы по содержанію, хотя гладки по исполненію.

Перейдемъ теперь къ статьямъ серьезнаго содержанія: «Военныя дѣйствія донцовъ противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея и Пугачева» наполнены нѣсколькими излишними подробностями и вообще очень велика для неспеціального журнала (около ста страницъ мелкаго шрифта). Совершенно противоположный упрекъ должны мы сдѣлать слѣдующей за нею статьѣ: «О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси,» — она уже очень коротка, и новаго высказано въ ней весьма немного. Той же сухостью содержанія отличается помѣщенная въ томъ же номерѣ статья: «Труды по части русской словесности въ 1853 году», явившаяся немножко позже: въ концѣ 1854 года.

Двѣ статьи о жизни и сочиненіяхъ Шеридана «А. Дружинина», составлены и написаны прекрасно. «Императоръ Василій I. Македонянинъ», г. Зернина, представляетъ любопытный очеркъ одной изъ смутныхъ эпохъ византійской имперіи, хотя авторъ, противорѣча исторіи въ изображеніи характера своего героя, не приводитъ достаточныхъ причинъ, по которымъ потомство могло бы объяснить нѣкоторые поступки и между прочимъ смерть Варды, не говоря уже о смерти Михаила, разсказанной авторомъ въ двухъ словахъ и весьма неясно. О четвертой статьѣ В. П. Гаевского «Дельвигъ», не можемъ сказать ничего

кромѣ безусловной похвалы, столько въ ней въ высшей степени интересныхъ подробностей, богатствѣ которыхъ изумляются люди даже близко знакомые съ русской бібліографіей. Статья профессора Соловьева: «Герардъ—Фридрихъ Миллеръ» также отличается богатствомъ бібліографическихъ свѣдѣній о человѣкѣ, игравшемъ такую важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ біографовъ нашихъ г. Геннади помѣстилъ также чрезвычайно любопытную статью «Петръ Ивановичъ Макаровъ и его журналъ «Московскій Меркурій», выходившій въ 1803 году. Не облаая особеннымъ дарованіемъ, Макаровъ былъ человѣкъ умный, наблюдательный, и писалъ языкомъ особенно хорошимъ для своего времени.

Въ Библіографіи «помѣщено также много хорошихъ разборовъ; къ числу ихъ отнесемъ рецензіи слѣдующихъ книгъ: «Архивъ историко-географическихъ свѣдѣній «Разказы Прѣзжаго» г. Небольсина; здѣсь справедливо замѣчены многія ошибки этого туриста, разсказывающаго прекрасно свои путевыя впечатлѣнія, но не всегда отличающагося точностью свѣдѣній; «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича», соч. П. Медовикова; въ этомъ разборѣ весьма справедливо оужается односторонность нѣкоторыхъ историковъ и желаніе ихъ натянуть всѣ факты къ какой нибудь системѣ, придуманной собственно ими и построенной иногда на одномъ какомъ нибудь понятіи, въ родѣ изгоевъ и подручниковъ.

Сильно парадоксаленъ разборъ «Правиль русскаго словесности А. Данскаго.» Въ немъ встрѣчается много положеній, съ которыми нельзя согласиться, такъ напримѣръ, что Ламартина, Понсара, сдѣлалъ великими одинъ слогъ (Понсарь, во-первыхъ, далеко не великій писатель и замѣчательенъ вовсе не по слогу). Описавъ французовъ, рецензентъ обращается къ римлянамъ и находитъ, что у Цицерона не было ни одной своей мысли, а у Горація не было вовсе изобрѣтательности, и онъ весь свой вѣкъ подражалъ греческимъ поэтамъ. Любопытно было бы знать, гдѣ читалъ рецензентъ на греческомъ языкѣ что нибудь похожее на оды Горація. Парадоксы рецензента доходятъ до того, что онъ говоритъ: нельзя въ одно и тоже время думать о содержаніи и о слогѣ. Неужто хорошіе писатели всѣхъ вѣковъ и народовъ думали только о содержаніи своихъ произведеній, не заботясь о слогѣ, или наоборотъ?

Въ смѣси этихъ номеровъ «Современника» также много хорошихъ статей: назовемъ: «Воспоминанія кавалерійскаго офицера изъ войны 1828 года», немножко неправдоподобные, но очень интересные разказы; «Десять лѣтъ на Кавказѣ», двѣ статьи полныя если не новизны, то любо-

пытныхъ подробностей; «Пріѣздъ въ Парижъ», двѣ главы изъ путевыхъ впечатлѣній Теккеря; «Персидскіе доктора и персидскіе пациенты», статья, составленная съ большимъ знаніемъ дѣла; авторъ ея очевидно знакомъ съ Персіей не по однимъ разсказамъ. Весьма не дурны также два очерка польскихъ нравовъ г. Шпилевскаго. За то совершенно пуста и несвоевременна статья о г-жѣ Рекамье. Со времени смерти этой женщины, въ 1849 году, было напечатано объ ней въ русскихъ журналахъ все, что можно было сказать, и для чего было возобновлять въ 1854 году подобные біографическіе очерки — неизвѣстно.

Замѣтки новаго поэта въ этихъ трехъ книгахъ довольно вялы и безцвѣтны; въ августовской толкуеть онъ о простотѣ, о книгѣ: «Записки объ уженьѣ, выписываетъ *десять* страницъ изъ Воспоминаній о Шушеринѣ» (Москвитянинъ, книги 10 и 11-я) *четыре* изъ статьи г. Тихонравова: Графъ Ѳ. В. Растопчинъ (Отечественныя Записки № 7), говоритъ два слова о «Библіотекѣ для Чтенія, и все тутъ; въ сентябрьской негодуеть на то, что «Отечественныя Записки» перепечатали *почти всѣ* стихотворенія г. Тютчева, въ своей рецензій на нихъ, потомъ перепечатываетъ три съ половиною страницы изъ статьи «Або-Біернеборгская губернія (Библіотека для Чтенія № 8) и *шесть* страницъ изъ «Сборника» г. Путилова. Наконецъ въ октябрьской книгѣ поднимаетъ опять старую исторію о томъ, что «Отечественныя Записки» журналъ слишкомъ серьезный, а «Современникъ», напротивъ, веселый, «объявляетъ торжественно», что новый поэтъ вовсе не г. Панаевъ, и въ то же время говоритъ, что онъ былъ нѣкогда сотрудникомъ Отечественныхъ Записокъ и писалъ въ нихъ повѣсти: «Онагръ, Барышня, Барыня, Актеонъ». Но сколько намъ помнится, подъ этими повѣстями было подписано имя И. И. Панаева, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ согласить эти разногласія новаго поэта съ самимъ собою, которое можно приписать только его поэтической разсѣянности. Что нибудь одно изъ двухъ: или новый поэтъ не писалъ повѣстей Онагръ, Барышня, Барыня и Актеонъ, и въ такомъ случаѣ зачѣмъ было утверждать это? или онъ писалъ, и въ такомъ случаѣ зачѣмъ отговариваться, что онъ и г. Панаевъ не одно и то же лицо. Пусть разрѣшитъ намъ эту дилемму Современникъ.

Иностранныя извѣстія этихъ книгъ, по обыкновенію, весьма не полны и составлены очень отрывочно; отечественныхъ извѣстій нѣтъ вовсе. Литературный Ералашъ находится по счастью въ одномъ номерѣ. Проза и стихи этого отдѣла до того вялы и безцвѣтны, что не только не возбуждаютъ улыбки, но даже нагоняютъ зѣвоту. Что можетъ быть скучнѣе неудавшейся остроты, отъ которой смѣется только ея сочинитель при

равнодушномъ молчаніи всей публики? Признаемся, что мы предпочли бы быть авторомъ какой угодно глупости безъ претензій, нежели господиномъ Кузьмою Прутковымъ, подрядившимся наполнять остроумными статьями отдѣлъ литературнаго Ералаша.

Къ этому же отдѣлу принадлежитъ довольно любопытное письмо господина Лонгинова, присланное, какъ говорить редакторъ, изъ Москвы. Изъ этого письма мы прежде всего узнаемъ, что господинъ Лонгиновъ бываетъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ одинъ изъ знакомыхъ указалъ ему на наше оужденіе стихотворенія Лермонтова «Разлука», присланнаго г. Лонгиновымъ въ редакцію Современника. Сознаваясь, что стихотвореніе это плохо, г. Лонгиновъ удивляется, почему же не упрекали издателей полного собранія сочиненій покойнаго поэта, за помѣщеніе гораздо слабѣйшихъ стиховъ въ этомъ собраніи. На это мы отвѣтимъ г. Лонгинову, что въ собраніе могутъ войти самыя слабыя стихотворенія поэта, для полноты этого собранія и для указанія развитія его дарованія, а журналу совершенно не зачѣмъ печатать на своихъ страницахъ такія произведенія, подъ которыми каждый стихотворецъ, неисключая самого г. Лонгинова, могъ бы подписать свое имя. Далѣе г. Лонгиновъ увѣдомляетъ, что онъ не сотрудникъ Ералаша, а другіихъ отдѣловъ «Современника» (какихъ бы это? Съ самаго начала изданія этого журнала мы видѣли имя г. Лонгинова только однажды, подписанное подъ крошечною и пустою статейкою о Гоголѣ, о чемъ говорили въ свое время въ журналистикѣ). Въ тоже время онъ находитъ Ералашъ очень забавнымъ и остроумнымъ и говорятъ: «Рецензентъ Пантеона утверждалъ, что я выбралъ стихи Лермонтова по своему вкусу, о которомъ онъ, конечно, не могъ имѣть никакого понятія». Отчего же не могъ? спросимъ мы въ свою очередь. Развѣ мы не можемъ сдѣлать вѣрнаго заключенія о вкусѣ такого человѣка, которому такъ нравится «Литературный Ералашъ». Любопытно было бы узнать, въ какомъ это современномъ изданіи г. Лонгиновъ нашелъ отдѣлъ финтифлюшекъ, чудовищныхъ анекдотовъ, и проч., который хуже Ералаша? Мы бы просили его указать намъ на подобный отдѣлъ хоть не въ нынѣшнемъ году, а въ прошедшемъ, или даже въ 1852 и 1851. Пусть онъ для этого съѣздитъ опять въ англійскій клубъ, въ которомъ почерпаетъ свои свѣдѣнія о русской литературѣ и попроситъ своего знакомаго найти ему этотъ отдѣлъ «возбуждающій, какъ онъ говоритъ, сожалѣніе», если только этотъ отдѣлъ также дѣйствителенъ, какъ сотрудничество г. Лонгинова въ Современникѣ.

О трехъ послѣднихъ книгахъ «Библиотеки для Чтенія» мы скажемъ весьма немного, по самой простой причинѣ: говорить объ нихъ почти

ровно нечего. Въ предъидущихъ книгахъ мелькнуло было нѣсколько замѣчательныхъ статей, и мы, обрадовавшись этому, отозвались объ нихъ съ похвалою, какой онѣ заслуживали, но это было только мимолетнымъ явленіемъ, и теперъ «Библіотека для Чтенія» остается по прежнему вѣрною самою себѣ, то есть такою же, какъ въ началѣ нынѣшняго года. Въ этихъ книгахъ помѣщенъ романъ графини Ростопчиной «Палаццо Форми» еще не оконченный и повѣсть г-жи Лейлы, которую можно было бы и не начинать. При всемъ уваженіи нашемъ къ дарованію графини Ростопчиной и даже именно по причинѣ этого уваженія, мы не будемъ разбирать романа съ итальянскимъ сюжетомъ, написаннаго русской писательницей. Эти синьоры и синьорины напоминаютъ намъ тяжелое время разныхъ Джакомо Санназаровъ, Джуліо Мости и другихъ пламенныхъ итальянцевъ съ нечеловѣческими чувствами, наводившихъ русскую литературу прозаическими стихами и поэтической прозой. Что же касается до повѣсти г-жи Лейлы «Современный разсказъ», то онѣ современецъ только потому, что напечатанъ въ августѣ мѣсяцѣ 1854-го года, а въ самомъ дѣлѣ съ лицами и событіями этого разсказа мы встрѣчались не разъ въ повѣстяхъ тридцатыхъ годовъ. Этотъ скромный фабрикантъ, необразованный, но съ добрымъ и благороднымъ сердцемъ, влюбленный въ пустую дѣвушку, бредящую свѣтомъ и знаменитостями; эта неутѣшная вдова, влюбленная въ какого-то Донъ-Жуана, который мучитъ ее, заставляя попеременно то надѣяться, то отчаяваться, и поступаетъ съ нею даже очень неблагородно, а она все любитъ его и все страдаетъ, все страдаетъ на цѣлой сотнѣ страницъ, — все это мы читали, зѣвая, въ тысячѣ другихъ доморощенныхъ повѣстей. Одно только новое изобрѣтеніе принадлежитъ автору: это именно смерть дочери вдовы, погибающей оттого, что возлюбленный маменьки утаилъ отъ нея предписаніе докторовъ — ѣхать въ болѣе теплый климатъ, потому что петербургскій воздухъ вреденъ для больной дѣвочки. Предоставляемъ всякому судить о томъ, какъ удачно это изобрѣтеніе автора.

Четыре стихотворенія г. Никитина, напечатанныя въ этой же августовской книжкѣ, очень слабы. Первое «Грусть старика» написано на самую избитую тему, что старикъ

... межъ людьми ужъ чужой,

Лишній гость межъ гостями природы.

второе «Югъ и Сѣверъ» подражаніе «Родинѣ» Лермонтова, до того близкое, что г. Никитинъ заимствуетъ цѣликомъ стихи покойнаго поэта:

Глухихъ стеной угрюмое молчанье.

Послѣднія два стихотворенія: «Зимняя ночь въ деревнѣ» и «Наслѣдство» почти такое же близкое подражаніе Кольцову; строфы въ которыхъ г. Никитинъ воспѣваетъ:

Волю твердую,
Удаль мощную

своего молодца, который

При нуждѣ-бѣдѣ
Смотритъ соколомъ,
Подъ грозой, въ бою
Улыбается.

почти цѣликомъ взяты изъ Кольцова.

Отрывокъ изъ трагедіи «Діагоръ» В. Алферьева, слишкомъ малъ, чтобъ по немъ судить о піесѣ; мы нашли въ немъ только много гладкихъ стиховъ и нѣсколько не гладкихъ и изысканныхъ въ родѣ:

На яхонтовомъ небѣ вмѣсто Феба
Стыдливая Селена показалась,

или

На площади народу было пропасть.

Въ отдѣлѣ же словесности помѣщено окончаніе Записокъ купца Жаркова, въ которыхъ гораздо болѣе не нужной болтовни, чѣмъ любопытныхъ свѣдѣній, и которыя ни въ какомъ случаѣ не принадлежать къ отдѣлу словесности.

По отдѣлу «Иностранной Словесности» помѣщено окончаніе романа: Матильда, «Sugilla» — тожь, и начало новаго «Дези Бернесъ», занимающее двѣнадцать печатныхъ листовъ въ октябрьской книгѣ, то есть больше трети всей книги, что должно быть зрѣзвычайно пріятно для читателей. Изъ серьезныхъ статей очень интересенъ разборъ «Курса древоводства» написанный самимъ редакторомъ. Статья эта полна любопытными подробностями, новыми, оригинальными взглядами на фізіологію растений и въ тоже время многими парадоксальными и бездоказательными мнѣніями. Такъ наука никакъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, что атомы состоятъ изъ безконечно малыхъ *пузырьковъ*, что капиллярность не составляетъ свойства волосныхъ трубочекъ, а сама вода имѣетъ свойство размельчаться въ пузырьки, и оставлять форму капель и жидкости при удобномъ случаѣ, что листья дерева соотвѣтствуютъ кораловымъ животнымъ и находятся въ состояніи безполя или остановленнаго полова-

го развитія. Все это очень остроумныя положенія, но вовсе недоказанныя и не принятыя наукою, что не мѣшаетъ однакоже статьѣ г. Сенковского быть весьма любопытной. Довольно интересно также окончаніе очерка Сейденгамскаго дворца. «О преступности въ Англіи и во Франціи», статья растянутая безъ всякой нужды подробностями, вовсе неинтересными для русскаго читателя, о числѣ преступленій во всѣхъ англійскихъ графствахъ, въ каждомъ отдѣльно, съ показаніемъ ихъ отношеній къ числу жителей и т. п. Не смотря на заглавіе, о преступности во Франціи почти вовсе не говорится въ этой статьѣ. Критическая статья книги г. Тенгоборскаго «О производительныхъ средствахъ Россіи» заключаетъ въ себѣ только одни, всѣмъ извѣстные численные выводы и данныя, а другая критическая статья о драматической фантазіи г. Оволова «Любовь поэта», ниже всякой критики, потому что употребляетъ все усилія посмѣяться надъ тѣмъ, что не стоить даже улыбки. Отъ этого все остроты критика кажутся очень втянутыми и нисколько не смѣшать.

Литературная лѣтопись «Библіотеки для Чтенія» приняла въ послѣдніе мѣсяцы за правило говорить разомъ о нѣсколькихъ книгахъ, совершенно различнаго содержанія; она смѣшиваетъ въ своей рецензіи романы съ поваренными книгами, химическія руководства съ патріотическими стихотвореніями, переходитъ отъ «новѣйшихъ разговоровъ», къ эстетическимъ вопросамъ, и изъ всего этого выходитъ такой литературный винегретъ, который врядъ ли придется по вкусу кому нибудь изъ читателей. «Мѣшать дѣло съ бездѣльемъ» можетъ быть и хорошее правило, только его никакъ нельзя примѣнить къ критикѣ. Только въ одной рецензіи біографіи Гоголя нашли мы нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній, перемѣшанныхъ однако же съ сужденіями совершенно ошибочными. Безусловно мы согласны съ рецензентомъ этой статьи только въ томъ, что «Опытъ біографіи Гоголя» думая выставить этого писателя въ лучшемъ свѣтѣ, еще ярче обрисовалъ его недостатки и даже преувеличилъ ихъ своими неловкими гиперболическими и панегирическими выходками. Какъ не вспомнить при этомъ басни нашего великаго Крылова:

Хотя при нуждѣ намъ услуга дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться, и проч.

Очень не дурны: статья г. Михайлова о старыхъ книгахъ, заключающая въ себѣ разборъ «Ивана Гостинаго сына», и помѣщенные въ смѣси очерки: «Маляръ» г. Максимова и «Знай сверчокъ свой шестокъ», въ которомъ изображенъ вѣрно и остроумно типъ провинціаль-

наго франта. Мелкія новости, составляемыя въ видѣ фельетона, подѣ названіемъ «Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта», очень интересны и прекрасно выбираются. По нашему мнѣнію это лучший отдѣлъ «Библіотеки для Чтенія», въ которомъ видна опытная и старательная редакція. «Замѣтки петербургскаго жителя» пишутся также живымъ языкомъ и довольно разнообразны. Мѣстами попадаются въ этомъ фельетонѣ очень удачныя очерки, какъ на примѣръ исторія населенія одного вновь отстроеннаго дома въ Петербургѣ. Замѣтимъ также, что въ этихъ послѣднихъ книгахъ изъ отдѣла модъ исчезли неуклюжіе политипажи, на которыхъ не только нельзя было рассмотреть уборовъ, но часто не видно было даже человѣческаго лица.

За то, въ замѣнъ исчезнувшихъ политипажей, появилось въ «Библіотекѣ для Чтенія» съ августа мѣсяца одно нововведеніе, а съ сентября другое. Нельзя сказать однако же, чтобъ оба принадлежали къ удачнымъ нововведеніямъ. Первое состоитъ въ помѣщеніи какого-то словаря, располагаемаго по азбучному порядку. До сихъ поръ помѣщено пять статей отъ Абиссиніи до Азіи включительно; статьи, пожалуй, и не дурны, но составлены безъ всякаго плана и наполнены ненужными подробностями: описаніе Абиссиніи занимаетъ точно такое же число страницъ, какъ и Або-Біернеборгская губернія. Вообще мы непонимаемъ цѣли и назначенія этихъ статей, печатаемыхъ въ самомъ концѣ журнала, мелкимъ шрифтомъ, съ нумераціей страницъ очень странной; такъ въ августовской книжкѣ этотъ словарь оканчивается 60 страницей, а въ сентябрьской начинается съ 49. Вѣроятно эти лексиконныя статьи явятся въ послѣдствіи дополненіемъ или приложеніемъ какого нибудь Справочнаго Словаря, но помѣщеніе ихъ теперь въ журналъ, никогда неназначавшемся быть лексикономъ, составляетъ очень любопытное явленіе. Воображаемъ, какой пріятный сюрпризъ получили читатели «Библіотеки для Чтенія», подписавшіеся на журналъ и въ концѣ года получившіе, вмѣсто свѣжихъ современныхъ статей по отдѣлу наукъ—нѣсколько листовъ географическаго словаря на букву А, въ пріятной надеждѣ встрѣтить и букву Ѳ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ.

Другое нововведеніе «Библіотеки для Чтенія» еще неудачнѣе: съ сентября появилась въ ней Журналистика, по примѣру «Отечественныхъ Записокъ» и «Пантеона». Правда, въ прежнее время помѣщались въ ней письма «Иногороднаго Подписчика», толковавшаго о томъ, о семъ и иногда о журналахъ, но эти письма, не смотря на ихъ ошибочныя и пристрастныя сужденія, писались все таки человѣкомъ, знакомымъ съ литературою и главное, умѣвшимъ писать, не такъ какъ Журналистика «Библіотеки для Чтенія», начинающаяся слѣдующими строками: «Каждый изъ на-

ших журналовъ говорить: не читайте ни одного журнала, кромѣ нашего, у насъ только истинная ученость, у насъ только истинно-изящная литература; у насъ только въ высшей степени занимательныя статьи; у насъ только талантливые сотрудники, у насъ только бездна ума, учености и остроумія—нигдѣ больше». Какъ все это справедливо и любезно! Гдѣ же это нашель господинъ рецензентъ такіе журналы? пусть онъ назоветъ намъ хоть одинъ, не только *каждый* журналъ, въ которомъ бы встрѣчались подобныя фразы. Пусть онъ укажетъ, на примѣръ, хоть на одну критическую статью въ «Пантеонѣ» (къ которому рецензентъ особенно неблаговольтъ) въ которой бы не отдавалось справедливости замѣчательнымъ статьямъ другихъ журналовъ, или говорилось, что наши статьи и сотрудники лучше другихъ. Къ чему же увлекаться до того фельетонизмомъ, что сообщать подобныя несообразности, возводить на русскіе журналы такую небылицу? Къ чему этотъ рѣзкій тонъ въ сужденіяхъ и приговорахъ? это ничѣмъ неоправдываемое пренебреженіе къ другимъ журналамъ, которые уже конечно занимательнѣе «Библіотеки для Чтенія», хотя ее и читаетъ «съ наслажденіемъ» фельетонистъ одной газеты.

Сужденія рецензента не только рѣзки, но и уклончивы. Такъ на справедливое замѣчаніе «Отечественныхъ Записокъ», отчего «Библіотека» не указала, что статья «Путешествіе въ Туркестанъ» переводная, рецензентъ отвѣчаетъ нисколько не остроумнымъ замѣчаніемъ, что и «Отечественныя Записки» издаются какимъ нибудь средневѣковымъ ученымъ. Къ чему также выписывать цѣлыя страницы изъ повѣсти «Мечтатель», если находятъ, что повѣсть очень плоха? (что совершенно справедливо). Разбирая «Пантеонъ», рецензентъ остается прежде всего недовольнымъ повѣстью В. Зотова «Исторія одного наука и двухъ пріятелей». Но если находить, что повѣсть дурна, то слѣдовало доказать это иначе, а не двумя длинными выписками, изъ которыхъ въ одной напечатано курсивомъ, неизвѣстно для чего, двѣнадцать строкъ, а въ другой выпискѣ, болѣе чѣмъ въ цѣлую страницу, не напечатано ничего курсивомъ и не выведено никакого заключенія. Мы не причисляемъ также повѣсти г. Зотова къ капитальнымъ произведеніямъ, и считаемъ ее тѣмъ, что французы называютъ: une blquette, но думаемъ, что она все таки не слабѣе повѣсти того же автора «Человѣкъ съ характеромъ», напечатанной въ «Библіотекѣ для Чтенія» года полтора тому назадъ.

Приговоръ рецензента объ остальныхъ статьяхъ «Пантеона» также рѣшителенъ и бездоказателенъ; нѣкоторыя статьи онъ просто перечисляетъ, недостойная даже сказать—худы они, или хороши по его мнѣнію; о другихъ отзывается, очевидно, даже не читавши ихъ. Сказать, что смѣсь

«Пантеона» составлена «изъ *плохихъ* статей, *надерганныхъ* изъ самыхъ *незавидныхъ* иностранныхъ журналовъ», очень легко,—но не думаемъ, чтобъ легко было доказать это, а прочтя ее внимательно, рецензентъ можетъ быть и нашелъ бы, что бѣльшая часть этихъ *плохихъ* статей вошла въ фельетонъ и «Библиотеки для Чтенія» стало быть, *надергана* изъ тѣхъ же журналовъ, откуда ихъ заимствуетъ и «Библиотека», и стало быть, изъ самаго *незавиднаго* журнала можно извлечь статью завидную; надо только уметь находить и выбирать.

Слѣдующая выходка рецензента такъ странна, что мы даже не считаемъ нужнымъ доказывать всю ея неумѣстность: приводя наше замѣчаніе, что г. Крестовскій не печаталъ нигдѣ своихъ романовъ и повѣстей кромѣ «Отечественныхъ Записокъ» и «Пантеона», рецензентъ говорить: «Предлагается вопросъ, кто долженъ этому радоваться». Искренно сожалѣемъ о «Библиотекѣ для Чтенія», если она радуется тому, что у нее не печатается одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, которому отдають справедливость все журналы, не смотря на различіе литературныхъ мнѣній, даже «Современникъ» и «Москвитянинъ», все, исключая только рецензента «Библиотеки для Чтенія». Какъ не вспомнить опять Крылова и его басней, гдѣ такъ бранять неспѣдый виноградъ.

О десяти страничкахъ подобной же *журналистики*, помѣщенной въ октябрьской книгѣ, не скажемъ ни слова; вся она точно въ такомъ же родѣ и оканчивается *Разными извѣстіями*, которыя все состоятъ изъ увѣдомленія о выходѣ въ свѣтъ еще тома словаря г. Старчевскаго. Больше ничего замѣчательнаго не случилось въ октябрѣ мѣсяцѣ. Изъ объявленія о подпискѣ на «Библиотеку для Чтенія» въ будущемъ году, приложеннаго къ этой же книгѣ, мы узнаемъ, что журналъ этотъ будетъ издаваться въ 1855 году подъ редакцію гг. Сенковскаго и Старчевскаго.

Сентябрьская и октябрьская книги «Отечественныхъ Записокъ» не богаты замѣчательными статьями. Лучшая статья, это безъ сомнѣнія «Воспоминанія стараго театрала», написанная вѣроятно по поводу статьи г. Аксакова о Шушеринѣ въ «Москвитянинѣ» и опровергающая многія изъ показаній московскаго автора. Подобныя воспоминанія о старинной нашей литературѣ и драматическомъ искусствѣ, времени не далекаго отъ васъ, но уже совершенно чуждаго нашимъ понятіямъ и убѣжденіямъ, будутъ всегда въ высшей степени занимательны, и г. Ж.—въ заслуживаетъ благодарность отъ всехъ любителей русскаго слова за сообщеніе своихъ, хотя отрывочныхъ, но все таки очень дорогихъ замѣтокъ. Не приводимъ выписокъ, потому что выбора сдѣлать невозможно: все оди-

наково интересно. Выпишемъ только одно изъ мнѣній автора о спеціальности, съ которымъ мы совершенно согласны, для того, чтобъ показать какъ владѣеть языкомъ г. Ж—въ.

«...Для совершеннаго исполненія спеціальнаго дѣла нуженъ и талантъ спеціальный, иначе удѣломъ его будетъ посредственность. Мы, въ обыкновенномъ быту, имѣемъ свой взглядъ на предметы: дай намъ лошадь, которая возила бы воду и воеводу, собаку, которая бы стерегла дворъ и ходила подъ ружьемъ; дай намъ повара, который бы ѣздилъ кучеромъ, и музыканта, который бы служилъ ловкимъ лакеемъ. Все это прекрасно и очень покойно, и я самъ не противъ этого; но въ такомъ случаѣ не надобно желать совершенства».

Очень любопытны также библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ Наказа и окончаніе статьи о Вальтеръ-Скоттъ (въ двухъ книгахъ) А. Дружинина. Если мы прибавимъ къ этому двѣ дѣльные и умныя статьи: «Географическія извѣстія о древней Россіи» и разборъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи» и одну прекрасную критическую статью, разбирающую переводъ Аристотелевой Пинтики, то получимъ всѣ хорошія статьи двухъ послѣднихъ номеровъ «Отечественныхъ Записокъ», кромѣ Иностранной литературы, Новостей Наукъ, Библиографіи и Петербургскихъ Замѣтокъ, составляемыхъ постоянно самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Но если мы назвали хорошими только статьи серьезнаго содержанія, то къ какому же разряду причислимъ произведенія главнаго отдѣла журнала—его словесность? Увы! мы должны сознаться, что этотъ отдѣлъ самый бѣдный въ послѣднихъ книгахъ журнала. Романъ г. Михайлова, «Перелетныя птицы» еще не конченъ, и мы не будемъ говорить объ немъ, хотя не можемъ не замѣтить, что нашли въ авторѣ его покаместъ одно любопытное свойство, и именно: умѣнье на десяти страницахъ описать то, что можно сказать въ десяти словахъ; въ наше время это тоже замѣчательная способность. Остальныя же, оконченныя произведенія словесности очень слабы.

«Леночка», повѣсть г. Тулубьева, также одна изъ самыхъ слабыхъ повѣстей, какія намъ удавалось читать въ послѣднее время не только въ Отечественныхъ Запискахъ, но и вообще въ русской литературѣ. Какой-то господинъ, пріѣхавъ въ свою деревню, почти влюбляется въ свою сосѣдку, дѣвицу Алину, но она любитъ другаго, сына сосѣда и выходитъ потомъ замужъ за блистательнаго князя, товарища автора, рассказывающаго повѣсть отъ своего лица. Далѣе авторъ влюбляется въ блистательную московскую барышню; та непрочь выдти за него, да оказывается, что у него вмѣсто 500 только 50 душъ, и благоразумная

барышня обращается на понятный дворъ. За то въ нее влюбляется князь и женится на ней по смерти своей жены, а авторъ женится на сестрѣ предмета своей бывшей страсти. Все это разсказывается до того вяло, неинтересно и утомительно, что на читателя нападаетъ сплинъ, и онъ радуется отъ всей души, видя что повѣсть на этомъ и оканчивается. Не говоря уже о томъ, что въ повѣсти нѣтъ ровно никакой цѣли, мы спросимъ у всѣхъ: не читали ли они тысячу разъ подобной исторіи въ тысячѣ разныхъ повѣстей? Для чего же заставлять насъ выносить въ тысячу первый разъ такую одуряющую скуку? Слогъ автора правиленъ, но безцвѣтенъ до крайности, гладокъ, но до того, что въ немъ не споткнешься ни на одной мысли, какъ говорилъ одинъ изъ нашихъ остроумныхъ писателей.

О «Журналистикѣ» Отечественныхъ Записокъ мы должны сказать нѣсколько словъ. Соглашаясь съ отзывомъ рецензента о фельетонахъ новаго поэта, мы не можемъ не удивиться замѣчаніямъ его, относящимся къ Журналистикѣ Пантеона. Рецензентъ Отеч. Записокъ начинаетъ свою статью противъ насъ тѣмъ, что приводитъ слова г. Федорова, осуждавшаго нѣкоторыя выраженія въ Евгеніи Онѣгинѣ, и примѣняетъ это къ нашему сужденію о стихахъ г. Тютчева и къ другимъ замѣчаніямъ на Отеч. Записки. Считаемою обязанностию отвѣчать на все это. Во-первыхъ, сужденіе г. Федорова о мелкихъ ошибкахъ въ Евгеніи Онѣгинѣ все-таки справедливо; странно оно только потому, когда г. Федоровъ, обращая вниманіе на однѣ эти ошибки, не отдавалъ должной справедливости достоинствамъ поэмы. Мы стараемся, напротивъ, всегда начинать съ достоинствъ, и если иногда говоримъ что о недостаткахъ, то значить не находимъ ровно никакихъ достоинствъ въ разбираемомъ произведеніи. Рецензентъ Отечественныхъ Записокъ можетъ, не соглашаясь съ нашимъ мнѣніемъ, находить прекрасною комедію: «Причудница», восхищаться выраженіемъ г. Шестакова: «трагедія Эхила семь вождей предъ Оивами *заложила* въ душѣ Софокла мысль объ Антигонѣ,» когда самъ же смѣялся не разъ надъ *заложеніями* г. Григорьева;—все это дѣло вкуса, и объ этомъ мы не сказали бы ни слова, но приводя нѣкоторые стихи г. Тютчева, цитированные нами какъ плохіе, рецензентъ совершенно несправедливо говоритъ, что ихъ можетъ осудить только риторика. Не риторика не допускаетъ выраженій въ родѣ «Ночь свила любезный день какъ золотой коверъ», «громокипящій кубокъ,» мглистый полдень и проч.; здравый смыслъ и коренныя правила языка не позволяютъ намъ восхищаться подобными метафорами и эпитетами. Пусть г. рецензентъ попытается намъ объяснить, какимъ образомъ ночь можетъ свить лю-

безный день, какъ золотой коверъ, и какимъ образомъ кубокъ можетъ быть наполненъ громомъ, который еще сверхъ того кипить. Пусть попробуетъ онъ перевести это выраженіе на обыкновенный языкъ, и трудъ его будетъ совершенно напрасенъ. Не риторика, а чистая логика, то есть здравый смыслъ не позволяетъ намъ называть полдня *мгlistымъ*, а звѣздъ *суирачными* (о послѣднемъ эпитетѣ рецензентъ благоразумно умалчиваетъ) и никакая поэтическая вольность ни на какомъ языкѣ не оправдываетъ такого эпитета, заключающаго въ себѣ явную нелѣпность, невозможность, несообразность. Не риторика, а грамматика не позволяетъ намъ говорить: *изнеможеніе въ кости*, вмѣсто *изнеможеніе въ костяхъ*. Поэтъ можетъ считать всѣ подобныя промахи мелочами, но критикъ обязанъ указать ихъ, иначе поэты будутъ въ правѣ писать неуважая никакихъ законовъ грамматики и логики.

Изъ всѣхъ замѣчаній на Журналистику Пантеона мы признаемъ справедливымъ только одно, да и то объясняется очень просто. Рецензентъ Отечественныхъ Записокъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы сначала похвалили въ Современникѣ разборъ книги г. Булича, а потомъ нашли справедливыми оужденіе этого разбора въ Отечественныхъ Запискахъ, потому что онъ составленъ почти цѣликомъ изъ другихъ журналовъ. Ясно, что и тутъ ятъ противорѣчія въ нашемъ сужденіи. Мы не знали изъ какихъ источниковъ была взята критическая статья Современника, и узнавъ это, не похвалили такого не церемоннаго заимствованія, но статьей остались довольны по прежнему.

Слѣдующій за этимъ разборъ повѣсти В. Зотова «Исторія одного паука и двухъ пріятелей» (рецензентъ, вѣроятно, остроумія ради, называетъ эту повѣсть «исторією двухъ пауковъ и одного пріятеля»), написанъ такъ странно, что мы не можемъ дать себѣ отчета— хвалить онъ или оуждаетъ это произведеніе. Первый разъ еще случается намъ видѣть, что Отечественныя Записки перенали у Библіотеки для Чтенія ея манеру критики. Сначала рецензентъ говоритъ, что прочелъ эту повѣсть съ удовольствіемъ, потомъ начинаетъ рассказывать ея содержаніе въ смѣшномъ видѣ,—тоже старая манера, давно уже впрочемъ всѣми оставленная, потому что комическимъ тономъ можно рассказать самое высокое произведеніе, не только весьма обыкновенную повѣсть, и это еще ровно ничего не докажетъ. Рецензія оканчивается опять похвалою; говорится, что въ повѣсти есть трогательныя мѣста, что есть нѣчто трогательное въ этой безмолвной привязанности тихаго и кроткаго человѣка къ пауку, который раздѣлялъ его длинныя, длинныя вечера (фигура *усиленія*, длинныя употреблена тутъ вѣроятно для красоты слога; вотъ уже здѣсь чистая риторика). Затѣмъ слѣдуютъ опять небольшія насмѣшки—и изъ двухъ

съ половиною страницъ разбора читатель все-таки не выводитъ никакого заключенія.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать Отечественнымъ Запискамъ и объ Отечественныхъ Запискахъ.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Дебюты новыхъ артистовъ итальянской оперы: г-жи Тедеско в г. Беттини. — Краткая ихъ біографія. — Прощальные бенефисы артистовъ русской драматической труппы: г-жъ Вальберховой, Степановой, Смирновой. — Сценическая утрата: г. Григорьевъ 2-й — Музыкальная утрата, г. Лихтенгаузъ. — Печальные слухи о Тамбурини — Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ — Пятидесятилѣтній юбилей графа Ѳ. П. Толстаго. — Біографія его. — Замѣчательныя произведенія на выставкѣ. — Нѣчто о рѣзбѣ на деревѣ и краткая исторія этого искусства. — Портреты гг. Заряно и Горавскаго. — Дамы-художницы. — Произведенія, присланныя изъ Москвы. — Живописное изображеніе пѣсеп «*Вотъ въ воинственномъ азартѣ*». — Русскій художественный листокъ. — Замѣчательный аукціонъ и распродажа рѣдкостей г. Негри. — Дублеты знаменитѣйшихъ брилліантовъ. — Открытіе графита въ Сибири. — Сѣра въ Россіи. — Современное стихотвореніе. — Начало зимнихъ удовольствій. — Музыкальная утра въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ — Маскарады въ Клубѣ нѣмецкаго общества. — Новый русскій кафе-ресторанъ. — Гатчинская желѣзная дорога. — Видимое приближеніе зимы и что такое снѣгъ. — Новѣйшіе дамскіе костюмы.

Переходя отъ новостей загородной жизни къ нашимъ столичнымъ развлеченіямъ, мы уже упоминали объ открытіи представленій Итальянской оперы и упоминали о двухъ новыхъ артистахъ, ангажированныхъ въ нашу оперную труппу. Артисты эти уже дебютировали, и потому мы имѣемъ возможность сдѣлать имъ хотя поверхностную оцѣнку. Прослушавъ г-жу Тедеско въ «Фавориткѣ» и въ «Осадѣ Гента», въ двухъ совершенно разнородныхъ партіяхъ, нельзя уже сомнѣваться въ прекрасномъ талантѣ этой новой примадонны. Голосъ ея самый обширный mezzo-soprano, полонъ, звученъ и глубокъ, въ особенности отъ ut до fa; въ этомъ регистрѣ она издаетъ чисто грудныя контральтовые звуки, а прекрасная дикція въ речитативахъ напоминаетъ искусство пѣнія такъ называемой высшей школы (de la grande école). Избравъ для своего дебюта оперу «Фаворитка», хотя знакомую, но не совсѣмъ любимую нашею публикою, оперу

невыдержанную и не вполне обработанную, въ которой хорошее слѣдуетъ за плохимъ безъ всякаго порядка, партіи, проникнутыя истиннымъ вдохновеніемъ, за мѣстами самыми слабыми, въ которыхъ трудно узнать автора, «Лучія», г-жа Тедеско немного удивила петербургскихъ нашихъ меломановъ, но тѣмъ неменѣе привлекла многочисленныхъ слушателей, желавшихъ повѣрить собственнымъ ухомъ все отзвѣвы, которыми наполнялись о ней иностранные музыкальные фельетоны. Голосъ новой пѣвицы, какъ уже мы сказали, mezzo-soprano, но между тѣмъ чисто контральтовья ноты не только ему доступны, но даже составляютъ главную его красоту, и г-жа Тедеско щеголяя ими, производитъ поразительное впечатлѣніе. У нея мало фіоритуръ, къ которымъ прибѣгаютъ инныя пѣвицы, но она понявъ свойство своего голоса, замѣнила ихъ другимъ достоинствомъ—благородствомъ, правильностью, природною силой и какимъ-то спокойнымъ величіемъ. Рукоплеканія въ этотъ вечеръ дѣлилъ съ дебутанткой г. Кальцолари, прекрасно исполнившій партію Фернанда. Самыми лучшими мѣстами въ Фавориткѣ у г-жи Тедеско былъ речитативъ предъ аріей третьяго дѣйствія, самая арія и кабалета въ финальномъ дуэтѣ, исполненная ею съ выраженіемъ и сильною интонаціею. Для втораго дебюта г-жи Тедеско назначена была «Осада Гента», и публика наша ждала этой оперы еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чтобъ повѣрить свои первыя впечатлѣнія. Здѣсь пѣвица занимала роль Фидесы, такъ блистательно созданную г-жею Віардо и исполненную ею на сценахъ парижской, лондонской, берлинской и петербургской, и потомъ г-жами Альбони, Штольцъ, Гризи, Юганной Вагнеръ въ Берлинѣ, Санціоли во Флоренціи, Нормани въ Стокгольмѣ, Стефалони въ Нью-Йоркѣ, Циллакъ въ Вѣнѣ и г-жею де Лагранжъ на петербургской и другихъ сценахъ. Для этой партіи требуется два условія: необыкновенный драматическій талантъ и необыкновенный голосъ, и потому зрители ожидали появленія г-жи Тедеско съ какимъ-со особеннымъ чувствомъ, и наша новая пѣвица вышла изъ этого испытанія побѣдительницею. Голосъ ея звучалъ какъ серебро, а контральтовья ноты довершали эффектъ, хотя мѣстами у нея не доставало должнаго увлеченія.—Фортуната Тедеско родилась въ Мантуѣ, въ 1828 году, и въ этомъ же самомъ городѣ начала учиться искусству пѣнія и музыкѣ. Замѣчая блистательные успѣхи дочери, родители повезли тринадцатилѣтнюю дѣвочку въ Миланъ, и представили ее извѣстному композитору Вакаи, бывшему тогда директоромъ тамошней Консерваторіи, который, прослушавъ молодую пѣвицу, взялся докончить ея музыкальное воспитаніе. Черезъ три года прилежнаго обученія, шестнадцатилѣтняя Тедеско уже дебютировала, въ 1844

году, въ оперѣ, нарочно для нея написанной композиторомъ Бона. Опера эта подъ названіемъ «*Il Luna ed il Scrolla*», въ которой она пѣла съ теноромъ Гуаско и басомъ Марини, была первымъ шагомъ къ ея будущей извѣстности. Дебютантка выполнила свою партію съ такою отчетливостью и искусствомъ, что ее тотчасъ же ангажировали на этотъ первоклассный итальянскій театръ, на сезонъ 1844 и 45 года. Въ этомъ году Тедеско перешла на вѣнскую сцену и исполнила тамъ весь репертуаръ. Распространенію славы ея на этомъ театрѣ помогали Гуаско и Дебасини, въ особенности же восхищала Тедеско публику въ оперѣ Донизетти «*Торквато Тассо*», въ роли Элеоноры и въ роли Семирамиды, въ оперѣ этого же имени, гдѣ она дѣлила успѣхъ съ Альбони, выполнявшій Арзаче. Окончивъ оперный сезонъ, даровитая артистка возвратилась въ Миланъ, откуда въ 1846 году поѣхала въ Америку. Пятилѣтнее пребываніе въ этой странѣ было постояннымъ рядомъ новыхъ лавровъ и новыхъ рукоплесканій, въ какомъ бы городѣ она ни появилась, въ Гаваниѣ ли зимою, или лѣтомъ въ Бостонѣ, Балтиморѣ, Нью-Йоркѣ и Филадельфіи. Пѣвцы Сальви, Бадіани и Марини постоянно сопутствовали ей и раздѣляли съ нею удивленіе американскихъ меломановъ, преслѣдовавшихъ этихъ музыкальныхъ товарищей по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и останавливавшихся тамъ, гдѣ они назначали свои представленія. Въ Бостонѣ г-жа Тедеско, первая изъ европейскихъ пѣвицъ, обновила сцену вновь-открытой тамъ итальянской оперы; восторгъ американской публики доходилъ въ тотъ вечеръ почти до неистовства. После трехъ лѣтъ постоянныхъ успѣховъ, наша примадонна вышла замужъ за гватимальскаго владѣльца г. де-Фракко, и пробывъ еще два года въ Америкѣ, въ 1851 году явилась на парижской сценѣ Большой Оперы—оспаривать славу у своихъ извѣстныхъ предшественницъ, любимицъ избалованной парижской публики, г-жъ Віардо, Штольцъ и Альбони. Состязаніе было трудно; она дебютировала въ оперѣ Галеви: *La Reine de Chypre*, и парижскіе рецензенты поставили ее тотчасъ же наряду съ этими тремя европейскими знаменитостями. Полнымъ ея торжествомъ въ Парижѣ была партія Фидесы, въ оперѣ *Осада Генга*, которую она пѣла въ томъ же году восемьдесятъ разъ, а въ слѣдующемъ 1852, создала роль Теодоры въ оперѣ «*Вѣчный Жидъ*», нарочно написанной для нея Галеви, независимо отъ ролей, игранныхъ ею почти во всѣхъ операхъ, составляющихъ парижскій репертуаръ. Въ 1853 году она прославилась въ оперѣ «*La Fronde*», нарочно также для нея написанной композиторомъ Нидермейеромъ. Пользуясь вакантнымъ временемъ, она поѣхала въ Лондонъ, гдѣ шесть разъ исполнила блестящую партію Фидесы.

Возвратившись обратно въ Парижъ и исполнивъ весь огромный репертуаръ Большой Оперы, г-жа Тедеско готовилась было въ настоящемъ году, къ новой написанной для нея Мейерберомъ роли въ новой оперѣ «Африканка», но тутъ были ей присланы предложенія нашей петербургской дирекціи, и *Африканка* Мейербера была отложена до ея возвращенія. Полагаясь, для полнаго успѣха, на талантъ г-жи Тедеско, композиторъ никому не хотѣлъ поручить ея партіи. Товарищъ настоящаго сезона г-жи Тедеско, Алессандро Беттини, родился въ Римѣ, въ 1826 году и началъ свое музыкальное образованіе въ консерваторіи Сан-Микаэло, подъ руководствомъ Скардавани, а потомъ бралъ уроки у извѣстнаго Стателла. Дебюты свои онъ началъ въ Неаполѣ, на театрѣ Сан-Карло, въ 1849 году, въ оперѣ Лукреція Борджія, исполненіемъ партіи Дженаро. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, которыя молодой пѣвецъ провелъ на этой сценѣ, исполняя обширный репертуаръ тенороваго голоса, онъ игралъ еще въ оперѣ «Элеонора», написанной для него Меркаданти; въ которой вполне выказалъ свое прекрасное дарованіе, и въ двухъ операхъ *Semi Seria* «Дофина» и «Молодость Шекспира», написанныхъ также для него композиторомъ Лилло. 1852 и 1853 годъ были посвящены Беттини артистическимъ путешествіямъ; онъ былъ въ Мадридѣ, гдѣ дебютировалъ въ *Somnambul*, въ роли Эльвина, съ пѣвицею Кларой Новелло, въ Лукреціи Борджія, Любовномъ напитокѣ и другихъ операхъ новѣйшаго репертуара, и потомъ въ Единбургѣ, на новомъ, только что тамъ открывшемся оперномъ театрѣ. На сценѣ этой, вмѣстѣ съ Коррадори-Аланъ и басомъ Формесомъ, онъ исполнилъ весь новый оперный репертуаръ и преимущественно заслужилъ одобреніе въ «Невѣстѣ лунатикъ» и «Любовномъ напитокѣ». Въ 1854 году Беттини ангажировали на лондонскую Друриленскую сцену, на которой онъ дебютировалъ въ роли Эльвина, въ Невѣстѣ Лунатикъ, вмѣстѣ съ артистами тамошней труппы и съ молодою, талантливою пѣвицею Бюри; съ этой—то сцены пригласила къ намъ Беттини наша петербургская дирекція Императорскихъ театровъ. Онъ соединяетъ прекрасную методу пѣнія съ чистымъ голосомъ и привлекательною наружностью.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы упоминали о прощальномъ бенефисѣ г. Толченова, прослужившаго долгой сорока—пятилѣтній сценической срокъ, если не съ талантомъ, то съ добросовѣтностью къ избранному имъ искусству; нынче намъ опять придется говорить о такихъ же утратахъ для нашей русской сцены, утратахъ, долго можетъ быть незамѣнимыхъ, и о которыхъ нескоро позабудетъ публика Александринскаго театра. 6 октября простилась съ любителями драматическаго искусства М. И. Валь-

берхова, въ возобновленной драмѣ: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», послѣ 47 лѣтъ службы. М. И. Вальберхова родилась въ 1788 и вступила на сцену единственно по страсти къ драматическому искусству. Будучи семнадцати лѣтъ, она дебютировала въ роли Антигоны, въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Афинахъ». Не смотря на то, что М. И. получила воспитаніе въ домашнемъ кругу и не имѣла никакого понятія о нѣкоторыхъ приемахъ, необходимыхъ на сценѣ, она исполнила первую роль свою съ такимъ искусствомъ, что ее почти тотчасъ же ангажировали на первыя трагическія роли. Товарищами въ первое время сценическаго поприща были у г-жи Вальберховой артисты извѣстные и любимые публикою. Такъ наприимѣръ, въ Эдипѣ она играла съ знаменитымъ трагикомъ Яковлевымъ, исполнявшимъ роль Тезея, и съ извѣстнымъ Шушеринымъ, игравшимъ Эдипа. Трагическое амбула занимала г-жа Вальберхова исключительно шесть лѣтъ сряду, играя въ трагедіяхъ Княжнина: «Рославъ», Софонизба и «Дидона»; въ переводныхъ трагедіяхъ Расина «Гофолія», «Британикъ», «Андромахъ», въ которой она исполняла главную роль, при содѣйствіи знаменитой актрисы Семеновой, игравшей роль Герміоны. Не можемъ удержаться, чтобъ не написать отрывка объ игрѣ г-жи Вальберховой въ трагедіи «Дидона», написанномъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ въ 1824 году, показывающаго, какъ судили о ней за тридцать лѣтъ назадъ.

«Госпожа Вальберхова, говоритъ рецензентъ, представляла Дидону. Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ она казалась актрисой довольно пріятной, и мы могли только замѣтить величавость осанки ея, свободу и приличіе въ тѣлодвиженіяхъ, голосъ хотя не мягкій и гибкій, но произношеніе чистое и правильное. Въ третьемъ актѣ, гдѣ разныя страсти попеременно господствуютъ надъ сердцемъ Дидоны и гдѣ быстрые переходы изъ одного положенія въ другое требуютъ необыкновеннаго искусства, талантъ госпожи Вальберховой показался во всемъ своемъ блескѣ. Негодованіе Дидоны, когда она хладнокровно отсылаетъ Энея и говорить:

Не буду предъ тобой вздыханьемъ унываться,
 Не хочешь быть со мной, и я хочу разстаться.
 Узнала я тебя... Эней, на вѣкъ прости.

«Сіе негодоваѣ, можно сказать чуждое сердцу Дидоны, вдругъ исчезаетъ при словѣ «на вѣкъ». Несчастная Дидона, чувствуя, что не переживетъ разлуки съ Энеемъ, убѣждаетъ его остаться, плачетъ, падаетъ къ ногамъ его, напоминаетъ данныя имъ клятвы — и быстрый

переходъ отъ негодованія къ жалости, и постепенно увеличивающаяся горестъ выражены госпожею Вальберховою безъ выученнаго жеманства и съ такимъ искусствомъ, какого ожидать можно только отъ превосходной актрисы. Вообще госпожа Вальберхова очень хорошо понимаетъ всякую мысль своего сочинителя. Выраженія чувства и страсти у нея весьма значительны; при недостаткѣ мягкости въ голосѣ она оказала великіе успѣхи въ искусствѣ декламации. Госпожа Вальберхова появившись на сценѣ, тотчасъ начинаетъ играть и продолжаетъ игръ свою до тѣхъ поръ, пока не уйдетъ съ театра; она не перестаетъ играть и тогда, когда окончила слова свои; соображается съ словами другаго лица и начинаетъ отвѣтъ свой всегда пріостановившись. Замѣтно, что госпожа Вальберхова прилѣжно наблюдаетъ игру дѣвицы Жоржъ, у которой заняла осанку, нѣкоторыя тѣлодвиженія, и отчасти самое даже произношеніе.»

Не будучи современниками этой артистки, мы не можемъ ничего сказать о блестящей порѣ ея до 1811, въ которомъ она, по случаю кончины нѣжно-любимой матери, на два года оставила сцену, и потому скажемъ лишь, по отзывамъ тогдашнихъ любителей театра, что г-жа Вальберхова была очень хороша собою, и особенно удачно исполняла роли, требующія чувствительности; для выраженія же энергическихъ чувствъ и страстей, у нея къ сожалѣнію не доставало физическихъ средствъ, сильной груди. До отставки своей г-жа Вальберхова играла также въ трагедіяхъ князя Шаховскаго «Идамія» и «Добора»; въ переводныхъ трагедіяхъ Висковатова: «Семирамида», «Радомиръ» и «Зенобія», въ трагедіяхъ Грузинцева «Магометъ» и «Электра» и въ трагедіи Корнелья «Горація», въ которой играла роль Сабинны вмѣстѣ съ Семеновою, игравшею Камиллу. Развитію трагическаго таланта нашей почтенной артистки много способствовали совѣты князя Шаховскаго и известнаго актера Ивана Аванасьевича Дмитревскаго, члена Россійской Академіи Наукъ и надзирателя россійскаго театра, скончавшагося въ 1821 году. Въ то время, какъ князь Шаховской, фанатикъ своего дѣла, выбивался изъ силъ, чтобъ передать молодой, прекрасной актрисѣ настоящій смыслъ затверженной ею роли, показать ея оттѣнки, вразумить положеніе персонажа, Дмитревскій ограничивался обыкновенно одними восклицаніями: «прекрасно, душа, прекрасно!» Одинъ только разъ посоветовалъ онъ Вальберховой, въ роли Электры, держать урну съ предполагаемымъ прахомъ Ореста нѣсколько выше и по временамъ прижимать къ сердцу.» Вотъ такъ, душа, добавилъ онъ, будетъ эффектиѣ!» Эффектъ былъ душою Дмитревскаго! По вступленіи

своёмъ снова на сцену, въ 1813 году, г-жа Вальберхова начала испытывать свои силы также и въ комедіяхъ, и выбрала для перваго своего дебюта на этомъ новомъ поприщѣ, комедію учителя своего, князя Шаховскаго «Липецкія воды», и потомъ послѣдовательно играла въ пьесахъ того же автора въ «Пустодомахъ», «Какаду», «Тетушка или она не такъ глупа» и многихъ другихъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Изъ комедій Мольера она играла въ «Тартюфѣ» роль Эльмиры и въ «Мизантропѣ» роль Селимены, и наконецъ, когда около 1832 года, лучшія тогдашнія артисты г-жи Каратыгина и Брянская, по случаю болѣзни, должны были оставить на время сцену, она играла за нихъ всѣ первыя роли. Этими ролями она постоянно потомъ мѣнялась съ г-жею Каратыгиной, по возвращеніи ея изъ-за границы. Г-жа Вальберхова участвовала также и въ драмахъ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Желѣзная маска» и другихъ, соч. Коцебу и въ драмѣ Шиллера «Коварство и любовь», въ которой она по-очередно играла обѣ женскія роли, то роль Луизы, то леди Мильфордъ. Срокъ служебнаго поприща г-жи Вальберховой кончился еще въ 1830 году, въ которомъ назначена была ей опредѣленная пенсія; но любовь къ искусству до нынѣшняго года удерживала ее на нашей сценѣ. Не нужно много распространяться о томъ всеобщемъ сочувствіи, съ которымъ встрѣтила наша публика заслуженную артистку въ прощальномъ ея бенефисѣ, не смотря на довольно ничтожную роль служанки, выбранную ею въ давно всѣмъ извѣстной мелодрамѣ «Жизнь игрока». Г-жа Вальберхова была тронута до слезъ пріемомъ, сдѣланнымъ ей зрителями, благодарными за ея долговременную службу театру.

Почти вельдъ за этимъ прощальнымъ бенефисомъ, именно 10-го Октября, былъ данъ также прощальный бенефисъ другой артистки, г-жи Степановой, выбравшей оперу «Жизнь за Царя» М. И. Глинки, въ которой она исполнила роль Антонида. Не смотря на то, что природныя средства не вполне соответствовали ея крайней добросовѣстности и непомѣрному трудолюбію, нельзя не пожалѣть, что наша оперная труппа лишилась въ ней старательной исполнительницы во многихъ роляхъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ раскланялась также навсегда съ петербургскою публикой танцовщица г-жа Неваховичъ, извѣстная болѣе подъ именемъ г-жи Смирновой.

Среди этихъ сценическихъ утратъ любители театра понесли утрату невозвратимую: въ срединѣ октября скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, артистъ Императорскаго Александринскаго театра г. Григорьевъ 2-й, прослужившій около тридцати лѣтъ, давно получавшій пен-

сію и исполнявшій на сценѣ роли, понятныя для зрителей всѣхъ слоевъ общества. Кто не знаетъ имени г. Григорьева, соединявшаго въ себѣ два дарованія—дарованіе хорошаго артиста съ талантомъ драматическаго писателя, и кто изъ знавшихъ его не пожалѣетъ о его преждевременной кончинѣ. Покойный соединялъ съ добрымъ и веселымъ нравомъ острый умъ, и многія изъ его пьесъ, которыя вѣроятно долго переживутъ своего автора на нашей сценѣ, замѣчательны своей наблюдательностью, хотя и не отличаются строго литературными достоинствами. Въ артистическомъ поприщѣ его можно насчитать много успѣховъ, которыми онъ имѣлъ полное право гордиться, особенно исполняя роли гостинодворскихъ купцовъ. Но смерть не разбираетъ своихъ жертвъ, она скосила еще одного челоука, имя котораго извѣстно во музыкальныхъ гостиныхъ Россіи, именно фортепяннаго мастера Лихтенталя. Его заслуги въ техническомъ музыкальномъ мірѣ также приобрѣли ему право на всеобщее сожалѣніе, особенно въ средѣ музыкантовъ, лишившихся въ немъ превосходнаго и добросовѣтнаго знатока своего дѣла. Носятся также слухи, что умеръ бывшій любимецъ петербургской публики Тамбурины, отъ апоплексическаго удара, приключившагося ему въ слѣдствіе сильнаго огорченія отъ неудачи на лондонской сценѣ, но можетъ быть, извѣстіе это окажется ложнымъ, какъ и многія другія, сообщаемыя иностранными газетами изъ желанія чѣмъ нибудь занять публику, за неимѣніемъ извѣстія болѣе отраднаго и интереснаго для каждаго.

Самою замѣчательною и для всѣхъ равно интересною новостью въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ была обыкновенная годичная выставка художественныхъ произведеній Императорской Академіи Художествъ, открытая для публики съ 11-го октября, послѣ обыкновеннаго, годичнаго торжественнаго акта. Академическій актъ нынѣшняго года былъ особенно замѣчательнъ тѣмъ, что на немъ праздновался юбилей пятидесятилѣтняго служенія искусствамъ и отечеству вице-президента Академіи, графа Ѳ. П. Толстаго, полный срокъ которому исполнился еще 10-го іюня настоящаго года. Августѣйшій Президентъ Академіи Художествъ, Ея Императорское Высочество, Великая княгиня Марія Николаевна, удостоила юбиляра милостиваго рескрипта.

Въ этотъ день графу Ѳ. П. Толстому поднесена была великолѣпная серебряная ваза, работы извѣстнаго нашего художника Сазикова, исполненная въ русскомъ стилѣ, напоминающемъ древніе славянскіе кубки и сосуды, вся вызолоченная и только мѣстами бѣлѣющая матовымъ серебромъ съ изображенными черневыми фигурами. Рисунокъ для этой вазы былъ сдѣланъ академикомъ Ѳ. Г. Солицевымъ, извѣстнымъ знатокомъ русской старины и большимъ искусникомъ возстановлять ся забытыя

въ своемъ родѣ изящества. На корпусѣ вазы, среди прекрасно придуманныхъ орнаментовъ, составляющихъ вензель графа Федора Петровича, изображены геніи: медальернаго искусства, ваянія, живописи и науки, а на самой крышкѣ полная фигура генія, скопированная съ академической медали, сдѣланной самимъ вице-президентомъ. Эта фигура вполне дополняетъ эмблематическое, приличное торжественному случаю, значеніе вазы. На сторонахъ ея вычеканены славянскими буквами, такъ называемою вязью, двѣ надписи съ одной стороны: *Въ память пятидесятилѣтняго служенія Царю, Отечеству и искусству*, и время начатія службы—1802 годъ, а съ другой стороны: *Отъ Императорской Академіи Художествъ вице-президенту ея, графу Федору Петровичу Толстому, 1854 годъ*. Изъ числа присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ, Н. И. Гречъ произнесъ виновнику юбилея привѣтственную рѣчь, равно какъ и академикъ Рамазановъ (подъ руководствомъ котораго образовалось уже столько замѣчательныхъ талантовъ ваянія) отъ имени бѣлокаменной Москвы. Знаменитый юбиляръ былъ глубоко тронутъ этимъ выраженіемъ къ нему чувствъ С. Петербургской Академіи и высказалъ, что не находитъ словъ для выраженія той признательности и тѣхъ чувствъ, которыя въ ту минуту наполняли его душу. По окончаніи торжественнаго акта, все присутствовавшее на немъ художники, почетные посѣтители и знакомые вице-президента были приглашены имъ на роскошный обѣдъ, послѣ котораго все отправились въ комнаты, занимаемыя графомъ и оставались въ нихъ далеко за полночь, коротая время въ оживленной, задушевной бесѣдѣ. Все общество было будто одна кровная семья артистовъ, собравшаяся на славное и заслуженное торжество своего артистическаго родоначальника *pater familia*. Долговременное художественное поприще графа Толстаго обильно многочисленными подвигами для славы нашего искусства, и потому безъ всякаго сомнѣнія наши читатели съ удовольствіемъ прослѣдятъ его вмѣстѣ съ нами отъ самаго его начала до почетнаго дня юбилея.

Графъ Федоръ Петровичъ родился въ Петербургѣ въ 1783 году и тотчасъ же былъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, по обычаю всехъ дворянскихъ лучшихъ фамилій временъ Императрицы Екатерины Великой. Наклонность къ искусствамъ заглясь въ немъ, кажется, вмѣстѣ съ жизнію, и онъ, подобно многимъ великимъ художникамъ, о которыхъ сохранилось преданіе въ Исторіи Искусствъ, будучи еще четырехъ лѣтъ, обнаружилъ сильныя способности къ тому поприщу, которое суждено было ему прославить такъ блистательно въ послѣдствіи. Уже и въ то время рисовальныя начатки его обращали на себя вни-

маніе его родныхъ, и до сихъ поръ хранятся въ его семействѣ, какъ любопытный памятникъ рѣдкаго художественнаго явленія. Когда будущій славный художникъ подроетъ, дядя его, командиръ Псковскаго драгунскаго полка, стоявшій съ главною полковою квартирою въ городѣ Ошмянахъ, взялъ его съ собою, и тамъ десятилѣтній мальчикъ уже стоялъ въ вонескихъ рядахъ и удивлялъ заслуженныхъ солдатъ своего неустрашимостью и искусствомъ управлять конемъ. Широкое поле военной карьеры казалось уже открылось для него, но судьбѣ было угодно ввести его на иное, не менѣ славное поприще, точно также, какъ не удалось ему посвятить себя исключительно одной живописи, къ которой онъ съ такихъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ рѣшительное и рѣдкое призваніе. Пробывъ нѣсколько времени при полку, графъ Федоръ Петровичъ отданъ былъ родителями въ Полоцкое училище, славившееся тогда своимъ преподаваніемъ, а по кончинѣ Императрицы Екатерины, когда обычай записывать дворянъ въ военную службу при самомъ ихъ рожденіи, былъ уничтоженъ, возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ помѣщенъ въ Морской кадетскій корпусъ, изъ котораго по окончаніи наукъ былъ выпущенъ мичманомъ 25 іюля 1802 года. Другой путь опять было предстоялъ графу: море готовило для него свое необозримое лоно, но жребій и тутъ сберегъ его для искусства. Большія математическія способности, обнаруженныя имъ въ классахъ Морскаго корпуса, обратили на него особенное вниманіе извѣстнаго корпуснаго преподавателя Фуса, и тотъ, полюбивъ молодаго ученика, предложилъ ему безвозмездно заниматься съ нимъ, даже по выпускѣ его въ офицеры. Однажды, дожидаясь своего профессора, графъ досталъ восковую свѣчу, налѣпилъ на столѣ воску, и однимъ перочиннымъ ножомъ и булавкой скопировалъ бюстъ Наполеона съ камня, привезеннаго изъ-за границы отцемъ его. Этотъ случай, весьма повидимому обыкновенный и незначительный, рѣшилъ дальнѣйшее его поприще. Проницательный профессоръ угадалъ настоящее призваніе молодаго моряка, и тотчасъ же сталъ ему совѣтовать посѣщать академическіе классы и учиться скульптурѣ и медальерному искусству. Способности графа не скрылись отъ глазъ его наставниковъ, и профессоръ академіи Прокофьевъ, постоянно обращавшій на него вниманіе и слѣдившій за его успѣхами, также какъ и Фусъ, совѣтовалъ ему сдѣлаться исключительно художникомъ, и графъ, повинуваясь собственному убѣжденію, вышелъ въ 1804 году въ отставку и занялся единственно любимымъ имъ искусствомъ. Эта перемѣна будущности была важнымъ и труднымъ шагомъ въ жизни графа Федора Петровича, и ему пришлось переносить много испытаній, пока не распространилась его извѣстность, а дарованіе не было постигнуто и поощрено всеобщей

молвою и еще прежде того милостивымъ вниманіемъ Императора Александра и членовъ Августѣйшей фамиліи. Художникъ былъ счастливъ и не желалъ ничего больше, но его родственники, смотрѣвшіе съ неудовольствіемъ на его художественныя занятія, уговаривали его вступить снова на службу въ Кавалергардскій полкъ, когда Императоръ Александръ, увидавъ его замѣчательное и сильное дарованіе, изъявилъ желаніе, чтобъ графъ Федоръ Петровичъ не оставлялъ избраннаго имъ поприща, говоря, что онъ не нуждается въ отличномъ наѣздникѣ, но что Россія нуждается въ художникахъ. Съ этой поры графъ окончательно сталъ принадлежать однимъ русскимъ искусствамъ. Прослѣдимъ теперь вкратцѣ это поприще, совершаемое имъ такъ блистательно въ теченіе полувѣка, на глазахъ современниковъ. Въ 1806 году графъ Федоръ Петровичъ былъ опредѣленъ на службу въ Императорскій Эрмитажъ, а въ 1809 въ Монетный департаментъ, въ которомъ, по желанію Государя Императора, началъ прилежно заниматься медальернымъ искусствомъ, и въ томъ же году избранъ въ почетные члены Академіи Художествъ, за представленный имъ большой барельефъ, исполненный изъ воску, изображавшій торжественный въѣздъ въ Римъ Ромула и Рема, а равно и за другія работы, разсмотрѣнныя совѣтомъ Академіи. Въ 1820 году графъ Толстой былъ избранъ въ члены Высочайше утвержденаго Общества российской словесности; въ 1822 году въ дѣйствительные члены Королевской Прусской Академіи Художествъ; въ 1825 году въ члены Курляндскаго Общества Литературы и Искусствъ. Въ этомъ же году графъ Федоръ Петровичъ былъ опредѣленъ въ Императорскую С. Петербургскую Академію Художествъ для обученія учениковъ медальерному искусству, въ 1828 назначенъ Вице-Президентомъ ея. Въ 1830 году графъ былъ избранъ въ почетные члены Императорскаго Виленскаго университета; въ 1832 въ почетные члены Санктпетербургскаго Филармоническаго общества; въ 1836 году въ почетные члены Австрійской Академіи Художествъ и въ томъ же году въ почетные члены Флорентинской Академіи Художествъ; въ 1842 году возведенъ въ званіе профессора по медальерной части; въ 1843 въ званіе профессора скульптуры, а въ 1851 году избранъ въ почетные члены Московскаго Художественнаго общества. Въ 1826 году графъ Федоръ Петровичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степени, за дѣятельное участіе въ Комитетѣ Васильевскаго острова о пособіи потерпѣвшимъ отъ наводненія 7 ноября 1824 года; въ 1834 году орденомъ Св. Анны 2 степени, за художественныя труды; въ 1838 орденомъ св. Анны Императорскою короною украшеннымъ; въ 1842 году орденомъ св. Владиміра 4 степени; въ 1850 орденомъ св. Станислава 1

степени и наконецъ, въ настоящемъ году, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его службы, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени. Независимо отъ этихъ знаковъ Монаршаго благоволенія, графъ Федоръ Петровичъ, въ уваженіе къ таланту его по части искусствъ, имѣетъ золотую медаль отъ его величества короля Баварскаго и Командорскій крестъ ордена Полярной звѣзды отъ его величества короля Шведскаго.

Число произведеній этого ветерана-художника, имя котораго навсегда вписано съ гордостью русскимъ художествомъ въ страницы своей исторіи, какъ одного изъ отличнѣйшихъ своихъ представителей, очень многочисленно и разнообразно. Графъ Федоръ Петровичъ испытывалъ свои силы, и всегда съ достоинствомъ, во всѣхъ родахъ: въ медальерномъ искусствѣ, въ скульптурѣ, въ рисованіи, гравированіи и даже въ живописи. Этому заслуженному старцу, кажется *ни что въ предѣлахъ земномъ не было чуждо земнаго*. Онъ былъ и отличнымъ наѣзникомъ, и фехтовальщикомъ, прекраснымъ математикомъ, морякомъ; онъ изучалъ хореграфію подъ руководствомъ Дидло, и сочинилъ два балета: «Эолова арфа» и «Эхо,» нарисованные слишкомъ на пятидесяти листахъ большаго формата; но, собственно графъ болѣе занимался медальернымъ искусствомъ, и первымъ и главнымъ звѣномъ его художественной славы на этомъ поприщѣ были медали, посвященныя великимъ событіямъ отечественной войны двѣнадцатаго года. Медалей этихъ, замѣчательныхъ по своему рѣдкому исполненію, двадцать одна.

Медали, выбитыя на разные торжественные случаи, съ символическими изображеніями, почти трудно всѣ перечестъ, такъ онѣ многочисленны. Познакомимъ съ ними читателей послѣдовательно, какъ онѣ выходили изъ мастерской художника. Въ 1809 году, большой величины медаль въ Виленскій университетъ, въ честь графу Чацкому; въ 1813 году, большой величины медаль, поднесенная его королевскому высочеству принцу Александру Виртембергскому отъ Санктпетербургскаго Ополченія; въ 1814 году, средней величины медаль для Абоскаго университета, въ честь Его Императорскаго Высочества Великаго князя Николая Павловича; въ 1817 году, средней величины медаль, въ Финляндію, на соединеніе лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій; въ 1818 году, большой величины медаль въ память учредителя Вилевскаго университета, Стефана Баторія, и преобразователя его Императора Александра Благословеннаго; въ 1825 году, большой величины медаль на кончину въ Бозѣ почивающаго Императора Александра. Въ 1826 году, большой величины медаль для императорской Академіи наукъ, по случаю столѣтняго ея юбилея; въ 1838 году,

средней величины медаль съ портретомъ его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго; въ 1850 медаль на окончаніе венгерской кампаніи и медаль на сооруженіе чрезъ Неву Благовѣщенскаго моста, одинъ экземпляръ которой, оттиснутый изъ золота, графъ Ѳеодоръ Петровичъ удостоился счастія получить въ подарокъ отъ Его Величества Государя Императора. Сверхъ всѣхъ этихъ медалей, графомъ Толстымъ исполняемы были всѣ медали средней величины, первыя золотыя и первыя серебряныя, раздаваемыя за успѣхи совѣтомъ Академіи Художествъ ученикамъ ея, и многія другія, о которыхъ не позволяеть упоминать малый объемъ фельетонной статьи нашего журнала. Рисунки и модели чашъ, исполненныхъ графомъ Ѳеодоромъ Петровичемъ, также не малочисленны, блюда и солонка, поднесенныя купечествомъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ во время коронаціи въ Москвѣ въ 1826 году; блюдо и солонка, поднесенныя въ томъ же году Ихъ Величествамъ при коронаціи въ Москвѣ русскимъ дворянствомъ; блюдо и солонка, поднесенныя купечествомъ, при бракосочетаніи Государыни Великой княжны Маріи Николаевны, Государя Наслѣдника Цесаревича, Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ княженъ Ольги Николаевны, Александры Николаевны и Елисаветы Михайловны. Сверхъ этихъ произведеній почти всѣ вазы, кубки и чаши, подносимыя при юбилеяхъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ были исполняемы по рисункамъ и моделямъ, сдѣланнымъ графомъ Ѳеодоромъ Петровичемъ. Среди непрерывныхъ занятій по медальерной части, неутомимый художникъ занимался также дѣятельно и скульптурой, и по большей части въ большихъ размѣрахъ. Еще въ 1822 году былъ вытѣленъ, въ натуральную величину, бюстъ Морфея, и потомъ высѣченный изъ мрамора, и красовался не очень давно въ залахъ Академіи на годичной выставкѣ; въ 1841 году поручено было графу Толстому комиссіею о сооруженіи въ Москвѣ храма Христа Спасителя сдѣлать рисунки всѣмъ наружнымъ входнымъ вратамъ, которыя, будучи окончены имъ въ глинтѣ, отлиты потомъ изъ алебастра и переданы на литейную фабрику его Императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго. Вратъ этихъ всѣхъ двѣнадцать, четверо большихъ и восемь малыхъ и нѣкоторыя изъ нихъ, отлитыя въ гипсѣ, были также выставлены въ залахъ Академіи художествъ. Живопись также не была позабыта неутомимымъ художникомъ, и въ 1830 году была выставлена графомъ перспективная картина, представлявшая на первомъ планѣ групу его семейства. Что графъ Ѳеодоръ Петровичъ еще и нынѣ занимается съ успѣхомъ живописью, посѣтители нынѣшней вы

ставки имѣли случаи убѣдиться, видя его новую картину масляными красками, сюжетъ которой заимствованъ изъ шотландской баллады «Варвикъ», известной нашимъ читателямъ по переводу Жуковского. Наконецъ, недавнимъ замѣчательнымъ трудомъ графа Толстаго были вышедшіе въ 1852 году шестьдесятъ три рисунка большого формата къ известной поэмѣ Богдановича «Душенька», нарисованные и выгравированные въ контурахъ и замѣчательные по правильности рисунка и неистощимому творчеству воображенія. Не станемъ говорить о художественномъ достоинствѣ всѣхъ произведеній графа Толстаго, это будетъ лишнимъ, потому что давно уже вся Россія и всѣ иностранныя художественныя Академіи сдѣлали имъ достойную оцѣнку. Подъ руководствомъ знаменитаго юбиляра образовались многіе замѣчательные таланты, а еще въ недавнее время г. Боголюбовъ, находящійся теперь для усовершенствованія за границей, картинами котораго наша публика любовалась на прошедшихъ выставкахъ и имѣла случай любоваться и на нынѣшней.

По присужденію совѣта Императорской Академіи Художествъ удостоились художественныхъ званій и наградъ слѣдующіе художники:

Признанъ профессоромъ: академикъ г. Пименовъ, за скульптурныя произведенія въ большомъ размѣрѣ. Признаны академиками: художникъ Ивановъ, за скульптурное произведеніе «Мальчикъ въ банѣ»; назначены академиками гг. Стуккей и Горностаевъ, за архитектурные проекты, и классные художники гг. Барчъ и Пукшель, за такіе же проекты, иностранный художникъ Прематци, Тербеневъ, художникъ Гоу, иностранный художникъ Штоль, г. Гохъ, художникъ Соврасовъ и художникъ Горецкій—за живописныя произведенія.

Получили званіе художника: ученикъ г. Лялина, Ивановъ, за медальерное искусство; г. Судариковъ, Никитинъ; ученикъ заслуженнаго профессора г. Воробьева г. Хруцкій, Нестеренко, Жаметъ, Голянковскій, Ясновскій и Павловъ, за живописныя произведенія въ разныхъ родахъ.

Награждены первою золотою медалью: ученикъ К. А. Тона, Понафидинъ, за архитектурный проектъ публичной бібліотеки; ученикъ г. профессора Маркова Сорокинъ, за картину, написанную по программѣ: «Вулканъ куетъ стрѣлы Юпитеру»; ученикъ г. профессора Маркова, Рауловъ, за акварельный портретъ вице-президента академіи графа Ѳ. П. Толстаго. Ученикъ заслуженнаго профессора Воробьева, Горавскій и посторонняя любительница г-жа Сухово-Кобылина, за пейзажи.

Золотую медаль за экспрессію получилъ г. Страшинскій, за картину: «Смерть Риччіо».

Награждены второю золотою медалью: ученикъ г. профессора Витали, Штромъ, за скульптурное произведеніе: «Геркулесъ сожигающійся на костръ», ученики Тона гг. Рахау и Каминскій и ученикъ профессора А. А. Тона за архитектурный проектъ публичной библиотеки. Ученики г. профессора Маркова г. Васильевъ и Флавицкій и ученикъ г. профессора Бруни г. Плѣшановъ, за картины, заданныя по программѣ: «Судь царя Саломона» и «Св. пророкъ Елисей исцѣляетъ сына вдовы». Ученикъ г. Лялина, Чукмасовъ за рѣзбу на стали и при ней гипсовый слѣпокъ Персея, освобождающаго Андромеду. Ученикъ Трутневъ, за картину «Игра въ жмурки.» княг. Масальская за пейзажи.

Первую серебряную медаль получили: ученикъ Лялина, г. Залѣсовъ (Марсъ убиваетъ Мимаса); ученикъ Микѣшинъ (подвигъ полковника А. П. Никитина, нынѣ графа, подъ Краснымъ въ 1812 году); ученикъ г. заслуженнаго профессора Воробьева (Крестьянская семья на пашнѣ); г. Протопоновъ (Пейзажъ въ окрестностяхъ г. Осташкова) и г. Богомоловъ (два вида въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ).

Второй серебряной медали удостоены: ученикъ г. академика Рамазанова г. Фадѣевъ (Мальчикъ, играющій въ свайку); ученики г. профессора Вилевальда, г. Грузинскій (Бивуакъ лейбъ-казацкаго полка), Заурвейдъ (Эпизодъ изъ сраженія при Ольтеницѣ); ученикъ г. профессора Маркова г. Ир. Васильевъ (Портретъ г. Миллера); г. Башиловъ (картина Печальное извѣстіе); княгиня Масальская (Три пейзажа); г. Лебедевъ, ученикъ г. профессора Басина (Портретъ г. Мартоса). Удостоились похвалы: ученикъ г. профессора Барона Клодта г. Лаврецкій (бюстъ).

Всего на нынѣшней годичной художественной выставкѣ скульптурныхъ, архитектурныхъ, акварельныхъ и живописныхъ масляными красками произведеній было 244, не включая въ это число двухъ, выставленныхъ уже по открытіи академическихъ залъ для публички. Количество не малое, хотя посѣтители и не нашли въ этихъ залахъ многихъ именъ, которыя они привыкли видѣть, какъ напримѣръ: г. Лагорію, Рицони, князя Максютова, почетнаго вольнаго общника графа Мордвинова, Бѣляева, Стрякина, Бернардскаго, Горбунова и многихъ другихъ. Гг. профессора Академіи, кромѣ графа Э. П. Толстаго, также не украсили выставки своими работами. Не смотря на то, выставка нынѣшняго года все таки замѣчательна, какъ наглядное свидѣтельство все большаго и большаго развитія нашей русской живописной школы, отличающейся предъ всеми прочими школами строгимъ требованіемъ правильнаго рисунка и вѣрности концепціи. На нынѣшней выставкѣ живописныхъ произведеній было 137, архитектурныхъ проектовъ,

чертежей и рисунковъ 27, скульптурныхъ произведеній 21, медальерныхъ 14. Начнемъ обзоръ выставки съ такъ называемой круглой, входной залы, съ прекрасныхъ колоссальныхъ фигуръ г. Пивменова, изображающихъ «Воскресеніе и Преображеніе Господне». Группы эти, предназначенныя для малыхъ иконостасовъ Исаіевскаго Собора и отливающіяся въ настоящее время изъ бронзы, болѣе всего поражаютъ сильнымъ выраженіемъ лицъ и необыкновенною граціозностью контуровъ, не говоря уже о превосходно исполненной драпировкѣ, которой складки до того мягки и волнисты, какъ будто вы видите предъ собою обыкновенную легкую ткань, изъ-подъ которой сквозятъ члены, а не плотный и грубый гипсъ. Разсматривая ангеловъ въ группѣ «Воскресенія» и лица воиновъ, пораженныхъ страхомъ, и прислушивающуюся фигуру Іоанна Богослова въ группѣ «Преображенія», предъ глазами вашими исчезаетъ гипсовая масса, исчезаетъ само искусство ваянія, потому что вамъ кажется, будто вы видите предъ собою живыя лица, изъ которыхъ одни скоро улетятъ на небо за Искупителемъ, а другія встанутъ и заговорятъ. Никогда еще дарованіе новаго профессора не выказывалось въ такомъ яркомъ художественномъ свѣтѣ и никогда еще кажется у насъ скульптура не приближалась такъ чудно къ живой природѣ!

Двѣ изъ этихъ фигуръ, изображеніе Спасителя и голова Іоанна Богослова уже отлиты изъ бронзы, безъ чеканки, и выставлены въ той же залѣ. Изъ прочихъ скульптурныхъ произведеній очень хорошъ «Мальчикъ въ банѣ», г. Иванова. Поза его самая непринужденная и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозная, особенно естественно лицо, выражающее вѣрно схваченную нѣгу и томленіе, и также удачно вылѣплена фигура мальчика, играющаго въ свайку, г. Оадѣва. Обѣ эти статуи присланы изъ Москвы и вылѣплены подъ руководствомъ академика Рамазанова. Московская художественная школа подарила нашу Академію столькими прекрасными художниками, что нельзя при этомъ не высказать полной благодарности академикамъ, братьямъ Добровольскимъ, положившимъ ей первое основаніе своими неусыпными заботами, доведшими до такого цвѣтущаго состоянія. Изъ учениковъ здѣшней Академіи г. Штромъ выставилъ Геркулеса, сожигающагося на кострѣ. Статуя этой, прекрасной во всѣхъ художественныхъ отношеніяхъ, недостаетъ только болѣе счастливаго и выгоднаго для зрителей положенія, потому что фигура Геркулеса, изваяннаго съ закинутою головой, естественнымъ признакомъ мученія, испытываемаго отъ огня, не иначе можетъ быть хорошо разсмотрѣна, какъ сверху, стоя надъ пьедесталемъ. Изъ бюстовъ, выставленныхъ нынѣшній годъ, очень удачно исполненъ бюстъ князя Дункова-Корсакова, вырѣзанный изъ дерева въ нѣсколько часовъ ху-

дожникомъ Шутовымъ и бюстъ, исполненный г. Лаваретцкимъ. Однимъ словомъ, скульптурная часть составляетъ капитальное украшеніе нынѣшней выставки. Въ этой же залѣ посѣтители любовались искусною работою художника Травина, моделью собора, собственного сочиненія, сдѣланнаго изъ глины съ такою отчетливостію въ самыхъ мелкихъ деталяхъ, что она кажется будто филограмовою. Произведенія по архитектурной части также нынѣшній годъ всѣ вообще хороши, въ особенности же проектъ публичной бібліотеки Панафидина; изъ прочихъ исполненныхъ на эту же программу гг. Кольманомъ, Рахау и Каминскимъ, кому отдать преимущество, рѣшить очень трудно, потому что всѣ эти проекты имѣютъ свои особенныя неотъемлемыя достоинства, точно также, какъ проекты гг. художниковъ — Барча, Пуншеля, Горностаева и Стуккея. Изъ гравированныхъ произведеній на нынѣшней выставкѣ только одно г. Чукмасова — «Персей, освобождающій Андромеду». Произведеній гравированныхъ на деревѣ не было ни одного. И это тѣмъ удивительнѣе, что мы имѣемъ по этой части превосходныхъ исполнителей, каковы напримѣръ Бернардекій и въ послѣднее время Стряковъ, гравюра котораго, бывшая на прошлогодней выставкѣ, заслужила художнику единодушныя похвалы. Скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи этого искусства, которое у насъ, по равнодушію къ нему нашей публики и болѣе издателей, развивается какъ-то очень слабо, не смотря на свою пользу и неотъемлемое достоинство при хорошемъ исполненіи.

Рѣзба на деревѣ, точно также, какъ искусство книгопечатанія, почти однородное ей, изобрѣтена въ Германіи около половины пятнадцатаго столѣтія и употреблялась первоначально для отпечатанія фигуръ на игорныхъ картахъ. Потомъ вскорѣ начали печататься по этому способу и виньеты, и картины. Въ Вольфенбюттельской бібліотекѣ сохранились такія картины съ приложеннымъ къ нимъ текстомъ, поясняющимъ ихъ содержаніе. Не нужно добавлять, что работа этихъ картинъ самая грубая.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія типографіи, старавшіяся отличиться одна передъ другою и соперничать въ печатаніи книгъ съ роскошью изданій тогдашнихъ рукописей, прибѣгали къ рѣзбѣ на деревѣ и стали съ помощію ея печатать заглавныя буквы и заголовки, которые *рубрикаторы* (рубрикаторами назывались художники, раскрашивавшіе рукописи; слово это происходитъ отъ латинскаго *rubere*, красный цвѣтъ) отцвѣчали потомъ разными красками, серебромъ и золотомъ.

Первыми извѣстными граверами на деревѣ были Вильгельмъ Вольгемуть и Михайль Плейденвурфъ; послѣ нихъ явился знаменитый гАбертъ Дюреръ, сдѣлавшій для искусства гравированія на деревѣ тоже

самое, что дѣлали Рафаэль и Микель-Анджело для итальянской живописи. Онъ довелъ это искусство до такой степени совершенства, что прочимъ позднѣйшимъ художникамъ долго не удавалось не только превзойти Алберта Дюрера, но даже и сравниться съ нимъ. Послѣ Дюрера явились Кранахъ, Бургмаеръ, Балдунгъ, Брезангъ, Крюгеръ, Шауфманъ, Алтдорфъ, и наконецъ знаменитый Ганцъ Гольбейнъ, сдѣлавшійся, по словамъ одного современнаго ему писателя, *слагоу рѣзбы на деревѣ*. Гольбейнъ и потомъ Гуго Капри были первыми художниками, введенными въ рѣзбу на деревѣ свѣто-тѣни.

Лѣтъ чрезъ пятьдесятъ послѣ появленія ея въ Германіи, рѣзба на деревѣ перешла во Францію, и первою книгой, украшенной ея искусствомъ, былъ переводъ *Speculum humane salvationis*, напечатанный въ Лионѣ въ 1498 году и переводъ *Belial*, вышедшій въ свѣтъ въ 1482. Обѣ книги эти большого формата *in folio*.

Между художниками, которыхъ имена сохранились въ исторіи рѣзбы на деревѣ особенно были замѣчательны также Петръ Рефе, Петръ Воеріотъ, Іоаннъ Іюне или Яне, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ *Maitre à la Licogne*, жившій во времена Генриха втораго, и потомъ въ позднѣйшее время Бернаръ, Евгенийъ Лольнъ, Гарнье, Рене Боавенъ и многіе другіе.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, рѣзба на деревѣ перестала употребляться въ типографіяхъ и была совершенно замѣнена гравировкою на стали или на мѣди. Съ 1818 года рѣзба на деревѣ опять возшла въ моду, и не было ни одного порядочнаго романа, котораго бы страницы не украшались рисунками, сдѣланными по этому способу, и такіе рисунки прикладывались, не такъ какъ прежде, вмѣстѣ съ типографскимъ текстомъ, но отдѣльно. Съ этихъ поръ рѣзба на деревѣ распространялась все болѣе и болѣе, совершенствовалась съ каждымъ годомъ, и по тѣмъ даннымъ, которыя мы встрѣчали на нашихъ художественныхъ выставкахъ, намъ нисколько не нужно завидовать самымъ лучшимъ французскимъ и англійскимъ художникамъ. Примѣръ этому мы видѣли не далѣе какъ прошедшій годъ въ превосходной большой картинѣ г. Сѣрякова. Чтобъ убѣдиться въ томъ, до чего доходить искусство этого молодаго художника, стоитъ только развернуть послѣдній номеръ «Сборника» военныхъ событій и посмотреть на его картину, изображающую битву нашего русскаго парохода съ турецкимъ, исполненную въ три тона. Въ этой маленькой картинкѣ тонкость линий и чистота отдѣлки доведены до того, что врядъ ли можно найти что нибудь лучшее въ любыхъ иностранныхъ гравюрахъ, исполненныхъ на стали, а между тѣмъ, за немнѣишемъ большихъ и серьезныхъ заказовъ, г. Сѣря-

ковъ долженъ слабѣть энергіей и не производить ничего, кромѣ виньетокъ. Повторимъ опять, что виною не цвѣтущаго состоянія у насъ этой отрасли художествъ, издатели нашихъ иллюстрированныхъ книгъ, прибѣгающіе по большей части къ дурнымъ литографированнымъ рисункамъ, благо они дешевле, или выписывающіе изъ-за границы уже готовые *клише*, вставляемые ими иногда въ книги, по пословицѣ ни къ селу ни къ городу. Но откуда довольно объ этомъ невеселомъ предметѣ, будемъ продолжать бѣглый нашъ художественный обзоръ.

Въ залѣ такъ называемой «большая библіотека», выставлены были практическіе архитектурныя чертежи учениковъ Академіи, медальерныя произведенія и картина иностранныхъ художниковъ, братьевъ Энріе, написанная прозрачно на грубомъ полотнѣ, по новому, изобрѣтенному ими способу. Изъ медальерныхъ работъ болѣе прочихъ заслуживали вниманія «Марсъ убивающій Мимасса», г. Залъсова и «Персей, освобождающій Андромеду», г. Чукмасова. Картина гг. братьевъ Энріе, подражаніе Дролингу, очень эффектна, хотя фигуры, изображенныя на ней, сдѣланы грубо и нѣсколько неудачно. Этотъ новый родъ живописи можетъ очень удобно замѣнить живопись на стеклѣ.

Болѣе прочихъ залъ привлекала посѣтителей вторая античная галерея, въ которой были выставлены картины учениковъ Академіи, написанныя по заданнымъ темамъ на первую золотую и вторую медаль. На пять темъ первой золотой медали явилось шесть соискателей, на четыре темы второй золотой, восемь. Между этими произведеніями, доказывающими какъ замѣтно годъ отъ году совершенствуются работы учениковъ на задаваемые имъ программы, какъ много заботится Академія о лучшемъ развитіи новаго нашего художественнаго поколѣнія, первое мѣсто принадлежитъ картинѣ г. Сорокина: Вулканъ, кующій стрѣлы для Юпитера. Произведеніе это, отличающееся самыми строгими академическими фигурами, превосходнымъ рисункомъ и сильною живописью, не совсѣмъ лишь удовлетворительно въ историческомъ отношеніи. Циклопы г. Сорокина нѣсколько не походятъ на одноглазыхъ обитателей ада, а скорѣе на нашихъ обыкновенныхъ русскихъ кузнецовъ, а Вулканъ его прикрытъ какимъ-то фантастическимъ краснымъ колпакомъ, похожимъ на тѣ, которые носятъ итальянскіе лазароны. Художнику точно также, какъ и писателю надо почаще заглядывать въ исторію, чтобъ при исполненіи сюжетовъ историческихъ не впасть какъ нибудь въ грубую ошибку, иногда рѣзко бросающуюся въ глаза. На тему «Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и азъ успокою вы», писали гг. Бейдеманъ и Ильинскій. Въ обѣихъ картинахъ много живописи; въ картинѣ г. Бейдемана даже много тщательной отдѣлки въ нѣкоторыхъ фигу

рахъ. На заданную тему: Избраніе на всероссійскій престолъ Микхила Ѳеодоровича Романова, писалъ г. Мартыновъ. Картина эта, замѣчательная соблюденіемъ должнаго эффекта и вѣрностью костюмовъ тогдашняго времени, имѣеть одинъ недостатокъ, замѣченный многими и на прошедшей выставкѣ. Г. Мартыновъ пишетъ всегда на очень темномъ фонѣ, и слишкомъ ярко освѣщаетъ фигуры на первомъ планѣ, и притомъ фигуры на картинѣ его не слишкомъ отдѣлены одна отъ другой, хотя написаны очень не дурно. Г. Солдаткинъ выставилъ картину «Святой Сергій Радонежскій благословляетъ великаго князя Дмитрія Донскаго на битву съ Мамаемъ.» Всѣ мужскія фигуры въ этомъ новомъ произведеніи г. Солдаткина выполнены и размѣщены очень удачно, особенно прекрасно выраженіе лица святаго Сергія, но картина все таки бѣдна, потому что событіе изображено какъ-то мало торжественно; женскія фигуры скомпанованы также неудачно. Г. Мореншильдъ написалъ картину, представляющую «Призваніе князя Пожарскаго на битву съ поляками.» Въ ней также очень мало исторической вѣрности. Воевода изображенъ молодымъ и бодрымъ, нисколько не выказывающимъ томленія отъ той раны, которою онъ въ то время страдалъ, какъ повѣствуетъ намъ исторія, и притомъ князь беретъ за мечъ какъ-то странно, будто вынимаетъ его не для того, чтобъ сражаться съ врагами отечества, а защищаться отъ выборныхъ русской земли, пришедшихъ его звать на славный подвигъ. Картины на тему второй золотой медали выставили г. Плѣшановъ: и г. Годунъ «Святой пророкъ Елисей исцѣляетъ сына вдовы». Изъ этихъ двухъ произведеній особенно хорошо г. Плѣшанова, по своему строгому стилю, хорошей композиціи и добросовѣтному выполненію. Общій эффектъ картины выдержанъ очень правильно, свѣтъ и тѣни соблюдены, какъ слѣдуетъ, и особенно удачно брошенъ свѣтъ на спиву женщины. Картина г. Годуна имѣеть также свои достоинства, хотя сынъ вдовы, которой художникъ умѣлъ придать прекрасное выраженіе, не отдѣланъ, какъ слѣдуетъ. На эту же самую тему писалъ г. Волковъ, но картина его выполнена не съ надлежащимъ вниманіемъ. На тему «Судъ царя Соломона» представлены также три работы, и изъ нихъ самая лучшая принадлежитъ г. Васильеву, по отличной строгости рисунка и хорошему письму, хотя въ нѣкоторыхъ фигурахъ очень замѣтно подражаніе Рафаэлю, что впрочемъ нисколько не можетъ служить упрекомъ молодому художнику, напротивъ, умѣя выбирать хорошее изъ хорошихъ образцовъ, онъ обнаруживаетъ правильный и тонкій вкусъ и заслуживаетъ тѣмъ болѣе благодарность. Не менѣе хороша картина г. Флавицкаго на ту же тему. Фигуры его прекрасно окончены и рельефны, живопись свѣжа и мягка, рисунокъ оригиналенъ

и новъ. Рисуя Судъ царя Соломона, художники обыкновенно привыкли изображать то мгновеніе, когда мудрый царь свершаетъ приговоръ свой, приказывая воину разрубить младенца и отдать по половинѣ каждой просительницѣ. Г. Флавицкій представилъ, напротивъ, окончаніе суда, когда приговоръ былъ уже произнесенъ, и Соломонъ благодаритъ Бога за счастливый исходъ, а одна мать удаляется въ радости съ живымъ ребенкомъ, между тѣмъ какъ другая простерлась въ отчаяніи надъ мертвымъ. Картина г. Ге, на эту же тему, имѣетъ также свои достоинства, но въ общемъ исполненіи не можетъ сравниться съ двумя указанными, и въ ней особенно не удовлетворительны фигуры дѣтей. Картина, писанная г. Келеромъ на тему «Давидъ играетъ на гусяхъ предъ Сауломъ», напоминаетъ собою легкую французскую школу и написана съ большимъ вкусомъ. Г. Берестовъ выставилъ «Танкредъ». Картина эта также написана съ большимъ вкусомъ, тщательно выполнена и соображена. Этими произведениями и ограничиваются все капитальныя работы учениковъ Академіи по части такъ называемой исторической живописи, и на эти работы особенно было обращено вниманіе посѣтителей, какъ на явный примѣръ того старанія, съ которымъ все онѣ были выполнены и на то знаніе искусства, которое обнаружили въ нихъ молодые производители.

Обратимъ теперь вниманіе нашихъ читателей на нѣкоторыя другія прекрасныя картины, выставленныя г. Академикомъ Худяковымъ, ученикомъ профессора Маркова, Страшинскимъ, художникомъ г. Горецкимъ и ученикомъ профессора Бруни г. Берестовымъ. Г. Худяковъ выставилъ «Возстаніе Христіанъ на Востокъ», произведеніе вполне проникнутое мыслию, прекрасное по исполненію и особенно интересное для каждаго въ настоящее время. Академикъ Худяковъ былъ всегда извѣстенъ за художника опытнаго, искуснаго и добросовѣстнаго, но нынѣшній годъ онъ превзошелъ все прочія свои произведенія и въ особенности явился въ новомъ блистательномъ свѣтѣ въ своихъ портретахъ, написанныхъ съ г. и г-жи Рихтеръ. Это чистая живая натура, не поддѣченная никакими эффектами. Г. Страшинскій изобразилъ смерть секретаря Маріи Стюартъ—Ричію. Кому не извѣстна жизнь этой привлекательной и бѣдной Королевы, къ которой историки семнадцатаго столѣтія были безъ всякой жалости. Протестанты не любили ее, какъ католичку. Ее обвиняли въ преступленіяхъ ею не содѣянныхъ. Смерть Іакова V содѣлала ее Королевою еще въ колыбели. Дитя было воспитано посреди бѣдной и суровой природы Шотландіи и убаюкиваемо подъ напѣвъ горныхъ шотландскихъ балладъ, которыхъ фантастическое содержаніе сильно дѣйствовало на ея молодое воображеніе.

Маріи Стуртъ не было еще и десяти лѣтъ, когда ее перевезли ко Французскому двору, гдѣ ей суждено было встрѣтить того, кто возложилъ на главу ея вторую королевскую корону, Франциска II. Ей было тогда семнадцать лѣтъ, а въ девятнадцать она была уже вдовою и со слезами слѣдозала обратно въ свою суровую Шотландію, тревожная тайнымъ предчувствіемъ. Слезы молодой Королевы потекли еще обильнѣе, когда начали скрываться изъ глазъ ея берега втораго ея отечества, земли, въ которой она знала только однихъ друзей. Тогда-то она, облокотясь на бортъ уносившаго ее корабля, устремивъ взоры на постепенно исчезающіе берега, произнесла это поэтическое прощаніе:

Adieu plaisant pays de France!

O ma partie

La plus chérie

Qui as nourri ma jeune enfance:

Adieu, France! adieu nos beaux jours!..

La nef qui disjoint nos amours

N'a eu de moi que la moitié;

Une part te, reste, elle est tienne:

Je la fie à ton amitié,

Pour que de l'autre te souvinne.

И она была права, тоскуя о Франціи, она была въ ней счастлива; страна эта была для нея гостепріимна; а что готовила ей Шотландія? Бракъ съ человѣкомъ жестокимъ, порочнымъ, буйнаго характера, съ Генрихомъ Стуртомъ, котораго двоюродный братъ Дарнлей началъ первый непрерывный рядъ ея несчастій. Этотъ Дарнлей въ самомъ кабинетѣ королевы поразилъ секретаря ея Риччіо. Кровь Риччіо обрызгала платье королевы, но нанесла также гибель и Дарнлею: кровь его также незамедлила пролиться. Враги Маріи Стуртъ обвиняли ее въ этой смерти, хотя она была совершенно невинна въ этомъ преступленіи, и заключили ее въ темницу на берегу озера, въ замкѣ Лохъ-Левенъ. Нѣкоторые вѣрные и приверженные дворяне рѣшились освободить ее. То былъ *маленькій Дугласъ*, имѣвшій едва шестнадцать лѣтъ; онъ-то удостоился счастья способствовать ея побѣгу и провожать ее на другой берегъ, на которомъ ожидали ее преданные люди.

Г. Страшинскій изобразилъ самую минуту убійства Риччіо и появленіе свирѣпаго Дарнлея. Многочисленные фигуры его картины всѣ полны энергіи и жизни, выраженіе лицъ какъ нельзя болѣе естественно, разнообразно. Предъ вами совершается тѣмная драма, которой значе-

нѣ вы постигаете безъ словъ; нельзя не поблагодарить г. Страшинскаго за такое превосходное произведеніе! Художникъ г. Горецкій выставилъ четыре картины: «Пилигримы», перспективный видъ Альямбры, въ Испаніи, копію съ Рибберы, голова св. апостола Варфоломея и причащеніе умирающей. Эта послѣдняя картина, обращавшая на себя общее вниманіе на мадритской выставкѣ и присланная въ Петербургъ еще въ прошедшемъ году, заслужила и у насъ единодушное одобреніе. Какъ трудно оторваться отъ блѣднаго, прекраснаго лица молодой дѣвушки, съ вѣрою устремившей взоры на небо и поддерживаемой старушкой матерью, между тѣмъ, какъ католическій священникъ пріобщаетъ ее святыхъ тайнъ, имѣя при себѣ маленькаго клирошанина, смотрящаго на происходящее съ беззаботнымъ любопытствомъ. Фигура молодой дѣвушки исполнена мастерски, прочія же фигуры не слишкомъ рельефны, вѣроятно отъ того, что художникъ написалъ свою картину на свѣтломъ фонѣ. Многіе останавливались также съ замѣтнымъ удовольствіемъ предъ картиной г. Берестова «Помпеянка съ ночникомъ». Освѣщеніе огнемъ лица помпеянки сдѣлано очень эффектно.

Картинъ по части народныхъ сценъ и очерковъ нравовъ такъ называемыхъ *tableaux de genre*, на нынѣшней выставкѣ очень мало: ихъ только всего десять, и изъ числа ихъ нѣтъ такихъ эффектныхъ, около которыхъ тѣснились зрители на прошедшихъ выставкахъ. Лучшими изъ нихъ можно назвать «игру въ жмурки» г. Трутнева, хотя фигура мальчика съ завязанными глазами показалась намъ очень знакомою, а прочія фигуры слишкомъ идеализированы, равно какъ и самая изба; за нею слѣдуютъ «крестьянская семья на пашнѣ» г. Попова, прелестное, вѣрное натурѣ изображеніе, и «Печальное извѣстіе» г. Башилова.

Славные подвиги нашихъ войскъ на Дунаѣ доставили нашимъ художникамъ семь новыхъ сюжетовъ для картинъ, и нынѣшній годъ выставлены два эпизода изъ дѣла подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, г. Шильдера и г. Шарлеманя. Особенно хороша картина послѣдняго художника, изображающая взятіе двухъ турецкихъ орудій дивизіономъ драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка. Не менѣе хороши также картины военнаго содержанія г. Микѣшина, подвигъ полковника А. И. Никитина (нынѣ графа) въ 1812 году; Кошпена, эпизодъ изъ Бородинской битвы, Зауервейда, эпизодъ изъ сраженія при Ольтеницѣ и Грузинскаго— «Бивуакъ лейбъ-казачьяго полка».

Произведеній по портретной живописи нынѣшній годъ особенно много, и первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ, разумѣется, г. Зарянкѣ, выставившему пять портретовъ: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, князя и княгини Абаме-

лекъ, г. Козлова и г-жи Сокуровой. Говорить о совершенствѣ произведеній г. Зарянки мы почитаемъ излишнимъ, и потому скажемъ только о томъ, что онъ въ нынѣшнемъ году встрѣтилъ себѣ достойнаго подражателя въ молодомъ даровитомъ ученикѣ Академіи, Горавскомъ, обратившимъ на себя еще въ прошедшемъ году всеобщее вниманіе двумя разнородными произведеніями живописи — видомъ Ругейскаго озера близъ Торопца, въ Псковской губерніи, и портретомъ римско-католическаго епископа Войткевича. Три портрета, выставленные нынѣ Горавскимъ: сенатора Ковалева, г. Ковалева и г-жи Полянковой, могутъ похвастаться отличными въ живописи. Нынѣшній годъ все вообще выставленные портреты хороши, и изъ нихъ, по нашему убѣжденію, лучшіе г. Дудякова, о которыхъ мы уже упоминали, г. Васильева (портретъ г. Миллера), г. Лебедева (портретъ г. Мортоса), г. Тютримова (портреты г.г. Нарышкиныхъ и барона Герсдорфа), г. Маларенко (портретъ адмирала П. И. Рикорда), г. Нестеренки (портретъ г. Козлова), и академика Яковлева, выставившаго четыре портрета, изъ которыхъ особенно удаченъ портретъ архимандрита Сергіевской пустыни.

Портретовъ, исполненныхъ акварельными красками, также очень много, и изъ нихъ первое почетное мѣсто принадлежитъ портрету графа Ѳ. Петровича Толстаго, работы г. Раулова, уже сдѣлавшагося извѣстнымъ въ прошедшемъ году своимъ прекраснымъ портретомъ академика Фрикке, за который онъ получилъ вторую золотую медаль. Трудно себѣ представить что нибудь болѣе совершеннаго въ этомъ трудномъ родѣ живописи. Хороши также акварельные портреты г. Никитина (генералъ-адъютанта Граббе и дочерей его), г. Терebeneва (портретъ г. профессора Штакеншнейдера), г. Ризони (портретъ г. Берга). Между акварельными рисунками нельзя было не замѣтить акварельной копіи съ Мурилло, иностраннаго художника Штоля.

Пейзажей нынѣшній годъ выставлено было также много и вообще хорошихъ. Горавскій выставилъ видъ въ имѣніи графа Куселева-Безбородко, въ Псковской губерніи. Пейзажъ этотъ просто заглядѣнье, и самъ знаменитый живописецъ Каламъ вѣрно бы не отказался подписать подъ нимъ свое имя. Горавскій еще очень молодъ, находится въ Академіи, если мы не ошибаемся, не болѣе пяти лѣтъ, а уже успѣлъ получить все опредѣленные награды за трудолюбіе и искусство. После пейзажа Горавскаго лучшимъ показался намъ пейзажъ г. художника Саврасова: Видъ изъ окрестностей Ораніенбаума. Очень хороши также пейзажи Протопопова: два вида въ окрестностяхъ города Осташкова, въ Тверской губерніи. Г. Павлова — Морской видъ съ ча-

стію Кронштадта и морской видъ съ берега Ораніембаума, г. Богомолова — Два вида въ Новолодожскомъ уѣздѣ, г. Хруцкаго — видъ изъ окрестностей Петербурга; г. Николаева, два вида въ селѣ Уголкѣ, Орловской губерніи; иностраннаго художника Морена, видъ села Гостилицъ, близъ С. Петербурга и г. Голянковскаго — Никольскій мысъ у города Киренска, на берегу Лены и Камель-Хатынь-Жедай, у устья рѣки Каменки, при впаденіи ея въ Лену. Неутомимые академики, братья Чернецовы, нынѣшній годъ какъ и всегда, выставили свои картины. Изъ произведеній Боголюбова, совершенствующагося въ настоящее время за границей, въ мастерской Калама, мы имѣли случай любоваться только одною картиною—видомъ Петербургской набережной къ Благовѣщенскому мосту при вечернемъ лѣтнемъ освѣщеніи. Не нужно упоминать, что видъ этотъ сдѣланъ съ искусствомъ, которое уже давно оцѣнено всѣми, кто только слѣдилъ за быстрыми успѣхами молодаго, даровитаго художника.

На нынѣшней выставкѣ особенно было пріятно видѣть много произведеній художницъ дамъ, занимающихъ съ нѣкотораго времени на академическихъ выставкахъ видное мѣсто, что свидѣтельствуесть о распространеніи у насъ любви къ искусствамъ. Представительницами этого отраднаго явленія были нынѣшній годъ г-жи Сухово-Кобылина, княгиня Масальская, Макухина, Раевская, Больтюсъ и Марконе. Только первенство между дамами-художницами принадлежитъ г-жѣ Сухово-Кобылиной, съ которою уже давно знакома наша петербургская публика по ея прекраснымъ крымскимъ видамъ. Въ нынѣшнемъ году, даровитая художница выставила еще два крымскіе вида: татарскую саклю въ Крыму, близъ Урзуфъ и такую же близъ Алушты, и одинъ видъ близъ окрестностей Муромы, во Владимірской губерніи. Не ищите въ этомъ пейзажѣ живописной мѣстности, а любуйтесть лишь простой однообразной природою сѣвера, отъ которой вамъ трудно впрочемъ будетъ отойти. Сюжетъ ея прекрасенъ только своею вѣрностью природѣ, которая всегда увлекательна въ малѣйшихъ своихъ проявленіяхъ. Предъ вами на невысокомъ холмѣ двѣ высокія сосны, подъ которыми пріютились близъ оговька два рыбака, неподалеку отъ берега широкой рѣки; туманная даль застилаетъ весь задній планъ картины, въ которую вѣтеръ уноситъ дымъ пылающаго костра; вечерній воздухъ сѣръ и влаженъ, скоро должна наступить русская лѣтняя ночь съ своими чуть замѣтными звѣздами — вотъ и все, а между тѣмъ вы долго, долго смотрите на эту прозрачную воду, на эту безпредмѣтную даль, и вамъ чудится, что будто вы бывали въ этомъ мѣстѣ, что его бѣдная красота вамъ знакома. Таково могущество таланта и вкуса. Госпожа Маку-

хина выставила два портрета Великой Княгини Александры Иосифовны, одинъ рисованный пастельными карандашами, а другой обыкновеннымъ карандашемъ, съ легкою оттѣнкою красками, и пастушка въ окрестностяхъ Рима, масляными красками; второй портретъ Ея Высочества, исполненный простымъ карандашемъ, особенно сдѣланъ мастерски и съ большимъ вкусомъ. Княгиня Масальская выставила три пейзажа: Германскій видъ и два вида, сюжетъ которыхъ знакомъ намъ по переводу покойнаго М. Ю. Лермонтова — это сосна, одѣтая снѣгомъ, стоящая на голой скалѣ и грезящая о молодой пальмѣ, растущей также одиноко, какъ и она «*въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ*». Все эти три вида исполнены съ большимъ искусствомъ и доставили художницѣ вторую серебряную медаль. Госпожа Раевская представила акварельные портреты съ самой себя и дѣтей своихъ. Портреты эти сдѣланы съ большимъ вкусомъ и мастерскою кистию; наконецъ госпожа Марконе выставила разбитую вазу съ цвѣтами, послѣ бури. Изъ всѣхъ картинъ, въ этомъ родѣ представленныхъ г. Тороповымъ, въ числѣ четырехъ и г. Красовскимъ, цвѣты г-жи Марконе намъ кажутся лучшими, впрочемъ и не мудрено: сфера цвѣтовъ—дамская сфера.

Оканчивая обзоръ нынѣшней выставки, скажемъ нѣсколько словъ о художественныхъ произведеніяхъ, присланныхъ изъ Москвы, какъ изъ школы живописи и ваянія, такъ и посторонними любителями. Не говоря уже о прекрасныхъ скульптурныхъ произведеніяхъ учениковъ академика Рамазанова г. Бровскаго и Иванова, малаго размѣра въ числѣ девяти, уважемъ на этуодъ головы старика, московскаго ученика г. Воробьева, на видѣ съ Воробьевыхъ горъ на Москву и Лѣсъ, въ окрестностяхъ Москвы, г. Ясновскаго и въ особенности на видѣ окрестностей Москвы близъ села Городищи, приславный изъ Москвы художникомъ-любителемъ г. Федотовымъ, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать читателямъ нашего журнала, извѣщая ихъ о выходѣ картинъ современнаго военнаго содержанія подъ названіемъ «Раекъ». Мы имѣли случай еще нынѣшней зимою видѣть нѣкоторые изъ пейзажей г. Федотова, и между прочимъ много прекрасныхъ копій съ знаменитѣйшихъ мастеровъ, и удивляемся почему этотъ художникъ ограничился выставкою только одного своего произведенія. Нѣтъ сомнѣнія, что на будущее время онъ будетъ поощрѣнъ, и скоро займетъ почетное мѣсто въ нашихъ академическихъ залахъ, между другими исполнителями, именами которыхъ Петербургъ гордится какъ бы собственно ему принадлежащими.

Заговоривъ однажды про художественныя произведенія, нельзя умолчать о замѣчательномъ аукционѣ и распродажѣ хорошихъ картинъ разныхъ школъ и другихъ рѣдкостей какъ-то: восточнаго, индѣйскаго, пер

сидскаго, турецкаго и другаго стариннаго оружія, драгоценнаго фарфора, рѣдкой мебели и прочихъ вещей, собираемыхъ и выставляемыхъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ г. Негри, признаннаго знатокомъ своего дѣла. Исчислять все, что только заключаетъ въ себѣ замѣчательнаго магазинъ г. Негри, было бы очень долго, и каждому необходимо побывать самому, чтобъ на мѣстѣ разсмотрѣть все и затрудняться только лишь однимъ выборомъ. Аукціонъ этотъ производится ежедневно въ Большой Морской, въ домѣ Руадзе, и нужно замѣтить, всегда бываетъ полною, если не все покупателями, то уже во всякомъ случаѣ любопытными и охотниками посмотрѣть что либо хорошее, не дѣлая никакихъ лишнихъ издержекъ.

Художественныхъ произведеній, изданныхъ отдѣльно въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, никакихъ нѣтъ, кромѣ обыкновеннаго періодическаго изданія г. Тимма, въ которомъ изображены пловучіе мосты на Дунаѣ, подь Силистріей; взрывъ мины подь арабскимъ фортомъ, въ іюнѣ 1854, опустѣлая палатка генералъ-адъютанта Шильдера въ траншеяхъ подь Силистріей и Турки въ траншеяхъ подь Силистріей. Впрочемъ, виноваты, проходя по Невскому и заглядывая въ окна магазиновъ, въ которыхъ продаются вновь выходящіе эстампы разнаго современнаго интереса, мы видѣли въ картинѣ переложеніе текста извѣстной пѣсни: «Вотъ въ виновномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ». Она была положена на музыку, и ее не доставало лишь въ рисунокѣ; вотъ наконецъ явился и онъ. Если сообразить основательно, то пословица, что будто на Невскомъ проспектѣ нельзя видѣть только одного птичьего молока, точно чуть ли выходитъ не справедлива. Недавно, зайдя въ магазинъ новаго серебра, въ домѣ Рогова, противъ Думы, мы любовались прекрасною коллекціей всѣхъ знаменитѣйшихъ брилліантовъ въ мірѣ, начиная отъ извѣстнаго и огромнѣйшаго индійскаго Гора-Свѣта, вѣсившаго предъ нынѣшней своей отдѣлкой въ Лондонѣ *двадцати восемьдесятъ шесть каратъ*; въ отдѣлкѣ онъ потерялъ *шестьдесятъ четыре карата*, но за то много выигралъ въ блескѣ и красотѣ формы; всѣ эти поддѣльные брилліанты самыя вѣрныя копіи настоящихъ, хотя полная коллекція ихъ, по нашему, довольно дорога для хрустала: она стоитъ сто рублей серебромъ; незнаемъ, найдутся ли охотники для такой дорогой игрушки, но желающихъ имѣть понятіе о формѣ и величинѣ истинныхъ брилліантовъ бываетъ очень много.

До сихъ поръ мы говорили только о новостяхъ нашей общественной жизни, скажемъ же теперь о новостяхъ, касающихся богатствъ нашего отечества, любопытныхъ для всей массы русской публики. Почва оссія такъ богата, что въ нѣдрахъ ея открываются сокровища, разсы-

панья по разным частям мiра. Недавно открытъ въ Сибири богатый слой графита, который сперва выписывали изъ-за границы, и теперь мы можемъ, слѣдовательно, обойтись и безъ англійскихъ карандашей, доставляющихъ такой доходъ. Теперь оказывается также, что мы богаты и сѣрою, обиліемъ которой до сихъ поръ не могла похвалиться ни одна изъ европейскихъ земель, кромѣ Сициліи. Извѣстіе объ этомъ продуктѣ мы почерпнули изъ статьи г. Штукенберга, напечатанной въ С. Петербургскихъ нѣмецкихъ газетахъ. Съ 1851 года привезено въ Россію 232,000 пудъ неочищенной сѣры, между тѣмъ, какъ многіе слѣды мѣсторожденія сѣры были находимы повсюду, и сѣра встрѣчается въ Россіи такъ часто, что не трудно будетъ обойтись безъ заграничнаго ея вывоза. Эту мысль давно уже выражали Гильденштедтъ и Шторхъ, предполагая сѣрные жилы по близости безчисленныхъ у насъ горячихъ ключей, слѣдовательно даже въ Камчаткѣ.

Штукенбергъ дѣлаетъ ссылки на разныхъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ говорится о мѣстонахожденіяхъ сѣры въ Россіи. Древнѣйшія изъ этихъ указаній находятся у Гвангини, Кильбургера и Витсена и относятся къ 1581, 1671 и 1692 годамъ. Въ нихъ упоминается о добываніи сѣры въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Новгородской, Архангельской и Самарской. Затѣмъ подобныя же указанія встрѣчаются у Салмона, Рычкова и лейбмедика Петра I, Шоберта, упоминающихъ о добываніи сѣры на правомъ берегу рѣки Сока, въ двадцати трехъ миляхъ отъ города Самары.

Едва ли не самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находятся въ сочиненіяхъ Палласа. Между прочимъ онъ упоминаетъ, что на западномъ берегу Волги, къ Симбирской губерніи, встрѣчается въ изобиліи сѣрный колчеданъ. Въ подробномъ описаніи тамошней сѣрной руды и производившагося въ ней, въ прежнее время, добыванія сѣры, онъ замѣчаетъ, «что ежегодное количество этой добычи простирается до 1,500 пудовъ, но могло бы возвыситься даже до 2,000 пуд. Тамошняя сѣрная промышленность далеко превосходитъ подобныя разработки близъ Ярославля, Кадома и Елатьмы, гдѣ разрабатываютъ сѣрный колчеданъ и ежегодно добываютъ лишь 500 пудовъ. На Сѣверной Горѣ, близъ Волги, разработка сѣры производится весьма неправильно; не устроено никакого спуска для перевозки колчедана, добываемаго на вершинѣ чрезвычайно-крутой горы во сто сажень вышины, и рабочіе принуждены переносить на себѣ эти тяжелые камни, причемъ не обходится безъ поврежденій рукъ и ногъ.» По словамъ Палласа, въ тѣхъ мѣстахъ находились огромные запасы сѣрнаго колчедана и кристаллической самородной сѣры. Дѣйствительно, продолжаетъ онъ, нельзя не

пожалѣть объ очевидномъ и совершенномъ прекращеніи тамошней сѣрной промышленности, и не пожелать скораго возобновленія ея, для выгоды страны, при изобиліи въ ней горючаго матеріала и при возможности облегчить работу и слѣзать ее болѣе выгодною. «Въ Пензенской губерніи, говоритъ тотъ же ученый, можно было бы устроить сѣрные и купоросные заводы въ верховьяхъ Суры, потому что сѣрный колчеданъ находится тамъ въ изобиліи. Объ этомъ уже думали, и даже указаны были для этой цѣли деревни Курбулакъ и Савьячи, но я не знаю, приведенъ ли означенный проектъ въ исполненіе. Вся страна между Волгой и Свѣгой содержитъ въ себѣ множество колчедана; количество его такъ велико, что заводы, устроенные здѣсь для добыванія сѣры, купороса и квасцовъ, никогда не могли бы терпѣть недостатка въ главномъ матеріалѣ, хотя бы имъ пришлось заниматься этою промышленностью въ обширныхъ размѣрахъ.» Мѣстонахожденіе сѣры на рѣкѣ Сока знаменитый академикъ описываетъ въ первой части своего «Путешествія.»

Лепехинъ упоминаетъ о нахожденіяхъ сѣры въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: 1) въ сѣрномъ источникѣ между татарскими деревнями Уканово и Камышлы, въ верховьяхъ Сока; 2) близъ Бетермыша; 3) въ окрестностяхъ деревни Шунгута, на рѣчкѣ того же имени, которая на всемъ своемъ теченіи такъ обильна сѣрою, что въ ней почти вовсе не водится рыба; 4) на Сургутѣ, одномъ изъ притоковъ Сока; 5) въ Городищенской горѣ, на берегу Волги; 6) въ приволжскихъ возвышенностяхъ Симбирской губерніи; 7) въ селеніи Чордыни, неподалеку отъ Саратова; 8) близъ Сосновки, въ округѣ нѣмецкихъ приволжскихъ колоній.

Затѣмъ г. Штукенбергъ приводитъ любопытныя выписки изъ сочиненій Фалька, Гмелина младшаго, Гильденштедта, Георги, Шторха, Миллера, Рычкова, Мейера, Севергина, Германа, Клапрота и другихъ, упоминавшихъ о разработкахъ сѣры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Гильденштедтъ говоритъ, что сѣра въ чистомъ видѣ встрѣчается у насъ на Терекѣ, въ округѣ теплыхъ водъ; на Волгѣ, близъ Сѣрнаго Городка, въ 22 верстахъ выше Самары, также въ сѣрной горѣ на Аргуни; сѣрный колчеданъ встрѣчается въ изобиліи въ странѣ между Алатыремъ и Арзамасомъ, въ окрестностяхъ Пензы, Симбирска, Ярославля, Твери, близъ Воронежа, на рѣкѣ того же имени, на рѣкахъ Москвѣ, Огѣ и Угрѣ, въ окрестностяхъ Калуги, на Довцѣ близъ Серебрянки, и на Колчеданкѣ въ Екатеринбургскомъ округѣ. Георги упоминаетъ о нахожденіи сѣры на Сока, Сургутѣ, Сунбулатѣ, въ озерахъ сибирскихъ степей, въ Ильдеконской горѣ неподалеку отъ Нерчинска,

на Селенгѣ и близъ Кяхты; въ Киргизской степи, въ Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ, на Уралѣ въ Березовскомъ округѣ, золотыхъ росышей, на Бузулукѣ въ волжскомъ бассейнѣ близъ Тетюшей на Нерехтѣ; при Тетюшахъ, на рѣкѣ Нерехтѣ, близъ Ярославля, въ окрестностяхъ Макарьева на Унжѣ, и близъ Копорья въ Ингрии. По его словамъ, собираніемъ сѣры на Сокѣ стали заниматься въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, подъ руководствомъ плѣнныхъ шведовъ; но когда въ 1715 году узнали о богатствахъ Сѣрной горы на Волгѣ, то первоначальныя работы на Сокѣ были покинуты и самый заводъ перенесенъ на берега Волги, гдѣ близъ Сѣрной горы построенъ былъ такъ-называемый Сѣрный Городокъ. Сначала заводъ находился подъ управленіемъ симбирскаго воеводы, потомъ, до 1715 года, подъ надзоромъ Артиллерійской канцеляріи, затѣмъ переданъ одному спекулятору, и наконецъ, въ 1763 году, дѣйствія его совершенно прекратились. Во время своего процвѣтанія эта фабрика доставляла ежегодно 1,500 пудовъ сѣры, но потомъ, когда работы уменьшились, только 400 пудовъ. Правительству пудъ этой сѣры съ провозомъ обходился отъ 62 до 92 коп.

Шторхъ, въ своемъ описаніи Россійской Имперіи говоритъ, что на Волгѣ близъ Ярославля, на Унжѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ этой страны существуютъ небольшіе сѣрные и купоросные заводы, доставляющіе выгодное занятіе крестьянамъ. Они собираютъ на берегахъ рѣкѣ сѣрный колчеданъ, и добываютъ изъ него сѣру, купоросъ и красильныя вещества. Вообще въ Россіи самородная сѣра и сѣрный колчеданъ находятся въ изобиліи; первая встрѣчается на Терекѣ, близъ Сѣрнаго Городка на Волгѣ, на Сокѣ и Аргуни; сѣрный же колчеданъ добывается преимущественно въ странѣ между Сурой, Волгой и Сѣрной горой, на Воронежѣ, Угрѣ, Москвѣ, Донцѣ и другихъ рѣкахъ.

Кромѣ того г. Штукенбергъ дѣлаетъ ссылки на разныхъ новѣйшихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ есть указанія о прежнихъ или новыхъ мѣстонахожденіяхъ сѣры.

Мѣшая серьезное съ легкимъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ одномъ любопытномъ литературномъ процессѣ между г. Мыльниковымъ, помѣщающимъ съ нѣкотораго времени свои стихотворенія въ русскомъ родѣ, въ Ярославскихъ Вѣдомостяхъ, и г. Сеславинымъ изъ Ржева, утверждавшимъ печатно, что стихотвореніе г. Мыльникова, начинающееся:

Во широкой степи,
На раздольныхъ поляхъ,
Много дивныхъ цвѣтовъ
Разцвѣтаетъ весной и пр.

И второе:

Ахъ, не сонъ клонить
 Буйну голову
 На широку грудь
 Молодецкую,
 А клонить ее
 Печаль горькая
 Съ думой черною
 Неразлучною... и пр.

Произведенія не г. Мыльниковъ, а покойнаго А. В. Кольцова, которыя онъ будто купилъ у воронежскаго мѣщанина Яремова, друга поэта. Привода въ доказательство личность Яремова, обвинитель явно противорѣчить себѣ, объявляя, что Яремовъ, охотно показывая стихи Кольцова, ни за какія деньги не хочетъ продавать ихъ, какъ драгоценную память друга. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Мыльниковъ могъ купить ихъ? Оскорбленный г. Мыльниковъ подалъ противъ обвинителя слѣдующую стихотворную экспликацію, напечатанную въ Ярославскихъ вѣдомостяхъ въ нынѣшнемъ году:

Никогда стиховъ Кольцова
 Я не думалъ покупать,
 И за свой я трудъ чужова
 Въ свѣтъ нелестился издавать,
 А пишу, чѣмъ восхищаюсь,
 И тѣмъ съ ближними дѣлюсь...
 Но за ложь не огорчаюсь,
 Отъ души лишь посмѣюсь!..

Въ провинціальныхъ вѣдомостяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совершенно неизвѣстны двумъ третямъ и даже болѣе петербургской публики, появляются иногда очень замѣчательныя статьи и стихотворенія, которыя совершенно ускользаютъ отъ общаго свѣдѣнія и остаются подъ спудомъ неизвѣстности. Знакома постоянно нашихъ читателей съ стихотвореніями современнаго политическаго интереса, разбросанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ большая часть, не смотря на свое литературное достоинство, могла бы остаться имъ неизвѣстна, мы полагаемъ не лишнимъ представить ихъ вниманію стихи Ю. А. Волкова, напечатанныя въ Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ: Три картины.

1.

Еслибъ генийъ минувшихъ временъ
Изъ могилы возсталъ на мгновенье,
Какъ смутился бы тягостно онъ
Увидавъ на землѣ превращенье!
Величаво катилась рѣка,
Были свѣтлы шумящія воды;
Измѣнили ее не вѣка,
А короткіе, бурные годы!
И не силу они принесли —
Не въ волненіяхъ правда и сила!
Три цвѣтка благородной земли
Мощь сомнительной силы сгубила!
Было время—великій народъ
Преклонялся предъ чистою славой,
Богомъ вѣнчанный, царственный родъ
Управлялъ и мечемъ и державой...
Знаменитѣйшихъ рыцарей цвѣтъ,
Обезсмертившихъ имя родное,
Шель искать благородныхъ побѣдъ
Въ Палестину за дѣло святое...
Пылокъ былъ ихъ воинственный жаръ,
Незнакомо душѣ вѣроломство:
Дю-Гескленъ, Дюнуа и Баяръ
Перешли, какъ символы, въ потомство!
То—герои прекрасной земли,
То—сподвижники славныхъ усилій!..
И надъ ними въ коронѣ цвѣли
Три цвѣтка бѣлыхъ царственныхъ лилій!
Имя Франціи чтили друзья,
А враги, преклонясь, трепетали...
Измѣнилась народа семья,
Что вы были, и что теперь стали?
Карлъ Великій французомъ забыть,
Имя Генриха странно и дико,
И толпа безучастно глядитъ
На безмолвный дворецъ Людовика!
Былъ великій пришелецъ у нихъ
На мгновенье взялъ волю и силу;

Но предъ голосомъ правды затихъ
 И далеко нашель онъ могилу!
 Положенъ не въ родимой землѣ,
 Схороненъ не при шумѣ сраженій...
 На далекой, пустынной скалѣ
 Въ тишинѣ успокоился геній!
 Пролетѣло не много годовъ,
 Какъ ужасно народъ измѣнился, —
 Онъ не принялъ державныхъ цвѣтовъ
 А предъ новымъ пришельцемъ склонился!
 Совѣсть народа теперь не чиста,
 Его сонъ злая совѣсть тревожить,
 И теперь, за святыя мѣста
 Онъ, какъ прежде, сражаться не можетъ!..

.
 А безъ Вѣры кто силу разбудить?
 Каждый воинъ теперь въ ихъ рядахъ
 Безъ упрёка и страха не будетъ,
 И уже не въ святую страну,
 Какъ бывало, идутъ кавалеры,
 Нѣтъ! Святильника истинной Вѣры!
 Горе! смолкли и честь и законъ,
 Пошатнулася слава народа;
 Подъ покровомъ турецкихъ знаменъ
 Христіанскихъ полковъ воевода!
 Содрогнется весь рядъ королей,
 Опочившихъ подъ сѣнью закона,
 Если взглянетъ на падшихъ дѣтей
 Прежде столько великаго трона!

2.

Еслибъ геній минувшихъ временъ
 Изъ могилы возсталъ на мгновенье,
 Какъ смутился бы тягостно онъ,
 Увидавъ на землѣ превращенье!
 Было племя морскихъ королей,
 Старыхъ Викинговъ храброе племя...
 Какъ потомковъ великихъ людей
 Измѣнило жестокое время!

Духъ Генгиста и Горзы упалъ,
 Сгибла память Канутова трона —
 Самъ Альфредъ бы теперь не узналъ
 Измельчавшихъ сыновъ Альбіона!
 Гдѣ тотъ гордый воинственный пылъ,
 Гдѣ дѣвались полки удалые,
 Тѣ, что Львиное сердце водилъ
 Воевать за символы святыя?
 Все минуло! Британскій народъ
 Не за правду, какъ въ прежніе годы —
 Посылаетъ униженный флотъ
 Защищать мусульманскія воды!..
 Неохотно бѣгутъ корабли,
 Неохотно вожди выступаютъ:
 Не предѣлы родимой земли —
 Нѣтъ! Луну отъ Креста защищаютъ!
 Духъ корысти народъ измѣнилъ
 И Британія славу забыла;
 Пробуждаетъ воинственный пылъ
 Мусульманскаго золота сила!

3.

Еслибъ гевій минувшихъ временъ
 На минуту съ могилой разстался,
 Изъ державъ европейскихъ бы онъ
 Надъ одною лишь гордо поднялся...
 Миновало ужъ девять вѣковъ,
 Какъ любви благодатная сила!
 Надъ Россією Божій покровъ
 Животворнымъ крестомъ укрѣпила!
 Уже десять столѣтій прошло
 Съ той поры, какъ во имя закона
 Богомъ даннаго рода чело
 Осѣняетъ святая корона!
 Въ эти славные десять вѣковъ
 На Руси не бывало примѣра,
 Чтобъ хоть разъ для друзей иль враговъ
 Измѣнялись бы правда и вѣра.
 Было время — Европа на насъ

Подымалась огнемъ и войною;
 Но мы слышали Царственный гласъ,
 Были Вѣрою крѣпки святою.
 А правдивая брань—не долга;
 Ополчилась Русь, какъ бывало,
 И въ священныхъ предѣлахъ врага
 Ни единого скоро не стало!
 Но стоялъ еще твердо кумиръ
 Надъ Европой пылая войною,
 И Европѣ трепещущей миръ
 Царь нашъ подалъ державной рукою!
 Тѣ давно ли прошли времена?
 Измѣнилася Русь? ослабѣла?
 Ей опять угрожаетъ война —
 Снова буря за правое дѣло!
 Что-жь? Пусть снова Европа идетъ...
 Снова станемъ во имя закона...
 Къ силѣ прежней прибавился флотъ,
 Какъ упалъ Леопардъ Альбіона:..
 Пусть! Священъ нашей славы символъ,
 Нашей силы правдива дорога,
 И всегда изъ двуглавый орелъ
 Подъ защиту Господа Бога!
 Пусть шумятъ, ополчаясь на насъ,
 Мы, все тою же жизнію дышимъ
 И безъ трепета Царственный гласъ
 Призывающій къ битвѣ услышимъ!..

Заключивъ этотъ литературный отдѣлъ нашего фельетона общественной жизни извѣщеніемъ, что сочиненіе, напечатанное сперва въ нашемъ журналѣ, а потомъ отдѣльно и уже давно раскупленное, подъ заглавіемъ: «Шестой Континентъ,» вышло въ свѣтъ новымъ изданіемъ вмѣстѣ съ «Плаваніемъ къ южному полюсу,» скажемъ о нашихъ прочихъ общественныхъ городскіхъ развлеченияхъ. Концерты уже начались съ воскресенья, 13 октября, музыкальными утренними упражненіями въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, и постоянно будутъ состоять изъ исполненія одной такъ называемой классической музыки; балами и маскарадами также уже начали тѣшиться петербургцы въ залахъ нѣмецкаго танцевальнаго общества, въ домѣ г. Якушчикова. Съ наступленіемъ зимы, въ Петербургъ обыкновенно начинаютъ стекаться

временные посѣтители изъ деревень и провинцій, чтобы средь его ежедневныхъ общественныхъ развлеченій позабыть о времени, проведенномъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ. По этому случаю, съ каждымъ годомъ удваиваются объявленія объ отдачѣ меблированныхъ квартиръ, которыхъ въ Петербургѣ теперь нѣсть числа, и открываются какіе нибудь новые кафе-рестораны и кондитерскія по близости желѣзныхъ дорогъ, перевозящихъ пассажировъ чуть ли не съ скоростью ковра-самолета. Напротивъ дебаркадера московской желѣзной дороги, въ домѣ генерал-майора Маркевича, открытъ нынѣшнюю осень также одинъ кафе-ресторанъ русскимъ купцомъ Егоровымъ. Привыкшіе къ прихотямъ французскихъ кафе-ресторановъ, совершенно въ немъ забудутъ, что они находятся у русскаго Егорова, а не у какого нибудь прославленнаго Дюссо, Бореля или Донона. Въ этомъ просторномъ, прекрасно меблированномъ кафе-ресторанѣ, кромѣ кондитерской, всѣхъ возможныхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, вѣчнаго бильярда и лучшихъ винъ, посѣтители могутъ найти обѣдъ за цѣну, неизвѣстную въ ресторанахъ французскихъ, помѣщающихся на Невскомъ проспектѣ. Обѣдъ съ завтракомъ, рюмкою ликера или водки, изъ шести искусно приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ, чашкою кофе и сигарой или папирсой, по выбору, можно тамъ получить за *рубль тридцать* копѣекъ серебромъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ русскихъ ресторацияхъ, обѣдъ *перваго разряда* или *перваго сорта*, не бываетъ менѣе полутора рубля серебромъ. Жаль только что г. Егоровъ не озаботился застаться въ своемъ новомъ заведеніи какими нибудь петербургскими журналами, тогда бы онъ еще болѣе выигралъ. Благодаря распространенію у насъ желѣзныхъ дорогъ, прибыть въ Петербургъ откуда нибудь издали, скоро будетъ одною веселою прогулкой. Скоро можетъ будутъ посѣщать насъ пріѣзжіе изъ Варшавы и Одессы покуда мы будемъ имѣть навѣрное многихъ живущихъ по ковенскому тракту, благодаря открывшейся въ нынѣшнемъ году желѣзной дороги въ городъ Гатчино. Правильные поѣзды совершаются каждый день по нѣскольку разъ туда и обратно, безъ всякихъ затрудненій. Въ началѣ будущей весны будетъ отстроенъ окончательно и красивый каменный дебаркадеръ гатчинской желѣзной дороги, и тогда вся, до сихъ поръ довольно неубранная часть города, лежащая по Обводному каналу, приметъ праздничный видъ и значительно оживится. Весна снова принесетъ съ собою уличную дѣятельность и веселье, а покуда крыши наши покрыты снѣгомъ, и мы съ каждымъ днемъ ждемъ появленія Борей съ бѣлыми власами и сѣдою бородой. На нѣско-

торыхъ это однообразная пелена производитъ непріятное впечатлѣніе и наводитъ тоску; мы съ своей стороны не чувствуемъ ничего подобнаго, и еслибъ вы, благосклонный читатель, разсмотрѣли когда нибудь снѣгъ въ микроскопъ, то убѣдились бы, что онъ также явленіе весьма замѣчательное и красивое по своимъ оригинальнымъ формамъ. Снѣгъ происходитъ отъ паровъ, сгустившихся и замерзшихъ въ атмосферѣ, и не походитъ ни на градъ, ни на ту мелкую изморозь, которую называютъ снѣжною крупю. Разсматриваемый въ микроскопъ, онъ кажется съ перваго взгляда кристаллизованнымъ и весь составленъ изъ блестящихъ тонкихъ иглъ, идущихъ отъ одного центра. Докторъ Гревъ, говоря о снѣгѣ, даетъ замѣтить, что многіе снѣжные хлопья имѣютъ правильную фигуру, какъ шестиконечная звѣзда, и что они также плотны, какъ замерзшая вода. Нѣкоторыя изъ снѣжинокъ падаютъ на землю, какъ будто растаявшими въ пространствѣ и потомъ снова замерзнувшими, такъ что можно подумать, что снѣгъ есть ничто иное, какъ безконечное количество тонкихъ ледяныхъ иглъ правильной формы, но разнообразныхъ до безконечности. Эта формація снѣжинокъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: пары облачные посреди слоевъ атмосферы болѣе холодной превращаются въ тонкія иглы, находятъ въ послѣдствіи струю воздуха теплѣе, гдѣ снова немного разстаяютъ и потомъ снова замерзаютъ, накаплиются и падаютъ ужъ потомъ на землю въ томъ видѣ, который мы называемъ снѣгомъ. Бѣлизна ихъ происходитъ отъ того, что они составлены изъ частицъ почти незамѣтной величины. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о пользѣ. Сначала опытомъ доказано, что снѣгъ служить землѣ самымъ лучшимъ удобряющимъ средствомъ, преимущественно въ странахъ холодныхъ, которыя онъ покрываетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду и тѣмъ предохраняетъ посѣянные зерна хлѣбовъ и другія растенія отъ холодныхъ напоровъ вѣтра и сильной стужи, существующей въ атмосферѣ, однимъ словомъ, снѣгъ служить сѣмянамъ будто одѣяломъ. Внутренность земли, по причинамъ, до сихъ поръ еще не дознаннымъ, всегда сохраняетъ въ глубинѣ своей сорокъ восемь градусовъ тепла по Фаренгейту, и слѣдовательно корни растенія, прикрытыя снѣгомъ отъ холода внѣшней температуры и отъ замерзанія, сохраняютъ такимъ образомъ свою растительную жизнь. Впрочемъ, нужно замѣтить, что наша сѣверная природа иногда удивительно какъ капризно мѣняется, и примѣры этому мы можемъ представить даже въ нынѣшнемъ году, во многихъ мѣстахъ; такъ, на примѣръ: изъ Дерпта пишутъ, что въ одномъ саду въ окрестностяхъ этого города, розы вторично разцвѣтали въ концѣ сентября, а на малиновыхъ ку-

стахъ созрѣли ягоды послѣ перваго ночнаго мороза, бывшаго въ ночь съ 25 на 26 число сентября. Подобное же извѣстiе было напечатано недавно въ «Рижской газетѣ,» въ которой извѣщали, что одинъ изъ тамошнихъ жителей, г. Робіани, довелъ природу до необыкновеннаго плодородія посредствомъ открытія, составляющаго покуда тайну изобрѣтателя. У него, на открытомъ воздухѣ, малиновые кусты цвѣтутъ и приносятъ ягоды, съ іюня мѣсяца до перваго снѣга; въ его саду на одномъ и томъ же кустѣ постоянно можно видѣть въ одно и то же время цвѣты, полузрѣлыя и совершенно зрѣлыя ягоды, и надобно притомъ замѣтить, что послѣднія отличаются необыкновенною сладостью. Наконецъ изъ Воронежа увѣдомляютъ, что тамъ найдено средство усиливать растительность необыкновеннымъ образомъ. Тутъ все дѣло состоитъ въ поливкѣ растений водою, въ которой моется мясо, назначаемое для пищи. Если повторять этотъ опытъ каждую недѣлю по разу или по два раза, то въ самое короткое время можно достигъ самыхъ удивительныхъ результатовъ. Изобрѣтатель этого способа посадилъ, въ мартѣ, отростокъ гераніи, а въ іюлѣ этотъ отростокъ разросся уже во все окно; небольшое фиговое дерево, при помощи того же самаго способа, въ теченіе одного лѣта приносило три раза плоды. Для парниковъ и садовъ изобрѣтатель совѣтуетъ держать бочку съ водою, бросая туда разные остатки мяса и костей, а также мясо животныхъ, неупотребляемыхъ въ пищу. Кромѣ того онъ говоритъ, что не мѣшало бы произвести подобные же опыты при помощи крови животныхъ, разведенной водою.

Заключимъ нашъ фельетонъ извѣстiемъ о новѣйшихъ переворотахъ, совершенныхъ прихотливою **МОДОЮ** въ осеннемъ и зимнемъ туалетѣ нашихъ дамъ.

Нынѣшней осенью дамскіе костюмы отличаются простотою, изяществомъ, но за то и своимъ богатствомъ. Чтобъ лучше познакомить нашихъ читательницъ съ господствующею нынѣ въ Петербургѣ модою, опишемъ нѣсколько нарядовъ.

ПЕРВЫЙ НАРЯДЪ (*утренній*). Юбка, кофта и воротничекъ бѣлые, батистовые, вышитые à la mousquetaire, на розовомъ чашлѣ. Чепчикъ кружевной съ бѣлыми и розовыми лентами.

ВТОРОЙ НАРЯДЪ. Платье двуличное пу-де-соа, синее съ чернымъ. Юбка обшита въ три ряда чернымъ агрантомъ. Такая же целерина, также обшита агрантомъ въ одинъ рядъ. Воротничекъ кружевной. Шляпка изъ бѣлаго пу-де-соа, убранная въ нѣсколько рядовъ рюшемъ

изъ бѣлаго же пу-де-соа, съ розовыми завязками и букетомъ мелкихъ розовыхъ цвѣтовъ. Рукава бѣлые на обшивкѣ.

ТРЕТИЙ НАРЯДЪ. Юбка лиловая пу-де-соа. Корсажъ гладкій съ длинными неотрѣзными боками, обшить аграмантомъ и бахромой. Рукава съ большой буффой, перехваченной аграмантомъ. Внизу обшиты бахромой. Воротничекъ point de Venise, очень большой и застегнутый спереди пуговками. Шляпка лиловая, убранныя сверху черными кружевами. Подъ полями въ нѣсколько рядовъ бѣлыя кружева и шу изъ мелкихъ лиловыхъ лентъ. Оранжевый кашмиръ съ бордюромъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ НАРЯДЪ. Юбка зеленая пу-де-соа съ тремя воланами, обшитыми зелеными лентами, собранными à la vielle. Кофта застегнутая спереди съ сборками, обшитая лентами же и кружевами. Рукава также убраны лентами à la vielle и бантиками. Воротничекъ кружевной. Бѣлые рукава кружевные. Шляпа бѣлая пу-де-соа, убранныя кружевами и розовыми лентами. Подъ полями кружева и бѣлые цвѣты съ зеленою

№ 40453

~~48259~~ 7071

ОГЛАВЛЕНИЕ XVII ТОМА.

I.

- КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *С. И. Юрьевой*. Часть вторая. (Кн. 9).
СЕСИЛИЯ И АГАТА. Романъ *Альфонса Карра*. Часть первая. (Кн. 9 и 10).
ДВѢ РУКОПИСИ. Повѣсть *А. И. Бибиковой*. (Кн. 10).

II.

- ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. *Гизо*. Статья 1-я и 2-я (Кн. 9 и 10.)
СОВРЕМЕННАЯ КОМЕДИЯ БЪ ИСПАНІИ. Статья. *К. Мазада*. (Кн. 9.)

III.

- ЗАОКЕАНІЙСКІЯ СЦЕНЫ. (Кн. 9 и 10.)
БѢДСТВО НА МОРѢ. *П. М. Новосильскаго*. (Кн. 9).
ФЕЯ. Повѣсть—Комедія. *Октава Фёлье*.
ОБА ОКЕАНА. Путешествіе Жака Араго. *Автора Воспоминаній Сльпаго*. Часть 1-я (Кн. 9 и 10).
МАДРИДСКІЯ ПИСЬМА. (Кн. 10).
ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА. (Кн. 9 и 10).
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. (Кн. 9 и 10).
О ПОСЛѢДНИХЪ АРКТИЧЕСКИХЪ ЭКСПЕДИЦІЯХЪ И ОБЪ УЧАСТИ СИРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА. (Кн. 10).

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни сербовъ. — Надгробный памятникъ Салабать-Хана (*индійская сага*). — Новыя изслѣдованія Луизицко-сербскаго варѣчія. (Кн. 9.) Теодоръ Кернеръ. — Фарнгагенъ фонъ-Энзе. — Чешскія и русскія простонародныя пѣсни. — Эдмондъ Квинъ. (Кн. 10.)
ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Нынѣшнее состояніе физической географіи — Электрической телеграфъ для поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Спасительный плотъ. — Псевдоскопъ. — Новый способъ добывать фосфоръ изъ костей. — Признаки смерти. — Сила электрическаго то-

на въ мускулахъ. (Кн. 9.) Новыя золотыя росыпи на мышь Добрая Надежды. — Измѣненія въ гут-та-перчѣ. — Температура внутренности земли. — Исслѣдованіе воздушнаго электричества. — Аппаратъ для искусственнаго дыханія. — Новыя римскія древности. (Кн. 10). **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Царство животныхъ въ Калифорніи (Змѣиная птица, черный куликъ, крыса-кангуру, лѣсная крыса, слѣпой бархатный кротъ). — Комнаты въ Англіи. — Удивительное спасеніе посредствомъ пироговъ. — Китайскій календарь. — Страданіе знатныхъ англійскихъ домовъ (*изъ записокъ путешественника*). — Анатомическіе корсеты. — Турецкій почтамтъ (*изъ разказа путешественника*). — Мой ночлегъ съ кугуаромъ (*разказъ американца*). — Планета и ея спутники (*разказъ Мери*). (Кн. 9). Замѣчательныя свойства собаки. — Труды финскаго литературнаго общества. — Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. — Объявленіе о женихѣ. — Англійскій Фаустъ. — Странное ремесло. — Ученые звѣри въ древности. — Возстановленіе печатной писанной бумаги. (Кн. 10).

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: Послѣднія книги «Современника». — Бѣдная дѣвушка и ея похождения. — Строгая критика и слабая героиня. — Система побѣговъ. — Страсть дѣйствовать. — «Отрочество» повѣсть Л. Н. Т — «Фанфаронъ» г. Писемскаго. — Снобсы и хлыщи «Современника». — «Замѣчаніе» г. Тургенева. — Повѣсть Теккерей. — Стихотворенія гг. Фета и Баратынскаго. — Серьезныя статьи. — Библіографія. — Разборъ «Правилъ русской словесности». — Смѣсь. — Замѣтки новаго поэта. — Кто былъ со-трудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» г. Панаевъ или Новый поэтъ? — Литературный Ералашъ. — Отвѣтъ на письмо г. Лонгинова въ редакцію «Современника», относящееся къ редакціи «Пантеона». — «Библіотека для Чтенія». — Современный разказъ г-жи Лейлы. — Стихотворенія г. Никитина и Алферьева. — Статьи переводныя и ученныя. — Разборъ «Курса древоводства». — Критика и библіографія. — Литературная лѣтопись и каша. — «Замѣтки». — Два нововведенія. — Лексиконъ въ журналѣ. — Журналистика «Библіотеки для Чтенія», ея тонъ и приговоры. — Сентябрьская и октабрская книги «Отечественныхъ Записокъ». — Воспоминанія стараго театрала. — Ученныя статья. — Бѣдность отдѣла словесности. — «Ветеранъ и Новобранецъ» г. Писемскаго. — «Леночка» г.

Тулубьева.—Отвѣтъ рецензенту Журналистики «Отечественныхъ Записокъ» на его выговоры «Пантеону».—Риторика и логика. (Кн. 10).

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Царскосельскія скачки. — Последніе лѣтніе отголоски. — Музыкальные вечера въ Павловскѣ. — Ночь на островѣ Мадерѣ, вечеръ въ пользу инвалидовъ и большой концертъ въ саду Излера.—Начало зимнихъ удовольствій.—Открытіе италіанской оперы.—Новая опера г. Рубинштейна за границей. — Последнія извѣстія о Маріо и Гризи изъ Нью-Йорка.—Новый французскій актеръ Поль Бондуа и его дебюты.—Бенефисы Александринскаго театра.—Г-жи Читау, драма Діоклитіанъ.—Г-на Яблочкина, комедія «Бѣдность не порокъ», Островскаго и краткій обзоръ его пьесы; г-на Толченова; драма «Отецъ и дочь».—Возобновленіе балета; «Мельники». — Краткая біографія Дидло. — Солдатскія импровизаціи. — Художественныя новости.—Портреты генераловъ Шильдера и Сельвана. — Подвигъ греческихъ волонтеровъ. — Картины художника Зичи изъ Кавказскаго быта. — Литографическіе снимки съ картинъ г. Айвазовскаго. — Частныя картинныя галереи. — Художественная выставка.—Оригинальная выставка въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.—Ручной крокодилъ.—Новаго рода освѣщеніе. — Новый способъ обученія глухонѣмыхъ. — Новая сургучная фабрика въ Петербургѣ. (Кн. 9).

Дебюты новыхъ артистовъ италіанской оперы: г-жи Тедеско и г. Беттини.—Краткая ихъ біографія.—Прощальные бенефисы артистовъ русской драматической труппы: гг-жъ Вальберховой, Степановой и Смирновой. — Сценическая утрата, г. Григорьевъ 2-й. — Музыкальная утрата, г. Лихтенгаль. — Печальные слухи о Тамбурини. — Выставка художественныхъ произведеній въ Императорской Академіи Художествъ.—Пятидесятилѣтній юбилей графа Ѳ. П. Толстаго.—Біографія его.—Замѣчательныя произведенія на нынѣшней выставкѣ.—Нѣчто о рѣзбѣ на деревѣ и краткая исторія этого искусства.—Портреты гг. Заряно и Горавскаго.—Дамы-художницы.—Произведенія, присланныя изъ Москвы.—Живописное изображеніе, пѣсни «*Вотъ въ воинственномъ азартѣ*». — Русскій художественный листокъ. — Замѣчательный аукціонъ и распродажа рѣдкостей г. Негри.—Дублеты знаменитѣйшихъ брилліантовъ.—Открытіе графита въ Сибири.—Сѣра въ Россіи.—Современное стихотвореніе.—Начало зимнихъ удовольствій.—Музыкальная утра въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.—Маскарады въ Клубѣ нѣмецкаго общества.—Новый русскій кафе-ресторанъ.

—Гатчинская желѣзная дорога.—Видимое приближеніе зимы и что такое снѣгъ.—Дамскіе костюмы. (Кн. 10).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Лѣтній видъ Москвы.—Безплатныя гулянья.—Кремлевскій садъ, бульвары.—Пресненскіе пруды.—Марьяна роща и Останкино.—Волчья долина въ Сокольникахъ.—Воспоминаніе о праздникѣ карабинеровъ.—Дача г-жи Буркиной.—Эрмитажъ, бывшій Корсаковъ садъ.—Его прежнее значеніе и исторія.—Первыя гулянья въ этомъ саду, его недавній видъ и настоящій.—Красноглагольствованія московскихъ корреспондентовъ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ о количествѣ посѣтителей на нѣкоторыхъ загородныхъ гуляньяхъ.—Петербургскіе цыганы, независимо отъ давно вѣдѣмыхъ московскихъ.—Французское слово *мерси*, возбуждающее неистовый восторгъ.—Причудливые воздушные шары.—Конскія скачки.—Гулянье въ Кремлевскомъ саду 22 августа.—Петербургскія нововведенія.—Новыя гостиницы для пріѣзжающихъ.—Новыя украшенія Москвы.—Водруженіе крестовъ на храмъ Спасителя.—Новый выпускъ московскаго райка.—Литературныя изданія современнаго интереса.—Московская осень.—Увеселительные вечера между Москвою и Петербургомъ.—Петербургская цѣна на всѣхъ увеселительныхъ московскихъ дачахъ.—Предстоящія намъ сентябрскія театральныя удовольствія.—Маскарады нѣмецкаго клуба и купеческаго собранія. (Кн. 9).

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ЛЕВЪ И КРЫСА. Драматическая басня въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Левеня и Вермона*. Переводъ *В. Родиславскаго и Н. Доброклонскаго*. (Кн. 9).

ПАНТЕОНЪ

ВЪ 1855 ГОДУ

будеть выходить ежемѣсячно, 1-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, въ 25 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1855 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ *С. Петербургъ*: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ *Москву*: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Все лица, которые бы пожелали подписаться на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ** КНИЖКИ, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ** слѣдующими къ нимъ приложеніями.

По истеченіи года цѣна на журналъ возвысится.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ *С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.*»